

К. М А Р К С

и

Ф. Э Н Г Е Л Ъ С

СОЧИНЕНИЯ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ
ПУБЛИЦИСТИКА - ФИЛОСОФИЯ - ИСТОРИЯ

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
КАПИТАЛ
ТЕОРИИ ПРИВАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ПЕРЕПИСКА

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
УКАЗАТЕЛИ ПРЕДМЕТНЫЙ И ИМЕННОЙ

**ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!**

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

Т О М
XXI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

О Т Д Е Л Т Р Е Т И Й

К. МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРЕПИСКА

1844—1853

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.

Согласно нашему плану в третьем отделе сочинений Маркса и Энгельса должна быть собрана та часть их литературного наследства, которая не предназначалась для печати, но представляет огромное значение для истории их практического и теоретического развития, — переписка их друг с другом и переписка их с многочисленными корреспондентами.

В первую очередь должна быть опубликована переписка между Марксом и Энгельсом. Мы делаем таким образом отступление от хронологического порядка. Ведь можно было бы расположить все письма Маркса и Энгельса, а также их письма к другим, в таком порядке, что для всякого отрезка времени мы имели бы все их высказывания, относящиеся к различным вопросам или событиям в их жизни. Но при всех удобствах такого расположения для исследователя биографии Маркса и Энгельса, мы вынуждены были бы задержать опубликование самой важной части этой переписки, представляющей исторический документ первостепенного значения. Наоборот, переписка Маркса и Энгельса может послужить главной магистралью, с которой после будет уже легче соединить остальные пути, по которым шел обмен их мыслей с различными друзьями и единомышленниками.

Опыт опубликования переписки Маркса и Энгельса сделан был уже пятнадцать лет назад их литературными душеприказчиками, Бебелем и Бернштейном. В предисловии к этому изданию оба они упоминают еще двух участников: Меринга, который принимал участие как доверенное лицо дочери Маркса, Лауры Лафарг, и пишущего эти строки. Но моя работа сводилась к тому, чтобы на основании *корректурных гранок* — оригиналов я тогда не имел — предлагать те или иные поправки в датировании писем и помогать при установлении точной транскрипции мало известных фамилий.

Участие Бебеля, в действительности, было почти фиктивным. Оно ограничилось, главным образом, ролью политкома, прикрывавшего или покрывавшего своим именем работу, которая фактически производилась другими лицами. Главному редактору, — а им был

Бернштейн, который в то же время был и представителем «интересов» Энгельса, — приходилось считаться только с Мерингом, который, по доверенности Лауры Лафарг, должен был защищать «интересы» Маркса. Был, правда, еще один соредактор, имя которого не упоминается в предисловии — Дип, — но который фактически принимал самое деятельное участие во всей работе.

В предисловии Бебеля и Бернштейна сказано, что, желая дать «нефальсифицированную картину жизни, чувств и мыслей» Маркса и Энгельса, они дают письма почти без сокращений, если не считать «все несущественные и интимные места, не представляющие никакого интереса для более широкого круга читателей».

В специальном предисловии Бернштейн дает более подробную мотивировку, которая сразу заставляет читателя насторожиться. «Пропуски, — пишет он, — казались нам допустимыми только там, где затрагиваются особенно интимные отношения, не представляющие никакого общего интереса, или там, где рассказываются безразличные вещи о совершенно безразличных людях. Пропущены также там и сям неблагоприятные замечания о третьих лицах, но это относится только к таким изъяснениям, в которых содержится политическое или научное суждение, уже высказанное вполне ясно в предшествующих письмах».

Кроме этих пропусков Бернштейн считал вполне допустимым литературную обработку писем там, где Маркс и Энгельс — Бернштейн подчеркивает без всякого достаточного основания, что это приходилось делать в несравненно большей степени с письмами Маркса, чем с письмами Энгельса — выражались, по его мнению, чересчур «крепко».

Против этих приемов я протестовал — в мягкой форме, но резко по существу — на страницах «Neue Zeit» сейчас же после выхода в свет переписки Маркса и Энгельса.

«Старая традиция — печатать письма только по истечении 50 лет после смерти автора — имеет свое оправдание: хотят по возможности щадить находящихся еще в живых людей, о которых автор писал под влиянием минутного настроения или отзывался слишком резко. Но она имеет и большой недостаток: она лишает заинтересованных лиц, которые могли бы дать разъяснения по поводу того или другого события, возможности сделать это. Поэтому мы предпочли бы, чтобы, раз уже решаются рвать с обычной традицией, переписка была напечатана без всяких сокращений. Маркс и Энгельс не были ангелами и не нуждаются в подделке под таковых. Не нуждаются они и в пощаде. К ним с еще большим правом применимы

слова Герцена в его воспоминаниях о Мадзини: «Таких людей не надо щадить!» Они выносят самую неприкрытую истину, самую беспощадную критику. Сказать то, что есть, это — обязанность науки».

Но если еще можно было понять мотивы, которые заставили редакторов выбросить все места, где «затрагиваются особенно интимные отношения» или где встречаются «неблагоприятные замечания о третьих лицах», то никакого оправдания нельзя было найти для пропуска всех мест, где «рассказываются безразличные вещи о совершенно безразличных людях».

«То, что одному исследователю или читателю, — писал я, — покажется «безразличной вещью» или совершенно «безразличным лицом», дает другому исследователю или читателю новый факт, новое указание, новое сведение. Можно проследить дальше этот новый факт, можно проверить новое указание при помощи старых, можно из нового сведения почерпнуть новое освещение события, казалось бы, уже прочно установленного. И с этой точки зрения в высшей степени важно опубликование документа в том виде, как он есть, без всяких сокращений».

В виде примера я сослался на письма Энгельса, которые уже были раньше опубликованы Мерингом. «Только теперь, когда мы имеем перед собой эти письма со всеми их безразличными вещами и совершенно безразличными лицами, какими они казались Мерингу, — причем он был вполне прав с своей точки зрения и принимая во внимание то состояние, в каком находились научные исследования о Марксе в начале XX века, — мы видим, как осторожно следует обходиться с такими историческими документами. Лучше подвергнуться опасности включить дюжину, повидимому, «безразличных» мест, чем выбросить один действительно существенный след».

Другого мнения был Меринг. Он целиком солидаризировался с Бернштейном. В статье о «Переписке Маркса и Энгельса» («Leipziger Volkszeitung», 27 сентября 1913 г.) он заявляет, что принципы, которыми Бернштейн руководился в своей работе, «заслуживают полного признания». Он даже конструирует специальное различие между буржуазной и социалистической историографией по вопросу о том, что именно из данных писем может быть опубликовано, как имеющее исторический интерес. В то время как буржуазная историография публикует всякий клочок бумаги, исписанный выдающейся личностью, — Меринг подменяет *письма*, важнейший исторический документ, любым «клочком бумаги», — социалистическая историография «с самого начала проводит различие между существенным и несущественным». Конечно, при этом «возможны ошибки,

но при надлежащей добросовестности издателя они редко случаются, да и всегда могут быть исправлены, если эти письма сохраняются в архивах».

Цитируя формулированные Бернштейном правила «сокращения», Меринг прибавляет, что «по его мнению читатели не смогут не воздать Бернштейну хвалу за необычайную осторожность, с которой он производил сокращения». Мерингу кажется даже, что Бернштейна можно было бы упрекнуть за то, что он слишком мало сокращал.

Мы сейчас проверим это утверждение. А пока согласимся с Мерингом, что Бернштейн проявил «необычайную осторожность» в деле вычеркивания всего «несущественного» и «интимного». Допустим, что оригиналы доступны всем читателям и каждый из них может при желании в архиве познакомиться со всеми пропусками.

Но в таком случае всякий историк — буржуазный или социалистический — должен помнить элементарное правило такой редакторской работы. Всякий пропуск, всякое изменение в тексте должны быть оговорены или отмечены каким-нибудь знаком. Иначе читатель осужден на колоссальный труд сверки *всех* писем и во *всем их* объеме с оригиналами.

Именно этого Бернштейн — с одобрения Меринга, который применял тот же метод и в своих работах, — не сделал. Пропуски отмечаются им лишь в редких случаях. Уже на основании корректурных гранок я знал, что издатели переписки сделали значительные пропуски, но только получив в свое распоряжение оригиналы, я увидел, как велико не только число этих пропусков, но и как обширны их размеры. Густав Майер в своей статье, скоро после выхода переписки в свет, указал уже, что Бернштейн был обязан указать все сделанные им пропуски.

Но Бернштейн вместе с Мерингом работали еще в качестве «школьных учителей», исправляющих всякие «вольности» в письмах Маркса и Энгельса. Оказывается, что не только ряд «крепких» выражений заменен более «мягкими», — например вместо «осел» Бернштейн, точно бонна в штанах, ставит «олух», — но иногда целые фразы из «неприличных» переделываются в «приличные». В таких случаях мы имеем прямую фальсификацию текста, в сравнении с которой открыто признанный пропуск всегда являлся бы более предпочтительным.

Перейдем теперь к пропускам. В одной из своих статей — в «Frankfurter Zeitung» — Бернштейн признается, что он пропускал не только «безразличные вещи о совершенно безразличных людях» в различных письмах, но и «очень малую часть безразличных писем»

исключил целиком из своего издания. Как «мала» эта часть, читатель может видеть из следующего примера: в настоящем томе вместо 261 письма, напечатанных у Бернштейна, содержатся 286 писем. Если даже вычесть из этого числа несколько писем Бернайса, Пипера и жены Маркса, — писем, тесно связанных со всей перепиской, — то и в этом случае таких «безразличных» писем Маркса или Энгельса насчитывается не менее 20.¹

Так, пропущено большое письмо Энгельса (из Остенде от 27 июля 1846 г.), имеющее биографический интерес. Пропущены два письма Энгельса (25 января 1851 г.) и Маркса (27 января 1851 г.), без которых мы не могли бы установить обстоятельства, вызвавшие ответ Маркса и Энгельса на статьи Руге. Пропущены письма Энгельса (8 мая 1851 г.) и его же письмо г-же Маркс (18 декабря 1851 г.). Маленькое письмецо Маркса (от 14 апреля 1852 г.) дает возможность точно установить дату смерти дочери, а вместе с тем и одного из самых трагических эпизодов в жизни Маркса и его семьи. В ряд «безразличных» писем попали письмецо Маркса от 13 мая 1852 г., письмо Энгельса от 24 мая и письмо Маркса к жене из Манчестера от 18 июня 1852 г., в которых сообщается ряд важных сведений, а также маленькое письмецо Энгельса от 30 июня 1852 г. Об одном «безразличном» письме Энгельса мы будем говорить ниже. Но уже совершенно непостижимо, как Бернштейн мог выпустить большое письмо Энгельса от 12 марта 1853 г. Оно заключает данные о занятиях Энгельса Уркхартом, о «Нью-йоркской трибуне», о судьбах брошюры Маркса, подробный отзыв о товарищах по партии (в том числе о Лассале) и мысли Энгельса о подготовке смены. Этот пример может служить прекрасной иллюстрацией установленного Мерингом различия между буржуазной и социалистической историографией!

Посмотрим теперь, как и что Бернштейн сокращал. В письме от 20 января 1845 г. Энгельс пишет о знамени времени, характеризующем разложение немецкой национальной мерзости. Бернштейн выбрасывает слово *немецкой*. Мотив — немецкая «гордость» или нежелание оскорблять эту «гордость». Таких пропусков можно насчитать десятки. В результате — Энгельс и Маркс превращаются, к великому удовольствию Гильомов и Черновых, в немецких шовинистов, беспощадно ругающих французов, англичан, русских, но сознательно щадящих немцев.

¹ Писем жены Маркса — 4, писем Пипера — 2, Бернайса — 1. Мы даем ниже номера всех пропущенных писем: 6, 15 (письмо Бернайса), 38, 50, 53, 56, 57, 69 (письмо Пипера), 89, 139, 162, 173, 178, 179, 180, 189, 209, 211, 212, 216, 228, 243, 251, 260, 267, 271, 283.

Но есть и другая категория пропусков. Бернштейн систематически «прикрашивает» Энгельса, как безотносительно, так и в особенности в сравнении с Марксом. Он из кожи лезет вон, чтобы превратить «легкомысленного» и «непочтительного» к родителям бурша в образцового филистера.

Вот образчик. Бернштейн, не оговорив и этого пропуска, выбрасывает следующее место из письма Энгельса (17 марта 1845 г.):

«Когда я получаю письмо, то его обнюхивают со всех сторон, прежде чем передают мне. А так как они знают, что все эти письма от коммунистов, то они при этом строят такие печальные физиономии, что хоть с ума сходи. Выхожу я, — все та же физиономия. Сажу я у себя в комнате и работаю, — конечно, над коммунизмом, это прекрасно знают, — все та же физиономия. Я не могу ни есть, ни пить, ни спать без того, чтобы предо мною не стояла все та же плачевно-жалобная физиономия. Остаюсь ли я дома, ухожу ли, молчу ли я или говорю, читаю ли я или пишу, смеюсь или нет, — отец мой строит все то же уныло-скорбное лицо. К тому же старик мой так плохо разбирается во всем, что считает одинаково «революционным» коммунизм и либерализм и, несмотря на все мои возражения, делает меня ответственным за все гнусности английской *буржуазии* в парламенте. А тут еще у нас в доме царит неделя благочестия. Восемь дней навад были у конфирмации брат и сестра, сегодня вся родня собирается к ужину — и лица моих стариков еще более печальны, чем всегда... Ты не имеешь никакого представления, сколько коварства в этой христианской охоте на мою «душу». А если мой отец еще откроет, что существует «Критическая критика», то он в состоянии выбросить меня из дому. Кроме того — постоянное раздражение при виде своей полной беспомощности. Ведь они находят наслаждение в том, что терзают и мучат себя всякими фантазиями об аде, и в то же время им нельзя объяснить даже самые элементарные принципы справедливости».

И вот этот прекрасный отрывок, дающий ключ к психологии молодого Энгельса и бросающий такой яркий свет на всю домашнюю его среду, выбрасывается не то под флагом «особенно интимных отношений», не то под предлогом, что это «несущественно» или «безразлично»! А ведь Меринг в той же самой статье, которую мы выше цитировали, признает, что «в переписке имеется много деталей, которые могут часто показаться несущественными, но вся полнота которых вводит нас непосредственно в неотделимую друг от друга работу всей жизни Маркса и Энгельса». Правда, если бы Меринг, в распоряжении которого эти письма Энгельса были уже задолго

до опубликования переписки, использовал это место в своем комментарии к первому тому «Литературного наследства Маркса и Энгельса», Бернштейн не мог бы его выбросить, и оно не оставалось бы неизвестным даже такому знатоку биографии Энгельса, как Густав Майер.

Такой же строгой цензуре подвергнуты все письма Энгельса и после 1845 г., поскольку в них речь идет об отце. Бернштейн тщательно вычеркивает все резкие отзывы непочтительного сына, ведущего непрерывную и упорную борьбу с ханжеством и сквалыжничеством отца. Когда Энгельс наотрез отказался от предложения отца отправить его в Калькутту и согласился работать в конторе бумагопрядильной фабрики Эрмена и Энгельса в Манчестере, отец посадил его на весьма скудный паек. Жалованье Энгельса первое время не превышало обычного жалованья среднего английского конторщика. Отец ревниво следил за тем, чтобы сын не выходил из рамок определенного бюджета. В 1851 г. Энгельс получал регулярно не больше 3 фунтов в неделю. Отец — и в этом отношении он имел хорошего союзника в своем компаньоне Эрмене — принимал все меры, чтобы сын не мог тратить деньги на революционные дела. Понятно, что Энгельс мог тогда помогать Марксу деньгами в очень незначительной степени и еще меньше с тех пор, как женился на ирландке Мэри Бернс. К тому же времени относятся и различные попытки Энгельса тем или иным путем получить деньги на покрытие старых или новых долгов. С этой целью Энгельс пускался в различные аферы, в сущности весьма невинного свойства. Так вот, чтобы не компрометировать Энгельса в глазах «приличной» публики, Бернштейн не только вычеркивает или смягчает всякие выпады Энгельса против отца, — где Энгельс пишет, что он затеял против отца *интригу*, Бернштейн пишет: пускает в ход *маневр*, — но и целиком выбрасывает все «компрометирующие» Энгельса места.

Так же тщательно — хотя и не всегда весьма последовательно — Бернштейн уничтожает указания на «легкомысленный» образ жизни молодого Энгельса в письмах от 1844 г. до 1851 г. С той же самой целью из писем Энгельса вычеркиваются все места, в которых молодой революционер, которому приходится и самому еще пройти революционную и партийную школу, дает иногда Марксу весьма рискованные советы или отзывается раздражительно или непочтительно о «народе» или «рабочих». Внимательный читатель заметит, что такие обороты встречаются чаще всего или почти исключительно в письмах молодого Энгельса, что Маркс, при всей резкости его отзывов, в этом отношении гораздо выдержаннее Энгельса. Все

эти сокращения в письмах Энгельса, производившиеся Бернштейном с полного согласия Меринга, который как раз в эти годы относился к Марксу особенно «критически», в значительной степени искажают образ Энгельса. Систематически уничтожаются детали, характерные черточки, которые только во всей их совокупности помогают нам понять различные особенности Энгельса, которые делали из него великолепного ментора *вождем* рабочего движения, но не всегда удачного организатора и руководителя *рядовых*, в особенности рабочих. Привычки, вынесенные из своеобразной барменской и бременской обстановки, привычки, с которыми Энгельс упорно боролся, необходимость вести двойственную жизнь, не только в юношеские годы, но и после, когда он вынужден был в течение многих лет соединять «проклятую» «собачью коммерцию» с теоретической работой, когда он чувствовал себя самим собою только в общении с Марксом или в области чисто теоретической работы, — все это не могло не оставить глубокий след в характере Энгельса.

Особенно усердно работали Бернштейн и Меринг, когда приходилось «смягчать» отзывы Маркса и Энгельса не только о товарищах и единомышленниках, но и о различных политических деятелях. В некоторых случаях щепетильные редакторы забывали, что имеют дело с *различными фазами* в отношениях к одному и тому же человеку, что Маркс и Энгельс, как это часто случается с темпераментными людьми, были гораздо более резки по отношению к людям, которых они больше ценили и которыми больше дорожили, чем по отношению к людям, к которым они относились более равнодушно. Так объясняются резкие отзывы о Вейдемейере, Конраде Шрамме, Либкнехте, Лассале и др.

Потребовалось бы очень много места, если бы мы хотели привести иллюстрации этой «внутрипартийной» цензуры. И в данном случае Энгельс, в результате многочисленных сокращений, «выигрывает».

Приведем только один пример. Бернштейн и Меринг вычеркнули из писем 1853 г. всю историю размолвки между Марксом и Вильгельмом Вольфом. Из всех писем Маркса, даже из тех писем, в которых он рассказывает Энгельсу о тяжелом инциденте, видно, с каким глубоким уважением он относился к упрямому и раздражительному старику. А между тем ничто не характеризует так ярко всю безысходную нужду и неимоверно мучительную обстановку, в которой жили порвавшие всякие связи с окружающим буржуазным обществом немецкие коммунисты, как именно этот инцидент, разыгравшийся из-за пропавшей испанской грамматики.

Что же делает Бернштейн и Меринг? Они обрывают письмо

Маркса на словах: «мне вчера вечером пришлось выдержать невероятную сцену» и, выпустив весь рассказ, заканчивают словами: «мой путь также не усыпан розами, а его тяжелое материальное положение ни в какой мере не является извинением в моих глазах». Создается впечатление, что произошло нечто такое, что или в интересах Маркса, или в интересах Вольфа надо непременно скрыть от читателя. Поэтому, последовательности ради, пришлось выбросить и письмо жены Маркса, относящееся к тому же инциденту, но содержащее кроме того и другие данные.

Если весьма нередко такая чистка текста оставляет после себя следы, вполне достаточные, чтобы внимательный читатель заметил ее, то в одном случае редакторы справились с своей задачей великолепно. Весь эпизод с венгерским революционером и шпионом Баниа тщательно «выкорчеван». Можно было бы думать, что редакторы сделали это в интересах Маркса и Энгельса, а также партии, если бы не то обстоятельство, что в связи с этой операцией они должны были пожертвовать также большим письмом Энгельса. Скрыть этот эпизод из биографии Маркса нет никакой возможности — по той простой причине, что Маркс сам рассказал о нем в своем памфлете «Господин Фогт»:

«Я познакомился с Баниа, а также с его тогдашним другом, теперешним генералом Тюрром, в 1850 г. в Лондоне. Подозрения, которые мне внушали его сношения со всевозможными партиями, — орлеанистами, бонапартистами и т. д. — и его связи с полицейскими всякой «национальности», он рассеял очень просто, представив мне подписанный собственноручно Кошутом приказ, в силу которого он, бывший уже временным шефом полиции в Коморне при генерале Клапка, назначался шефом полиции *in partibus*. Тайный шеф полиции на службе у революции, он, конечно, должен был оставить для себя «открытым» доступ к полиции на службе у правительств. Летом 1852 г. я открыл, что он стащил рукопись, которую я ему доверил для передачи издателю в Берлин, и передал одному из немецких правительств. После того как я написал об этом инциденте и других поразивших меня особенностях одному венгерцу в Париже и чрез посредство третьего хорошо осведомленного лица разгадал тайну Баниа, я послал в начале 1853 г. публичное разоблачение, подписанное моим именем в «Нью-йоркскую уголовную газету». Баниа, в находящемся у меня оправдательном послании, подчеркнул, что я меньше всего имею основания считать его шпионом, так как он (и это совершенно верно) всегда избегал говорить со мною о моих собственных партийных делах. Хотя Кошут и его

приверженцы тогда еще не отказались от Баниа, мое разоблачение в «Уголовной газете» помешало однако его дальнейшим операциям в Лондоне, и он тем охотнее ухватился за случай, который предоставили ему восточные замешательства, чтобы использовать свои таланты на другом театре.

Маркс не говорит, что это была за рукопись. Он берет ответственность за всю эту историю исключительно на себя. Только переписка его с Энгельсом помогла нам установить, о какой рукописи идет речь и какую роль во всем этом деле играл Энгельс. Речь идет о «Великих мужах эмиграции», памфлете, направленном против немецких вождей демократической эмиграции. Если до сих пор не удалось найти никаких следов ее в архивах немецких правительств, то нам все же посчастливилось обнаружить копию ее среди бумаг Маркса и Энгельса. В седьмом томе, в котором она будет напечатана вместе с «Рыцарем благородного сознания», мы расскажем более подробно, каким образом у Маркса и Энгельса возникла мысль написать этот свирепый памфлет против Кинкеля, Руге, Струве, Виллиха и др. Если в точности до сих пор неизвестны нам хозяева Баниа надеялись найти в памфлете какие-нибудь новые данные, которые можно было бы использовать как полицейское орудие против эмиграции, то они жестоко ошиблись. Баниа надул их. Для своих саркастических очерков и характеристик Маркс и Энгельс использовали только факты, в той или иной форме уже опубликованные в тогдашней прессе, — следовательно, хорошо известные международной полиции. Вычеркнув, таким образом, все места из писем Маркса и Энгельса, имевшие касательство к инциденту с Баниа, выбросив в связи с этим большое письмо Энгельса, издатели переписки только лишили возможности всех других исследователей проверить показания Маркса и выяснить как содержание рукописи, о которой он уже сам рассказал в «Господине Фогте», так и те обстоятельства, при которых она была написана им вместе с Энгельсом.

Еще одна маленькая иллюстрация, чтобы показать, как почтенные издатели «резали» письма, уничтожая таким образом надолго всякую возможность установить точную хронологическую канву для биографии Маркса и Энгельса.

Когда для Маркса ясно стало, что ему нельзя оставаться во Франции, он написал об этом Энгельсу, который тогда жил в Швейцарии. Как раз из этого письма издатели вычеркивают следующие строки:

«Теперь, дорогой мой, что должны делать мы со своей стороны? Нам надо взяться за литературное и доходное предприятие. Жду

твоих предложений (Il faut nous lancer dans une entreprise littéraire et mercantile. J'attends tes propositions). Красный Лупус [Фердинанд Вольф] живет в одном доме со мной. Дронке также в Париже, но это — человек из школы Э. Мейена. Лупус [Вильгельм Вольф] в Цюрихе, адрес его: Д-р Люнинг. Тебе незачем писать отдельно М. Рамбо. Это мой псевдоним».

Почему все это нужно было вычеркнуть? Потому ли, что здесь сообщаются «безразличные вещи о совершенно безразличных людях?»

А в следующем письме Маркса (23 августа 1849 г.), в котором он сообщает, что должен завтра же уехать в Лондон, вытравлены следующие строки:

«В Лондоне мы будем делать дела... Еще раз, я твердо рассчитываю на то, что ты меня не подведешь. Лупус у д-ра Люнинга в Цюрихе. Напиши и ему о моем плане».

А ведь речь шла просто о создании нового журнала!

Поистине, неисповедимы пути «социалистической историографии!»

Но внимательный анализ различных пропусков, которыми кишит изданная Бернштейном переписка, приводит к выводу, что некоторые сокращения можно мотивировать чем угодно, но только не указанными мотивами. Иногда кажется, что письма Маркса и Энгельса кромсали и резали ножницы газетного редактора, который часто сокращает, чтобы выиграть место или чтобы доказать, что он имеет право сокращать. Приведем некоторые примеры.

В письме от 7 мая 1852 г. Энгельс делится с Марксом своими впечатлениями по поводу книги генерала Виллизена. Из этого отзыва выброшены следующие строки:

«Что можно сказать о такой военной науке, которая начинает с понятия об искусстве en général, а затем устанавливает, что и поваренное искусство есть искусство, распространяется подробно об отношении между искусством и наукой и, наконец, резюмирует все правила, отношения и возможности и т. д. военного искусства в одном абсолютном положении, что более сильный всегда должен побить более слабого».

Маркс — в письме от 23 февраля 1852 г. — пишет Энгельсу по поводу поражения в палате общин министерства Росселя.

«Россель пал забавнейшим образом. Я желаю лишь, чтобы у руля стал Дерби. Ты видел во время этой краткой сессии, как жалки манчестерцы, когда их не гонит force de choses. Я их за

это не осуждаю. Всякое дальнейшее демократическое завоевание, как, например, всеобщее голосование — это лишь уступка, которая делается рабочим, разумеется, *en cas d'urgence*».

Даже в тех случаях, когда переписка Маркса и Энгельса велась более или менее систематически, нередко то или иное суждение остается, в силу разных причин, без ответа или отклика. Тем более внимательно следовало бы относиться к тем письмам, в которых Энгельс или Маркс отвечают друг другу на заданные вопросы или высказанные сомнения.

В письме Энгельса от 18 марта 1852 г. мы находим следующий ответ на замечания Маркса:

«Я не думаю, чтобы Дерби получил большинство, хотя [Манчестер], где все единодушны в вопросах, касающихся хлебных законов, плохой пункт для наблюдения. Я, впрочем, хотел бы, чтобы он получил большинство, тогда дело пошло бы, как ты говоришь. Он, впрочем, поступает глупо, что он сейчас не прибегает к роспуску палаты. Чем дольше он тянет, тем скорее рискует он превратить выборы в торговый кризис, и тогда он получит парламент из фанатических ториев, которые для него самого окажутся слишком неистовыми, и из решительных, стремящихся к наживе, опасющихся банкротства манчестерцев; последних, вероятно, будет большинство, и тогда они будут решающим элементом».

Трудно объяснить, почему именно «социалистическая историография» пришла к заключению, что это высказывание Энгельса «несущественно» или «безразлично», и без всяких церемоний вычеркнула весь абзац о Дерби.

Всякого марксиста не могут не интересовать различные «детали», которые могут объяснить развитие взглядов Маркса и Энгельса на кризисы. Еще в начале 50-х годов Маркс и Энгельс считали, что промышленные кризисы повторяются через промежутки от пяти до семи лет, и поэтому ожидали наступления кризиса в 1853 г. Маркс уже в августе 1852 г. отмечает первые симптомы, как ему казалось, приближающегося кризиса. Понятно, что он при этом считался со всякими замечаниями Энгельса, который жил в главном центре тогдашней «ключевой» промышленности Англии, в Манчестере. Что же делает «социалистическая историография»?

В виде иллюстрации возьмем большое письмо Энгельса от 20 апреля 1852 г., в котором он излагает свои взгляды на торговые перспективы, особенно по отношению к Индии. Он отмечает, что несмотря на колоссальный ввоз английского текстиля в Зап. Индию, продолжающийся уже три года, торговля идет блестяще. Он объяс-

няет это явление гибелью кустарной промышленности под влиянием английской конкуренции. Энгельс продолжает:

«Хлопчатобумажная промышленность теперь так процветает, что несмотря на то, что урожай этого года на 300 000 кип превосходит урожай 1848 — 49 г., цены на хлопок поднялись как в Америке, так и здесь; американские фабриканты закупили уже на 250 000 кип больше, чем в прошлом году (когда они потребили всего только 418 000 кип), а здешние фабриканты начинают уже утверждать, что даже урожая в три миллиона кип было бы недостаточно для их потребления. До сих пор из Америки вывезено в Англию на 174 000, во Францию на 56 000, в остальные страны материка на 27 000 кип больше, чем в прошлом году (это от 1 сентября до 7 апреля каждого года). При таком благополучии легко объяснить, как Луи-Наполеон так удобно может управлять своей *bas empire*. Излишек прямого ввоза хлопка во Францию между 1850 и 1852 гг. составляет до сих пор 110 000 кип (302 000 в сравнении с 192 000), т. е. больше на 33%».

Весь этот абзац пал жертвой беспощадной «социалистической историографии»! Но и этого мало.

Энгельс пробует сделать более определенный вывод, но ему мешают «старые правила».

«По всем правилам, кризис должен наступить в этом году, и, по всей вероятности, оно так и выйдет, но когда принимаешь во внимание теперешнюю, совершенно неожиданную эластичность остиндского рынка и замешательство, вызванное Калифорнией и Австралией, а равно дешевизну большей части сырья, понижающую цены на продукты промышленности, и отсутствие всякой значительной спекуляции, то чувствуешь искушение предсказывать теперешнему периоду процветания необычную продолжительность».

Так заканчиваются размышления Энгельса в той редакции его письма, которую дала нам «социалистическая историография». Остается притти к выводу, что Энгельс, который еще в сентябре 1851 г. констатировал явные признаки приближающегося кризиса и ожидал его наступления весной 1852 г., отказался теперь от своего взгляда. В действительности дело обстоит иначе. В силу опять-таки совершенно необъяснимого каприза, «социалистическая историография» сердито вычеркивает следующие заключительные строки письма Энгельса:

«Во всяком случае возможно, что история эта продолжится до весны. Но, в конце концов, безопаснее within six months more or less (в течение еще каких-нибудь шести месяцев) придерзливаться старых правил».

Мы ограничиваемся этими примерами. В «общем и целом» безжалостные редакторы, руководствуясь моральными, патриотическими, тактическими, а иногда и совершенно необъяснимыми и неопределимыми соображениями, вычеркнули до 4 000 строк, что составляет для настоящего тома около 7 печатных листов, или 20%.

В изданной Бернштейном переписке всего 1 386 писем. Как он сам признает, ряд писем он исключил как безразличные. В настоящем томе, как мы уже указали выше, таких исключенных писем оказалось 25. Не подлежит сомнению, что ряд писем Маркса и Энгельса исчезли безвозвратно. Некоторые, как предполагает Бернштейн, были уничтожены Энгельсом. Мы имеем основание думать, что известное число писем попало в руки коллекционеров, которые уже потому не желают давать даже копии с находящихся у них писем, чтобы не выдать источник получения или приобретения.

Обращает на себя внимание тот факт, что за 1845 — 1847 гг. мы имеем почти исключительно письма Энгельса. Из двадцати четырех писем Энгельсу принадлежат 23, Марксу — 1. За 1848 г., для которого сохранилось всего двенадцать писем, они распределяются поровну между Марксом и Энгельсом. За 1849 г., для которого мы имеем восемь писем, большинство (шесть) писем принадлежат Марксу. После 23 августа 1849 г. переписка обрывается. Она опять возобновляется письмом Маркса от 19 ноября 1850 г. и продолжается систематически только с этого времени. Если включить имеющиеся шесть писем за этот год (три — Маркса, одно — его жены и два письма — Энгельса), то до конца 1853 г. — этим годом заканчивается настоящий том — мы имеем за период времени от ноября 1850 г. до конца 1853 г. — 236 писем. Переписка обрывается только в то время, когда Энгельс бывает в Лондоне или Маркс гостит у Энгельса в Манчестере.

Мы уже видели, какими крупными недостатками отличается издание Бернштейна. Не лучше и его комментарии. На это указал уже Ленин.

«Как и следовало ожидать, эта работа — пишет он в неоконченной статье о «Переписке Маркса с Энгельсом» — эта работа неудовлетворительна ни с технической, ни с идейной стороны. Бернштейну нельзя было браться, — после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам, — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом. Предисловия Бернштейна частью бессодержательны, частью прямо фальшивы, — например когда вместо точной, ясной, прямой харак-

теристики оппортунистических ошибок Лассалья и Швейцера, разоблаченных Марксом и Энгельсом, встречаешь эклектические фразы и выпады, вроде того, что «Маркс и Энгельс не всегда были правы против Лассалья» или будто они «ближе были» по тактике к Швейцеру, чем к Либкнехту. Никакого иного содержания, кроме прикрытия и подкрашивания оппортунизма, в этих выпадах нет. К сожалению, эклектическое отношение к идейной борьбе Маркса со многими его противниками все сильнее распространяется среди современной немецкой социалдемократии».

Другого мнения о предисловиях Бернштейна был Меринг. «Бернштейн выполнил свою задачу с таким прилежанием и в особенности с таким тактом, которые заслуживают живейшего признания... Ибо еще более достойно похвалы искусство, с каким Бернштейн осуществил свое намерение предоставить в своем издании «слово только самим авторам» и в своих предисловиях к отдельным частям переписки. Он ограничивается только краткими указаниями, необходимыми для понимания писем и черпает эти указания самым лояльным образом из духа и мыслей авторов писем».

Нам нечего говорить, что прав не Меринг, а Ленин. Меринг тогда был вполне согласен с Бернштейном, что «Маркс и Энгельс не всегда были правы против Лассалья» и что Швейцер был прав не только по отношению к Либкнехту, но и по отношению к Марксу. Смешно говорить, что Бернштейн писал свои предисловия «в духе Маркса и Энгельса». Но они и с фактической стороны не представляют теперь никакого интереса. В соответствующих томах первого отдела мы даем необходимые разъяснения. Подробный комментарий к письмам Маркса и Энгельса представляет весьма трудное дело. И Меринг, наоборот, совершенно прав, когда в своей статье указывает, что переписка в несокращенном виде все равно недоступна рядовым рабочим.

«Чтобы вполне оценить и понять ее, нужно обладать такой полнотой знаний, которыми не может располагать даже очень передовой рабочий и, можно сказать, даже вряд ли кто-нибудь из живущих ученых. Необходимо знать не только жизнь и научную деятельность Маркса и Энгельса, необходимо знать также детально европейскую историю и даже азиатскую и американскую от середины 40-х до начала 80-х гг. (XIX столетия), нужно ориентироваться не только в общественных науках, но и в естественных, и филологических, и военных да и многих других, чтобы всюду вполне свободно следовать за авторами писем... Использовать все духовные сокровища, которые скрываются в переписке Маркса

и Энгельса, — такая работа требует многих лет и превышает силы отдельного человека».

Мне уже приходилось указывать в статьях, посвященных этой переписке, — начатая мной серия статей была прервана войной,¹ — какое огромное значение она имеет. Сошлюсь теперь на отзыв Ленина:

«Научная и политическая ценность ее громадна. Не только Маркс и Энгельс выступают здесь перед читателем с особенной рельефностью во весь свой рост. Богатейшее историческое содержание марксизма развертывается в высшей степени наглядно, ибо Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в письмах к самым разнообразным сторонам своего учения, подчеркивая и поясняя — иногда совместно обсуждая и убеждая друг друга — самое новое (по отношению к прежним взглядам), самое важное, самое трудное. Перед читателем проходит с поразительной живостью история рабочего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее существенных пунктах. Еще ценнее — история *политики* рабочего класса. По самым различным поводам, в разных странах старого мира и в новом мире, в различные исторические моменты Маркс и Энгельс обсуждают наиболее принципиальное относительно *постановки* вопросов о *политических* задачах рабочего класса. А эпоха, охватываемая перепиской, есть как раз эпоха выделения рабочего класса из буржуазной демократии, эпоха возникновения самостоятельного рабочего движения, эпоха определения основ пролетарской тактики и политики. Чем чаще в наше время приходится наблюдать, как рабочее движение разных стран страдает от оппортунизма, вследствие застоя и гниения буржуазии, вследствие поглощения внимания рабочих вождей мелочами дня и т. д., — тем ценнее богатейший материал переписки, показывающий глубочайшее понимание *коренных* преобразовательных целей пролетариата и необыкновенно гибкое определение данных задач тактики, с точки зрения этих революционных целей и без малейших уступок оппортунизму или революционной фразе. — Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сводится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее, к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и

¹ «Маркс и Энгельс в их переписке до революции 1848 г.» в «Очерках по истории марксизма», том I, издание Института К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1928.

Энгельса, вот что они вносят наиболее существенного и наиболее нового, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

Необходимо прибавить, что переписка между Марксом и Энгельсом имеет не только теоретическое значение, она представляет не только первостепенный источник для их собственной биографии или для истории рабочего движения. Она кроме того является важнейшим источником для изучения истории внешней политики, истории международных отношений. Некоторые буржуазные историки, очень враждебно относящиеся к марксизму, считают переписку между Марксом и Энгельсом именно с этой точки зрения ценнейшим собранием материалов и мнений по основным вопросам внешней политики от 1850 до 1870 г. Подробный комментарий к письмам Маркса и Энгельса явился бы в то же время историей международных отношений за этот период. И наоборот, переписка между Марксом и Энгельсом является сама необходимым комментарием и дополнением к их статьям и работам за соответствующий период, главным образом за 1851 — 1870 гг.

«Литературное и доходное предприятие», о котором писал Маркс Энгельсу, предлагая ему тоже переехать в Лондон, было продолжение «Новой рейнской газеты» в форме политико-экономического журнала. Маркс и Энгельс успели выпустить в 1850 г. только пять тетрадей: из них последняя, составлявшая двойной номер, вышла в ноябре. Из больших работ Маркса и Энгельса в журнале появились «Классовая борьба во Франции» первого и «Германская кампания за имперскую конституцию» и «Крестьянская война в Германии» Энгельса. Кроме того, оба друга дали ряд обзоров и рецензий.

Еще 15 сентября 1850 г. произошел раскол в Союзе коммунистов. Энгельс переехал в начале ноября в Манчестер. Маркс остался в Лондоне и продолжал борьбу с бывшими единомышленниками, с фракцией Виллиха-Шаппера, и с другими демократическими революционными группами. В письмах Маркса мы находим много следов этой ожесточенной фракционной борьбы. В то же время он упорно работает над окончанием своего большого экономического труда, для которого тщетно ищет в Германии издателя. Какие иллюзии питал на этот счет Маркс, видно из письма 2 апреля 1851 г.:

«Я уже так далеко подвинулся, что недель через пять буду готов со всей экономической дрянью. И сделав это, я буду дома разрабатывать экономию, а в музее возьмусь за другие науки. Это начинает мне приедаться. В сущности эта наука со времени А. Смита

и Д. Рикардо не сделала больше никаких шагов вперед, хотя в отдельных областях сделано много исследований, часто сверхтонких».

«Я рад, — отвечает ему Энгельс 3 апреля 1851 г., — что ты, наконец, покончил с экономией. Эта история действительно чересчур затянулась, а ведь пока у тебя останется не прочитанной хотя бы одна книга, которую ты считаешь важной, ты не возьмешься за писание».

Предполагалось, что труд Маркса составит два тома в 60 листов. Но издателя так и не удалось найти. Прошло восемь лет, пока, опять переработав самым коренным образом свою экономию, Маркс мог опубликовать первый выпуск в 1859 г., и еще новых восемь лет, пока, после новой, еще более основательной переработки, ему удалось выпустить в 1867 г. первый том «Капитала».

Попытка, предпринятая Германом Беккером, собрать главные статьи Маркса и издать их выпусками, кончилась неудачей. В связи с провалом Нотьюнга арестован был в Германии ряд членов Союза коммунистов, в том числе и Беккер. Марксу, материальное положение которого было тогда ужасно, пришлось, на-ряду с лихорадочной работой над экономией, взять на себя труд по собиранию и подготовке материалов для защиты своих товарищей, против которых тайная полиция вместе с прокуратурой затеяли сенсационный процесс.

В августе 1851 г. Маркс совершенно неожиданно получил от «Нью-иоркской трибуны» предложение написать ряд статей. Он сейчас же обратился к Энгельсу с просьбой написать вместо него статью о германских делах. В результате — ряд статей о «Революции и контр-революции в Германии», которые печатались в «Нью-иоркской трибуне» от 25 октября 1851 г. до 23 октября 1852 г.

Новое произведение Прудона, — «*Idée générale de la révolution au XIX siècle*» («Общая идея революции в XIX столетии») — вызывает у Маркса мысль об ответной критике, которую он собирался написать вместе с Энгельсом. Из этого плана ничего не вышло.

В октябре 1851 г. Вейдемейер приехал в Нью-Йорк. В декабре он уже собирается выступить с еженедельной газетой и просит Маркса и Энгельса прислать ему статью. Энгельс предлагает Марксу выбрать темой для статьи только-что произведенный Луи-Наполеоном государственный переворот. Вместо газеты Вейдемейер издает сборник под названием «Революция», который целиком занят статьями Маркса, превратившимися в книгу о «18 Брюмера Луи Бонапарта». Маркс работал над ней до февраля 1852 г.

В июне месяце 1852 г. Маркс вместе с Энгельсом написал упомянутый нами выше памфлет «Великие мужи эмиграции». Выборы

в Англии, происходившие в июле 1852 г., дали повод Марксу начать свое сотрудничество серией статей об английских партиях, которые начали печататься с 21 августа.

Когда закончился процесс коммунистов в Кельне, Маркс в ноябре 1852 г. написал большую брошюру «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов», которая вышла в свет в феврале 1853 г. Начавшиеся осложнения на Ближнем Востоке поставили в очередь дня восточный вопрос. Скоро последовала русско-турецкая война. Маркс и Энгельс энергично принимаются за работу для «Нью-Йоркской трибуны». Материальное положение Маркса улучшается или, вернее, голодная жизнь превращается в полуголодную. В ноябре 1853 г. Маркс пишет памфлет против Виллиха — «Рыцарь благородного сознания», — вызванный ответом Виллиха на «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов». Брошюра вышла еще в конце 1853 г. ¹

Каждый том переписки снабжен именным указателем с краткими биографическими датами. В приложении к четвертому тому (в нашем собрании к XXIV) мы дадим подробную летопись жизни Маркса и Энгельса за 1844 — 1883 гг. и хронологический перечень главных событий европейской и американской истории за этот период. Кроме сводного именного указателя для всех четырех томов, будет дан также предметный указатель, в котором будут систематизированы различные темы, затрагиваемые в письмах Маркса и Энгельса.

В переводе этого тома принимали участие Е. А. Гурвич и И. И. Рубин; в подготовке для печати — А. Гуральский и А. Рубин. Указатель составлен Ю. Мошковой. Корректурой руководил О. Румер.

Д. Рязанов.

Апрель 1929 г.

¹ Все названные вещи будут напечатаны в VII и VIII томах собрания сочинений.

ПРЕДИСЛОВИЕ К XXI — XXIII ТОМАМ ПЕРЕПИСКИ.

Переписка между Марксом и Энгельсом впервые была опубликована в 1913 г. по-немецки, под официальной редакцией Бебеля и Бернштейна, под фактической же редакцией Бернштейна, с привлечением ряда лиц из руководства германской социал-демократической партии — прежде всего Каутского, Дица и Меринга. Из предисловий и примечаний к отдельным томам, а также из позднейших письменных высказываний фактических редакторов было известно, что переписка издана с большими *сокращениями*. В общем предисловии к переписке сообщается, что, за исключением «несущественных и интимных мест, не представляющих никакого интереса для более широкого круга читателей», письма даны почти без сокращений. В специальном же предисловии к первому тому уже говорится, что пропуски в письмах казались редакции допустимыми там, «где затрагиваются особенно интимные отношения, не представляющие никакого общего интереса, или там, где рассказываются безразличные вещи о совершенно безразличных людях». «Пропущены, — говорится далее, — также кое-где неблагоприятные замечания о третьих лицах, но это относится только к таким местам, в которых содержится политическое или научное суждение, уже высказанное вполне ясно в предшествующих письмах».

Эти утверждения социал-демократических редакторов не соответствуют действительности. Четыре тома переписки в социал-демократическом издании насчитывают 1386 писем, настоящее издание Института, являющееся *первым полным* изданием всей переписки Маркса и Энгельса, насчитывает их 1569. Если, кроме того, принять во внимание, что много сотен писем подверглись в социал-демократическом издании в большей или меньшей степени сокращению, то при общем подсчете оказывается, что переписка сокращена социал-демократами не менее, как на *одну шестую* текста. Сокращению подверглись в значительной степени *политические* высказывания Маркса и Энгельса, неблагоприятные отзывы их о «третьих лицах» и критика политических партий, фракций и их вождей, что ни в коем случае нельзя отнести к разряду «несущественных и

интимных мест, не представляющих никакого интереса для более широкого круга читателей», причем эти сокращения иногда принимают характер прямой фальсификации текста.

Первое издание переписки в такой сокращенной форме представляет собою весьма характерную страницу в истории довоенного II Интернационала. По настоянию Бебеля переписка увидела свет. Каутский — как теперь выясняется из его переписки с Мерингом — был больше всех против опубликования переписки Маркса и Энгельса и считал, что она на две трети содержит в себе «скучную материю или совсем мелочные пустяки», а из последней трети — половина «очень важна и интересна, другая же половина прямо вредна». Редакционные принципы и сокращения, примененные Бернштейном, не стоят особняком, а, наоборот, являются характерными при издании литературного наследия Маркса и Энгельса германской социал-демократической партии, руководящей партией II Интернационала. В такой же приблизительно форме Каутский издал письма Маркса к Кугельману, а Меринг — переписку между Фрейлигратом и Марксом, и при деятельных «советах» Каутского и Меринга значительным и существенным сокращениям подверглись и письма к Зорге.

О редакторских «принципах» Бернштейна, о действительно *политическом* их характере, особенно же о его *оппортунистических* введении и комментариях к переписке высказался В. И. Ленин в 1914 г., в незаконченной статье о переписке. «Как и следовало ожидать, — пишет Ленин, — эта работа неудовлетворительна ни с технической, ни с идейной стороны. Бернштейну нельзя было братья — после его печально-знаменитой «эволюции» к крайне оппортунистическим взглядам — за редактирование писем, насквозь проникнутых революционным духом». Издание Бернштейна неудовлетворительно ни как историко-биографический источник, ни тем более как политическая публикация.

Все ответственные за издание писем лица в германской социал-демократии боялись того «тяжелого испытания», которому якобы подвергались с опубликованием переписки как Маркс и Энгельс, так и вся партия в целом. В ряде мест «обработка» текста Бернштейном просто превращается в цензуру во вкусе благонаправленного филистерства, против которого Маркс и Энгельс так резко боролись всю жизнь.

Переписка содержит историю дружбы, которая существовала между основоположниками марксизма; она рассказывает о жизни, полной непримиримой борьбы с буржуазией; она дает историю

борьбы двух величайших революционеров на протяжении нескольких десятилетий — в Союзе коммунистов, во время революции 1848 г. и в эмиграции, в Интернационале и в рабочем движении 60 — 80-х годов — против буржуазных влияний на рабочих. И в этой последовательно проводимой борьбе Маркс и Энгельс всегда отстаивали партийную линию против всяких оплошностей коммунизма.

Мы не можем здесь входить в характеристику всех пропущенных Бернштейном мест; мы ограничимся лишь указанием на наиболее важные места, совсем пропущенные Бернштейном или сокращенные и фальсифицированные им в интересах оппортунизма настолько, что они получили искаженный смысл. В первых трех томах переписки, кроме очень многих биографических данных, совершенно вычеркнута вся история с рукописью Маркса и Энгельса «*Великие люди эмиграции*», полемико-сатирическим памфлетом против Кинкеля, Руге, Струве и т. д., переданным венгерскому эмигранту и шпиону Иоганну Баниа и проданным им немецкой полиции. Пропуск всех этих мест, сделанный весьма тщательно и последовательно и имеющий, по видимому, цель не «компрометировать» Маркса такой «связью», тем более непонятен, что Маркс сам рассказывает всю эту историю с Баниа в «*Господине Фохте*».

В первых двух томах переписки выпущены места, где говорится о борьбе фракций немецкой и вообще континентальной демократической эмиграции в Лондоне и в Америке. Эти пропуски относятся большей частью к разряду «неблагоприятных замечаний о третьих лицах». Историки довоенной германской социал-демократии были склонны оценивать как представителей международной демократии — Кинкеля, Луи Блана, Кошута и т. д., — так и представителей отколовшейся в 1850 г. от Союза коммунистов «левой» фракции Виллиха-Шаппера в более выгодном свете, чем это сделали Маркс и Энгельс «в пылу борьбы»; эти историки рассматривали мелкобуржуазных демократов 1848 г., если они позднее не перебежали открыто в лагерь Бисмарка, чуть ли не как социал-демократов.

В одной из своих статей о переписке Меринг называет эту борьбу «не имеющей исторического значения». ¹ Густав Майер также рассматривал эти споры как «эмигрантскую ссору», не представляющую для нас уже особого интереса. ² В действительности такая оценка означает полнейшее непонимание исторического значения

¹ «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», hrsg. v. K. Grünberg, Jg. V., 1915, S. 3.

² G. Mayer, Marx und Engels in ihrem Briefwechsel («Zeitschrift für Politik», Bd. VII., 1914, S. 428).

этих «споров», в которых Маркс и Энгельс выступают как партийные вожди и теоретики, как защитники научного коммунизма, как представители тактики революционного марксизма против всех поповствований со стороны мелкобуржуазных фразеров, и чем ближе «герои» этих фраз раньше стояли к партии, тем суровее Маркс и Энгельс раздвигались с ними.

Пропущены или искажены Бернштейном целые письма и места в письмах, относящихся к взаимоотношениям между Марксом и Фрейлигратом, Марксом и Лассалем, и места, касающиеся борьбы между лассальянцами и зивенахцами. Издатели оправдывают пропуски мест о взаимоотношениях Маркса и Фрейлиграта тем, что Меринг в 1912 г. издал переписку между Марксом и Фрейлигратом в специальной книжке в приложении к «Neue Zeit» и этим исчерпал якобы вопрос. Но, во-первых, Меринг при издании этих писем не использовал переписки Маркса с Энгельсом, а, во-вторых, он, как это выяснилось при сравнении текста с рукописями, сократил переписку Маркса с Фрейлигратом, причем сокращен как раз ряд таких мест, которые бросают отрицательный свет на Фрейлиграта и положительный на Маркса.

Большее значение имеют операции, произведенные социал-демократической редакцией над письмами, где говорится о Лассале. Меринг называет высказывания о Лассале «неотрадной стороной переписки», а Бернштейн, выбрасывая ряд мест о Лассале, использовал предисловия и примечания для того, чтобы проповедывать свои оппортунистические лассальянские взгляды. Ленин в своей статье о переписке отмечает это особенно. «Предисловия Бернштейна, — пишет он, — частью бессодержательны, частью прямо фальшивы, — например, когда вместо точной, ясной, прямой характеристики оппортунистических ошибок Лассалья и Швейцера, равоблачаемых Марксом и Энгельсом, встречаешь эклектические фразы и выпады, вроде того, что «Маркс и Энгельс не всегда были правы против Лассалья» (т. III, стр. XVIII), или как будто они «ближе были» по тактике к Швейцеру, чем к Либкнехту (т. IV, стр. X). Никакого иного содержания, кроме прикрытия и подкрашивания оппортунизма, в этих выпадах нет. К сожалению, эклектическое отношение к идейной борьбе Маркса со многими его противниками все сильнее распространяется среди современной немецкой социал-демократии» (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 29).

Письмо Маркса к Энгельсу от 5 марта 1856 г. и ответ Энгельса на это письмо Маркса даны Бернштейном в сокращенном и искаженном виде. Сильно сокращено также письмо Маркса от 30 июня

1862 г. о посещении Лассалем Маркса г. Лондоне. Из этого письма видно, что разрыв между ними был тогда уже гораздо глубже, чем можно судить по сокращенному письму в издании Бернштейна. В письмах Маркса и Энгельса после смерти Лассалья Бернштейн приводит все положительные отзывы и выбрасывает наиболее отрицательные. Если теперь прибавить еще сокращенные места — отзывы Маркса о теоретических работах Лассалья, — то получается, что Бернштейн произвел над текстом переписки последовательную «операцию» в пользу Лассалья и оппортунизма и против Маркса и Энгельса, против революционного марксизма. Мы не будем здесь останавливаться на пропущенных местах, содержащих резкие отзывы о «личном характере» Лассалья. Меринг склонен объяснить их «антипатией» Маркса и Энгельса к Лассалю, а «личные симпатии, — пишет он, — lassen sich nicht kommandieren» (не подчиняются приказу). Он только забывает прибавить, что во взаимоотношениях между Марксом и Лассалем «личные», «моральные», «этические» и всякие другие отношения настолько переплетаются с политикой, что трудно отличить, где кончаются одни и начинаются другие.

Издатели переписки выбросили из писем все места, касающиеся отношения Лассалья к Бисмарку. Маркс уже очень скоро после смерти Лассалья узнал от графини Гатцфельдт, как далеко шел Лассаль в своих переговорах с «железным канцлером». И если Энгельс еще до его смерти, в письме от 24 июня 1863 г., всецело одобрил политику Маркса по отношению к Лассалю, то теперь в письме от 27 января 1865 г. он пишет, что «благородный Лассаль равоблачается все в большей и большей степени как совсем обыкновенный прохвост». «В оценке людей, — пишет Энгельс, — мы никогда не исходили из того, чем они себя хотели показать, а из того, чем они были в действительности, и я не вижу, почему мы для покойного Итцига [Лассалья] должны сделать исключение. Субъективно его тщеславие могло ему представить дело приемлемым, объективно это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения». А Маркс в своем ответном письме от 30 января 1865 г. отзываясь не менее резко о предполагаемом соглашении Лассалья с Бисмарком. «Так как мы, — пишет Маркс, — кроме того, теперь знаем, что Итциг (что нам в *такой форме* никак не было известно) намерен был продать рабочую партию Бисмарку для того, чтобы приобрести славу «Ришелье пролетариата», то я теперь не поколеблюсь намернуть *достаточно ясно* в предисловии к моей книге, что он просто плагиатор».

Насколько Маркс и Энгельс правы в своей оценке Лассалья и,

в частности, характера его переговоров с Бисмарком, показывает опубликованная теперь переписка между Лассалем и Бисмарком.¹ Вытравив все относящиеся к этому вопросу места, Бернштейн *скрыл* одну из основных причин «антипатии», резко-отрицательного отношения Маркса и Энгельса к Лассалю и лассальянству. И только теперь, имея в руках *полную* переписку, становятся всесторонне понятными и отношения Маркса и Энгельса к Швейцеру, продолжателю лассалевской тактики, с одной стороны, и их отношения к Либкнехту — несмотря на его многочисленные ошибки — с другой стороны. Только теперь становится совершенно ясным, почему Маркс во время конфликта с Швейцером и «Социал-демократом» так упорно настаивал на прекращении в газете «культ» и «детского апофеоза» Лассалья. «Если мы даем им свои имена, — пишет Маркс Энгельсу 30 января 1865 г., — мы можем также требовать, *чтобы сейчас, когда им известно о предполагавшейся измене Лассалья, при помощи этих имен не пускали рабочим пыль в глаза или не превращали самих себя в орудие любой глупости*. И в письме от 3 февраля 1865 г. Маркс, опять возвращаясь к необходимости разрыва с Швейцером, пишет, «что их жвакая газета продолжает прославлять Лассалья, *хотя теперь они знают, какую измену он замыслил, и трусливо кокетничает с Бисмарком...* Во всяком случае атмосфера должна быть очищена, а *партия избавлена от оставленной Лассалем вони*».²

Маркс и Энгельс почти так же резко отзываются о Либкнехте и эйвенахдах, как о Швейцере и лассальянцах. Но в оценке этих двух направлений все же есть коренная разница: в то время как Маркс и Энгельс хотели *ликвидации* лассальянского движения в той форме, в которой оно было основано Лассалем и продолжено Швейцером, — они, бичуя теоретическую неурелость и тактические ошибки либкнехтовского направления, все же считают Либкнехта «единственно надежной связью» в Германии. Вопросы теории и практики раннего социал-демократического движения в Германии являются одними из наиболее важных и интересных в переписке. Взгляды Маркса и Энгельса на лассальянцев и эйвенахцев больше развиты в четвертом томе переписки, но и в третьем томе уже намечены основные линии оценки этих двух направлений в немецком рабочем движении.

Политическое значение переписки лучше всего подчеркнуто Лениным. «Научная и политическая ценность ее, — пишет он, — громадна... Перед читателем проходит с поразительной живостью

¹ *Gustav Mayer, Bismarck und Lassalle. Ihr Briefwechsel und ihre Gespräche.* Berlin, Dietz, 1928.

² Подчеркнутые слова пропущены в издании Бернштейна.

история рабочего движения всего мира — в самые важнейшие моменты и в наиболее существенных пунктах. Еще ценнее история *политики* рабочего класса. По самым различным поводам, в разных странах старого мира и в новом мире, в различные исторические моменты Маркс и Энгельс обсуждают наиболее принципиальное относительно *постановки* вопросов о *политических* задачах рабочего класса... Если попытаться одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономики, с оснований ее, — к истории, к естественновознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли».

С тех пор, как Ленин написал эти строки, прошло 17 лет; классовая борьба вошла в новую и решающую фазу — фазу мировой пролетарской революции. Всеобщий крах капиталистической системы стал действительностью. Второй Интернационал, предав дело Маркса и Энгельса, дело международного пролетариата, превратился в социал-фашистский отряд буржуазной контр-революции. Основанный Лениным Коммунистический Интернационал стал во главе миллионов, штурмующих в капиталистических странах и колониях старое общество. В СССР развернулось победоносное социалистическое строительство, руководимое партией большевиков.

В свете новых задач, которые принес с собой новый этап в развитии пролетарской революции, значение переписки Маркса и Энгельса особенно возрастает. Эта переписка будет служить неисчерпаемым источником, обогащающим революционную теорию в различных областях и оплодотворяющим революционную практику марксизма-ленинизма.

* * *

XXI, XXII и XXIII тома переписки были составлены и изданы в 1929 — 1930 гг. Дополнительный тираж печатается со стереотипов, без каких бы то ни было редакционных исправлений. Эти исправления будут сделаны во втором издании «Сочинений».

Редакция.

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРЕПИСКА

1844—1855

1844 год.

1.

[Бармен, начало октября 1844 г.]

Дорогой Маркс!

Ты, вероятно, удивляешься, что я до сих пор не написал еще ни строчки, и ты совершенно прав. Однако я и теперь не могу сказать определенно, когда приеду. Вот уже три недели, как я в Бармене, и наслаждаюсь, поскольку это возможно, обществом немногих друзей и многочисленной семьи, среди которой, к счастью, имеется несколько милых дам. О серьезной работе здесь нельзя думать, тем более, что сестра моя обручилась с лондонским коммунистом Эмилем Бланком (Эвербек с ним знаком), и у нас поэтому в доме большая беготня и суета. Впрочем, я хорошо понимаю, что мое возвращение в Париж встретит значительные препятствия и что мне, вероятно, придется еще пробыть в Германии полгода, а то и целый год. Я, конечно, пуцу в ход все, чтобы избежать этого, но ты не имеешь никакого представления о том, какие мелочные соображения и суеверные страхи выдвигают тут против меня.

В Кёльне я провел три дня и был поражен невероятными успехами нашей пропаганды. Наши люди там очень деятельны, но чувствуется недостаток в надлежащей опоре. Пока наши принципы не будут развиты — в двух-трех книгах — и не будут выведены, логически и исторически, из предшествующего мировоззрения и предшествующей истории как их необходимое продолжение, вся эта работа останется половинчатой, и большинство наших будет блуждать, как в темноте.

Затем я был в Дюссельдорфе, где мы тоже имеем нескольких дельных ребят. Больше всего, однако, нравятся мне мои эльберфельдцы, у которых гуманистическое мировоззрение действительно вошло в плоть и кровь. Они серьезно взялись за революционизирование своих семей и читают своим родителям проповеди, если те осмеливаются обращаться с прислугой или с рабочими, как аристократы. А это в нашем патриархальном Эльберфельде много значит. Кроме этой группы имеется еще одна неплохая группа, но

недостаточно еще определившаяся. В Бармене сам полицейский комиссар считает себя коммунистом. Третьего дня был у меня старый школьный товарищ, учитель гимназии: он тоже сильно заражен, хотя не встречался с коммунистами. Если бы можно было воздействовать непосредственно на народ, то мы скоро заняли бы господствующее положение. Но это невозможно, особенно для нас, литераторов, которые должны держать себя тихо, чтобы не попасть сейчас в кутузку. Впрочем, тут пока совершенно безопасно, на нас обращают мало внимания, пока мы сидим тихо, и я думаю, что Г[есс] с его опасениями видит лишь призраки. По крайней мере, меня несколько не беспокоят, и только один раз прокурор справлялся обо мне у родных. Это все, что до сих пор дошло до меня.

В здешней газете было сообщено, что прусское правительство потребовало, чтобы Бернайс явился в суд. Напиши мне, правда ли это и в каком положении брошюра; она, вероятно, уже готова. О Бауэрах тут ничего не слышно, никто о них ничего не знает. Напротив, на «Летописи» еще до сих пор большой спрос. Моя статья о Карлейле имеет большой успех у «массы» — курьез! — тогда как статью о политической экономии читали только немногие. Да это и понятно.

И в Эльберфельде господа пасторы обрушились на нас в своих проповедях, но пока, по крайней мере Круммахер, свирепствуют только против атеизма молодых людей. Впрочем, я надеюсь, что за этим скоро последуют выпады против коммунизма. Прошлым летом весь Эльберфельд говорил исключительно об этих безбожниках. Вообще тут замечательное движение. С тех пор как я уехал, Вупперталь проделал во всех отношениях большой прогресс, чем в течение пятидесяти лет. Весь тон общественной жизни стал гораздо цивилизованнее, политика и оппозиционное настроение охватывают все слои населения, промышленность сделала огромные успехи, построены новые кварталы, вырублены целые леса, вся область теперь стоит скорее выше среднего уровня немецкой цивилизации, тогда как еще четыре года назад она стояла ниже этого уровня, — словом, тут создается прекрасная почва для наших принципов, и если нам удастся вовлечь в движение наших диких, горячих красильщиков и белильщиков, то наш Вупперталь тебя еще удивит. Рабочие года два уже как достигли последней ступени старой цивилизации и протестуют против старого общественного строя путем быстрого роста преступлений, грабежей и убийств. Улицы вечером весьма небезопасны, буржуазию бьют, режут и грабят, и если здешние пролетарии будут развиваться по тому же

закону, что и английские, то они скоро поймут, что этот способ *индивидуального* протеста против старого общества, путем насилий, бесполезен, и будут протестовать против него, как *люди*, путем коммунизма. Если бы только можно было указать им путь! Но именно это невозможно.

Брат мой теперь в Кёльне солдатом, и, пока он вне подозрений, можно пользоваться его адресом для писем Г[ессу] и т. д. Но я пока сам не знаю его точного адреса и не могу тебе его сообщить.

С тех пор как я написал предыдущие строки, я был опять в Эльберфельде и вновь натолкнулся на некоторых, прежде мне совершенно не известных, коммунистов. Куда ни кинь, куда ни повернись, всюду натыкаешься на коммуниста. Через два месяца направляется в Париж пылкий коммунист, карикатурист и будущий историк-живописец Зеель; я дам ему ваши адреса. Парень вам всем понравится как своим энтузиазмом, так и талантом к музыке и живописи, и вы можете его использовать как хорошего карикатуриста. Возможно, что к тому времени я и сам приеду к вам, но это все же сомнительно.

«Vorwärts» получается здесь в нескольких экземплярах; я позаботился, чтобы и другие подписались. Пошли пробные номера в Эльберфельд Рихарду Роту, капитану Вильгельму Бланку младшему, И.-В. Штрюккеру, баварскому трактирщику Мейеру на Функенштрассе (трактир коммунистов) в закрытых конвертах через посредство коммунистического книгоиздательства Бедекера. Когда эти парни увидят, что газета доходит, они станут постоянными абонентами. В Дюссельдорф В. Мюллеру, д-ру мед. В Кёльн хотя бы д-ру мед. Д'Эстеру, трактирщику Лельгену, твоему шурина [Эдгару фон-Вестфален] и т. д. Все это, конечно, через издательство и в закрытом конверте.

Постарайся только, чтобы собранные тобой материалы скорее увидели свет. Давно уже пора сделать это. Я тоже возьмусь как следует за работу. Сегодня начинаю. Немцы имеют еще очень неясные представления о практической осуществимости коммунизма. Чтобы устранить это препятствие, я напишу маленькую брошюру, в которой покажу, что коммунизм осуществим, и изложу популярно его практику в Англии и Америке. Эту работу я сделаю в три дня. Она окажет большую помощь нашим людям. Я уже видел это из моих бесед с ними.

Итак, прилежно за работу и сейчас же печатать. Кланяйся Эвербеку, Бакунину, Герье и другим, а также и твоей жене, и напиши мне скорее обо всем. Пиши, если это письмо придет

нераспечатанным, по адресу: И.-В. Штрюккер и К⁰, Эльберфельд, по возможности коммерческим почерком на конверте; если же нет, — по одному из других адресов, оставленных мною Эвербеку. Мне очень хочется знать, обманет ли почтовых ищущек чисто дамская внешность моего письма.

Ну, будь здоров, дорогой Карл, и пипи сейчас же. С того времени как мы расстались, я не был еще ни разу в таком хорошем настроении и не чувствовал себя в такой степени человеком, как в течение тех десяти дней, что провел у тебя.

Что касается затеваемого предприятия, то я не имел еще случая сделать в этом направлении какие-нибудь шаги.

[Ф. Энгельс.]

2.

Бармен, 19 ноября 1844 г.

Дорогой М[аркс!]

Дней четырнадцать назад я получил от тебя и Б[ернайса] несколько строк, датированных 8 октября и с почтовым штемпелем: Брюссель, 27 октября. Почти в то самое время, когда ты писал мне, я послал тебе письмо, адресованное на имя твоей жены. Надеюсь, что ты получил его. Чтобы впредь быть на этот счет спокойным, я предлагаю наши письма номеровать. Мое теперешнее письмо — второе, и когда ты будешь мне писать, отмечай, до какого номера ты получил и нехватает ли какого-нибудь письма.

Несколько дней назад я был в Кёльне и Бонне. В Кёльне все идет хорошо. Грюн, наверное, рассказал тебе о тамошней работе. Гесс тоже собирается через две или три недели переехать в Париж, если он получит необходимые для этого деньги. Бюргерса вы тоже имеете там, таким образом у вас настоящий консилиум. Тем меньше вы нуждаетесь во мне, и тем более нужен я здесь. Что я теперь не могу приехать — понятно, иначе я должен буду поссориться со всей моей семьей. Кроме того у меня тут роман, с которым я должен развязаться. Да один из нас во всяком случае должен быть здесь, так как наши люди нуждаются в руководстве, чтобы заниматься надлежащим делом и не натворить глупостей. Так, например, Юнг и многие другие не хотят понять, что между нами и Руге существуют принципиальные разногласия, и все еще думают, что это только личные дразги. Когда им говорят, что Р[уге] вовсе не коммунист, то они этому не верят и думают, что мы поступаем опрометчиво, отталкивая от себя такой «литературный авторитет», как Руге! Что прикажешь с ними делать? Приходится ждать, пока

Руге опять разрешится какой-нибудь колоссальной глупостью, которую можно будет этим людям демонстрировать *ad oculos*. Мне кажется, что на Ю[нга] надежда плоха: он недостаточно решителен.

Мы устраиваем теперь повсюду собрания, чтобы основать союзы для улучшения положения рабочего класса. Это вносит большое оживление в ряды германцев и привлекает внимание филистеров к социальным вопросам. Собрания созываются без оповещения полиции. В Кёльне комитет для составления устава наполовину избрали из наших людей, в Эльберфельде в комитете тоже сидел наш человек, и, с помощью рационалистов, мы в двух собраниях нанесли поражение пиятистам; огромным большинством нам удалось выкинуть из уставов все христианское. Особенно радовало меня, как основательно садились в лужу эти рационалисты с их теоретическим христианством и критическим атеизмом. В принципе они вполне признавали христианскую оппозицию, на практике, однако, это христианство, которое, по их же словам, составляло основу союза, не должно было быть упомянуто в уставах: последние должны были все содержать, только не основной принцип союза! Они так упорно держались на своей смешной позиции, что мое вмешательство оказалось совершенно ненужным. Мы получили такие уставы, лучше которых, при настоящих условиях, трудно желать. В ближайшее воскресенье опять назначено собрание, но я не в состоянии присутствовать на нем, так как завтра уезжаю в Вестфалию.

Я влез с головой в английские газеты и книги, по которым составляю свою книгу о положении английских рабочих. К середине или к концу января я надеюсь кончить ее, так как с наиболее трудной работой, с приведением в порядок материала, я уже около двух недель как справился. Я составляю англичанам славный перечень их грехов. Перед лицом всего мира я обвиняю английскую буржуазию в массовых убийствах, грабежах и других преступлениях. Я пишу особое английское предисловие к книге, которое напечатаю отдельно и разошлю английским партийным лидерам, литераторам и членам парламента. Пусть они помнят обо мне. Впрочем, само собой разумеется, что я хотя и бью по мешку, но имею в виду осла (*den Sack schlage und den Esel meine*), а именно немецкую буржуазию, которой я достаточно ясно говорю, что она так же плоха, как английская, но далеко не так смела, последовательна и искусна в области живодерства. Как только я покончу с этой книгой, я возьмусь за историю социального развития англичан, которая будет стоить мне еще меньшего труда, так как материал

для нее у меня уже готов и в голове приведен в порядок, да и предмет мне вполне ясен. В промежутке я напишу еще несколько брошюр, — а именно против *Листа*, — как только найду свободное время.

Ты, вероятно, уже слышал о книге Штирнера «Единственный и его собственность», а может быть даже имеешь ее. Виганд прислал мне корректурные листы. Я взял их с собою в Кёльн и оставил у Гесса. Принцип благородного Штирнера, — ты помнишь берлинца Шмидта, который в сборнике Буля писал о «Парижских тайнах», — это тот же эгоизм Бентама, в одном отношении проведенный более последовательно, в другом — менее. Более последовательно потому, что Ш[тирнер], как атеист, ставит личность выше бога или, вернее, видит в ней наиболее крайнее звено, тогда как Бентам оставляет над ней в туманной дали бога; одним словом, потому, что Штирнер стоит на плечах немецкого идеализма, является идеалистом, обращенным в материалиста и эмпирика, тогда как Бентам — простой эмпирик. Менее последователен Штирнер потому, что он желал бы, но не может избежать реконструкции разложенного на отдельные атомы общества, — операции, которую Б[ентам] производит. Этот эгоизм есть только осознавшая себя сущность современного общества и современного человека, последнее, что современное общество может сказать против нас, кульминационный пункт всякой теории в пределах существующей глупости.

Поэтому теория [Штирнера] имеет гораздо большее значение, чем думает Гесс. Мы не должны отбросить ее в сторону, а, наоборот, использовать как современное выражение существующей глупости и, *перевернув ее*, строить на ней дальше. Этот эгоизм доведен до такой крайности, до того нелеп и в то же время самонадеян, что, в своей односторонности, он не может удержаться ни одного мгновения и должен сейчас же превратиться в коммунизм. Во-первых, нет ничего легче, как доказать Штирнеру, что его эгоистические люди уже из одного эгоизма неизбежно должны стать коммунистами. Это необходимо ему доказать. Во-вторых, нужно ему сказать, что человеческое сердце, прежде всего, непосредственно, является именно в своем эгоизме неэгоистичным и способным на жертвы и что он, таким образом, возвращается к тому, на что он нападает. Этими общими местами можно опровергнуть его *односторонность*. Но мы должны воспринять то, что в этом принципе является истиной. А верно в нем во всяком случае то, что если мы хотим сделать что-нибудь для какого-нибудь дела, то мы это дело должны превратить в свое собственное, в эгоистическое дело, — что мы в этом смысле, даже помимо каких-либо материальных ожиданий, просто

в силу эгоизма, являемся коммунистами и именно из эгоизма хотим быть *людьми*, а не только индивидуумами. Или, выражаясь иначе: Штирнер прав, когда он отвергает «человека» Фейербаха, по крайней мере человека из «Сущности христианства». Фейербаховский «человек» есть производное от бога, и потому его «человек» еще увенчан теологическим сиянием абстракции. Настоящий же путь, которым мы можем прийти к «человеку», — путь совершенно обратный. Мы должны исходить из «я», из эмпирического, телесного индивидуума, но не для того, чтобы застрять на нем, как Штирнер, а чтобы от него подняться к «человеку». Этот «человек» всегда остается фантастическим призраком, если он не имеет своей основы в эмпирическом человеке. Одним словом, мы должны исходить из эмпиризма или материализма, если мы хотим, чтобы наши идеи и, в особенности, наш «человек» были чем-нибудь реальным; мы должны всеобщее выводить из единичного, а не из себя или из воздуха, как Гегель.

Все это общие места, которые сами собою разумеются и которые уже сказаны были Фейербахом. Я не повторил бы их, если бы Гесс, — как мне кажется, в силу своей старой привязанности к идеализму, — не подверг такой жестокой критике эмпиризм, в особенности Фейербаха, а теперь Штирнера. Во многом, что он говорит о Фейербахе, Гесс прав, но, с другой стороны, он сохранил еще некоторые идеалистические повадки — когда он начинает говорить о теоретических вещах, то он выражается категориями. Поэтому он не умеет писать популярно, он для этого чересчур абстрактен. По той же причине он ненавидит также всякий и всяческий эгоизм и проповедует любовь к людям и т. д., что опять сводится к христианскому самопожертвованию. Но если телесный индивидуум представляет истинную основу, истинный исходный пункт для наших «людей», то, само собой разумеется, эгоизм, — конечно, не *один только* штирнеровский рассудочный эгоизм, но и *эгоизм сердца*, — должен быть также исходным пунктом для нашей любви к людям, иначе последняя висела бы в воздухе. Так как Гесс к вам скоро придет, то ты можешь с ним сам побеседовать на эту тему. Впрочем, вся эта теоретическая болтовня мне с каждым днем все больше надоедает, и всякое слово, которое приходится сказать о «человеке», всякая строка, которую приходится писать или читать против теологии и абстракции, а равно и против грубого материализма, раздражают меня. Совсем другое дело, когда, вместо всех этих призраков, — ведь и не реализовавшийся еще человек остается до своей реализации таким призраком, — занимаешься действительными, живыми предметами, историческим развитием и

его результатами. Это, по крайней мере, лучшее, что нам остается, пока мы вынуждены пользоваться еще пером и не можем воплощать наши идеи в действительность непосредственно руками или, если это необходимо, кулаками.

Книга Штирнера показывает опять, как глубоко лежит в характере берлинца абстракция. Из всех «свободных» Штирнер несомненно наиболее талантливый, самостоятельный и прилежный. Несмотря на все это, он перескакивает только из идеалистической абстракции в материалистическую и, таким образом, не приходит ни к чему. Мы слышим об успехах социализма во всех частях Германии, только в Берлине ни следа. Эти сверхумные берлинцы устроят себе еще *démocratie pacifique*, когда вся Германия уже отменит собственность — дальше они, наверное, не пойдут. Вот увидишь, скоро среди них восстанет новый мессия, который переделает Фурье на гегелевский лад, сконструирует фаланстеры из вечных категорий и докажет, в форме вечного закона к себе возвращающейся идеи, что капитал, талант и труд должны получать определенную долю дохода. Это станет новым заветом гегельянства, старый Гегель станет ветхим заветом, «государство», закон, станет «надсмотрщиком над христианством», и фаланстер, в котором отхожие места будут размещены в порядке логической необходимости, станет «новым небом», «новой землей», новым Иерусалимом, который спускается с неба, как разукрашенная невеста, о чем мы подробно будем читать в новом Апокалипсисе. А когда все это будет закончено, тогда придет критическая критика, заявит, что она есть воплощение всего, что она объединяет в своей голове капитал, талант и труд, что все, что произведено, идет через нее, а не через бессильную массу, — и захватит все для себя. Таков будет конец гегелевской «мирной демократии».

Если «Критическая критика» готова, то пришли мне несколько экземпляров в запечатанных конвертах через книжный магазин, иначе они будут конфискованы. На тот случай, если ты не получил моего последнего письма, я еще раз повторяю, что ты можешь мне либо писать Е. junior, Бармен, или в конверте И.-В. Штрюккеру и К^о, Эльберфельд. Это письмо посылаю тебе с оказией.

Пиши мне скорее — вот уже два месяца, как я ничего о тебе не знаю. Что поделявает «Vorwärts»? Кланяйся всем.

Твой Ф. Э.

1845 год.

3.

[Бармен, 20 января 1845 г.]

Дорогой Марке!

Если я не ответил тебе раньше, то главным образом потому, что ждал обещанных тобою номеров «Vorwärts». Но так как их до сих пор нет, то я перестал их ждать, как и «Критическую критику», о которой я ничего больше не слышу. Что касается Штирнера, то я с тобою совершенно согласен. Когда я писал тебе о нем, я находился еще слишком под непосредственным впечатлением книги, а с тех пор как я отложил ее и больше обдумал, я прихожу к тем же выводам, что и ты. Гесс, который все еще тут и с которым я говорил две недели назад в Бонне, после некоторых колебаний пришел к тому же заключению, что и ты. Он прочитал мне свою статью о книге, которую он скоро опубликует и в которой он, еще до ознакомления с твоим письмом, говорит то же самое. Я оставил ему твое письмо, потому что он хотел из него кое-что использовать, и поэтому отвечаю тебе на память.

Что касается моего приезда, то не подлежит никакому сомнению, что через два года я буду у вас и, во всяком случае, ближайшей осенью приеду на четыре—шесть недель. Если полиция лишит меня возможности работать, то я наверное приеду, а при теперешнем положении дел эти негодяи могут каждый день нас потревожить. Мы увидим на примере журнала Пюттмана, как далеко можно зайти без риска быть арестованными или прихлопнутыми. — Мой роман закончился печально. Избавь меня от скучных объяснений, теперь ничем не поможешь, да мне эта история и без того уже причинила много огорчений. Я рад, что могу, по крайней мере, опять работать, и если бы я тебе опять обо всем написал, то испортил бы себе весь вечер.

Последняя новость: начиная с 1 апреля, Гесс и я будем издавать у Тиме и Буца в Гагене журнал «Gesellschaftsspiegel», в котором мы будем давать картины социальной нищеты и буржуазного режима. Проспект и пр. — в ближайшие дни. А пока будет хорошо, если

поэтический «Ремесленник» даст себе труд прислать нам несколько картин *тамошней* нищеты. В особенности отдельные случаи, так как это сильнее всего действует на филистера, которого еще только нужно готовить к восприятию коммунизма. Редактирование журнала отнимает не много времени, материал, чтобы заполнить ежемесячно четыре листа, сотрудники легко доставят; таким образом, у нас мало работы и большое поле действия. Кроме того Пюттман будет издавать у Леске трехмесячник «Рейнские летописи», во внецензурном формате, посвященный специально коммунизму. Ты мог бы также принять в нем участие. Да и без того было бы не вредно, если бы мы часть наших работ публиковали два раза: сначала в журнале, а после отдельно; запрещенные книги обращаются менее свободно, и мы имеем, таким образом, двойной шанс, чтобы воздействовать на читателей. Ты видишь, мы имеем тут в Германии достаточно работы, чтобы заполнить все эти журналы и еще, кроме того, готовить более крупные труды. Но нам приходится корпеть, если хотим сделать что-нибудь путное, и хорошо еще, если работа захватывает. Моя книга об английских рабочих будет через две-три недели готова, ватем я недели четыре посвящу мелким вещам, а после примусь за работу об историческом развитии Англии и английского социализма.

Что мне доставляет особенное удовольствие, так это вторжение коммунистической литературы в Германию, которое теперь представляет *fait accompli*. Всего только год, как она начала завоевывать себе место вне Германии, в Париже, и, в сущности, только возникла, а теперь она даже немецкому Михелю села на шею. Газеты, еженедельники, ежемесячники и трехмесячники, и надвигающаяся тяжелая артиллерия — все как следует. Чертовски быстро все это развивалось! Подпольная пропаганда тоже принесла свои плоды: всякий раз, когда я попадаю в Кёльн или здесь в наш кабачок, — новые успехи, новые прозелиты. Кёльнское собрание произвело чудеса — мало-по-малу открываются отдельные коммунистические группы, которые развились втихомолку и без нашего прямого содействия.

«Общепольный еженедельник», который прежде издавался вместе с «Рейнской газетой», теперь также в наших руках. Д'Эстер взял его в свои руки и уже постарается кое-что из него сделать. Что теперь нам более всего нужно, так это несколько крупных работ, которые создали бы опорный пункт для всех полужнаек, охотно желавших бы, но не умеющих справиться с задачей. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии, хотя

бы ты ею был не совсем удовлетворен. Все равно, головы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо. Мои английские вещи, конечно, тоже произведут свое действие, факты говорят слишком красноречиво, но все же я хотел бы иметь более свободные руки, чтобы сделать нечто, что в настоящий момент и для немецкой буржуазии было бы солиднее и убедительнее. Мы, немцы-теоретики, — хотя это и смешно, но это — знамение времени, характеризующее разложение немецкой национальной мерзости, — не можем приняться за развитие теории, мы все еще не могли даже опубликовать критику нелепости. Но теперь пора сделать это. Постарайся поэтому, чтобы ты был готов *до* апреля. Делай, как я. Назначь себе срок, к которому ты обязательно *должен быть готов*, и позаботься, чтобы это было скорее напечатано. Если ты не сможешь сделать это там, то печатай в Маннгейме, Дармштадте или другом месте. Но появиться оно должно поскорее.

Что ты растянул «Критическую критику» на двадцать листов, меня, конечно, не мало удивило. Но это очень хорошо, так как теперь появляется многое из того, что иначе еще долго лежало бы в твоём письменном ящике. Но если ты оставил на книге мое имя, то это произведет странное впечатление, так как я едва написал в ней полтора листа. Как я уже сказал, я ничего не слышал о Левентале, а также о выходе книги, которую, конечно, жду с большим нетерпением.

Вчера я получил «Vorwärts», которого не видел со времени моего отъезда. Некоторые шутки Бернайса доставили мне большое удовольствие; этот парень умеет вызывать смех, что со мной редко случается при чтении. В общем же газета плоха и недостаточно интересна и поучительна для того, чтобы многие немцы хотели иметь ее постоянно. В каком она положении и правда ли, как я слышал в Кёльне, что ее собираются превратить в ежемесячник? Мы тут так завалены работой, что от нас можно надеяться только на случайные статьи. Вам придется тоже понатужиться. Пиши раз в четыре — шесть недель статью и не поддавайся твоему «настроению». Почему не пишет ничего Бакунин и почему нельзя заставить Эвербека писать хотя бы тривиально? Бедный Бернайс сидит теперь, наверное, в кутузке; поклонись ему от меня и скажи ему, чтобы он не принимал этого слишком близко к сердцу. Два месяца пройдут скоро, хотя это довольно противно. Что вообще поделывают наши ребята? Ты ничего не пишешь об этом. Приехал ли опять Герье, пишет ли Бакунин по-французски? Чем занимается теперь вся банда, которая в августе каждый вечер посещала Quai Voltaire? Что

собираешься ты делать? Каково твое положение? Живет ли еще у вас внизу Fouine [Руге]? Он недавно опять разразился статьей в «Телеграфе» — само собою разумеется, опять о патриотизме. Курьезно, как усердно он выезжает на этом коньке: ему на все наплевать, если ему только удастся уничтожить патриотизм. Вероятно, это была та статья, которую он не хотел дать Фребелю. Немецкие газеты недавно сообщили, что Руге возвращается в Германию. Если это правда, я поздравляю его, но это слишком вероятно, иначе ему пришлось бы опять приобрести себе омнибус с кловетом, а это ведь невозможно.

Я говорил недавно с одним человеком, приехавшим из Берлина. Разложение остатков кружка «свободных», повидимому, вполне закончено. Кроме Бауэров с ними прекратил, кажется, сношения и Штирнер. Только Мейен и Рутенберг с товарищами продолжают, ничтоже сумняшеся, как и шесть лет назад, ходить ежедневно в два часа после обеда к Штегели и переливать из пустого в порожнее. Теперь они добрались до «организации труда» и на этом застрянут. Повидимому, даже Науверк осмелился сделать этот шаг, так как он усердно выступает на собраниях. Я ведь уже писал тебе, что они еще станут все «*démocrates pacifiques*».¹ При этом все они «признают» ясность и т. д. наших статей в «Летописях». Если меня скоро опять укусит бес, то я завяжу корреспонденцию с маленьким Мейеном, ибо если нельзя иметь с ними удовольствия, то, может быть, можно получить удовольствие *от них*. А то здесь нет случая с кем-нибудь как следует поругаться. Я веду ту жизнь, какую может пожелать самый отчаянный филистер, — тихую и спокойную жизнь, благочестивую и почтенную, сижу в комнате и работаю, почти не выхожу, стал солиден, как немец. Если это будет так продолжаться, то я даже боюсь, что господь простит мне мои писания и пустит на небо. Уверяю тебя, я тут, в Бармене, начинаю пользоваться хорошей репутацией. Но я не выдержу дольше и на Пасху хочу уехать отсюда, вероятно в Бонн. Уступая настояниям моего зятя и не желая огорчать моих стариков, я опять попытался взяться за коммерцию и вот уже две недели захаживаю в контору. Отчасти меня побудил к этому и мой роман. Но это мне надоело раньше, чем я начал как следует работать. Коммерция противна, Бармен противен, трата времени противна и в особенности противно оставаться не только буржуа, но и фабрикантом, активно выступающим против пролетариата буржуа. Несколько дней на фабрике моего старика опять показали мне воочию всю эту мерзость. Я, конечно, рассчитывал остаться в деле, пока мне это будет удобно, а там напи-

сать что-нибудь противоположеское, чтобы мало-мальски прилично перебраться за границу, но я не выдержу так долго. Если бы я не был вынужден ежедневно регистрировать в моей книге отвратительнейшие картины из жизни Англии, я, вероятно, уже успел бы прокиснуть, но именно эта работа давала новую пищу моему бешенству. Еще можно, будучи коммунистом, оставаться, по своему внешнему положению, буржуа и дельцом, *если не пишешь*, — но заниматься одновременно коммунистической пропагандой и торговлей и промышленностью никуда не годится. Баста, на Пасху я уезжаю. Ко всему этому — усыпляющая жизнь в христианско-прусской семье; вести ее дольше нельзя, ибо, в конце концов, я стану немецким филистером и внесу еще это филистерство в коммунизм. — Не заставляй меня так долго ждать твоего письма, как я заставил тебя. Привет твоей жене, хотя я с нею все еще не знаком, и всем, кто этого заслуживает. Пока пиши еще сюда: если я уеду, мне перешлют твои письма.

Твой Ф. Э.

¹ мирными демократами.

4.

Бармен, 22 февраля 1845 г.

Дорогой Маркс!

Наконец, после долгой переписки с Кёльном, я получил твой адрес и сейчас же сажусь тебе писать. Как только пришло известие о твоей высылке, я счел необходимым открыть сейчас же подписку, чтобы коммунистически распределить между нами все причиненные тебе лишние расходы. Она пошла хорошо, и недели три назад я послал 50 с лишком талеров Юнгу; я написал также дюссельдорфцам, которые собрали столько же, а в Вестфалии я поручил агитировать Гессу. Подписка там еще не закончена, живописец Кеттген затянул дело, и я еще не имею всех денег. Я надеюсь, однако, через несколько дней получить все деньги, и тогда я тебе вышлю в Брюссель вексель. Так как я не знаю, хватит ли этого, чтобы ты мог устроиться в Брюсселе, то, само собой разумеется, мой гонорар за первую английскую статью, который я скоро получу хотя бы частью и без которого я могу обойтись, так как займу у отца, я предоставляю с величайшим удовольствием в твое распоряжение. Эти собаки не должны, по крайней мере, радоваться, что поставили тебя в затруднительное денежное положение. Верх мерзости, что тебя заставили еще заплатить за квартиру вперед. Боюсь, впрочем, что тебя не оставят в покое и в Бельгии и что тебе придется, в конце концов, переехать в Англию.

Но довольно об этой подлой истории. Круге, наверное, уже был у тебя. Он великолепный агитатор. Он расскажет тебе много о Фейербахе. На другой день после его отъезда я получил письмо от Ф[ейербаха], которому мы писали. Он говорит, что должен сначала основательно покончить с религией, прежде чем сможет настолько заняться коммунизмом, чтобы отстаивать его в литературе. Кроме того он в Баварии слишком оторван от всей жизни, чтобы взяться за это. Впрочем, он коммунист, и его занимает лишь вопрос, как осуществить коммунизм. Если возможно, он летом приедет на Рейн, и тогда он должен поехать в Брюссель. Мы уж поможем ему.

Тут, в Эльберфельде, происходят чудеса. Вчера мы устроили в самой большой зале и первом ресторане города наше третье коммунистическое собрание. На первом присутствовало 40, на втором — 130, на третьем, по меньшей мере, — 200 человек. Весь Эльберфельд и Бармен, от денежной аристократии до лавочников, за исключением лишь пролетариата, был там представлен. Гесс читал реферат. Читали стихотворения Мюллера, Пюттмана и отрывки из Шелли, а также статью о существующих коммунистических колониях, опубликованную в «Bürgerbuch». Потом дискутировали до часу. Успех колоссальный. Коммунизм является главной темой разговоров, и каждый день приносит нам новых приверженцев. Вуппертальский коммунизм — уже факт и почти сила. Ты не имеешь никакого представления, насколько здесь благоприятна для этого почва. Самые глупые, беззаботные, проникнутые филистерством люди, ничем в мире не интересовавшиеся, начинают увлекаться коммунизмом. Как долго нас оставят в покое, я не знаю. Полиция во всяком случае в большом затруднении: она не знает, что ей делать, а главная скотина, ландрат, как раз теперь в Берлине. Но если наши собрания запретят, мы обойдем это, а если не удастся, то мы уже настолько всех расшевелили, что все наши литературные произведения здесь читаются нарасхват. Так как я на Пасху уезжаю, то тем лучше, что Гесс думает здесь поселиться и издавать у Бедекера в Эльберфельде ежемесячник, проспект которого, мне кажется, имеется уже у Круге. Я, как писал, переезжаю во всяком случае в Бонн. Мое предполагавшееся путешествие в Париж отпадает, так как мне теперь там нечего делать, зато я, наверное, приеду в Брюссель, тем более, что мать моя и обе сестры летом поедут в Остенде. Кроме того я должен еще раз посетить коммунистов в Билефельде и, если Фейербах не приедет, заехать к нему, а после, если буду иметь время и деньги, я хочу еще раз съездить в Англию. Как видишь, у меня хорошие планы. Берген-

рот говорил мне, что он, вероятно, через несколько дней будет в Брюсселе. Вместе с другими дюссельдорфцами он был на нашем втором собрании и выступал. Это совсем другое дело — стоять перед живыми, настоящими людьми и проповедывать им непосредственно, физически, открыто, чем заниматься проклятым абстрактным писательством, имея перед «умственным взором» такую же абстрактную публику.

Я должен опять от имени Гесса — и от моего также — просить тебя послать что-нибудь Пюттману для его трехмесячника. Мы должны все вместе появиться уже в первом выпуске, чтобы журнал получил определенный характер. Да и все равно без нас он не выйдет.

25 февраля.

Вчера вечером пришло известие, что наше ближайшее собрание будет разогнано жандармами и что ораторы будут арестованы.

26 февраля.

Вчера утром обер-бургомистр запретил госпоже Обермейер отдавать ее помещение для собраний, а мне было официально передано, что если, несмотря на это запрещение, собрание будет устроено, то последует арест и суд. Мы, конечно, не обратили на это внимания и должны ждать, привлекут ли нас, что, впрочем, мало вероятно, так как мы были настолько умны, чтобы не давать им для этого никакого повода, и вся история кончилась бы только большим позором для правительства. На собрании ведь были прокуроры и члены суда, а обер-прокурор принимал участие в прениях.

7 марта.

С того времени, как я писал предыдущие строки, я провел неделю в Бонне и Кёльне. Кёльнцы могут устраивать собрания благодаря союзу. По нашему делу пришел указ из Дюссельдорфа, которым запрещаются дальнейшие собрания. Гесс и Кеттген протестовали. Это, конечно, не поможет, но правительство из характера протеста увидит, что оно с нами ничего не может поделать. Гесс опять в очень сангвиническом настроении, так как все идет удачно и наши успехи действительно огромны: добрый малый всегда строит воздушные замки.

Наше «Gesellschaftsspiegel» будет великолепно, первый лист уже цензурован, и все прошло. Статей масса. Г[есс] живет в *Бармене* в гостинице «*Город Лондон*». Бергенрот, по всей вероятности, к вам не так скоро попадет, зато приедет другой, которого я не хочу назвать, так как это письмо наверное будет вскрыто. Если возможно, то я в апреле приеду. Денежный вопрос для меня теперь

наиболее важный, так как я, из-за собрания, имел семейную сцену, и старик заявил мне, что он готов давать мне деньги для моих «научных занятий», но не на какие-либо коммунистические цели.

Я написал бы тебе еще о многом, если бы имел безопасный адрес в Брюсселе. Ты должен мне достать его. Много, что здесь случилось, могло бы повредить кое-кому, если бы письмо было прочтено в черном кабинете. Я остаюсь еще четыре недели и в начале апреля еду в Бонн. Напиши мне еще раз сюда, чтобы мы знали, как твои дела. Деньги почти уже все собраны, не знаю, сколько, но сейчас же будут отосланы. Мой манускрипт будет отослан на-днях.

«Критическая критика» все еще не получена. Новое название: «Святое семейство», меня еще больше поссорит с моим благочестивым и без того уже сильно раздраженным стариком. Ты, конечно, не мог этого знать. Как видно из объявления, ты мое имя поставил первым. Почему? Я ведь почти ничего не написал, и твой стиль ведь все узнают.

Пиши мне сейчас, нужны ли тебе еще деньги. Виганд недели через две должен выслать мне кое-что, и тогда ты можешь располагать этим. Я боюсь, что по подписке получится всего 120 — 150 франков.

А рггос. Мы собираемся перевести Фурье и, если возможно, вообще издавать «Библиотеку выдающихся заграничных социалистов». Лучше всего будет начать с Фурье. Переводчиков мы уже нашли. Гесс сообщил мне только-что о вышедшем во Франции словаре к произведениям Фурье, составленном каким-то фурьеристом. Ты, наверное, знаешь эту книгу. Напиши мне о ней и, если возможно, пошли мне один экземпляр по почте. Рекомендуй также сочинения французов, которые, по твоему мнению, годятся для библиотеки. Поскорее, так как нужно торопиться, ибо мы уже ведем переговоры с одним издателем. Как подвигается твоя книга? Я должен ввязаться теперь за свой манускрипт. Будь здоров и отвечай сейчас же по всем пунктам.

Кланяйся Криге и Бюргеру. Где Бернайс?

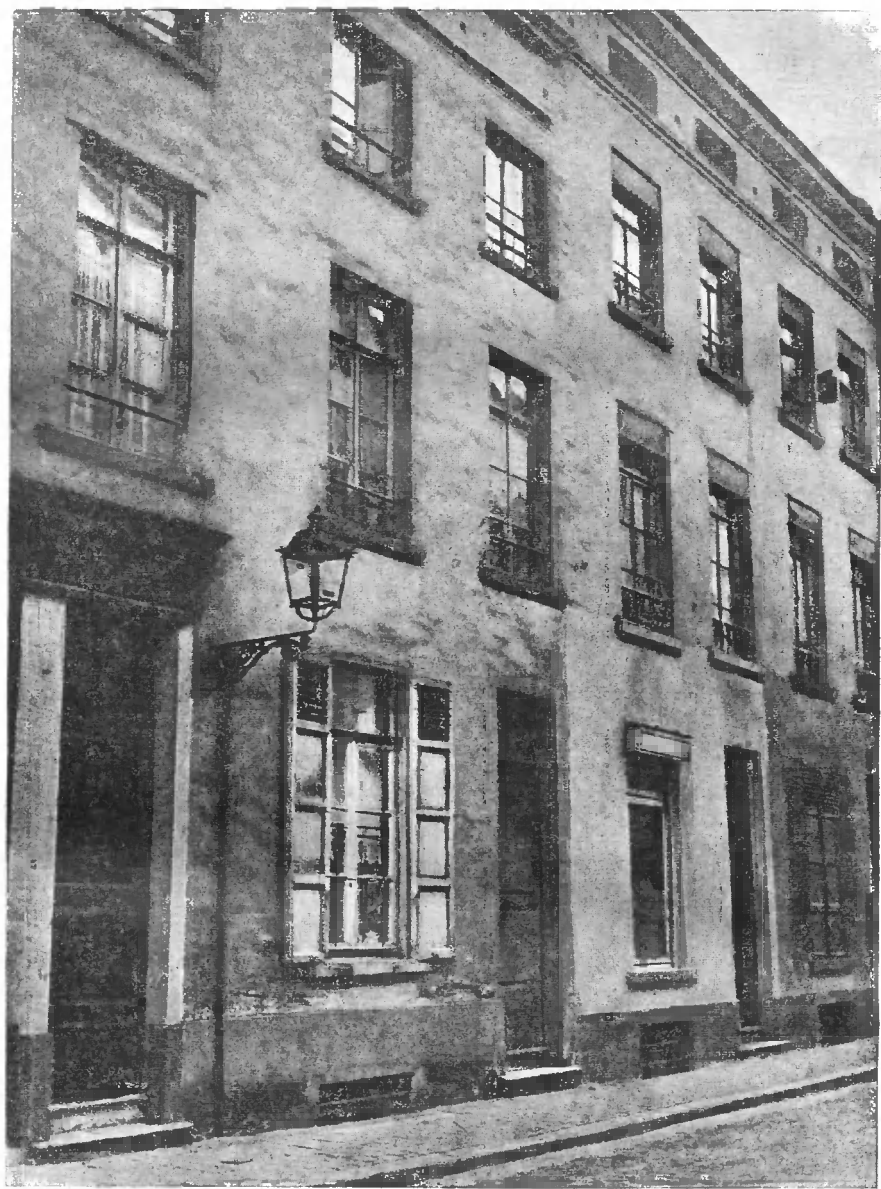
Твой Ф. Э.

5.

Бармен, 17 марта 1845 г.

Дорогой Маркс!

Вчера Гесс передал мне твое письмо. Что касается переводов, то дело еще совсем не налажено. В Бонне я хотел дать тамошним знакомым Фурье для перевода под моим надзором и руководством,

Дом в Брюсселе (5-7, rue d'Alliance), в котором жили Маркс и Энгельс
с 1 мая 1845 до 7 мая 1846 г.

конечно — с пропуском космогонической нелепицы, и, если издатель был бы согласен, выпустить эту вещь как первую часть библиотеки. Я говорил об этом с Б[едекером], издателем «Gesellschafts-spiegel», и он, повидимому, был непрочь взяться за это, но для *большой* библиотеки у него нет достаточно средств. Если мы издадим ее в этом виде, то лучше обратиться к Леске или к кому-нибудь другому, кто имеет достаточно средств. Взять на *себя лично* перевод я в это лето не могу, так как должен спешить с английскими вещами. Первая работа отправлена на этой неделе Виганду, и так как я с ним договорился, что, при получении манускрипта, он должен выслать мне 100 талеров, то дней через 8 — 12 я надеюсь получить деньги и послать тебе. Пока для тебя имеется 122 франка 22 сантима с 26 марта на Брюссель.

С этим письмом ты получишь остаток собранных денег. Если бы альберфельдцы не затянули так сильно все дело, — они могли бы собрать еще среди своих буржуазных друзей двадцать талеров, — то ты получил бы деньги и раньше, и в большем количестве.

Возвращаюсь к библиотеке. Не знаю, будет ли *исторический* порядок наилучшим. Так как французы и англичане должны чередоваться, то историческая последовательность все равно будет нарушаться. Кроме того я думаю, что лучше было бы пожертвовать *теоретическими* интересами в пользу практических соображений и начать с тех вещей, которые дадут немцам больше всего материала и которые ближе всего к нашим принципам. Следовательно, с лучших вещей Фурье, Оуэна, сен-симонистов и т. д. Морелли можно было бы дать раньше. Очерк исторического развития можно было бы дать во введении к библиотеке, так что читатель мог бы легко ориентироваться. Это введение мы могли бы сделать вместе — ты взял бы Францию, я — Англию. Это не трудно будет сделать, если я, как предполагаю, приеду к вам через три недели. Во всяком случае, мы могли бы обсудить этот план. Но необходимо начать с таких вещей, которые имели бы практическое, решающее значение для немцев и избавили бы нас от необходимости еще раз повторять то, что другие сказали до нас. Если бы мы хотели дать собрание источников по истории социализма или, скорее, историю социализма в документах и по источникам, то мы, боюсь, не скоро справились бы с этой работой, да и наскучили бы читателю. Поэтому я за то, чтобы мы давали только такие вещи, которые, по своему содержанию, и теперь еще имеют положительный интерес. «Политическая справедливость» Годвина, как критика политики с политической и гражданско-социальной точки зрения, могла бы,

таким образом, совершенно отпасть, несмотря на многие прекрасные вещи, в которых Г[одвин] граничит с к[оммунизмом], так как ты ведь дашь *полную* критику политики. Тем более, что Годвин в заключение приходит к выводу, что человек по возможности должен эмансипироваться от общества и пользоваться им лишь как предметом роскоши («P[olitical] J[ustice]», II, книга 8, приложение к 8 главе), да и вообще он в своих выводах решительно *антисоциален*. Впрочем, я книгу эту читал уже давно, когда мне самому многое было неясно, и должен ее еще раз основательно прочитать. Возможно, что она дает больше, чем я тогда нашел. Если мы включим Годвина, то мы не можем не дать его дополнения, Бентама, хотя последний крайне скучен и теоретичен. — Напиши мне об этом, и мы увидим, что можно сделать. Так как эта идея нам обоим пришла в голову, то ее нужно осуществить — я подразумеваю библиотеку. Гесс, наверное, с удовольствием примет в ней участие, я — тоже, как только найду время. У Гесса времени достаточно, так как он теперь, кроме редакции «Gesellschafts-spiegel», ничем не занят. Если мы сойдемся в главном, то мы сможем после, когда я приеду к вам, — а я теперь еще больше об этом буду хлопотать, — выработать весь план в деталях и приступить к делу.

«Критическая критика», — я, кажется, уже писал тебе, что она получена здесь, — прямо-таки великолепна. Твои рассуждения об еврейском вопросе, истории материализма и «Тайнах» превосходны и произведут большое впечатление. Но, при всем том, книга слишком велика. Величественное презрение, с которым мы оба выступаем против «Лит[ературной] г[азеты]», очень мало гармонирует с 22 листами, которые мы ей посвящаем. Кроме того значительная часть критики спекуляции и абстрактной сущности вообще останется непонятной большой публике и не всех будет интересовать. В остальном вся книга прекрасно написана и заставляет читателя смеяться до упаду. Б[ауэры] не смогут ничего ответить. Бюргерс мог бы, если он напишет о книге в первом выпуске журнала Пюттмана, указать причину, по которой я написал так мало и обработал только те части, которые не требовали особого труда, — мое короткое, всего лишь десятидневное пребывание в Париже. И без того производит комическое впечатление, что я написал едва полтора листа, а ты больше двадцати. Абзац о «проституции» ты лучше бы выпустил. Слишком мало, да и не имеет значения.

Удивительно, что, кроме библиотеки, я сошелся с тобой еще в другом плане. Я тоже хотел написать для Пюттмана критику Листа — к счастью, он мне во-время об этом сообщил. Так как я

хотел заняться Листом *практически*, развить *практические* выводы его системы, то одну из моих эльберфельдских речей (отчет будет напечатан в журнале Пюттмана), в которой я сделал это вкратце, я разработаю подробнее. Кроме того я предполагаю, — на основании письма Бюргерса к Гессу, да и зная твои личные наклонности, — что ты обратишь большее внимание на его теоретические *предпосылки*, чем на выводы.

Я веду тут поистине собачью жизнь. История с собраниями и «легкомыслие» некоторых здешних коммунистов, с которыми я встречаюсь, опять разбудили весь религиозный фанатизм моего старика. Мое заявление, что я окончательно отказываюсь от торгашества, его еще более рассердило, а мое открытое выступление в качестве коммуниста развило в нем к тому же и настоящий буржуазный фанатизм. Ты можешь себе представить теперь мое положение. Так как недели через две я уезжаю, то не хочу начинать скандала и все покорно сношу. Они к этому не привыкли и потому становятся храбрее. Когда я получаю письмо, то его обнюхивают со всех сторон, прежде чем передают мне. А так как они знают, что все эти письма от коммунистов, то они при этом строят такие печальные физиономии, что хоть с ума сходи. Выхожу я, — все та же физиономия. Сижу я у себя в комнате и работаю, — конечно, над коммунизмом, это прекрасно знают, — все та же физиономия. Я не могу ни есть, ни пить, ни спать без того, чтобы предо мною не стояла все та же плачевно-жалобная физиономия. Остаюсь ли я дома, ухожу ли, молчу ли я, или говорю, читаю ли я, или пишу, смеюсь или нет — отец мой строит все то же уныло-скорбное лицо. К тому же старик мой так плохо разбирается во всем, что считает одинаково «революционным» коммунизм и либерализм и, несмотря на все мои возражения, делает меня ответственным за все гнусности английской *буржуазии* в парламенте. А тут еще у нас в доме царит неделя благочестия. Восемь дней назад были у конфирмации брат и сестра, сегодня вся родня собирается к ужину — и лица моих стариков еще более печальны, чем всегда.

А, к довершению несчастья, вчера вечером я был вместе с Гессом в Эльберфельде, где мы до двух часов проповедывали коммунизм. Сегодня, конечно, опять вытянувшиеся физиономии, намеки, волнение по поводу моего позднего возвращения. Наконец, они собрались с духом, чтобы спросить, где я был. — «У Гесса». — «У Гесса! О, боже!» — Большая пауза, христианское отчаяние на лице. — «Что за общество ты выбираешь себе?!» — Вздохи и т. д. Просто с ума сойти можно. Ты не имеешь никакого представления, сколько коварства

в этой христианской охоте на мою «душу». А если мой отец еще откроет, что существует «Критическая критика», то он в состоянии выбросить меня из дому. Кроме того — постоянное раздражение при виде своей полной беспомощности. Ведь они находят наслаждение в том, что терзают и мучат себя всякими фантазиями об аде, и в то же время им нельзя объяснить даже самые элементарные принципы справедливости.

Если бы не мать, — она воистину прекрасный человек и только по отношению к отцу несамостоятельна, — которую я действительно люблю, то я никогда бы не сделал моему фанатическому и деспотическому отцу ни малейшей уступки. А теперь мать моя каждый раз болезненно огорчается и из-за меня страдает жестокими головными болями. Я не могу больше этого переносить, я должен уехать и с трудом себе представляю, как я еще выдержу здесь две недели. Но, так или иначе, я уже устроюсь.

Что касается всего прочего, то нового ничего нет. Буржуазия играет политику и ходит в церковь, а что делает пролетариат — мы не знаем, да и вряд ли можем знать. Адрес, по которому вы отправили последнее письмо, пока еще надежен. Сегодня вечером я надеюсь получить деньги, и только что Кеттген уверял меня, что он через пару дней достанет еще. Я ему, однако, не особенно верю: К[еттгена] можно иметь только там, где он может выдвинуться на первый план, в общем же он никуда не годится и ничего не делает. Adios.

э

Твой Э.

1846 год.

6.

Остенде, 11, rue St-Thomas, 27 июля 1846 г.

Дорогой Марк!

Я несколько дней потратил на поиски квартиры для тебя, но почти ничего не нашел. Квартиры либо слишком велики, либо слишком малы. Редки две жилые комнаты вместе, спальни по большей части ужасно тесны. Enfin,¹ вчера я нашел две квартиры au choix:² 1) две большие комнаты на втором и третьем этаже, в каждой комнате кровать, за 95 фр. в месяц; за третью кровать 30 фр. добавочных; завтрак — $\frac{1}{2}$ фр. в день с головы или с желудка; 2) небольшой дом, принадлежащий тому же самому хозяину: одна жилая комната внизу, наверху две смежные спальни, одна из которых довольно велика, и кабинет, за 150 фр. в месяц, завтрак au même prix.³ Тот, кто снимает дом, получает прислугу для уборки. Вышеупомянутые обе комнаты находятся в ресторане Au duc de Brabant, Rue du lait battu, где, значит, в крайнем случае можно получить и стол. Но вы там в этом отношении совершенно независимы. Во всяком случае, если ты имеешь в виду одну из этих квартир, ты хорошо сделаешь, если остановишься в duc de Brabant, там дешевле, чем в гостинице, и если комнаты тебе не понравятся, ты можешь просить хозяйку показать тебе дом — он находится на Rue des soeurs blanches, № 5. Если бы это оказалось неподходящим, то ты найдешь другой дом. Квартиры, впрочем, сильно вздорожали в сравнении с прошлым годом, как и все остальное. Обед ты можешь получить за 5 фр. для всей семьи, бифштекс 1 фр., котлеты также, вино 2 — 3 франка. Пиво здесь очень плохое, сигары плохие и очень дорогие; хорошо сделаешь, если привезешь с собою несколько сотен из Брюсселя; если ты так устроишься, то можно предположить, что в общем твои расходы выразятся в следующей сумме:

Квартира	125 — 150 фр.
Завтрак	45 — 45 »
Обед	150 — 175 »
(если ты иногда будешь есть на берегу моря: здесь много жрут)	
Ужин, 2 — 3 бифштекса	60 — 90 »

Кофе после обеда, крайне необходимый на берегу, 2 чашки	18 — 18 фр.
Ванны 1,30 — 1,50 фр.	около 40 »
Стирка белья стоит очень дорого, минимум	20 — 30 »
	418 — 508 фр.

Кроме того желательны еще 100 фр. на incidental expenses,⁴ так как без них здесь очень скучно. Больше одного месяца тебе здесь незачем оставаться. Только хромые или совершенно разбитые люди остаются дольше. Но ты должен условиться так, чтобы сверх месяца считали тебе à tant par jour,⁵ в противном случае они зачтут тебе половину месяца, если ты проведешь лишних два дня.

Вообще здесь живется очень скучно. Скучный барменский филистер, la bête des bêtes,⁶ был первые дни, кроме моей семьи, моим единственным обществом. Вчера приехал из Лондона Бланк (которого ты знаешь); наконец я через него познакомился с одним французом, qui a beaucoup d'esprit⁷ и вообще дельный малый, хотя он провел 15 лет в Эльберфельде и par conséquent⁸ говорит по-немецки.

«В заключение я должен еще упомянуть» историю с г-жей Гесс. Это очень печально, но нельзя же заставить ее отвечать за глупости и т. д. и т. д. Гесса. Я постараюсь перевезти ее через границу, если я у своего старика достану необходимые для поездки в Париж деньги, в чем я еще не уверен. Прилагаемую ерунду пошли в утешение божьему человеку в Кёльн. Жена уже, очевидно, в Брюсселе?

Из великих мужей здесь никого нет. Они приезжают только в августе. Еще неизвестны имена тех высокопоставленных немцев, которые приедут сюда. Пока я должен, значит, удовлетвориться прусским банковским проектом. Замечательно, что эти господа воображают, будто могут получить таким образом много денег. Пожалуй, можно к этому побудить нескольких крупных банкиров, которые в качестве «наиболее привилегированных» захотят заключить свои тайные договоры с бюрократами, например, чтобы их акции не подлежали оплате, чтобы они контрабандно были проведены в центральный комитет и т. д. и т. д. Но кроме них — никто не пойдет на это. Знаменательно, «что ни имена подписавшихся, ни подписанные ими суммы не должны стать известны». Ожидают, значит, очень мало денег и хотят гарантировать себя от скандала; настоящий бюрократизм.

Напиши мне немедленно, приедешь ли ты и когда.

Твой Ф. Э.

[В тексте письма карикатура с припиской Энгельса:]

Эти картины вчера можно было видеть в море как мужчинам, так и женщинам.

¹ наконец. ² на выбор. ³ по той же цене. ⁴ непредвиденные расходы. ⁵ по столько-то в день ⁶ набитый дурак. ⁷ который очень остроумен. ⁸ следовательно

7.

[Париж], Cercle Valois, Palais Royal, 19 августа 1846 г.

Дорогой Маркс!

После утомительного и скучного путешествия наконец в субботу вечером прибыл сюда. Эв[ербек] встретил сейчас же. Он очень предан, покладист, впечатлительнее, чем когда-либо, одним словом, я надеюсь — при некотором терпении — во всех отношениях хорошо ладить с ним. Об отчаянии по поводу партийных споров нет больше речи — по той простой причине, что он сам теперь поставлен в необходимость вытащить здесь на буксире несколько вейтлингианцев. Что, собственно, произошло между ним и Грюном, что вызвало разрыв с ним, об этом и до сих пор еще мало известно. Известно только, что своим то раболепным, то высокомерным отношением Грюн сумел сохранить его привязанность и уважение. Эвербек имеет ясное представление о Гессе; il n'a pas la moindre sympathie pour cet homme-là.¹ Он и прежде питал к нему личную ненависть еще с тех пор, как они жили вместе. По поводу вестфальцев я задал ему порядочную головоломку. Вейд[емейер], этот негодяй, написал по-вестфальски слезное письмо Б[ернай]су, изображая благородных М[ейера] и Р[емшеля] мучениками дела, которые охотно пожертвовали всем, но которых мы, будто бы, с презрением оттолкнули и т. д.; и оба легковерных германца, Эв[ербек] и Б[ернай]с, вместе принимают вопить по поводу нашего жестокосердия и наших ссор и верят на слово лейтенанту. Прямо удивляешься возможности подобно легковерия. — Грюн надул рабочих франков на 300 под тем предлогом, что он отпечатает за эти деньги брошюру в Швейцарии в полтора листа. Теперь поступают деньги за нее, но рабочие из них не получают ни геллера. Они начинают теперь по этому поводу приставать к нему. Эвербек теперь сам видит, какую глупость он сделал, что ввел этого Гр[юна] в среду рабочих. Он боится теперь доноса со стороны Грюна, потому что считает его способным все донести полиции. Но как же легковерен этот молодец Эвербек! Этот негодяй Грюн сам рассказывал Эв[ербеку] обо всех своих проделках — конечно, как о героических поступках dévouement², а Эв[ербек] верит

ему во всем на слово. О прежних свинствах этого молодца он ничего не знал, кроме того, что *délinquant*³ сам счел возможным рассказать ему. Эвербек, впрочем, предостерегал Прудона относительно Грюна. Грюн опять здесь, живет на Менильмонтане и пишет отвратительнейшие статьи в «*Triersche Zeitung*». Мойрер перевел для Кабэ соответствующие места из книги Грюна. Можешь себе представить ярость Кабэ. В «*National*» Грюн также не пользуется никаким доверием.

Я был у Кабэ. Старичок был очень приветлив. Я слушал все его истории, рассказывал ему о боге, о дьяволе и т. д. Я думаю часто бывать у него. Но от корреспонденции мы должны его избавить. Во-первых, у него много дела, во-вторых, он слишком недоверчив. П у *verrait un piège*⁴ с целью злоупотребить его именем.

В «Эпигонах» я просмотрел «Сущность религии» Фейербаха. За исключением нескольких удачных мест книга эта написана в его старом духе. Вначале, когда он говорит только о естественной религии, он принужден больше придерживаться эмпирической почвы, но зато дальше замечается уже большая пестрота. Опять только сущность, человек и т. д. Я прочту это внимательнее и в ближайшее время пришлю тебе выписки важнейших мест, если они окажутся достаточно интересными для того, чтобы ты мог их использовать для Фейербаха. Пока же только два предложения. Вся статья, — около шестидесяти страниц, — начинается следующим определением природы, в отличие от человеческой сущности: «Существо, отличное и независимое (1) от человеческой сущности, или бога (!), о котором трактует «Сущность христианства», — существо без человеческой сущности (2), человеческих свойств (3), человеческой индивидуальности (4), — есть в действительности не что иное, как природа». Это — шедевр тавтологии, провозглашенной громовым голосом. К этому надо еще прибавить, что он в этом предложении религиозное существо, воображаемый *Phantom*⁵ природы целиком и полностью отождествляет с действительной природой. *Somme toujours*.⁶ Затем немного дальше он говорит: «Религия есть утверждение и признание того, что я есмь (!)... Возвыситься до сознания зависимости от природы, представить ее себе, проникнуться ею, признать ее — значит подняться до религии».

Министр Дюмон на этих днях был застигнут в рубашке у жены председателя. «*Corsaire-Satan*» рассказывает: Одна дама, которая подавала прошение Гизо, сказала: «Жаль, что такой прекрасный человек, как Гизо, *est toujours si sévère et boutonné jusqu'au cou*.⁷ Жена одного *employé* в *Travaux publics*⁸ говорит: *On ne peut*

pas dire cela de M. Dumon; on trouve généralement qu'il est un peu trop déboutonné pour un ministre.⁹

Quelques heures après,¹⁰ я в угоду Вейлю напрасно побежал в кафе Кардинал. — Вейль немного грустен, потому что «*Démocratie pacifique*»¹¹ не платит ему его гонорара, около 1 000 франков; у нее, повидимому, наступило нечто вроде *great crisis and stopping of cash payments*,¹² а Вейль слишком еврей, чтобы удовлетвориться банкнотами на первый фаланстер будущего. Впрочем, эти господа фурьеристы с каждым днем становятся все скучнее. «*Phalange*» не содержит ничего, кроме бессмыслицы. Сообщения из наследства Фурье ограничиваются все *mouvement aromal*¹³ и оплодотворением планет, которое *plus ou moins*¹⁴ происходит, повидимому, свади. Из оплодотворения Сатурна и Урана происходят навозные жуки, которые во всяком случае являются самими фурьеристами, — но главным навозным жуком является господин Гью Догерти, ирландец, который собственно даже еще не навозный жук, а личинка навозного жука — несчастное животное уже десятый раз (*10-me article*)¹⁵ путается в *question religieuse*¹⁶ и все еще не может решить, как бы ему прилично совершить свой *exit*.¹⁷

Бернайса я еще не видел. Но, по словам Эвербека, он вовсе не так плох, самое большое его несчастье — скука. Он, говорят, стал очень крепким и здоровым человеком. Главное занятие его составляет огородничество, которое очевидно помогло ему преодолеть его хандру. И он, *dit-on*,¹⁸ держит коз за рога, когда его —? супруга? — которую можно представить себе только между двумя вопросительными знаками, доит их. Бедняга, конечно, плохо себя чувствует в своей обстановке. Кроме Эвербека, который каждую неделю приезжает к нему, он не видит ни души, щеголяет в крестьянской куртке, никогда не выходит за пределы Сарселя, самой жалкой деревушки в мире, где нет даже кабачка; одним словом — он смертельно скучает. Мы должны постараться опять перетянуть его в Париж, тогда он через четыре недели опять станет прежним человеком. Так как Бёрнштейн в своем качестве *mouchard*¹⁹ не должен знать, что я здесь, то мы сперва написали Бернайсу о свидании в Монморанси или где-нибудь поблизости, затем мы перетащим его в Париж и потратим несколько франков, чтобы порядком его развлечь. И тогда он станет другим человеком. Впрочем, не дай ему заметить, что я в такой форме писал тебе о нем; при его крайне возбужденном и романтическом настроении бедняга мог бы почувствовать себя морально-оскорбленным...

Самое замечательное в доме в Сарселе. это то, что там две жены, два мужа, много детей, среди которых один сомнительный ребенок, и, несмотря на все это, он n'y tire pas un coup.²⁰ Даже педерастией там не занимаются. C'est un roman allemand.²¹

Madame Hess cherche un mari. Elle se fiche de Hess. S'il se trouverait quelque chose de convenable, s'adresser à madame Gsell, faubourg St.-Antoine.²² Дело не к спеху, так как конкуренция не велика.

Отвечай немедленно.

Твой Э.

Адрес: 11, Rue, de l'Arbre sec.

Само собой разумеется, что то, что я пишу тебе здесь об Эвербеке, Бернайсе и других знакомых, строго конфиденциально.

Я не оплачиваю писем, так как у меня мало денег и до 1 октября никаких видов на будущее. Но в тот же день я пришлю вексель для покрытия моей доли почтовых расходов.

¹ он не питает ни малейшей симпатии к этому человеку. ² преданности. ³ преступник. ⁴ он увидел бы в этом ловушку. ⁵ призрак. ⁶ Как всегда. ⁷ всегда так строг и застегнут на все пуговицы. ⁸ чиновника министерства общественных работ. ⁹ этого нельзя сказать о г. Дюмоне; находят вообще, что для министра он немного слишком расстегнут. ¹⁰ Спусти несколько часов. ¹¹ «Миролюбивая демократия». ¹² большого кризиса и прекращения наличных платежей. ¹³ движением истечения (в теории Шарля Фурье). ¹⁴ более или менее. ¹⁵ десятый параграф. ¹⁶ в религиозном вопросе. ¹⁷ исход. ¹⁸ говорят. ¹⁹ шпиона. ²⁰ там ничего не совершается. ²¹ Это немецкий роман. ²² Г-жа Гесс ищет мужа. Наплевать ей на Гесса. Если бы нашлось что-либо подходящее. обращаться к madame Gsell, faubourg St.-Antoine.

8.

[Энгельс — Брюссельскому коммунистическому комитету сношений (№ 1).]

Париж, 16 августа 1846 г.

Komitee! Carissimi. Наше предприятие пойдет здесь прекрасно. Эв[ербек] в восторге от него и желает только, чтобы мы не торопились с официальной организацией комитета, так как в ближайшем будущем предстоит раскол. Остаток вейтлингианцев, маленькая группа портных, будет, вероятно, скоро вышвырнута из организации, и Эвербек считает более удобным подождать, пока это будет сделано. Он, однако, думает, что вряд ли можно будет привлечь в качестве членов комитета более четырех или пяти человек, но этого вполне достаточно. Надеюсь, что в ближайшем письме я уже извещу вас об организации этого дела.

Эти портные, право, удивительные парни. Недавно они совершенно серьезно дискутировали вопрос о том, не удобнее ли прикреплять ножи и вилки посредством цепочек. Их, однако, немного. На последнее, очень грубое, письмо парижан, которое мы ему переслали, Вейтлинг не ответил. Он потребовал, чтобы ему выслали 300 франков для его экспериментов, но сообщал одновременно, что по всей вероятности это будут потерянные деньги. Вы можете себе представить, как они ему ответили. Столяры и кожевники, наоборот, славные ребята. Я еще не видел их, так как Эвербек ведет это дело с известной вам осторожностью.

Теперь я сообщу вам кое-что из французских газет, понятно — из таких, которые не получаются в Брюсселе.

Ежемесячная газета Пьера Леру почти вся заполнена статьями — самого П[ьера] Л[еру] о Сен-Симоне и Фурье. Он восхваляет там Сен-Симона до небес и всячески старается унижить Фурье и изобразить его плохой подделкой Сен-Симона. Так, он старается доказать, что «*Quatre mouvements*»¹ составляют только материализованный плагиат «*Lettres d'un habitant de Genève*».² Этот субъект прямо с ума сошел. Так как там сказано, что система, которая энциклопедически обнимала бы все науки, лучше всего может быть обоснована сведением всех явлений и т. д. к *pesanteur universelle*,³ то, вероятно, Фурье оттуда почерпнул все свое учение о притяжении. Конечно, всех доказательств, цитат и т. д. недостаточно даже для доказательства того, что Ф[урье] хотя бы прочитал «*Lettres*», когда писал «*Quatre mouvements*». Все же направление Анфантена, наоборот, характеризуется как фурьеризм, контрабандным путем проведенный в их школу. Газета носит название «*Revue sociale ou solution pacifique du problème du prolétariat*».⁴

«*Atelier*» дополнительно рассказывает о реформистском конгрессе журналистов: он никого туда не посылал и потому был очень удивлен, увидав себя в списке представленных там газет. *Le peuple de la presse*⁵ была исключена до тех пор, пока были установлены основы реформ, и затем, когда открыли двери рабочим газетам для выражения их согласия, они нашли ниже своего достоинства пойти туда. «*Atelier*», далее, рассказывает, что 150 *ouvriers*,⁶ вероятно, сторонники Бюше, — партия которого, по уверению французов, насчитывает до 1 000 человек, — 29 июля устроили банкет в честь июльских дней без разрешения полиции. Полиция вмешалась, а так как они не подчинились приказу не произносить политических речей и не петь песен Беранже, то собрание было распущено.

«Эпигоны» господина Виганда здесь. Господин В[иганд] в них с большим шумом бросается в объятия «А. Руге». Он напоминает ему их общие несчастья, которые им пришлось перенести за последние четыре года. Р[уге] — в Париже — не мог «итти рука об руку с фанатическим коммунизмом». Коммунизм есть состояние, вымученное из собственной тупой головы, *ограниченное и тупое варварство*, которое хотят насильственно навязать человечеству.

В заключение он перечисляет, чего только он не сделает, «пока есть еще на свете свинец для шрифта». Вы видите, этот *candidat de la potence*⁷ еще не потерял надежды стать *candidat de la lanterne*.⁸

Обращаю ваше внимание на статью в сегодняшнем «National» (*mercredi*⁹ 19) об уменьшении числа избирателей в Париже с 20 000 до 17 000 с 1844 г.

11, Rue de l'Arbre sec.

Ваш Э.

Париж глубоко опустился. Дантон продает дрова на Boulevard Bourdon, Барбару имеет мануфактурную лавочку на Rue St.-Норжé, «Réforme» не чувствует больше за собой силы, чтобы отстаивать Рейн, оппозиция ищет способных людей и не находит их, господа буржуа так рано ложатся спать, что в 12 часов все должно уже быть закрыто, и *la jeune France*¹⁰ спокойно терпит это. Полиция, наверное, не провела бы этого, если бы не ранние конторские занятия господ патронов, которые живут по поговорке: утренний час и т. д... Напечатанная на деньги рабочих брошюра господина Грюна, — та самая, которую я когда-то видел у Зейлера: «Die preussischen Landtagsabschiede, ein Wort zur Zeit» (анонимного автора), — содержит главным образом плагиаты из статей (в «Deutsch-Französische Jahrbücher») Маркса и ужасные нелепости. Для него и «политико-экономические», и «социалистические» вопросы *тождественны*. Там мы находим следующее описание развития абсолютной монархии: «Князь образовал для себя *абстрактный домен*, и этот духовный домен называется государством. Государство стало доменом доменов; будучи идеальным доменом, государство в такой же степени «снимает» отдельный домен, как и оставляет его существовать. Оно снимает его всякий раз, когда оно хочет стать абсолютно самостоятельным и т. д.». Этот «духовный» домен, «Пруссия», вслед за этим тотчас же превращается в домен, где молятся, т. е. в домен *духовенства*! Общий результат: либерализм в Пруссии уже *побежден теоретически*, поэтому имперские сословия не будут больше заниматься буржуазными вопросами, а *directement*¹¹ социальным вопросом.

«Налог на убой и на помол классически вскрывает *сущность налога*, а именно он указывает, что *каждый налог есть подушная подать*. Но тот, кто взимает *подушную подать*, тот говорит: Ваши души и тела принадлежат мне, вы мои *крепостные*. Налог на убой и помол *вполне соответствует абсолютизму* и т. д.». Этот осел в течение двух лет платил остро¹ и не знает еще этого; он думает, что нечто подобное существует только в Пруссии. В общем эта брошюрка, за исключением нескольких плагиатов и фраз, насквозь пропитана *либерализмом*, да к тому же еще немецким либерализмом. Рабочие здесь повсюду убеждены, что Вейтц[инг] *не сам* написал свою книгу о «Гарантиях». Кроме С. Шмидта, Беккера и др. ему, будто бы, несколько французов давали материал; в частности он получил рукописи некоего Аренса из Риги, работавшего в Париже, позже в Америке, который и составил главную часть «Человечества, как оно есть и каким должно быть». Здешняя публика написала ему об этом однажды в Лондон, на что он очень рассердился и ответил только, что это — клевета.

¹ «Четыре движения» [заглавие первого главного произведения Фурье].
² «Письма обитателя Женевы» [заглавие первого главного произведения Сен-Симона].
³ всемирному тяготению.
⁴ «Социальное обозрение, или мирное решение проблемы пролетариата».
⁵ Журнальная чернь.
⁶ рабочих.
⁷ кандидат на виселицу.
⁸ кандидатом на фонарный столб.
⁹ среда.
¹⁰ молодая Франция.
¹¹ непосредственно.
¹² пошлину.

9.

[Энгельс — Марксу.]

[Париж, середина сентября 1846 г.]

...7. Они должны были бы превратить параграфы о распределении дивидендов в параграфы о распределении убытков, так как *если бы всего этого не было*, то они обанкротились бы уже из-за прекрасного принципа убытки нести целиком, а прибыль делить. Они, таким образом, должны были бы делать в два раза лучшие дела, чем *всякий другой* издатель, чтобы удержаться — но факт тот, что все издатели, которые до сих пор торговали исключительно или преимущественно запрещенными книгами, — Фребель. Виганд, Леске, — *с течением времени* разорялись: 1) вследствие конфискации; 2) вследствие изъятия из продажи, которое более или менее часто происходит; 3) вследствие надувательства со стороны комиссионеров и комиссионных книготорговцев; 4) вследствие полицейских угроз, процессов и т. д.; 5) вследствие конкуренции тех издателей, которые лишь изредка печатают подозрительные

вещи, а следовательно их полиция реже посещает, и они поэтому имеют больше шансов получить ходкие рукописи, между тем как для стереотипных остается всякий хлам и мало ходкие книги. Борьба издателей с полицией лишь тогда может вестись с успехом, если в ней участвует много издателей. Это *essentiellement*¹ партизанская война, и зарабатывают лишь тогда, когда *изредка* в больших промежутках времени рискуют чем-нибудь подобным. Рынок недостаточно велик, чтобы сделать *spécialité*² из этого товара.

Впрочем, совершенно не важно, разорится ли общество, а оно все-таки разорится, что бы оно ни делало; но при системе гарантий оно разоряется слишком скоро; это создает лихорадку с тремя кризисами, из которых последний, наверное, имеет смертельный исход. Для ожидаемого поступления рукописей, которое не может быть очень велико, слабая степень чехотки больше бы подходила. Скверно только, что капитал общества слишком страдает, когда оно само печатает. Ему нужно было бы иметь такой капитал, чтобы быть в состоянии печатать года полтора. Ибо, предположим, что капитал равен 3 000 талеров, которые оно [общество] затрачивает в *первом году*; баланс пасхальной ярмарки при более или менее сносных делах приносит ему около двух третей, т. е. по крайней мере 2 000 талеров. Следовательно, ему надо иметь еще по крайней мере 1 000 талеров для второго года, кроме тех 3 000 талеров. Таким образом $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ капитала всегда застревает в возвращенных книгах, у дурных плательщиков и т. д. Может быть, эту сумму можно было бы добавочно получить от акционеров под предлогом постепенно выплачиваемого аванса. Впрочем, необходимо сперва посоветоваться с издателями, чтобы точно знать, какая сумма из вложенного капитала остается в конце первого года или во сколько времени весь капитал может обернуться один раз. Вполне точно я этого не знаю, но у меня есть основания думать, что в вышеприведенных расчетах я скорее преуменьшил, чем преувеличил размер вложенного капитала.

Господин ответственный редактор может разбогатеть со своими 20 процентами из прибыли. Если прибавить еще к резервному фонду 10 процентов из общих убытков, то получится порядочный дефицит.

Я совершенно не хочу касаться вопроса о том, какие последствия будет иметь эта гарантия для *писателей*. Я думаю, что ее надо *отвергнуть*, когда ее предлагают за более крупные произведения. Раз общество будет устроено на таких началах, то мы не будем иметь возможности что-нибудь предложить другому издателю без того, чтобы он не подумал, что общество *отказалось* ее принять, не говоря уже о том, что здесь остаются в силе те же самые причины,

но которым мы отказали вестфальцам. Ни наша честь, ни наш интерес не позволяют нам согласиться на это.

В частности: семеро в редакционный комитет, это — слишком много. Достаточно трех, максимум пятерых. В противном случае туда войдут ослы или даже интриганы; тем более, что редакционный комитет должен находиться в Брюсселе. Какой же возможен *выбор* при семи членах? И притом нет никаких оснований, чтобы там было так много членов. Работу ведь должны будем делать мы, и я при этом лично буду там присутствовать; зачем же нам все эти заседатели? Впрочем, если с мнениями редакционного комитета будут считаться столько же, сколько считаются с мнениями провинциальных ландтагов, то что будет тогда? Собрать все эти письменные мнения, это — составит огромный труд, но уклониться от него и думать нечего. Как я уже говорил, я там буду принимать участие. — Quegu:³ если буржуа назначат *истинно-социалистический административный совет*, который не будет считаться с нашими мнениями, что делать тогда?

[Ф. Энгельс.]

¹ по существу. ² специальность. ³ вопрос.

10.

[Энгельс — Брюссельскому коммунистическому комитету сношений (№ 2).]

Париж, 16 сентября 1846 г.

Дорогие друзья!

Ваши сообщения о Бельгии, Лондоне и Бреславле были очень интересны. Я рассказал обо всем Эв[ербеку] и Б[ернай]су. Держите меня также au fait¹ всего, что касается успеха нашего дела и plus ou moins² живого участия в нем различных провинций, чтобы я мог сообщить кое-что здешним рабочим. Что подделывают кельнцы? Откуда я могу доложить следующее:

1) Со здешними рабочими, т. е. с вожакими столяров из Сент-Антуанского предместья, я уже несколько раз имел собеседования. Они организованы очень своеобразно. Если не считать прежнего союза, который, вследствие больших разногласий с вейтлинговскими портными, почти расстроился, то они, человек 12 — 20, собираются раз в неделю для дискуссий. Так как, в силу вполне понятных причин, материал скоро иссяк, то Эвербек был вынужден читать им лекции по немецкой истории — *ab ovo* — и преподавать им в высшей степени путаную политическую экономию, которую он позаимствовал

из «Deutsch-Französische Jahrbücher». Затем появился я. Чтобы поддержать с ними связи, я им изложил в двух беседах историю Германии со времени французской революции, взяв за исходный пункт экономические условия. Все, что они получают на этих еженедельных собраниях, они по воскресеньям пускают в ход на собраниях, которые происходят на окраине города и в которых принимают участие самые разнообразные элементы. На них, — *abstraction faite de toute espèce de politique*,³ — дискутируют главным образом «социальный вопрос». Эти собрания очень удобны, чтобы втянуть новых людей, так как они вполне открыты. Недели две назад нагрянула полиция, хотела наложить свое veto, но, в конце концов, дала себя утихомирить. Часто собирается свыше 200 человек.

Но дальше в таком положении дело оставаться не может. Среди рабочих замечается известная апатия, вызванная тем, что им наскучили дискуссии. Все, что они могут противопоставить портняжному коммунизму, в сущности сводится к фразам Грюна о «человечности» и к грюнизированному Прудону, которых им преподносят сам Грюн и его последователь Эйзерман, старый напыщенный столяр, а частью и наш друг Э[вербек]. Все это им, конечно, скоро надоело. Начались вечные повторения, и, чтобы удержать их от *засыпания* (буквально, так как эта эпидемия начала свирепствовать на собраниях), Эвербек терзал их разными схоластическими рассуждениями об «истинной стоимости» (которая отчасти и на моей совести лежит) и наводил на них тоску германскими первобытными лесами, херусками и старо-немецкой грамматической ерундой по Аделунгу.

Впрочем, действительным лидером этих рабочих является не Эвербек, а Ю[нге], который жил прежде в Брюсселе и хорошо понимает, что следовало бы изменить. Он мог бы многое сделать, так как он всех держит в своих руках и в десять раз умнее всей клики. Но он чересчур непостоянен и каждый раз выдумывает новые проекты. Если до сих пор так мало сделано, то только потому, что я в течение пяти недель не могу его никак поймать.

Без него большинство вяло и нерешительно. Но надо иметь терпение с ними; сперва надо изгнать Грюна, который на самом деле прямо или косвенно оказывал на них ужасно усыпляющее влияние, и тогда, когда они будут отучены от фраз, я надеюсь чего-нибудь добиться, потому что у них у всех огромный интерес к экономическим наукам. Так как я теперь держу в руках Эвербека, который при существующем смешении понятий полон самых лучших пожеланий в мире, и Ю[нге], который также всецело на моей стороне, то это скоро будет сделано. Относительно комитетов сношений я советовался

с шестью товарищами. План встретил большое сочувствие, особенно у Ю[нге], и будет здесь приведен в исполнение. Но пока не будет уничтожено личное влияние Гр[юна] и пока они окончательно не отделаются от его фраз, пока к ним не вернется прежняя энергия, до тех пор, принимая во внимание большие материальные препятствия (и то, что почти все вечера заняты), ничего нельзя поделать. Я предложил им в их присутствии выложить Грюну прямо в лицо все его личные подлости, Б[ернайс] также хочет прийти — Эвербек также хочет посчитаться с ним. — Это будет тогда, когда они покончат свои собственные дела с Грюном, т. е. получают гарантии на деньги, ссуженные Грюну для печатания его сплетен из ландтага. Но так как Ю[нге] не пришел, а остальные вели себя по отношению к Грюну, как дети, то и это еще не улажено, хотя при некоторой энергии это дело может быть закончено в пять минут. Беда в том, что большинство этих господ — швабы.

2) Теперь кое-что забавное. В своей новой, не напечатанной еще книге, которую Грюн переводит, Прудон придумал гениальный способ делать деньги из ничего и сделать рабочих счастливыми. Никто не знал, в чем дело. Грюн тщательно хранил эту тайну, но всюду хвастался, что ему известен новый философский камень. Всеобщее напряженное ожидание. Наконец, на прошлой неделе к столярам, у которых я был, является папаша Эйзерман и наивно выбалтывает великую тайну. Грюн сообщил ему весь план. И что же оказалось? *Ni plus, ni moins*⁴ как уже давно известные в Англии *labour-bazars*, или *labour-markets*,⁵ не раз уже обанкротившиеся ассоциации разнородных ремесленников, большой склад, все продукты, доставленные членами ассоциаций, оцениваются по стоимости сырого материала и затраченного на них труда и оплачиваются другими продуктами, оцениваемыми таким же способом. Все количество продуктов, превышающее потребность в них ассоциации, продается на мировом рынке, и выручка идет в пользу производителей. Таким образом, думает хитрый Прудон, можно отменить прибыль, которую получает торговый посредник. Что он таким путем отменяет и прибыль на *ассоциационный капитал*, что этот капитал и эта прибыль должны быть *точно так же велики*, как капитал и прибыль вытесненных противников, что он, следовательно, правой рукой отдает то, что получает левой, — обо всем этом наш мудрец и не думал. Что его рабочие никогда не в состоянии будут достать необходимый капитал, так как в таком случае они могли бы устроиться самостоятельно, что всякие сбережения в издержках, которые могла бы дать ассоциация, ничто по сравнению с колоссальным риском, что вся история

сводится к желанию убрать из этого мира контрабандой прибыль и оставить на месте производителей прибыли, что все это — мещанская идиллия, с самого начала исключая всю крупную индустрию, строительную промышленность, сельское хозяйство, что им придется делить только *убытки* буржуа, не участвуя в его прибылях, — все это и другие возражения, навязывающиеся сами собой, он, увлеченный своими иллюзиями, совершенно забывает. Преуморительная история!.. Отец семейства Грюн думает, конечно, о новом спасении и духовными очами видит себя уже во главе ассоциации из 20 000 ouvriers⁶ (они с самого начала хотят *широко* повести дело), причем, конечно, все его семейство будет получать бесплатно пищу, одежду, квартиру. Но Прудон навсегда скомпрометирует себя и французских социалистов и коммунистов, если выступит публично с этим планом перед буржуазными экономистами. Отсюда эти жалобы и эти выпады против революции, потому что он нашел, как ему кажется, *in petto*⁷ мирное средство. Пр[удон] похож на Джона Уотса. Этот видит свое призвание в том, чтобы, несмотря на свой нереспектабельный атеизм и социализм, оставаться для буржуазии респектабельным человеком; Прудон изо всех сил хлопочет, чтобы, несмотря на свою полемику против экономистов, стать признанным великим экономистом. *Таковы все сектанты.* И к тому же еще такая старая история!

3) А теперь еще одна в высшей степени любопытная история. «Augsburger Allgemeine Zeitung» от 21 июля 1846 г. в корреспонденции из Парижа от 16 июля пишет о *русском* посольстве в Париже... «Это — официальное посольство; но вне его или, скорее, *над* ним стоит некий *Толстой*; он не занимает определенной должности, но известен как *доверенное лицо двора*. Раньше он работал в министерстве народного просвещения, потом явился в Париж с *литературной миссией*, написал здесь несколько мемуаров для своего министерства и доставил несколько обзоров французской прессы. Затем он перестал писать, но тем больше делал. Он живет на широкую ногу, встречается со всеми, принимает всех, занимается всем, все знает и очень многое устраивает. Мне кажется, что именно он является *действительным русским послом* в Париже... Его заступничество производит чудеса» (все поляки, которые просили помилования, обращались к нему), «*в посольстве все склоняется перед ним, и в Петербурге он пользуется большим влиянием*».

Этот Толстой и есть не кто иной, как наш Толстой, навравший нам, что он хочет продать в России свои имения. Кроме квартиры, в которой он нас принимал, он имел еще блестящее помещение на rue Mathurin, где он принимал дипломатов. Поляки и *многие фран-*

цузы давно уже знали это, только немецкие радикалы, среди которых он считал более удобным играть роль радикала, ничего не знали. Цитируемая мною статья написана одним поляком, которого знает Бернайс, и тотчас же была перепечатана в «Corsaire-Satan» и «National». Когда Толстой прочитал статью, он рассмеялся и пошутил над тем, что он, наконец, открыт. Он теперь в Лондоне и, так как роль его тут сыграна, попытает свое счастье там. Жаль, что он не вернется, иначе я сыграл бы с ним шутку, да представил бы свою визитную карточку в rue Mathurin. Что после всего этого рекомендованный им Анненков — тоже русский шпион, *c'est clair*.⁸ Даже Бакунин, который *должен был знать* всю историю, как другие русские знали ее, тоже очень подозрителен. Я, конечно, не дам ему этого заметить, но постараюсь отплатить русским. Как ни мало опасны для нас эти шпионы, им, однако, не следует ничего спускать. Они очень удобны для того, чтобы производить над ними эксперименты по части интриги *in corpore vili*.⁹ На это они годятся.

4) Папаша Гесс. После того как я благополучно предал забвению его супругу, повсюду его поносящую, и сплавил ее в крайний конец Сент-Антуанского предместья, где не прекращается стон и скрежет зубов (Грюн и компания), я недавно получил от коммунистического папаша, через некоего Рейнгардта, письмо с целью заново наладить переписку. От всей этой истории можно лопнуть со смеху. Конечно, как будто ничего не произошло, совершенно *in dulci júbilo*¹⁰, и притом все тот же старый Гесс. После того как он констатирует, что он опять до некоторой степени примирился с «партией» — теплая компания очевидно обанкротилась — «и что у него опять появилось желание работать» (о каком-то событии должно быть возведено колокольным звоном), он приводит следующую историческую справку (*de dato* 19 августа): «Здесь в Кёльне несколько недель тому назад *чуть не* дошло до *кровавых волнений*, очень многие были уже вооружены (Моисей, наверное, не был в их числе). История эта не вспыхнула только потому, что солдаты *не появились* (огромное торжество кёльнского филистера) — и т. д. и т. д.»... — Затем о собраниях граждан, на которых «мы», *id est* «партия» и «господин Моисей», *qua* коммунисты, *«одержали такую полную победу, что мы и т. д. Мы сперва с таким блеском победили денежных аристократов... а затем мелких буржуа (так как у них не было никаких талантов). Мы могли (!) бы на собраниях все провести (например, сделать Моисея обербургомистром); прошла программа, принять которую собрание обязало кандидатов и которая (слушайте,*

слушайте!) не могла бы быть составлена (!!!) более радикально английскими и французскими коммунистами (и никем не могла бы быть понята более бессмысленно, чем Моисеем)... Справляйся (sic!) иногда о моей [жене] (обе стороны желают, чтобы я принял на себя попечение о женской половине, я имею этому доказательства) и сообщай об этом Эвербеку для *утешения*. Да благословит вас господь за это «утешение», за эту манну из пустыни. Я, конечно, совершенно игнорирую этого осла — теперь он написал также Эвербеку (главным образом, чтобы переслать через него письмо своей прекрасной половине) и угрожает через два месяца приехать сюда. Если он придет ко мне, я думаю, что буду иметь возможность сообщить ему кое-что в «утешение».

Так как я уже разошелся, то в заключение еще сообщу вам, что [Генрих] Гейне опять здесь и что третьего дня я был у него вместе с Эв[ербеком]. Бедный парень ужасно осунулся. Он худ, как скелет. Размягчение мозга распространяется дальше, паралич лица также. Эвербек говорит, что Гейне может внезапно умереть от паралича легких или удара, но может также протянуть еще года три или четыре. Он, конечно, в немного угнетенном состоянии и, что всего замечательнее, очень благожелателен (не в ироническом смысле) в своих суждениях. — Только по поводу Мойрера он непрерывно острит. В общем, он сохранил всю свою духовную энергию, но физиономия его — седая бородка, которую он отпустил, потому что не может бриться, придает ему еще более странный вид — способна привести в уныние всякого, кто его видит. Страшно мучительно наблюдать, как такой славный малый по частям отмирает.

Я видел также великого Мойрера. «Человечек, человечек, что вы так мало весите!» Этого человека действительно стоит посмотреть; я был крайне груб по отношению к нему; в благодарность этот осел стал проявлять ко мне особенную любовь и говорить про меня, что у меня кроткое лицо. Он выглядит, как Карл Моор через шесть недель после своей смерти. Отвечай скорее!

Ваш Э.

Сообщаю вам для развлечения: «*Journal des Economistes*» за август этого года содержит в статье о коммунизме следующее. Сперва изображается вся чепуха Гесса в комичном офранцузенном виде, затем там сказано: «следующий — господин Маркс». «*Mr. Marx est un cordonnier, comme un autre communiste allemand,*

Weitling, est un tailleur. Le premier (Marx) n'a pas une grande estime pour le communisme français (!) qu'il a été assez heureux d'étudier sur les lieux. M. ne sort du reste point non plus (не узнаешь ли ты по этой эльзасской фразе господина Фикса?) des formules abstraites, et il se garde bien d'aborder aucune question véritablement pratique. Selon lui (обрати внимание на эту чепуху) l'émancipation du peuple allemand sera le signal pour l'émancipation du genre humain; la tête de cette émancipation serait la philosophie et son coeur — le prolétariat. Lorsque tout sera préparé, le coq gaulois sonnera la résurrection germanique... Marx dit, qu'il faut *créer* en Allemagne un prolétariat universel (!!) afin de réaliser la pensée philosophique du communisme. Signé T. F. (mort depuis).¹¹

Это было его последним произведением. В предыдущем томе была помещена такая же забавная критика моей книги. В сентябрьской книжке есть критика Юлиуса, которой я еще не читал.

В «Fraternité» происходил большой спор между материалистами и спиритуалистами. Материалисты, побежденные 23/22 голосами, ушли. Это не помешало, однако, «Fraternité» дать очень хорошую статью о различных ступенях цивилизации и о ее способности развиваться дальше к коммунизму. Пишите мне скорей, так как я через 14 дней отсюда [уеду].

¹ в курсе. ² более или менее. ³ отбросив в сторону всякие политические материи. ⁴ Не больше, не меньше. ⁵ базары труда. ⁶ рабочих. ⁷ в груди. ⁸ это ясно. ⁹ в чистом виде. ¹⁰ в тихой радости. ¹¹ Господин Маркс — *сапожник*, подобно тому как другой немецкий коммунист, Вейтлинг, — портной. Первый (Маркс) невысокого мнения о французском коммунизме (!), который он имел счастье изучить на месте. Впрочем, М. также не идет дальше абстрактных формул и остерегается вдаваться в какой-нибудь действительно практический вопрос. По его мнению, освобождение немецкого народа послужит сигналом для освобождения человеческого рода; головой этого освобождения будет философия, а сердцем — пролетариат. Когда все будет подготовлено, галльский петух возвестит немецкое воскресение. Маркс говорит, что нужно *создать* в Германии всемирный (!!) пролетариат для осуществления философской мысли коммунизма. Подписано T. F. (с тех пор умер).

II.

[Париж], 11, rue etc. 18 сентября 1846 г.

Дорогой Маркс!

Масса интимных вещей, о которых я хотел писать тебе, попали в мое деловое письмо, которое я написал раньше. На этот раз не

беда, что другие тоже прочтут всю эту чепуху. Я все еще не мог собраться с духом, чтобы сделать для тебя извлечения из Ф[ейербаха]. Здесь в Париже эта материя кажется очень скучной. Но теперь я имею эту книгу дома, и я возможно скорее примусь за нее. Сладкие речи Вейд[емейера] прямо трогательны. Этот молодец сперва заявляет, что хочет составить манифест, в котором он называет нас негоднями, а затем говорит, что это не должно вызвать личных недоразумений. Нечто подобное даже в Германии возможно только на ганноверско-прусской границе. Что твои денежные дела все еще в плохом состоянии, это прямо скандал. Я не знаю никакого другого издателя для наших рукописей, кроме Леске, которого пришлось бы во время переговоров держать в неизвестности о критике его издательства. Левенталь, наверное, этого не возьмет, он под различными предложениями отбил у Б[ернайса] *очень* выгодное дело (жизнь здешнего старика, в двух томах, причем первый должен печататься теперь, а со смертью старика тотчас же рассылаться, после чего должен последовать и второй том). К тому же он труслив, он говорит, что может быть изгнан из Франкфурта. У Бернайса есть виды устроиться у Брокгауза, который, конечно, думает, что книга составлена в буржуазном духе. — Послали ли вестфальцы рукописи Д[аниэль]су? — Слышал ли ты какие-нибудь подробности о кёльнском проекте, о котором писал Гессе, — ты о нем, верно, знаешь? — Особенно хороша болтовня Люнинга. Так и видишь перед собой молодца, у которого от страха штаны становятся мокрыми. Если мы станем критиковать все их подлости, то этот благородный муж заявит, что это «самокритика». Но с этими господами скоро произойдет так, как написано: «А если у него нет задницы, то на чем же этот благородный человек будет сидеть?» А Вестфалия, повидимому, постепенно начинает замечать, что у нее нет задницы или, говоря языком Моисея, «материальной базы» для своего коммунизма.

Пюттман по отношению *ко мне* вовсе уж не был так неправ, говоря, что брюссельцы сотрудничали в «Prometheus». Послушай только, как тонко этот негодяй повел дело. Так как я также нуждаюсь в деньгах, то я написал ему, чтобы он, наконец, прислал мне давно следуемый гонорар. Этот субъект отвечает, что гонорар за одну статью, которую он напечатал в «Bürgerbuch», он поручил Леске уплатить мне (конечно, еще не получено). Что же касается второй статьи во втором «Рейнском ежегоднике», то хотя он получил ее уже из издательства, но так как немецкие *soi-disant*¹ коммунисты самым постыдным образом подвели его, великого П[юттмана] с его другим великим П. — Прометеем, то он, П. [Пюттман № 1], при-

нужден был употребить гонорар (в том числе и гонорар Э[вербека]) для печатания П. № 2, и он сможет быть уплачен нам только через *x* недель!! Ловкие молодцы; когда им не даешь рукописи, они задерживают деньги. Таким образом становишься сотрудником и акционером «Prometheus» одновременно...

Лондонский адрес я вчера вечером читал здесь у рабочих уже в напечатанном виде. Ерунда. Обращаются к «народу», т. е. к предполагаемым пролетариям в Шлезвиг-Голштинии, где нет никого, кроме нижнегерманского мужицья и цеховых филистеров. Они научились у англичан именно этому вздору, полному игнорированию действительных условий, неумению понять историческое развитие. Вместо прямого ответа на вопросы, они добиваются, чтобы совершенно не существующий в их смысле «народ» держался мирно и пассивно; они не думают о том, что буржуа все же делают, что хотят. Если исключить совершенно излишнюю и совершенно не имеющую никакой связи с их выводами ругань по адресу буржуа (которая прекрасно может быть заменена фразами о free trade,² то лондонская free trade press,³ не желающая участия Шлезвиг-Голштинии в таможенном союзе, могла бы издать эту вещь.

На то, что Юлиус состоит на прусской службе и пишет для Ротера, уже были намеки в немецких газетах. Буржуа [Бюргерс], который был в таком восторге от его благородных произведений, как рассказывает Д'[Эстер], будет радоваться, когда услышит об этом.—А город Шлезвиг-Голштинии. Кучер [Георг Вебер] написал третьего дня три строчки Э[вербе]ку, что теперь надо быть очень осторожным с письмами и что датчане вскрывают все. Он думает, что дело может кончиться войной. Dubito,⁴ но хорошо, что старая Дания так прижимает шлезвиг-голштинцев. Читал ты, между прочим, знаменитое стихотворение в «Rheinischer Beobachter» — «Шлезвиг-Голштиния, окруженная морем»? Оно производит примерно следующее впечатление, слов я никак не мог запомнить.

Шлезвиг-Гольштейн, окруженный
Моря пенистой волной!
Шлезвиг-Гольштейн, оглашенный
Нашей речью, нам родной!
Шлезвиг-Гольштейн, раскаленный
Жаром страсти огневой!
Шлезвиг-Гольштейн, принужденный
Жить под датскою пятой!
Шлезвиг-Гольштейн, увлеченный
Предстоящею борьбой!

Шлевиг-Гольштейн, устремленный
 На победу, крепко стой!
 Шлевиг-Гольштейн, хоть с луженой
 Глоткой, с немощной рукой!
 Шлевиг-Гольштейн, беспардонный
 Обезьянней клики вой!

Так заканчивается эта дрянь. Это ужасная песня, которую подобает петь дитмаршцам, которые в свою очередь заслужили быть воспетыми Пюттманом.

Кёльнские буржуа начинают шевелиться; они выпустили протест против господ министров в духе немецких граждан. Бедный берлинский проповедник! [Фридрих Вильгельм IV] Со всеми городскими думами своего государства он в ссоре: сперва берлинский теологический диспут, затем бреславльское *item*, теперь кёльнская история. Этот болван, впрочем, как две капли воды похож на Якова I английского, которого он действительно, повидимому, взял себе за образец. Вскоре он, вероятно, также как и тот, будет сжигать на кострах ведьм.

По отношению к Прудону я в деловом письме [см. письмо 10] был вопиюще несправедлив. Так как в последнем письме не было места, то я должен это здесь исправить. Я, например, предположил, что он надумал маленькую нелепость в границах здравого смысла. Вчера этот вопрос еще раз и подробно обсуждался, и тогда я узнал, что эта новая нелепость на самом деле есть *беспредельная нелепость*. Представь себе: пролетарии должны на свои сбережения приобрести маленькие акции. На эти деньги (конечно, таких рабочих должно быть не меньше 10 000 — 20 000) будет вначале *устроена* одна или несколько мастерских одного или нескольких производств, в которых будет занята часть акционеров, и продукты 1) будут продаваться акционерам по цене сырого материала плюс труд (акционеры, таким образом, не должны получить прибыли) и 2) могущий быть излишек будет продаваться по существующим на мировом рынке ценам. По мере того как капитал общества будет расти или вследствие вступления новых членов, или посредством новых сбережений старых акционеров, он послужит для устройства новых мастерских и фабрик и т. д., и т. д. до тех пор, пока все пролетарии будут заняты и *все* имеющиеся в стране производительные силы будут выкуплены, и таким образом находящиеся в руках буржуа капиталы потеряют свою способность командовать трудом и приносить прибыль! Таким образом уничтожают капитал, «найдя инстанцию, где капитал, т. е. источник процентов» (старое *droit d'aubaine*,⁵ грюнизирован-

ное и более выпукло выступающее), «так сказать, исчезает». В этом отрывке, который папаша Эйзерман столько раз повторял, заученном, следовательно, у Грюна наизусть, ты еще можешь ясно видеть следы первоначальной прудоновской реторики. Эти господа замышляют не более, не менее как пока *скупить всю Францию*, затем, может быть, и весь остальной мир, посредством пролетарских сбережений и отказа от прибыли и процентов на свой капитал. Был ли когда-нибудь придуман такой блестящий план, и не проще ли, если уже делать *tour de force*,⁶ чеканить пятифранковые монеты из серебристых лучей луны? И глупые рабочие здесь, — я имею в виду немцев, — верят этой чепухе. Они, которые с трудом могут найти в кармане 6 су, чтобы вечером собраться у какого-нибудь *marchand de vins*,⁷ на свои сбережения скупают *toute la belle France*.⁸ Ротшильд и компания — совершеннейшие крохоборы в сравнении с этими колоссальными спекулянтами. Лопнуть можно от досады. Этот Грюн так испортил молодцов, что самая бессмысленная фраза имеет для них больше смысла, чем самый очевидный факт, приведенный в качестве аргумента. Печально, что приходится еще выступать против подобной варварской бессмыслицы.

Но надо иметь терпение, и я не оставляю этих молодцов, пока не разобью Грюна и не прочищу им их засоренные головы. Единственный здравомыслящий человек, который понимает всю нелепость, это наш Ю[нге], который был в Брюсселе. Э[вербе]к также набил им голову самыми бессмысленными вещами. Он теперь в замешательстве и от поры до времени бывает близок к сумасшествию; он даже не способен сегодня рассказать то, что он вчера видел своими собственными глазами, не говоря уже о том, что он слышал. Но насколько Грюн держал его в руках, видно из следующего. Когда трирский Вальтр в прошлую зиму жаловался везде и всюду на цензуру, Грюн изобразил его мучеником цензуры, который вел благороднейшую и неустрашимейшую борьбу и т. д., и использовал Эвербека и рабочих для составления и подписания в высшей степени напыщенного адреса этому ослу Вальтру с выражением ему благодарности за его героизм в борьбе за свободу слова!!! Эвербек стыдится и страшно злится на себя самого; но глупость уже сделана, и теперь приходится опять выколачивать из него и рабочих те несколько *фраз*, которые он с таким трудом вбил себе в голову и с таким же трудом вдолбил их затем рабочим, потому что он ничего не понимает до тех пор, пока не выучит этого наизусть, да и тогда он по большей части еще неправильно понимает. Если бы у него не было столько добрых намерений и если бы он вообще не был

таким милым человеком, теперь в особенности, то с ним вообще нельзя было бы справиться. Я удивляюсь, как мне еще с ним везет; по временам он делает очень дельные замечания, а вслед за тем он опять говорит величайший вздор — так, например, его теперь в бове почившие лекции по немецкой истории, на которых с трудом можно было удерживаться от смеха из-за встречавшихся на каждом слове ошибок и нелепостей. Но, как уже сказано, у него огромное рвение, и он с удивительной готовностью соглашается на все. К тому же у него неизменно хорошее настроение и огромный запас иронии к самому себе. Я этого субъекта люблю больше, чем когда-либо, несмотря на его глупости. О Б[ернай]се много говорить не приходится. Я был несколько раз у него, он — один раз здесь. Приедет, вероятно, зимой сюда, остановка за деньгами. Вестфальцы послали ему 200 франков в виде взятки; деньги он взял, а их за нос водит. Вейдемейер предлагал ему еще раньше деньги, он пишет, что ему нужны 2 000 франков, иначе ему нечего делать; я предсказал ему, что вестф[альцы] ответят, что у них нет свободных денег и пр. — так оно точь-в-точь и вышло. В благодарность за это он оставил себе те 200 франков. Он не унывает, нисколько не скрывает от посторонних своей печальной истории, по-приятельски живет с окружающими, живет, как крестьянин, работает в саду, уписывает во-всю; я подозреваю, что он связался с крестьянской девушкой и перестал носиться со своими горестями. Он также, наконец, составил себе более ясное и правильное представление о партийных разногласиях, хотя он сам немного любит разыгрывать Камилла Демулена, когда что-нибудь подобное случается, и вообще в качестве партийного человека нигде не годится. Относительно его мнений о праве с ним теперь не столкнешься, так как он каждый раз старается прекратить разговор, заявляя, что экономия, промышленность и т. д. — не его специальность, и при редких встречах нельзя наладить правильной дискуссии. Однако мне кажется, что я пробил еще некоторую брешь, и когда он приедет сюда, то мне, вероятно, в конце концов, удастся исправить его ошибки. Как поживает публика у вас?

Твой Э.

Query: ⁹ Разве об истории с Толстым, которая *совершенно верна*, не следует сообщить лондонцам? Немцы могут, если он будет продолжать у них играть свою роль, страшно скомпрометировать нескольких поляков. А что, если этот тип *сошлетя на тебя?*

Бернайс написал брошюру в ротшильдовской «Полемике»: она выйдет в Швейцарии на немецком языке и через несколько дней здесь — по-французски.

¹ так называемые. ² свободной торговле. ³ фритредерская пресса. ⁴ Сомневаюсь. ⁵ выморочное право. ⁶ фокус. ⁷ виноторговца. ⁸ всю прекрасную Францию. ⁹ вопрос.

12.

[Париж, середина октября, 1846 г.]

Дорогой Маркс!

Наконец, после долгого колебания я заставил себя прочесть эту дрянь Фейербаха и нахожу, что в своей критике мы не можем ее касаться. Причину ты увидишь, когда я изложу тебе в главных чертах ее содержание.

«Сущность религии», «Эпигоны», т. I, pp. 117 — 178. «Чувство зависимости человека составляет основу религии» (p. 117). Так как человек прежде всего зависит от природы, то «природа первоначальный предмет религии» (p. 118). («Природа лишь всеобщий термин для обозначения тех существ, вещей и т. д., которые человек отличает от себя и от своих продуктов».) Первыми внешними проявлениями религии являются празднества, в которых изображены явления природы, смена времен года и т. д. и т. д. Специальные условия природы и ее произведения, среди которых племя или народ живет, входят в его религию. — В своем развитии человек встречал поддержку других существ, но то были не существа *высшего типа*, ангелы, а существа низшего типа, *животные*. Отсюда культ животных (следует апология язычников и защита их от нападок христиан, иудеев и т. д.; тривиально). Природа всегда остается скрытой основой религии, даже у христиан. Свойства, отличающие человека от бога, это — свойства природы (первоначально, в самой своей основе). Таковы всемогущество, вечность, вездесущность и т. д. и т. д. Действительное содержание бога — это только природа, но лишь постольку, поскольку бог изображается только творцом природы, а не политическим и моральным законодателем. Далее следует полемика против создания природы разумным существом, против создания из ничего и т. д. — все это по большей части, в переводе на приятный, близкий сердцам бюргеров немецкий язык, — «очеловеченный» *materialismus vulgaris*. ¹ — Природа в естественной религии есть не предмет как природа, а «личное, живое, ощущающее существо... существо душевное, субъективное, т. е. человеческое существо», p. 138

Поэтому ему молятся, стараются воздействовать на его поступки человеческим поклонением, мольбой и т. д. и т. д. Это происходит главным образом оттого, что природа изменчива. «Чувство зависимости от природы в связи с представлением о природе, как произвольно действующем личном существе, лежит в основе жертвоприношения, этого существеннейшего акта религии природы», р. 140. Но так как жертвоприношение имеет *«своекорыстную»* цель, то человек все же является *конечной целью* религии, божественность человека — ее [религии] конечным смыслом. — Следуют тривиальные комментарии и напыщенные рассуждения о том, что дикие народы, поклоняющиеся еще природе, делают богам и такие вещи, которые им неприятны, — чуму, лихорадку и т. д. «Подобно тому как человек из чисто физического существа становится *политическим*, вообще существом (!!!), отличающимся от природы и сосредоточенным на самом себе, точно так же и его бог становится политическим, отличным от природы существом. Отсюда человек приходит к отличению своего существа от природы и через то к отличному от природы богу сначала только через свое объединение с другими людьми в коллектив, в котором отличающиеся от природы, существующие *только в мысли или в представлении силы* (!!!), сила закона, общественного мнения, чести, добродетели, становятся предметом его чувства зависимости...» (Эта ужасная по стилю фраза находится на стр. 149.) Сила природы, власть над жизнью и смертью низводится к атрибуту и орудию политической и моральной власти. Интермеццо на стр. 151 о восточных консерваторах и западных прогрессистах. «На востоке человек *не забывает* из-за человека природу... Царь для него не земное, человеческое, а небесное, божественное, существо. Но рядом с богом исчезает человек; только тогда, когда земля обезбоживается, только тогда открывается место и простор для людей». (Прекрасное объяснение, почему восточные народы устойчивы. Из-за многих идолов, которые занимают много места.) Восточный человек относится к западному, как сельский житель к горожанину; первый зависит от *природы*, второй — от *человека* и т. д. и т. д., «только горожане поэтому делают историю» (здесь единственный слабый, но скверный налет материализма). «Только тот способен на исторические дела, кто в силах принести в жертву власть *природы* власти *мнения*, свою *жизнь* своему *имени*, свое *телесное* существо своему существованию в устах и мыслях потомства. Voilà.² Все, что не есть природа, есть представление, мнение, пустая болтовня. И вот почему «только человеческое *«тищеславие»* есть принцип истории!» — р. 152: «По мере того как человек приходит к сознанию..., что пороки и глу-

пость имеют своим последствием несчастье и т. д. и т. д., добродетель же и мудрость, наоборот, имеют последствием счастье, а следовательно, что *определяющими судьбу человека силами* являются разум и воля... природа для него становится зависящим от разума и воли существом». (Переход к монотеизму — Фейербах] отделяет вышеупомянутое иллюзорное «сознание» от силы разума и воли.) Вместе с господством над миром разума и воли является тогда супранатурализм, творение из ничего, и монотеизм, который объясняется еще специально «единством человеческого сознания». Фейербах считает излишним говорить о том, что единый бог никогда не был бы осуществлен без *единого царя*, а также, что единство бога, контролирующего многочисленные явления природы, объединяющего противоположные силы природы, есть только копия единого восточного деспота, который видимо или действительно объединяет сталкивающихся в своих интересах людей. — Скучнейшая болтовня против телеологии, копия старых материалистов! При этом Фейербах делает ту же ошибку по отношению к действительному миру, в которой он упрекает богословов, совершивших ее по отношению к природе. Он неудачно острит по поводу утверждения теологов, что без бога мир должен был бы превратиться в анархию (т. е., что без веры в бога он распался бы на части), что *воля бога, разум, мнение* связывают мир; он же сам думает, что *мнение*, боязнь общественного *мнения, законов* и других *идей* в настоящее время соединяют мир. — При одном аргументе против телеологии Фейербах выступает как *laudator temporis praesentis*.³ Огромная смертность детей в первые годы их жизни происходит от того, что «*природа* при своем богатстве безрассудно жертвует тысячами отдельных членов»; это — результат естественных причин, что..., например, на первом году жизни умирает *один* ребенок из трех или четырех, на пятом *один* из двадцати пяти и т. д.

За исключением немногих приведенных здесь фраз, больше ничего нельзя сказать. Об историческом развитии различных религий мы здесь ничего не узнаем. В лучшем случае приводятся некоторые примеры из истории религий для доказательства общих мест. В главной своей части статья состоит из полемики против бога и христиан, совершенно в том же духе, как он делал это до сих пор; но теперь, когда он уже исчерпал себя, несмотря на все повторения старой болтовни, зависимость от материалистов обнаруживается гораздо ярче. Если бы мы хотели сказать что-нибудь по поводу тривиальностей о естественной религии, политеизме, монотеизме, то следовало бы противопоставить действительное развитие

этих религиозных форм, а для этого сперва надо их изучить. Но для нашей работы это нас так же мало касается, как и его объяснение христианства. Статья эта не дает ничего нового для позитивно-философской точки зрения Фейербаха. Несколько фраз, которые я привел для критики, только подтверждают то, что мы уже говорили. Но если тебя этот Фейербах еще интересует, то постарайся прямо или косвенно получить от Кислинга первый том собрания его сочинений; он написал еще нечто вроде предисловия, в котором, может быть, что-нибудь есть. Я видел выдержки, в которых Фейербах говорит о «болезнях головы» и о «болезнях желудка», нечто вроде слабого оправдания, почему он не занимается действительностью. Все то же, что он писал мне полтора года тому назад.

Только что получил твое письмо, которое несколько дней пролежало на старой квартире из-за перемены мною квартиры. Я попытаюсь связаться со швейцарскими издателями. Но я сомневаюсь, чтобы я устроился. Все эти господа не имеют денег, чтобы напечатать пятьдесят листов. Я придерживаюсь того мнения, что нам не удастся ничего напечатать, если мы не *разделим* этих вещей и не стараемся издать их отдельными книжками. Сперва философскую часть, которую надо выпустить особенно скоро, а затем остальное. Пятьдесят листов сразу — это так много, что многие издатели не берут этого уже потому, что не могут. Был еще бременский Кюттман или что-то в этом роде, которого у нас сманили Моисей и Вейтлинг; он хотел печатать книги, которые могут быть изъяты, но не хотел много платить; мы прекраснейшим образом можем обратиться к нему с этой рукописью. Что ты думаешь о том, чтобы разделить эту вещь и предложить первый том одному, а второй том — другому? Фоглер знает адрес К[юттмана] в Бремене. Лист уже почти готов.

Вещи в «Volkstribun» я видел недели три тому назад. Я еще не встречал ничего более глупого и смешного. Наглость брата Вейтлинга доходит до крайности в этом письме к Криге. Что касается деталей, то я, правда, не достаточно помню их, чтобы сказать что-нибудь об этом. Но я точно так же того мнения, что надо тотчас же ответить на прокламацию Криге и этих болванов, показать им наглядно, что они отрицают, будто говорили вещи, в которых мы их упрекаем, между тем как тут же в своем ответе опять повторяют отрицаемые ими глупости. Криге со своим высоконравственным пафосом и своим возмущением по поводу наших насмешек как раз заслуживает того, чтобы его порядком проучили. Так как эти номера теперь ходят по рукам среди здешних филистеров, то я не могу их достать раньше, чем через четыре-пять дней.

Здесьние филистеры подняли ужасный лай против меня, — главным образом 3 - 4 «образованных» рабочих, которых Эвербек и Грюн посвятили в тайны истинной человечности, но мне удалось, благодаря терпению и некоторому нажиму, добиться успеха: большинство идет за мной. Грюн отказался от коммунизма, и эти «образованные» имели большое желание уйти с ним вместе. Но тут явился я и так запугал старого Эйзермана, что он больше не приходит, и поставил на обсуждение вопрос: ком[мунизм] или *не комм[унизм]*. Сегодня вечером будет поставлен на голосование вопрос, является ли собрание коммунистическим, или оно, как говорят образованные, «стоит за благо человечества». В большинстве я уверен. Я заявил, что если они не комм[унисты], то они меня не интересуют, и я больше не приду. Сегодня вечером ученики Грюна будут окончательно побеждены, и тогда мне придется строить все сначала из сырого материала. — Ты не имеешь никакого представления о том, какие требования ставили мне эти образованные филистеры. «Смирение», «кротость», «теплые братские чувства». Но я задал им порядочную головомойку; каждый вечер я заставлял умолкать всю их оппозицию из пяти, шести, семи человек (так как вначале против меня была вся компания). В следующий раз сообщу подробнее обо всей этой истории, которая рисует в совершенно новом свете господина Грюна.

Говорят, что Прудон через две недели приезжает сюда. Вот станет весело.

Здесь затевается что-то вроде журнала. Этот человек Мойрер утверждает, что может получить для этого деньги. Но я не поверю этому субъекту до тех пор, пока не будут деньги. Если из этого что-нибудь выйдет, то все уже устроено таким образом, что вещь эта целиком попадет *к нам* в руки. Мойреру, официальному редактору, я предоставил право печатать в нем его собственную чепуху, иначе нельзя было. Все остальное будет проходить через мои руки, я имею право абсолютного *вето*. То, что я буду писать, появится, конечно, под псевдонимом или без подписи. Во всяком случае, если это дело осуществится, оно не попадет ни к Гессу, ни к Грюну, ни в руки вообще какого-нибудь неопределенного течения. Это было бы очень хорошо, чтобы немного *прочистить* атмосферу. Но не говори об этом никому, пока это не будет осуществлено. Дело должно быть решено еще на этой неделе.

Будь здоров и напиши поскорее.

Э[нгельс].

¹ грубый материализм. ² Вот как! ³ панегирист современности.

13.

[Энгельс — Брюссельскому коммунистическому комитету сношений
(№ 3).]

Париж, 23 октября 1846 г.

О здешних обывательских историях почти нечего рассказывать. Самое важное состоит в том, что различные спорные вопросы, которые мне до сих пор приходилось обсуждать с этими парнями, уже теперь решены: главный сторонник и ученик Грюна, папаша Эйзерман, выброшен, остальные совершенно лишились своего влияния на массы, и я провел единогласное решение против них.

Вот как дело происходило.

План ассоциации Прудона обсуждался в продолжение трех вечеров. Вначале против меня была почти вся группа, а в конце только Эйзерман и три остальных грюнианца. Самое главное при этом было [доказать] необходимость насильственной революции и вообще показать антипролетарский, мелкобуржуазный, филистерский характер грюновского истинного социализма, который нашел новые жизненные силы в прудоновской панацее.

Наконец, я пришел в ярость по поводу вечного повторения моими противниками одних и тех же аргументов и прямо напал на этих филистеров, что вызвало большое возмущение среди грюнианцев, но чем я вырвал у благородного Эйзермана *открытые возражения* против коммунизма. После этого я так беспощадно прижал его к стене, что он больше не являлся.

Теперь я ухватился за данный мне Эйзерманом предлог, — нападки на коммунизм, — тем более, что Грюн, не переставая, вел, интриги, бегал по мастерским, по воскресеньям приглашал публику к себе и т. д. и т. д. и в воскресенье после вышеупомянутого заседания *сам* совершил безграничную глупость и в присутствии восьми или десяти филистеров стал нападать на коммунизм. Я заявил тогда, что раньше, чем я соглашусь на дальнейшую дискуссию, следует проголосовать, собираемся ли мы здесь как коммунисты или нет. В первом случае следует позаботиться, чтобы больше не повторялись такие нападки на коммунизм, какие позволил себе Эйзерман; во втором случае, если это только первые встречные, которые здесь обсуждают те или иные вопросы, то они для меня не интересны и я больше не приду. Это вызвало сильное возмущение среди грюнианцев; они собираются здесь «для блага человечества», чтобы развиваться, они люди прогресса, а не односторонние искатели

систем и т. д. и т. д., и таких порядочных людей ни в коем случае нельзя назвать «первыми встречными». Впрочем, они *хотели бы прежде всего знать*, что, собственно, такое коммунизм (эти собаки, которые в течение многих лет называли себя коммунистами и изменили ему только из страха перед Грюном и Эйзерманом, после того как последние втерлись к ним под предлогом коммунизма!). Я, конечно, не дал себя поймать на удочку их любезной просьбой рассказать им, неучам, в трех словах, что такое коммунизм. Я дал им в высшей степени простое определение, которое, не выходя из рамок намеченных спорных пунктов, устанавливает общность имущества, т. е. *исключает* тем самым как миролюбие, мягкость и уважение к буржуа, т. е. к мещанству, так и прудоновское акционерное общество с его индивидуальным *владением* и всем, что с ним связано, во всем же остальном не содержит ничего такого, что подало бы повод уклониться или увильнуть от предложенного голосования. Я, таким образом, определил намерения коммунистов так: 1) отстаивание интересов пролетариев в противоположность интересам буржуа; 2) достижение этого посредством отмены частной собственности и замены ее общностью имущества; 3) признание, что для проведения этих целей нет никакого другого средства, кроме насильственной, демократической революции. Дискуссию об этом мы вели два вечера. Во второй вечер лучший из трех грюнианцев, заметив настроение большинства, целиком перешел на мою сторону. Остальные двое все время противоречили один другому, сами не замечая этого. Многие молодцы, которые еще ни разу до сих пор не говорили, вдруг неожиданно заговорили и решительно высказались за меня. До тех пор это сделал только Юнге. Некоторые из этих *homines novi*¹ говорили очень хорошо, хотя они дрожали от страха запутаться; они, повидимому, вообще обладают здравым смыслом. Одним словом, когда дело дошло до голосования, собрание было объявлено коммунистическим в смысле вышеупомянутого определения — 13 голосами против 2, оставшихся верными грюнианцам, из которых один потом заявил, что он имеет величайшее желание перейти к коммунизму.

Таким образом, получилась, наконец, *tabula rasa*, и теперь можно будет что-либо начать с этими молодцами, поскольку это удастся. Грюн, который легко мог выпутаться из своей денежной истории, потому что главными кредиторами были те же самые грюнианцы, его главные последователи, теперь сильно потерял в глазах большинства и даже части самих его последователей и, несмотря на все интриги и эксперименты, блестяще провалился со своим

прудоновским обществом. Если бы меня не было здесь, то наш друг Э[вербе]к во всяком случае запутался бы.

Какую хитрую стратегию развил Грюн! Сомневаясь в интеллигентности своих молодцов, он до тех пор повторяет им свои глупости, пока они не выучат их наизусть. После каждого заседания, — ничего не было легче, как заставить замолчать такую опповидию, — вся разбитая группа бегала к Грюну, рассказывала, что я говорил, — конечно, в очень искаженном виде, — и он их опять вооружал. Когда они после этого начинали говорить, то стоило им сказать два слова, как уже можно было угадать всю фразу. Конечно, я очень остерегался сказать при этих молодцах вообще что-нибудь, что могло бы послужить господину Грюну для украшения его истинного социализма; тем не менее эта собака недавно в «Кёльнской» использовал в искаженном виде различные вещи, которые я говорил ремесленникам по поводу женевской резолюции, в то время как он здесь вдавливал им прямо *противоположное*. Он теперь занимается политической экономией, этот молодец.

Вы, вероятно, видели объявление о книге Прудона. Я получаю ее на-днях; она стоит 15 франков, ее невозможно купить, это слишком дорого.

Вышеупомянутая публика, пред которой разыгрывалась эта история, состоит приблизительно из 20 столяров, которые собираются у заставы с различной чернью; кроме певческого клуба, у них нет прочных связей, вообще же это rudera² Союза справедливых. Если бы можно было собираться открыто, у нас скоро было бы больше ста человек одних столяров. Из портных я знаю только нескольких, которые также приходят на собрания столяров. О кузнецах и кожевниках ничего нельзя узнать во всем Париже. Никто ничего о них не знает.

На-днях Криге, как человек справедливости, отчитывался перед «палатой» (центральным управлением). Конечно, я читал его послание, но так как это было клятвенарушением, за которое полагается смертная казнь, кинжал, петля и яд, то вы нигде не должны этого записывать. Письмо, так же как и его ответ на наше обвинение, доказывает, что наше обвинение принесло ему пользу и что теперь он больше заботится о делах мира сего. Он подробно рассказал о затруднениях, которые они встречают на своем пути. В первом разделе этой американской филистерской истории излагается их несчастье — очевидно, Криге стоял во главе и вел денежные дела как человек с широкой натурой. «Трибун» раздавался, но не продавался, добровольные дары составляли источник дохода, одним

словом, хотели повторить главы III и VI Деяний апостолов; не было также недостатка в своих Анании и Сапфире, и в результате оказалась масса долгов. Второй период,—когда Криге становится простым «регистратором» и у управления денежными делами, повидимому, стали другие молодцы, выскочки. Вместо того, чтобы апеллировать к горячему сердцу людей, теперь апеллировали к их ревным ногам и вообще к более или менее некоммунистическим источникам дохода и, к своему удивлению, теперь нашли, что необходимые деньги можно собирать посредством балов, экскурсий и т. д. и что для коммунизма можно использовать и человеческую подлость. Теперь они в денежном отношении вполне обеспечены. В числе «препятствий», которые им пришлось преодолеть, смелый текленбуржец перечисляет также всевозможные оскорбления и подозрения, которые им еще приходилось переносить «со стороны «коммунистических» философов в Брюсселе». Кроме этого он еще рассказывает банальные вещи о колониях, рекомендует им (т. е. самым заклятым его врагам) «брата Вейтлинга», но в общем ведет себя довольно легкомысленно, хотя и с некоторым оттенком елейности, и только по временам упоминает о братстве и т. д.

Получаете ли вы там «Réforme»? Если вы ее не читаете, напишите мне, и я буду сообщать вам, если там будет что-нибудь интересное. Вот уже четыре дня она преследует «National» за его refus³ выразить свое безусловное сочувствие петиции, циркулирующей здесь по поводу избирательной реформы. Она утверждает, что это происходит из одной только приверженности к Тьеру. Некоторое время тому назад здесь циркулировал слух, что Бастид и Тома выступили из «National» и что Марраст остался один и что он заключил союз с Тьером. «National» возражал. Перемены в его редакции, правда, произошли, но подробностей я не знаю; что уж с год он очень сочувственно относится к Тьеру—известно; «Réforme» доказывает ему теперь, что он сильно скомпрометировал себя своими симпатиями к Тьеру. Впрочем, «National» в последнее время сделал несколько глупостей из одной только оппозиции к «Réforme»; так, например, из простой влобы отрицал впервые изложенные в «Réforme» факты, касающиеся португальской контр-революции, пока это не стало невозможным. «Réforme» изо всех сил старается теперь вести такую же блестящую полемику, как «National», но это ей не удается.

Написав все это, я пошел еще к ремесленникам, где оказалось следующее. Слишком слабый, чтобы чем-нибудь повредить мне,

Грюн пытается разоблачить меня на собрании у *barrière*.⁴ Эйзерман на публичных собраниях у заставы, посещаемых *mouchards*,⁵ нападает на коммунизм, и там, конечно, никто не может ему ответить, не подвергаясь опасности быть изловленным. Юнге очень сердито отвечал ему, но вчера мы его предупредили. После этого Эйзерман назвал Ю[нге] рупором третьего лица (это, конечно, я), который внезапно, как бомба, взорвался среди публики, и он хорошо знает, как здесь натаскивают людей для дискуссий на собраниях у заставы, и т. д. и т. д. Одним словом, он рассказывал здесь вещи, которые равносильны *настоящему доносу* в полицию; хозяин, у которого происходила эта история, еще за четыре недели до этого говорил: *il y a toujours des mouchards parmi vous*,⁶ и полицейский комиссар в то время также был там. На Ю[нге] он напал именно как на «революционера». Господин Грюн все это время был там и вдалбливал Э[йзерману], что он должен говорить. Эта низость превзошла все. Насколько я знаю положение вещей, Грюн вполне ответствен за все то, что говорил Эйзерман. Против этого абсолютно ничего нельзя поделать. На этого болвана Эйзермана у заставы нельзя нападать, потому что там еще раз донесли бы об еженедельных собраниях; Грюн слишком труслив, чтобы что-нибудь *самому* сделать от своего собственного имени. Единственное, что можно сделать, это объяснить публике у заставы, чтобы они не спорили о коммунизме, потому что это компрометирует все собрание в глазах полиции.

Напишите же наконец.

Ваш Э.

¹ новых людей. ² отбросы. ³ отказ. ⁴ заставы. ⁵ шпионами. ⁶ между вами всегда есть шпионы.

14.

[Париж, около 23 октября 1846 г.]

Дорогой Маркс!

Документ, направленный против Кр[иге], получил. Он очень хорош. Кр[иге], конечно, будет приписывать решительный тон первого документа лично мне, так как там только твоя подпись, а по поводу этого второго будет просить прощения, но это мне все равно. В своей личной злобе он может рисовать меня самыми черными красками своим американским филистерам, если это доставляет ему удовольствие.

Из письма комитету ты видишь, как я здесь проник к филистерам. Я их не щадил, чорт меня возьми, я напал на их худшие предрассудки, напал на них самих как на совершенно непроле-

тарские элементы. Но и Грюн в свою очередь прекрасно работал мне наруку.

Ради бога, не оплачивайте писем ко мне. Если бы проклятый Леске, который, наконец, прислал мне за старую дрянь, посланную для П[ютмана], негодный вексель, который я должен был вернуть, если бы эта собака, Леске, не оставил меня без денег, я тотчас же послал бы вам 25 франков для комитетской кассы. Но пока я возьму на себя, по крайней мере, оплату корреспонденции. Если я не оплатил предыдущего письма, то это произошло потому, что было слишком поздно, и оно успело уйти, так как я опустил его еще до отправки почты. Как только Л[еске] пришлет деньги, вы получите часть их.

Никому из филистеров ответ Криге не будет показан. Иначе он стал бы известен Гр[юну]. Мы должны скрывать от него все до тех пор, пока он не кончит обработки книги Прудона с примечаниями К. Грюна. Тогда он будет в наших руках. Он совершенно отказывается в ней от своих прежних взглядов и душой и телом присоединяется к прудоновской системе спасения. Так, он кончает с эксплуатацией, если он опять не повернет обратно. В Брюсселе ли еще Вейтлинг?

С ремесленниками здесь я думаю столкнуться. Эти молодцы, конечно, ужасно невежественны и своими условиями жизни совершенно не подготовлены. Конкуренции между ними нет никакой. Плата стоит всегда на одном и том же уровне, борьба с мастером происходит вовсе не из-за платы, а из-за «высокомерия подмастерья» и т. д. На портных теперь магазины готового платья действуют революционизирующе. Если бы только портняжное дело не было таким гиблым ремеслом.

Грюн нанес много вреда. Все определенное у этих молодцов он превратил в полную расплывчатость, в стремление к человечности и т. д. Под видом нападков на вейтлинговскую и всякую другую систему коммунизма он набил им голову неопределенными беллетристическими и мелкобуржуазными фразами, а все остальное называл погоней за системами. Даже столяры, которые никогда не были вейтлингианцами, — за исключением немногих, — питают суеверный страх перед «этим уравнительным коммунизмом» и поддерживают охотнее, — по крайней мере до принятия решения, — самые расплывчатые теории о мирных планах благодетельствования и т. д., чем этот «уравнительный коммунизм». Здесь царит безграничное смешение понятий. Гарни я на-днях послал статью, в которой слегка нападаю на миролюбие fraternal democrats,¹ но

написал ему, впрочем, что он должен продолжать переписываться с вами.

Твой Э.

¹ братских демократов (название руководимой Гарни группы чартистов с интернациональными тенденциями).

15.

[Бернайс — Марксу]

[Париж, 2 ноября 1846 г.]

Дорогой Маркс!

Наконец-то после долгих колебаний и измучив себя в конце, я вновь прибыл в Париж. Около месяца назад я уже попал, было, раз сюда с полным кошельком и с твердым решением не возвращаться больше в Сарсель. Однако решение это было еще совсем незрелое: голова чересчур еще подчинялась сердцу, а сердце очень уж сильно тосковало по идиллическим и элегическим радостям и горестям Сарселя, так что ноги сами собой понесли меня туда. Откровенно тебе признаюсь, что, несмотря на весьма прозаический исход дела, — к чему Энгельс честно руку приложил, — у меня, тем не менее, осталось некоторое влечение к сему мучительному местопребыванию; однако этим дело и ограничится, и я, вероятно, никогда больше не переступлю порога дома этих людей. Во вторник в шесть часов утра я выскочил без гроша в кармане из окошка в Сарселе, перекинул халат через плечо и зашагал по ужаснейшей грязи пешком в Париж к Энгельсу. Как я ожидал, он принял меня самым дружественным образом, и мы по настоящий момент находимся вместе. Не знаю, что бы без него было! Во всем Париже нет ни одного человека, с которым я мог бы, как с ним, обсудить подобные дела, вероятно, пришлось бы мне, бедняге, опять отправиться в пекло и там похоронить себя навеки. Нынче я от этого страха свободен, все будет хорошо. Завтра перевезжаю на новую квартиру — Улица Жакоб, 41, буду усердно учиться и мало писать, ибо потребуются, боюсь, некоторое время, покуда я опять буду в состоянии ясно и упорядоченно мыслить.

Все это, точно плетью, выгнало меня из Сарселя; я стал замечать, что начинаю мыслить спутанно, что в голове моей заводятся всякого рода дикие мысли, что настроения мои постоянно противоречат одно другому и приводят меня в смятение — я стал опасаться самого ужасного: безумия! Давай перестанем об этом говорить: пусть это будет позабыто совсем, если только ничто мне об этом не станет напоминать.

Вообрази, трудно поверить — всего неделя, как я здесь, и со мной уже куча приключений. Как они все ни смешны, но пускай бы их чорт побрал, — я стосковался по покою и работе. Одно, впрочем, я должен тебе рассказать: получаю из Германии перевод на 130 франков, выписанный на какого-то низкопробнейшего еврея или банкира, или наоборот. И это à quatorze jours de vue!¹ Когда я вошел в лавчонку, он меня спросил на ломаном французском языке: «Ke foulez vous?»² — «Je désire toucher le montant d'un petit billet»³ — «Деньги — получить?» переспросил он; я даю ему чек; — «Он à quinze jours de vue,⁴ но так и быть, я вам оплачу его сейчас. Вы ведь немец? Так не стоит вам еще раз приходить». — Тут между ним и его приказчиком начались разговоры

на таком жаргоне, какого я никогда не слыхивал, по поводу того, что произошло за то время, пока он был на бирже. «Siwe Dausend Frank von Ganneven — e Wechsel von S. D. Oppenheim in Frankfort? Werd nit akzeptiert — weider nix? Des klane Hummelche von Strassborg hat geschriewe, mer werren die fufzick Franke verliere — Krie er das Unglück...⁵ Ай, ай, ай, я все еще не выдал господину его денег, — простите, пожалуйста, будьте добры, напишите здесь, как вас зовут и где вы живете»; я пишу и вижу, что он дает мне не полтораста франков, а больше денег, нежели он мне должен. Я их, не пересчитывая, кладу в карман: «J'ai l'honneur de vous saluer»,⁶ и бегом бегу из его логовища на улицу к Энгельсу. Вообрази ты эту потеху, мошенник действительно дал мне двадцать франков лишних, которые мы, конечно, прикарманили. На сегодня будет, у меня чересчур разболелась голова, предоставляю остальное место Энгельсу. Только еще одну забавную штуку расскажу: несколько дней назад Вейдемейер пишет мне: «Знаете ли вы мемуары Рене Левассера (из деп. Сарты), бывшего члена Конвента, в четырех томах (Париж, Рапили, 1766, Пассаж Панорамы)?» Если вы можете их найти, пришлите мне их, пожалуйста.

Доброй ночи, сердечный привет твоей жене, напиши нам поскорее.

Твой Бернайс.

¹ сроком на две недели. ² Что вам угодно? ³ Я хочу получить деньги по маленькому билету. ⁴ сроком на две недели. ⁵ Семь тысяч франков от жулика, вексель от С. Д. Оппенгейма из Франкфурта? Не принимаем больше ничего? Хитрец Гуммель из Страсбурга написал, что мы потеряем те пятьдесят франков. Точно он накликал беду... ⁶ честь имею откланяться.

[Приписка Энгельса.]

23, rue de Lille, 2 ноября 1846 г.

Где же давно обещанное длинное письмо? *Пошли, наконец, Бернайсу рукопись*, ему нужно только то, что имеется у тебя, печатное у него еще есть. В Америку он ничего не посылал; то, что там печатается, печатается против его воли и без его ведома. Но многие экземпляры были уже напечатаны, и Леске мог их уже раздарить. Мы расследуем это дело. Может быть, через Грюна или Бёрнштейна. Я писал в Швейцарию по поводу рукописи, но эта собака, очевидно, не ответит мне. Остается еще только Иенни, но над ним я подшутил и не хочу ему писать. Вложи в твое следующее письмо несколько строк для этого молодца, я отошлю их ему, но это только *pro forma*, этот молодец, наверное, не примет их. Первый, кому я написал, это издатель маленькой брошюры Бернайса, но если даже он и примет, то он все же банкрот, à ce qu'écrivit Püttmann. Voilà.¹ Я прихожу в отчаяние от Швейцарии. Хороший совет очень дорог. При теперешнем затруднительном положении мы, наверное, не пристроим сразу двух томов. Будет хорошо, если нам

удастся издать два тома у совершенно различных издателей. Напиши также и об этом.

Твой Э.

Теперь только я прочел то, что этот малый написал о своем бегстве из уединения. Хорошо, что он здесь; постепенно он опять станет нам верен. Кланяйся всей компании.

¹ как пишет Пюттман. Таковы дела.

16.

[Париж, конец декабря 1846 г.]

Дорогой Маркс!

Мое последнее короткое письмо к Жиго было вызвано следующими причинами. При расследовании беспорядков в Сент-Антуанском предместье в октябре допрошена была также масса арестованных немцев; вся вторая партия состояла из узколобых филистеров. Некоторые из этих болванов, переправленные теперь через границу, вероятно наговорили много вздора об Э[вербе]ке и обо мне: *in fact*¹ при нивости этих филистеров ст них вполне можно было ожидать, что они станут рассказывать то, что они знают и чего не знают страха ради иудейска. К этому надо еще прибавить, что знакомые мне ремесленники, которые сохраняют такую таинственность в своих собственных делишках, подняли большой скандал по поводу моих встреч с ними. Таковы эти ребята. У заставы благородным Эйзерманом был составлен на меня полный *avis aux touchards*.² Ю[нге] также сделал несколько глупостей; у этого молодца до некоторой степени мания величия, ему хочется быть отправленным на счет французского правительства в Калэ и в Лондон. Довольно того, что *monsieur* Делессер подсылал ко мне и к Э[вербеку], который уже давно был в подозрении и относительно которого уже давно существовал временно приостановленный приказ об изгнании, *touchards* за *touchards*,³ которым удалось проследить нас вплоть до *marchand de vins*,⁴ где мы иногда сходились с медведями предместья. Этим было доказано, что мы — главари опасной группы, и вскоре после этого я узнал, что *monsieur* Делессер обратился к *monsieur* Таннегюи Дюшателю, чтобы добиться приказа об изгнании меня и Эвербека, и что по этому делу в префектуре имеется уже замечательная коллекция документов, рядом с помещением, где происходит медицинское освидетельствование проституток. У меня, конечно, нет никакого желания быть изгнанным из-за филистеров. Я решил выждать, когда заметил, с какой беспечностью филистеры трубили всем и каждому и везде обсуждали, кто прав: я или Грюн. Я очень

сожалел обо всей этой дряни, но исправить этих ребят было уже невозможно, они даже не могли отстоять себя в дискуссии, совсем как лондонцы; но своей главной цели я достиг — я одержал победу над Грюном. Это был прекрасный случай с честью развязаться с этими филистерами, как бы ни была вообще неприятна эта история. Я поэтому дал им понять, что теперь не могу обучать их и что они должны быть осторожны. Эвербек тотчас же решил уехать и, кажется, немедленно и уехал, по крайней мере я больше его не видел. Куда он уехал — я также не знаю. Малого (Б[ернайса]) также разыскивала полиция, но он из-за различных авантур вернулся в свою старую квартиру (поразительно, какие он делает безумства, как только он вступит ногой в цивилизованный мир). Когда он опять вернется в Париж, я не знаю, но он во всяком случае не поселится в том же доме, в котором думал поселиться. *Поэтому данный тебе адрес не годится.* Свою рукопись он благополучно получил. Впрочем, я благодарен благородной полиции за то, что она вырвала меня из этого мешанства и напомнила мне о благах жизни. Если эти подозрительные субъекты, которые вот уже две недели преследуют меня, в самом деле touchards, как мне это положительно известно, то префектура в последнее время раздала массу входных билетов на bals⁵ Монтестье, Валентино, Прадо и т. д. Я обязан господину Делессеру прекрасными знакомствами с гризетками и многими удовольствиями, car j'ai voulu profiter des journées et des nuits, qui pouvaient être mes dernières à Paris. Enfin,⁶ так как меня до сих пор вообще оставляли в покое, то, очевидно, все успокоилось. Адресуйте впредь все письма господину А.-Ф. Кернеру, artiste-peintre,⁷ 29, Rue Neuve, Bréda, Paris. Внутри — конверт с моими инициалами, но чтобы он не просвечивал.

Ты понимаешь, что при таких обстоятельствах я должен был махнуть рукой на В[ильгельма] В[ейтлинга]. Я никого не видел и совершенно не знаю, был ли он уже здесь или еще находится здесь. Вейтлингианцев я совершенно не знаю; у тех же, кого я знаю, он встретил бы не совсем любезный прием. Из-за вечных драк с его друзьями портными они питают к нему ужасную злобу.

История с лондонцами очень неприятна именно из-за Гарни и потому, что из всех этих обывателей они были единственными, с которыми можно было просто, без всякой aggrège pensée⁸ пытаться завязать сношения. Но если эти молодцы не хотят, eh bien, то и не надо. Вообще никогда нельзя быть уверенным, что они опять не выпустят таких жалких адресов, как тот, который они выпустили против Ронге или против шлезвиг-голлштинцев. А к тому же

еще вечное соперничество с нами, «учеными». У нас есть два способа освободиться от них, когда они бунтуют: или открыто порвать, или прекратить переписку. Я стоял бы за последнее; если их последнее письмо допускает ответ, то, не задевая их резко за живое, он должен быть в таком тоне, чтобы отнять у них охоту скоро на него отвечать. Потом долго им не отвечать — и при их неаккуратности в переписке на 2-м, 3-м письме все оборвется. Собственно, как и зачем нам обрушиваться на этих господ? Органа у нас нет, а если бы он у нас и был, то они не писатели, а выпускают только от времени до времени прокламации, которых никто не видит и не вспоминает. Если мы вообще относимся с презрением к этим обывателям, то мы всегда можем игнорировать их прекрасные документы; если сношения прекратятся, то все пойдет очень хорошо, разрыв произойдет постепенно и не вызовет шума. Мы между тем спокойно договоримся с Гарни о необходимом, позаботимся о том, чтобы *они* нам не ответили на последнее письмо (что они уже сделали, когда их однажды заставили ожидать ответа 6—10 недель), и пусть они потом поднимают шум. Прямой разрыв с этими господами не принесет нам ни пользы, ни gloire.⁹ *Теоретические* разногласия с этими господами едва ли возможны, так как у них нет теории, и они хотели бы получить от нас указания, несмотря на кой-какие внутренние сомнения; формулировать свои сомнения они также не умеют, поэтому с ними невозможна никакая дискуссия, кроме, пожалуй, устной. При открытом разрыве они выступили бы против нас с характерной для этих комм[унистов] слащавой болтовней, что они охотно бы поучились у этих ученых господ, если у них есть что-нибудь путное и т. д. *Практические* партийные разногласия, — так как их в комитете не много, — свелись бы скоро только к личностям и ссорам или производили бы такое впечатление. Против литераторов мы можем выступить как партия, против обывателей не можем. В конце концов они все же насчитывают сотни две человек, через Гарни они аккредитованы у англичан: «Rheinischer Beobachter» и др. раструбили о них в Германии как о боевом и во всяком случае не бессильном коммунистическом обществе; к тому же они самые сносные из обывателей и, наверное, самое лучшее, что можно сделать из подмастерьев, пока в Германии нет никаких перемен. Но нам эта история послужила наукой в том отношении, что с обывателями не стоит связываться до тех пор, пока в Германии не существует настоящего движения, даже с самыми лучшими из них. Всегда лучше предоставить их вполне самим себе, касаться их только в массе, en bloc, чем вызывать спор, при котором мы можем только влезть в грязь. По отношению к нам эти молодцы

объявляют себя «народом», «пролетариатом», а мы можем апеллировать лишь к коммунистическому пролетариату, который еще только должен образоваться в Германии. К тому же еще скоро придет прусская конституция, и, может быть, этих молодцов можно будет тогда использовать для подписей и т. д.

Впрочем, я, вероятно, уже опоздаю со своими советами, и вы, наверное, уже приняли решение в этом деле и выполнили его. Я бы, впрочем, раньше написал, но ожидал исхода полицейской истории.

Только что получил ответ от швейцарского издателя [М. Шлепфер]. Письмо, которое я здесь прилагаю, лишний раз подтверждает, что этот молодец — прохвост. Так дружески не принимает обыкновенный издатель, после того как он целые недели заставил ждать ответа. Теперь мы посмотрим, что напишет бременский, а потом сделаем так, как нам будет угодно. Есть еще один тип в Бельвю у Констанца, — может быть, с ним удастся столкнуться. Если бременский не захочет, я еще раз попытаюсь завести сношения с этим. Между тем я еще раз справлюсь в Геризау; хорошо было бы, если бы у нас был порядочный человек в Швейцарии, которому можно было бы доверить рукопись с поручением отдать ее только за наличные деньги. Но там только алчущий отец семейства Пюттман!

В виде невинного развлечения я в последние тяжелые дни, кроме женщин, еще имею сношения — с Данией и с остальным Севером. Это ужасное свинство. Лучше самый плохонький немец, чем самый лучший датчанин! Такого уровня нравственного, цехового, сословного убожества больше нигде не существует. Датчанин считает Германию страной, куда ездят, чтобы «держать любовниц и тратить с ними свое состояние» (*imedens at han reiste i Tydskland, havde han en Maitresse, som fortærede ham den bedste del af hans Midler*¹⁰ — сказано в одном учебнике!) — он называет немца хвастуном и считает себя истинным представителем германской расы; швед же опять-таки презирает датчанина как «немеценного» и выродившегося, болтливого и размягченного; норвежец смотрит на офранцуженного шведа и его дворянство сверху вниз и радуется, что у него в Норвегии господствует еще то же самое тупое крестьянское хозяйство, как во времена благородного Канута; исландец же, который говорит еще на том языке, на каком говорили грязные викинги 900 года, пьет рыбий жир, живет в землянке и гибнет во всякой атмосфере, в которой не чувствуется запаха гнилой рыбы, третирует норвежца *en canaille*. Несколько раз у меня было искушение возгордиться тем, что я, по крайней мере, не датчанин или хотя бы исландец, а только немец. Редактор

самой прогрессивной шведской газеты «Aftonblad» приезжал два раза в Париж, чтобы выяснить вопрос об организации труда; он в течение многих лет выписывал «Bon sens» и «Démocratie pacifique»,¹¹ поддерживал сношения с Луи Бланом и Консидераном, но ничего во всем этом не понял и вернулся, ничего не выяснив. Теперь он трубит здесь, как и прежде, о свободе конкуренции, или, как это называется по-шведски, свободе снабжения *продуктами*, или также *sjelfförsörjningsfrihet*,¹² (это еще лучше, чем свобода *промышленности*). Конечно, они еще до ушей увязли в цеховом болоте, а в рейхстаге именно буржуа являются самыми законченными консерваторами. Во всей стране всего два приличных города с 80 000 и 40 000 жителей, в третьем же, в Норкёппинге, всего 12 000 жителей, во всех остальных примерно 1 000, 2 000, 3 000. На всех почтовых станциях живет по одному человеку. В Дании, пожалуй, не лучше; у них есть только единственный город, где происходят религиозные процессии корпораций, еще более бессмысленные, чем в Базеле и Бремене, где не пускают на народные гулянья без входного билета. Единственное, чем эти страны хороши, это то, что они ясно показывают, что сделали бы немцы, если бы у них была свобода печати,—именно то, что датчане в самом деле уже сделали: основали бы тотчас же «общество для действительного пользования свободой печати» и стали бы печатать христианские душевспасительные календари. Шведская «Aftonblad» так же умеренна, как «Кёльнская газета», но считает себя «демократической в истинном смысле этого слова». Зато шведы имеют романы фрекен Бремер, а датчане—романы статского советника Эленшлегера, *Commandör af Dannebrogordenen*. Кроме того там также ужасно много гегельянцев, а язык, в котором каждое третье слово заимствовано из немецкого, прекрасно подходит для спекулятивного мышления.

Отчет уже давно начат и будет выслан через несколько дней. Напиши мне, есть ли у вас книга Прудона. Если ты хочешь для своей книги воспользоваться кое-чем из книги Прудона, которая никуда не годится, то я могу послать тебе свои очень подробные извлечения. Книга не стоит тех 15 франков, которые за нее надо заплатить.

[Ф. Энгельс.]

¹ в самом деле. ² донос шпионам. ³ шпионов [за] шпионами. ⁴ торговца вином. ⁵ бальные вечера. ⁶ потому что я хотел использовать дни и ночи, которые могли бы оказаться для меня последними в Париже. Наконец. ⁷ художнику-живописцу. ⁸ задней мысли. ⁹ славы. ¹⁰ когда он путешествовал по Германии, он содержал любовницу, которая поглотила большую часть его средств. ¹¹ «Здравый смысл» и «Миролюбивую демократию». ¹² свободе самоснабжения.

1847 год.

17.

Париж, 15 января 1847 г.

Дорогой Маркс!

Я бы раньше тебе написал, если бы Б[ернайс] не заставил меня так долго ждать. Проклятого Бёрнштейна, у которого я между прочим справлялся также о твоём приезде сюда, никогда нельзя было застать дома, и поэтому я передал это дело Бернайсу, который хотел уже в *понедельник* принести мне в город письмо для тебя. Вместо этого я вчера поздно вечером получаю прилагаемую бумажку, которую этот лентяй спрятал третьего дня вечером в Сарселе; содержащиеся в ней разъяснения вовсе уж не такого характера, чтобы нужно было изучать их в продолжение пяти-шести дней. Но таков уж этот человек. Впрочем, я поговорю с *самим* Бёрнштейном, так как меня решительно не удовлетворяет это разъяснение и, откровенно говоря, я никому не верю меньше на слово, чем Бернайсу. Этот человек мне в течение шести месяцев все уши прожужжал, что ты смело мог бы приехать со всеми своими пожитками, а когда дело становится серьезным, тогда он сочиняет длинную историю о паспорте. Как будто тебе нужен паспорт! На границе никто его не спрашивает, Моисей так же приехал сюда, и никто не спрашивал у него паспорта, и я точно так же; а если ты будешь жить у меня, то хотел бы я знать, кто стал бы спрашивать об этом. В худшем случае бельгийский *passport pour l'intérieur*¹ для удостоверения личности или известное послание господина Леопольда: *Cabinet du roi*² — этого достаточно для всех случаев. Гейне придерживается такого же мнения, и когда мне удастся поймать Бёрнштейна, я спрошу его об этом. Бернайс выдумал также историю с Толстым, или, вернее, Бёрнштейн навязал ему ее, так как Бёрнштейн *навязывает ему все, что ему угодно*.

Все самые равнообразные сведения, которые Б[ернайс] прежде нам сообщал, идут из того же источника, и после того как я неоднократно был свидетелем того, с какой непогрешимостью Бёрнштейн

преподносит Бернайсу свои предположения, сплетни и собственные измышления и как Бернайс принимает их за чистую монету, я не верю ни одному слову из тех важных известий, которые он прежде сообщал «из самого верного источника»... Я сам видел, как Бёрнштейн одним только аффектированным всеведением заставил верить Бернайса (а ведь ты знаешь, как восторженно *верит* Бернайс, если он уже поверил), что «National» целиком, душой и телом продался Тьеру за *argent plus ou moins comptant*.³ После этого малый дал бы себя расстрелять, — он в этом отношении неисправим, как и в своем восторженном, смертельно-грустном настроении. Pendant le cours de la dernière quinzaine il a été seize fois au bord du désespoir. Cela entre nous.⁴ Относительно твоего приезда сюда я опять спрошу Бёрнштейна; Гейне, как я уже говорил, утверждает, что ты смело мог бы приехать. Или ты, может быть, хочешь пойти во французское по[сольство] и просить паспорт на основании твоего прусского эмигрантского свидетельства?

Мне было очень приятно, что ты сообщил мне о Моисее. Сей благородный муж пришел ко мне, но не застал меня. Я предложил ему письменно назначить мне свидание. Вчера оно состоялось. Он ужасно изменился. Юношеские кудри обрамляют его голову, красивая бородка придает некоторую грацию его острому подбородку, щеки его покрыты девственным румянцем, но la grandeur déchue se reïgnait dans ses beaux yeux,⁵ и он проявлял поразительную скромность. Здесь в Париже у меня выработался очень бесцеремонный тон, потому что без шума и брага не киснет, а этим тоном можно чего-нибудь добиться у женщин. Эта скромная внешность некогда потрясавшего мира Гесса почти обезоружила меня. Но геройские поступки истинных социалистов, его учеников (об этом ниже) и его не изменившийся внутренний облик опять придали мне мужество. Одним словом, я так холодно и насмешливо встретил его, что у него пропадет всякая охота приходить ко мне. Единственно, что я для него сделал, был хороший совет по поводу триппера, который он привез с собой из Германии. Даже у нескольких немецких живописцев, которых он прежде знал в Германии, он потерпел полное фиаско. Один только Густав-Адольф Кеттген остался ему верен.

Бременскому [издателю Кюттману] надо во всяком случае отдать предпочтение перед швейцарским [Шлепфер]. Я не могу писать швейцарцу, 1) потому что я забыл его адрес, 2) потому что я не хочу предлагать этому типу более низкий гонорар с листа, чем ты предложил бременскому... Сообщи поэтому твои предложения.

бременскому и адрес этого субъекта. Он хорошо заплатил Бернайсу за его плохую брошюру о Ротшильде, но надул Пютт[мана]: печатал для него, но отложил до бесконечности уплату гонорара под тем предлогом, что его деньги вложены в предприятие.

Очень хорошо, что ты пишешь по-французски против Прудона. Надо надеяться, что, когда получится это письмо, брошюра будет уже закончена. Само собою разумеется, что ты можешь заимствовать из нашей работы все, что тебе угодно. Я также думаю, что пр[удоновская] ассоциация сводится к плану Брея. Я совершенно забыл доброго Брея.

Ты, может быть, читал в «Triersche Zeitung» о новом лейпцигском соц[иалистическом] журнале под заглавием «Veilchen», журнал для невинной новейшей критики!! в котором господин Земмиг рычит, как Зарастро: «В этих священных покоях не знают мести, за этими священными стенами не должен укрываться ни один предатель, и тогда он, опираясь на дружескую руку, переходит в лучший мир, — но у него, к сожалению, нет для этого баса, как у блаженной памяти Рейхеля. Зарастро-Земмиг приносит здесь жертвы трем божествам: 1) Гессу, — 2) Штирнеру, — 3) Руге — и всем одновременно. Первые двое [проникли] в глубины науки.

Этот листок или «фиалка» — самый большой вздор, какой я когда-либо читал. Такое тихое и в то же самое время безвзвешенное безумие возможно только в Саксонии.

Как бы было хорошо, если бы мы могли еще раз написать главу об истинном социализме, теперь, когда они развились во всех направлениях, когда образовались вестфальская школа, саксонская школа, берлинская школа и т. д., и т. д., вместе с одинокими звездами, Пюттман и т. д. Их можно было бы подразделить по созвездиям на небе: Пюттман — Большая Медведица и Земмиг — Малая Медведица или Пюттман — Телец, а Плеяды — его восьмеро детей. Рога он заслуживает и без того, если у него их нет. Грюн — Водолей и т. д. А ргос, о Грюне.

Я переработаю статью о грюновском Гете, сокращу ее до размеров полулиста, максимум трех четвертей листа, и подготовлю ее для нашего журнала, если ты это одобряешь, о чем ты должен немедленно мне написать. Книга слишком характерна. Грюн восхваляет всякое *филистерство* Гете как *человеческое*, он превращает франкфуртца и чиновника Гете в «истинного человека», между тем как все колоссальное и гениальное он обходит или даже оплевывает до такой степени, что эта книга представляет блестящее доказательство того, что человек = немецкому мещанину. Я это

только наметил, но мог бы это развить и порядком сократить остальную часть статьи, так как она не подходит для нашего журнала. Что ты об этом думаешь?

Твой Энгельс.

¹ паспорт для пользования внутри страны. ² кабинет короля. ³ более или менее наличные деньги. ⁴ За последние две недели он шестнадцать раз был на краю отчаяния. Это между нами. ⁵ бывшее величие отражалось в его красивых глазах.

18.

[Париж], вторник 9 марта [1847 г.]

Дорогой Маркс!

Прилагаемая брошюрка была мне сегодня утром принесена от Юнге; несколько дней тому назад Эв[ербек] принес ее к ним. Я посмотрел эту вещь и заявил, что эта вещь — Моисей, и разобрал ее Ю[нге] по пунктам. Сегодня вечером я видел Эвербека; он сознался, что принес ее, и когда я порядком разделал эту вещь, то оказалось, что он сам является автором этого жалкого произведения. Как он утверждает, он написал это в первые месяцы моего пребывания здесь. Его вдохновило к этому первое опьянение от сообщенных мною новостей. Таковы эти ребята. Эвербек смеялся над Гессом за то, что тот украшает себя чужими перьями, которые ему не к лицу, и запретил филистерам передавать Грюну содержание моих докладов для того, чтобы тот их не приписал себе, а сам при этом — с самыми лучшими намерениями — поступает ничуть не лучше. Моисей и Грюн исказили бы эти вещи не больше, чем этот народный «tripper doctor».¹ Я, конечно, сперва немного посмеялся над ним, а затем запретил ему когда-либо опять проделывать подобные вещи. Но это, очевидно, уж в натуре этого человека. На прошлой неделе я частью из озорства, частью из нужды в деньгах написал анонимный благодарственный адрес, полный двусмысленностей, Лоле Монтез. В субботу я прочел ему оттуда несколько мест, а сегодня вечером он рассказал мне со своим обычным добродушием, что это вдохновило его к такому же произведению, которое он уже на следующий день написал на ту же тему и передал Мойреру для его анонимного журнала (он действительно выходит совершенно тайно и только для редакции под цензурой госпожи Мойрер, которая уже отличилась тем, что вычеркнула стихотворение Гейне). Он сообщает мне об этом уже теперь, чтобы показать свою честность и не совершить плагиата! Этот новый шедевр этого плодовитого и самодоволь-

ного писателя является, конечно, переделкой моей шутки в торжественно напыщенном стиле. Эта последняя мазня хотя вообще меня не трогает, но все же показывает, как действительно необходимо, чтобы либо твоя книга, либо наши рукописи вышли возможно скорее. Эти господа постоянно сокрушаются, что такие прекрасные мысли так долго остаются неизвестными народу, и в конце концов не находят другого средства облегчить свое горе, как выжать из своего кишечника все то, что они по-своему переварили. Не выпускай поэтому бременица из виду. Если он не ответит, напиши еще раз. В крайнем случае согласишься на *minimum*. Эти рукописи теряют каждый месяц от 5 до 10 франков с листа *exchangeable value*.² Еще несколько месяцев *la diète prussienne bien en discussion, la querelle bien entamée à Berlin*,³ и Бауэра и Штирнера нельзя будет продавать уже по 10 франков за лист. С такими злободневными статьями постепенно доходят до такого предела, когда следует отказаться от высокого гонорара, которого требует *point d'honneur*⁴ писателя.

Я провел около недели у Б[ернайса] в Сарселе. Он тоже делает глупости. Пишет в «*Berliner Zeitungshalle*» и как ребенок радуется, что его *soi-disant*⁵ коммунистические словоизвержения по адресу буржуа там печатаются. Само собой, редакция и цензура оставляют то, что направлено только против буржуа, и вычеркивают те немногие намеки, которые могли бы оказаться неприятными для них самих. Он ругает суды присяжных, «буржуазную свободу печати», систему представительства и проч. Я разъясняю ему, что это называется работать буквально *pour le roi de Prusse*⁶ и косвенно против нашей партии; на это — горячие возражения, ссылки на невозможность от них чего бы то ни было добиться; я заявляю, что *Zeitungshalle* оплачивается правительством; в ответ — упорное отрицание, ссылка на симптомы, которые в глазах всего мира, за исключением чувствительного населения Сарселя, доказывают как раз обратное, — т. е. правильность моих слов. Результат: добродетельное воодушевление, пылкое сердце, не дающее писать вопреки своим убеждениям, не понимающее никакой политики, щадящее людей, которых оно до сих пор смертельно ненавидело. «Это не мой жанр», как *ultima ratio*!⁷ Я прочел множество этих статей с заголовком: «Из Парижа пишут»; они написаны *on ne peut plus*⁸ в интересах правительства и в стиле истинного социализма. Я готов отказаться от Бернайса и не вмешиваюсь больше в великодушно-отвратительную семейную неразбериху, в которой он разыгрывает героя *des dévouements*⁹ и бесконечного самопожертвования. *Il faut*

avoir vu cela.¹⁰ Пахнет это, как пять тысяч непроветренных перин, плюс бесчисленные отрывки от австрийских *вегетарианских* блюд. И если этот молодец еще десять раз вырвется из тамошней слякоти и переедет в Париж, он все же десять раз побежит назад. Можешь вообразить, что за моральные бредни заводятся у него по этому случаю в голове. Семья *mode composé*,¹¹ в которой он живет, окончательно превращает его в узкого филистера. Никогда больше ему не заманить меня в его лавочку; впрочем, так скоро он и не стоскуется по мне, бесчувственному типу.

Брошюру о конституции ты получишь в самом непродолжительном времени. Я напишу ее на отдельных листах, чтобы ты мог их вкладывать или выбрасывать. Если есть надежды, что Фоглер будет что-нибудь платить, спроси его, не возьмет ли он памфлет против Лолы Монтез — от полутора до двух листов, — но незначем ему говорить, что эта вещь написана мною. Отвечай мне подробно об этом, так как в противном случае я попытаюсь в Бельвю. Ты, вероятно, читал в «*Débats*» или в «*Constitutionnel*», что негодяй Шлепфер в Геризау лишен большим советом возможности печатать революционные вещи из-за вюртембергских жалоб; он сам подтвердил это в письмах сюда и *просил* ничего ему не присылать. Это — лишнее основание держаться бременица. Если с ним нельзя будет столкнуться, то останется только «издательство» в Бельвю близ Констанца.

Au reste,¹² если издание наших рукописей будет мешать изданию твоей книги, тогда брось к черту рукописи, так как гораздо важнее, чтобы появилась твоя книга. Ведь мы оба не особенно много извлекаем пользы из наших работ.

Ты, может быть, читал во вчерашнем номере (понедельник) «*Кёльнской газеты*» статью о скандальной истории с Мартен дю-Нор. Это — статья Б[ернай]са; он время от времени составляет бёрнштейновскую корреспонденцию.

Здесьняя полиция теперь очень зла. Производит впечатление, что она всеми силами старается создать мятеж или массовый заговор по поводу голода. Сперва она распространяла разного рода печатные произведения и расклеивала *placats incendiaires*,¹³ а теперь она даже распространяет машины для поджигания, которые, однако, *не были зажжены*, для того, чтобы лавочники могли почувствовать всю дьявольскую зловредность мятежников. При этом она затеяла еще прекрасную историю с *communistes-matérialistes*,¹⁴ арестовала массу народа, из которых А знает Б, Б — В, В — Г и т. д., и на основании этого знакомства и некоторых свидетельских показаний превратила всю эту массу по большей части незнакомых друг с другом

людей в одну «шайку». — Процесс этой «шайки» должен скоро слушаться, и если к этой новой системе прибавить еще старое *complicité morale*,¹⁵ то можно очень легко осудить любого человека. *Cela sent son Hébert*.¹⁶ Таким образом нет ничего легче как осудить без всяких разговоров *père*¹⁷ Каба.

Приезжай сюда в апреле, если есть какая-нибудь возможность. До 7 апреля я переезжаю, — я еще не знаю, куда, — и в это время у меня будет немного денег. Мы тогда могли бы вместе немного покутить. Так как полиция здесь теперь отвратительная (кроме саксонца, о котором я писал, изгнан был также и мой старый противник Эйзерман, — оба остались здесь, сравни К. Грюн в «Кёльнской газете»), то лучше всего последовать совету Бёрнштейна. Попытайся получить у французского посланника эмигрантский паспорт; если это не удастся, тогда мы посмотрим, что здесь можно сделать; есть еще консервативный депутат, с которым можно завести сношения через шестые руки. Ты непременно должен выбраться из скучного Брюсселя и приехать в Париж, и у меня также сильное желание покутить с тобою. Здесь можно быть или *mauvais sujet*,¹⁸ или школьным учителем; *mauvais sujet* среди беспутных забулдыг, и *cela vous va fort mal quand vous n'avez pas d'argent*,¹⁹ или же ментором Эвербека, Бернайса и компании. Или принимать мудрые советы главарей французских радикалов, которых потом еще надо защищать против других ослов, чтобы они не слишком зазнались в своем расплывчатом германизме. Если бы у меня было 5 000 фр. ренты, я бы только работал и весело проводил время с женщинами, пока не наступил бы мой конец. Если бы не было французенок, то вообще не стоило бы жить. *Mais tant qu'il y a des grisettes, va! Cela n'empêche pas*,²⁰ чтобы от времени до времени побеседовать о чем-либо путном или попользоваться жизнью с некоторой изысканностью; но и то, и другое со сбродом моих знакомых невозможно. Ты должен приехать сюда.

Видел ли ты [Историю французской] революции Луи Блана? Нелепая смесь верных мыслей и ужасных сумасбродств. Я только что прочел половину первого тома в Сарселе. *Ça fait un drôle d'effet*.²¹ Он поражает нас то интересным замечанием, то невероятным безумием. Но у Л[уи] Бл[ана] очень хороший нюх, и, несмотря на все безумие, он совсем не на плохом пути. Но он не пойдет дальше, — «его сковывают чары» — идеология.

Знаешь ли ты «*Chute de l'Empire, Histoire des deux Restaurations*»,²² вышедшую в прошлом году, Ахилла Волабеля, республиканца из «*National*», по манере принадлежащего к старой школе — до Тьерри, Минье и т. д. Полнейшее отсутствие понимания самых

обыкновенных вещей, — даже Капфиг в своих «Cent jours»²³ в этом отношении гораздо лучше, — но она интересна благодаря перечислению бурбонских и союзнических гадостей и по своему довольно точному изложению и критике фактов, поскольку ему не мешают его национальные и политические интересы. В общем, однако, она написана скучно именно благодаря отсутствию общего обзора. «National» плохой историк, а Волабель, очевидно, *amicus*²⁴ Марраста.

Моисей совершенно пропал. У «ouvriers»,²⁵ с которыми я не имею сношений, он *обещал* читать лекции, выдает себя за противника Грюна и за моего большого друга. Богу известно, а также Моисею, что во время нашего второго и последнего свидания в пассаже Вильен я оставил его с раскрытым от изумления ртом для того, чтобы вместе с живописцем К[ернером] увести двух девушек, которых последний подцепил. С тех пор я встретил его еще в *mardi gras*,²⁶ когда он под сильным дождем и с ужасающим видом плелся на биржу. Мы не раскланялись даже.

Письмо Бак[унину] я передам, как только у меня будет его верный адрес — до сих пор это еще *chanceux*.²⁷

А пророс: напиши же Эвербеку по поводу брошюрки; его надо осмеять; он униженно выставляет *ambas posaderas*²⁸ и желает быть побитым. — Ты это умеешь.

Итак, напиши немедленно и постарайся устроить так, чтобы приехать сюда.

Твой Ф. Э.

¹ трипперный доктор. ² меновой стоимости. ³ начнутся дебаты в прусском ландтаге, спор развернется в Берлине... ⁴ честь. ⁵ якобы. ⁶ для прусского короля, т. е. напрасно. ⁷ крайний довод. ⁸ как нельзя более. ⁹ преданности. ¹⁰ Это надо было видеть собственными глазами. ¹¹ сложного образца. ¹² наконец. ¹³ зажигательные прокламации. ¹⁴ коммунистами-материалистами. ¹⁵ нравственное соучастие. ¹⁶ Это совершенно напоминает Эбера. ¹⁷ отца. ¹⁸ беспутным человеком. ¹⁹ и это очень неудобно, когда у вас нет денег. ²⁰ но пока есть на свете гризетки, идет! Это не препятствует однако тому... ²¹ Это производит странное впечатление. ²² «Падение Империи, история двух реставраций». ²³ «Сто дней» ²⁴ друг. ²⁵ рабочих. ²⁶ на масленице. ²⁷ сомнительно. ²⁸ ягодицы.

19.

Брюссель, 15 мая [1847 г.]

Дорогой Энгельс!

Ты знаешь, что Фоглер уже с начала мая арестован в Аахене. Благодаря этому стало пока невозможным печатание присланной тобою брошюры. Первая треть ее мне очень понравилась. В двух

остальных частях надо во всяком случае сделать некоторые изменения. Подробнее об этом пункте в следующий раз.

Прилагаю отпечаток твоей карикатуры. Я послал ее «Брюссельской газете».

Что касается отвратительной статьи Грюна или К⁰ в «Triersche Zeitung», то теперь, пожалуй, уже слишком поздно, но было бы хорошо, если бы ты раньше поместил в той же подлой газете несколько строчек опровержения.

В Лондон я не могу ехать. Денежные дела не позволяют мне этого. Но Вольфа, я надеюсь, мы отправим туда. И тогда будет достаточно того, что вы оба будете там.

Кстати о деньгах: ты ведь помнишь, что Гесс должен мне и моему шурину Эдгару еще со времени «Gesellschaftsspiegel». Я предъявляю на него поэтому *вексель, подлежащий уплате* через 30 дней. Бернайс также должен мне с мая прошлого года *150 фр.* Ему точно так же будет предъявлен вексель.

Я прошу тебя, таким образом, о следующем: 1) сообщи мне адреса обоих; 2) сообщи обоим факты и скажи этим ослам, 3) что если они думают, что до 15 июня они не в состоянии будут уплатить соответствующую сумму, то пусть они, тем не менее, *акцептируют* вексель. Я тогда позабочусь об *уплате* в Париже. Конечно, ты этим ослам скажешь *последнее лишь* в том случае, если это будет безусловно необходимо.

Я в данное время так стеснен в деньгах, что должен прибегнуть к этому предъявлению векселей, и к тому же обоим ослам ничего не следует дарить. В случае, если эти ослы только для *вида* акцептируют векселя, то я, конечно, должен немедленно знать об этом.

Так как дело это *очень спешно*, то я жду от тебя, что ты не промедлишь ни одного дня и сделаешь все необходимое и *известишь* меня. Здесь в Брюсселе найден дисконтер.

Я не могу тебе больше писать. Дней двенадцать тому назад Брейер *пустил* мне *кровь*, но, вместо *левой*, на *правой* руке. Но так как я продолжал работать, точно ничего не случилось, то рана стала гноиться, вместо того, чтобы заживать. История могла стать опасной, и я мог бы лишиться руки. Теперь она уже почти здорова. Но рука еще слаба, и ее не следует напрягать.

Твой Маркс.

[Приписка Л. Филиппса].

Милый Фрицхен.

Сейчас я занят чтением твоей брошюры, — пока что мне это очень приятно, — и я вполне счастлив сознанием, что я *ни в какой* степени не немец...

Бог, или Разум, или Род да охраняют нас от мешанства!!
 Avec laquelle j'ai l'honneur d'être yours most truly¹
 Напиши мне когда-нибудь хоть un demi-mot.²

Philips.

¹ Засим честь имею пребывать искренно вам преданный Филипп. ² пол-словечка.

20.

Брюссель, вторник, 28 сентября 1847 г.

Дорогой Маркс!

Здесь на этих днях произошла весьма любопытная история. Все здешние немцы, недовольные нами и нашими выступлениями, составили коалицию, чтобы низвергнуть тебя, меня и вообще коммунистов и конкурировать с Рабочим союзом. *Борнштедт* в высшей степени недоволен. Заявления *Оттерберга*, что мы *Борнштедта* просто использовали, повторенные и подтвержденные *Зандкулем*, в свою очередь использованные *Крюгером* и *Морасом*, — привели *Борнштедта* в ярость против нас всех. *Морас* и *Крюгер*, которые все время вопили, что мы обращаемся с ними высокомерно, подлили еще масла в огонь. *Зейлер* вол за сделанное по отношению к нему непростительное упущение при основании Рабочего союза и за хорошие успехи союза, которые противоречат всем его пророчествам. *Гейльберг* жаждет сильной, хотя и бескровной мести за выпадающие каждый день на его долю грубости. *Борнштедт* также пышет злобой за то, что подаренными книгами и географическими картами он не мог купить себе положения влиятельного демократа, почетного членства и выставления его бюстов в союзе, а что, наоборот, его наборщик завтра вечером будет обсуждать его кандидатуру, как и кандидатуру всякого обыкновенного человека. Его злит также, что он, аристократический *homme d'esprit*,¹ находит среди рабочих гораздо меньше случаев посмеяться над ними, чем он надеялся. *Морас* также злится на то, что он не мог расположить «*Brüsseler Zeitung*» в пользу *Гейнца*. *Enfin*² все эти разнородные элементы объединились для того, чтобы нанести удар, который должен свести нашу роль к второстепенной по сравнению с *Эмбером* и бельгийскими демократами и создать более импозантное и универсальное общество, чем наш несчастный Рабочий союз. Многим из этих господ страстно хотелось когда-нибудь проявить свою инициативу, и эти трусливые негодяи нашли для этого самым подходящим момент твоего отсутствия. Но они позорно про- считались.

Они поэтому втихомолку решили устроить космополитический демократический ужин и совершенно неожиданно предложить там организовать общество вроде Fraternal Democrats³ с рабочими митингами и т. д., и т. д. Они образовали нечто вроде Комитета, для чего они pro forma привлекли совершенно безвредного для них Эмбера. После разного рода неопределенных слухов я только в воскресенье вечером получил в союзе от Борнштедта кой-какие сведения об этом, а в понедельник все уже было готово. Подробностей невозможно было добиться от Борнштедта, кроме того, что в него войдут Жоттран, генерал Меллине, Адольф Бартельс, Кате и т. д., и т. д., поляки, итальянцы и т. д. Хотя я ничего не подозревал обо всей этой коалиции (я только в понедельник утром узнал, что Борнштедт немного обижен, а Морас и Крюгер жалуются и ведут интриги; Зейлера и Гейльберга я ни в чем не подозревал), мне все же дело показалось подозрительным. Но идти туда надо было ради бельгийцев, чтобы в маленьком Брюсселе демократы не предприняли чего-либо, в чем мы не принимали бы участия. Но нужно было позаботиться об образовании партии. Валлау и я изложили дело, энергично настаивали на своем, и тотчас же нашлось тридцать человек, которые захотели пойти. В понедельник утром Лупус мне сказал, что, кроме président d'honneur,⁴ старого Меллине, и действительного председателя Жоттрана, они должны иметь еще двух вице-председателей, из которых один — Эмбер, а другой должен быть немцем, желательно рабочим. Валлау, к сожалению, не годится, потому что он не говорит по-французски. Так сказал ему Борнштедт. Он, Лупус, ответил, что тогда я должен быть вице-председателем. Я тогда предложил Лупусу быть этим вице-председателем, но он абсолютно этого не хочет. Я этого также не хочу, потому что у меня слишком моложавый вид, но, в конце концов, я решил, что ввиду всяких случайностей будет лучше, если я соглашусь.

Вечером мы пришли туда. Борнштедт притворился ничего не знающим, как будто ничего еще не подготовлено, кроме служащих (toujours à l'exception de l'Allemand)⁵ и нескольких записавшихся уже ораторов, имен которых я не мог узнать, кроме Крюгера и Мораса. Он каждую минуту выбегал по поводу устройства помещения, подбегал то к одному, то к другому, плутовал, интриговал, вилял хвостом изво всех сил. Но пока я не видел еще никаких признаков особенных интриг, это обнаружилось только впоследствии. Мы были в трактире Liégeois, Place du Palais de justice. Когда дело дошло до выбора должностных лиц, Борнштедт, вопреки всякому уговору, предложил Валлау. Этот последний был отведен Вольфом

(Лупусом), который предложил меня; это прошло блестяще. Таким образом вся интрига была расстроена. Они совершенно растерялись и выдали себя. После Эмбера, провозгласившего тост за *martyrs de la liberté*,⁶ я предложил по-французски тост *au souvenir de la Révolution de 1792*,⁷ а затем еще *anniversaire du 1-er Vendémiaire an I de la République*.⁸ После меня Крюгер произнес комическую речь, в которой он запутался и должен был вытащить свою рукопись. Затем Морас прочел торжественную проповедь, в которой речь шла главным образом об его персоне. Оба говорили по-немецки. Их тосты были так неопределенны, что я их совершенно не запомнил. Затем Пеллерен говорил по-фламандски, адвокат Спильторн из Гента — по-французски *au peuple anglais*,⁹ затем, к моему величайшему удивлению, горбатый паук Гейльберг выступил с пошлой французской назидательной речью, в которой он, во-первых, с гордостью назвал себя редактором «*Atelier Démocratique*»; во-вторых, он заявил, что он, Максим Гейльберг, в течение многих месяцев — *mais cela doit se dire en français*:¹⁰ *L'Association des ouvriers belges, voilà le but que je poursuis depuis quelques mois (с. à d. depuis le moment où j'ai daigné prendre connaissance du dernier chapitre de la «Misère de la philosophie»*.¹¹ Таким образом, он приписывает все себе, а не Катсу и другим бельгийцам. «*Nous entrerons dans la carrière quand nos aînés n'y seront plus*»¹² и т. д., и т. д. Он делает то, чего не могли сделать Катс и Жоттран; в-третьих, он предложил основать *Fraternal Democracy*¹³ и реорганизовать митинги; в-четвертых, поручить избранному бюро организацию и того, и другого. Итак, какая путаница! Во-первых, смешение космополитической истории с бельгийскими митингами о бельгийских делах, а во-вторых, передача этого предложения существующему бюро, вместо того, чтобы совершенно отказаться от него. И когда он думал, что я уйду, он, вероятно, не знал еще, что нечего и думать вводить в бюро кого-нибудь другого, кроме тебя. Но этот олух уже написал свою речь, и его тщеславие не позволяло ему отказаться от чего бы то ни было, в чем он мог бы проявить свою инициативу. Дело, конечно, прошло, и при очень искусственном [по внешности], но громком энтузиазме нечего было и думать о лучшем изложении этого неясного предложения. После говорил А. Бартельс (Жюля не было), а затем Валлау попросил слова. Но каково было мое удивление, когда вдруг выскочил Борнштедт и энергично потребовал слова для Зейлера на том основании, что он еще раньше был внесен в список ораторов. Зейлер добился этого и произнес бесконечно длинную, трескучую, глупую,

до смешного пошлую речь, действительно заслуживающую порицания (по-французски), в которой он говорил ужасный вздор о *rouvoir legislatif, administratif et exécutif*,¹⁴ давал демократам всякого рода мудрые советы (как и Гейльберг, который также молот всякий вздор об *instruction et question de l'enseignement*,¹⁵ ломался в качестве *grand-homme*,¹⁶ говорил о демократических обществах, *auxquelles j'ai participé et que j'ai peut-être même dirigées (littéralement)*¹⁷ и, наконец, рассказывал о своем благородном бюро с *dernières nouvelles arrivées de Paris*¹⁸ и т. д. Одним словом, это было отвратительно. После этого говорили еще многие — осел из Швейцарии, Пеллерен, Катс (очень хорошо) и т. д., и т. д., а в 10 часов Жоттран (которому было очень стыдно за немцев) закрыл заседание. Вдруг Гейльберг потребовал внимания и заявил, что речь Веерта на *free trade*¹⁹ конгрессе появится завтра в приложении к «*Atelier*» *qui se vendra séparément!!!*²⁰ Залевский также со слезами говорил еще *sur l'union de cette malheureuse Pologne et de cette grande, noble et poétique Allemagne — enfin*,²¹ все очень спокойно, но очень недовольные разошлись по домам.

Четверг, 30 сентября.

С тех пор как это было написано, произошло много нового и кое-что было решено. Во вторник утром, когда мне стала ясна вся эта интрига, я стал бегать и действовать; еще в 2 часа ночи я бегал к Лупусу в бюро и спрашивался, нельзя ли забаллотировать Борнштедта в Рабочем союзе? В среду я повсюду бегал, но все находили, что мы этого не добьемся. В среду вечером я пришел в союз, Борнштедт был уже там, он держался двусмысленно; наконец, Томис принес новый номер газеты; моя статья против Гейнца, которую я принес ему еще в понедельник (в 2 часа дня), но, не застав его, отнес в типографию, *не была помещена*. Я спросил его, и он ответил, что не было места. Я напомнил о [том], о чем ты с ним условился. Он отрицал это; я подождал прихода Валлау, который сказал мне, что места было достаточно, но что во вторник Борнштедт велел *взять* статью из типографии и не прислал ее обратно. Я пошел к Борнштедту и рассказал ему об этом в довольно грубом тоне. Он старался выпутаться. Я опять вернулся к уговору, но он опять все отрицал, утверждая, что это был лишь частный разговор. Я сказал ему несколько грубостей — при этом сидели Крюгер, Жиго, Эмбер и т. д., и т. д. — и спросил его: Напечатаете ли вы эту статью в воскресенье, *oui ou non?*²² — «Об этом мы должны еще поговорить». — Я с вами об этом не стану говорить. — На этом я его оставил.

Заседание началось. Борнштедт подпер локтем голову и торжественно смотрел на меня. Я опять посмотрел на него и ждал, что будет. Выступил господин Томис, который, как тебе известно, потребовал слова. Он вытащил из кармана написанную речь, которая содержала целый ряд нелепейших выпадов по поводу нашего показательного спора. Так продолжалось довольно долго, но когда *cela ne finissait pas*,²³ то поднялся всеобщий ропот, многие стали требовать слова, и Валлау призвал Т[омиса] к порядку. Томис тогда произнес шесть бессмысленных слов по этому вопросу и отошел. Тогда выступил Гесс и очень хорошо нас защищал. Затем Юнге. Затем парижский Вольф, который хотя три раза запнулся, но был встречен аплодисментами. Затем говорили еще многие другие. Вольф сознался, что мы возражали только *pro forma*. Я должен был, таким образом, выступить. Я говорил, — *à la grande déconfiture de Bornstedt*,²⁴ который думал, что я очень занят личными дрязгами, — я говорил, таким образом, о революционной стороне покровительственной системы, совершенно игнорируя Томиса, и поставил новый вопрос. Принято. — Пауза. — Борнштедт, сильно потрясенный моей резкостью по отношению к нему, полной изменой Томиса (*il y avait du Bornstedt dans son discours*)²⁵ и особенно резкостью, с которой я к концу говорил, подошел ко мне: «Но, милое дитя, вы так сильно горячитесь и т. д.». Одним словом, чтобы я подписал статью. — Нет. — «Тогда нам надо, по крайней мере, столкнуться относительно краткого введения от редакции». — *Bien, à demain à onze heures au Café Suisse*.²⁶ — Затем речь зашла о приеме Борнштедта, Крюгера и Вольфа. Первым встал Гесс и предложил Борнштедту два вопроса относительно собрания в понедельник. Борнштедт в ответ на эти вопросы отделался ложью, а Гесс был настолько слаб, что объявил себя *satisfait*.²⁷ Юнге напал на Борнштедта лично по поводу его выступления в обществе и за то, что он ввел Зандкуля под чужим именем. Фишер очень энергично выступил против Борнштедта, не сговорившись предварительно с нами, но говорил он очень хорошо. Выступали еще многие другие. Одним словом, упоенному победой господину фон-Борнштедту пришлось пройти сквозь строй. С ним рабочие обращались очень плохо, и он был так потрясен, — он, который своими книжными дарами считал себя от всего огражденным, — что он мог отвечать только слабо, уклончиво, сдержанно, несмотря на то, что Валлау фанатически стоял за него, плохо председательствовал и позволял ему каждую минуту прерывать ораторов. Все еще было неопределенно, когда Валлау попросил предложенных кандидатов удалиться и при-

ступил к голосованию. *Крюгер*, предложенный мною в качестве в высшей степени невинного человека, который не может повредить обществу, поддержанный Вольфом *purement et simplement*,²⁸ прошел. По поводу Борнштедта Валлау выступил с длинной речью в его защиту. Тогда выступил и я, равоблачил всю интригу, поскольку в ней принимало участие общество, опроверг все увертки Борнштедта одну за другой и, наконец, заявил: Борнштедт вел против нас интриги, хотел составить нам конкуренцию, но мы победили и поэтому можем теперь допустить его в общество. Во время речи, — это была самая лучшая, какую я когда-либо проносил, — меня часто прерывали аплодисментами, особенно когда я сказал: «эти господа думали, что победа уже на их стороне, потому что я, их вице-председатель, ухожу, но они не подумали о том, что между нами есть еще один, которому это место принадлежит по праву, — единственный, который может здесь в Брюсселе быть представителем немецких демократов, это — Маркс», — тут раздались громкие аплодисменты. После меня больше никто не говорил, и, таким образом, Борнштедт даже не удостоился чести быть выброшенным. Он стоял за дверьми и все слышал. Я охотнее сказал бы это в его присутствии, *mais il n'y avait pas moyen*,²⁹ так как я должен был беречь свои силы для последнего удара, а Валлау прекратил дебаты. Но он, подобно Крюгеру и Вольфу, слышал все от слова до слова. В противоположность ему Вольф прошел почти блестяще. — Одним словом, на вчерашнем заседании Крюгер, Борнштедт и другие были так посрамлены, что они, собственно говоря, могли бы долгое время совсем не показываться в обществе. Но они, конечно, придут; беззащитный Борнштедт был совершенно убит тем, что мы оказались еще бесцеремоннее его; что все планы его потерпели полную неудачу и что мы решительно выступили против него. Сейчас он бегаёт по Брюсселю и везде жалуется на свой позор, *le dernier degré de l'abaissement*.³⁰ Он в ярости вернулся в зал, но совершенно бессильный, и когда я попрощался с обществом и был отпущен с надлежащим почетом, он, рассерженный, ушел. При дебатах о нем присутствовал Бюргерс, который здесь уже третий день. — Наши рабочие во всей этой истории вели себя *прекрасно*; ни одним словом не было упомянуто о подаренных 26 книгах и 27 географических картах, они отнесли к Борнштедту с величайшей холодностью и беспощадностью, и когда я закончил свою речь, то в моей власти было провалить его огромным большинством. Это признает даже Валлау. Но мы поступили с ним хуже, мы приняли его с позором. На

общество эта история произвела прекрасное впечатление; в первый раз наши рабочие сыграли роль, овладели митингом, несмотря на все интриги, и призвали к порядку человека, который хотел пред ними важничать. Только несколько приказчиков и т. д., и т. д. были недовольны, масса полна энтузиазма по отношению к нам. Они почувствовали, какую они представляют силу, когда они объединены.

Сегодня утром я пошел в Café Suisse, но Борнштедт, конечно, не явился. Веерт и Зейлер встретили меня там, они только что говорили с Борнштедтом, и Зейлер был сама вкрадчивость и покорность. Я, конечно, повернулся к нему спиной. Вчерашнее заседание имело, впрочем, такой драматический характер, оно так прекрасно устроилось и развернулось, что парижский Вольф из одного только эстетического чувства по этому поводу сразу стал партийным человеком. Сегодня я был также у А. Бартельса и заявил ему, что немецкое общество не несет ответственности за все, что произошло в понедельник, что Крюгер, Борнштедт, Морас, Зейлер, Гейльберг и др. не были даже членами и что вся история, происшедшая à l'insu ³¹ немецкого общества, имела, повидимому, целью составить конкуренцию обществу. Письмо такого же содержания, подписанное всеми членами комитета, завтра будет отправлено также Жоттрану. К Эмберу я завтра пойду вместе с Лупусом. Затем я написал следующее письмо Жоттрану по поводу остающегося, благодаря моему отъезду, вакантного места в организационном комитете брюссельских fraternal democrats: ³²

«Monsieur! Obligé de quitter Bruxelles pour quelques mois, je me trouve dans l'impossibilité de remplir les fonctions dont la réunion du 27 de ce mois a bien voulu m'investir. — Je vous prie donc d'appeler un démocrate allemand résidant à Bruxelles à assister aux travaux de la commission chargée d'organiser une société démocratique universelle. — Je me permettrai de vous proposer celui parmi les démocrates allemands de Bruxelles, que la réunion, s'il avait pu y assister, aurait nommé à la charge qu'en son absence on m'a fait l'honneur de me conférer. Je parle de Mr. Marx qui dans mon intime conviction a le droit le plus fondé de représenter à la commission la démocratie allemande. Ce ne serait donc pas Mr. Marx qui m'y remplacerait, c'était plutôt moi qui à la réunion ai remplacé Mr. Marx. Agréé etc.» ³³

Я уже раньше условился с Жоттраном, что я письменно извещу его о своем отъезде и предложу тебя в комиссию. Жоттран также в отъезде и вернется через две недели. Если из этой истории ничего не выйдет, что я считаю вероятным, то провалится предложение

Гейльберга; если же из этого что-нибудь выйдет, то именно благодаря нам это дело будет приведено в исполнение. Во всяком случае мы добились того, что ты и после тебя я признаны представителями немецких демократов в Брюсселе, и таким образом вся интрига блестящим образом провалилась.

Сегодня вечером было заседание общины. Я председательствовал. За исключением Валлау, который, впрочем, уже склонился в нашу пользу и вчерашнее поведение которого может быть оправдано различными причинами, основательность которых я за ним признал, за этим исключением, таким образом, торжество по поводу истории с Борнштедтом было единодушно. Эти молодцы начинают чувствовать свое значение. Они, наконец, выступили как общество, как сила по отношению к другим людям, и они чрезвычайно гордятся тем, что все сошло так гладко и что они одержали такую блестящую победу. Юнге на седьмом небе, Ридель не знает, что делать от радости, даже маленький Онеманс торжествует, как *fighting cock*.³⁴ Впрочем, я еще раз должен повторить, что эта история содействовала внутреннему и внешнему подъему общества и в дальнейшем также будет иметь такое же влияние. Люди, которые вообще никогда не выступают, напали на Борнштедта. И даже интрига нам помогла: во-первых, Борнштедт везде говорил, что немецкое демократическое рабочее общество устроило митинг, во-вторых, мы все это отрицали, и благодаря и тому, и другому общество стало очень популярным среди бельгийских демократов и его считают очень важной, *plus ou moins*³⁵ таинственной силой. *La démocratie allemande devient très forte à Bruxelles*,³⁶ сказал сегодня утром Бартельс.

Впрочем, ты также фигурируешь в письме комитета к Жоттрану. Жюго будет подписывать в качестве секретаря, замещающего Маркса.

Устраняй же поскорее твои денежные дела и возвращайся сюда. Я горю от нетерпения уехать, между тем мне приходится здесь выжидать окончания этих интриг. Теперь я абсолютно не могу уехать. Чем скорее, следовательно, ты приедешь, тем лучше. Только урегулируй сперва твои денежные дела. Я во всяком случае останусь на своем посту, пока это хоть сколько-нибудь будет возможно. *Si c'est possible*³⁷, — до твоего приезда. Но именно потому желательнее, чтобы ты поскорее приехал.

Твой Энгельс.

¹ остроумный человек. ² наконец. ³ братских демократов. ⁴ почетного председателя. ⁵ всегда за исключением немцев. ⁶ мучеников свободы. ⁷ в память революции 1792 г. ⁸ годовщины первого вандемьера I года Республики. ⁹ к английскому народу. ¹⁰ но это надо сказать по-французски. ¹¹ Ассоциация бельгийских рабочих, — это та цель, которую я преследую уже в течение не-

скольких месяцев (т. е. с того момента, когда я познакомился с последней главой «Нищеты философии». ¹² Мы вступим в жизнь, когда наших отцов уже не будет. ¹³ братскую демократию. ¹⁴ законодательной, административной и исполнительной власти. ¹⁵ о вопросах обучения. ¹⁶ великого человека. ¹⁷ в которых я участвовал и которыми я, может быть, даже руководил (буквально) ¹⁸ последними парижскими новостями. ¹⁹ фритредерском. ²⁰ которое будет продаваться отдельно. ²¹ о союзе между этой несчастной Польшей и этой великой, благородной и поэтической Германией — наконец. ²² да или нет. ²³ этому не видно было конца. ²⁴ к величайшему смущению Борнштедта. ²⁵ в его речи слышался Борнштедт. ²⁶ Хорошо, завтра в 11 часов в Café Suisse. ²⁷ удовлетворенным. ²⁸ ясно и просто. ²⁹ но ничего нельзя было поделаться. ³⁰ последнюю степень унижения. ³¹ без ведома. ³² братских демократов. ³³ Милостивый государь! Принужденный оставить на несколько месяцев Брюссель, я не имею возможности выполнять обязанности, которые собрание 27-го с. м. возложило на меня. — Поэтому я прошу вас пригласить к участию в работах комиссии по организации международного демократического общества немецкого демократа, проживающего в Брюсселе. — Я позволю себе предложить вам того из немецких демократов Брюсселя, которого собрание, если бы он мог на нем присутствовать, выбрало бы на ту должность, избранием на которую оно почтило меня в его отсутствие. Я говорю о г. Марксе, который, по моему глубокому убеждению, имеет больше всего права быть в комиссии представителем немецкой демократии. Таким образом, не г. Маркс заменит меня в комиссии, а скорее я на собрании заменил г. Маркса. Примите и т. д. ³⁴ боевой петух. ³⁵ более или менее. ³⁶ Немецкая демократия становится очень сильной в Брюсселе. ³⁷ Если это возможно.

21.

Париж, 26 октября 1847 г.

Дорогой Варфоломей!

Только сегодня могу тебе написать, потому что только сегодня мне удалось поймать маленького Луи Блана — после отчаянной борьбы с консьержкой; результат моих долгих переговоров с ним сводится к тому, что маленький человек на все согласен. Он был сама вежливость и любезность и, кажется, ничего так сильно не желает, как вступить с нами в самые тесные сношения. Ему совершенно чужда национально-французская система протекционизма. Я писал ему, что я приеду к нему с *mandat formel* ¹ от лондонской, брюссельской и рейнской демократии, а также как *chartist agent*. ² Он подробно справлялся обо всем; я говорил ему о блестящем состоянии нашей партии, о Швейцарии, о Якоби, о баденцах как о наших союзниках и т. д. — Говорил, что ты стоишь во главе. *Vous pouvez regarder Mr Marx comme le chef de notre parti* (i. e. de la fraction la plus avancée de la démocratie allemande, que je représentais vis-à-vis de lui) et son récent livre contre Mr Proudhon comme notre programme. ³ Все это он отметил себе. Затем он мне обещал высказаться в «Réforme» о твоей книге. Он рассказал мне многое о *mouvement souterrain*, ⁴ которое теперь происходит среди

рабочих; что рабочие дешево напечатали 3 000 экземпляров его «Organisation du travail»⁵ и что через две недели понадобилось новое издание в 3 000 экземпляров, — он говорил, что рабочие теперь более революционно настроены, чем когда-либо, но научились выжидать, не устраивать мятежей, а наносить решительный удар с *уверенностью* в успехе и т. д. Впрочем, он, очевидно, отучился от протезирования и по отношению к рабочим. «Quand je vois des choses comme ce nouveau programme de Mr de Lamartine, cela me fait rire! Pour bien juger de l'état actuel de la société française, il faut être dans une position qui vous permet de voir un peu de tout, d'aller le matin chez un ministre, l'après-dîner chez un négociant, et le soir chez un ouvrier».⁶ Ближайшая революция будет носить совершенно другой характер и будет гораздо более решительной, чем все прежние, и совершенная bêtise⁷ постоянно выступать только против королей и т. д. В конце концов он был очень мил и очень к нам расположен. Как видишь, с этим человеком все all right, il a les meilleures dispositions du monde.⁸ О тебе он говорил с большим участием. Ему очень жаль, что вы расстались несколько froidement⁹ и т. д. Он все еще очень склонен к изданию в Париже немецкого и французского обозрения. Может быть, впоследствии этим можно будет воспользоваться. — Относительно Руге, о котором он расспрашивал, я сказал ему неприятные вещи; il s'est fait le panégyriste de la Diète prussienne, et cela même après que la Diète s'était séparée sans résultat. — «Donc il a fait un pas en arrière?»¹⁰ Конечно.

С рѣе Флоконом я также в самых лучших отношениях. У него я выступал только в качестве представителя англичан и спросил его по поручению Гарни, почему он так игнорирует «Star». Да, сказал он, ему очень жаль, ему бы очень хотелось об этом поговорить, но в редакции нет никого, кто знал бы по-английски! Я предложил ему каждую неделю составлять для него статью, что он принял de grand coeur.¹¹ Когда я сказал ему, что состою корреспондентом «Star», он был очень тронут. Если так будет продолжаться, то мы через четыре недели завоем все это направление. Флокон хочет получить у меня статью о чартизме для своего частного употребления, он не имеет ни малейшего представления о нем. Я сейчас пойду к нему и постараюсь завлечь его дальше в наши сети. Я скажу, что «Atelier» делает мне предложения (что в самом деле верно, я еще сегодня вечером пойду туда), но я их отклоню, если он будет подобающим образом вести себя. Это тронет его благородное сердце. — Если я немного укреплюсь здесь и приобрету бôльшую практику во французском языке, то я перейду в «Revue Indépendante».

Я совершенно забыл спросить Луи Блана, почему он не принял твоей статьи о конгрессе. Я упрекну его в этом в ближайший раз, когда он ко мне придет. Впрочем, я сомневаюсь, *получил ли он вообще твою книгу*. Он совершенно не мог этого вспомнить сегодня. Перед моим отъездом он также очень *неопределенно* говорил об этом. Я узнаю об этом через несколько дней. Если у него ее нет, я дам ему свой экземпляр.

Представь себе, этот маленький Бернайс, который здесь везде изображает из себя «мученика», всеми оставленного, «который всем помогал деньгами или добрым советом» (*littéralement*)¹², эта скотина имеет a horse and a gig (лошадь и кабриолет)! Конечно, это имеет Бёрнштейн, но ведь это все равно. Тот же самый субъект, который сегодня изображает из себя несчастного, нуждающегося в деньгах, завтра будет хвастаться тем, что он единственный, *который умеет зарабатывать деньги*. Он написал 21 лист! о деле Пралэна; книга выйдет в Швейцарии. Сущность этого дела состоит в том, что мучеником является le duc, а не la duchesse!!¹³ На его хвастовство об его мученичестве я ответил ему требованием старого долга в 60 франков. Он становится промышленником и хвастает этим. Впрочем, он сумасшедший. — Даже сам Эвербек злится на него.

Кабэ я еще не видел. Он, как видно, рад, что уезжает, замечая, что дела здесь начинают становиться шаткими. Флокон хочет начать нападение, а Луи Блан этого не хочет; это совершенно правильно. Хотя Луи Блан также участвует в разных историях и заранее радуется, что буржуазия вдруг лишится своей безопасности, если внезапно вспыхнет революция.

Я был у père Флокона. Этот славный человек был сама сердечность, и моя честная откровенность, с которой я рассказал ему историю с «Atelier», довела его почти до слез. От «Atelier» я перешел к «National»: «Lorsque à Bruxelles nous discutons la question à quelle fraction de la démocratie française on s'adresserait, nous étions unanimement d'accord que dès le premier abord on se mettrait en rapport avec la «Réforme»; car à l'étranger il existe de fortes et de bien fondées préventions contre le «National». D'abord les préjugés nationaux de cette feuille empêchent tout rapprochement — «oui, oui, c'est vrai, — сказал Флокон, — et ceci était même la raison pour laquelle la «Réforme» fut fondée; nous avons déclaré dès le premier jour que nous ne voulons pas de conquêtes» — et puis, продолжал я, si je peux en croire mes prédécesseurs, car moi je n'ai jamais été au «National», ces messieurs se donnent toujours l'air de vouloir protéger les étrangers, ce qui au reste est parfaitement d'accord avec leurs

préjugés nationaux; et nous autres, nous n'avons pas besoin de leur protection, nous ne voulons pas de protecteurs, nous voulons des alliés. — «Ah, oui, mais c'est tout à fait différent avec nous, nous n'y pensons pas». — C'est vrai, aussi n'ai je qu'à me louer des procédés de Messieurs de la «Réforme». ¹⁴

Напоминание о наших делах маленькому Блану сильно помогло нам. Твою речь на конгрессе он, à ce qu'il paraît, ¹⁵ совершенно забросил; сегодня он тотчас же отыскал ее и послал Флокону с настойчивой просьбой немедленно напечатать ее. Я объяснил Флокону дело. Этот человек не понял sur, quomodo, quando, ¹⁶ потому что Блан послал ее ему без всяких объяснений. Флокон очень сожалел, что вещь эта уж так устарела; он parfaitement d'accord ¹⁷ с этим, но теперь уже слишком поздно. Однако он посмотрит, нельзя ли поместить ее в виде статьи. Он сделает все возможное.

Статья в «Réforme» о благочестивых пожеланиях Ламартина написана Луи Бланом, как ты увидишь. Она не дурна, во всех отношениях лучше, чем статьи неизменного Флокона. Он, наверное, более резко напал бы на Ламартина, если бы именно теперь тот не был его конкурентом.

Ты видишь, что эти люди так хорошо расположены, как мы только можем этого желать. Я уже теперь в гораздо лучших отношениях с ними, чем был когда-либо Эвербек. Ему я теперь совершенно запрещаю писать для «Réforme». Он может броситься в «National» и там составить конкуренцию Венедю и Компании; там он будет безвреден, и его не будут печатать.

Затем я был еще в «Atelier». Я принес поправку к статье об английских рабочих в прошлом номере, которая также будет напечатана. Эти господа были очень любезны. Я рассказал им un tas d'anecdotes ¹⁸ об английских рабочих и т. д. Они убедительно просили меня сотрудничать, что я сделаю только в крайнем случае. Подумай только, rédacteur en chef ¹⁹ находит, что было бы очень хорошо, если бы английские рабочие послали адрес французским рабочим с просьбой выступить против движения libre échange ²⁰ и за travail national! ²¹ Quel héroïque dévouement! ²² Но с этим он провалился у своей собственной публики.

Впрочем, мне не надо было делать никаких уступок этим господам. Луи Блану я сказал, que nous étions d'accord avec eux sur toutes les questions pratiques et d'actualité, et que dans les questions purement théoriques nous marchions vers le même but; que les principes énoncés dans son premier volume s'accordaient sous beaucoup de rapports avec les nôtres et que pour le reste il en trouverait de plus

amples développements dans ton livre. Quant à la question religieuse, nous la considérons comme tout-à-fait subordonnée, comme une question qui jamais ne devrait former le prétexte d'une querelle entre les hommes du même parti.²³ При всем том дружеское обсуждение теоретических вопросов вполне возможно и даже желательно, с чем он был совершенно d'accord.²⁴

Лупус был совершенно прав, предполагая, что я очень скоро встречу здесь членов дирекции. Не прошло и трех дней со времени моего приезда сюда, как я на Boulevard des Italiens попал прямо в объятия к Зейлеру. Вы, вероятно, уже давно знаете, что он совершенно прогорел и не думает о возвращении. Он бегаёт по разным французским бюро корреспонденций и ищет заработка. Я его с тех пор больше не встречал и не знаю, в каком положении его дела. Если он вмешается в дела «Réforme», то придется его дезавуировать.

Спроси у проклятого Борнштедта, что это значит, что он не присылает мне своей газеты. Я не могу всегда бегать за ней к этим ремесленникам. Если он сошлется на то, что не знает моего адреса, то сообщи ему его, 5 Rue Neuve, Saint-Martin. Я пошлю ему несколько статей, как только будет какая-нибудь возможность.

У наших ремесленников невероятная путаница. За несколько дней до моего приезда были выпшвырнуты последние грюнианцы, целая община, из которой половина, однако, вернулась назад. Нас теперь всего-навсего 30 человек. Я сейчас же организовал пропагандистский кружок, бегаю целый день и произношу речи. Я тотчас же был выбран в кружок и назначен секретарем. Мы имеем от 20 до 30 кандидатов, ждущих приема. Мы скоро будем еще сильнее. Над Моисеем я, между нами будь сказано, дьявольски подшутил. Ему удалось провести богоугодно исправленный катехизис. И вот в прошлую пятницу я его разобрал в кружке, вопрос за вопросом, и не дошел еще до половины, как публика объявила себя satisfaits.²⁵ Без всякой оппозиции мне было поручено составить новый катехизис, который в следующую пятницу будет обсуждаться в кружке и отправлен непосредственно в Лондон, за спиной здешних общин. Но об этом, конечно, не должен знать ни один чорт, иначе нас всех сместят и получится ужасный скандал. Борн будет у вас в Брюсселе, он едет в Лондон. Может быть, он будет у вас еще до получения этого письма. Он настолько безрассуден, что хочет ехать вниз по Рейну через Пруссию; лишь бы только он не попался! Когда он придет, накачай его немного, этот парень лучше всех усваивает наши взгляды, и он может нам оказывать в Лондоне большие услуги, если его немного подготовить.

Ах, боже мой, ведь я чуть совершенно не забыл потока грязи, которым облил меня с альпийских высот великий Гейнцен. Это прямо счастье, что это все напечатано в одном номере густо рядом, никто не в состоянии будет дойти до конца, я сам должен был сделать несколько перерывов. Такой болван! Если я прежде говорил, что он не умеет писать, то теперь я должен прибавить, что он не умеет и читать, и в четырех действиях арифметики он, повидимому, также не очень силен. Этот осел должен был бы прочесть письмо Ф. О'Коннора к радикальным газетам в последнем номере «Star», которое начинается и кончается словами: you ruffians ²⁶, и тогда он увидел бы, какой он неуч по части ругани. Но ты задашь порядочную головомойку этому грубому глупому болвану. Очень хорошо, что ты ответишь совсем *кратко*. Я лично не мог бы ответить на такие нападки, это абсолютно невозможно — разве только пощечинами.

Вторник.

Моя статья помещена в «Réforme». Странно, что Флокен не изменил в ней ни одного слова, что меня очень удивляет.

У рёге Гейне я еще не был. Ты можешь себе представить, как я чертовски занят со всеми этими историями и как ужасно много мне приходится бегать и писать. — В Эльберфельд я написал насчет free trade ²⁷ и покровительственных пошлин и ожидаю каждый день ответа. Отвечай поскорее. Кланяйся твоей жене и детям.

Твой Энгельс.

Непременно прочти статью О'Коннора против шести радикальных газет в последнем номере «Star»; это — шедевр гениальной ругани. часто лучше Коббета, напоминающий Шекспира.

Quelle mouche a donc piqué ce pauvre Moses qu'il ne cesse pas d'exposer dans le journal ses fantaisies sur les suites d'une révolution du prolétariat? ²⁸

¹ формальным мандатом. ² агент чартистов. ³ Вы можете считать г. Маркса вождем нашей партии (т. е. наиболее передовой части немецкой демократии, представителем которой я являлся по отношению к нему), а его последнюю книгу о Прудоне — нашей программой. ⁴ подпольном движении. ⁵ «Организации труда». ⁶ Когда я вижу такие вещи, как эта новая программа Ламартина, мне становится очень смешно! Чтобы хорошо судить о современном состоянии французского общества, надо быть в таком положении, которое давало бы вам возможность все видеть, посещать утром министра, после обеда — купца и вечером — рабочего. ⁷ глупость. ⁸ все в порядке, у него самые лучшие намерения в мире. ⁹ холодно. ¹⁰ он стал панегиристом [объединенного] прусского ландтага, и именно тогда, когда этот ландтаг был распущен без всякого результата. — Он,

значит, сделал шаг назад? ¹¹ от всего сердца. ¹² буквально. ¹³ герцог, герцогиня. ¹⁴ Когда мы в Брюсселе обсуждали вопрос, к какой фракции французской демократии «следует обратиться, мы все были согласны, что прежде всего надо завязать сношения с «Réforme», потому что за границей существует сильное и вполне основательное предубеждение против «National». Прежде всего национальные предрассудки этой газеты мешают всякому сближению — «да, да, это верно, — сказал Флокон, — и это даже послужило причиной основания «Реформы»; мы с первого же дня заявили, что мы не хотим завоеваний» — и затем, продолжал я, если я могу верить своим предшественникам, так как я никогда не был в «National», эти господа всегда делают вид, что желают покровительствовать иностранцам, что, впрочем, вполне согласуется с их национальными предрассудками; но мы не нуждаемся в их покровительстве, мы не желаем покровителей, мы желаем иметь союзников. — «О, да, но у нас совсем не то, мы просто об этом не думаем». — Это верно, и я могу только с похвалой отозваться о поведении господ из «Реформы». ¹⁵ повидимому. ¹⁶ почему, каким образом, когда. ¹⁷ совершенно согласен. ¹⁸ кучу анекдотов. ¹⁹ главный редактор. ²⁰ в пользу свободы торговли. ²¹ национальный труд. ²² какая геройская преданность! ²³ что мы согласны с ними во всех практических и актуальных вопросах и что в чисто теоретических вопросах мы стремимся к одной и той же цели, что принципы, изложенные в его первом томе, во многих отношениях согласны с нашими; что же касается остального, то он найдет более подробное изложение в твоей книге. Что касается вопроса о религии, то мы считаем его совершенно второстепенным вопросом, который никогда не должен служить поводом для ссоры между людьми, принадлежащими к одной и той же партии. ²⁴ совершенно согласен. ²⁵ удовлетворенной. ²⁶ вы разбойники. ²⁷ свободы торговли. ²⁸ Какая муха укусила этого бедного Моисея, что он не перестает помещать в газете свои фантазии о последствиях пролетарской революции?

22.

Париж, 14 — 15 ноября 1847 г.

Дорогой Маркс!

Только вчера я, наконец, случайно узнал, после того как я неоднократно посылал Рейнгардта к Франку, по поводу твоей книги, что эта собака Франк вначале разослал много бесплатных экземпляров французам, требуя везде 15 су за расходы, и что он отовсюду получил обратно экземпляры. После этого возвращенные экземпляры вместе с остальными *преспокойно лежали у него, и только несколько дней тому назад* он опять отправил их адресатам, не требуя уже на этот раз 15 су. *Conspiration de silence* ¹ шел таким образом от господина Франка! Я тотчас же побежал к Луи Блану, которого я за несколько дней до этого опять не застал, потому что он был en garde ² — (le petit bonhomme en bonnet à poil); ³ на этот раз я его застал, но *экземпляр еще не был получен!* Свой собственный экземпляр я, наконец, получил обратно, в случае надобности он может пригодиться. Сегодня, в воскресенье, ничего нельзя сделать. Рейнгардту я на завтрашний день назначил свидание, он немедленно должен отправиться

со мной к Франку, что следовало сделать еще раньше, но не было сделано только вследствие неаккуратности этого Рейнгардта. Он должен познакомить меня с Франком, потому что в противном случае у меня нет никакой рекомендации к этому субъекту. Я получу этот экземпляр для Луи Блана и тотчас же отнесу ему. И что за осел этот Флокон! Луи Блан сказал мне вчера, что Фл[окон] хотел возразить против твоей статьи о *libre échange* ⁴ qu'il était un peu confus!!! ⁵ Вот глупое животное! Я, конечно, возражал. «О, — сказал этот маленький человечек, — *ce n'est pas moi qui ai trouvé cela, tout au contraire, l'article m'a beaucoup plu, et en effet, je ne sais pas ce que monsieur Flocop... mais enfin* (с несколько двусмысленной гримасой по адресу Флокона) *c'est ce qu'il m'a dit*». ⁶ Вообще редакция «*Réforme*» составлена *tout ce qu'il y a de plus* ⁷ скверно. Статья об английском кризисе и все экономические статьи *en général* ⁸ составляют несчастным *penny-a-liner*, ⁹ который, вероятно, изучал эти вопросы в биржевых статьях какого-нибудь бюро корреспонденции и на все смотрит глазами парижского третьестепенного приказчика у банкира четвертого разряда и обо всем судит с непогрешимостью «*empiric*», ¹⁰ как говорят англичане. Флокон ничего в этом не понимает и с каждым днем представляется мне все более ограниченным. *C'est tout au plus un homme de bonne volonté*. ¹¹ Луи Блан даже не скрывает своего презрения к нему.

Понедельник.

Проклятого Рейнгардта я не застал. Сегодня вечером я опять пойду к нему. Я до завтра должен всю эту историю вывести на чистую воду, будь что будет. Если я не напишу тебе тотчас же, значит все в порядке. Вчера вечером были выборы депутатов. После очень беспорядочного заседания я был выбран двумя третями голосов. На этот раз мне совершенно не пришлось интриговать, да для этого было мало поводов. Оппозиция была только для видимости; для виду был предложен один рабочий, но те, которые его предложили, голосовали за меня. — Деньги получают. Напиши, едешь ли ты и Тедеско туда. Ведь если бы это оказалось невозможным, то не могу же я быть там один и участвовать в конгрессе, — это было бы бессмысленно. Если вы оба не можете, то дело провалится и должно быть отложено на несколько месяцев. В таком случае напиши в Лондон, чтобы об этом могло быть еще повсюду во-время сообщено.

Этот Флокон сказал также Луи Блану, что в твоей статье придется сделать кое-какие изменения, для того чтобы она стала более «ясной» и могла быть принята: Луи Блан просил меня еще раз

напомнить Флокону de sa part ¹² о статье; но при таких условиях я считаю лучшим отказаться от этого дела. Недоставало бы еще, чтобы Флокон исправлял эту статью! Не могу понять этой топорной ограниченности; как уже сказано, Блану plus ou moins ¹³ стыдно передо мной за своего коллегу. Но что тут поделаешь! Я представлю Флокону делать, что ему угодно, буду мало его убеждать и буду вести переговоры главным образом с Луи Бланом, так как он все же самый разумный из них всех. В «National» абсолютно ничего нельзя сделать, он с каждым днем становится все ограниченнее и все больше и больше связывается с Барро и Тьером, witness the Lille Banquet. ¹⁴

Зейлер, вероятно, писал уже тебе, что книга твоя очень плохо расходуется здесь. Это неправда. Франк сказал Рейнгардту, что он почти доволен продажей. Несмотря на его нелепое поведение, он продал уже кажется около 40 экземпляров. В следующем письме напишу об этом подробнее. Зейлер утверждает, — он недавно был у меня и, встретив очень холодный прием, больше не приходил, — что он оставил там постель, движимость и бумагу в достаточном количестве, чтобы обеспечить Вольфа и Гейльберга. Si cela est, ¹⁵ то смотри, чтобы при этом Гейльберг не надул, по крайней мере, Лупуса. Но это, повидимому, просто хвастовство.

На новом займе Ротшильд заработал 10 миллионов франков — чистой прибыли 4 процента.

По дороге в Лондон я не смогу заехать в Брюссель. Слишком мало денег. Нам придется назначить друг другу свидание в Остенде — 27-го (в субботу) вечером, а в воскресенье переехать канал, чтобы мы могли в понедельник начать работу. Может быть, в понедельник 29-го в польскую anniversaire ¹⁶ будет устроено что-нибудь fraternally ¹⁷ демократическое, куда нам надо будет пойти. Это было бы очень хорошо. Ты произнесешь в Лондоне речь по-французски, которую мы тогда поместим в «Réforme». Немцы обязательно должны что-нибудь сделать, чтобы иметь возможность выступать у французов. Одна речь принесет больше пользы, чем десять статей и сто визитов.

Ты, вероятно, читал в «N[orthern] Star» за 2 октября приглашение Гарни и fraternalis ¹⁸ на демократический конгресс. Поддержи его. Я буду поддерживать его среди французов. Можно попытаться устроить его в будущем году в Лондоне, может быть одновременно с нашим. Если он состоится, то это окажет на французов очень хорошее влияние, и они станут немного скромнее. Если же он не состоится, то неудача произойдет из-за французов, и они, по крайней мере, вынуждены будут объясниться. Если бы он мог состояться

в Брюсселе, то было бы еще лучше. В Лондоне Фергус [О'Коннор] мог бы наделать глупостей.

Других новостей нет. Отдай прилагаемое Борнштедту и напиши мне поскорее, едешь ли ты в Лондон

Твой Э.

Пиши по адресу художника, если он у тебя еще имеется. Так лучше.

Гейне просит кланяться. Он очень слаб и утомлен. Кто, собственно, послал твою статью Луи Блану? Он говорит, что письмо было подписано совершенно неизвестным именем. Это и послужило причиной того, что статья пролежала так долго у него.

• заговор молчания. ² на страже. ³ маленький человечек в медвежьей шапке. ⁴ свободе торговли. ⁵ что она несколько запутанная. ⁶ это не я нашел, наоборот, статья мне очень понравилась, и я в самом деле не знаю, что господин Флокон... но, наконец, это то, что он мне сказал. ⁷ в [высокой степени. ⁸ вообще. ⁹ журналистом, получающим почасную плату. ¹⁰ практика. ¹¹ самое большее, что о нем можно сказать — это человек, имеющий добрые намерения. ¹² от его имени. ¹³ более или менее. ¹⁴ как доказывает банкет в Дилле ¹⁵ если это так. ¹⁶ годовщину. ¹⁷ братски. ¹⁸ братских (демократов).

23.

[Париж, 23 — 24 ноября 1847 г.]

Дорогой Марк!

Только сегодня вечером выяснилось, что я приеду. Итак, в субботу вечером в Остенде, Hôtel de la Couronne, у самого вокзала, против бассейна, and Sunday Morning across the water.¹ Если вы приедете с поездом, который отходит между 4-мя и 5-ю, то вы приедете приблизительно в одно время со мной.

Если бы оказалось, что, сверх ожидания, в воскресенье нет почтового парохода в Дувр, то напиши мне немедленно. Это значит, что ты должен немедленно справиться и, если нужно написать, в тот же вечер, — я думаю до 5 часов, — отнести письмо на главную почту, так как ты получишь это письмо в четверг утром. Если ты, таким образом, хочешь кое-что изменить в randevu, то есть еще время. Если я в пятницу утром не получу письма, то я рассчитываю встретить тебя и Тедеско в субботу вечером в Couronne. У нас тогда останется еще довольно времени, чтобы поговорить; этот конгресс будет решающим, *as this time we shall have it all our own way.*²

Я уже давно не понимаю, почему ты не запретил Моисею распространять свои сплетни. Здесь это создает ужасную путаницу и вызывает нуднейшие пререкания среди рабочих. Целый ряд окружных заседаний был из-за этого потерян, а в общинах, в особенности перед выборами, совершенно невозможно справиться с этой пустой болтовней.

Луи Блана я надеюсь еще завтра встретить. Если же нет, то послезавтра я во всяком случае увижу его. Если я не буду иметь возможности немедленно что-нибудь сообщить, то ты узнаешь новости в субботу.

Между прочим, Рейнгардт говорил мне вздор о количестве проданных экземпляров — не 37, а 96 было уже продано неделю тому назад. В тот же день я сам отнес Луи Блану твою книгу. Все экземпляры были разосланы по назначению; не были они посланы только Ламартину (его здесь нет), Луи Блану и Видалю, адреса которого нельзя найти. Я распорядился передать книгу в «*Presse*». — Надо, впрочем, заметить, что экспедиция у Франка была действительно ужасно плохо поставлена.

Позаботься, по крайней мере, чтобы Моисей во время нашего отсутствия не наделал глупостей! Итак, au revoir! ³

Твой Э.

Вторник вечером.

Обдумай немного «Катехизис». Я думаю, что было бы лучше отбросить форму катехизиса и назвать эту вещь «Коммунистический манифест». Так как в нем придется коснуться истории, то теперешняя форма совершенно не подходит. Я привезу проект, который написал тут. Он написан в простой повествовательной форме, но ужасно плохо редактирован, наспех. Я начинаю: «Что такое коммунизм?», затем сейчас же перехожу к пролетариату — история его возникновения, отличие от прежних рабочих, развитие антагонизма между пролетариатом и буржуазией, кризисы, следствия. Попутно различные второстепенные вещи, и в заключение — партийная политика коммунистов, поскольку о ней можно говорить публично. Моя работа еще не подвергалась обсуждению, но я думаю, что за исключением некоторых мелочей мне удастся провести ее таким образом, что в ней не будет, по крайней мере, ничего противоречащего нашим взглядам.

Среда утром.

Только что получил твое письмо, на которое уже ответил выше-сказанным. У Луи Блана я был. Мне с ним удивительно не везет — *il est en voyage; il reviendra peut-être aujourd'hui*. ⁴ Завтра, в крайнем случае послезавтра, я опять пойду к нему. — В пятницу вечером я не могу еще быть в О[стенде], потому что деньги будут собраны только к пятнице.

Твой двоюродный брат Филипп был сегодня утром у меня. Борн составит очень хорошую речь, если ты его немного подгото-

7a, 2

Wieder bei demselben Stande. Ich werde mir nicht anheissen lassen die Klatschereien zu machen. Die Klatschereien sind die schlimmste aller Verbrechen. Ich werde mich nicht anheissen lassen die Klatschereien zu machen. Ich werde mich nicht anheissen lassen die Klatschereien zu machen.

Ich werde mich nicht anheissen lassen die Klatschereien zu machen. Ich werde mich nicht anheissen lassen die Klatschereien zu machen. Ich werde mich nicht anheissen lassen die Klatschereien zu machen. Ich werde mich nicht anheissen lassen die Klatschereien zu machen. Ich werde mich nicht anheissen lassen die Klatschereien zu machen.

ФАКСИМИЛЕ ЧАСТИ ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА МАРКСУ ОТ 24 НОЯБРЯ 1847 Г.
(О «КОММУНИСТИЧЕСКОМ МАНИФЕСТЕ».)

вишь. Хорошо, что немцы представлены рабочим. Но Лупуса надо абсолютно отучить от преувеличенной скромности. Этот славный малый один из тех немногих, которых надо *выдвинуть* на первый план. Ради бога только не Веерт как представитель! Он был очень ленив, и только succès d'un jour³ на конгрессе втянул его в работу! И он вдобавок хочет еще быть an independent member.⁶ Il faut le retenir dans sa sphère.⁷

¹ а в воскресенье утром [переедем] через пролив. ² так как на этот раз мы будем иметь это по нашему собственному желанию. ³ до свидания. ⁴ он уехал; он, может быть, сегодня вернется. ⁵ успех одного дня. ⁶ независимым членом. ⁷ Нужно удержать его в его сфере.

24.

[Париж, пятница вечером [26 ноября 1847 г.]

Дорогой Маркс!

Наконец я нашел Луи Блана и вместе с тем узнал причину, почему я никак не могу его поймать. Ecoute plutôt — ce petit grand-seigneur littéraire ne reçoit que les jeudis! et encore l'après-midi seulement.¹ Об этом он никогда не говорил мне ни прямо, ни через своего швейцара. Конечно, у него было много ослов, в числе других Рамон де-ла-Сагра; он дал мне брошюру, которую посылаю вместе с этим письмом. Я ее еще не читал. Затем мне удалось еще несколько минут говорить с ним о нашем деле. Он сознался, что у него не было еще времени прочесть твою книгу... «Je l'ai feuilleté et j'ai vu que M. Proudhon y est assez vivement attaqué»... Eh bien, — спросил я, — alors serez vous en mesure de faire l'article pour la «Réforme» que vous m'aviez promis? — «Un article, ah, mon Dieu, non, je suis si obsédé par mes éditeurs — mais voilà ce qu'il faut faire: faites l'article vous-même et je le ferai passer à la «Réforme».² На этом было покончено. Au fond³ ты ничего не теряешь при этом. По крайней мере, я правильнее изложу наши взгляды, чем сделал бы это он. Я прямо противопоставлю их его взглядам — это все, что можно сделать, сделать же выводы, неблагоприятные для «Réforme», в самой «Réforme», конечно, нельзя. Я сейчас же и напишу статью.

Почему ты не сказал Борнштедту, чтобы он не писал в «Réforme» о твоём деле? Моя статья была уже готова, когда в «Réforme» появилась статья Борнштедта одновременно со статьей о чартистах, появления которой я ждал, чтобы отослать мою статью туда. Она была гораздо длиннее короткой заметки, к тому же там еще исковеркана твоя фамилия. Я говорил Фл[окону], чтобы он исправил опечатку; вчера он этого не сделал, а сегодня я не видел «Réforme». Но это не важно.

Когда выйдет твоя речь [о свободе торговли], пришли мне тотчас же 4-5 экземпляров для «Réforme», Луи Блана, де-ла-Сагга (для «*Démocratie pacifique*») и т. д. и т. д. Я теперь могу сделать из этого большую статью, так как заметка вышла слишком короткой.

Что касается Луи Блана, то его следовало бы наказать. Напиши критику его Революции для немецкой «*Brüsseler Zeitung*» и покажи ему на деле, насколько мы выше его. В дружеской форме, но решительно подчеркивая наше превосходство в содержании. *On lui fera parvenir cela.*⁴ Надо немножко припугнуть маленького султана. Теоретическая сторона до сих пор, к сожалению, составляет единственную нашу *force*,⁵ но для этих поборников *science sociale*,⁶ *loi de la production suffisante*⁷ и т. д. это имеет большое значение. Эти господа великолепны со своей погоней за этим неизвестным *loi*. Они хотят найти закон, посредством которого можно было бы в десять раз увеличить производство. Они, подобно извозчику в басне, ищут того Геркулеса, который вытащил бы им социальную телегу из грязи. Но Геркулес — в их собственных руках. *Loi de la production suffisante* состоит в том, чтобы производить *suffisamment*.⁸ Если они этого не могут, то им не поможет никакое колдовство. Изобретатели, берущие патент, делают гораздо больше для *production suffisante*, чем весь Луи Блан со всем своим глубокомысленным стремлением к *la science*.⁹

Бернайсу я по поводу его последней истории написал очень проницательное письмо, в котором высказываю сожаление, что его беспристрастие лишает меня последнего утешения, — утешения быть непризнанной прекрасной душой — à la Пралэн. Со скорбным, обращенным вверх, взором возвратил он мне это письмо и заметил, что это кладет конец нашей переписке. *Sela.*¹⁰

Больше нет ничего нового. Пиши поскорее.

Твой Э.

¹ Подумай — этот маленький литературный барин принимает только по четвергам и то только после обеда. ² «Я просмотрел ее и заметил, что Прудон подвергается в ней сильным нападкам...» — Ну и что ж (спросил я), намерены ли вы написать статью для «*Réforme*», которую вы мне обещали? — «Статью, ах, бог мой, нет, меня так осаждают издатели — но вот что нужно сделать: напишите сами статью, и я ее помещу в «*Réforme*». ³ В сущности. ⁴ Ему это доставят. ⁵ силу. ⁶ социальной науки. ⁷ закона достаточного производства. ⁸ достаточно. ⁹ науке. ¹⁰ [Возглас, заканчивающий многие псалмы.]

1848 год.

25.

[Париж, 14 января 1848 г.]

Дорогой Маркс!

Если я не писал тебе, то причина заключалась в том, что до сегодняшнего дня я все не мог поймать проклятого Луи Блана. *Décidément il y met de la mauvaise volonté.*¹ Но все-таки я его поймаю — я буду ходить туда ежедневно или подстерегу его в кафе. Напротив, с *père*² Флоконом можно иметь дело. Он восхищен тою манерою, с какою «*V[r]üsseler Zeitung*» и «*Northern Star*» защищали «*Réforme*» против «*National*». Его не смутило даже *blâme*³ Луи Блану и Ледрю-Роллану, а также мое заявление, что мы в Лондоне решили теперь выступать публично в качестве коммунистов. Разумеется, он приводит против этого ряд великолепных доводов: «*Vous tendez au despotisme, vous tuerez la révolution en France, nous avons onze millions de petits paysans qui sont en même temps les propriétaires les plus enragés*» etc. etc.⁴, хотя он ругал также и крестьян, но «*enfin, — dit-il, — nos principes sont trop rapprochés les uns des autres pour que nous ne devions pas marcher ensemble; quant à nous, nous vous appuyerons autant que sera dans notre pouvoir*» etc.⁵

История с Моисеем очень забавна, хотя мне и было досадно, что она произошла. В Брюсселе, кроме тебя, об этом знали только Жиго и Лупус — и Борн, которому я однажды спьяну рассказал об этом в Париже. *Enfin, c'est égal.*⁶ Моисей, угрожающий пистолетом, афишируя во всем Брюсселе свои рога, и притом еще у Борнштедта!! Это должно было быть восхитительно. Выдумка Фердинанда Вольфа с протоколом *m'a fait crever de rire*,⁷ а Моисей верит этому! Если, впрочем, этот осел будет настаивать на своей пошлой лжи об изнасиловании, то я могу преподнести ему прежние, настоящие и позднейшие *détails*,⁸ от которых ему не поздоровится. Ведь эта валаамова ослица еще в прошедшем июле здесь, в Париже, с грустью объяснялась мне в любви в *optima forma*⁹ и доверила мне ночные секреты их семейной жизни. Ее бешенство против меня—

это только отвергнутая любовь. Впрочем, я в Валансьене думал о Моисее только во вторую очередь. В первую очередь я хотел отомстить за те подлости, которые они совершили по отношению к Мэри.

Обильное количество вина ограничилось в сущности одной третью бутылки Бордо. Жаль только, что рогатый Зигфрид не составил официального протокола в Рабочем союзе о своем несчастном состоянии. Я, впрочем, предоставляю ему полную свободу в качестве реванша вознаградить себя с моими прошедшими, настоящими и будущими любовницами, и для этого рекомендую ему: 1) фламандскую великаншу, которая живет в моей прежней квартире, 87 chaussée d'Ixelles au premier¹⁰ и называется mademoiselle Josephine; 2) и французенку mademoiselle Félicie, которая в воскресенье, 23-го с. м., с первым поездом из Кёльна едет через Брюссель в Париж. Было бы очень печально, если бы он не имел успеха ни у одной из них. Сообщите ему, пожалуйста, эти сведения, дабы он мог убедиться в моей искренности. I will give him fair play.¹¹

Гейне при смерти. Две недели тому назад я был у него, он лежал в постели, с ним случился нервный припадок, вчера он встал, но в крайне жалком состоянии. Он с трудом может сделать три шага, опираясь о стены, пробирается от кресла к постели и vice versa.¹² К тому же шум в его доме сводит его с ума — стук столяров, удары молота и т. д. Умственно он также несколько ослабел. Гейнцен хотел зайти к нему, но не был допущен.

Вчера я был также и у Гервега. Он, вкуче с своей семьей, болен гриппом, какие-то старые бабы наносят ему визиты. Он сказал мне, что исключительный успех второго тома Мишле совершенно затмил второй том Луи Блана. Я не читал еще ни того, ни другого, так как за отсутствием денег не мог абонироваться в читальне. Вообще, успех Мишле можно объяснить только его увольнением и его мещанским духом.

С С[оюзом] дело обстоит здесь плачевно. Никогда не встречал я подобной расхлябанности и такой мелкой взаимной зависти. Прудонизм и вейтлингианство действительно являются наиболее совершенным выражением жизненных условий этих ослов, и против этого ничего не поделаешь. Одни из них — настоящие обыватели, стареющие филистеры, а другие — будущие мелкие буржуа. Класс, который живет тем, что, подобно ирландцам, сбивает французам заработную плату, никуда не годится. Теперь я сделаю еще одну последнюю попытку, *si cela ne réussit pas, je me retire de cette espèce de propagande*.¹³ Надеюсь, что скоро получатся лондонские доку-

менты и снова несколько оживят это дело; я тогда использую момент. Эти молодцы, не видя до сих пор никаких результатов конгресса, начинают, конечно, сдавать. Я поддерживаю сношения с несколькими новыми рабочими, которых привели ко мне Штумпф и Нейбек, но еще нельзя сказать, что из этого выйдет.

Передай Борнштедту: 1) По отношению к здешним рабочим он не должен проявлять в подписке такую коммерческую строгость, иначе он потеряет их всех; 2) агент, доставленный ему Моисеем, — плаксивый и тщеславный слюнтяй, но он — единственный, который еще хочет и может заниматься этим, поэтому он не должен его отталкивать; он очень старался, но он не может платить из своего кармана, хотя ему *уже приходилось делать это*. Из денег, получаемых им, он должен покрывать расходы по пересылке корреспонденции и т. д.; 3) если он будет посылать сюда отдельные номера, то, во всяком случае, не больше 10 — 15 экземпляров каждого номера, и только *с оказией*. Пакеты обыкновенно прибывают в министерство Дюшателя, где для получения их приходится терять много времени и где министерство взымает огромные доплаты по весу корреспонденции, с целью подорвать этот «промысел». Подобный пакет стоит от 6 до 8 франков, но что поделаешь, если это требуется. Эсселен в Лютихе хотел найти *garde de son voi*,¹⁴ который взял бы это на себя; напиши в Л[юттих], чтобы это было устроено; 4) номера, которые еще остались здесь, посланы с оказией в южную Германию. Если представится оказия, пусть Борнштедт пришлет сюда еще несколько новых номеров, для пропаганды в кафе и т. д.; 5) на днях Б[орнштедт] получит статью и исторический очерк о прусских финансах. Но ты должен еще раз посмотреть часть его, касающуюся Комиссий 1843 г., и внести нужные поправки, так как он написан по воспоминаниям, и очень неполным.

Если история с Моисеем поведет к тому, что ты начнешь против него атаку в «В[rüsseler] Z[ei]tung», она доставит мне большое удовольствие. Непонятно, каким образом этот господин еще остается в Брюсселе. *En voilà encore une occasion pour l'exiler à Verviers.*¹⁵ С «Réforme» будет устроено.

Твой Э.

¹ Несомненно, он делает это нарочно. ² отцом. ³ порицание. ⁴ вы ведете к деспотизму, вы погубите революцию во Франции; у нас одиннадцать миллионов мелких крестьян, которые в то же время являются самыми рьяными собственниками. ⁵ в конце концов, — сказал он — наши принципы настолько родственны, что мы должны идти вместе; что касается нас, мы будем вас поддерживать по мере наших сил. ⁶ в конце концов, все равно. ⁷ заставила меня помирать от смеха. ⁸ подробности. ⁹ лучшей форме. ¹⁰ в первом этаже. ¹¹ Я ему предо-

ставляю шансы на выигрыш. ¹² обратно. ¹³ если она не удастся, я отказываюсь от подобного рода пропаганды. ¹⁴ железнодорожного проводника. ¹⁵ Вот еще повод выслать его в Вербье.

26.

Брюссель. 13, Rue Neuve, Chaussée de Louvain, 9 марта 1848 г.

Дорогой Маркс!

Надеюсь получить от тебя завтра письмо.

Здесь все спокойно. В воскресенье вечером Жоттран рассказал в Демократической ассоциации историю, происшедшую с тобою и твоей женой; я опоздал к его речи и слышал только несколько яростных фламандских фраз Пеллерена. Жиго тоже выступил и коснулся этого. В «Emancipation» Люблинер напечатал статью об этом. Адвокаты мечут здесь грома и молнии, Майнц хочет, чтобы было возбуждено судебное дело и чтобы ты выступил в качестве *partie civile*¹ по жалобе в нарушении права убежища и т. д., и т. д. Жиго должен также подать жалобу. Это было бы очень хорошо, хотя правительство заявило, что виновник будет уволен. Вчера Майнц снабдил Кастио необходимыми документами для интерpellации по этому делу; полагаю, что завтра или послезавтра она будет иметь место. История вызвала большую сенсацию и весьма содействовала ослаблению ненависти к немцам.

Лупус в прошлое воскресенье в 11 часов утра был доставлен на железную дорогу и отправлен в Валансьен, откуда он и написал письмо и где он еще остается. Суда над ним не было. Его даже не согласились провести мимо его дома, чтобы он мог забрать свои вещи!

Меня не тронули. Судя по некоторым фразам, оброненным этими молодцами, они опасаются выслать меня, так как они в свое время дали мне паспорт, и это можно было бы теперь выставить против них как довод.

В Кёльне — неприятная история: три лучших человека сидят. Я говорил с активным участником событий. Они хотели действовать, но, вместо того, чтобы запасть оружием, которое легко было достать, они пошли к ратуше невооруженными и дали окружить себя. Утверждают, что большая часть войск была на их стороне. Дело было начато невероятно глупо; если верить сведениям этого молодца, они могли спокойно действовать и закончили бы все в течение двух часов. Но все было организовано ужасно глупо.

Наши *старые* кёльнские друзья стояли, повидимому, в стороне, хотя решили действовать совместно. Маленький Д'Эстер,

Д[аниэльс], Б[юргерс] были там всего несколько минут, а затем ушли, хотя маленький Дг [Доктор] был как раз нужен в городском совете.

Вообще сведения из Германии превосходные. В Нассау—законченная революция, в Мюнхене—настоящее восстание студентов, художников и рабочих, в Касселе неизбежно предстоит революция, в Берлине—безграничный страх и нерешительность, во всей западной Германии провозглашена свобода печати и национальная гвардия; пока этого достаточно.

Пусть только Ф.-В. IV² продолжает упрячиться! Тогда дело выиграно, а через несколько месяцев у нас будет германская революция. Пусть только он крепко держится за свои феодальные формы! Но никакой чорт не угадает, как поступит этот взбалмошный сумасброд.

В Кёльне вся мелкая буржуазия—за присоединение к французской республике; в данный момент там господствуют воспоминания о 1797 году.

Тедеско все еще сидит. Не знаю, когда он предстанет перед судом.

По поводу твоей истории отослана громовая статья в «N[orthern] S[tar]».

В воскресенье вечером в заседании «Демократического общества» было удивительное спокойствие. Решено представить палатам петицию об их роспуске и новых выборах на основе нового избирательного права. Правительство не хочет распустить палаты, но должно будет сделать это. Завтра вечером петиция будет принята и подписана séance tenante.³ Петиция Жоттрана к бургомистру и городскому совету вызвала очень вежливый отрицательный ответ.

Ты не можешь представить себе спокойствие, которое господствует здесь. Вчера вечером был карнавал, совсем как всегда; о французской республике почти не говорят. Французские газеты можно получать в кафе почти без затруднений и без долгих ожиданий. Если не знать, что так они *должны*, tant bien que mal,⁴ то можно было бы подумать, что здесь все кончено.

В воскресенье Жоттран, — разъяренный преследованиями против тебя, — произнес очень хорошую речь; sévices⁵ Рожье убедили его в существовании классовых противоречий. Он очень ругал крупную буржуазию и пустился — правда, в весьма плоские и иллюзорные — но все-таки в экономические детали. . . [пропуск] желая доказать мелкой буржуазии, что. . . [пропуск] в республике хорошо оплачиваемый и много потребляющий рабочий класс явится

для нее лучшим заказчиком, чем двор и малочисленная аристократия. Совсем à la O'Коннор.

Уже не успею сдать это письмо на почту — закончу завтра.

Четверг.

Ничего нового, — твою статью в «Réforme» я видел — в Англии тоже заварилась каша, tant mieux.⁶ Если ты еще не написал мне до получения этого письма, напиши немедленно.

Только что, как бы в насмешку, прибыл мой багаж из Парижа — он стоит мне 50 франков с пошлиною и т. д.

Прощай!

Твой Энгельс.

Полицейский комиссар, приходивший к тебе, как говорят, уже уволен. Эта история возбудила здесь у мелких буржуа сильное негодование.

¹ гражданского истца. ² Фридрих-Вильгельм IV. ³ во время заседания хочешь — не хочешь. ⁵ насилия. ⁶ тем лучше.

27.

Париж. 10, Rue Neuve, Menilmontant (Boulevard Beaumarchais)

12 [?] марта 1848 г.

Дорогой Энгельс!

Получи у Брейера 100 франков, которые он клятвенно обещал мне вернуть через неделю, у Жиго 30, у Гесса 10. Надеюсь, что Б[рейер] в данный момент исполнит свое обещание.

Майнц выкупит у Касселя вексель на 114 франков и выплатит тебе. Собери эти различные суммы и употреби их. В «Réforme» говорили о тебе в дружественном тоне. Флокен болен, я еще не видел его. Слух, распространяемый Зейлером, широко циркулирует среди немцев. Аллар до сих пор еще не устранен революцией. Советую тебе приехать сюда.

Здесь конституировался центральный комитет, так как Джонс, Гарни, Шаппер, Бауэр, Молль находятся здесь. Я выбран председателем, а Шаппер — секретарем. Членами состоят Валлау, Лупус, Молль, Бауэр и Энгельс.

Джонс уехал вчера в Англию. Гарни болен.

Salut.¹

Твой К. М.

¹ Привет.

28.

Париж, 16 марта 1848 г.

Дорогой Энгельс!

В эти дни я не имею ни одной свободной минуты, чтобы написать более подробно. Ограничиваюсь самым необходимым.

Флокон относится к тебе очень хорошо.

Все здешние обыватели более или менее разъярены против тебя (Драка с Ш. и т. д.).

Что касается моих вещей, возьми их с собою до Валансьена и дай их там запломбировать. Я их потом выкуплю. Что касается серебра, то таможенный сбор был оплачен в Париже. Но в Валансьене ты должен непременно зайти к господину, проживающему по прилагаемому адресу. Моя жена по совету Фоглера послала ему ключи от чемоданов (находящихся в Брюсселе), но без сопроводительного письма. Ты должен взять у него эти ключи, ибо в противном случае у нас взломают здесь на таможне все сундуки.

Что касается денег, то заяви *Касселью*, что он должен тебе вексель вернуть, если не хочет оплатить его. Может быть, его тогда оплатит Байю.

Пусть Жиго представит счет и даст, по крайней мере, остаток.

Что касается Бр[ейера], то ты должен зайти к нему еще раз и разъяснить ему, какую *подлость* он сделает, если воспользуется моим ватруднительным положением, чтобы не платить. По крайней мере, часть денег он должен тебе достать. Ему революция не стоила ни одного гроша.

Здесь буржуазия становится опять отвратительно наглою и реакционною, *mais elle veerra*.¹

Борнштедт и Герверг ведут себя, как прохвосты. Они основали здесь черно-красно-золотой союз *contre nous*.² Первый будет сегодня исключен из С[оюза].

Твой М.

Feuille de route³ я в настоящую минуту не нахожу, а письмо это должно быть отправлено.

Дай Ж[иго] отставку, если он не проявит большей активности. В настоящий момент ему следовало бы действовать энергичней. Передай сердечный привет от меня Майнцу, также Жоттрану. Последний номер «*Débat Social*» я получил. Привет также Фоглеру.

Майнцу и Жоттрану я напишу подробно. Будь здоров.

¹ но ей еще влетит. ² против нас. ³ Проходное свидетельство.

29.

Суббота. [Брюссель, 18 марта 1848 г.]

Дорогой Маркс!
 Дела твои устрою.

Напиши несколько строк г. Виктору Федеру, адвокату, либо непосредственно ему, либо вложи в письмо к Блосу: ты должен выразить ему благодарность за шаги, предпринятые им в интересах твоих и твоей жены, и уполномочить его предпринять дальнейшие шаги. Федер, неожиданно объявивший себя рьяным республиканцем, принял на себя роль твоего защитника и в качестве такового даст ответ «*Moniteur Belge*» и будет хлопотать о деле. Он надеется, что ты не дезавуируешь его; было бы хорошо, если бы он получил от тебя письмо, чтобы иметь возможность выступить решительно. Лучше, чтобы дело вел бельгиец, а не Майнц, который занимается им теперь: раз он предложил свои услуги, то, наверное, хорошо справится с делом.

Пришли непременно *feuille de route*.¹ Оно очень желательно; Майнц ежедневно спрашивает меня о нем.

Тедеско свободен и немедленно уехал в Люттих, ни с кем не повидавшись. Эсселен был здесь несколько дней, но он не видал его.

Здесь господствует беспримерный финансовый, биржевой, промышленный и торговый кризис. Коммерческий люд слоняется без дела и изливается в жалобах в *Café Suisse*, господа Кауверц, Лауфф и компания блуждают, как мокрые пуделя, рабочие устраивают *rassemblements*² и подают петиции; повсюду большая нужда. Нигде нет наличных денег, и при этом *emprunt forcé*³ в 60 миллионов. Здесь республика будет навязана им биржею.

Люнинг по возвращении сюда получил известие, что в Пруссии его разыскивают; он вызовет сюда свою жену и отправится в Париж. Дронке до своего бегства был принят в Союз Виллихом и компанией. Я подверг его здесь новому экзамену, изложил ему наши взгляды и, так как он выразил свое согласие с ними, утвердил его. Ничего другого нельзя было сделать, даже при наличии некоторых сомнений. Между тем он парень очень скромный, очень молодой и, повидимому, очень восприимчивый; поэтому я полагаю, что при некотором надзоре и дальнейших занятиях он станет дельным человеком. Он заявил мне, что отказывается от всех своих прежних писаний. К сожалению, он живет у Моисея, который его за это время постарается обработать, но это, как известно, не имеет значения. Достаточно будет двух слов Люнинга, к которому он страшно привязался, чтобы выбить его из седла.

Моисей вообще любезнее, чем когда-либо раньше, кто его разберет!

У Касселя я ничего не могу сделать, так как ордер у Майнца, а не у меня. Брейер ссылается на финансовый кризис, на невозможность отсрочить теперь свои старые долги по векселям, на отказ всех его клиентов от платежа. Он даже заявляет, что хочет продать свою единственную лошадь. Однако я постараюсь что-нибудь получить, так как денег Майнца мне едва хватит, а деньги Гесса, уплатившего раньше всех, уже испытали удел всего земного. Жиго тоже в величайшем затруднении. Я сегодня зайду еще раз к Брейеру.

В «Débat Social» завтра появится очень подробное, mot pour mot,⁴ опровержение «Moniteur». В письме к Федеру прибавь: если ему нужна специальная доверенность, ты вышлешь ее ему. Напиши также несколько строк Г. Брикуру, membre de la chambre des représentants,⁵ который очень хорошо выступал в твою пользу в палате, резко интерpellировал министра по требованию Майнца и добился следствия по поводу этой истории. Он депутат от Шарльруа и после Кастио он самый лучший. Кастио был как раз в Париже.

Просмотри приложенную безделицу и отошли ее в «Réforme». Здешних молодцов надо злить, не переставая.

Si c'est possible,⁶ то я уеду в понедельник. Но денежные затруднения постоянно стоят мне поперек пути.

Из Англии я не получаю никаких сведений, ни посредством писем, ни через «Star».

В Германии дела идут поистине превосходно; повсюду восстания, а пруссаки не уступают. Tant mieux.⁷ Надеюсь, что нам недолго придется оставаться в Париже.

Очень хорошо, что вы выбрасываете Борнштедта. Этот молодец оказался таким ненадежным, что его, действительно, необходимо исключить из Союза. Он и Веерт теперь все... [пропуск]..., и Веерт изображает из себя сейчас ярого республиканца.

Ламартин становится с каждым днем все более и более противным. Во всех своих речах он обращается только к буржуа, чтобы их успокоить. Избирательная прокламация временного правительства тоже целиком обращена к буржуа, для их успокоения. Неудивительно, что эти подлецы наглеют.

Adios, au revoir.⁸

Ф. Э.

Все письма сюда направляй по укаванному адресу; Бл[ос] en mon absence⁹ передаст их Ж[иго].

¹ проходное свидетельство. ² собрания. ³ принудительный заем. ⁴ на каждое слово. ⁵ члену палаты депутатов. ⁶ Если это возможно. ⁷ Тем лучше. ⁸ До свидания. ⁹ во время моего отсутствия.

30.

Кёльн, Apostelnstr. № 7 [середина апреля 1848 г.]

Дорогой Энгельс!

Здесь подписалось уже изрядно много народу, и мы скоро сможем приступить к изданию. Но теперь необходимо, чтобы ты предъявил требования своему старику и вообще *окончательно* определил, что можно сделать в Бармене и Эльберфельде.

Геккеру в Эльберфельд послан отсюда проспект (написанный Бюргерсом).

Нет ли у тебя адреса Дронке? Ему необходимо немедленно написать.

Пришли ответ первой почтой. Я приехал бы, если бы положение у вас не было таким угрожающим.

Твой М.

31.

Бармен, 25 апреля 1848 г.

Дорогой Маркс!

Только-что получил проспект вместе с твоим письмом. На акции здесь приходится, к сожалению, очень мало рассчитывать. Бланк, которому я уже раньше писал об этом и который еще лучше их всех, на практике превратился в буржуа; остальные стали еще более буржуа с тех пор как обзавелись собственными предприятиями и вступили в коллизию с рабочими. Эти люди боятся, как чумы, обсуждения общественных вопросов; они называют это подстрекательством. Я затратил не мало прекрасных слов, пустил в ход всевозможную дипломатию и все же ответы неопределенные. Я сделаю теперь еще одну последнюю попытку, и если она не удастся—всему делу конец. Через два или три дня ты получишь положительное сообщение о том, как дело кончилось; au fond,¹ даже эти радикальные буржуа видят в нас своих будущих главных врагов и не хотят давать нам в руки оружие, которое мы очень скоро обратим против них самих.

От моего старика совершенно ничего нельзя добиться. Для него «Кёльнская газета» является средоточием всякой крамолы и вместо тысячи талеров он охотнее послал бы нам тысячу картечных пуль.

Самые передовые местные буржуа довольны тем, что «Kölnische Zeitung» хорошо представляет их партию. Que veux-tu qu'on fasse alors? ²

Агент Моисея, Шнааке, был здесь на прошлой неделе и, кажется, наклеветал также и на нас.

Для Дронке я не имею лучшего адреса, чем следующий: Купцу Адольфу Доминику в Кобленц (это его дядя). Его старик проживает в Фульде, кажется в должности директора гимназии. Городишко этот маленький. Д-р Э. Д[ронке] младший в Фульде, наверное, встретил бы его, если бы он был там. Но как глупо, что он не пишет, по крайней мере, где находится.

От Эвербека я получил письмо; он спрашивает, получили ли мы от него якобы важное письмо, посланное в Майнц по известному адресу. Если ты не получил, напиши об этом в Майнц (кандидату в школьные учителя Филиппу Нейбеку, Майнц, Rentengasse (Heiliger Geist).

Эвербек заказал в Париже перевод «Манифеста» на итальянский и испанский языки и просит прислать для этой цели 60 франков, которые он обязался уплатить. Это опять одна из его штук. Представляю себе, как хороши будут эти переводы.

Я сижу над английским переводом, который оказывается труднее, чем я предполагал. Но все-таки больше половины готово, и скоро готово будет все.

Если бы здесь кто-нибудь распространил хоть один экземпляр наших 17 пунктов, все было бы потеряно и здесь для нас. Настроенные у буржуа действительно подлые. Рабочие начинают немного шевелиться. Движение носит еще неопределенный характер, но уже становится массовым.

Они уже начали устраивать коалиции. Но *нам-то* это как раз и мешает. Эльберфельдский политический клуб выпускает адреса к итальянцам, высказывается в пользу прямых выборов, но решительно отвергает всякое обсуждение социальных вопросов, хотя с глазу на глаз эти люди признают, что эти вопросы *стали* теперь на очередь дня, но при этом заявляют, что мы не должны преждевременно их выставлять.

Прощай. Напиши поскорее более подробно. Ушло ли письмо в Париж и привело ли оно к каким-нибудь результатам?

Твой Э.

¹ по существу. ² Что ты прикажешь в таком случае делать?

32.

Бармен, 9 мая 1848 г.

Дорогой Маркс!

При сем:

- 1) Список подписанных до сих пор акций, числом 14.
- 2) Доверенность для тебя.
- 3) Таковая же для Д'Эстер (Б[онштедт] его знакомый).
- 4) Таковая же для Бюргерса.

Нельзя было воспрепятствовать тому, чтобы Бонштедт и Геккер дали свои доверенности своим личным знакомым.

Гюнербейн будет там присутствовать лично, выступая от своего имени и от имени двух местных жителей.

Список еще не закрыт. Лаверьера и Бланка я не застал, несмотря на многократные посещения. Цулауф вял на себя первого.

Двух других, от которых я ничего не мог добиться, обработает Геккер.

Сегодня Цулауф едет в Ронсдорф, где он имеет шансы на успех.

Больше всего затруднений у нас с людьми двух сортов: во-первых, с молодыми *républicains en gants jaunes*,¹ которые боятся за свое имущество и опасаются коммунизма, и, во-вторых, с местными знаменитостями, которые считают нас конкурентами. Ни Ноля, ни Брахта нельзя было убедить. Из юристов Бонштедт единственный, с которым можно иметь дело. Вообще нам пришлось затратить не мало напрасных усилий.

Завтра я уезжаю на два дня в Энгельскирхен. Известите меня немедленно о результатах собрания акционеров. Мы также приняли шаги для объединения общин в один союз.

Твой Энгельс.

¹ республиканцами в желтых перчатках.

33.

[Кельн, 26 октября 1848 г.]

Дорогой Энгельс!

Так как твое письмо получено только сейчас вечером, мне некогда позаботиться о векселях. Некогда даже сходить к себе домой. Посылаю тебе сколько есть под рукою, а сверх того перевод на 50 талеров от Шульца на имя одного женеvesкого гражданина, у которого ты вообще сможешь получить помощь.

Я уже давно послал тебе и Дронке в Париж 50 талеров и одновременно твой паспорт в Брюссель — Жиго.

Газета стала снова выходить с 1 сентября,* tale quale.¹ Теперь не время писать тебе об этом подробнее, так как необходимо торопиться. Как только сможешь, напиши корреспонденции и статьи подлиннее. Теперь, когда все, кроме Веерта, уехали, а Фрейлиграт лишь несколько дней тому назад вступил в дело, я занят по горло и не могу заняться более серьезными работами; к тому же parkett² делает все для того, чтобы отнимать у меня время.

Впрочем, твой старик писал Жиго и справлялся, где ты. По его словам, он хочет послать тебе деньги. Я послал ему твой адрес.

Твой К. Маркс.

Напиши подробнее. Отослать ли твоё белье и т. д. Плазман готов немедленно сделать это. Твой отец заплатил ему.

¹ в прежнем виде. ² уголовный суд.

[Приписка Л. Шульца.]

P. S. Пожалуйста, распечатайте и передайте прилагаемое письмо И. Келеру (у озера или Rue du Rhône), который выплатит вам за мой счет 250 франков по переводу на меня по предъявлению. С дружеским приветом

Луи Шульца.

34.

[Кёльн, середина ноября 1848 г.]

Дорогой Энгельс!

Я действительно поражен, что ты не получил еще от меня денег. Я уже давно (я, а не экспедиция) послал тебе в Женеву в запечатанном пакете по указанному адресу 61 талер, — 11 бумажными деньгами и 50 векселем. Поэтому справься и немедленно напиши. Я имею почтовую квитанцию и могу сделать заявление о деньгах.

Далее я послал для вас 20 талеров Жиго, а позднее 50 талеров Дронке, все из моей кассы, в общем около 130 талеров.

Завтра я пошлю тебе еще немного. Но справься о деньгах. Одновременно в вексель было вложено рекомендательное письмо к одному богатому лозаннскому филистеру.

Денег у меня немного. 1 850 талеров я привез с собою после моей поездки; 1 950 получил от поляков; 100 мне нужны были в дороге, 1 000 талеров вложил в газету (в том числе тебе и другим эмигрантам), 500 я еще должен платить на этой неделе за машину; остается 350. И притом я еще не получил от газеты ни одного гроша.

Что касается вашего участия в редакции, то я 1) указал немедленно в первом же номере, что состав комитета остается старым;

* Следует — 11 октября.

2) заявил тупоумным реакционным акционером, что, если им угодно, они могут считать вас не принадлежащими более к составу редакционного персонала, но я в праве *выплачивать гонорар в таком размере, как мне угодно*, и потому они в денежном отношении ничего не выиграют.

Для меня было бы рациональнее не вкладывать в газету такую большую сумму, так как я имею на своей шее три-четыре судебных процесса по делам печати, каждый день могу быть арестован и тогда буду взывать о деньгах, как лань о потоках свежих вод. Но задача заключалась в том, чтобы при всяких обстоятельствах удерживать эту *крепость* за собой и не сдать политической позиции.

Тебе лучше всего, после того как ты устроишь в Лозанне денежные дела, отправиться в Берн и выполнить свой намеченный план. Кроме того можешь писать о чем тебе угодно. Твои письма приходят всегда достаточно аккуратно.

Как мог ты предположить, что я оставлю тебя хотя бы на одну минуту в затруднительном положении. Ты неизменно мой интимный друг, как и я, надеюсь, твой.

К. Маркс.

Старик твой — сволочь, и мы ему напишем архигрубое письмо.

35.

Кёльн, 29 ноября 1848 г.

Дорогой Энгельс!

Газеты тебе посланы. Если это не было сделано раньше, то только по вине осла Корфа, который, в то время как я был очень обременен делами и кроме того должен был часто являться по вызову начальства, до сих пор не выполнил моих поручений. Пока оставайся в Берне. Как только сможешь приехать, я напишу тебе. Запечатывай лучше свои письма. Одно из них было вскрыто, как я указал в газете (конечно, не называя тебя).

Напиши подробно о *Прудоне* и, так как ты хороший географ, о венгерской дряни (этом пчелином роде народов). Разбирая Прудона, не забудь меня, так как наши статьи попадают теперь в целый ряд французских газет.

Напиши также против федеративной республики, для чего Швейцария дает лучший повод.

К. Гейнцен напечатал свою старую дрянью против нас.

Наша газета все время находится в положении «мятежной», но, несмотря на все «приказы о печати», она все время благополучно

лавировала вокруг code pénal.¹ Она теперь очень en vogue.² Мы выпускаем также ежедневно плакаты. La révolution marche.³ Пиши аккуратно. Я составил верный план, как получить деньги от твоего старика, так как у нас теперь ничего нет. Напиши мне письмо с просьбой денег (в возможно грубой форме), в котором ты расскажешь обо всех своих злключениях, но так, чтобы я мог показать его твоей матери. Старик начинает бояться.

Надеюсь скоро опять увидеть тебя.

Твой Маркс.

¹ уголовного кодекса. ² в моде. ³ Революция идет вперед.

36.

Берн, 28 декабря [1848 г.]

Дорогой Маркс!

В чем дело, неужели я еще не могу вернуться—теперь, после оправдания Г[оттшалька] и А[ннеке]. Ведь прусские собаки скоро, наверное, потеряют охоту иметь дело с присяжными. Как я уже говорил, я немедленно приехал бы, если бы не имелось достаточного основания бояться предварительного ареста. Потом они могут представить меня хотя бы перед 10 000 жюри, но в предварительном заключении нельзя курить, и потому я не еду.

Во всяком случае, вся сентябрьская история кончается ничем. Один за другим возвращаются. Итак, напиши.

Кстати, около середины января мне очень понадобится немного денег. К тому времени вы ведь должны получить большую сумму.

Твой Э.

1849 год.

37.

Берн, 8 января 1849 г.

Дорогой Маркс!

Оправившись, благодаря нескольким неделям греховного времяпрепровождения, от своих приключений и скитаний, я, во-первых, чувствую потребность вновь взяться за работу (неопровержимое доказательство — прилагаемая статья о венгерско-славянских взаимоотношениях) и, во-вторых, ощущаю нужду в деньгах. Последнее — самое неотложное, и если ко времени получения настоящего письма вы еще мне ничего не выслали, сделайте это немедленно, так как я уже несколько дней сижу *sans le sou*,¹ а в этом дрянном городе не у кого занять.

Хоть бы в этой поганой Швейцарии произошло что-нибудь, о чем можно было бы писать! Так нет же, все местные свары — ничтожнейшего свойства. Несколько общих статей я тебе скоро выпшлю. Если мне придется еще долго оставаться за границей, я поеду в Лугано, особенно если в Италии что-нибудь начнется, что вполне возможно.

Но я все время думаю о том, что скоро смогу вернуться. Бездельное сидение за границей, где нельзя ничем систематически заняться и где стоишь совершенно вне движения, невыносимо до отвращения. Я скоро приду к тому заключению, что даже тюремное заключение в Кёльне лучше жизни в свободной Швейцарии. Напиши мне, неужели нет никаких шансов на то, чтоб со мной обошлись столь же благосклонно, как с Бюргером, Беккером и т. д., и т. д.

Раво прав: даже в Пруссии, с ее октроированной конституцией, чувствуешь себя свободнее, чем в свободной Швейцарии. Каждый мещанин тут одновременно *mouchard* и *assommeur*.² Пример этому я видел в ночь под Новый год.

Какой чорт поместил недавно в газете скучную нравственно-религиозную корреспонденцию из Гейдельберга о мартовском союзе? Что Генрикус [Бюргер] время от времени выдавливает из себя

статью, я с удовольствием заметил по тем ламентациям о ладенбургском циркуляре, которые растянулись на два номера.

Нашу газету теперь очень усердно цитируют в Швейцарии; много извлечений делает «Berner Zeitung», а также «National Zeitung», а оттуда это перепечатывают все газеты. И в газетах французской Швейцарии нашу газету цитируют очень часто, меньше, чем «National», но больше, чем «Кёльнскую».

Объявление вы, наверное, поместили. При сем перепечатка нашего объявления в «Бернской газете». Привет всей компании.

Твой Э.

Вчера не успел отправить письма. Сегодня только добавляю, что с 1 января «N[eu]e Rh[einische] Z[ei]tung» здесь *перестала получаться*. Справься, регулярно ли ее отсылают. Я навел справку; с абонементом ничего нельзя устроить. Я должен был подписаться на *полгода*; так долго я не останусь здесь, да и денег у меня нет для этого. Как я уже писал, очень важно, чтобы газета здесь получалась не только ради меня, но главным образом потому, что расположенная к нам и редактируемая одним коммунистом «Бернская газета» делает все, чтобы пустить здесь нашу газету en vogue.³

¹ без гроша. ² шпион и убийца. ³ в ход.

38.

[Март 1849 г.]

Дорогой Энгельс!

Выбрось статью о Б. Дитце, пока *факты не будут установлены*. Мы сами напишем об этом в Брюссель. Впрочем, постарайся разузнать имя того ученика-наборщика, который сообщил об этом деле Дитцу без чьего бы то ни было поручения.

Твой Маркс.

39.

Гамбург, 23 апреля [1849 г.]

Адрес: Купцу Роде, Блейхенбрюкке.

Дорогой Энгельс!

Твое письмо я получил лишь сегодня, так как я выехал из Бремена еще в среду утром. В Бремене ничего нового. Резинг год тому назад обанкротился и живет лишь на проценты с уцелевшего капитала его жены. Таким образом, ничего не выгорело.

Здесь я, напротив, наверное раздобуду деньги.

Что касается подписи, то не может ли подписать *Веррес*?

Что касается денежных средств на время моего отсутствия, то я могу сказать следующее: Плазман обещал мне перед моим отъездом любую необходимую ссуду. Возможно, что Наут из-за своей совестливости не хочет прибегать к этому источнику. Если в этом есть надобность, сделай *это сам*.

Газета была за эту неделю очень худосочной, что совершенно не соответствует моей нынешней миссии.

Сердечный привет моей жене от меня и других.

Пиши во всяком случае подробно и не вешайте головы. Les choses marcheront.¹

Твой К. Маркс.

¹ Дела пойдут.

40.

Пиши мне по адресу: М. Рамбо, 45, Rue de Lille.

Париж. 45, Rue de Lille, 7 июня [1849 г.].

Дорогой Энгельс!

Я пишу тебе в этом письме недостаточно подробно. Прежде всего ты должен мне ответить, пришло ли это письмо *неповрежденным*. Я полагаю, что письма опять *сop amoge*¹ вскрываются.

Здесь господствует роялистская реакция, более бесстыдная, чем во времена Гизо; ее можно сравнить лишь с периодом после 1815 г. Париж — *могне*.² К тому же — холера, которая свирепствует чрезвычайно. И несмотря на это, колоссальный взрыв революционного кратера никогда еще не был столь близок, как теперь в Париже. О подробностях позже. Я встречаюсь со всей революционной партией и через несколько дней буду иметь в своем распоряжении *все* революционные журналы.

Что касается здешних пфальцско-баденских посланников, то Блинд, напуганный действительным или мнимым припадком холеры, переехал в деревню в нескольких часах езды от Парижа.

Quant à³ Шютц, нужно заметить следующее: 1) Временное правительство ставит его в ложное положение, не посылая ему никаких отчетов. Французы требуют *des faits*,⁴ а откуда ему их брать, когда ни один чорт ему не пишет? Ему необходимо возможно чаще получать дешепи. Ясно, что в данный момент он ничего не может сделать. Единственно, чего можно достигнуть, это пустить пыль в глаза пр[усскому] правительству, предоставив ему возможность часто встречаться с вождями Горы.

2) Вторая непростительная ошибка временного правительства Пфальца состоит в том, что за спиной официального посланника поручают массе паршивых немцев ту или другую миссию. Это надо раз навсегда прекратить, если Шютц должен пред монтаньярами, по крайней мере, поддерживать свой престиж, а в этом ведь в настоящий момент — по отношению к Пруссии — весь смысл его миссии.

Что он в общем мало осведомлен, само собою разумеется, так как он встречается лишь с некоторыми *официальными* монтаньярами. Впрочем, я буду его постоянно держать au courant.⁵

С своей стороны, я тоже должен потребовать, чтобы ты мне писал не реже двух раз в неделю регулярно, и, кроме того, немедленно всякий раз, когда случится что-нибудь серьезное.

В фельетоне «Kölnische Zeitung» о пфальцском движении, помеченном «*Дюркгейм на Гардте*», между прочим сказано: «господином Марксом, редактором «Rheinische Zeitung», здесь недовольны. Он будто бы заявил временному правительству, что его время еще не пришло, и что он пока отойдет в сторону». Как связать одно с другим? Жалкие здешние немцы, с которыми я, впрочем, всячески избегаю приходить в соприкосновение, постараются разнести это по всему Парижу. Поэтому я считаю полезным, чтобы в статье-корреспонденции в вечерней газете Карлсруэ или Маннгейма специально заявили, что я нахожусь в Париже в качестве представителя *демократического центрального комитета*. Я это еще и потому считаю полезным, что пока здесь непосредственно еще нельзя добиться никаких результатов, нужно заставить пруссаков поверить, что здесь разыгрываются ужаснейшие интриги. Il faut faire peur aux aristocrates.⁶

Влияние Руге здесь равно нулю.

Что подельывает Дронке?

Ты должен *откуда-нибудь раздобыть для меня денег*; ты знаешь, что последние текущие поступления я израсходовал, pour faire honneur aux obligations de la Nouvelle Gazette Rhén[ane],⁷ а при нынешних circonstances⁸ я не могу жить замкнуто и еще менее могу находиться в затруднительном денежном положении.

Если можешь, пришли мне французскую статью, которая дала бы резюме всех венгерских дел.

Сообщи содержание этого письма Д'Эстер. Кланяйся ему сердечно. Если я должен писать по другому адресу, так сообщите его.

М.

¹ любовно. ² мрачен. ³ что касается. ⁴ фактов. ⁵ в курсе дела. ⁶ Надо нагнать страху на аристократов. ⁷ чтобы рассчитаться по обязательствам «Neue Rheinische Zeitung». ⁸ обстоятельствах.

41.

[Энгельс — госпоже Маркс.]

Вевер, кантон Во, 25 июля 1849 г.

Дорогая госпожа Маркс!

И вы, и Маркс будете удивляться, что я так долго не подавал о себе вестей. *En voici les causes.*¹ В тот самый день, когда я писал Марксу (из Кайзерслаутерна), получилось известие, что Гомбург занят пруссаками, и тем самым отрезано сообщение с Парижем. Я не мог поэтому отослать это письмо и отправился к Виллиху. В Кайзерслаутерне я держался вдали от всякого соприкосновения с *soi-disant*² революцией; но когда явились пруссаки, я не мог противостоять жажде принять участие в войне. Виллих был единственным к чему-либо пригодным офицером, и вот я пошел к нему и стал его адъютантом. Я принял участие в четырех сражениях, из них в двух довольно серьезных, особенно в битве при Раштате; при этом я убедился, что столь восхваляемое мужество — ординарнейшее из качеств, которые человек может иметь. Свист пуль — сущие пустяки, и в продолжение всего похода я, несмотря на многочисленные проявления трусости, не видел и дюжины людей, которые бы проявляли трусость во время сражения. Зато много «храброй глупости». *Enfin*³, я повсюду счастливо отделался, а в конечном итоге хорошо, что в этом деле принял участие один из сотрудников «*Neue Rheinische Zeitung*», так как в Бадене и Пфальце была вся демократическая сволочь и хвастает теперь не совершенными геройскими подвигами. Опять говорили бы: господа из «*Neue Rheinische Zeitung*» слишком трусливы, чтобы сражаться. Но из всех господ демократов не сражался никто, кроме меня и Кинкеля. Последний записался стрелком в наш корпус и вел себя очень хорошо; в первом сражении, в котором он принял участие вместе с нами, он был легко ранен выстрелом в голову и взят в плен.

После того как наш корпус прикрыл отступление баденской армии, мы направились на целые сутки позже всех остальных в Швейцарию; и со вчерашнего дня я нахожусь здесь, в Вевер. Во время похода и прохождения через Швейцарию мне было абсолютно невозможно написать хотя бы строчку. Но теперь я спешу дать о себе весточку и тем скорее написать вам, что где-то в Бадене я слышал, будто Маркс арестован в Париже. Мы не видели газет и потому ничего не могли узнать. Я не мог проверить, правда это или нет. Вы понимаете мои опасения, и потому самым настойчивым образом прошу вас избавить меня от этого беспокойства и поставить меня в извест-

ность о судьбе Маркса. Так как я не слышал никакого подтверждения этого слуха об аресте Маркса, я все еще надеюсь, что это неправда. Но что Дронке и Шаппер сидят, в этом я почти не сомневаюсь. Если Маркс еще свободен, перешлите ему это письмо, с просьбой немедленно написать мне. Если он в Париже не чувствует себя в безопасности, то здесь в Ваадте он был бы в полной безопасности. Правительство само называет себя красным и *partisan de la révolution permanente*.⁴ В Женеве положение такое же. Там находится Шили из Трира, который командовал майнцским корпусом.

Если я получу из дому немного денег, я отправлюсь, вероятно, в Лованну или Женеву и там подумаю, что делать дальше. Наш отряд, который храбро сражался, наскучил мне, а здесь я ничего не могу делать. Виллих в сражении смел, хладнокровен, ловок и быстро и правильно все схватывает, но вне сражения это *plus ou moins*⁵ скучный идеолог и «истинный социалист». Большая часть людей из корпуса, с которыми можно было бы говорить, разбрелась.

Если бы только у меня была уверенность, что Маркс свободен! Я часто думал о том, что под прусскими пулями я находился на гораздо менее опасном посту, чем другие в Германии и особенно Маркс в Париже. Избавьте же меня сейчас же от этой неуверенности.

Tout à vous! ⁶

Энгельс.

Адрес: Ф. Энгельс, *refugié allemand*,⁷ Веве, Швейцария.

(Если возможно бандеролью до Тионвиля или Метца.)

¹ Вот причины этого. ² так называемой. ³ Наконец. ⁴ сторонником перманентной революции. ⁵ более или менее. ⁶ Весь ваш. ⁷ немецкий эмигрант.

42.

[Париж, первая половина августа 1849 г.]

Дорогой Энгельс!

Я очень сильно беспокоился за тебя и чрезвычайно обрадовался, получив вчера письмо, написанное твоей рукой. Я поручил Дронке (он здесь) написать твоему шуруину, чтобы получить о тебе сведения. Тот, конечно, ничего не знал. Вся моя семья здесь. Правительство хотело выслать меня в Морбиган, в Понтийские болота Бретани. До сих пор мне удалось ускользнуть от этой экзекуции. Но если ты хочешь, чтобы я написал тебе подробнее как о моих личных здешних отношениях, так и об общем положении дел, ты должен мне прислать более верный адрес, так как здесь очень тревожно.

У тебя теперь прекраснейший случай написать историю баденско-пфальцской революции или памфлет на нее. Без твоего участия

в самой войне мы не могли бы выступить со своими взглядами по поводу этой дурацкой затеи. Ты можешь при этом случае ярко проявить общую позицию «N[eu]e R[heinische] Z[eitung]» по отношению к Демократической партии. Я убежден, что это дело пойдет и доставит тебе деньги.

Я начал переговоры о создании в Берлине периодического (ежемесячного) политико-экономического журнала, который должен составляться главным образом нами обоими.

Лупус также в Швейцарии, я полагаю — в Берне. Веерт был вчера здесь, он основывает агентуру в Ливерпуле. Красный Вольф живет здесь у меня. Финансовые дела, естественно, в большом беспорядке.

Фрейлиграт еще остается в Кельне. Если бы моя жена не была в *état par trop intéressant*,¹ я с удовольствием покинул бы Париж, как только мои финансы позволили бы мне это.

Будь здоров. Кланяйся сердечно Виллиху и отвечай немедленно по адресу: М. Рамбо, Rue de Lille.

Твой К. М.

¹ в слишком интересном положении.

43.

Париж, 17 августа [1849 г.]

Дорогой Энгельс!

Я не знаю, получил ли ты мое первое письмо, — ответ на твое первое письмо, адресованное моей жене, — так как твой адрес был очень неточен. Я ответил бы тебе уже и на второе письмо, если бы мне не помешала болезнь всей моей семьи, находящейся здесь. Я еще раз повторяю тебе, как ужасно я и моя жена волновались из-за тебя и как радостно мы были поражены, получив о тебе точные сведения.

Из даты на письме ты видишь, что в ответ на мое заявление министерство внутренних дел оставило меня пока в покое в Париже. Департамент Морбиган, назначенный мне, в это время года убийственен — Понтийские болота Бретани. Писать о деле 13 июня было бы в данный момент неосторожно. Я не верю, я, по крайней мере, не знаю, будет ли уважаться тайна переписки.

Общее положение здесь я могу тебе обрисовать в двух словах: разложение большинства на составные взаимно враждебные элементы, бонапартизм навсегда скомпрометирован, злоба среди крестьян из-за сохранения 75 сантимов, виноделы в бешенстве из-за грозящего им сохранения налогов на напитки, в общественном мнении снова

антиреакционная струя, в отсроченной палате и в министерстве исключительное нарастание реакции, занятой устранением из кабинета клики Барро-Дюфор. Лишь только это произойдет — можешь надеяться на скорое новое революционное возрождение.

Не знаю, имеешь ли ты в Швейцарии возможность следить за английским движением. Англичане начали как раз с того места, где остановилась февральская революция. Партия мира, как ты знаешь, только новая маска фритредерской партии. Но на этот раз промышленная буржуазия действует еще революционнее, чем во время агитации против хлебного закона. Двояким путем: 1) аристократию, смертельно раненую в ее внутренней политике благодаря отмене хлебного закона и акта о навигации, буржуазия стремится разбить и в области ее внешней политики, касающейся европейских дел. Перевернутая вверх ногами политика Питта. Против России, Австрии, Пруссии, одним словом — за Италию и Венгрию. Кобден формально пригрозил отлучением тем банкирам, которые будут устраивать займы России, и открыл настоящий поход против русских финансов. 2) Агитация за всеобщее избирательное право для того, чтобы политически совершенно оторвать арендаторов от земельной аристократии, дать городам абсолютное большинство в парламенте, свести к нулю верхнюю палату; финансовая реформа для того, чтобы изолировать церковь и аристократию от политических доходов.

В обеих кампаниях чартисты и фритредеры выступают объединенно. Гарни и Пальмерстон как будто бы в мире. На последнем митинге в Лондоне полное единодушие между О'Коннором и полковником Томпсоном.

Этот экономический поход против феодализма и Священного союза может иметь нечислимые последствия.

Венгрия великолепна. Но эта поганая Пруссия? *Qu'en dis-tu?* ¹ Эти отощавшие каналы теперь на убой откармливаются в Саксонии, Бадене, Пфальце. Если они пошлют австрийцам в помощь армию, то это будет произведено таким образом, что они сами останутся в Богемии и заставят себя там кормить. Но жалкая Пруссия, — боюсь только, что она окажется слишком трусливой, — *perdue*, ² лишь только примет участие в венгерском деле, которое во всяком случае превратится в *guerre universelle*. ³

Maintenant, mon cher, que faire de notre part? Il faut nous lancer dans une entreprise littéraire et mercantile. J'attends tes propositions. ⁴

Красный Лупус живет в одном доме со мной. Дронке также в Париже; *mais c'est un tout petit homme de l'école de E. Meyen.* ⁵

Лупус в Цюрихе, адрес его: Д-р Люнинг. Тебе незначем писать отдельно М. Рамбо. Это мой псевдоним.

Итак, адрес просто следующий: Monsieur Ramboz, 45, Rue de Lille.

Salut! ⁶

К. М.

¹ Что ты скажешь об этом? ² погибла. ³ мировую войну. ⁴ Теперь, дорогой мой, что должны делать мы со своей стороны? Нам надо взяться за литературное и доходное предприятие. Жду твоих предложений. ⁵ Но это человек из школы Э. Мейена. ⁶ привет.

44.

[Париж], 23 августа 1849 г.

Дорогой Энгельс!

Меня высылают в департамент Морбиган, в Понтийские болота Бретани. Ты понимаешь, что я не соглашусь на эту замаскированную попытку убийства. Я поэтому покидаю Францию.

В Швейцарию мне не дадут паспорта, я должен, таким образом, ехать в Лондон, и не позже, чем завтра. Швейцария и без того скоро будет герметически закупорена, и мыши будут пойманы одним ударом.

Кроме того: в Лондоне у меня имеются *положительные* виды на создание немецкого журнала. Часть денег мне *обеспечена*.

Ты должен поэтому немедленно отправиться в Лондон. Этого требует твоя безопасность. Пруссаки тебя дважды расстреляли бы: 1) за Баден; 2) за Эльберфельд. И зачем тебе эта Швейцария, где ты ничего не можешь делать? У тебя нет никаких затруднений к приезду в Лондон, под именем ли Энгельса, или под именем Мейера. Как только ты объявишь, что хочешь поехать в Англию, то получишь из французского посольства проходное свидетельство в Лондон.

Я *положительно* рассчитываю на это. Ты *не можешь* оставаться в Швейцарии. В Лондоне мы будем делать дела.

Моя жена остается пока здесь. Ты будешь ей писать все по тому же адресу: 45, Rue de Lille, M. Ramboz. Еще раз, я твердо рассчитываю на то, что ты меня не подведешь.

Твой К. М.

Лупус у д-ра Люнинга, в Цюрихе. Напиши и ему о моем плане.

1850 год.

45.

[Лондон], 19 ноября 1850 г.

Дорогой Энгельс!

Пишу тебе только несколько строк. Сегодня в 10 часов утра умер наш маленький заговорщик Фоксик. Внезапно, в одном из тех конвульсивных припадков, которые у него часто бывали. Еще за несколько минут до этого он смеялся и шалил. Все это случилось совершенно неожиданно. Можешь себе представить, что здесь творится. Благодаря твоему отсутствию как раз в данный момент мы чувствуем себя очень одинокими.

В ближайшем письме я сообщу тебе кое-что о Гарни, и ты увидишь, в каком ужасном положении он находится.

Твой *К. Маркс*.

Если у тебя будет настроение, напиши несколько строк моей жене. Она совершенно вне себя.

46.

Лондон, 23 ноября 1850 г.

Дорогой Энгельс!

Твое письмо очень благоприятно подействовало на мою жену. Она находится в состоянии крайнего возбуждения и истощения. Она сама кормила ребенка и в самых тяжелых условиях спасала его жизнь ценой величайших жертв. К тому же мучит мысль, что несчастное дитя пало жертвой материальной нужды, хотя у него и не было недостатка в уходе.

Господин Шрамм всецело подпал под влияние Зейлера и находится в одном из своих самых отвратительных периодов. Два дня, т.-е. 19 и 20 ноября, его совсем не было видно у нас, затем он пришел на одну минуту и тотчас же опять исчез после нескольких пошлых замечаний. В день похорон он просил взять его с собой, но пришел за минуту до назначенного времени, не говорил ни слова о похоронах, но сказал моей жене, что он должен спешить уходить, чтобы

не опоздать к обеду у брата. Ты можешь себе представить, как при теперешнем возбужденном состоянии моей жены должно было оскорбить ее поведение этого человека, который пользовался в нашем доме таким дружеским расположением.

Джонс познакомил меня с истинным положением Гарни. Он находится *sous le coup de la justice*.¹ Его орган по всему своему содержанию подлежал штемпельному сбору. Правительство выжидает только большего его распространения, чтобы наложить на него руку. Процесс против Диккенса затеян только для того, чтобы создать прецедент по отношению к нему. Если его арестуют, то, кроме соответствующего наказания, ему придется просидеть лет двадцать в тюрьме вследствие невозможности раздобыть *securities*.²

Бауэр и Пфендер выиграли свой процесс: Робертс был их адвокатом.

Твой К. М.

¹ под угрозой быть осужденным. ² залог.

47.

[Манчестер], 25 ноября 1850 г.

Дорогой Маркс!

Я пишу тебе сегодня только для того, чтобы сообщить, что сегодня я еще, к сожалению, не могу выслать тебе обещанные мною в последнем письме 2 фунта стерлингов. Эрмен уехал на несколько дней, и так как ни один из управляющих не имеет полномочий по отношению к банкиру, мы не можем устроить перевода и должны удовлетвориться теми небольшими поступлениями, которые случайно к нам попадают. В кассе имеется всего около 4 фунтов, и ты понимаешь, что я должен немного подождать. Лишь только Э[рмен] вернется, я немедленно вышлю тебе деньги. Надеюсь, что первый перевод получился вó-время.

Поведение Шр[амма] — полнейшая низость.

История с Гарни во всяком случае весьма печальна. Если они захотят за него взяться, то не поможет никакое изменение названия органа. Совершенно прекратить его он тоже не может, и если *этот* орган попадет в категорию подлежащих штемпельному сбору, тогда я не знаю, как вообще можно издавать политический еженедельник, не подлежащий штемпельному сбору. Во всяком случае, он поступил бы хорошо, если бы выбросил с восьмой страницы свою *Labour Record*,¹ это уже относится к отделу новостей и несомненно подлежит штемпельному сбору. Но из того, что ты пишешь, видно, что и его теоретические статьи, по мнению Джонса, подлежат также штемпельному сбору. И тут уж ничего не поделаешь.

Возмущенный Шрамм, как это видно из письма Зейлера, опять в самых лучших отношениях со своим братом и даже начинает проявлять égards² по отношению к нему.

Надеюсь, что жена твоя поправляется. Привет сердечный ей и всей твоей семье от твоего

Ф.Э.

На этой неделе я распорядюсь выслать твоей жене cotton thread,³ которые, надеюсь, ей понравятся.

¹ рабочую хроникку. ² внимание. ³ нитки.

48.

Лондон, 69, Deanstreet, Soho, 2 декабря [1850 г.]

Дорогой Энгельс!

Я был несколько дней серьезно болен, и поэтому ты получишь это письмо вместе с извещением о получении обоих почтовых переводов позже, чем мне этого хотелось. Зейлеру я отослал его 7¹/₂ шиллингов. Что касается [номеров] «Indépendance», то мы оба ему в данный момент ничего не должны, так как он, выбрав подходящее время, дал своему хозяину себя выбросить, оставив ему в качестве компенсации за те 10 фунтов, которые он был ему должен, лишь неоплаченную «Indépendance», движимое имущество на 18 пенсов и две или три книги, одолженные у меня и других. Он действительно in a high degree¹ обладает талантом чисто по-американски ликвидировать превышение своих расходов над доходами.

Великий Гейльберг прибыл сюда со своей soi disant² молодой женой. Я не имел чести видеть этого человечка Тука, который, конечно, прибыл сюда из-за океана гораздо более значительным, — это опасный конкурент для Зейлера. Он совершенно завладел Бамбергером, называет его «братцем» и старую Амшель «тетенькой».

О нашем «Обзрении» еще ничего не читал и не слышал. Веду переговоры с Кёльном об издании трехмесячника.

Частью из-за недорозвья, частью намеренно я встречаюсь с другими в Pulteney stores лишь в официальные дни. Так как эти господа много дебатировали вопрос о том, скучное ли это общество, или нет, я, естественно, предоставляю им самим прийти между собою к соглашению относительно приятности их времяпрепровождения. А сам я показываюсь там редко. Мы оба убедились на опыте, что эти люди тем меньше начинают тебя ценить, чем больше ты отдаешь им свое время. Кроме того мне все это надоело, и я хочу использовать свое время возможно более продуктивно. Друг Шрамм, игравший в продолжение нескольких недель роль недовольного и

убедившийся, наконец, что никто не обнаруживает склонности чинить препятствия естественным сменам его настроений, — все более проникается настроением, характерным для Model-Lodginghouse.³

В Great Windmill царит сильное раздражение по поводу потери 16 ф. с. по приговору суда. Особенно кипит от досады Леман. Его гнев не уляжется, пока Бауэр и Пфендер не будут публично заклеены ворами и преступниками во всех европейских газетах. Маленький Бауэр утверждает, конечно, теперь в приливе морального негодования, что уплата каждой копейки, будь то в пользу Great Windmill, будь то в пользу бедных, является непростительным оскорблением английского суда и «признанием буржуазии».

Между тем великие мужи с Great Windmillstreet имели триумф, как ты увидишь из следующего документа.

К демократам всех наций.

Citoyens! Proscrits réfugiés en Angleterre et mieux placés par cela même pour juger des mouvements politiques du continent nous⁴ (заметь! в этой единственной фразе, смело шагающей через подлежащее и сказуемое, допущена грубая грамматическая ошибка: надобно было бы сказать: et ainsi mieux placés que vous autres pour) имели возможность следить и активно наблюдать за всеми комбинациями союзных держав, готовящихся к новому нашествию на Францию, где (вот отлично!) северных казаков ждут их сообщники, дабы потушить в самом очаге (это родина Бартеlemi и Потье) вулкан мировой революции. Короли и аристократы Европы поняли, что настало время возвести плотину, чтобы сдерживать народные волны (лучше всего было бы сказать народный маразм), которые грозят поглотить их троны. В России, Австрии, Пруссии, Баварии, Ганновере, Вюртемберге, Саксонии, словом — во всех государствах Германии уже объединены многочисленные полки (полки... уже объединены!). В Италии 130 000 человек угрожают границам Швейцарии. Форарльберг занят 80 000-ой армией. Верхний Рейн занят 80 000 вюртембержцев, баденцев и пруссаков. Майн охраняется 80 000 баварцев и австрийцев. В то время как 370 000 человек занимают указанные нами пункты, Пруссия мобилизовала 200 000 солдат, которых она держит наготове (sic!), чтобы бросить их на границы Бельгии и Франции; Голландию и Бельгию коалиции вынудили поддержать предстоящий поход армией численностью в 150 000 человек. В Богемии стоят в полной готовности 150 000 человек и ждут лишь приказа, чтобы соединиться с майнской армией, численность которой тогда будет доходить до 230 000 человек. Возле Вены сосредоточено 80 000 человек. 300 000 русских расположились лагерем в Польше и 80 000 — в окрестностях Петербурга. Эти армии вместе образуют военную силу в 1 300 000 борцов, ожидающих только сигнала к нападению. Позади этих войск стоят еще наготове 180 000 австрийцев, 200 000 пруссаков, 100 000 солдат, поставленных мелкими государствами Германии, и 220 000 русских; все эти армии вместе составляют резерв в 700 000, не считая неисчислимых (sic!) орд варваров, которые московский Аттила готов призвать из глубин Азии, чтобы, как некогда (!), бросить их на европейскую цивилизацию. Немецкие газеты (в примечании специально приводится, чтобы

угодить Люнингу, паршивая фраза из «*Neue Deutsche Zeitung*») и наши *собственные сведения* дают нам возможность раскрыть тайные планы держав, полномочные представители которых собрались 25 октября в Варшаве. На этой (!) конференции было постановлено, чтобы показная война (чорт возьми, вот так дипломатия!) между Пруссией и Австрией послужила предлогом для приведения в движение солдат, которых *воля* царя превращает в слепое орудие и в диких убийц в борьбе против защитников свободы (Браво!). Ввиду этих фактов невозможно больше сомневаться: в данный момент организуют уже начатую (!!) *кровавую расправу* со всеми республиканцами. Ярости наших врагов не могли утолить июньские дни 1848 г. с их кровавыми расправами и последовавшими за ними изгнаниями, — опустошение и порабощение Венгрии Австрией, — предание Италии во власть папы и иезуитов после подавления римской республики солдатами французского правительства. Они мечтают о порабощении всех народов, борющихся за торжество всеобщей свободы. Если демократия не будет достаточно бдительна, Польша, Венгрия, Германия, Италия и Франция будут опять отданы во власть дикой солдатчины Николая, который, желая возбудить варваров к борьбе, обещает предоставить им Европу на поток и разграбление. *Вперед* же, *вперед!* против этой грозящей нам опасности... французские, немецкие, итальянские, польские и венгерские республиканцы, сбросив с себя это оцененное (Шаппер и Виллих!), которое ослабляет наши силы и подготавливает легкую победу нашим угнетателям. *Вперед!* Пусть за нынешними днями бездействия и позора последуют дни трудов и славы, которые нам готовит священная война за свободу! Когда вы ознакомитесь с опасностями, на которые мы вам указываем, тогда вы поймете, как и мы, что было бы безумием дольше выжидать нападения общего врага; мы должны все подготовить и предупредить окружающую нас опасность (Попробуйте-ка предупредить опасность, которая вас *окружает!*) Граждане, демократы-социалисты, наше спасение лишь в нас самих, мы должны рассчитывать лишь на свои собственные силы; наученные опытом прошлого, мы должны вооружиться против предстоящего предательства. Будем избегать, будем в особенности избегать ловушек, подготовленных для нас змеями (!) дипломатии. Ученики Меттерниха и Талейрана рассчитывают в данный момент потушить факел революции, вызвав при помощи подготавливаемого ими нашествия на Францию национальную войну, во время которой народы стали бы истреблять друг друга на пользу врагам их освобождения. Нет, граждане! Не нужно больше национальных войн! Барьеры, воздвигнутые деспотами между нациями, разделенными ими на части, должны быть снесены, и смешавшиеся воедино народы (действительно смешавшиеся) будут впредь иметь лишь одно знамя, на котором мы кровью наших мучеников написали: «*Всемирная демократическая и социальная республика!*»

За свои союзы: Члены комитета изгнанников французских демократов-социалистов в Лондоне: Адам (Комбрер), Бартеlemi (Эмиль), Каперон (Полэн), Фанон, Гутэ, Тьерри, Видиль (Жюль). Делегаты от постоянной комиссии секции польской демократии в Лондоне: Завашкевич, Вашиковский. Члены демократического и социалистического комитета немецких эмигрантов и немецкого рабочего союза: Дитц (Освальд), Геберт (А.), Майер (Адольф), Шертнер (А.), Шаппер (Карл), Виллих (Август). Делегаты венгерского демократического союза: Молилари, Шимони.

Лондон, 16 ноября 1850 г.

Если это не умора, то уж не знаю, что и придумать.

Когда я прочитал манифест [Ледрю] Роллэна, Мадзини, Руге и т. д. к немцам, в котором их призывают петь песнь борцов, напоминают им, что их предки назывались «франками», и в котором говорится, что прусский король уже вошел в соглашение с Австрией, чтобы дать ей разбить себя, — то я полагал, что не может быть ничего глупее этого. Mais non!⁵ Появляется манифест Ганон-Каперон-Гутэ, — как «Patrie» его называет, «deorum minorum gentium»⁶, — с тем же содержанием, как правильно было замечено, но без шика, без стиля, с самыми жалкими цветами красноречия, вроде «serpents»⁷, и «sicaires»⁸ и «éborgements».⁹ Приводя несколько строк из этого шедевра, «Indépendance» замечает, что он составлен «par les soldats les plus obscurs de la démocratie»,¹⁰ а эти несчастные послали свое воззвание корреспонденту этой газеты в Лондоне, несмотря на то, что она консервативна. Так жаждали они напечатания. В наказание она не называет *ни одного* имени, а «Patrie» называет только три вышеупомянутых. Для полноты несчастья они пересылают через одного ремесленника (этот же субъект рассказывал вчера эту печальную историю Пфендеру) 50 экземпляров для Франции. Недалеко от Булони он 49 штук выбросил в море, а в Булони он ввиду отсутствия у него паспорта был возвращен в Лондон и рассказывает, что «теперь он собирается в Бостон».

Будь здоров и отвечай немедленно твоему

К. Марксу.

Кстати. Напиши же, наконец, уважаемому Дронке, чтоб он отвечал на письма по делам Союза и писал не только в случаях неотложных. Господа кёльнцы еще ничего о себе не дали знать. Вейдемейер упоминает Гауде, который жестоко поплатился в Германии, а теперь опять находится здесь; он его считает «в общем славным парнем».

Ты должен серьезно подумать, о чем тебе написать. Англия не подходит, так как об этом уже имеются две статьи, а вместе с Эккариусом, пожалуй, и все три. О Франции тоже много не скажешь. Быть может, ты смог бы, в связи с новейшими произведениями Мадзини, взять, наконец, за шиворот этих дрянных итальянцев вместе с их революцией? (Его «Республика и монархия» и т. д. и его «Религия, папа» и т. д.)

[Приписка госпожи Маркс.]

Дорогой господин Энгельс!

Ваше дружеское участие к нам в связи с нанесенным нам судьбой тяжелым ударом — потерей нашего маленького любимца, моего бедного, стойвшего мне стольких страданий крошки, — принесло мне большое облегчение, тем более,

что в последние тяжелые дни я имела все основания горько жаловаться на нашего друга Ш[рамма]. Моему мужу и всем нам сильно недоставало вас, и мы часто тосковали по вас. Все же я рада, что вы уехали отсюда и находитесь на верном пути к тому, чтобы стать крупным Cotton-lord.¹¹ Постарайтесь только поосновательнее вклиниться между обоими враждующими братьями; эта борьба сделает вас необходимым вашему почтенному папаше, и мысленно я уже вижу вас в качестве Фридриха Энгельса junior и компаньоном вашей фирмы. Но самое лучшее при этом все же то, что вы, несмотря на Cottontrade¹² и прочее, останетесь прежним Фритцем и, говоря языком трех архидеократов, Фридриха-Вильгельма [четвертого], Кинкеля и Мадзини, не отойдете от «священного дела свободы». Карл уже писал вам о здешной грязи; я еще только кое-что прибавлю. Толстый мужлан Гауде в своем клеветническом турне по Германии потерял весь свой жир и очень неловко себя чувствует, когда он кого-нибудь встречает. К диктатору Гишпопотаму, говорят, прибыл маленький гишпопотам сомнительного происхождения, и рыцарь Great Windmill Виллих Гогенцоллерн увеличил свою благородную свиту несколькими негоднями и разбойниками с большой дороги. Наша собственная публика перебивается изо дня в день с помощью нескольких одолженных пенсов. Рингс зарабатывает теперь кое-что в качестве клакера у герцога Брауншвейгского, который опять произносит речи перед судом. — На последнем польском празднике, где соединились французские, немецкие, венгерские и польские филистеры (Виллих, Фиески, Адам и др.), дело чуть не дошло до драки. Кроме этого мы ничего не слышали об этой шайке.

Вчера вечером мы были на первой лекции Эрнеста Джонса об истории папства. Его лекция была очень хороша и для англичанина прямо выдающаяся; для нас, немцев, «прогнанных сквозь строй» Гегелем, Фейербахом и т. д., она была не вполне à la hauteur.¹³ Бедный Гарни был при смерти; у него был нарыв в дыхательном горле. Ему еще нельзя говорить. Английский врач дважды оперировал его и не попадал на большое место. Его «Red [Republican]»¹⁴ превратился в «Friend of the People». ¹⁵ Ну, на сей раз хватит. Дети много говорят о дяде Ангельсе, а маленький Тилль, следуя вашим почтенным инструкциям, дорогой господин Энгельс, великолепно поет песню о «старой шубе и лихом веннике».

Рождество, я надеюсь, вы проведете у нас.

Ваша Женни Маркс.

¹ в высочайшей степени. ² так сказать. ³ образцового меблированного дома. ⁴ Граждане! Изгнанники-эмигранты в Англии, *уже вследствие одного этого* поставленные в более благоприятные условия для того, чтобы судить о политических движениях на континенте, мы. ⁵ Но нет. ⁶ богов низшего разряда. ⁷ змей. ⁸ убийц. ⁹ перерезывания глоток. ¹⁰ самыми незначительными солдатами демократии. ¹¹ хлопчатобумажным лордом. ¹² торговлю хлопком. ¹³ на высоте. ¹⁴ «Красный республиканец». ¹⁵ «Друга народа».

Дорогой Маркс!

Последнее время я был исключительно занят, и кроме того были и другие препятствия, выбившие меня из моей обычной

колеи и помешавшие мне писать. Этим объясняется мой запоздалый ответ.

Манифест Ганон-Каперон-Гутэ действительно шедевр и по содержанию, и по форме. *Grânerie*¹ достигло здесь своего совершеннейшего выражения, и господин Бартелеми дал, наконец, миру пример того, *ce que c'est que de parler carrément*.² Военные построения этого «*homme de marine*»³ также весьма наивны: этот *bonhomme*⁴ большую часть корпусов австрийской армии считал дважды, как легко убедиться даже при самом поверхностном *référéncé*⁵ из газет. Впрочем, это уж слишком большое бесстыдство, в особенности со стороны французских «*sarapauds*»⁶ после всех позорных провалов, начиная со времени 1848 г., и при нынешнем «благодушном» настроении всех наций кричать о *marée populaire, qui menace d'engloutir des trônes*.⁷ Коллекция имен, подписанных под манифестом, является самой прекрасной *feature*⁸ этого произведения. Такого европейского конгресса еще никогда не было. Ледрю-Р[оллэн], Мадзини и компания приобретают благодаря этому ребячеству некоторое значение. Впрочем, я желал бы знать, чем эта тряпка Завашкевич, подписавшийся под манифестом, отличается от Ледрю-Р[оллэновского] поляка — Дараша, и в какой мере обоих подписавшихся венгров можно предпочесть Мадзини. Шаппер и Руге, конечно, стоят друг друга, и если только этот никудышный Дитц своею тяжестью не склонит чашки весов на сторону нового европейского комитета, то вряд ли эти господа выдержат конкуренцию со своим оригиналом.

Недавно я был у Джона Уотса; парень, кажется, недурно торгует; его магазин в Денсгете, расположенный теперь несколько выше, значительно расширился. Он стал настоящим радикальным мечтателем, ничем не интересуется, кроме *educational movement*,⁹ мечтает о «*moral force*»¹⁰ и признал господина Прудона своим учителем. Он перевел «*Contradictions économiques*»¹¹ и другие вещи и потерял при этом много денег, так как английские рабочие еще недостаточно хорошо «воспитаны», чтобы понимать эти замечательные вещи. Он рассказал мне много разных вещей, из которых видно, что он прекрасно умеет развивать свое портняжное дело путем афиширования своего буржуазного либерализма. В *Educational Committees*¹² он заседает в братском единении со своими прежними ярыми врагами, диссентерскими попами, и время от времени берет у них банковские билеты «*for the very able address he delivered on that evening*».¹³ Благодаря этой метаморфозе он потерял всякую привлекательность; с тех пор я у него больше не был. Для людей, проделавших подобное превращение и ставших солидными

буржуа, Прудон, естественно, является настоящей находкой: идя как будто весьма далеко, дальше Оуэна, он все же остается fully «respectable». ¹⁴

Я ничего не имею против того, чтобы писать о господине Мадзини и истории Италии. Мне недостает только, кроме вещи, напечатанной в «Red Republican», всех сочинений Мадзини. До Рождества мне, однако, ничего не удастся сделать, так как через неделю я ведь буду в Лондоне. Тогда я и заберу с собой все, что мне нужно. Возможно, что до того времени нам придет еще что-нибудь в голову.

Глубочайшая благодарность твоей жене за ее дружеские строки. С превращением в хлопчатобумажного лорда дело обстоит не так уж скверно; мой старик, кажется, совсем не склонен держать меня здесь дольше, чем это абсолютно необходимо. Cependant nous ver-
rons. ¹⁵ Петр Эрмен шмыгает здесь все время, как лиса, у которой хвост застрял в железных тисках, и старается меня выжить путем интриг. Этот болван думает, что может меня разозлить. Дронке написано.

Привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

¹ Хвастовство. ² что значит говорить начистоту. ³ человека из гранита. ⁴ про-
стак. ⁵ просмотре. ⁶ филистеров. ⁷ о народных волнах, грозящих поглотить троны.
⁸ чертой. ⁹ педагогического движения. ¹⁰ моральной силе. ¹¹ «Экономические
противоречия». ¹² просветительных комитетах. ¹³ за весьма дельный доклад,
прочитанный им в этот вечер. ¹⁴ вполне respectable. ¹⁵ Впрочем, увидим.

50.

[Госпожа Маркс — Энгельсу.]

Лондон, 19 декабря [1850 г.]

Дорогой господин Энгельс!

По поручению Карла посылаю вам сегодня 6 экземпляров «Новой рейнской газеты». Гарни, которому немного лучше, просит вас послать один экземпляр Элен Макферлан. Подумайте, подлец Шуберт отдает 300 экземпляров Эйзену только за налпчные, и осел Наут совсем вне себя. Карлу поэтому приходится писать массу писем, а вы знаете, как ему это трудно. Кёльнская булла против Виллиха и товарищей прибыла вчера вместе с новыми статутами, циркулярами и т. д. Кёльнцы, в виде исключения, были на сей раз энергичны и активны и выступили против этой низкой шайки. Подумайте, Виллиху мало было его позора с Гапон-Каперонским манифестом, — эти великие люди выпустили второе послание, и Виллих пошел так далеко, что послал красному Беккеру три декрета для передачи кёльнскому ландверу, в которых он отсюда приказывает — восставать, провозглашать в каждой роте временное правительство, сменять все гражданские и военные власти и в необходимых случаях расстреливать. А кёльнский ландвер сидит себе вновь уютно в замке отцов своих и на

хладных берегах Рейна устраивает попойки. Если Виллиху не место в сумасшедшем доме, то я уж не знаю, кому там место. Шанпер достал паспорт из Гамбурга, чтоб взять на себя эмиссарские обязанности Гауде. На здоровье, гиппопотам!

Дронке тоже написал. Жена Моисея убедила своего мужа, что он является главой коммунистов. Но вы ведь скоро здесь будете и сами увидите и услышите про все события. [Пропуск]... напали ночью на красного Вольфа и побили его. На следующий день после приговора Виллих его выкупил за 20 шиллингов.

Мы все радуемся, что вас скоро увидим.

Ваша *Женни Маркс*.

1851 год.

51.

6 января [1851 г.].

Дорогой Энгельс!

Ты очень меня обяжешь, выслав мне, s'il est possible,¹ деньги с обратной почтой. Моя хозяйка very poor; ² я ей не платил уже две недели, и она яростно ко мне пристаёт.

Вчера на районное заседание явился Вольф, но не было Либнехта и Шрамма. После того как новый устав был принят, я отложил эту ерунду на неопределенное время.

Твой К. М.

Наше «Обозрение», вероятно, скоро, появится в Швейцарии. Итак, пиши something ³ для того, чтобы в случае надобности у меня была рукопись ready.⁴

¹ если возможно. ² очень бедна. ³ что-нибудь. ⁴ наготове.

52.

Лондон, 7 января 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Пишу тебе на сей раз, чтобы предложить тебе *questiuncula theoretica*.¹ Конечно, *naturae politico-economicae*.²

Ты знаешь, чтобы начать *ab ovo*,³ что согласно теории Рикардо рента представляет собою не что иное, как разницу между издержками производства и ценой земледельческого продукта, или, выражаясь его словами, — разницу между ценой, по которой должна продавать самая худшая земля, чтобы вернуть свои издержки (включая в издержки прибыль арендатора и проценты на его капитал), и ценой, по которой может продавать самая лучшая земля. Согласно его учению, повышение ренты доказывает, по его собственному изложению, следующее:

1. Приходится прибегать к землям все худшего качества, или, другими словами, одно и то же количество капитала, последовательно прилагаемое к одному и тому же участку земли, дает неодинаковый

продукт. Одним словом, земля ухудшается по мере того, как население предъявляет к ней все большие требования. Она становится относительно все менее плодородной. Это-то и послужило Мальтусу реальной почвой для его теории населения, и его ученики ищут теперь в этом свой последний якорь спасения.

2. Повышение ренты (по крайней мере, *законное с экономической точки зрения*) возможно лишь тогда, когда повышаются цены на хлеб; она должна падать с их падением.

3. Если повышается *вся сумма ренты целой страны*, то это можно объяснить лишь тем, что большое количество относительно худшей земли пошло под обработку.

И вот эти три propositions⁴ везде опровергаются историей.

1. Нет сомнения, что с прогрессом цивилизации в обработку поступают все худшие земли. Но столь же мало подлежит сомнению, что эти «худшие земли» относительно хороши по сравнению с теми, которые раньше считались хорошими; причина этого заключается в прогрессе науки и индустрии.

2. Начиная с 1815 г. цены на хлеб упали с 90 до 50 шиллингов и ниже — накануне отмены хлебных законов; они падали нерегулярно, но непрерывно. Рента же постоянно возрастала. Так было в Англии, *mutatis mutandis*⁵ и повсюду на континенте.

3. Мы наблюдаем во всех странах, как это отметил еще Петти, что, когда падают цены на хлеб, повышается общая сумма ренты в стране.

При всем этом главной задачей остается — примирить закон о ренте с увеличением плодородия вследствие прогресса сельского хозяйства; и только таким образом можно будет, с одной стороны, объяснить исторические факты, а с другой стороны — устранить мальтусовскую теорию об ухудшении не только рабочей силы, но и земли.

Я полагаю, что дело можно объяснить очень просто следующим образом.

Положим, что при данном состоянии земледелия цена квартера пшеницы равна 7 шиллингам, а акр земли лучшего качества, приносящей ренту в 10 шиллингов, дает урожай в 20 бушелей. Доход с акра составляет таким образом 20×7 или $= 140$ шиллингам. Издержки производства составляют в данном случае 130 шиллингов. 130 шиллингов представляют собой, таким образом, цену продукта худшего из обработанных участков земли.

Положим, наступает всеобщее улучшение обработки земли. Предполагая это, мы одновременно принимаем и то, что наука, промышленность и население находятся в состоянии роста. Увеличи-

вшею вследствие этого плодородие земли имеет своей предпосылкой означенные условия в отличие от случайного урожая, вызванного благоприятной погодой.

Пусть цена пшеницы падает с 7 до 5 шиллингов за квартал. Самая лучшая земля, № 1, приносившая прежде 20 бушелей, теперь приносит 30 бушелей. Она приносит теперь, таким образом, вместо 20×7 , или 140 шиллингов, 30×5 , или 150 шиллингов. Это означает ренту в 20 шиллингов вместо прежней в 10. Самая скверная земля, не приносящая ренты, должна производить 26 бушелей, так как согласно нашему предположению ее необходимая цена составляет 130 шиллингов, а 26×5 тоже 130. Если улучшение не является всеобщим, т. е. прогресс науки, идущий рука об руку с всеобщим прогрессом общества, населения и т. д., не является настолько значительным, чтобы самый худший из обрабатываемых участков мог приносить 26 бушелей, то цена на хлеб не может пасть до 5 шиллингов за квартал.

Эти двадцать шиллингов ренты попрежнему выражают разницу между издержками производства и ценой хлеба на лучшей земле или между издержками производства на самой худшей земле и на самой лучшей. Отношение между степенью плодородия различных земель не изменилось. Но общий уровень *плодородия* увеличился.

При этом сохраняется только та предпосылка, что если цена на хлеб падает с 7 до 5 шиллингов, то потребление, [т. е.] спрос на него, возрастает в той же степени, или что производительность не превышает спроса, который можно ожидать при цене в 5 шиллингов. Насколько это предположение было бы неправильным, если бы падение цены с 7 до 5 шиллингов объяснялось исключительно богатым урожаем, настолько оно необходимо при росте плодородия постепенном и созданном самими производителями. Во всяком случае здесь речь идет только об экономической возможности этой гипотезы.

Отсюда вытекает:

1. Рента может повышаться несмотря на то, что цены на продукты земледелия падают, и все же *закон Рикардо остается правильным.*

2. Закон ренты в той общей формулировке, которую Р[икардо] дал, и независимо от дальнейшего развития этого закона у Рикардо, предполагает не уменьшение плодородия земли, а лишь различную степень плодородия отдельных земельных участков или же различные результаты, получаемых от последовательного приложения капитала к одной и той же почве, — различие, которое существует *несмотря на всеобщее увеличение плодородия земли в связи с развитием общества.*

3. Чем более всеобщим является улучшение почвы, тем больше разных земель оно будет охватывать, и общая сумма ренты всей страны может возрастать несмотря на то, что цены на хлеб в общем падают. Если мы возьмем прежний пример, то вопрос сводится лишь к тому, как велико будет число тех участков, которые производят больше чем 26 бушелей по 5 шиллингов (но меньше 30 бушелей), т. е. как велико разнообразие качеств различных участков, которые занимают среднее место между худшим и лучшим участками. Это не касается ratio ⁶ ренты, даваемой самой лучшей землей. Это непосредственно не касается ratio ренты вообще.

Ты знаешь, что самым любопытным в ренте является то, что она создается благодаря выравниванию цен на продукты, произведенные при различных издержках производства, но этот закон рыночной цены является лишь законом буржуазной конкуренции. Однако, даже после устранения буржуазного производства остается то затруднение, что земля становится относительно менее плодородной, что последовательное приложение того же количества труда будет давать меньшие результаты, хотя тогда, в отличие от буржуазного строя, продукт лучшей земли не будет столь же дорог, как продукт худшей. Это затруднение отпадает при вышеприведенном рассуждении.

Прошу тебя высказаться по этому вопросу.

В награду за то, что я заставил тебя поскукчать над этой ерундой, посылаю тебе на предмет развлечения целую кучу писем д-ра *Магнуса Гросса*⁷ (вдвойне большого Гросса; самого большого Гросса!) из Цинцинати. Ты увидишь, что если *Monsieur Гросс* не grand,⁸ то он во всяком случае gros.⁹ Теллеринг II in pise.¹⁰ Впрочем, все кобленцы похожи друг на друга. Отошли мне эту вещь обратно, а если у тебя есть время и охота, пришли несколько строк для Дронке.

Твой К. М.

¹ небольшой теоретический вопрос. ² из области политической экономии. ³ с самого начала. ⁴ положения. ⁵ с известными изменениями. ⁶ нормы. ⁷ игра слов: magnus по-латыни и gross по-немецки означают одно и то же: великий, большой. ⁸ большой, великий. ⁹ непереводаемая игра слов между немецким gross—большой и французским gros—толстый. ¹⁰ в чистом виде.

53.

[Госпожа Маркс — Энгельсу.]

[Начало января 1851 г.]

Дорогой господин Энгельс!

Отправляю вам, по поручению моего мужа, письмо для Веерта. Отправьте его, пожалуйста, вместе с вашими письмами. Красный Вольф смастерил новую

пару сапог с машинками, гражданин Либнехт становится с каждым днем все серьезнее и добродетельнее. Шрамм предается унынию и его больше не видно. Дети кланяются Энгельсу, а муж мой в библиотеке, где он убивает свое время.

Сердечно кланяюсь вам

Женни Маркс.

54.

Манчестер, 8 января 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем P[ost] O[ffice] O[rdr]e¹ на один фунт, выполнение формальностей остается по-старому. Мой покупатель — наш приказчик — в последнее время повидимому сильно израсходовался и не хочет брать у фирмы слишком много денег сразу. Он не хочет входить в эту сделку, — а я не оказываю на него, *cela se conçoit*,² слишком большого давления. Сам я благодаря нашим лондонским путевым издержкам сильно израсходовался, иначе я с удовольствием выслал бы тебе всю сумму; таким образом, я вынужден сегодня ограничиться исполнением долга обычного *consignee*³ и выслать тебе половину стоимости в зачет. Вторая половина последует самое позднее в первых числах февраля; возможно, и раньше, а именно когда моему старику будет отослано фирмой письмо, содержащее в себе все уплаченные мне суммы.

[Эрнест] Джонс был здесь и выступил против своих врагов *in public meeting*⁴ в их собственном помещении. Ему возражали Лич и Донован. Дебаты не были таковы, какими я их ожидал. Мелкие военные хитрости с обеих сторон, много «*chronique scandaleuse*»,⁵ которая могла послужить развлечением от скуки лондонской жизни. Джонс превосходит своих противников своим декламаторским талантом. Лич, напротив, чрезвычайно невозмутим, но местами ужасно абсурден. Донован — ограниченный интриган небольшого масштаба. Впрочем, благодаря «N[eu]e R[heinische] Z[eitung]» и моему присутствию Джонс был вынужден объявить себя «*red republican*»⁶ и сторонником национализации *of landed property*,⁷ Лич, напротив, выступил в качестве решительного сторонника *cooperative societies*,⁸ отчасти и потому, что они отвергают политическую агитацию. Впрочем, этих обществ в Ланкашире очень много, и Джонс и его друзья опасаются, что при всяком соглашении между ними и чартистами они могут овладеть чартистским движением. Это обстоятельство объясняет некоторые из тех уступок, которые Гарни считал нужным им сделать.

В результате выступления здесь Джонса произошло все то, чего мы ждали; в качестве вопроса, подлежащего разрешению между ним

и манчестерским «Советом чартистов», он выдвинул пункт о признании лондонского Исполнительного комитета. Голоса разделились поровну, несмотря на то, что Лич и компания имели в своем распоряжении около трех часов, чтобы стянуть на собрание своих людей, и что их пришло изрядное количество. Вначале, когда состав слушателей был чисто случайным (Лич рассчитал, что Д[жонс] не может здесь быть раньше 9 часов, а тот вовремя и явился уже в 8, что Л[ичу] пришлось очень не по душе), Джонса встретили с энтузиазмом.

В обществе чартистов, которых он желает склонить на свою сторону или привязать к себе, Джонс отнюдь не так наивен, как в нашей среде. He is very wide awake.⁹ Пожалуй, даже чересчур; — мы-то во всяком случае «видим, куда он метит».

Из друзей Г[арни] здесь один — скучный шотландец с беспредельными чувствами и потому с бесконечными речами; другой — маленький, решительный и горячий парень; степень его интеллектуальных способностей мне еще не ясна; третий, о котором Гарни мне ничего не говорил, Робертсон, кажется мне наиболее разумным из всех. Я постараюсь организовать с этими парнями маленький клуб или регулярные встречи и буду с ними обсуждать Манифест. У Гарни и Джонса здесь много друзей, а у О'К[оннора] много тайных врагов, но пока он не совершит какого-нибудь акта, компрометирующего его публично в крупном масштабе, — его здесь официально свалить не удастся. Впрочем, Д[жонс] выражался на собрании о нем и о Рейнольдсе так непочтительно, как только было возможно.

Хорошее известие, касающееся меня, сообщил мне на-днях мой зять: мой предполагаемый американский компаньон был в Лондоне, и после состоявшейся между ними обоими беседы выяснилось, что я не тот человек, который нужен в его деле. Таким образом, вопрос об Америке отложен на неопределенное время, так как теперь без моего согласия не может быть выработан ни один новый проект.

Сердечный привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

¹ почтовый перевод. ² разумеется. ³ товарополучателя. ⁴ на публичном собрании. ⁵ скандальной хроники. ⁶ красным республиканцем. ⁷ земельной собственности. ⁸ кооперативных обществ. ⁹ Он весьма себе на уме.

Дорогой Энгельс!

Ты taciturne comme la mort.¹ При сем посылаю тебе: 1) заявление Освальда Дитца против Пфендера и Бауэра в «Basler National-

Zeitung); 2) клеветническую статью, состряпанную против нас господином А. Руге вместе со Струве и Виллихом. Ты должен не позже, чем через два дня, отослать мне эту дрянь и сказать, что мы должны предпринять против № 2. Если бы ты вздумал написать нечто вроде объяснения, то пришли его также мне. К. Шрамм сам выпустил свое объяснение.

Что ты скажешь по поводу мастерского произведения Атта Тролля [Руге] и скрывающегося за ним «выдающегося решительного мужа Струве», а также и «бравого Виллиха»? *C'est un peu fort.*² Газета случайно попалась мне под руку у Бамбергера. Кто вообще читает «*Vremer Tageschronik*», орган демократии?

Бауэр и Пфендер, конечно, не ответят. Для них в данный момент молчание во всяком случае — самое лучшее.

Я еще не имею никаких известий ни от Шабелица, который хотел взять на себя продолжение издания нашего «Обозрения», ни от Беккера, который хотел взяться за издание моих сочинений. Все мои шаги по отношению к господину Шуберту пока ни к чему не привели. Если Гаупт сможет найти адвоката, который возьмет на себя это дело, то он затеет против него процесс.

Как поживают Мэри и Лицци? И прежде всего, как ты сам поживаешь? Гарни был как-то вечером у меня вместе с Пипером, Эккариусом и др. и был хорошо настроен, пока его «драгоценная супруга» не утащила его почти насильно; «*halb zog sie ihn, halb sank er hin*».³

Твой К. М.

¹ молчалив, как смерть. ² Это уж слишком. ³ наполовину она его увлекла, наполовину он сам склонился к ней.

56.

Манчестер, [25 января 1851 г.] суббота.

Дорогой Марк!

Je te trouve joli en me disant que je suis taciturne comme la mort,¹ но я все же воздержусь от такого же упрека тебе.

Низкое вероломство померанского гражданина Руге в самом деле переходит все границы. Проще всего будет, если ты напишешь объяснение, которое мы оба подпишем. Отдельные личные замечания, если они необходимы, могут быть прибавлены в виде примечаний и подписаны каждым из нас в отдельности. Я не знаю, нужно ли, чтобы я *privatim*² еще что-нибудь прибавил, разве только, что я в своем положении коммерсанта сохранил свою полную независимость и что мои принципалы не могут приказывать мне подписывать трогательные обращения к *bon Dieu*,³ подобно тому как господину

Руге приказывает его начальник Мадзини, несмотря на все его прежнее атеистическое бахвальство; далее, о том, что я избрал этот путь, чтобы не быть поставленным в необходимость жить демократическим попрошайничеством, что весьма по душе разным мешанам, выдвинутым против нас господином Руге, или приписать еще что-нибудь в этом роде. Скажи мне, считаешь ли ты это необходимым.

Статья, полная нравственного негодования и колоссального вранья, дает, впрочем, прекрасный материал для убийственной насмешки. Она вместе с тем наводит на след интриг Руге. Что господин Руге и европейский комитет Мадзини могли сильно ошарашить благородного попа Дюлона и что среди этих северо-германских и нижне-саксонских плаксивых демократов, подправленных бременским водянистым беллетристическим соусом, могла быть найдена единственно подходящая почва для возвышенных мадзиниевских манифестов в Германии — чрезвычайно естественно. Дружба этих господ должна была найти в Ронге-Мадзини и вернувшемся к богу Руге желанных союзников, а честь состоять в официальной переписке с величайшими людьми европейской честной демократии в качестве «немецкого комитета» должна была, конечно, заставить мягкотелого попа Дюлона быть снисходительным к тому, что к «фривольным» и безбожным господам из «N[eu]e R[heinische] Z[eitung]» относились с величайшей низостью. Руге также стал храбрым лишь с тех пор, как он вообразил, что Revue⁴ умерло. Но я думаю, что он ошибается и что ему скоро придется получить порядочную встряску.

Может быть, стоило бы, — так как мы ведь не можем поднять большого шума по поводу этой статьи и не можем ответить иначе, чем в повседневной хронике, — потихоньку обработать Дюлона через его друга, красного Беккера? После этих низостей мы даже не уверены в том, что ответ наш будет принят.

Но ясно, как день, что глупая манера Шрамма и его необдуманное бахвальство у его брата, если судить по этой статье, только придало этим ослам духу разразиться в такой грубой форме против нас, «одиноких и всеми оставленных». Этот человек теперь сам увидит, орудием какой подлости он стал, и он должен также понять, что своей глупостью он больше вредит себе, чем другим. Великий Руге даже не оказывает ему и наполовину такого внимания, какое оказывает Теллерингу. «К. Шр[амм] неподражаем!» Что подельвает теперь этот молодец? *Cette affaire est de peu d'importance.*⁵ Лживые и плохо понятые сплетни. Тяжеловесные и непонятные инсинуации и моральное чванство — nous avons soutenu, Dieu merci, de bien autres

charges! ⁶ Неприятно только, что эта история очень расстроит твою жену, а это весьма нежелательно при теперешнем ее состоянии.

Европейский комитет я основательно проберу на следующей неделе в «Friend of the People»; я указал на это П[арни]. Я теперь должен кончить, закрывается контора, а вслед за этим и почта. В следующий раз напишу больше.

Твой Ф. Э.

¹ Замечательно мило, когда ты говоришь, что я молчалив, как смерть. ² частным образом. ³ господу богу. ⁴ Обозрение. ⁵ Это дело не имеет большого значения. ⁶ мы, слава богу, переносили и не такие атаки.

57.

27 января 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Вместе с этим ты получишь заявление для подписи. Дюлону можно его *совсем не посылать*, потому что Руге стал одним из *собственников* «Bremer Chronik». Надо послать его в консервативную газету, в «Weserzeitung» в Бремене. Напиши в эту редакцию, когда ты пошлешь заявление. Скажи им, чтобы они посылали нам два экземпляра в Лондон по моему адресу, 28 Deanstreet, и вместе с тем сообщили бы, сколько стоит объявление и как за него надо платить. Не забудь также оплатить письмо.

Так как надо спешить к отходу почты, прибавлю еще следующее:

1. Отослал ли ты *Веерту* то письмо, которое моя жена прислала тебе?

2. Получил ли ты письмо, в котором я тебе послал *мазню д-ра Магнуса Гросса* и т. д. и по поводу чего я хотел бы иметь твой ответ? Получил ли ты его? В случае, если ты его не получил, *я прошу тебя вытребовать его немедленно на почте*. Я послал тебе это письмо на следующий день после *получения твоего письма*, т. е. приблизительно *две недели тому назад*. Отвечай тотчас же и сообщи, одобряешь ли ты заявление.

Твой К. М.

Особые примечания к заявлению я считаю излишними.

P. S. Не забудь также написать бременской редакции, т. е. редакции «Weserzeitung», чтобы она соблюдала порядок и поместила заявление Шрамма *после* нашего, а не *перед* ним. А пронос! ¹ Если ты в самом деле не получил тех двух писем, то напиши мне после того, как ты сам наведешь справки в Манчестере, *по-английски*, как я должен писать главному начальнику почты. В письме, посланном тебе

две недели тому назад, я сообщил тебе новый взгляд на земельную ренту, относительно которого я должен знать твое мнение.

Твой К. М.

[Приписка В. Пунера.]

Дорогой Энгельс, спешу сообщить тебе, что Маркс ужасно возмущен твоим полным молчанием относительно его новой теории земельной ренты, о которой он недавно писал тебе. Маркс живет очень уединенно, единственные его друзья, это — Джон-Стюарт Милль и Ллойд. Когда к нему приходишь, то вместо приветствий он встречает тебя экономическими категориями. *On ne peut pas vivre qu'avec toi, après tout;*² кто хочет жить не экономическими вопросами, как привык я, должен, ввиду того, что здесь нет никого, предаваться тихим экстравагантностям. Я, между прочим, стараюсь кое-что переводить, отчасти я делаю попытки собственных стилистических упражнений, но я еще сильно сомневаюсь, выйдет ли у меня что-либо солидное. Я очень рад, что ты бодр, и скоро напишу тебе более связано.

Сердечно кланяется тебе

В. Пунер.

¹ Кстати. ² В конце концов можно жить только с тобой.

58.

Среда вечером 29 января [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Твое молчание и твое удивление по поводу моего молчания для меня во всяком случае неожиданно выяснилось, после того как моя старая ведьма-домохозяйка *after some sharp cross examination*¹ извлекла сегодня из кучи книг в моей комнате твое письмо от 7-го с. м., пролежавшее там с 8 января. Я в ту ночь не был дома, и сия особа положила это письмо просто на книги; потом во время уборки она второпях положила другую книгу сверху, а так как эта груда книг оставалась все время нетронутой, то без твоих указаний это письмо могло бы там пролежать до второго пришествия. Этого не случилось бы, если бы я в этот месяц вместо физиологии занимался русским языком.

Во всяком случае твои новые соображения о земельной ренте вполне правильны. Устанавливаемое Рикардо постоянное уменьшение плодородия земли, связанное с ростом населения, никогда не было мне ясно, точно так же никогда я не мог найти доказательств для устанавливаемого им постоянного роста хлебных цен. Но при моей обычной лености *en fait de théorie*² я ограничился внутренним протестом моего лучшего «я» и никогда не пытался расследовать этот вопрос до основания. Не подлежит никакому сомнению, что твое

разрешение вопроса правильно, и это дает тебе лишнее основание на звание эконома земельной ренты. Если бы на земле еще существовали право и справедливость, то вся совокупность земельной ренты, хотя бы за один год, должна была бы принадлежать тебе, и это было бы еще самым малым, на что ты мог бы претендовать.

Я также никогда не предполагал, что основной смысл теории земельной ренты Рикардо заключается в том, что он определяет земельную ренту как разность производительности разных земель и для доказательства этого положения, во-первых, не приводит никаких других моментов, кроме введения в оборот все худших земель; во-вторых, совершенно игнорирует прогресс земледелия и, в-третьих, наконец, почти совсем оставляет в стороне введение все худших земель и вместо этого оперирует утверждением, что капитал, который будет прилагаться последовательно на определенном участке земли, все меньше будет способствовать увеличению доходности. Насколько ясно было подлежащее доказательству положение, настолько чужды были этому самому положению мотивы, приводимые для его доказательства, и ты, наверное, вспомнишь, что я уже в «Deutsch-Französische Jahrbücher», вопреки теории о возрастающей неплодородности, ставил вопрос о роли прогресса научной агрикультуры; я сделал это, конечно, в еще совершенно общей форме и очень crudе.³ Ты теперь этот вопрос разобрал до конца, и это лишнее основание для тебя спешить с окончанием и изданием «Экономии». Если бы ты мог дать статью о земельной ренте для какого-нибудь английского обозрения, это произвело бы огромное впечатление. Подумай об этом. Je me charge de la traduction.⁴

Прилагаю господина Великого-Большого [Gross-Gross]. Скоро я пошлю тебе несколько строк для милого Дронке, сегодня же вечером меня слишком сильно клонит ко сну, чтобы я был в состоянии сделать еще что-нибудь. Порядочная банда негодяев, эти Гросс, Вильгельми и прогрессистский памфлетист из Цинцинатти [Л. А. Гине]! Эти молодцы, очевидно, действительно убеждены, что мы находимся при последнем издыхании в физическом, моральном и интеллектуальном отношении, иначе они не могли бы делать нам подобное предложение. C'est amusant cependant.⁵ И я искренне смеялся над этими захоластными спасителями общества и их предложениями, с гонораром для Дронке. «Острое и соленое» доктора Зигфрида Вейса outdone⁶ «красным, пикантным, саркастическим, многогранным» «Адониса давно забытой красавицы». Que Dieu le bénisse!⁷

Объяснения вместе с необходимыми инструкциями завтра будут отправлены в Бремен. Господин Шрамм мог бы переписать свое

объяснение. Благодаря тому, что оно небрежно написано, вероятно, создастся путаница.

Здесьняя о'конноровская конференция свелась к чистому шарлатанству. Она, представляющая якобы весь английский чартизм, состоит из *восьми* человек, представляющих четыре города: Манчестер, Брэдфорд, Варрингтон и Сауэрби. Из них Варрингтон и Брэдфорд находятся в оппозиции и согласны с исполнительным комитетом. Мэнтль, представляющий Варрингтон, резко издевается над большинством; он открыл proceedings⁸ предложением, чтобы конференция, seeing their utter insignificance and contemptibility,⁹ постановила немедленно разойтись по домам; завтра он вынудит у них вотум доверия исполнительному комитету, следовательно и Гарни и Джонсу, и за этот вотум должен будет голосовать и О'Коннор. Когда был поставлен вопрос: примкнуть ли к сторонникам финансовых реформ, 3 голосовали за, 2 против, 3 воздержались, среди них О'Коннор, которого Мэнтль, к сожалению, запугал своим наглым поведением; иначе он голосовал бы за и скомпрометировал бы себя непоправимо и на веки. Большинство конференции составляют О'Коннор, Лич, Мак-Грат, Кларк и некий Герст. Господин Томас Кларк произнес в понедельник во время обеда, данного в честь О'Коннора, следующий тост: The queen: her rights and no more; the people: their rights and no less.¹⁰ Мэнтль, недипломатическая забубенная головушка, и на этот раз помешал О'Коннору встать во время этого тоста и выпить за него.

Письмо к Веерту отправлено и через несколько дней должно быть у него, если он не забрался слишком далеко в глубь Марокко.

«Ограничиваемся на сей раз этим».

Твой Ф. Э.

¹ после строжайшего дознания. ² в области теории. ³ в сыром виде. ⁴ Перевод я беру на себя. ⁵ Это все же забавно. ⁶ превзойдено. ⁷ Да благословит его бог! ⁸ прения. ⁹ ввиду своей крайней малочисленности. ¹⁰ Королеве: ее права и не больше; народу: его права и не меньше.

3 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Изучаешь ли ты физиологию на Мэри или на ком-нибудь другом? В первом случае я понимаю, что это n'est pas de l'hébreux,¹ даже не по-русски.

Моя новая теория ренты принесла мне пока только гордое сознание, к которому обязательно стремится каждый мещанин. Во всяком

случае я доволен, что ты этим доволен. Обратное-пропорциональное отношение плодородия земли к человеческому плодородию должно было глубоко смущать такого отца семейства, как я. Тем более, что *mon mariage est plus productif que mon industrie*.²

Теперь я предлагаю тебе иллюстрацию к *currency theory*;³ мое изучение этого гегельянцы охарактеризовали бы как изучение «инобытия», «чуждого», словом — «священного».

Теория господина Лойда и *tutti frutti*,⁴ начиная от Рикардо, заключается в следующем:

Положим, что мы имеем чисто металлическое денежное обращение. Если бы денег здесь было слишком много, цены поднялись бы и, таким образом, вывоз товаров сократился бы. Зато ввоз из-за границы увеличился бы. Ввоз стал бы превышать вывоз. Таким образом, создался бы неблагоприятный торговый баланс и неблагоприятный вексельный курс. Звонкую монету стали бы вывозить, размеры денежного обращения сократились бы, цены товаров стали бы падать, — ввоз сокращаться, вывоз увеличиваться, деньги опять стали бы притекать к нам, словом — положение вернулось бы в прежнее состояние равновесия.

В обратном случае то же самое, *mutatis mutandis*.⁵

Отсюда мораль: так как бумажные деньги должны повторять движение *metallic currency*⁶ и так как в данном случае вместо естественного закона, действующего в первом случае, должно быть введено искусственное регулирование, то А[нглийский] б[анк] должен увеличивать выпуск своих банкнот каждый раз, когда увеличивается ввоз *bullion*⁷ (например, путем скупки *government securities*,⁸ *Exchequer bills*⁹ и т. д.), а при уменьшении *bullion* сокращать выпуск банкнот путем уменьшения своих учетных операций или продажи государственных бумаг. Я же утверждаю, что банк должен поступать как раз наоборот, т. е. *увеличивать* свои учетные операции, когда металлический запас *сокращается*, и предоставить их естественному ходу вещей, когда *bullion* возрастает, — чтобы не усиливать надвигающегося торгового кризиса. Но об этом *une autre fois*.¹⁰

То, что я хочу здесь развить, касается самых основных положений. А именно, я утверждаю, что и при чисто металлическом обращении количество металлических денег, его увеличение и сокращение не связано с отливом или притоком благородных металлов, с благоприятным или неблагоприятным торговым балансом, с благоприятным или неблагоприятным вексельным курсом, за исключением самых крайних случаев, которые никогда не встречаются в практике, но

которые теоретически поддаются определению. Тут выставляет такое же положение; но я не нашел никаких доказательств в его «History of Prices»¹¹ для 1843—1847 г.

Как видишь, вопрос этот весьма важный. Во-первых, этим в своей основе отвергается вся теория обращения. Во-вторых, этим доказывается, что течение кризисов, хотя они и имеют своим условием существование *кредитной системы*, лишь постольку связано с *денежным обращением*, поскольку нелепое вмешательство государственной власти в его урегулирование может ухудшить происходящий кризис, как это было в 1847 г.

Нужно принять во внимание, что в последующих иллюстрациях я исхожу из следующего допущения: *приток* металлических слитков бывает связан с хорошим состоянием дел, с еще невысокими, но повышающимися ценами, избытком капиталов, превышением вывоза над ввозом. Отлив золота бывает связан с противоположными условиями, *mutatis mutandis*.¹² Вот предпосылка, которую признают и люди, против которых направлена моя полемика. Они ничего не могут против этого возразить. В действительности же можно себе представить тысячу и один случай, когда золото уплывает, несмотря на то, что в стране, из которой оно вывозится, цены на остальные товары стоят значительно ниже, чем в тех странах, куда золото ввозится из данной страны. Так, например, было в Англии в 1809—1811 и 1812 гг. и т. д. Однако *общая предпосылка*, во-первых, *in abstracto* правильна и, во-вторых, признается сторонниками теории *currency*. Поэтому нам пока не о чем спорить.

Допустим, таким образом, что в Англии господствует *чисто металлическое обращение*. Но это еще не предполагает прекращения существования *системы кредита*. Более того. Английский банк превратился бы в то же время в *депозитный* и *ссудный* банк, но его ссуды состояли бы исключительно из наличных денег. Если же не делать такого предположения, то все, что в данном случае являлось бы *депозитами Английского банка*, стало бы *hoards*¹³ *частных лиц*, точно так же ссуды банка стали бы ссудами частных лиц. Таким образом, то, что здесь будет сказано о *депозитах Английского банка*, это только *схема для того, чтобы представить процесс не в раздробленном виде, а сосредоточенным в одном фокусе*.

Первый случай — *Influx bullion'a*.¹⁴ Здесь дело очень просто. Много свободных капиталов и, следовательно, рост вкладов. Для того, чтобы их пустить в оборот, банк должен был бы понизить *норму процента*. Это вызвало бы расширение дел в стране. Денежное обращение возрастало бы лишь в том случае, если бы обороты увели-

чилились настолько, чтобы возникала нужда для их ведения в увеличенном количестве денег. В противном случае избыток выпущенных денег вернулся бы обратно в банк в качестве депозитов и т. д. благодаря истечению срока векселей и т. д. Таким образом, количество денег действует здесь не как причина. Его увеличение в конечном счете является следствием увеличения капитала, пущенного в обращение, а не наоборот. (Таким образом, в данном случае ближайшим результатом явился бы рост депозитов, т. е. свободных капиталов, а не денежного обращения.)

Второй случай. Тут, собственно, только дело и начинается. Предполагается вывоз металлических слитков. Начинается период депрессии. Вексельный курс неблагоприятен. При этом плохой урожай (или вздорожание сырья для промышленности) вызывает необходимость все большего ввоза товаров. Предположим, что баланс Английского банка в начале этого периода имеет следующий вид:

а.

Капитал банка	14 500 000 ф. ст.
Остаток	3 500 000 » »
Депозиты	12 000 000 » »
	<hr/>
	30 000 000 ф. ст.
Гарантированные государственные ценности	10 000 000 ф. ст.
Векселя	12 000 000 » »
Металлические монеты и слитки	8 000 000 » »
	<hr/>
	30 000 000 ф. ст.

Банк имеет задолженность — при том предположении, что не существует банкнот — только в 12 милл. депозитов. Согласно принципу (общему депозитным и эмиссионным банкам и заключающемуся в том, чтобы иметь на покрытие своих обязательств только одну треть наличными деньгами), — его, банка, металлический запас в 8 миллионов² вдвое больше, чем нужно. Чтоб увеличить свою прибыль, банк понижает процент и расширяет свои discounts,¹⁵ скажем, на 4 миллиона, которые вывозятся за границу в уплату за хлеб и т. д. Тогда баланс банка можно представить следующим образом:

б.

Капитал	14 500 000 ф. ст.
Остаток	3 500 000 » »
Депозиты	12 000 000 » »
	<hr/>
	30 000 000 ф. ст.

Government securities ¹⁶	10 000 000 ф. ст.
Bills of Exchange ¹⁷	16 000 000 » »
Bullion or coin ¹⁸	4 000 000 » »
	<hr/>
	30 000 000 ф. ст.

Из этой figure ¹⁹ следует:

Купцы набрасываются *прежде всего* на *металлический запас банка*, когда им приходится вывозить *золото*. Это вывезенное золото *уменьшает* его (банка) запас, ни в малейшей степени не влияя на само сургенсу. ²⁰ Для последнего *безразлично*, лежат ли эти 4 миллиона в банковских погребах или на корабле, идущем в Гамбург. Наконец, оказывается, что может произойти значительное drain ²¹ металлической наличности, в данном случае на 4 миллиона фунт. стерлингов, без того, чтобы это хоть в малейшей степени затронуло сургенсу или деловую жизнь страны. Это имеет место в продолжение всего того периода, в который *металлический запас*, бывший *слишком большим* по сравнению с liabilities, ²² будет сведен к его due proportion ²³ по отношению к этим обязательствам.

с.

Но допустим, что обстоятельства, вызвавшие drain ²⁴ на 4 миллиона, продолжают существовать: а именно недостаток хлеба, повышение цен на сырой хлопок и т. д. Банк начинает беспокоиться за свою безопасность. Он *увеличивает учетный процент* и ограничивает свои discounts. ²⁵ В связи с этим создается pressure ²⁶ в торговом мире. Как влияет эта pressure? Вкладчики требуют от банка свои депозиты, металлическая наличность банка соответственно уменьшается. Если вклады понижаются до 9 миллионов, т. е. если они уменьшаются на 3 миллиона, то металлический запас банка должен также уменьшиться на 3 [миллиона]. Этот запас, таким образом, упал бы (из 4 миллионов вычесть 3 миллиона) до размеров одного миллиона против 9 миллионов вкладов, что было бы опасным для банка. Таким образом, если банк захочет удержать запас своей наличности на уровне одной трети вкладов, он должен будет сумму своих discounts уменьшить на 2 млн. Тогда счет банка можно представить так:

1. Капитал	14 500 000 ф. ст.
Остаток.	3 500 000 » »
Депозиты	9 000 000 » »
	<hr/>
	27 000 000 ф. ст.
Government securities	10 000 000 ф. ст.
Bills under discount ²⁷	14 000 000 » »
Bullion or coin	3 000 000 » »
	<hr/>
	27 000 000 ф. ст.

Отсюда следует: лишь только *drain* металлической наличности доходит до таких размеров, что металлический запас не превышает установленной пропорции по отношению к депозитам, банк повышает учетный процент и уменьшает *discount*. Но тогда это начинает *отражаться на депозитах* и вследствие их уменьшения уменьшается также металлический запас, но еще в большей пропорции уменьшается учет векселей. Но *сиггенсу* ни в малейшей степени не затронуто. Одна часть ушедшей наличности и вкладов *пополняет* ту пустоту, которая создается во внутреннем денежном обращении благодаря сокращению банковских операций, другая часть уходит за границу.

d.

Предположим, что ввоз хлеба и т. д. продолжается и что вклады уменьшились до 4 500 000; тогда банк, чтобы сохранить металлический запас в надлежащей пропорции к своим долговым обязательствам, уменьшит свой портфель векселей еще на 3 миллиона. Баланс тогда представился бы в следующем виде:

<i>Капитал</i>	14 500 000 ф. ст.
<i>Остаток.</i>	3 500 000 » »
<i>Депозиты</i>	4 500 000 » »
	22 500 000 ф. ст.
Government securities	10 000 000 ф. ст.
Bills under discount	11 000 000 » »
Bullion or coin	1 500 000 » »
	22 500 000 ф. ст.

При этом предположении банк понизил бы сумму учета векселей с 16 до 11 миллионов, т. е. на 5 миллионов. Необходимые потребности денежного обращения возмещаются извлеченными вкладами. Но в то же время остаются — недостаток капитала, высокие цены на сырье, сокращение спроса, а следовательно и дел, и, наконец, сокращение самого денежного обращения, т. е. необходимых *сиггенсу*. Излишняя часть последних пошла бы в форме металлических слитков за границу для оплаты ввоза. Таким образом, количество обращающихся денег было бы задето лишь в *последнюю очередь*, и оно *упало бы* ниже своей необходимой суммы лишь тогда, когда металлический запас упал бы ниже надлежащей пропорции по отношению к депозитам. К вышеуказанному нужно еще добавить:

1. Вместо того, чтобы уменьшить свои *discounts*, банк мог бы распродать свои гарантированные бумаги. Это при данных условиях было бы невыгодно, но результат был бы тот же. Вместо того,

чтобы уменьшать свои собственные резервы и discounts, он уменьшил бы резервы частных лиц, помещающих свои деньги в public securities.

2. Я предположил здесь drain металлической наличности на 6 500 000 [фунтов]. В 1839 г. имело место уменьшение на сумму в 9 — 10 миллионов [фунтов].

3. Предположенный процесс может и при чисто metallic currency²⁸ протекать, как при бумажном, и привести к краху кассы, как это было в восемнадцатом столетии дважды в Гамбурге.

Напиши скорей.

Твой К. М.

¹ не по-еврейски. ² мой брак более продуктивен, чем мое ремесло. ³ теории денежного обращения. ⁴ всех прочих. ⁵ с соответственными изменениями. ⁶ обращающихся металлических денежных знаков. ⁷ металлических слитков. ⁸ гарантированных государством бумаг. ⁹ казначейских знаков. ¹⁰ в другой раз. ¹¹ «Истории цен». ¹² с соответственными изменениями. ¹³ сокровищами. ¹⁴ прилив металлических слитков. ¹⁵ учетные операции. ¹⁶ Гарантированные государственные бумаги. ¹⁷ Векселя. ¹⁸ Металлические слитки. ¹⁹ таблицы. ²⁰ денежное обращение. ²¹ уменьшение. ²² долговыми обязательствами. ²³ правильной пропорции. ²⁴ убыль. ²⁵ учетные операции (покупку векселей). ²⁶ депрессия. ²⁷ учет векселей. ²⁸ металлическом обращении.

60.

Манчестер, 5 февраля 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем прилагается последний фунт стерлингов за атлас; к сожалению, не мог выслать тебе раньше.

Когда увидишь Гарни, скажи ему, что в конце недели он получит от меня по меньшей мере первую половину ряда статей о continental democracy;¹ — статьи эти так разделены, что каждая из них займет в его «Friend of People»² не более 2 — 2½ столбцов. Воспользовавшись вышеупомянутым предлогом, я ошелмлю всю официальную демократию; я скомпрометирую ее в глазах английского пролетариата тем, что поставлю ее, включая и Мадзини, Ледрю-Роллена и др., на одну доску с financial reformers.³ Европейский комитет will catch it nicely.⁴ Я проберу этих господ каждого в отдельности: сочинения Мадзини, блестящие геройские подвиги Ледрю-Роллена с февраля до июня 1848 г.; не будет забыт, конечно, и господин Руге. Итальянцам, полякам и венграм я скажу достаточно ясно, что во всех современных вопросах им бы следовало молчать. Шарлатанство Гарни в истории с «попрошайническими письмами Мадзини» и т. д. становится слишком неприличным, и так как иным

путем его не исправить, то я вынужден буду раскрыть глупость и низость этих молодцов в его собственной газете и разоблачить перед английскими чартистами тайнства континентальной демократии. Обстоятельная полемическая статья всегда действует на Гарни лучше, чем всякие устные дебаты. К сожалению, у меня здесь чертовски мало материала.

У меня теперь здесь книга Sarrans jeune, «Lafayette et la révolution de Juillet». ⁵ Если бы мне удалось раздобыть еще несколько других источников, я смог бы составить для нашего «Обозрения» статью об июльской революции с продолжением, доведенным до февральской революции, подвергнув при этом дружественной критике «Histoire de dix ans» ⁶. Эти «Dix ans» ⁷ все еще не подвергнуты критике с более радикальной точки зрения и являются как в Германии, так и во Франции серьезнейшим пособием для всей революционной партии. Полагаю, что было бы весьма не вредно ограничить влияние этой книги надлежащими рамками; до сих пор ее авторитет не подвергался никаким сомнениям.

Господин Россель, эта трусливая собака, опять блестяще провалился. Сначала он рвет и мечет против *paral aggression*; ⁸ затем он видит, что *Manchester men* ⁹ совершенно не желают вмешиваться в эту грязную историю, и тогда он разрешается героическим предложением запретить католическим епископам носить английские титулы. Наконец, он раздражается великолепным намеком, сделанным через господина Пето, что хотя было бы и очень желательно еще в эту сессию расширить избирательное право, но так как теперь проходит законодательная реформа, то избирательное право приходится отложить до будущего года. Настоящий образец логики виггов! Впрочем, эти *members* ¹⁰ очень критически и неуверенно настроены, выборы надвигаются, они должны принарядиться в либеральный или протекционистский *flourishes*, ¹¹ и если бы выставка не совпала как раз с самым оживленным моментом сессионной *grande politique*, ¹² нашему карлику не сдобровать бы! Да и так *qui sait?* ¹³

Политический хлеб насущный вообще становится все более черствым. Чудесное положение, в котором сейчас пребывает *la belle France*, ¹⁴ также весьма назидательно. Впрочем, нельзя отрицать, что господа бургграфы все более и более перестают быть представителями буржуазных фракций или, точнее, что буржуа все более и более отделяются от своих прежних легитимистских и орл[еанистских] вождей. Во-первых, значительное меньшинство высказалось за Бароша в том заседании, в котором коалиция его свалила; оно состояло также из многих не-бонапартистов, бывших орлеанистов и т. д.; затем, очевидно,

настроение всей консервативной буржуазии en masse¹⁶ гораздо более благоприятно для Наполеона, чем прежде. Большинство этих молодых теперь безусловно не хочет ни орлеанистских, ни легитимистских реставрационных интриг. Les solutions les embêtent,¹⁶ а хотят они лишь продолжения волокиты, существующей при нынешнем президентстве. Эти молодые не настроены ни роялистски, ни республикански, ни империалистски, а просто президентски; но самым великодушным при этом является то, что эта сладостная неопределенность возможна лишь для массы; всякий, кто пожелал бы выступать в качестве официального представителя этого направления, должен был бы не позже чем через полгода выйти из состояния нейтралитета и примкнуть к определенной роялистской или империалистской фракции.

Впрочем, из французских газет я здесь имею лишь «Débats» и «Charivari», который мне теперь здесь, увы, опять начинает казаться остроумным, grâce à l'esprit exquis du peuple dans ces parages.¹⁷

От одного глупого венгерского эмигранта, с которым я здесь как-то на-днях столкнулся, я узнал, что эта благородная порода по случаю Great Exhibition¹⁸ опять носится с какими-то дурацкими замыслами о покушениях и восстаниях. Мне почти казалось, что в этом шуме я узнаю героический голос лондонских «завователей», Виллиха и Бартеlemi. Впрочем, от этой сволочи не удерешь: недавно со мной заговорил на улице какой-то молодец; оказывается, это эмигрант с Great Windmillstreet, имеющий должность в Ливерпуле. «И если бы я взял крылья у зари и умчался за самые дальние моря», то и тогда я не скрылся бы от этой банды.

Здесьние фритредеры используют подъем или полуподъем промышленности, чтобы подкупить пролетариат, и маклером при этом является Джон Уотс. Тебе знаком этот новый план Кобдена: «Национальная ассоциация свободной школы» для проведения закона, на основании которого townships¹⁹ имели бы право облагать население местным налогом для сооружения школ. Дело это энергично подталкивают вперед. Кроме того в Сэльфорде уже созданы «Свободная библиотека» и «Музей», — выдача книг и читальня бесплатны. В Манчестере на деньги, собранные путем публичных сборов (всего около 7 000 ф. стерлингов), специальный комитет купил «Дом науки», который также будет превращен в «Свободную библиотеку»; и здесь, как милостиво признал сам манчестерский мэр, в действительности роль маклера сыграл Уотс. Дело предполагают открыть в конце июля — с 14 000 томов to begin with.²⁰ На всех созываемых с этой целью митингах и собраниях все заполнено восхвалением рабочих, в осо-

бенности славного, умеренного, полезного Уотса, который находится теперь с манчестерским епископом в самых хороших отношениях. Я уже заранее радуюсь тому взрыву негодования по поводу «неблагодарности рабочих», который разразится со всех сторон при первом shock.²¹

Мой старик прислал мне на-днях приятное письмо; он выражает в нем желание, чтобы я оставался здесь на неопределенное время, т. е. пока тянется дело с Эрменами (а это может быть до 1854 г.). Мне это, конечно, очень приятно, в особенности, s'il me pауе bien mon еnnui.²² Я, конечно, не подаю виду: приношу «делу» эту «жертву» и изъявляю готовность «выжидать здесь дальнейшего развития дел». Будущим летом отец приезжает сюда, и я тогда постараюсь сделаться для него настолько необходимым, что он должен будет согласиться на все.

Сердечный привет жене и детям.

Твой Ф. Э.

Детали при реализации Post Office Ordre²³ прежние.

¹ континентальной демократии. ² «Друге народа». ³ финансовыми реформаторами. ⁴ получит основательную взбучку. ⁵ Саррана младшего, «Лафайет и июльская революция». ⁶ «Историю десяти лет». ⁷ «Десять лет». ⁸ нападок папы. ⁹ манчестерцы. ¹⁰ члены парламента. ¹¹ наряд. ¹² высокой политики. ¹³ кто знает? ¹⁴ прекрасная Франция. ¹⁵ в массе. ¹⁶ Окончательные решения их угнетают. ¹⁷ благодаря исключительному уму народа здешних мест. ¹⁸ большой выставки. ¹⁹ городские самоуправления. ²⁰ для начала. ²¹ столкновении. ²² если он хорошо заплатит мне за мою скуку. ²³ почтового перевода.

61.

28, Deanstreet, Soho, 10 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Когда ты писал, что скоро наступит время, когда нам придется выступить против Луи Блана, ты был по меньшей мере clairvoyant.¹ Выслушай же следующую историю.

Несколько дней, приблизительно с неделю тому назад встречает меня Ландольф, и по тому смущенному виду, с которым он поздоровался со мной и с моей женой, я заметил, что с нашим ami chevaleresque,² нашим Баярдом Горы, «не совсем ладно». Eh bien!³ Ландольф и Луи Блан соединились с комитетом Виллих-Шапнера, из которого выступил господин Адам. Ведь две недели тому назад Ландольф еще порядком бранил Бартелеми, а я рассказал ему о деле господ В[иллиха] и Ш[апнера]. Qu'en dis-tu?⁴ Эти типы до последнего момента ни единым словом меня не предупредили.

Дело обстоит таким образом.

Churchstreet устраивает банкет 24 февраля, на который она пригласила Блана, Ледрю-Роллена и между прочим также и Ландольфа. Луи Блан, чтобы показать Ледрю-Роллену, что он также имеет за собой космополитический комитет, и чтобы наказать Churchstreet за то, что она считает его и Ледрю «равнозначными», набирает свои армии из Great Windmillstreet и из скверного польского кабака.

Encore un coup!⁵

Qu'en dis-tu? Несколько дней тому назад Churchstreet получила печатное циркулярное приглашение (одновременно *манифест*) для банкета-монстр 24 февраля, подписанное primo⁶ Ландольфом и тотчас же вслед за Шаппером: Л. Блан. Большое возмущение на Churchstreet! Большой восторг на Great Windmillstreet!

Луи Блан в циркулярном манифесте говорит не от имени какой-нибудь нации, а от имени и в духе вечной формулы Liberté, Egalité, Fraternité.⁷ Единственное для меня неприятное, что я должен Ландольфу 1½ ф. ст., которые теперь следовало бы немедленно отослать через Вольфа.

Ты себе легко представляешь, насколько Виллих и Шаппер выросли в своих собственных глазах, и насколько они уже считают нас разбитыми!

Но мы их иначе разобьем. У нас имеется самое верное средство свести с ума, literaliter⁸ свести с ума унтер-офицера и плотника Виллиха.

Ты вспоминаешь о письме, которое Шрамм написал Виллиху от имени Беккера и в котором он предлагал ему военную диктатуру, уничтожал прессу и набрасывал легкую тень на нравственность Шаппера.

Eh bien! Виллих, этот необразованный, четырежды рогатый осел, попал в ловушку. Он бомбардировал Беккера письмами, у него уже был приготовлен эmissар для отправки туда, он третирует Шаппера de haut en bas,⁹ интригует, игнорирует и поносит всячески этого мещанина; он уже усвоил себе властные манеры Кромвеля II, стал вспыльчив, не терпит больше никаких возражений и дал Беккеру поручение произвести в Кёльне революцию, изъявляя готовность перенять высшее руководство. Недавно он вдруг вскочил во время заседания и закричал, что его письма из Парижа и Кёльна еще не получились и, — это было по поводу последнего французского министерского кризиса, — жаловался, что у него в (ослиной) голове туманно, туманно, туманно, бросился в Bondstreet и вылил себе ведро воды на голову. Я теперь приготовил для него душ, который подей-

ствует в противоположном направлении. Через несколько дней я получу от Беккера письма Виллиха и тогда взорву мины.

Сюда прибыла целая стая новой демократической сволочи: французы, изгнанные из Брюсселя, Гейзе из Касселя, Оппенгейм из Брюсселя, Гюнтер из Франкфурта и т. д. К счастью, однако, никого из последних не видал.

Ты, конечно, получил мое последнее письмо?

Твой К. М.

¹ ясновидящий. ² рыцарским другом. ³ И [что же. ⁴ Что ты об этом скажешь? ⁵ Еще удар! ⁶ во-первых. ⁷ Свободы, Равенства, Братства. ⁸ буквально. ⁹ сверху вниз.

62.

11 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!
Iterum Crispinus!¹

Я только что узнал, что сегодня вечером в Tottenham Court Road состоялся митинг по поводу смерти Бема. На трибуне заседали *президент* Шаппер и т. д., Луи Блан и остальные члены нового комитета Союза народов. В передних рядах аудитории сидели Гарни с женой. Основную массу аудитории составляла Great Windmillstreet. Шаппер, сопровождаемый аплодисментами, произнес на английском языке свою неизменную речь: War to the knife!² Луи Блан говорил не лучше. Vive la guerre!³ Присутствовал также и Таузенау, говорил о Беме. Гарни произнес длинную и, как говорят, удачную барабанную речь, в которой он в заключение провозгласил Бланки, Барбеса и, для приятного завершения, Луи Блана социалистическими мессиями.

Qu'en dis-tu?⁴

Если бы ты выступил на митинге под председательством почтенного Т. Кларка и именно своим присутствием и своей речью только *придал бы вес* этому митингу, считал ли бы друг Гарни это лояльным?

Итак, мало того, что в своем «Friend of the People»⁵ он выдвинул вперед Руге, он должен еще косвенно выдвигать Шаппер-Виллиха.

В прошлое воскресенье он пригласил меня к себе. Целью было побудить Джонса согласиться с заголовком: «Friend of the People». Я не пошел. Пусть он за этим обращается к Луи Блану, Ландольфу, Шапперу или Виллиху. С меня уже хватит того публичного восклицания фимиама, которым Гарни вечно встречает les petits «grands hommes». ⁶

Если оставить в стороне, что и ты, Брут (Гарни), если не выступишь против нас, то во всяком случае разыгрываешь роль беспартийного, в то время как Энгельс работает на тебя в Манчестере, Эккариус пишет в твоей газете, а я при случае обрабатываю для тебя Джонса, — если оставить это в стороне, то мне очень нравится та настоящая общественная изоляция, в которой находимся теперь мы оба, ты и я. Она вполне соответствует нашей позиции и нашим принципам. Система взаимных уступок, половинчатости из приличия и обязанность брать на себя долю ответственности перед публикой за смехотворные деяния этой партии вместе со всеми этими ослами, — со всем этим теперь покончено. На это ты мне тоже должен сейчас же ответить. Я здесь встречаюсь только с одним Пипером и живу совершенно замкнуто. Ты поймешь поэтому, что мне тебя здесь особенно нехватает и что у меня есть потребность поговорить с тобой. Ты увидишь завтра из газет, что дотация отклонена большинством в 104 голоса.

Твой К. М.

¹ Опять Криспин! ² Борьба не на жизнь, а на смерть. ³ Да здравствует война! ⁴ Что ты скажешь об этом? ⁵ «Друге народа». ⁶ маленьких «великих людей».

63.

[12 февраля 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Я только-что нашел дома твое письмо и пользуюсь немедленно сегодняшней почтой, чтоб известить тебя, что я в конце этой недели или, самое позднее, в начале будущей постараюсь выслать тебе 1½ ф. ст. для Ландольфа, чтобы покончить с этой историей, которая теперь не должна дольше тянуться. Notre ami ¹ Ландольф еще раз показал себя старой бабой, а нелепое мелкое тщеславие этого сверхумного Луи Блана проявилось в такой форме, которая характеризует этого возвышенного карлика как настоящего дурака. *C'est bien.*² Все более и более убеждаешься в том, что эмиграция — это такой институт, благодаря которому каждый человек неизбежно должен превратиться в дурака, осла или просто мошенника, если он совершенно не устранился от эмиграции и не удовлетворится положением независимого литератора, которому нет решительно никакого дела до так называемой «революционной партии». Это подлинная «school of scandal and of meanness»,³ в которой последний осел превращается в первого «спасителя отечества».

Во всяком случае этому маленькому искателю популярности придется за это поплатиться, как только у нас будет свой орган. Ты знаешь, что здесь я лишен всех своих бумаг, поэтому укажи мне еще несколько источников по французской истории 1830 — 1848 гг., тебе известных, и я постараюсь хотя бы литературными средствами добиться того, чтобы господину претенденту стало жарко. Так как историю эту он рассказал тебе, то я думаю в статье моей в «Friend of the People»⁴ предложить ему, если ты ничего не имеешь против, опубликовать те сведения, какие дал ему господин Мадзини насчет характера Европейского центрального комитета и его позиции по отношению к социалистам и коммунистам, причем я сделаю необходимые намеки, чтобы все было понятно.

*Pourquoi nous gênerions-nous?*⁵

Гарни сегодня получит три статьи, носящие характер введения, несколько растянутых, с рассеянными кое-где слабыми намеками. Фатально только то, что пред английскими пролетариями и публикой Гарни трудно нападать на Ледрю-Роллена и компанию без того, чтобы хоть отчасти не отождествить себя с кликой Виллих-Барт[елеми]. Не останется другого выхода, как посвятить этой клике несколько особых статей. Эти первые три статьи еще ничего в себе не содержат, они скорее написаны ради Гарни, *to put him in the right track*,⁶ а не ради какой-либо иной цели. В № 4 — 9 последует, удар за ударом, атака против Ледрю, Мадзини, Руге и т. д. в наиболее прямой и личной форме, какая только возможна.

История с Виллихом *imprayable*.⁷ *Позаботься теперь только о том, чтобы получить эти письма.* Я желал бы видеть их «правственное негодование», когда эта бомба взорвется. С некоторых пор вы, кажется, опять имеете хороших лазутчиков на Gr. W[indmill-street], *cela ne fait pas du mal*⁸ и доставляет, по крайней мере, развлечение. Признаюсь, я не считал его настолько глупым. Впрочем, он сейчас, наверное, особенно пылко настроен. Прусские министерские газеты говорят о возможности войны со Швейцарией, и гвардейские резервы, как им сообщено было на параде, именно поэтому будут оставлены под ружьем. Правительства «Священного союза» поистине безответственным образом работают на руку этим фантастическим ослам, и если бы не было Пальмерстона, то ближайшая «амансипация» всеобщей глупости могла бы действительно появиться на свет за шесть месяцев до срока.

Твое новейшее экономическое открытие в настоящее время является предметом моего самого серьезного исследования. У меня сегодня нет времени останавливаться на этом деле подробнее, но

мне оно кажется вполне правильным. Но с цифрами нельзя шутить, и поэтому я тщательно обдумываю эту историю.

Quelle bête que ce Louis-Napoléon!⁹ Продает свои сомнения по поводу «избирательного закона» парламенту, а себя самого—Монталамберу за 1 800 000 франков, которых он в конце концов все же не получит. С таким авантюристом каши не сваришь. Если он в продолжение четырех недель дает управлять собой ловким интриганам, то на пятой неделе он уже, конечно, должен все проведенное уничтожить самым идиотским образом. Aut Caesar aut Clichy!¹⁰

Недавно мы основали новый местный Chartist Locality.¹¹ Эти англичане в пределах демократических форм гораздо бессовестнее нас, прямодушных робких немцев. Нас было всего тринадцать и было тотчас же постановлено избрать council¹² из тринадцати членов, т. е. всех присутствующих. Затем каждый предложил одного из присутствующих, а так как я, естественно, отказался, то на мое место кто-то предложил отсутствующего, и меньше чем в пять минут частные джентльмены превратились в «council». И все же каждый был избран по всем правилам, и эта восхитительная proceeding passed off very seriously and as a matter of course.¹³ Что из этого выйдет, покажет ближайшее будущее. На сегодня хватит.

Твой Ф. Э.

¹ Наш друг. ² Это хорошо. ³ «школа злословия и подлости». ⁴ «Друге народа». ⁵ К чему нам стесняться? ⁶ для того, чтобы поставить его на надлежащие рельсы. ⁷ великолепно. ⁸ это не вредно. ⁹ Что за животное этот Луи-Наполеон! ¹⁰ Или цезарь, или Клиши (парижская долговая тюрьма). ¹¹ чартистский отдел. ¹² правление. ¹³ процедура протекала с полной серьезностью и как нечто само собой разумеющееся.

64.

Четверг 13 февраля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я был вполне убежден, что с Гарни случится такая история. Я нашел в «Friend of the People» объявление о митинге памяти Бема; в объявлении было сказано, что в нем примут участие немцы, французы, поляки и венгры, а также «Fraternal Democrats», и было вполне ясно, что это дело Windmillstreet и К⁰. Я забыл прежде обратить твое внимание на это объявление. Сегодня я уже не могу предпринять что-либо в этой области. Но завтра я напишу Гарни письмо, в котором ему будет указано, чтобы он не печатал рукописи, которую я ему послал, так как я ее не буду

продолжать; одновременно с этим я ему разъясню в этом письме подробно всю историю. Если это письмо не поможет, нужно бросить всю эту канитель, пока господин Гарни сам не вернется, что случится очень скоро. Я сильно подозреваю, что он скоро приедет сюда, и тогда я проберу его как следует. Пусть он, наконец, увидит, что мы и с ним не собираемся шутить. Во всяком случае для того, чтобы не терять времени и не писать дважды, я пошлю это письмо тебе, а ты по прочтении отошли ему как можно скорее.

Лично меня злит эта безалаберность и бестактность Гарни больше, чем что-либо другое.

Au fond ¹ и это не имеет никакого значения.

Мы имеем теперь, наконец, опять, в первый раз за долгое время, возможность показать, что мы не нуждаемся ни в какой популярности, ни в какой support ² со стороны какой-либо партии какой бы то ни было страны и что наша позиция совершенно независима от подобных пустяков. С настоящего момента мы ответственны только лишь за самих себя, а когда наступит момент, когда эти господа будут в нас нуждаться, тогда мы сможем диктовать им свои условия. А до того момента мы будем, по крайней мере, иметь покой. Конечно, есть и известное одиночество, но, mon Dieu, ³ его я уже испытал здесь в Манчестере в продолжение трех месяцев и привык к нему; при этом я жил здесь настоящим холостяком, что при здешних условиях чрезвычайно тоскливо. Впрочем, по существу мы не можем даже слишком жаловаться, что и эти petits grands hommes ⁴ нас избегают; разве мы в продолжение стольких лет не притворялись, будто у нас бог весть какая партия, между тем как у нас не было никакой партии, и люди, которых мы, по крайней мере официально, считали принадлежащими к нашей партии, sous réserve de les appeler des bêtes incorrigibles entre nous, ⁵ не понимали даже элементарных начал наших теорий. Разве могут подходить для какой-либо «партии» такие люди, как мы, которые, как чумы, избегают официальных постов? Какое значение имеет «партия», т. е. банда ослов, слепо верящих нам, потому что они нас считают равными себе, для нас, плюющих на популярность, для нас, перестающих узнавать себя, когда мы начинаем становиться популярными? Воистину мы ничего не потеряем от того, что нас перестанут считать «истинным и адекватным выражением» тех ограниченных собак, с которыми нас свели вместе последние годы.

Революция,— это чистое явление природы, совершающееся больше под влиянием физических законов, нежели на основании правил, определяющих развитие общества в обычное время. Или, вернее,

эти правила во время революции приобретают гораздо более физический характер, на первый план сильнее выступает материальная сила необходимости. И лишь только выступаешь в качестве представителя какой-либо партии, втягиваешься в этот водоворот с неудержимой силой естественной необходимости. Только держа себя независимо, будучи *по существу* более революционным, чем другие, можно, по крайней мере хоть некоторое время, сохранить свою самостоятельность по отношению к этому водовороту, хотя в конце концов в него все же втянешься.

Эту позицию мы можем и должны занять при ближайших событиях. Не надо не только никаких *государственных* должностей, но, пока возможно, — и никаких *официальных партийных* постов, никаких мест в комитетах и т. д., никакой ответственности за ослов, беспощадная критика по отношению ко всем, и затем тот юмор, которого нас не могут лишить все вместе взятые «конспирации» этих бараньих голов. И это мы можем. По существу дела мы можем всегда быть более революционны, чем эти фразеры, потому что мы имеем кое-какие знания, а они нет, потому что мы знаем, чего хотим, а они нет, because, after what we have seen the last three years, we shall take it a great deal more coolly than any one who has an interest in the business.⁶

Главное в настоящий момент — это возможность печатать наши вещи либо в трехмесячнике, в котором мы будем производить непосредственные атаки и укреплять нашу позицию по отношению к *лицам*, либо же в толстых книгах, в которых мы будем делать то же самое, не имея даже надобности упоминать о ком-либо из этих пауков. По мне и то, и другое хорошо; на длительный период времени и при росте реакции первая возможность, как мне кажется, делается все менее вероятной; последняя же станет, повидимому, нашим единственным ресурсом, к которому нам придется прибегнуть. Что останется от всех тех сплетен и пересудов, которые может о тебе распространять вся эмигрантская чернь, когда ты ответишь на это «Экономией»?

Завтра письмо для Гарни. En attendant, salut!⁷

Твой Ф. Э.

¹ По существу. ² поддержке. ³ боже мой. ⁴ маленькие великие люди. ⁵ сохраняя за собой право называть их между нами неисправимыми ослиами. ⁶ потому что после всего того, что мы видели за последние три года, мы будем воспринимать все гораздо более хладнокровно, чем те, которые лично заинтересованы во всех этих делах. ⁷ Пока что — привет.

65.

Лондон, 23 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Ты целую неделю не получал от меня никаких известий, во-первых, потому, что я ожидал документов из Кёльна и хотел тебе их сообщить, во-вторых, потому, что я должен был выждать более точных деталей о нашем «бывшем друге». Первые еще не пришли, о последних же я теперь информирован более точно.

Гарни получил твое письмо во-время.

Как мне рассказывал Тессье-де-Мот, который теперь здесь, история с Луи Бланом первоначально была такова: Общество на Churchstreet сперва выдавало себя за филантропическое общество для поддержки французских политических *refugiés*.¹ Ледрю-Роллэн, Луи Блан, Адам, одним словом—все принимали в нем участие под этим предлогом. Политика по уставу была исключена. Но вот приближалось 24 февраля. Ты знаешь, что всякая возможность придать себе важности обсуждается французами с такой же торжественностью и так же заблаговременно, как предстоящие роды беременной женщиной.

Если даже общество имеет только филантропический характер, говорилось там, то все же члены его, в качестве французов, должны праздновать 24 февраля. Определенный вечер был назначен для обсуждения этого важного события. Ледрю и Блан оба присутствовали в этот вечер. Последний произнес задолго приготовленную, искусно составленную иезуитскую речь, в которой он старался доказать, что политический банкет противоречит уставу общества; он покажет только Франции существующие в нем раздоры и т. д., и, сильно распинаясь по поводу *fraternité*,² корсиканский Гном [«Alraun»] высказал свою досаду по поводу того, что Ледрю и Мадвини не приняли его во временное правительство. Ему ответили. Несмотря на его речь, которой он сам искренне восхищался, решено было устроить банкет.

Что же делает *la blanche Louise*?³ Он пишет, что общество этим решением распустило себя, вернуло каждому его индивидуальную свободу, и он воспользуется этим восстановлением своей «свободной воли» и организует банкет без фракционного духа, чистое братство и тому подобные прекрасные вещицы. Конечно, он обратил свой взор на Бартелеми, так как он знал, что немцы и поляки и др. с ним вместе составляют компактную массу; с другой стороны, Ландольфу, *le bel homme*,⁴ поручено было завладеть *dear*⁵ Гарни. Луи Блан был даже

так милостив, что пригласил к ужину Гарни, которого он и Ландольф в течение полугода совершенно игнорировали. Какое великодушие!

С другой стороны, Луи Блан набросал манифест, который, — как сказал бы наш Dear, — out and out.⁶ Ты, вероятно, читал его в «Friend of the People». Он отвергает даже *аристократию духа*, чем, с одной стороны, должно быть, мотивируется его снисхождение до *diu minorum gentium*,⁷ с другой стороны, дается Шапперам и К⁰ радостная надежда на близкое установление *«аристократии глупости»*. Но этот манифест, — конечно, пошлые фразы, — Луи Блан считает «самым ценным», до чего может возвыситься человеческая природа при most happy circumstances.⁸ Он должен был не только всю Европу повергнуть в изумление, но поразить особенно Ледрю-Роллэна и у бланкистов во Франции вызвать представление, что incorruptible little man⁹ расстался с Churchstreet из чистой принципиальности вплоть до презрения к смерти. Таким образом бравый Гарни стал орудием обыкновенной интриги и именно интриги против Ледрю-Роллэна, к которому он в то же время бегаёт и банкет которого он завтра почит своим присутствием. Чтобы еще больше разозлить этого очень чувствительного к своим qualités très aimables и respectables¹⁰ плебея, особенно чувствительного по отношению к известным именам, перед которыми он преклоняется, и в то же самое время показать Ледрю-Роллэну, что нельзя безнаказанно разыгрывать Наполеона от социализма, этот малый принимает поздравления от парижских рабочих. Эти парижские рабочие, от появления которых на сцене кровь ударила в голову нашему Dear, конечно, не кто иные, как известные 25 délégués¹¹ Люксембурга, которые никогда никем не были делегированы и во всем Париже служат или предметом ненависти, или посмешищем для других рабочих, — господа, которые имеют такое же значение, как члены *предпарламента и комиссия 50 в Германии*. У них есть потребность в un petit bon dieu quelconque,¹² в фетише, а в повадке этого маленького человека есть что-то устрашающее, что всегда могло стать предметом культа. Он в свою очередь уверяет их, что они величайшие люди и самые истинные социалисты во всем мире, и он уж воввел их в *пэры* будущей рабочей республики. Стоит ему помахать пальцем, и они поздравляют, а стоит им поздравить, и он, тронутый, публично благодарит их. И на этот раз он помахал пальцем, и Гарни видит, конечно, в этих профессиональных поздравителях весь Париж.

Прежде чем расстаться с Гномом [Alraun], — еще два замечания, которые я узнал от Тесье и которые очень характерны для этой fausse

pleureuse¹³. Луиза никогда не импровизирует своих речей, он от слова до слова пишет свои речи и заучивает их *наизусть* перед зеркалом. Ледрю же, в свою очередь, всегда импровизирует, в важных случаях делает себе некоторые заметки *matter of fact*.¹⁴ Совершенно оставляя в стороне их внешние различия, Луи уже по одному этому совершенно неспособен *рядом* с Ледрю произвести малейшее впечатление. Естественно, что он должен был ухватиться за всякий повод, который позволил бы ему избежать сравнения с опасным соперником. Что касается его исторических работ, то он делает их, как Александр Дюма свои фельетоны. Он всегда изучает материал только для следующей главы. Таким образом появляются книги вроде «Histoire de dix ans».¹⁵ С одной стороны, это придает его изложению известную свежесть, ибо то, что он сообщает, для него так же ново, как и для читателя, а с другой стороны, в целом это слабо.

Это о Луи Блане.

А теперь о нашем дражайшем [Гарни]!

Он отнюдь не удовлетворился участием в митинге этих господ. Нет. Их банкет от 24 февраля, который без него окончательно провалился бы, он превратил в *лондонское событие*. Продана уже тысяча билетов на банкет, который состоится в Сити. *Большую часть билетов* распространил Гарни, как мне третьего дня рассказывал Джонс. Принимают участие О'Коннор, Рейнольдс, сотни чартистов. Их собрал Гарни. Гарни весь день *en route*¹⁶, выполняя поручения Луи Блана. Об этом мне также сообщил Джонс.

Он совершил маленькое вероломство по отношению к Джонсу; он поручил ему перевести манифест Луи Блана и Компании и затем спросил его, имеет ли он что-нибудь против, если будет названо его имя в качестве переводчика? Это было в среду. Таким образом, он имел уже тогда твое письмо, о котором он Джонсу не сказал ни слова. Джонс усмотрел в этом вопросе лишь апелляцию к его собственному «социалистическому» образу мыслей — и, конечно, ответил, что ничего не имеет против.

Джонс заявил мне, что после моих объяснений он, вероятно, (с уверенностью он не может этого сказать!) воздержится от участия в банкете. Соображения, вследствие которых он колеблется, весьма разумны. Если он не придет, он потеряет часть популярности, так как благодаря дражайшему этот банкет превратился в предприятие чартистов. Он боится также, что Рейнольдс может повести интригу за его спиной.

Джонс не одобряет поведения дражайшего, которого я «больше не видел». Он старается извинить его тем, что чартистов обвиняли

бы в политической апатии или антипатии по отношению к иностранным революционерам, если бы они не приняли участия ни на одном из этих банкетов. Я ответил ему: Гарни лучше было бы устроить чартистский митинг для чествования дрянного 24 февраля, чем сделать из себя пьедестал для карлика или для полдюжины верблюдов; для карлика, который титулует Гарни не иначе как «*brave garçon*»¹⁷ и который, в случае если бы в Лондоне вспыхнуло движение, завтра или по прошествии года или двадцати лет, стал бы документально доказывать, что это он «толкнул этих *rauvres anglais dans la route du progrès*»¹⁸ и что это произошло между 1688 г. и 24 февраля 1851 г., когда весь Лондон приветствовал Луи Блана так же настойчиво, как в свое время 50 000 рабочих во дворе «Реформы», еле вмещающем 50 человек. И сколько крокодиловых слез он прольет на бумагу по поводу этого, еще не бывалого до сих пор события!

Гарни впутался во всю эту историю прежде всего под влиянием того чувства преклонения перед официальными «великими людьми», которое мы уже и прежде часто высмеивали. Затем он любит театральные эффекты. Он безусловно желает нравиться; я не хочу сказать этим, что он *vaniteux*.¹⁹ Он сам бесспорно находится во власти фразы и пускает весьма изобильные патетические газы. Он глубже увяз в демократическом болоте, нежели это желает показать. У него двойной *spirit*,²⁰ — один, который ему дал Фридрих Энгельс, и другой — его собственный. Первый — это своего рода смирительная рубашка для него. Последний — это он сам *in puris naturalibus*.²¹ Но надо прибавить еще третий: *spiritus familiaris*²², и это его достойная супруга. Она питает большое расположение к *gants jaunes à la*²³ Ландольф и Луи Блан. Она, например, ненавидит меня как фривольного человека, который может быть опасным для ее «*property to be watched upon*».²⁴ У меня есть недвусмысленные доказательства, что длинные плебейские руки этой женщины замешаны в этой истории. Насколько Гарни одержим этим *spiritus familiaris* и насколько мелочно пронырлива эта женщина в своих интригах, ты можешь видеть из следующего: Ты помнишь, как она вечером под Новый год в присутствии моей жены оскорбляла Макферлан. Потом она рассказывала, улыбаясь, моей жене, что Гарни весь тот вечер не видел М[акферлан]. Ему же она потом рассказывала, что она отказалась познакомиться с ней, потому что все общество, и специально моя жена, возмущалось и смеялось над этим обруганным драгуном. А Гарни в достаточной мере осел и трус, чтоб не дать этой Макферлан никакого удовлетворения за оскорбление и таким недостойным

образом порвать с единственным сотрудником в его газетке, у которого были идеи. *Rara avis*²⁵ в его газетке.

Что придает еще этому митингу особенный вес, это — царящее в Лондоне возбуждение вследствие отставки *little Johnny*²⁶ и *avènement Stanley-d'Israeli*.²⁷ *Frenchmen*²⁸ ничего не боятся так сильно, как всеобщей амнистии. Она лишит ореола всех здешних героев подмоетков.

А. Руге сделал попытку вместе со Струве, Кинкелем, Шраммом, Бухером и т. д. осуществить издание «*Volksfreund*» или, как предлагал наш Густав, «*Deutschen Zuschauer*». Дело провалилось потому, что некоторые не желали протектората Винкельрида [Руге], другие, как обыватель Кинкель, требовали уплаты чистоганом *se qui ne fait pas le compte de Mr. Ruge*.²⁹ Его главная задача состояла в выкачивании денег из этой читающей публики, которую ты знаешь. Юлиус этому помешал, так как он хочет здесь издавать газету.

К. Гейнден является *rédacteur en chef*³⁰ обанкротившейся «*New-Yorker Schnellpost*» и завел ужасающую полемику с Вейтлингом.

Ты поступишь прекрасно, если хоть раз и скоро напишешь красному Беккеру в Нью-Йорк и оповестишь его *sur l'état actuel des choses*.³¹

При сем письмо от Дронке. Верни мне его с обратной почтой; если ты сам пожелаешь написать по этому поводу — *tant mieux*.³²

Твоей посылкой ты оказал мне большую услугу, так как я не мог больше ни в коем случае оставаться должен этому *bel homme*³³ ни фартинга.

Кое-что о французской литературе с 1830 до 1848 г. в моем ближайшем письме.

Напиши мне также, правилен ли мой счет.

Твой К. М.

Впрочем, теперь — ибо «дражайший» постарается вернуться, лишь только он выполнит свое «государственное дело» — с ним нужно будет обращаться свысока и дать ему почувствовать, что он много «потерял». Кстати: Гарни устроил так, что его выбрали в чартистскую депутацию на *Churchstreet*; там он впервые выступит, а ватем отправится в Сити, где устроится по-домашнему. Что он сделал это не по наивности, видно уже из того, что все это он проделал *за моей спиной* вкупе с «*bel homme*», не написав и тебе ни единого слова.

¹ эмигрантов. ² братства. ³ Белая Луиза (Луи Блан). ⁴ красивому мужчине. ⁵ дорогим. ⁶ дражайший, — великолепен. ⁷ богов низшего разряда. ⁸ наиболее счастливых условиях. ⁹ неподкупный маленький человек. ¹⁰ качествам лю-

безным и заслуживающим почтения. ¹¹ делегатов. ¹² в каком-нибудь маленьком божестве. ¹³ фальшивой плакальщицы. ¹⁴ фактического характера. ¹⁵ «Истории десяти лет». ¹⁶ бегают. ¹⁷ славный малый. ¹⁸ бедных англичан на путь прогресса. ¹⁹ тщеславен. ²⁰ дух. ²¹ в натуральном виде. ²² семейный дух. ²³ к желтым перчаткам. ²⁴ собственности, которая должна быть охранена. ²⁵ Редкая птица. ²⁶ маленького Джона. ²⁷ появления Стенли-д'Израэли. ²⁸ Французы. ²⁹ что не входит в расчеты г. Руге. ³⁰ главным редактором. ³¹ о теперешнем положении дел. ³² тем лучше. ³³ красавцу.

66.

28, Deanstreet, Soho, 24 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Теперь час ночи. Приблизительно час тому назад сюда ввалился Пипер, без шляпы, всклокоченный, растерзанный. Дело было так.

Сегодня вечером состоялся митинг или банкет в Сити. *Виллих председательствовал*. Джонс, согласно своему обещанию, не пошел. Наш «дражайший» носил красную ленточку. Присутствовало около 700 человек, приблизительно 150 французов, 250 немцев, 200 чартистов, остальные — поляки и венгры. Луи Блан огласил приветствия, полученные им от его братьев из Парижа, а Виллих — приветствие из Ла-Шо-де-Фон. Из Германии у них не было ни одного адреса. Кроме того был прочитан один адрес от поляков из Парижа.

Речи, говорят, были плохи до смешного. Вообще несмотря на всеобщее братство, на всех лицах была печать скуки, и скука же сковывала все языки.

Шрамм и Пипер купили себе билеты, чтобы полюбоваться на эту потеху. К ним с самого начала стали придирааться. Шрамм подошел к одному из распорядителей, славному рыцарственному Ландольфу, и потребовал, чтобы им за их деньги был, по крайней мере, обеспечен покой. Тот ответил, что здесь не место вступать в объяснения.

By and by;¹ господам с Windmillstreet это надоело. Они стали кричать: «*sry, sry, Наунау, Наунау*»²... и затем Шрамма и Пипера вышвырнули из зала, сорвали с них шляпы и стали на дворе перед залом топтать их ногами, бить по лицу, словом — их чуть не разорвали на куски, вырывали у них волосы и т. д. Подходит Бартеlemi и говорит о Шрамме: «*C'est un infâme! Il faut l'écraser*».³ Шрамм отвечает: «*Vous êtes un forçat libéré*».⁴

В этом избиении приняло участие до 200 субъектов — немцев, французов и господ «братьев». Все обнаружили большую «храбрость» в борьбе против двух безоружных.

После того как все было кончено, изволил появиться дражайший, и вместо того, чтобы энергично вмешаться, как этого

требовали обстоятельства дела, он стал лепетать, что он знает этих людей, и пытался пуститься в пространные объяснения. Великолепное средство в такой момент!

Наши защищались, как львы!

Господа с Windmillstreet кричали: он украл из нашей кассы 19 шиллингов.

На сегодня хватит. Qu'en dis-tu, mon cher? ⁵ Если завтра в Лондоне вспыхнет революция, Виллих-Бартелеми непременно окажутся у власти.

Твой К. М.

¹ дальше больше. ² шпион, шпион, Гайнау, Гайнау. ³ Это — гадина, его нужно раздавить. ⁴ Вы — отпущенный на волю каторжник. ⁵ Что ты скажешь об этом, мой дорогой?

67.

Вторник 25 февраля [1851 г.].

Дорогой Маркс!

Вчера истекла неделя с тех пор, как я послал тебе письмо для Гарни и не получил от тебя никакого ответа; это может меня поставить в затруднительное положение, если, например, письмо от Гарни, которое может каждый день получиться, потребует быстрого ответа или если переговоры здешней новой чартистской клики о приезде сюда Гарни увенчаются успехом, и он в одно прекрасное утро ввалится ко мне в дом. Я надеюсь, что ты все получил и что не состояние твоего здоровья помешало тебе ответить. Быть может, тебя не удовлетворяет это письмо или не нравится моя манера действовать немедленно, на собственный страх и риск, не посоветавшись еще с тобою. Но ведь я именно потому и послал тебе письмо, и если ты имел что-либо возразить против него, то самое простое было просто сказать Гарни, чтобы он пока что не печатал моей статьи, а мне отослать письмо обратно с замечаниями, which you, know would have had all due attention.¹

Во всяком случае я уже давно у тебя в долгу с ответом относительно истории с *сurgensu*.² По существу вещь эта, как я полагаю, очень правильна и сильно поможет тому, что сумасшедшая теория обращения будет сведена к простым и ясным *fundamental facts*.³ Что же касается выводов в твоём письме, то я нахожу нужным заметить лишь следующее:

1. Допустим, что в начале *period of pressure* ⁴ счет Английского банка включает, согласно твоему допущению, 12 000 000 ф. ст. вкладов

и 8 миллионов bullion или coin.⁵ Для того, чтобы освободиться от излишних 4 миллионов ф. ст. bullion, ты заставляешь банк понизить учетный процент. По-моему ему этого вовсе незначает делать, и, насколько я могу припомнить, понижение учетного процента в начале депрессии никогда еще не имело места. На мой взгляд депрессия окажет немедленно свое влияние на вклады и очень скоро не только восстановит равновесие между металлическим запасом и вкладами, но и заставит банк повысить учетный процент для того, чтобы металлический запас не опустился ниже трети вкладов. В той же мере, в какой увеличивается депрессия, приостанавливается обращение капитала, товарооборот. Но векселям, в свое время подписанным, истекает срок, и они должны быть оплачены. Поэтому должен быть пущен в ход резервный капитал — вклады, ты понимаешь, не в качестве платежных средств, а как капитал, и таким образом простой drain of bullion,⁶ на-ряду с депрессией, окажется сам по себе достаточным, чтобы освободить банк от избытка его металлического запаса. При этом банку нет надобности *понижать* свою процентную норму при таком положении вещей, которое приводит к общему *повышению* процентной нормы во всей стране.

2. В период растущей депрессии банк, я полагаю, должен был бы в той же степени повышать пропорцию металлического запаса по отношению к вкладам (для того, чтобы не оказаться в затруднительном положении), в какой будет возрастать депрессия. Четыре избыточных миллиона оказались бы для банка самой лучшей находкой, и он старался бы расходовать их как можно медленнее. При возрастающей депрессии отношение запаса к вкладам, равное $\frac{2}{5} : 1$, $\frac{1}{2} : 1$ и даже $\frac{3}{5} : 1$ было бы, принимая твое предположение, отнюдь не преувеличенным, и его тем легче было бы осуществить, что с сокращением вкладов и металлический запас стал бы абсолютно сокращаться, хотя относительно он и увеличивался бы. Run⁷ на банк был бы при этом положении в такой же мере возможен, как и при бумажных деньгах, и мог бы быть вызван самыми обычными торговыми отношениями, без того, чтобы был поколеблен кредит банка.

3. Currency⁸ будет затронуто *последним*, говоришь ты. Твое собственное предположение, что оно будет затронуто вследствие наступающего затишья в делах, а тогда, естественно, нужно меньше платежных средств, приводит к тому заключению, что количество платежных знаков понижается одновременно с уменьшением торговли и часть обращающихся денег становится излишней по мере усиления депрессии. *Ощутительным* это уменьшение становится лишь к концу, при сильной депрессии; но в общем и целом этот

процесс развивается с самого начала депрессии, хотя его и нельзя доказать на отдельных фактах и деталях. Но поскольку это *superceding*⁹ части денежных знаков является следствием всех прочих торговых отношений, депрессии, не зависящей от денежного обращения, а все остальные товарные и торговые отношения охватываются этой депрессией *раньше*, чем деньги, и, поскольку это уменьшение количества денег лишь в конце становится *практически* ощутительным, — постольку денежное обращение затрагивается кризисом в последнюю очередь.

Эти замечания, как видишь, относятся лишь к твоему *modus illustrandi*,¹⁰ по существу же все правильно.

Твой Ф. Э.

¹ которым, как ты знаешь, было бы уделено должное внимание. ² денежным обращением. ³ основным фактам. ⁴ периода депрессии. ⁵ металлических слитков или металлических денег. ⁶ отлив металла. ⁷ Набег вкладчиков. ⁸ Денежное обращение. ⁹ вытеснение. ¹⁰ методу изложения.

68.

Среда 26 февраля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Твое письмо от 23-го со штемпелем от 25-го я получил сегодня утром. В будущем адресуй мне всегда по адресу гг. Эрмен и Энгельс, Манчестер. Письма будут ко мне доходить быстрее и вернее, так как я сплошь да рядом нерегулярно возвращаюсь домой, а почтальоны и без того иногда приносят письма, адресованные мне на квартиру, ко мне в контору, где я во всяком случае бываю раз в день. По возможности пользуйся первой лондонской вечерней почтой — до 6 с Чэринг-Кросс или до 5¹/₂ в маленьких почтовых отделениях; тогда письма безусловно на следующий день в 10 часов утра будут у меня в конторе.

Ты забыл приложить письмо от Дронке. Пришли мне его сейчас же, я хотел бы ему написать специально для того, чтобы вновь завязать переписку с Лупусом, о котором я уже не знаю, где он сейчас, так как на все мои письма я не получаю никакого ответа. Если ты предпочитаешь не нести расходов по оплате иностранных писем, то присылай их мне или скажи, чтоб их адресовали на мое имя, и я присоединю их к переписке фирмы.

В «Constitutionnel» сказано, что Д'Эстер выслан из Швейцарии и уже покинул ее — *en sais-tu quelque chose?*¹

Твой атлас спасен. Я в конце концов не решился его продать и пока что оставил его здесь, так как он мне очень нужен; я читаю теперь историю Консульства и Империи в изложении французских и английских историков, специально с военной точки зрения.

Лучшее, что я нашел в этой line,² это «History of the war in the Peninsula»³ В.-П. Непира (ныне генерала). У этого молодца есть свои причуды, как у всех Непиров, но на-ряду с этим он обнаруживает чрезвычайно много common sense⁴ и, что еще важнее, чрезвычайно верный взгляд при оценке военного и административного гения Наполеона. Француз был бы совершенно неспособен написать такую книгу. Тьер в смысле исторической достоверности и даже правильности оценки ни на волос не выше жалкого тория Соути, покойного «poet laureate»,⁵ который также написал ругательную и хвастливую историю испанской войны. Непир только чересчур сильно выдвигает своего обер-генерала Веллингтона, но я еще недостаточно далеко дошел в изложении, чтобы иметь возможность составить себе по этому поводу окончательное суждение.

Твои сообщения о citoyens⁶ Луи Блане и Гарни я себе наматаю на ус. От последнего я все еще ничего не получил. Я так и думал, что в этой истории замешан его spiritus familiaris.⁷ Она чувствует безграничное почтение к великим людям и становится все более и более неприятной. Когда он снова заявится сюда, он это во всяком случае должен будет почувствовать. Что касается маленького Блана, то не помешало бы, если бы мы при первом представившемся случае дали разбор его oeuvres complètes;⁸ ты бы взял «Organisation du travail» и «Histoire de la Révolution», а я «Dix ans», sauf à critiquer ensemble l'Association du Travail mise en pratique après Février et les «Pages d'Histoire».⁹

На Пасхе я приеду в Лондон и тут уже кое-что можно будет сделать. Самые эти вещи можно было бы иметь здесь дешево в бельгийской перепечатке. Так как моя интрига с моим стариком мне вполне удалась, по крайней мере до настоящего времени, то я окончательно поселюсь здесь оседло и выпишу свои книги из Брюсселя. Если ты хочешь получить что-нибудь из Кёльна, извести меня об этом; я буду писать на-днях Даниэльсу о своих вещах, и мы можем тогда распорядиться сделать из этого один пакет. NB. Все, но только не английские книги, перепечатанные на континенте. О дальнейшей истории с моим стариком и о той новой интриге, которую я должен был затеять, с одной стороны, чтобы продлить мое пребывание здесь ввиду моей неваменности и, с другой стороны, чтобы обеспечить

себя от слишком большого переобременения занятиями в конторе, я расскажу тебе устно: через шесть недель все равно Пасха, а это требует подробного изложения. Одно во всяком случае обеспечено: мой старик должен будет мне за все это дорого заплатить, и наличными денешками, особенно когда он еще побывает здесь, и я его еще больше втяну в дело. Трудность заключается в следующем: нужно получить официальное место в качестве представителя моего старика по отношению к Эрменам и все же внутри этой фирмы не занимать *никакого* официального поста с обязательством работать и с жалованьем от фирмы. Но я все-таки надеюсь это осуществить; мои деловые письма аншантировали ¹⁰ моего старика, и мою готовность остаться здесь он воспринимает как большую жертву. *Sesі me vaut, ou me vaudra sous peu, £ 5 additionnelles par mois, sauf additions futures.* ¹¹

Твой Ф. Э.

Не забудь мне прислать для развлечения в моем одиночестве Кельнские анекдоты, как только ты их получишь и прочтешь.

¹ известно ли тебе что-нибудь об этом? ² области. ³ «История войны на полуострове». ⁴ здравого смысла. ⁵ коронованного поэта. ⁶ гражданах. ⁷ семейный дух. ⁸ полного собрания сочинений. ⁹ «Организацию труда» и «Историю революции», а я «Десять лет»; кроме того мы вместе дали бы критику того [способа, как] «Организация труда» была проведена на практике после февраля [1848] и «Страниц истории». ¹⁰ привели в восхищение. ¹¹ Для меня это означает или вскоре будет означать прибавку в пять добавочных фунтов в месяц, не считая позднейших прибавок.

69.

26 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Из писем Пипера и Шрамма ты узнаешь факты со слов самих участников. Таким образом, ты лучше сумеешь судить об этом. Непонятна lâcheté ¹ со стороны 200 «братских разбойников», которые свою жажду революционных подвигов проявили на двух безоружных людях, непонятна lâcheté дражайшего, Ландольфа, Луи Блана и т. д., спокойно смотревших на это и повторявших свои «братские фразы».

Еще из переговоров Шрамма и Гарни: Гарни подчеркнул, что Шапшер его «старый знакомый» и что во время нашего пребывания в Брюсселе он был с ним в очень близких отношениях.

Кстати: *весь отчет* о митинге господина Луи Блан и компания, *еще за день до того*, как он состоялся, отослали в одну парижскую газету.

Судебный процесс уничтожил бы Луи Блана. Ты представляешь себе, какая пища для «Times», особенно ввиду того что Бартелеми, этот «galérien», «meurtrier»² и т. д., явился бы в качестве обвиняемого и «procureur à l'assassinat».³ Ведь во время этого избиения Бартелеми сказал, указывая на Шрамма: «C'est un infâme, il faut l'écraser».⁴ Судебный процесс дал бы только следующий скверный результат: проектируемая Гарни и Джонсом газета лопнула бы, Гарни и «братские» пошли бы прахом, «Times» торжествовал бы, Пипер потерял бы свое место (он достаточно благороден, чтобы об этом не думать), а Шрамму и т. д. объединенные чартисты в конце концов все же сломают шею. Que faire?⁵ Завтра переговорю об этом с Джонсом. Друг Гарни вместе с Шаппером кажется полагаются на то, что все сойдет гладко. Он даже не счел нужным предпринять по отношению к нам необходимые steps⁶ и сделать соответствующие уступки. Этот осел затрудняет таким образом положение. Эта мерзость все же не может пройти просто так.

Если Гарни тебе напишет, остерегайся только одного. В твоём письме ты слишком подробно остановился на теоретической критике Ледрю [Роллена] и Блана. Гарни изображает теперь дело так, будто бы мы требовали, чтобы он составил нам queue⁷. Ему прежде всего нужно указать:

1. Что дело идет *единственно лишь* об его отношении к Шапперу и Виллиху, что он оказал прямую *поддержку* нашим худшим личным врагам и что он перед Германией со всем своим весом выступил за них и против нас. И разве он *вместе с нами письменно* не прерывал сношений с Видилем, Бартелеми и Виллихом? Как же он мог их возобновить без нас, *за нашей спиной и против* нашей воли! Если это *faire*,⁸ то я уже ничего не понимаю.

2. Он *отрекся от нас* тем, что *после* инцидента со Шраммом и Пипером тотчас же на митинге не дал нам реванша и немедленно не удалился. Вместо этого он всячески старается изобразить это своим друзьям как незначительный инцидент.

При сем письмо от Дронке. Ты напишешь ему подробно обо всей этой пакости, включая и самое новейшее. Мне нужно очень много писать в Кёльн, Гамбург и т. д.

Сегодня письмо не оплачено и ты должен извинить. Уже слишком поздно, чтобы сходить за stamps,⁹ а необходимо, чтобы это письмо еще сегодня вечером попало на почту.

Твой К. Маркс.

¹ подлость. ² каторжник, убийца. ³ подстрекателя к убийству. ⁴ Это гадина, его следует раздавить. ⁵ Что делать? ⁶ шаги. ⁷ свиту. ⁸ честно. ⁹ марками.

[Шипер — Энгельсу]

Лондон, 26 февраля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Как тебе, вероятно, известно, 25 числа должны были здесь состояться два правдника в честь эмансипированного мещанства и филистерства. О первом, на котором присутствовали Вольф и Либкнехт, пусть тебе расскажет Маркс; на втором же, куда я отправился вместе с Шраммом, произошли некоторые вещи, о которых я непременно должен тебе сообщить. Связь Гарни с немецко-французскими прохвостами из казарм и с каторги Маркс тебе наверное, уж описал. Поэтому не стану тратить слов по поводу обстоятельств, при которых состоялось это *братание*; выскажу только свое мнение, что Гарни дал главным образом Блану соблазнить себя при посредстве Ландольфа. Пресловутая ландольфовская добродушно-братская назойливость и ухватки доброго малого à la Баяр одурачили Гарни, дружба возникла безграничная; само собой разумеется, она дошла до измены старым и заслуженным партийным товарищам, не обладающим этими приятнейшими свойствами. Союз сей ведет свое начало от митинга, посвященного Бему, и Гарни сам неутомимее всех действовал, чтобы банкет состоялся. Мы сочли не лишним наблюдать за поведением Гарни на этом банкете и добыли входные билеты через Шрамма от Гарни, ставшего главным агентом рекламы господ филистеров. Мимоходом упомяну, что со времени бемовского митинга Гарни тщательно избегал Маркса и появление Шрамма у него привело его в такое смятение, что он весь побагровел. Одним словом, мы со Шраммом отправились на банкет, состоявшийся в Излингтоне. Мы несколько опоздали и на нас тут же у входа обратили внимание. Добывши себе место, мы стали свидетелями нижеследующего: 700 человек, зал украшен обычными знаменами и приличным букетом имен, где между Кошутом и Гарибальди красовался Молль, Якоби между Бланки и Кабэ, Роберт Блюм рядом с Барбесом и Робеспьером. Председательствовал Виллих, — все как можно краснее; по словам Магнуса Гросса, это было празднество посвящения краснейшей из красных республик. Прежде всего мы доставили себе удовольствие и испортили вечер этой пауцихе госпоже Гарни, дав ей почувствовать наше присутствие. Читались адреса: 1) Луи Бланом — от 12 округа, т. е. от его старых *ouvriers maçons*,¹ делегатов Люксембурга; 2) Видилем — еще откуда-то; 3) Ландольфом — еще откуда-то; 4) Шаппером — из Швейцарии; 5) Завашкевичем — от поляков и проч. Ни одного адреса из Германии — почему? потому что таковых *не было*. Тосты: — *ami*² Ландольфом — о том, что интеллигенция видит свою основу в *sentiment de l'égalité*,³ то же об интеллигенции — Гебертом, о социализме — *galérien*⁴ Бартелеми и пр. Наконец, появляется Гарни, присутствовавший раньше на банкете на Churchstreet. Шаппер торжественно ввел его, отрекомендовавши *our friend citizen*⁵ Дж.-Ю. Гарни. *Citizen*⁶ прочел адрес от *fraternal democrats*,⁷ присоединился к шапперовскому *war to the knife*⁸ и отпраздновал, судя по слепому упорству, с каким он защищает этот банкет, один из прекраснейших триумфов своей жизни; за эту иллюзию он поспешил заплатить дружбой и близостью с тобой и с Марксом. Так как при входе нашем мы были приняты и замечены Гауде, понадобилось не много времени, и нас уже окружило храброе виллиховское войско в боевой готовности. В течение получаса мы подвергались подлейшим и трусливейшим

оскорблениям со стороны господ Венглера, Прохаского, Ковенда и десяти других. Нам было бы невозможно спокойно удалиться; мы предвидели катастрофу и готовились к тому, чтобы по возможности использовать ее для нашей партии. Однако нападения не были еще достаточно яркими, чтобы мы могли потребовать слова и поднять шум, хотя лацдарони, являвшийся главой и председателем, с внутренним удовлетворением отметил наше положение. Но прошло несколько минут, и внимание всего зала, благодаря все громче раздававшимся ругательствам, в достаточной мере обратилось на нас; тогда к трибуне направился Шрамм и потребовал от Ландольфа, чтобы тот позаботился о поддержании порядка в нашей части зала и отдал контр-приказание филистерам (ибо приказ Виллиха, хотя и молчаливый, был отдан), иначе не миновать блистательного скандала. *Qu'est-ce que répond le noble, le beau, le brave et généreux Landolphe? Ce n'est pas ici le lieu d'arranger des querelles que vous avez avec d'autres.*⁹ Конечно, безрезультатное требование Шрамма оказалось сигналом; *on nous livra.*¹⁰ Как раз должны были начинать играть «Марсельезу»; несколько голосов закричало: *chapeau bas!*¹¹ В то же мгновение нападавшие кинулись на нас и попытались сорвать с нас шляпы; не довольствуясь этим, они подняли крик: *des espions! a spy!*¹² Двадцать кулаков поднялись на нас, и, несмотря на сопротивление, нас вытолкали из зала. О последовавших за этим гнусностях ты сможешь себе составить представление только в том случае, если подумаешь о составе собраний. Крики *a spy!* оказались недостаточными, нужно было еще сильнее разжечь погромное настроение, принялись будоражить еще криками «Наунау!» Президиум ничего не предпринимал, не призывал к порядку, не звонил, не пытался остановить подлое нападение сотен людей на двоих. На дворе (банкет происходил в зале, расположенной в глубине двора) — повторение и продолжение всей этой низости; Шаппер, Бартелеми, Геберт, вся улица *Windmill* собралась вокруг нас и напала на нас. Наконец, появился Ландольф и сказал, что мы, вероятно, сами согласимся, что лучше будет, если нас совсем выставят на улицу. Собаки, которых мы никогда прежде не видывали, пытались выделяться хвастливыми ругательствами и ударами, от которых мы по возможности защищались, — вероятно, они хотели этим угодить Виллиху. Наконец, показался Гарни и робко засвидетельствовал, что мы не шпионы; будучи слишком труслив, чтобы заступиться за нас, как за своих друзей, и сделать наше дело своим, он удовлетворился трусливой попыткой разыграть роль посредника и, по дошедшим до нас слухам, вернулся в тот же зал, чтобы спокойно досидеть до конца *Meeting of the fraternal socialists and communists*¹³ Европы. Во время этих скандалов господину *Луи Блану* пришлось, к несчастью, попридержаться в кармане *его discours sur la fraternité*, *ce qui pourtant ne l'a pas empêché de le tenir après ce déplorable accident.*¹⁴

О том, как мы думаем взять реванш, напишу тебе завтра вечером; прежде мне еще нужно посоветоваться с Джонсом, который отсутствовал на обоих митингах и, по всей вероятности, станет на нашу сторону, притом *plus chaleureusement que notre ami du peuple.*¹⁵

Дружеский привет.

В. Пунер.

¹ каменщиков. ² другом. ³ в чувстве равенства. ⁴ каторжником. ⁵ нашим другом гражданином ⁶ гражданин. ⁷ братских-демократов. ⁸ война до последней капли крови. ⁹ Что же отвечает благородный, прекрасный, смелый и великодушный Ландольф? — «Здесь не место улаживать споры, затеянные вами с другими». ¹⁰ нас выдали. ¹¹ шапки долой! ¹² шпионы! шпион! ¹³ митинг *братьев* социалистов и *коммунистов*. ¹⁴ речь о братстве, что, впрочем, не помешало ему произнести ее после этого прискорбного случая. ¹⁵ с большим жаром, нежели наш друг народа.

70.

[26 февраля 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Только что нашел твое второе письмо. Я немедленно написал Гарни второе письмо; если ты одобряешь, отправь его ему немедленно. Это свинство слишком далеко зашло, и он должен это почувствовать. Если он вступает в союз с другими, *tant pis pour lui, I care the devil*.¹ Прилагаю письмо, которое кажется мне очень странным. В чем тут дело? Я не знаю, насколько *красный Вольф* сам отвечает за свои поступки. В этом письме столько безумия, что я не могу ответить на него, не получив подробных сведений. Сообщи мне поэтому, что это за проделка и отошли мне эту безделицу.

Час ночи. Среда.

Твой Ф. Э.

У меня нет *stamps*² и так как я сейчас несу письмо на почту, я не могу его оплатить.

¹ тем хуже для него, пускай идет к чорту. ² марок.

71.

Четверг 27 февраля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Вчера в 12 часов ночи, вернувшись домой и найдя твое письмо с рассказом о подлости, учиненной по отношению к Шрамму и Пиперу, я тотчас же отправил тебе письмо для Гарни. По всему виду этого письма, по его неровному почерку, по патетическому негодованию, по его хромающему и спотыкающемуся ходу мыслей и отсутствию ясности *во всем*, ты, наверное, сообразил, что оно написано было под влиянием нескольких стаканов крепкого пунша, которые я, в виде

исключения, выпил в тот вечер, и ты, вероятно, не отослал его. In fact ¹ я был так взбешен, что не мог пойти спать, не отослав его; поэтому я в первом часу ночи побежал на почту скорее для того, чтобы самого себя успокоить, чем для того, чтобы возможно скорее довести до сведения Гарни мое мнение. Ты получил это письмо, вероятно, сегодня около полудня, и так как сегодня до вечера нет почты, то у меня не было возможности написать тебе раньше, чем сейчас. Я прилагаю при сем исправленное письмо к Гарни, которое ты ему доставишь, если, как я надеюсь, ты еще не отправил ему первого письма.

В будущем адресуй мне письма следующим образом:

1. Все письма, которые ты будешь отправлять до 6 часов вечера в почтовом отделении Чэринг Кросс или до 5¹/₂ в соседних почтовых отделениях, адресуй в контору (Эрмен и Энгельс). Я буду их тогда получать в 10 часов утра.

2. Все письма, которые ты будешь сдавать *после* 6 часов вечера, адресуй на Great Duciestreet. Тогда я буду их получать на следующий день в 6 часов вечера, между тем как в конторе я их буду получать лишь на третий день утром.

Гюнерб[ейн] написал мне на-днях, Мирбах счастливо бежал и отправляется из Парижа к своей жене в Афины.

Твой Ф. Э.

¹ В действительности.

Дорогой Маркс!

Лишь сегодня утром прибыло твое письмо от третьего дня. Если бы я вчера вечером знал все эти детали, я бы написал dear ¹ Гарни совсем по иному. Но он еще попадетс я мне и тогда я ему задам.

Я думаю, что затеять серьезное судебное преследование вряд ли будет полезно. Оставляя в стороне Гарни, Джонса и чартистов, история свелась бы к взаимным обвинениям. При помощи первых попавшихся адвокатов противная сторона стала бы предлагать Шрамму и Пиперу самые бесстыдные вопросы, например не украл ли Шрамм кассовых денег на улице Great W[indmillstreet] и т. д. и т. д.; вопросов этих было бы достаточно, чтобы уничтожить всякий эффект, какой бы энергичный отпор на них ни давался. Свидетели противной стороны присягнули бы, что Шрамм сказал то то и то то; они восстановили бы некоторые сцены Шрамма на Great Windmill-

street и раздули бы их до колоссальных размеров, чтобы изобразить Шрамма в качестве «disturber of public meetings»² и т. д., а magistrate,³ довольный тем, что эти demagogues⁴ изображают друг друга подлецами, допустил бы все, что может бросить компрометирующую тень на обе стороны. Но, как угрозу, Шрамм должен это использовать. Он и без того считается for a care-the-devil reckless sort of character,⁵ и они считают его способным довести дело до этого. Он должен был бы надавать пощечин Ландольфу и практиковаться в стрельбе. Этот человек всегда попадает в подобные истории и никак не может обойтись без огнестрельного оружия.

Процесс в конце концов кончился бы очень грубой судебной расправой по отношению к обеим сторонам и больше ничего не дал бы, в особенности если бы он разбирался в Излингтоне, где судьи бог знает какие старые ослы. И если Ландольф, représentant du peuple,⁶ заявит, что Шрамм мог прийти только с намерением вызвать скандал, то не думаешь ли ты, что это в конце концов будет иметь больше влияния на публику, чем объяснения Шрамма и Пипера. Эта история могла бы вызвать большой скандал, но тогда часть скандала путем инсинуации обрушилась бы на Шрамма.

И затем несомненным результатом такого скандала было бы введение нового закона об иностранцах в целях охраны благородных реакционеров, прибывающих с континента на выставку. Но почему же, черт возьми, Шрамм тотчас же не пошел к Гарни, pour le mettre en cause,⁷ когда Ландольф выгнал его?

Как раз время на почту. Adieu!

Твой Ф. Э.

¹ дражайшему. ² нарушителя порядка общественных собраний. ³ полицейский судья. ⁴ демагоги. ⁵ человеком с беспашашным легкомысленным характером. ⁶ представитель народа. ⁷ чтобы втянуть его в дело.

73.

Суббота 1 марта 1851 г.

Дорогой Энгельс!

У тебя, очевидно, совершенно странные почтовые клячи, так как все мои письма приходят слишком поздно. Ты хорошо знаешь, если ты внимательно прочел полученные письма, что все, что ты советуешь, уже сделано, за исключением пощечины Ландольфу, которой я не одобряю. Если бы следовало кого-нибудь оскорбить, то в первую очередь маленького «Гип-гип-ура», шотландца Джорджа Юлиана Гарни, и никого другого, и тогда в стрельбе должен был бы

практиковаться Гарни. Я читал оба твоих письма; я отослал *первое*, так как, по моему мнению, оно лучше написано и было более подходящим, чем второе исправленное издание.

Судебная процедура является достаточной угрозой для Гарни, как и для Ландольфа. Твое опасение, что Ландольф будет показывать против Шрамма, не обосновано. Он скорее будет показывать, что Шрамм просил его, члена комитета, поддерживать порядок в толпе во время скандала.

Так как таким образом «угроза» судебной процедурой напрасна, *que faire*,¹ если не примириться спокойно с побоями, оскорбительной руганью и торжеством Шаппера-Вилланха!

Все твои опасения относительно скандала правильны. Но и с нашей стороны можно было бы иметь хорошего адвоката. Пострадает ли его репутация в большей или меньшей степени, для Шрамма совершенно безразлично. Но если он предаст это дело забвению, теперь, после того как в него вмешались французы с Churchstreet, тогда он *perdu*,² если он или не получит от чартистов публичного удовлетворения, или не доведет этого дела до суда. Одно из двух.

Джонс, как я тебе писал, не был на понедельничном митинге. Я условился с ним относительно встречи у меня на дому, но помчался к нему уже во вторник; не застал его, оставил ему записку, чтобы он пришел в среду. Не пришел. Пошел к нему в четверг. Не был принят. Оставил ему билет, в котором приглашал его к себе. Не пришел. В пятницу вечером я написал ему подробное письмо, в котором спокойно, просто, ясно изложил всю дрянь с самого начала, указал ему перспективу отвратительных последствий, требовал публичного удовлетворения и в заключение потребовал, чтобы он пришел ко мне для обсуждения всего этого. Он не пришел, несмотря на то, что он в городе; нет от него также никакого ответного письма. Очевидно, Джонс уже обработан маленьким шотландским интриганом, который боится допускать его ко мне. Таким образом, ты видишь: нет никаких видов на публичное удовлетворение со стороны чартистов. Остается только судебная процедура. *Adviendra qui proiuga*.³ Неприятно только то, что Пипер теряет из-за этого свое место, а мы, вероятно, *plus ou moins*⁴ натравим на себя чартистскую чернь. *Введение закона об иностранцах* было бы *приятнейшим* событием для нас. Что из себя представляли бы эти ослы без ежедневной демонстрации?

Остается еще одно средство уладить это дело, не доводя его до крайнего скандала—это если бы ты *тотчас же*, но без промедления, *приехал сюда*. Ты мог бы остановиться у меня, так как я теперь

нанял еще две комнаты. Другого средства, я объявляю это тебе категорически, — нет. Письма запутывают, затягивают дело, не достигают цели.

Твой К. М.

¹ что делать. ² погиб. ³ Пусть будет, что будет. ⁴ в большей или меньшей степени.

74.

8 марта 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Сегодня только несколько строк, matter of fact.¹

Ты видишь, «Times» не поместил этой дряни. Mais ça ne nous regarde plus.²

Гарни еще третьего дня утром написал Шрамму. Этот болван и шалопай вышел из дому в 9 часов утра и вернулся домой около часу ночи. Поэтому он нашел письмо только вчера.

Гарни дал место его «объяснению»; он написал к нему удовлетворительное вступление. Он пишет Шрамму «Dear Schramm» и напоминает ему, чтобы и он теперь исполнил свое обязательство и не обращался к police court³ — этот документ нужен ради французов.

Вчера «Patrie», сегодня «Constitutionnel» напечатали заявление господ Блана, Бартелеми, Шаппера, Виллиха и всего остального комитета, в котором эти господа уверяют, что Бланки не посылал тоста ни одному из членов комитета. «Patrie» по этому поводу замечает, что она не хотела напечатать этого, не наведя предварительно справок. И вот господин Антуан — шурин Бланки — прислал ей следующее сообщение: письмо-тост было послано Бартелеми, подпись которого также имеется на заявлении, и получение его было им подтверждено. Ты представляешь себе, какой стон царит в этом лагере!

Mais ce n'est pas tout.⁴

Вольф послал вчера утром Вдлофа [?] с чистокровным англичанином к Ландольфу. Этот молодец держал себя, как вышедший из себя Грес:⁵ сперва вопил, декламировал, сыпал фразами, размахивал руками и ногами, а затем его снова охватила свойственная ему трусость. Сегодня вечером будет составлен протокол в присутствии жалких срапаудс⁶ с Churchstreet. В заключение: плохие вести от моей старухи: она полагает, что все зависит от Боммеля. Я, вероятно, вынужден буду идти на этот «coup de désespoir».⁷

Твой К. Маркс.

Я получил от Беккера письма Виллиха. Ты их получишь во вторник.

¹ фактического характера. ² Но нас это больше не касается. ³ полицейскому суду. ⁴ Но это не все. ⁵ шулер. ⁶ мешан. ⁷ отчаянный шаг.

75.

Понедельник 10 марта 1851 г.

Дорогой Маркс!

Сегодня утром прибыло прилагаемое при сем письмо Веерта, которое я тебе тотчас же посылаю. История между Шраммом и Гарни таким образом теперь ликвидирована. Если ты сможешь уговорить этого шалопая, заставь его послать Гарни копию перевода тоста Бланки, *cela fera son effet*.¹ Будет вообще хорошо, если он, находясь теперь опять с Гарни в самых лучших отношениях, будет поддерживать эту связь. У Гарни все же есть газета. Копия статьи, посланной в «Times», могла бы также быть послана Бланки в Беллиль. Шрамм не должен быть в этом деле слишком небрежным, — он должен прикрывать себе тыл с различных сторон. Завтра вышлю деньги.

Твой Ф. Э.

Бартелеми здорово скомпрометирован — это утешительно.

Заставь Шрамма сообщить Гарни всю эту историю письменно. Тогда мы сможем *given notice*,² и это все же пункт, который потом может иметь значение.

¹ это произведет эффект. ² дать предостережение.

76.

17 марта 1851 г.

Дорогой Маркс!

У меня был чрезвычайно надоедливый припадок гриппа, сделавший меня неспособным ко всему разумному и неразумному. Этим объясняется мое молчание. Я был только в состоянии послать тебе на прошлой неделе почтовый перевод — ты, наверное, уже получил его. 5 шиллингов предназначаются для Ленхен, которой как раз не было дома, когда я уезжал от тебя. Если только будет возможно, я пошлю тебе на этой неделе или, самое позднее, на будущей 2 фунта для «Гип-гип-ура». Шрамм может их ему отнести. Так как я от тебя до сих пор — с тех пор как я послал тебе письмо Веерта — ничего не получил, то я, конечно, больше ничего не знаю, и все еще

ожидаю благородных писем Виллиха. «Fr[ie]nd of the P[eople]» с заявлением Шрамма я не видал; он приходит сюда очень нерегулярно; скажи Шрамму, чтобы он прислал мне экземпляр sous bande.¹ Он, наверное, легко сможет себе раздобыть экземпляр, если бы в его распоряжении не оказалось ни одного. Очень приятно узнать, что Ландольф в конце концов оказался трусом; я все еще жду пресловутого письма от него.

Я отчаянно злюсь на эти глупые учреждения, которые делают для меня почти невозможными регулярные и упорядоченные занятия. В одну библиотеку мне нельзя ходить, другая, публичная, лишь случайно имеет те вещи, которые меня в данный момент больше всего интересуют, да и часы для меня неподходящие, так что в моем распоряжении остается лишь жалкий «Атенеум», в котором никогда ничего нельзя получить и библиотека которого находится в самом ужасном беспорядке. Так, например, я тщетно гоняюсь за Непиром, и проходит всегда 2 — 3 недели, пока добьешься следующего тома. С отчаяния я взялся за письма Цицерона и изучаю по ним règne de Louis-Philippe² и коррупцию Директории. Чрезвычайно веселая «chronique scandaleuse».³ Этот Цицерон действительно неocenim; профессор Круг и Себастиан Зейлер в одном лице. Более низкой канальи, чем этот молодец, не найти в среде простофиль с самого сотворения мира. Я как следует проконспектирую для себя эту симпатичную книжечку. На сегодня хватит.

Твой Ф. Энгельс.

¹ под бандеролью. ² царствование Луи-Филиппа. ³ скандальная хроника.

77.

Лондон, 17 марта 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Целую неделю не писал. Прежде всего я сам по сродству душ с тобой проболел гриппом, а затем criblé de petites misères,¹ которые все дали о себе знать в эту роковую неделю.

При сем посылаю тебе веселые письма рыцаря фон-Виллиха.

В грязном листке Гейнцена помещена мнимая корреспонденция из Парижа, сфабрикованная здесь в Лондоне, в которой, как само собою разумеется, подвергаемся нападкам прежде всего мы оба, затем Рудольф Шрамм, депутат, «без зазрений совести» проживающий состояние своей жены, «полу-люди Таузенау, Юлиус и Бухер» и, наконец, очень ядовито великий Кинкель. Гейнцен никогда не простит ему конкуренции в попрошайничестве. Восхваляются лишь великий Руге и Струве. О Руге в этом письме из Парижа

сообщается, что он приезжал на один день из Брайтона в Лондон. Эта вздорная статья возникла в результате того, что Гейнцен собрал в кучу и издал сплетни из частного письма Руге и частного письма Бамбергера, взаимные обвинения которых противоречат друг другу.

На большом банкете, на котором Руге выступил как «безграничный дурак», — Вольф и Либкнехт сами присутствовали на нем, — не было ни одного берлинского или франкфуртского депутата. Они не желают гегемонии Руге-Струве. Клика: Р. Шрамм, граф Рейхенбах (франкфуртский, а не «борода партии») и Оппенгейм, Бухер и, наконец, Юлиус, действующий самостоятельно, — все со своей стороны интригуют против этих богов глупости. Конечно, из очень возвышенных мотивов. *Je vous dis, de la merde, la merde tout pure, toute cette canaille là.*²

Кинкель, помещающий всю эту ругань против нас, произнес на банкете в своем обычном «красносафьянном» стиле унылую речь о примирении всех — «от простого борца за конституцию до красного республиканца». Все эти ослы, хотя они и за республику, а Кинкель при случае вздыхает даже по красной республике, холопски лизжут зад английской конституции, — противоречие, по поводу которого даже невинный «Morning Chronicle» изволил сделать им замечание относительно недостатка у них логики.

О Ландольфе ничего нового. Он носит звание разоблаченного шулера с достоинством «*homme d'honneur*»³.

Комедия с Бланки еще не закончена. *Ancien capitaine*⁴ Видиль послал в «Patrie» разъяснение, в котором он пишет, что его чувство чести и правдивость заставляют его заявить, что Луи Блан, все другие и он сам солгали в своем первоначальном заявлении; комитет состоял из 13 лиц, а не из 6. Всем им был представлен тост Бланки, всеми ими он был обсужден. Он был в числе шести. Благородный Бартелеми, не прочитавши этого письма, несколько дней после этого в свою очередь посылает разъяснение в «Patrie», в котором говорит, что письмо он получил, но не сообщил его другим; разоблачает таким образом самого себя в том, что он трижды солгал. «Patrie», печатая это письмо и заявляя в заключение, что больше она не будет ничего принимать от этих ослов, делает следующее вводное замечание: «*Nous nous sommes demandé souvent — et la question est difficile à résoudre — qui l'emportait chez les démagogues, de la vantardise ou de la stupidité? Une quatrième lettre de Londres augmente encore notre perplexité à cet égard. Ils sont là nous ne savons combien de pauvres diables, tourmentés à tel point*

de la rage d'écrire et de voir leurs noms cités dans les journaux *réactionnaires*, qu'ils ne reculent pas même devant la perspective d'une confusion et d'une dépréciation sans borne. Peu leur importe la risée et l'indignation publiques: *le Journal des Débats*, *l'Assemblée Nationale* et *la Patrie*, inséreront leur prose; pour obtenir ce bonheur, rien ne coûte à la Démocratie cosmopolite etc. Nous accueillons donc au nom de la *comisération* littéraire la lettre suivante du citoyen Barthélemy... C'est une nouvelle, et nous l'espérons bien, une dernière preuve à l'appui du trop célèbre toast Blanqui, qu'ils ont tous nié d'abord, et pour l'affirmation duquel ils se prennent maintenant aux cheveux». ⁵

Разве это не великолепно?

Я получил твой почтовый перевод. Если ты и в своей торговле платишь такие проценты, тогда либо твои прибыли, либо твои потери должны быть чрезвычайно велики.

Не забудь написать Дронке. Галеер умер. Прилагаемое отправь Т. Шустеру во Франкфурт.

Твой К. Маркс.

¹ по уши погряз в мелочных заботах. ² Говорю тебе, все эти каналы — дрянь, чистейшая дрянь. ³ человека чести. ⁴ Капитан в отставке. ⁵ Мы часто спрашивали себя и никак не могли ответить на этот вопрос, что у демагогов сильнее: бахвальство или глупость? Четвертое письмо из Лондона еще усиливает наше недоумение на этот счет. Их там бог весть сколько бедняг, до такой степени обуреваемых страстью писать и видеть свои имена напечатанными в *реакционных* газетах, что они не останавливаются даже перед перспективой безграничного позора и самоуничужения. Что им насмешки и пренебрежение публики, раз «*Journal des Débats*», «*Assemblée Nationale*», «*Patrie*» напечатывают их литературные упражнения; для того, чтобы достигнуть этого счастья, этой космополитической демократии никакая цена не кажется слишком высокой... Во имя литературного *сострадания* печатаем следующее письмо гражданина Бартелеми; оно является новым и, надеемся, последним доказательством подлинности весьма прославленного тостаBlanqui, который они сперва все отрицали, а теперь подтверждают до такой степени яростно, что готовы вцепиться друг другу в волосы».

‡‡.

Среда 19 марта 1851 г.

Дорогой Маркс!

История с тостомBlanqui разрастается уже действительно сверх всякой меры. Заявление Видиля по поводу Луи Блана прямо великолепно; последний выставлен простым лугоном перед всей Францией и Англией. Бартелеми поразительно влопался. — Одного места твоего письма я не понимаю. Видиль заявляет, что комитет состоял из 13,

а не из 6 лиц... он был в числе этих шести». Кто эти шесть? Подписавшие первое заявление или, быть может, фракция, голосовавшая за оглашение тоста Бланки?

Немецкие истории также не лишены приятности. Я видел отчет о банкете в «Daily News». Так как банкет был респектабелен, то на этот раз и Мадзини не постеснялся прийти. «General Haug[h] in the chair!»¹ Этот молодец обещает превратиться в карикатуру на генерала Дюбура в 1830 г. Если судить по объявлению в «Times», то герингеровская таверна: «Золотая звезда» является теперь весьма приличной. Но так как мне все-таки необходимо собрать все эти сплетни, то было бы не вредно послать туда для рекогносцировки патруль — *il s'en trouvera bien un qui voudra mettre son nez dans cette merde là, même au risque d'être mis à la porte.*²

Last but not least:³ — письма Виллиха способствовали моему веселому настроению во время сегодняшнего завтрака.

Вот баран! Действительно не могу никак понять, как мог он письмо Шр[амма] принять за ответ на свое первое письмо. Но перспектива военной диктатуры в Рейнской провинции, без прессы, которая могла бы ему досаждать, — чорт возьми, это действительно могло вскружить голову этому ослу. Настоящий *capitaine d'armes*⁴ и фельдфебель! Социальная революция при помощи «нищенской похлебки» семьям ополченцев, статистика, сведенная к учету «припасов скота, транспортных средств и солдат!» Этот проект революции совершенно побивает предшествующий, состоявший в том, чтобы с 5 000 человек завоевать Германию. Если народное ополчение на это не пойдет, тогда придется разочароваться в человечестве. «Несколько человек я сам привез бы с собою, других *призвал бы*»... Понимаешь ли ты, что этот молодец имел в виду? «Гражданину Карлу Марксу приказывается в течение 48 часов явиться в Кёльн и взять на себя руководство финансовыми делами и общественными реформами под надзором и контролем гражданина Геберта. Неповиновение этому приказу, равно как и всякое противодействие или небесприкословное подчинение, так же, как и неподобающие остроты, будут караться смертью. К гражданину Марксу будут приставлены для охраны унтер-офицер и шесть солдат». — А как этот молодец говорит о Шаппере! «*Nous ne voulons plus de jouisseurs!*»⁵ Таким образом даже спартанская «*pot half and half*»⁶ и покорное трепетание толстой свиньи представляются этому пьянствующему за чужой счет и онанирующему фельдфебелю сибаритизмом.

Впрочем, кто знает, не поступила ли бы эта откормленная свинья при какой-нибудь осаде Кёльна так, как благородный Палафокс

в Сарагоссе, который во время второй (настоящей) осады Сарагоссы ни разу не вышел потому, что он в компании трех или четырех забулдыг и массы проституток кутил в непроницаемом для бомб подвале монастыря среди бочек с вином и вышел лишь тогда, когда должен был подписать условия капитуляции.

Но на какое письмо отвечает Виллих в третьем, торжествующем, полном уверенности в победе письме, жалующемся лишь на затруднения в деньгах? Послал ли ему Шрамм второе письмо или Беккер ответил на второе письмо Виллиха? *Explique-moi cela* ⁷ и сообщи, нужно ли тебе сейчас письма вернуть; я с удовольствием оставил бы их у себя еще на некоторое время, чтобы при случае сделать некоторые выписки.

Железнодорожная спекуляция становится блестящей — с 1 января акции поднялись большей частью на 40%, и самые худшие больше всего. *Ça promet!* ⁸

Твой Ф. Энгельс.

¹ Генерал Гауг председательствовал. ² ведь найдется же кто-нибудь, кто будет готов сунуть свой нос в эту дрянь, даже с риском быть выставленным за дверь. ³ Последнее, но не наименее важное. ⁴ унтер-офицер. ⁵ Мы не желаем больше любителей наслаждений. ⁶ «кружка пополам» (половина эля и половина портера). ⁷ Объясни мне это. ⁸ Это много сулит!

79.

[Пипер — Энгельсу.]

Лондон, 22 марта 1851 г.

Cher ami.

Voici le dernier des *manifestes* qui aient paru: ¹

К немцам!

Граждане и друзья, оставшиеся на родине! Мы, нижеподписавшиеся, образуем отныне и до тех пор, пока вы не разрешите этого вопроса, комитет по германским делам.

Центральный комитет европейской демократии дал нам Арнольда Руге, баденская революция — Густава Струве, венская революция — Эрнста Гауга, религиозное движение — Иоганна Ронге. Тюрьма послала нам Готфрида Кинкеля; мы предложили рабочим социал-демократам делегировать в нашу среду своего представителя.

Братья немцы! События отняли у вас свободу, а нас, ее защищавших, изгнали из нашей родины. Наши противники дошли до нарушения всех законов и договоров, до безудержного произвола и откровенного насилия; благородный подъем 1848 г. открыто осмеивается и поносится, народ вновь стал безвольной массой, Германия вновь впала в прежний хаос, и над ней владычествует воля чужих варваров. Мы должны снова отвоевать демократию и ее законы, отчизну и свободу.

Мы знаем, что вы неспособны навсегда отказаться от свободы; *мы же, со своей стороны, не пренебрегли никакими усилиями, дабы ускорить завоевание ее.* Общественное мнение на континенте восстает против кнута, вас порабащавшего, а мы, изгнанники, свободные в своих словах и действиях, мы сочли нашим долгом выразить словами ваши чувства и действовать от имени народа и закона.

Когда мы помогали основывать Европейский центральный комитет и поддерживали и гарантировали мадзиниевский заем, когда мы объявляли дело освобождения всех угнетенных народов на континенте их общим делом, когда мы вместе с польскими, венгерскими, итальянскими и французскими демократами провозгласили *священный союз народов* в противовес кощунственному заговору их угнетателей, *мы делали — мы знаем это — лишь то, что вы от всей души желали, чтобы было сделано.*

С тех пор общее положение претерпело значительные изменения. Великая тяжба свободы против тирании решается перед всемирным судом человечества. Каждый день, каждый час проливает яркий свет на виновников. Решение вскоре будет вынесено.

Вы знаете, до какого унижения, до какого бесчестия, до какого отчаяния дошло ваше положение. Русский над вами командует, австрияк пьет вашу кровь, пруссак предал и продал и вас, и себя. В Германии нет ни прав народа, ни неприкосновенности свободы, ни чести нации, и нужда воцаряется там, где оставляет свой след нога варвара. Положение, господствующее в Австрии, в Бадене, в Гессене и в Шлезвиг-Голштинии — пожары, убийства, опустошение, голод и банкротство — вскоре станет уделом всей Германии. Оглянитесь на Францию — она горит негодованием, она единодушнее, чем когда-либо, стремится к свободе. Оглянитесь на Венгрию, — даже кроаты на стороне свободы, — и верьте нам — ибо мы знаем это — Польша бессмертна.

Итак, всеобщее возмущение Европы против невыносимого состояния оголтелого насилия прорывается неудержимо. Сила против силы, вот справедливость! — она подготавливается.

И мы не пренебрежем никакими усилиями, чтобы *вести* временное правление, более действенное, нежели предпарламент, и народную власть, более могущественную, нежели Национальное собрание. Мы, демократы, введем в жизнь то, одно представление о чем вызывало трепет либералов: правосудие и управление суверенного народа.

Наши проекты о финансах и печати мы вам представим отдельно. Они интересны лишь со стороны деловой. Для общества важно только то, что всякий, покупающий итальянский заем, непосредственно содействует нашему комитету и нашему германскому делу. В настоящее время вы действительно всего можете способствовать ему усиленными взносами денежных средств. Деньги мы сумеем употребить для организации *общественного мнения и общественной силы.* Вспомните англичан: они говорили: «Сначала подпишитесь на сто тысяч фунтов, тогда снимем с вас хлебные пошлины!» Случилось и то, и другое. Мы говорим угнетенным народам: «Подпишитесь на десять миллионов франков, и мы освободим континент».

Немцы! Не забывайте того, что вам нельзя отставать от прочих народов. Дайте нам ваши мысли, ваш кошелек и вашу руку! Мы полагаем, что ваша энергия возрастает вместе с терпимыми вами притеснениями и что в решительный час комитет найдет в вашем содействии достаточную поддержку.

Обнародование нашего воззвания поручается всем демократам.
Комитет по германским делам в Лондоне:

Арнольд Руге, Густав Струве, Эрнст Гауге, Иоганн Ронге, Готфрид Кинкель.

Лондон, 13 марта 1851 г.

Избавляю тебя от всяких замечаний по поводу этого «документа» и предоставляю тебе самому отметить те места, которые весьма подходят для чтения за утренним завтраком для развлеченія и возбужденія аппетита. Пожалуйста, только не подумай, что документ мы сами сочинили (при всем желаніи он бы у нас так хорошо не вышел), à la façon des dodges² при помощи Виллиха. О нем должен кстати рассказать тебе недавний курьезнейший случай. Вчера кельнцы послали тост Бланки, прескверно переведенный ими с немецкаго языка Маркса на язык Бюргерса. Мы взяли экземпляр и послали его фельд-фебелю со следующим препроводительным письмом:

Граждане!

Все от того же купца!

Роковое событие!

Невозможно скорее написать!

Готовы ко всему! Успех обеспечен. Отклик обеспечен.

Осторожно!

Осторожно! Осторожно!

Рукопожатие и союзнический привет!

Обнимаю вас!

Vau!

Приписка: Получено из Швейцарии! Гнусная интрига! Отклик обеспечен!

А *propos*,³ господа Руге и Кинкель также рассчитывают на шесть солдат с унтер-офицером. Неужели вы воображаете, что ваши экономические исследования так вам даром и пройдут? (Волчья долина, но не из «Фрейшютца».) И если вы не хотите эти исследования принести в жертву на алтарь отечества, вы — изменники, и тогда для вас готовы пули. *Remarquez bien encore*,⁴ что Виллих *впоследствии* устроит дело с закладными и проч. и что Руге *впоследствии* намерен предложить свой финансовый план. Оба оставляют для вас вопрос открытым, а потом: унтер-офицер и шесть солдат, шагом марш вперед!

Спокойной ночи, *mon cher!*⁵

Твой В. П[ипер].

[Приписка Маркса.]

Дорогой Энгельс!

Я поручил Пиперу переписать для тебя этот замечательный документ. Под предлогом, что он гарантировал заем Мадзини, Руге требует денег для обработки «общественного мнения». Среди внешних «пруссаков» — Бухера, Эльснера, Циммермана и т. д. — царит огромное негодование по поводу такого «временного правления».

Что касается «шести», которые создали тебе столько *trouble*,⁶ то эти шесть были Ландольф и Блан, Виллих и Шаппер, Бартеlemi

и Видиль, словом — шесть матадоров; венгры, поляки и т. п. непривлеченная чернь не фигурировала.

В третьем письме Виллих отвечает лишь собственному ходу мыслей. N'a reçu ni lettre, ni rien de la part des Becker et des Schramm.⁷

Сегодня у этого молодца будет приятный день. Около двух недель тому назад Вольф встретил его в 2 часа ночи в кафе протитутток и громко воскликнул: «Ах! добродетельный Виллих здесь!» После этого добродетельный улетучился.

Настоящим вожакон немецкой Centraldodge⁸ является неуклюжий мозольный оператор и травоядное животное Струве. Этот молодец занимается теперь своим старым ремеслом, которое состоит в том, чтобы при помощи кранноскопии, морали и тому подобной ерунды привлекать к себе внимание. Рыночный крикун, да к тому же еще с хриплым гортанным голосом. В продолжение последних 25 лет этот осел составил «Демократический государственный лексикон» и «Демократическую мировую историю»; обе вещи ничего собой не представляют: одна — лишь перевод Велькер-Роттека на язык Струве, а вторая — это демократически перефразированный Роттек. И Руге так низко пал, что от напечатания этой чепухи в Германии его удержала лишь сострадательная полиция.

Глупый Кинкель хорошо умеет рассеивать иллюзии филистеров. Ничто так основательно не разоблачает этого осла, как тот факт, что он попал в руки таких испытанных арлекинов, как Струве и Руге. Во всяком случае он в этой компании оставит свою львиную шкуру.

Твой К. Маркс.

Джонс был у меня несколько дней тому назад и весьма рад, особенно после последних разоблачений, что я спас его от участия в банкете.

¹ Дорогой друг, вот последний из вышедших манифестов. ² в виде надувательства. ³ Кстати. ⁴ Заметьте еще хорошенько. ⁵ милый мой. ⁶ затруднений. ⁷ Он не получил ни от Беккеров, ни от Шраммов ни письма, ни чего-либо иного. ⁸ главной махинации.

80.

28, Deanstreet, Soho, 31 марта 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Пока ты занимаешься историей войны, я веду малую войну, в которой мне *by and by*¹ угрожает поражение; это война, из которой

не могли бы найти выхода ни Наполеон, ни даже сам коммунистический Кромвель — Виллих.

Ты знаешь, что 23 марта я должен был заплатить 31 фунт 10 шиллингов старому Бамбергеру, а 16-го — 10 фунтов этому еврей Штибелю, все это по пущенным в оборот векселям. Я прежде всего навел справки у моей тещи непосредственно через Женни. Ответом на это было, что господин Эдгар с остатком *денег Женни* был опять послан в Мексику, и я не мог выжать ни *одного* сантима. Тогда я написал своей матери. Грозил выдать на нее векселя и в случае неуплаты поехать в Пруссию и дать себя арестовать. Последнее я действительно готов был сделать, но к этому средству я не мог прибегнуть с того момента, как эти ослы стали кричать в газетах об отречении рабочих от меня, о падении моей популярности и пр. Дело имело бы вообще вид более или менее ловкой политической инсценировки, более или менее обдуманного подражания Иисусу Христу — Кинкелю. Я сообщил своей старухе, что последний срок 20 марта. 10 марта она писала мне, что они хотят обратиться к родственникам; 18 марта она пишет, будто бы родственники *не* писали, что должно было означать: дело кончено. Я ей категорически ответил: остается в силе то, что я писал в моем первом письме.

Штибелю я уплатил 16 марта его 10 ф. ст. при помощи Пипера. 23 марта, после целого ряда бесплодных шагов, вексель старого Бамбергера, конечно, был опротестован. У меня была отвратительная сцена со стариком, который, кроме того, ужасно ругал меня у достойного Зейлера. Этот осел через своего банкира в Трире навел обо мне справки у банкира Лаутца. Этот субъект, банкир моей старухи и мой личный враг, написал, конечно, величайшие глупости обо мне и кроме того восстановил еще против меня мою старуху.

По отношению к старому Бамбергеру мне не оставалось ничего иного, как выдать ему для покрытия старого векселя два новых векселя — один на его имя в Лондоне, на срок в один месяц, считая с 24 марта, другой сроком на три недели на имя моей старухи в Трире. Я тотчас же уведомил *старуху*. Сегодня я получаю одновременно с твоим письмом письмо от своей старухи, в котором она в высшей степени *резко* пишет и с полным моральным негодованием *positivement*² заявляет, что она будет опротестовывать каждый выданный мной на ее имя вексель.

Таким образом, к 21 апреля я должен ожидать самых крайних мер от пришедшего в неистовство старого Симона Бамбергера.

Одновременно моя жена разрешилась от бремени 28 марта. Роды были легкие, но теперь она очень больна и скорее по причинам

свойства материального, чем физического. При этом у меня в доме *verbalement*³ нет ни фартинга, зато тем большее количество счетов от мелких торговцев, мясника, пекаря и тому подобное. Завещание из Шотландии я через 7 — 8 дней буду иметь здесь. Если из этого можно что-нибудь сделать, то маленький Бамбергер сделает это в собственных интересах. Но полагаться на это я не могу.

Ты согласишься, что вся эта дрянь — не очень приятное дело и что я по макушку погряз в этой мелкобуржуазной тине. И вдобавок я еще эксплуатировал рабочих! И стремлюсь к диктатуре! *Quelle horreur!*⁴

*Mais ce n'est pas tout.*⁵ Фабрикант, приславший мне в Брюссель деньги взаймы из Трира, пристаёт ко мне, требуя их обратно, так как его железоделательный завод идет плохо. *Tant pis pour lui.*⁶ Я его никак не могу удовлетворить. И, наконец, для того, чтобы придать этому делу трагикомическое завершение, на сцену является еще *mystère*,⁷ которую раскрою тебе теперь *en très peu de mots.*⁸ Но мне помешали, я должен пойти к жене, требующей моего ухода. Поэтому о другом деле, в котором ты тоже играешь роль, напишу в следующий раз.

Твой К. М.

Кстати. Как исчисляют купцы, фабриканты и т. д. ту часть прибыли, которую они сами проживают? Берутся ли эти деньги также от *banker*,⁹ или с ними поступают каким-нибудь другим образом? Прошу ответить на это.

¹ шаг за шагом. ² решительно. ³ буквально. ⁴ Какой ужас. ⁵ Но это еще не все. ⁶ Тем хуже для него. ⁷ тайна. ⁸ в немногих словах. ⁹ банкира.

81.

2 апреля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

При сем прилагаю адрес письма, полученного мною сегодня от тебя. Неужели Питт Эрмен вскрыл твое письмо? Ты должен это дело *éclaircir*.¹

Твой почтовый перевод пришел для меня весьма кстати. Быстрота и на сей раз удесятирила капитал, как железнодорожные доходы у сеньора Прудона.

Ты можешь себе представить, что я не сижу сложа руки и кроме твоих *avances*² я надеюсь собрать недостающие деньги из различных стран света.

О «mystère»³ я тебе не пишу, так как в конце апреля, соûte que соûte, ⁴ я приеду к тебе. На неделю я должен отсюда уехать.

Самое скверное это то, что у меня вышла задержка в моих библиотечных занятиях. Я уже так далеко подвинулся, что недель через пять я покончу со всей экономической дрянью. Et cela fait⁵ я буду дома разрабатывать экономию, а в музее возьмусь за *другие науки*. Ça commence à m'ennuyer.⁶ Au fond⁷ эта наука со времени Адама Смита и Давида Рикардо не сделала больше никаких шагов вперед, хотя в отдельных областях сделано много исследований, часто сверхтонких.

Ответь мне на вопрос, который я поставил в последнем письме.

Так как ты теперь изучаешь военные науки, то не мог ли бы ты наново переработать венгерские походы с помощью «Новой рейнской газеты», Blue book⁸ Пальмерстона и т. д.? Ça serait très utile.⁹ Раньше или позже я издам два тома по 60 листов, и тогда это было бы замечательно к месту.

Если ты хочешь знать подробности об интригах, битвах, личных выпадах, ты должен только прислать мне письма — открытые — по адресу *баронессы фон-Бек*. Я завязал с ней сношения. Она была шпионкой Кошута и является настоящей хроникой венгерской грязи. Il faut l'exploiter.¹⁰ Она слишком глупа для того, чтобы скрывать истину. Я сделал опыт в этом отношении.

Моя жена, к сожалению, разрешилась девочкой, а не garçon.¹¹ Но, что еще хуже, она очень слаба. Прилагаю письмо Даниэльса, которому я подробно писал о его Физиологии. То, что разумно в его письме, является отзвуком моего письма. Во всяком случае пришли мне обратно эту бумажку и *напиши мне, что ты об этом думаешь*.

Твой К. М.

Ты вообще меня обяжешь, если dans les circonstances actuelles¹² возможно чаще будешь мне писать. Ты знаешь, что мое общество здесь plus ou moins¹³ ограничено дураками.

¹ выяснить. ² авансов. ³ тайне. ⁴ чего бы это ни стоило. ⁵ И сделал это. ⁶ Это начинает мне приедаться. ⁷ В сущности. ⁸ Синей книги. ⁹ Это было бы очень полезно. ¹⁰ Надо ее эксплуатировать. ¹¹ мальчиком. ¹² при данных обстоятельствах. ¹³ более или менее.

Дорогой Марк!

История с вскрытым письмом — очень странная. В конторе оно могло быть вскрыто лишь нашим приказчиком, а я не допускаю

у него такой смелости. Кроме того он мог бы это сделать лишь во время отсутствия старого Гилля, а я не думаю, чтобы тот хоть на один момент оставлял контору. Из Эрменов никого не было в городе. Дело это, конечно, нельзя выяснить, так как, *vi*¹ их интерpellации в парламенте об эмигрантах,—есть значительные шансы за то, что это произошло на самой почте. У меня в последнее время уже не раз являлись подозрения против того приказчика, который состоит на службе скорее у «Братьев Эрмен», чем у фирмы «Эрмен и Энгельс»; но отсюда до вскрывания писем *il y a loin* *encore*². Во всяком случае в будущем я сумею это предотвратить. Если этот дурак даже и читал письмо, то это не имеет никакого значения, потому что если бы этот молодец захотел когда-нибудь, например в случае приезда сюда моего старика, сделать употребление из этой информации, то он бы себя так скомпрометировал, что был бы немедленно выгнан. Но, как я уже сказал, я не верю, чтобы у него хватило на это смелости.

Что касается вопроса, который ты ставишь мне в твоём предпоследнем письме, то он не совсем ясен. Тем не менее, я думаю, тебя удовлетворит следующее:

Купец в качестве фирмы, в качестве барышника, и купец в качестве потребителя — это в коммерции два совершенно различных лица, враждебно противостоящих одно другому. Купец, как фирма, означает счет капитала или соответственный счет прибылей и убытков: купец в качестве человека, который жрет, пьянствует, занимает квартиру и производит детей, — это счет расходов по хозяйству. Счет капитала заносит счету расходов по хозяйству в «дебет» каждый сантим, который переключивает из торговой сферы в карман частного лица, и так как счет расходов по хозяйству имеет только «дебет» и не имеет «кредита», являясь, таким образом, худшим должником фирмы, то в конце года вся сумма дебета по расходам по хозяйству является чистым убытком и списывается с прибыли. А между тем, при составлении баланса и исчислении процента прибыли сумма, употребленная на расходы по хозяйству, считается имеющейся налицо и рассматривается как часть прибыли; например, при капитале в 100 000 талеров заработано 10 000 талеров, но 5 000 истрачено; тогда считают, что прибыли получено 10%, и после того как все равнено по книгам, счет капитала фигурирует в следующем году с дебетом в 105 000 талеров. Сама процедура несколько сложнее, чем я ее здесь изложил, так как счет капитала и счет расходов по хозяйству приходят между собою в соприкосновение редко или лишь к годичному балансу, и счет расходов по хозяйству обычно фигурирует как дебитор «счета кассы»,

играющего роль маклера, но в конце концов дело сводится именно к этому.

При нескольких компаньонах дело очень просто. Например, А имеет в деле 50 000 талеров и Б также 50 000; они получают 10 000 талеров прибыли и расходуют каждый по 2 500 талеров. Таким образом, к концу года счета составляются при простой бухгалтерии без мнимых счетов:

А Кредит у А & Б — взнос капитала	50 000 талеров
А Кредит у А & Б. — доля прибыли.	5 000 »
	<hr/>
	55 000 талеров
Дебет у А & Б — наличными	2 500 »
	<hr/>
А Кредит на следующий год	52 500 талеров

Точно так же Б. Но при этом фирма всегда считает, что она имеет 10% прибыли. Словом: при подсчете процента прибыли купцы игнорируют расходы по содержанию компаньонов, напротив при исчислении увеличения капитала путем прибыли они принимают их во внимание.

О венгерской кампании — или, еще лучше, если бы можно было, о всех вообще кампаниях 1848—50 гг. — я бы очень охотно написал, если бы только можно было раздобыть источники. «Новая рейнская газета» могла бы мне послужить лишь для сравнения с австрийскими бюллетенями, а ты ведь знаешь, как они неполны. Я во всяком случае должен был бы иметь об одной только этой кампании от десяти до двенадцати книг, и даже тогда у меня нехватило бы еще главного: коштутовского «Közlöny» («Moniteur»). Ни в одной области нельзя так легко оскандальиться, как в военной истории, если попытаться рассуждать, не имея всех данных о силах, снабжении продовольствием и амуницией и т. д. Все это хорошо для газеты, так как все газеты одинаково плохо осведомлены, и там дело сводится к тому, чтобы на основании немногих имеющихся в распоряжении данных сделать правильные выводы. Но для того чтобы иметь возможность во всех решающих случаях сказать *post festum*³: «тут следовало поступить так-то и так-то, а тут поступлено правильно, хотя результат как будто говорит обратное», — для этого, полагаю я, материалы о венгерской войне еще в недостаточной степени опубликованы. Например, кто доставит мне данные о составе австрийской и венгерской армий и различных корпусов накануне каждой битвы и каждого серьезного передвижения? Для этого нужно, чтобы были изданы мемуары Кошута и Гергея и чтобы имелись в подлиннике предло-

женные Дембинским планы сражений и кампаний. Тем не менее, и на основании уже существующего материала можно кое-что объяснить и составить довольно интересную статью. Во всяком случае уже теперь ясно одно: венгерское восстание в начале 1849 г., как и польское 1830 г., как и Российская империя в 1812 г., было спасено лишь благодаря зиме. Венгрия, Польша и Россия — это единственные страны в Европе, где вторжение неприятеля зимой невозможно. Но уж само по себе всегда фатально, когда восстание спасается благодаря той неизмеримо глубокой грязи, которая его окружает. Если бы история между Австрией и Венгрией развилась в мае вместо декабря, то ни в коем случае нельзя было бы организовать венгерскую армию, и вся эта дрянь кончилась бы тем же, что и в Бадене, *ni plus ni moins*.⁴ Чем больше я работаю над войной, тем сильнее становится мое презрение к героизму; этот героизм — это те безвкусные фразы, которых никогда не употребит порядочный солдат. Наполеон в тех случаях, когда он не пишет прокламаций и не произносит тирад, а говорит «*soolly*»,⁵ никогда не выражается «*glorieux*»,⁶ «*courage indomptable*»⁷ и т. д., а говорит самое большее: «*il s'est bien battu*».⁸

Впрочем, нет никакого сомнения, что если в течение ближайшего года во Франции вспыхнет революция, то Священный союз, *по крайней мере*, дойдет до стен Парижа. И при замечательных познаниях и редкой энергии наших французских революционеров еще большой вопрос, снабжены ли даже парижские форты и крепостные валы оружием и провиантом. Но лишь только будут взяты два форта, например Сен-Дени и ближайший к востоку, то Париж и революция погибнут *jusqu'à nouvel ordre*.⁹ Я это тебе вскоре как-нибудь подробно изложу с военной точки зрения и укажу вместе с тем ту единственную меру, которая может быть предпринята против того, чтобы хоть ослабить вторжение: это — оккупация французами бельгийских крепостей и захват рейнских крепостей путем очень сомнительного повстанческого *coup de main*.¹⁰

Следующий анекдот для характеристики прусских рыцарей шагистики и для объяснения позднейшего поражения при Иене и т. д. тебе, наверное, понравится. С внешней стороны дерзкие, но *au fond*¹¹ безусловно верные *courps*¹² Наполеона в кампании при Маренго привели генерала Бюлова, из школы старого Фрица, отца или дядю позднейшего Бюлова 1813 г., к следующему убеждению: 1) необходимо установить военную систему, базирующуюся на абсурде, т. е. противника «сбивают с толку» путем все новых сумасшедших выходов, и 2) вместо штыков дают пехоте копьа, как во время Три-

дцатилетней войны! Чтобы разбить Наполеона, надо отменить порох, qu'en dis-tu? ¹³

Меня очень радует, что ты, несмотря ни на что, приезжаешь сюда в конце месяца. Но ты должен при этой okazji привезти с собой полный комплект «Новой рейнской газеты» — на основании ее я заведу себе доссье по поводу всех немецких демократических ослов, а также французских; это — работа, которая во всяком случае должна быть сделана, пока мы опять не будем брошены в какую-нибудь кутерьму. Было бы хорошо, если бы для этой цели достойный Либкнехт, qui est assez bon pour cela, ¹⁴ отправился в музей, там перечитал постановления берлинского, франкфуртского и венского собраний, которые там, наверное, находятся (в стенографических отчетах), и сделал из них извлечения обо всем, что касается всех левых.

Ты знаешь, я не читал окончания Даниэльса. Что этот молодец упорно держится за «понятия», как посредствующую связь между людьми, это вполне объяснимо; ты никогда не заставишь от этого отказать человека, пишущего о физиологии. Он в конце концов всегда спасается при помощи того аргумента, что всякое фактическое явление, воздействующее на человека, вызывает у него понятия и что реакция на эти факты, хотя и является во второй инстанции следствием этих фактов, но в первой инстанции это — следствие понятий. Против этой формальной логики, конечно, ничего нельзя возразить, и все зависит от того, каков способ изложения в его рукописи, — я его не знаю. Я думаю, что лучше всего было бы ему написать, что он знает, каким ложным толкованиям может быть подвергнута та или другая часть его работы, и пусть он их так изменит, чтобы ясно видны были его «подлинные» воззрения. Это все, что ты можешь сделать, иначе тебе пришлось бы самому переработать манускрипт в сомнительных местах, что также не годится.

Напиши мне, как себя чувствует твоя жена и кланяйся ей сердечно от меня.

Я рад, что ты, наконец, покончил с экономией. Эта история действительно чересчур затянулась, а ведь пока у тебя останется непрочитанной хотя бы одна книга, которую ты считаешь важной, ты не возьмешься за писание.

Как обстоит дело с издателем для двух томов в 60 листов, которые ты имеешь в виду? Если бы это дело наладилось, можно было бы уже подыскать кого-нибудь, кто достал бы нужные вещи для венгерской статьи — я уж их укажу; в случае надобности — с позднейшей уплатой при получении гонорара. Была бы еще нужна *очень хорошая* специальная карта Венгрии и Семиградия, по возможности планы

сражений, которых, насколько я знаю, нет в вышедших до сих пор сочинениях — одна карта могла бы обойтись в 15 — 20 талеров. Я постарался бы найти такую через Вейдемейера. Кстати, имеется ли у тебя его адрес? Я хотел бы у него разузнать о военных руководствах по организации и тактике; как раз эту чепуху я не могу здесь достать. Постарайся также получить от г-жи Бек или через нее все, что возможно, о Венгрии. Мне нужен также Деккер, который еще у тебя.

Твой Ф. Э.

¹ принимая во внимание. ² еще далеко. ³ задним числом. ⁴ не больше и не меньше. ⁵ хладнокровно. ⁶ доблестный. ⁷ беззаветная храбрость. ⁸ он хорошо сражался. ⁹ до наступления новых событий. ¹⁰ переворота. ¹¹ по существу. ¹² удары. ¹³ что ты скажешь на это? ¹⁴ который достаточно хорош для этого.

83.

11 апреля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я полагал, что сегодня вечером покончу, наконец, с моим велико-лепным стратегическим очерком. Но отчасти вследствие задержек, отчасти вследствие необходимости порыться в справочниках относительно деталей, отчасти потому, что работа эта выходит более обширной, чем я предполагал, — я только с трудом закончу ее сегодня поздно вечером. Впрочем, она совершенно unfit¹ для печати: она годится только для частной информации и является некоторого рода упражнением для себя самого.

Я начинаю также постепенно уяснять себе личность Веллингтона. Своенравный, настойчивый, упрямый англичанин, полный bon sens,² обладающий в высшей мере свойственным его нации талантом использования ресурсов, медлительный в обсуждении, осторожный, несмотря на свое колоссальное счастье никогда не рассчитывающий на счастливую случайность, он был бы гением, если бы «common sense»³ был бы способен возвыситься до уровня гениальности. Все его дела образцовы, но ни одно не является мастерским. Такой генерал, как он, как бы создан для английской армии, где каждый солдат, каждый офицер является маленьким Веллингтоном в своей собственной сфере. И он знает свою армию, ее упорную выдержку в обороне, которую каждый англичанин приносит с собой с боксеринга и которая делает ее способной, после восьмичасовой напряженной обороны, которая сломала бы всякую другую армию, производить еще импозантные атаки, в которых недостающая живость

возмещается однообразием и постоянством. Оборона при Ватерлоо до того момента, пока не прибыли пруссаки, не выдержала бы ни одна армия, не имея у себя ядра в 35 000 англичан.

Впрочем, во время испанской войны Веллингтон лучше уразумел сущность наполеоновского военного искусства, чем те нации, которым Наполеон прописал на спине превосходство этого военного искусства. В то время как австрийцы совершенно растерялись, а пруссаки, которые потеряли рассудок и решительно ничего не поняли во всей этой тактике, объявили тождественными идиотизм и гениальность, Веллингтон сумел держать себя очень ловко и оберечь себя от тех ошибок, которые совершали австрийцы и пруссаки. Он не подражал наполеоновским маневрам, но он чрезвычайно затруднял французам возможность применять к нему свои маневры. Он не совершал ни одной ошибки, если его не вынуждали к этому политические соображения; зато я не обнаружил даже самого незначительного момента, в котором он проявил бы хоть искру гениальности. Сам Непар открывает у него такие моменты, когда он мог нанести гениальные удары решающего значения, а он и не подумал об этом. Поскольку я мог в этом убедиться, он ни разу не сумел использовать таких обстоятельств. Он велик в своем роде, а именно настолько велик, насколько можно быть великим, не переставая быть посредственностью. Он обладает всеми качествами солдата; они все равномерны и замечательно гармонически развиты; но именно эта-то гармония и мешает каждому отдельному из этих качеств достигнуть истинно гениального развития. *Tel soldat, tel politique.*⁴ Его политический закадычный друг Пиль является в некотором роде его копией. Оба они представляют торизм, у которого достаточно «*bon sens*»,⁵ чтобы, при полном сохранении приличия, сдавать одну позицию за другой и растворяться в буржуазии. Это отступление к *Torres Vedras. Voilà*⁶ Веллингтон.

Твой Ф. Э.

¹ не подходит. ² здравого смысла. ³ здравый смысл. ⁴ Каков солдат, таков и политик. ⁵ здравого смысла. ⁶ Таков.

15 апреля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Ты не получил от меня ни одного письма, да и теперь получишь только эти строчки, так как я *from day to day*¹ ожидаю твоего обещанного письма. При сем прилагаю письмо Лупуса. Я написал ему

уже четыре дня тому назад, но не ответил на вопросы, поставленные тебе.

Письмо от неизвестного мне Фишера из Америки [получил]. Пока что я поручил Либкнехту написать ему.

Письмо Ротакера я пошлю тебе в следующий раз. И этот осел состоит редактором в Америке. Из его письма ясно одно, что с самого крайнего far West² до Востока повсюду о нас вопят, ругают нас и пишут о нас. Вейтлинг поместил в своем листке статью из Парижа (говорят, что на самом деле от Виллиха) против меня и тебя. С другой стороны, Шнауфер напал на великого Виллиха.

Струве, поручившись за 10 миллионов, тотчас же выпустил подписной лист, который циркулирует в Сити, где он клянит деньги на переселение в Америку с Амалией. Это ему удалось. В прошлую пятницу он уехал вместе с Амалией. Виллих занялся всякими плутнями при содействии Герингера. Впрочем, у него две недели была желчная лихорадка после получения последнего ответа от псевдо-Беккера и приложенного тоста. Две недели он не выходил из капеллы, т. е. из казармы, и при своем возвращении в Windmill он поставил на обсуждение историю с тостом и свои предварительные замечания к нему, вероятно, чтобы выдать себе testimonium paupertatis.³ Шаппер выработал конституцию для Англии, так как на той же Windmill после зрелого размышления и пространного обсуждения они решили, что у Англии нет писаной конституции и что она должна ее получить. А дадут ей эту конституцию Шаппер-Геберт. Она уже и написана.

Шиммельпфениг объезжал Германию и повсюду там очень сильно интриговал против нас в общих интересах Виллиха-Шаппера, Руге-Кинкеля, Беккера-Зигеля. В местах, где относятся восторженно к Кинкелю, и специально в Вестфалии, Оснабрюке, Билефельде и т. д., где эти молодцы никогда нас не жаловали, идут сплетни без конца.

Твой К. М.

¹ со дня на день. ² Дальнего запада. ³ свидетельство о бедности.

Дорогой Маркс!

Через несколько дней, самое позднее через неделю, ты получишь следующие 5 фунтов; я послал бы их тебе уже сегодня, если бы не должен был только что выплатить 10 фунтов сразу.

Вот уже несколько дней я тщетно ищу письма Лупуса и Дронке. Очевидно, ты их оба забрал с собой. Если ты их найдешь у себя, отошли мне их с обратной почтой, тогда я немедленно напишу. Я не нахожу также письма Фишера из Нового Орлеана.

Ne vous plaignons pas trop de la mauvaise queue.¹ У меня дома лежат как раз мемуары Савари. У Наполеона тоже были свои —, да еще какие! Савари — великолепный образец подобных экземпляров. Нет ничего более посредственного, чем этот тип. Если некоторые люди воображают себя up to the mark,² не понимая даже Коммунистического манифеста, то этот Савари воображает, что Наполеон у него в кармане, что он один из немногих избранных, способных оценить все его величие, и при этом он не понял ни одного плана похода или сражения. В то время, когда он писал свои мемуары, не было написано ни одного систематического изложения этих кампаний. Таким образом, желая написать апологию как Наполеона, так и себя самого, он не упустил бы случая дать максимум того, на что он способен; но вместо этого мы имеем лишь несколько общих фраз и кучу не связанных между собой сбивчивых деталей, данных второстепенным очевидцем. Например, об Аустерлице этот тип знает лишь, что враг был захвачен врасплох фланговым движением и разбит на столько частей, сколько наступало французских колонн — буквальная копия из наполеоновского бюллетеня. Но каким образом это произошло, об этом он ничего не знает. А в общем чрезвычайно много сплетен из времен Империи и Консульства; настоящий образец жалкого мещанина; хвастливый, лживый, раболопный и с истинным сладострастием отдающийся благородной деятельности полицейского, получающий наслаждение как при арестах, так и при шпионаже; при этом вполне пригодный для всякого рода двусмысленных поручений и интриг, но всюду проявляющий свою посредственность, чрезмерное усердие и ограниченность кругозора в такой степени, что его всегда нужно держать на привязи и снабжать точными распоряжениями. Enfin³ совершенно ничтожный субъект, au fond⁴ не лучше и не хуже, не более пригодный и не более компрометирующий, чем известные «amis»,⁵ и все же Наполеон со временем сделал из него сносную машину, герцога Ровиго и придворного, который его не скомпрометировал перед русским императором. Но, конечно, таких субъектов нужно уметь покупать, а для этого прежде всего нужны деньги и власть.

Впрочем, благородный Тьер свою работу списал у Савари, мемуары которого были все же достаточно известны во Франции, с бесстыдством, которое в искусстве плагиата ни в чем не уступает

английской экономии. При этом он его использовал в качестве главного источника не только в области сплетен, но даже в вопросах управления и т. д.

Если судить по «Times», то Лондон теперь имеет ужасный вид, так как татары, французы, русские и другие варвары совершенно завладели им. К тому же еще перспектива заполучить шпионские бригады со всех частей света и даже прусских жандармов, не считая немецких демократических друзей à la Оттерберг, которые придут в июне, чтобы увидеть великую выставку и великих людей. Это будет великолепно. Будь осторожен, тебе пришлют людей с рекомендательными письмами и без таковых, которые будут требовать от тебя, чтобы ты показал им Ледрю, Мадзини, Луи Блана и Коссидьера, и которые потом в Германии будут много судачить о том, что ты не доставил им приглашения к обеду от Фергуса О'Коннора. Придут люди, которые скажут: — Господин Маркс? — Очень рад. — Вы должны меня знать, я — Нейгауз, глава тюрингенского движения!

О скандале в городском совете в Кёльне по поводу речи гласного Шенка к пр[инцу] Пр[усскому], равно как бесстыдную речь этого последнего, ты, наверное, уже читал. «Пресса плоха, кёльнскую прессу необходимо улучшить!» Се раувге⁶ Брюггеман, конечно, пользуется случаем для пустой болтовни, которую он «осмеливается» печатать под цензурой и с соблюдением крайней скромности и благонамеренности. Зато теперь ведь наш «Штупп» — городской голова и самый большой человек в Кёльне, а твой шурин с похвальным усердием конфискует книги. Я боюсь только, что в качестве Brutus prussobureaucrate⁷ он скоро возьмется за твои вещи, и это может самым неприятным образом отразиться на выплате гонорара. Другой шурин этого благородного, досточтимый Флоранкур, как сообщают немецкие газеты, «tambour battant et mèche allumée»⁸ перешел в лоно католической церкви. Твоя семья, по крайней мере, интересна, в моей я сам должен проделывать обезьяньи штуки.

А ргорос,⁹ ты окажешь мне очень большую услугу, если добудешь мне возможно скорее от Даниэльса или от кого-либо другого в Кёльне, подходящего, по-твоему, для этого, письмо (прямо сюда, следовательно с кёльнским почтовым штемпелем), в котором меня извещают о получении двух переводов по 5 ф. ст. и о ранее полученном переводе, что в сумме составляет 15 ф. ст.; при этом надо прибавить, что эти деньги по моему указанию были уплачены отдельным лицам в Кёльне и что таким образом мои счета с различными людьми в Кёльне совершенно ликвидированы. Можно еще прибавить несколько безразличных вещей, поклонов и т. д., чтобы

письмо не производило впечатления искусственного. Мне необходимо иметь такой документ, которым я в случае надобности мог бы доказать, что я уплатил деньги в Кёльне, так как я предвижу разговор о полученных деньгах. Чем скорее я получу это письмо, тем лучше. Я совершенно предоставляю уладить это дело тебе, и мне приятнее, чтобы именно ты доставил мне этот документ, так как наши личные дела никого не касаются. Если ты хочешь, можешь писать, что я наделал долги из-за женщин или что я прежде поручился на эту сумму по делам союза и теперь должен ее уплатить, или, что сам захочешь, *n'importe*¹⁰. Письмо, впрочем, в июне будет возвращено автору. Самое важное, чтобы письмо было из Кёльна с почтовым штемпелем за первую половину мая.

Что слышно у тебя дома? Кланяйся твоей жене и детям и напиши сейчас же.

Твой Ф. Э.

Только что нашел письма Лупуса и Фишера, а письмо от Дронке не могу найти. Лупусу я еще сегодня напишу. Когда будешь писать в Кёльн, хорошо было бы, если бы ты их ругнул по поводу денег на дорогу для Лупуса — ты ведь знаешь кёльнцев.

¹ Не будем особенно жаловаться на плохих последователей. ² на высоте. ³ Наконец. ⁴ по существу. ⁵ друзья. ⁶ Этот бедный. ⁷ прусско-бюрократического Брута. ⁸ с барабанным боем и зажженным факелом. ⁹ Кстати. ¹⁰ все равно.

86.

3 мая 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Лупус, как он мне сам пишет, получил из Кёльна английский паспорт и деньги на дорогу для себя и для Дронке. Дронке прислал также кёльнцам статью об итальянской революции.

Mais ce qu'il y a de drôle,¹ — подпись Дронке определенно имеется — она напечатана у Луи Блана — под адресом тогдашнему комитету в честь февральской революции. *Nous lui demandons des éclaircissements sur ce fait étrange. Dans le meilleur cas, ce n'est pas un trait d'esprit de la part de ce gnome.*²

Беккер перенес свою наборную и типографию в Вербье, и производит впечатление, что правительственные преследования ему не повредили. Сюда прибыл один выпуск моей ерунды, но только в одном экземпляре.

Здесь немецкий центральный демократический комитет распустил себя как раз в тот момент, когда великий Карл Гейнцен

обещал ему «военную дисциплину». Милый Кинкель из-за своих драматических лекций для «чистой публики» из Сити не хочет себя компрометировать и устранился — он читает 12 лекций за одну гинею: миланка рассылает эти билеты через комитет (в который входит Оппенгейм из Берлина) направо и налево, у него приблизительно 300 слушателей. Гауг также переметнулся. Руге, финансы которого, кажется, очень расстроились, имеет в виду купить дагеротипию и в качестве дагеротиписта разъезжать по всей стране.

Веерт пишет мне сегодня в чрезвычайно недовольном тоне: длинные носы и копченое мясо надоели ему. Кроме того, говорит он, ему грозит «блестящее положение». — Брак? Но он слишком стар, чтобы стать филистером. Ты знаешь нашего друга Веерта. Ему все быстро приедается, и скорее всего, когда он находится в мещански уютной обстановке. Его друг Кампе, указывая с досадой на макулатуру, сказал ему: «Все идет, но ничто не имеет решительного успеха!» И это, дескать, общее состояние в Германии.

Тут весь город кишит всякого рода народом. Я не думаю, чтобы это меня *à peu près*³ обременило. Ибо все, что среди промышленников имеется либерального, радикального или даже просто любознательного, тщательно перехватывается Герингером или кликой Кинкеля и начинается скандальными сообщениями о нас обоих. *Tant mieux pour nous!*⁴

Всю эту неделю библиотека была закрыта. От красного дурака ни слуху, ни духу.

Даниэльс пишет мне, что нигде они не представлены лучше, чем в Берлине; в их распоряжении имеются два «талантливых джентльмена», весьма деятельных. Тупман страдает очень острым триппером. После тяжелой сцены с мадам *la baronesse* дело опять наполовину улажено, но его положение пошатнулось благодаря его легкомыслию. Опыт Фуко с маятником показывается здесь в Политехническом институте.

Об указанном письме к Даниэльсу я позабочусь завтра. Шрамм *mirabile dictu*⁵ добился *season ticket*.⁶

Гейнцен в своем грязном листке опять стал кидать в нас своей «native»⁷ грязью, *malheureux*.⁸ Этот субъект так глуп, что Шрамм за деньги корреспондирует у него под именем «Миюллер» и протаскивает контрабандой в его газетную лавочку сплошь неподходящие пустяки, как, например, о тосте Бланки и т. д.

Виллих встретил несколько дней тому назад Бамбергера, которого он видел однажды раньше. Подошел к нему. Пожал ему руку [и сказал]: «Я был три недели болен. Не мог выходить из дому.

Революция великолепно подвигается вперед. Особенно здесь в Лондоне мы очень деятельны. Основали два новых филиальных общества. Шаппер невероятно активен».

В следующий раз напишу больше. На будущей неделе я серьезно поищу в библиотеке историков в качестве источников для твоего Луи Блана.

Твой К. М.

Моя жена просит сердечно кланяться. Она была взбешена, что этот Пипер сразу так назойливо насел на нас.

Между прочим, ты всегда даришь почте одну stamp.⁹ One will do.¹⁰

¹ Но что производит комичное впечатление. ² Мы потребуем у него объяснений по поводу этого странного обстоятельства. В лучшем случае это была не очень остроумная выходка со стороны этого карлика. ³ в какой-либо мере. ⁴ Тем лучше для нас. ⁵ удивительным образом. ⁶ сезонного билета. ⁷ туземной. ⁸ несчастный. ⁹ марку. ¹⁰ Достаточно одной.

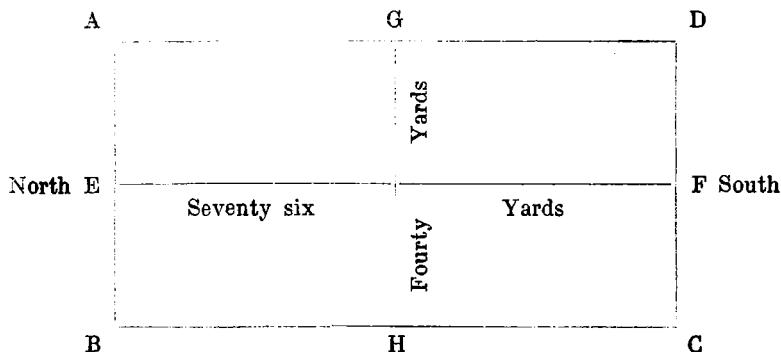
87.

5 мая [1851 г.]

Дорогой Энгельс!

Я посылаю тебе вслед за этим копию статьи о применении электричества к агрикультуре, на английском языке. Будь столь добр и ответь мне сейчас же: 1) каково твое мнение об этой вещи; 2) объясни мне эту историю, так как я не вполне в ней разбираюсь, in plain German.¹

Вот план такого четырехугольника:

Поле разделено на продолговатые четырехугольники, в 76 ярдов длины и 40 ярдов ширины; каждый из них, таким образом, занимает площадь в один акр.

В каждой из точек А, В, С и D вколоты в землю колышки. Наружные линии изображают собой толстые провода из железной проволоки, идущие от колышка к колышку, закрепленные на каждом колышке и таким образом связанные между собой, что они образуют проволоочный четырехугольник, закопанный на три дюйма в землю. В точках Е и F установлены жерди высотой в 15 футов. У точки Е с подземным поперечным проводом соединен другой провод, который тянется вдоль жерди до верху, а затем идет через середину четырехугольника до верхушки жерди F, откуда он спускается к поперечному проводу под землей и закрепляется в точке F. При этом нужно заметить, что четырехугольник должен быть так устроен, чтобы он шел с севера на юг, так что провод Е — F образует прямой угол с экватором. Известно, что в атмосфере образуется значительное количество электричества, которое в соответствии с движением земли постоянно движется с востока на запад. Это электричество притягивается проволокой, подвешенной от Е до F, и сообщается проволокам, образующим четырехугольник под поверхностью земли от точек А, В, С и D... Некоторое количество электричества может быть получено таким путем, что под землей в точке G помещают мешок древесного угля и в точке H — цинковые пластинки, и эти два электрода соединяют между собой проволокой, проходящей через обе жерди, подобные тем, которые помещаются у Е и F. Эта проволока перекрещивает продольную проволоку, проходящую через точки Е и F. Издержки, связанные с таким устройством, сводятся к 1 фунту ст. на акр, и вычистано, что оно может продержаться от 10 до 15 лет, если провода тщательно сохранять и каждый год снова устанавливать их на месте.

Колья делаются из твердого дерева. По мере расширения площади сокращаются издержки. Способ, которым готовится такой участок земли, следующий. С помощью морского компаса и бечевки определенной длины отмеривают место для колышков, к которым прикрепляется *закопанная* (подземная) проволока, причем она проходит по узким накладкам. Нужно (при помощи компаса) следить за тем, чтоб подземная проволока проходила точно в продольном направлении с севера на юг, а в поперечном направлении точно с востока на запад. Эта проволока должна быть закопана в землю на глубине 2 — 3 дюймов. Тогда линия подземных проводов готова. *Воздушный* провод должен быть у обоих концов соединен с подземным проводом. Колышки с накладкой и обе жерди — одна в 14, другая в 15 футов — должны быть при помощи компаса установлены в направлении с севера на юг; через них должна быть протянута проволока; ее концы прикрепляются к колышкам и одновременно должны

соприкасаться с подземной проволокой. Воздушный провод должен быть туго натянут, чтобы ветер его не разорвал.

Voilà l'affaire! ²

Немецкие главари в который раз объединились между собой, и вот появился анонс генерала Гауга, возвещающий появление с 10 мая журнала «Космос», при участии господ Руге, Кинкеля, Ронге и т. д. Это будет великолепно.

Только что Тупман [Пипер] принес письмо Микеля, из которого видно, что немецкие демократы — как и некоторые коммунисты — во главе с дрянным бременским листком Руге неумоимо клеветают на меня, а подобные вещи, конечно, чрезвычайно нравятся немецким филистерам и мещанам. Эти молодцы, очевидно, испытывают передо мной панический ужас, ибо они уже теперь принимают все меры, чтобы сделать для меня невозможным пребывание в Германии.

Твой *К. М.*

Джонс прочел вчера действительно замечательную лекцию против cooperative movement, ³ в которой он de front ⁴ атаковал свою собственную публику. Он сказал мне, что из попытки издавать газету вместе с Гарни наверное ничего не выйдет, так как с его женой нельзя иметь никакого дела. Он как-нибудь собственными силами будет издавать непериодический орган.

¹ на простом немецком языке. ² Вот и вся история. ³ кооперативного движения. ⁴ открыто.

88.

[6 мая 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Завтра или послезавтра ты получишь почтовый перевод. У нашего бухгалтера сегодня опять нет cash. ¹

С какого времени ты стал прикладывать к своим письмам эту красивую печать — разве что-нибудь случилось?

Il paraît donc, ² что вся редакция «Новой рейнской газеты» будет этим летом находиться вместе в Лондоне, moins, ³ быть может, Фрейлиграта и почтенного Бюргера. То, что Лупус окончательно приезжает, меня очень радует. Я, впрочем, положительно знаю, что Alien-offices ⁴ на границе пропускает теперь гораздо менее строго, чем прежде, и что поэтому весь скандал по поводу запрещения посылать сюда эмигрантов — чистейший вздор.

Подпись Гнома [Дронке] под женевским адресом в высокой степени странна — какая-то *bévue inconcevable*, ⁵ лишний довод за то, что нужно have a sharp look-out after these young men ⁶ и что их следует

держат в ежовых рукавицах. Это, может быть, только ошибка, письма этого паренька дышали усердием, и возможно, что он думал этим совершить замечательно ловкую штуку. Нужно его подвергнуть строгому допросу, ругнуть его и посоветовать ему *surtout pas de zèle*.⁷

Вскоре я изложу тебе экономическое сочинение Веллингтона, написанное в 1811 г., о свободе торговли и монополии в колониальной торговле. Это любопытная штука, и так как он говорит об испанских колониях, а не об английских, то не может разыгрывать роль фритредера, хотя уже в самом начале ругает купцов с фанатизмом, присущим военной аристократии. Он не думал тогда, что впоследствии ему придется применять эти принципы к английским колониям. Но в этом-то и вся соль. За то, что этот старый ирландец незаслуженно победил Наполеона, он впоследствии был разбит Кобденем и должен был пройти через кавдинское иго свободы торговли в области политической экономии. Мировая история часто наводит на приятные размышления!

Роспуск лондонского демократического временного правительства для Германии наполнил меня печалью. Такой великолепный случай для этих ослов подвергаться общественному осмеянию не так скоро представится во второй раз. Зато великий Франц Раво опять открывает в «Кёльнской газете» свою кружковую полемику с господином Полем Франком и другими ослами. Он опять созрел для того, чтобы быть избранным в какую-нибудь национальную палату дураков и там сказать: «Милостивые государи, сегодня город Кёльн переживает великий день!» Это животное сидит теперь в Брюсселе. Наш друг, комендант Энгельс, стал генералом и первым комендантом, и филистеры устроили ему обед, на котором он расстроил свое здоровье. Как видишь, можно еще чего-нибудь достичь, даже если носишь фамилию Энгельс. И старая откормленная свинья, которая прежде была лейтенантом при Наполеоне, в своей благодарственной речи высказывает радость по поводу специфически прусского духа города Кёльна и праздника.

Я, впрочем, морально убежден, что Виллих и компания сейчас обдумывают великолепный план революционизирования Англии во время выставки, хотя также несомненно, что они и пальцем не пошевелят. Не останется без отклика!

Вторая марка на моем письме — из-за поздней отправки. За вторую марку я могу обеспечить отправку письма с тем же поездом на полтора часа позже закрытия обычной почты. А платит за это фирма.

Твой Ф. Э.

¹ наличных денег. ² Итак, кажется. ³ за исключением. ⁴ иностранное ведомство. ⁵ непонятная оплошность. ⁶ за этими юнцами зорко следить. ⁷ главное, не усердствовать.

89.

8 мая [1851 г.]

Дорогой Маркс!

С сегодняшней утренней почтой я послал тебе почтовый перевод на 5 ф. ст., которые ты, надеюсь, получил.

С английской почтой *décidément*¹ что-то случилось. Сперва письмо, полученное тобою, оказалось открытым, затем третьего дня твое письмо ко мне пришло со стертой печатью, я тебе его отослал. Сегодня, в четверг, 8-го, в 7 часов вечера, я получаю твое письмо от 5-го сего месяца с историей об электричестве. На письме имеются три лондонские почтовые печати от 6-го (вторник), из которых две показывают, что оно было сдано уже во вторник до 10 часов утра. Затем на нем одна *манчестерская* печать от 7-го (вчера) и, наконец, две такие же печати от сегодняшнего числа. Затем замазанная, плохо зашпиганная незнакомая мне печать, которую при сем посылаю тебе для расследования. Я еще сегодня пошлю конверт здешнему почтмейстеру и потребую объяснения, почему письмо доставлено вместо вчерашнего дня только сегодня вечером. Напиши мне с обратной почтой, когда письмо было сдано и в исправности ли была печать. Мы устроим такой скандал этим негодьям, что они будут его помнить. Что эти господа делают низости, видно из сегодняшней «Daily News», которая определенно говорит, что Пальмерстон в Вене и Берлине требовал шпионов для надзора за эмигрантами и выписал господ Штибера и Гольдгейма для английской публики. Было бы великолепно, если бы мы могли точно так же пригвоздить Грея, как прежде Мадзини пригвоздил Грэхема.

Что с письмом случилось что-то особенное, доказывает знак, который они сделали на нем. Слово Манчестер на адресе сопровождается двумя крестами с обеих сторон следующим образом:

X Manchester X

еще жирнее, чем я это копирую.

Сохрани печати, которые я тебе посылаю, чтобы мы могли воспользоваться ими.

Завтра я напишу тебе о других затронутых пунктах. Сейчас я отправляюсь сдать это письмо и письмо почтмейстеру.

Кланяйся сердечно твоей жене.

Твой Ф. Э.

Четверг 8 мая [1851 г.], 10 часов вечера.

Письмо так неумело вскрыто, что еще ясно видны края прежней большей печати. Никакой сургуч не помогает, если под ним нет облатки, которая охватывает все четыре стороны конверта. У меня как раз теперь нет облаток, а так как я хочу, чтобы ты получил это письмо нераспечатанным, то мне не остается ничего другого, как послать его Шрамму, который живет ближе к тебе, чем Пипер, и через которого ты, по крайней мере, имеешь шансы быстро его получить.

Le tout considéré ² все же лучше послать его через Пипера, что я и делаю.

¹ положительно. ² Принимая все во внимание.

90.

Пятница 9 мая 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я послал тебе вчера два письма; в одном не было ничего, кроме почтового перевода, другое я послал через Тупмана. Надеюсь, ты оба получил.

Электрическая история в смысле конструкции проста. В четырех углах А, В, С и D, — я предполагаю, что там у тебя имеется чертеж, — в землю вбиваются колышки, и на глубине трех дюймов под поверхностью земли от одного из этих колышков к другому прокладывается толстая проволока, так что она под землей окружает все поле. В точках Е и F на севере и на юге в землю вколачивают две жерди, верхушки которых на высоте 15 футов над землей также соединяются между собой проволокой. Оба конца этой проволоки спускаются вниз по жердям и соединяются под землей с зарытой проволокой А В С D. Точно так же и от G к H идет по двум колышкам поперечная проволока, перекрещивающаяся посредине с проволокой Е F. Мне не вполне ясно, для чего нужны мешок с древесным углем и цинковые пластинки, так как я забыл электрические свойства древесного угля; но я полагаю, что при помощи этого древесного угля в G и цинка в H, также зарытых в землю и соединенных с большой зарытой проволокой, этот молодец хочет поляризовать электричество, создать положительный полюс (цинк) и отрицательный (уголь).

Остальное относится к технике изоляции проводов и т. д.

Так как ты мне больше ничего не пишешь, то я полагаю, что эта история относится к какому-нибудь опыту; мне кажется, ты говорил мне, что об этом было напечатано в «Экономисте» или т. п. Успех этого дела для меня несколько сомнителен, но, может быть, из

этого могло бы что-нибудь выйти, если бы это дело расширить и улучшить. Спрашивается только: 1) сколько электричества можно таким образом уловить из воздуха и 2) как это электричество влияет на рост растений. Дай мне во всяком случае знать, сделан ли уже этот опыт, с каким результатом и где об этом напечатано.

В этом деле имеются во всяком случае два затруднения.

1) Этот парень хочет, чтобы проволока, которая должна притягивать электричество, проходила как раз с севера к югу, и предписывает фермерам прокладывать ее по компасу. Об отклонении компаса, которое здесь в Англии измеряется 20 — 30 градусами, он ничего не говорит, а он должен был бы сказать, принято ли оно во внимание или нет. Фермеры во всяком случае ничего не знают об отклонении и будут прокладывать проволоку по магнитной стрелке, так, чтобы она проходила не с севера на юг, а с северо-северо-запада на юго-юго-восток.

2) Если электричество имеет благоприятное влияние на прорастание и рост растений, то оно приведет весной растения *к слишком раннему* прорастанию и подвергнет их ночным заморозкам и т. д. Это во всяком случае должно было бы проявиться и это можно было бы устранить, лишь разведывая на зиму проволоки надземные и подземные. И об этом этот человек ничего не говорит. Полученное таким путем электричество либо не имеет никакого ускоряющего влияния, либо же оно приводит к слишком раннему прорастанию. И это должно быть также выяснено.

Впрочем, об этой вещи нельзя судить, пока она не будет испытана и не будут иметься налицо результаты; поэтому скажи мне, где я могу найти более подробные указания об этом предмете.

Я благодарю всевышнего за то, что ослы из центрального комитета опять сошлись между собой, и я даже не завидую их «Космосу». Ведь мы скоро опять будем иметь в нашем распоряжении орган, который мы сможем использовать; в нем мы сможем отражать все нападки, не выступая непосредственно от нашего имени. В этом преимущество предполагаемого «Кёльнского ежесемесичника» перед нашим «Обозрением». Мы все это свалим на добродушного Бюргерса, надо же ему хоть чем-нибудь воздать за его глубокомыслие.

Впрочем, нельзя было и ожидать, что брань по нашему адресу получит в Германии меньшее распространение, чем в Америке и в Лондоне. Ты находишься сейчас в том завидном положении, что тебя одновременно атакуют два мира, а этого даже и с Наполеоном ни разу не случилось. Впрочем, наши друзья в Германии — ослы. То, что они не обращают никакого внимания на простую брань и только раз

в три месяца ограничиваются несколькими словами о состоянии этого опрятного дела, — вполне в порядке вещей. Но когда дело доходит до клеветы, когда демократический филистер перестает довольствоваться простым убеждением, что мы являемся самыми ужасными чудовищами, и начинает распространять про нас вымышленные искаженные слухи, тогда, право же, было бы не лишнее, если б эти господа прислали кому-либо из нас эти документы для того, чтобы мы могли принять свои меры. Но немец полагает, что он уже достаточно сделал, если просто *не верит* подобной чепухе. Заставь Тупмана написать об этом М[икелю]. Вовсе не нужно отвечать немедленно; когда накопится несколько дюжин этой дряни, можно разок как следует размахнуться и раздавить этих клопов *d'un seul coup de pied*.¹ Что касается того, что они хотят сделать для нас невозможным пребывание в Германии — *laissons leur se plaiser!*² Они не могут вычеркнуть из истории «Новую рейнскую газету», «Коммунистический манифест» и *tutti quanti*,³ и им не поможет весь их вой. Единственные люди, которые могли бы стать для нас опасными в Германии, — это убийцы, а с тех пор как Готтшалк умер, ни у кого в Германии не хватает смелости подделывать к нам таких людей. *Et puis*⁴ разве и в 1848 г. нам не пришлось завоевывать себе положение в Кёльне? Ну, а *любить* ведь нас никогда не будет демократическая, красная или даже коммунистическая чернь.

Я рад, что господа, прездежающие на выставку, оставляют тебя пока в покое. Меня они уже осаждают. Вчера здесь были два купца из Лекко, один — давнишний знакомый с 1841 г. Австрийцы славно хозяйничают в Ломбардии. После всех контрибуций, повторных принудительных займов, податей, взыскиваемых трижды в год, вводится, наконец, некоторая система. Средние купцы в Лекко должны уплачивать ежегодно 10 000 — 24 000 цванцигеров (350 — 700 фунтов ст.) — в виде прямых регулярных налогов, *hard cash*.⁵ Так как в ближайшие годы там предполагается ввести австрийские ассигнации, то правительство хочет до этого времени извлечь все металлические деньги. При этом *очень шадят* крупное дворянство, *i gran ricchi*⁶ и крестьян; вся тяжесть налогов ложится на *il medio liberale*⁷ городов. Ты видишь, какова политика этих субъектов. При таком гнете само собою понятно, что жители Лекко послали правительству заявление, что они больше не станут платить; по мне, пусть их описывают, но если эта система не прекратится, они все эмигрируют, а многие уже описаны. Понятно также, что эти молодцы ждут Мадзини и заявляют, что немедленный взрыв *неизбежен*, потому что больше они не в состоянии переносить, *perchè rovinati siamo e rovi-*

nati saremmo in ogni caso. ⁸ Это несколько объясняет стремление итальянцев выступить. Все эти молодцы здесь республиканцы, и к тому же сплошь видные буржуа; один из них — первый купец в Лекко и сам ежемесячно платит налог в 2 000 цванцигеров. Он во что бы то ни стало хотел знать, когда же «начнется»; в Лекко — единственном месте, где я популярен, — они решили, что я знаю это в точности.

Завтра — о Веллингтоне, которым мне помешали заняться эти молодцы.

Твой Ф. Э.

Это письмо запечатано сургучем с приложением печати нашей фирмы E. & E. Ты, таким образом, увидишь, вскрыто ли оно.

¹ одним ударом ноги. ² предоставим им это удовольствие. ³ тому подобное. ⁴ И затем. ⁵ звонкой монетой. ⁶ крупных богачей. ⁷ либеральный средний слой. ⁸ потому что мы разорены и будем разорены во всяком случае.

91.

Лондон, 16 мая 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Твое письмо, пришедшее третьего дня, я получил слишком поздно, чтобы на него в тот же день ответить. Я ушел в музей до прихода postman ¹ и вернулся домой лишь к 7 часам вечера. А вчера я при всем желании не мог написать тебе, так как у меня были такие желудочные боли, что чуть голова не треснула, как барабан у фрейлигратовского негра.

Путаница произошла просто из-за того, что я ответ на твое первое письмо дал для немедленной отправки на почту одному из обсих гуляк, Ш[рамму.] Он его, конечно, не отправил, и эти несколько строк находились еще вчера в его портфеле.

Что касается electricity, ² то заметка об этом находится в «Экономисте» за 1845 г. Больше там нет ничего, кроме того, что я тебе сообщил, что этот опыт был с большим успехом проделан в Шотландии. Он даже называет имя фермера.

Фрейлиграт на-днях приезжает сюда.

Теперь к истории с почтой. Я полагаю, что почта не виновата. Во всяком случае я сам ответствен за плохую форму печати. Единственно, что alienum est ³ для меня, это X Манчестер X.

Видел ли ты в «Кёльнской газете», как этот бесстыдный Кинкель через посредство своей жены опровергает всякое свое участие в составлении манифеста сильного «временного правительства»? И как он

нагло врет о своей «тяжелой болезни», чтобы поднять к себе интерес немецкого филистера.

Благодаря вмешательству моего достойного шурина-министра печатание моих вещей и «Обозрения» опять приостановлено. Беккер, повидимому, наткнулся на трудности в Вервье.

Во Франции *Кавеньяк*, кажется, начинает усиленно выдвигаться. Его избрание было бы рациональным выходом из положения, но оно на годы отодвинуло бы революцию. Конгресс Николая, Фридриха-Вильгельма и Габсбурга имеет приблизительно такое же значение, как конгресс генерала Гауга, Руге и Ронге. Подходящее обложение было в данный момент самым умным, что пруссаки могли сделать.

Еще только несколько строк о местной эмиграции. Под руководством одного парня (немца), имени которого я не знаю, или, скорее, вместе с этим парнем, нанялись в качестве редакции немецкого отдела в London (Daily) Illustrated News бессмертный Фаухер, неизбежный Э. Мейен, находящийся еще здесь, и др. Так как никто из этих молодцов не знает по-английски, то они попросили создать еще свержредакцию в лице немца-англичанина. В качестве шефа им дали *старую женщину*, которая 20 лет тому назад была в Германии и говорит на ломаном немецком языке. Она, как и старый Доллешаль, вычеркнула Э. Мейену его глубокомысленную статью о скульптуре. Этот идиот воспроизвел здесь в Лондоне написанные им 10 лет тому назад в берлинской бульварной газете глупости об искусстве. Фаухер также подвергся безжалостной цензуре. И несколько дней тому назад редактор пригласил к себе этих олухов, которые, хотя и протестуя, подчинялись власти старой женщины, и заявил этим господам, что они должны ограничиться переводом английских статей, что он не может использовать их собственных писаний. А так как эти несчастные не знают английского языка, то это была в вежливой форме отставка. И они приняли свою отставку, и Мейен опять должен будет ждать десять лет, чтобы поместить свою «скульптуру».

Более того, «Кёльнская газета» уже несколько недель тому назад без всякой церемонии выбросила господина Фаухера, мотивируя это тем, что его статьи скучны.

Что ты скажешь о португальской революции?

Господин А. Гегг теперь здесь; его тотчас же перехватил Виллих и компания, и он читает лекции на Windmillstreet. В добрый час!

Теперь, *mon cher*,⁴ будь здоров! Отныне корреспонденция снова войдет в колею.

Твой К. М.

¹ почтальона. ² электричества. ³ странно. ⁴ мой дорогой.

92.

Манчестер, понедельник 19 мая 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я рад, что с письмами ничего не произошло. Так все же лучше. Здешний почтмейстер дал мне также удовлетворительные объяснения по поводу неправильной доставки письма. Впредь пиши на адресе улицу и номер дома *над* городом, так, чтобы «Манчестер» стоял совсем внизу; почтовые чиновники привыкли к этому, и так как название улицы стояло внизу, то они на одном письме проглядели «Манчестер» и отослали его обратно в Лондон как лондонское городское письмо.

Последняя новость — то, что ты совершенно уничтожен. Ты полагаешь, что ты открыл правильную теорию земельной ренты? Ты полагаешь, что ты первый опроверг теорию Рикардо? *Malheur que tu es!*¹ Ты обойден, уничтожен, разбит, раздавлен. Все основание твоего *monumentum aere perennius*² рухнуло. Слушай: Господин Родбертус только что выпустил в свет третий том своих «Социальных писем к Кирхману» — 18 листов. Этот том содержит в себе «полное опровержение учения Рикардо о земельной ренте и изложение новой теории ренты». Смотри «Лейпцигскую иллюстрированную газету» за прошлую неделю. Теперь тебе крышка.

Усилия великого Кинкеля выбраться из неприличного общества, называемого Европейским комитетом, по возможности без скандала, очень забавны. В субботнем «Sun» ты прочтешь, что несколько крикливых демократов устроили под Эльберфельдом собрание, инсценировали маленькие *riots*³ и при этом раздавали прокламации. Это было устроено при помощи немецко-католических связей Ронге. Ни Кинкель, ни кто-либо другой из хора там ничего не могли бы поделаться.

История с Кавеньяком во всех отношениях фатальна; если *Жирарден* говорит относительно него, что у него наибольшие шансы, то это должно быть верно. Кроме того эти типы все больше убеждаются в том, что пересмотр невозможен — легальным путем. А нелегальный путь — это государственный переворот, а кто первый начинает прибегать к государственному перевороту, тот бывает раздавлен, говорит «*Débats*». Наполеон начинает становиться *horriblement*⁴ изолированным. Шангарнье уничтожен, уволен в отставку, слияние не приводит ни к чему непосредственно практическому, как оно ни великолепно; *il n'y a que Cavaignac*.⁵ Если бы этот субъект отдал революцию, это было бы в конце концов не так

опасно; несколько лет решительного промышленного развития, преодоление кризиса и новый промышленный подъем отнюдь не могли бы повредить, особенно если бы это сопровождалось буржуазными реформами во Франции и т. д. Но Кавеньяк и буржуазная реформа означает во Франции реформу таможенной системы и союз с Англией, а при первом удобном случае — войну с помощью Англии против Священного союза; это потребовало бы продолжительного времени для вооружения, солидной подготовки нападения на Германию, что могло бы нам стоить рейнских границ. Эта потеря явилась бы лучшим средством утихомирить крикливый французский социализм, заткнув ему глотку славой.

«Débats», впрочем, так низко пали, что спасение общества они видят лишь в сохранении нового избирательного закона. История с Фаухером и Мейснем великолепна. Так как я видел только первую страницу первого номера немецкого «Illustrated London News» в витрине магазина, то мне было rather любопытно, кто такие те «первые немецкие писатели», которые писали эту высокопарную чепуху.

«Франкфуртскому журналу» пишут из Кёльна, что лондонским эмигрантам живется теперь довольно сносно, за исключением тех, которые находятся в казарме; среди них и Виллих. «Аугсбургская всеобщая газета» действительно думает, что «закон о чужестранцах» еще в силе, и видит, как эти эмигранты — эти вечные жида девятнадцатого столетия — дрожа, крадутся по Лондону в бледном ужасе перед этим законом.

О революции в Португалии я ничего не могу сказать. Нужно только заметить, что Сальданья в качестве чисто личного инсургента, в качестве «ôte-toi de là, Costa Cabral, que je m'y mette»,⁶ ничего не добился бы, но что с того момента, как он был вынужден примкнуть к либеральным буржуа Опорто и принять к себе в лице Хозе Пассоса всемогущего представителя этой буржуазной силы, — что с этого момента к нему перешла вся армия. Положение, которое займет Пассос, и весь ближайший ход событий покажут, попытаются ли Салданья и королева опять надуть буржуазию. Лиссабон — ничто, Опорто — это центр конституционной буржуазии, манчестерской школы Португалии.

Будь доволен, что господин Гегг не явился к тебе. Le diable emporte toutes ces médiocrités gonflées.⁷

Твой Ф. Э.

¹ О ты несчастный. ² памятника тверже меди. ³ путчи. ⁴ ужасающе. ⁵ нет никого, кроме Кавеньяка. ⁶ уйди, Коста Кабраль, чтоб я мог сесть на твое место. ⁷ Пусть идут к чорту все эти раздутые посредственности.

93.

Лондон, 21 мая 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Фрейлиграт здесь и кланяется тебе. Он приехал сюда, чтобы подыскать себе какую-нибудь должность. Если он ничего не найдет, он хочет ехать в Америку.

Он привез с собой очень хорошие новости из Германии. Кёльнцы очень деятельны. Их агенты разъезжают начиная с сентября. У них в Берлине два очень хороших представителя, и так как демократы постоянно приезжают в Кёльн за советами, то они обычно парализуют других господ. Так брауншвейгцы были постоянно за то, чтобы дать Шиммельпфенигу 2 000 талеров для лондонского комитета (социального). Но еще до этого они послали д-ра Люциуса в Кёльн, и так эта затея провалилась.

Кинкель очень дискредитирован в Рейнской провинции, особенно в Бонне. Тамошний комитет послал Иоганне 200 ф. ст., но уже по прошествии двух недель она снова потребовала денег. Это очень не понравилось этим филистерам.

Кёльнцы через несколько недель устраивают коммунистический конгресс.

Обер-генерал Зигель здесь и вступил в Windmillstreet.

Появился также номер «Космоса» генерала Гауга. Содержит рекламы Виллиху, Кинкелю и Герингеру. Эти различные банды начинают все больше походить друг на друга. Я никогда не видал и не слышал более надутой и самодовольной безвкусицы.

Кроме всего прочего там помещена буффонада Арнольда Винкельрида-Руге. Это животное сфабриковало себе письмо от немецкого «хлебосола», в котором тот рассказывает, что он читал в газетах удивительные вещи об «английском гостеприимстве» и боится, что «перегруженность» Руге «государственными делами» при царящем там «сibarитстве и гостеприимстве» не даст ему возможности надлежащим образом использовать время, и спрашивает его: «Ведь не предатель Радовиц, а Мадзини, Ледрю-Роллэн, гражданин Виллих, Кинкель и вы лично были приглашены в Виндзор?» Руге тогда рассеивает заблуждение своего друга и утешает его, что английское гостеприимство не помешает им в факельном шествии вернуться в Германию. L'imbécile! ¹

В целом это писано (эстетически) беллетристически-ученически-идиотски, с глупым самодовольством, не имеющим себе равного в анналах мировой истории. К тому же с неслыханным отсутствием

всякого таланта. Но я постараюсь достать для тебя один экземпляр этого хлама.

Клоп Мейен бегаёт тут очень деловито и сообщает по секрету каждому, желающему его слушать, что Маркс и Энгельс потеряли в Германии всех сторонников и всякое влияние. Ужасный Мейен!

Чтобы дать тебе типичный образец бесстыдной навойливости этих мерзавцев и их жалкого попрошайничества, расскажу тебе следующее:

В прошлое воскресенье я был на Johnstreet, где старый Оуэн в день восьмидесятилетия со дня своего рождения читал лекцию. Несмотря на свои навязчивые идеи, старик был чрезвычайно любезен. Когда старик кончил, один из спутников «Космоса» пробрался к нему и всунул ему номер «Космоса», заявив при этом, что этот орган придерживается его принципов. И старик действительно рекомендовал этот орган публике. *C'est par trop drôle!*²

Я в тот вечер не мог избежать вторичного разговора с Гарни. Подвыпивший и весьма развязный, он подошел ко мне и справился о тебе.

Попрошайничество Виллиха приносит ему хорошие результаты. Когда сюда приехали шлезвиг-голлштинские эмигранты, он выклянчил «для них» (1) свыше 200 фунтов ст. у city merchants.³

Хотя Жирарден и говорит, что Кавеньяк является теперь единственным серьезным кандидатом «parti de l'ordre»⁴ массы буржуазии, но сам-то он яростно нападает на него и на Шангарнье, и его полемика опять напоминает лучшие времена его борьбы против «National». Этот молодец ведет во Франции более оживленную агитацию, чем вся банда монтаньяров и красных вместе взятых. Бонапарт как будто бы hors de question.⁵ Между тем, если роялистское большинство Национального собрания опять нарушит конституцию и простым большинством постановит пересмотр конституции, то в конце концов оно все же будет вынуждено — так как оно само потеряет всякую легальную опору — заключить компромисс с Бонапартом, как с носителем исполнительной власти. В этом случае дело могло бы дойти до серьезных коллизий, так как вряд ли Кавеньяк еще раз допустит, чтобы у него вырвали добычу из-под носа.

Скоро здесь будет вся «Новая рейнская газета». Я удивляюсь только тому, что Лупуса еще нет. Не приключилось ли с ним какой-нибудь беды?

Я работаю теперь каждый день с 10 утра до 7 вечера в библиотеке; посещение промышленной выставки оставляю до твоего приезда.

Читал ли ты подложные и подлинные послания Мадзини в «Débats»?

Твой К. М.

Муш кланяется «Фридриху Энгельсу». Кстати. Виллих и Шиммельпфениг выпустили обычное воззвание к «своим братьям в прусской армии».

¹ Идиот. ² Это уже слишком смешно. ³ купцов из Сити. ⁴ партии порядка. ⁵ вне вопроса.

94.

Манчестер, 23 мая 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я с удовольствием узнал из газет, что «Новая рейнская газета» была также представлена в твоём лице на сойеровском банкете всемирной прессы. Надеюсь, тебе понравились *homards à la Washington* и *champagne frappé*.¹ Но для меня остается тайной, каким образом мистер Сойер разыскал твой адрес.

Знаешь ли, что стало с пьяницей Ларош с Great Windmillstreet? Как сообщают немецкие газеты, он арестован и приговорен в Берлине к смертной казни через повешение. Оказывается, этот «бывший прусский гусарский лейтенант» не кто иной, как сапожник Август Фридрих-Готлиб Леман из Трейбеля у Сорау в верхнесилезской Польше, ополченец первого призыва, приговоренный 23 марта 1842 г. за дезертирство в мирное время, за подлоги и за мошенничество к лишению военных отличий и к шестнадцати месяцам штрафного батальона. Новые факты для характеристики наших немецких революционных героев.

Что великие вояки, Виллих, Шиммельпфениг и Зигель, все более сходятся между собой, это очень хорошо. Этот солдатский сброд отличается невероятно грязным *esprit de corps*.² Они ненавидят друг друга *à mort*,³ завидуют друг другу, как школьники, при малейших отличиях, но по отношению к людям «штатским» они все единодушны. Точь-в-точь так же, — только в карликово-карикатурном масштабе, — как в первых французских армиях 1792—93 гг. Общество с Windmillstreet они все рассматривают как батальон, который вступит в Германию в полной боевой готовности сплоченными рядами; это все, что осталось после того, как они были разгромлены в Швейцарии и оттуда высланы дальше. Неудивительно поэтому, что они все примыкают к этому благородному корпусу. Очень хорошо, что уже теперь виден этот офицерский корпоративный дух старой

казармы и «офицерского собрания» и что уже теперь все видят, что в среде эмигрировавшего офицерства система клик господствует в столь же сильной степени, как в великолепном настоящем войске. Мы в свое время покажем этим господам, что значат «штатские». Но подобного рода истории показывают мне, что я не могу придумать ничего лучшего, как продолжать свое изучение военного дела для того, чтобы, по крайней мере, хоть один из «штатских» мог померяться с ними в теоретическом отношении. Во всяком случае я хочу довести дело до того, чтобы такого рода ослы не могли меня оглушить своей болтовней. Весьма приятно, что их все же надули на 2 000 талеров. Известия из Кёльна очень приятны. Пусть только люди там держатся на-чеку.

В деле попрошайничества благородная Иоганна, видимо, превзошла все, что было до нее. Гейнцену остается повеситься; до такого нахальства он все же не дошел, как эта женщина, которая к тому же дурна собой, как смертный грех.

Уж из английских газет было видно, что Жирарден не поддерживает Кавеньяка. Но то, что даже *он* принужден констатировать факт, что шансы Кавеньяка стоят высоко, достаточно для характеристики положения. Если бы осуществилась та возможность, о которой ты говоришь, а именно, что большинство и Бонапарт пошли бы на соглашение и постарались бы произвести незаконный пересмотр договора, я полагаю, что из этого ничего не вышло бы. Этого они никогда не проведут, пока против этого Тьер, Шангарнье и Débats вместе со своими хвостами. Шансы Кавеньяка были бы в этом случае слишком хороши; и тогда, я думаю, он мог бы рассчитывать на армию.

Если сумятица произойдет в ближайшем году, то Германия окажется в невозможном положении. Франция, Италия и Польша заинтересованы в ее раздроблении. Мадзини, как ты видел, обещал даже чехам государственное восстановление. За исключением Венгрии, Германия имела бы только одного возможного союзника — Россию, под условием, что там будет произведена крестьянская революция. А вообще мы будем иметь *guerre à mort*⁴ с нашими благородными друзьями со всех сторон света, и еще большой вопрос, чем вся эта история кончится.

Чем больше я размышляю, тем яснее мне становится, что поляки — *une nation foutue*,⁵ которая нужна, как средство, лишь до того момента, пока сама Россия не будет вовлечена в аграрную революцию. С этого момента существование Польши не имеет абсолютно никакого *raison d'être*.⁶ Поляки никогда не совершали в истории

ничего иного, кроме храбрых драчливых глупостей. Нельзя указать ни одного момента, когда Польша, даже по сравнению с Россией, играла бы прогрессивную роль или вообще совершила что-либо, имеющее историческое значение. Напротив, Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю свою мерзость и славянскую грязь, господство России играет цивилизующую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар; и Россия восприняла гораздо больше элементов просвещения и в особенности элементов промышленности, чем вся, по самой природе своей барски-ленивая, Польша. Преимуществом России является уже одно то, что русское дворянство, начиная с царя и князя Демидова и кончая самым последним боярином четырнадцатого класса, у которого только и есть, что его благородное (*blaharodno*) происхождение, фабрикует, барышничает, надувает, берет взятки и совершает все возможные христианские и еврейские гешефты. Поляки никогда не умели ассимилировать чуждые элементы. Немцы в городах суть и остаются немцами. Между тем каждый русский немец во втором поколении является живым примером того, как Россия умеет руссифицировать немцев и евреев. У евреев даже вырастают там славянские скулы.

Яркие примеры «бессмертия» Польши дают наполеоновские войны 1807 и 1812 г. Бессмертным является у поляков только их беспредметная драчливость. К тому же большая часть Польши, так называемая Западная Россия, т. е. Белосток, Гродно, Вильно, Смоленск, Минск, Могилев, Волынь и Подолия, начиная с 1772 г., за незначительными исключениями, спокойно подчинялась господству русских; *ils n'ont pas bougé* ? за исключением немногих горожан и дворян в отдельных местах. Четверть Польши говорит по-литовски, четверть по-русински, небольшая часть на полурусском языке, и собственно польская часть на добрую треть германизирована.

К счастью, мы в «Новой рейнской газете» не взяли на себя по отношению к полякам никаких определенных обязательств, кроме неизбежного обязательства восстановления в соответствующих границах, и то под условием аграрной революции. Но я уверен, что эта революция осуществится в полном виде скорее в России, чем в Польше, как вследствие национального характера России, так и вследствие большего развития в ней буржуазных элементов. Что такое Варшава и Краков по сравнению с Петербургом, Москвой, Одессой и т. д. и т. д.?

Вывод: отнять у поляков на западе все, что возможно, занять их крепости немцами, особенно Познань, под предлогом защиты, дать

им ховяйничать, посылать их в огонь, пожирать их продукты, кормить их перспективами Риги и Одессы, а в случае, если бы удалось вовлечь в движение русских, соединиться с ними и вынудить поляков к уступкам. Каждый дюйм, который мы уступаем полякам на границе от Мемеля до Кракова, совершенно разрушает в военном отношении эти и без того жалкие границы и обнажает весь прибалтийский берег до Штеттина.

Я, впрочем, убежден, что при ближайшей революции все польское восстание ограничится познанскими и галицийскими дворянами вместе с некоторым количеством беглецов из Царства Польского. так как Царство Польское до крайности истощено, и претензии этих рыцарей, если они не будут поддержаны французами, итальянцами, скандинавцами и т. д., и т. д. и усилены чехословацкими восстаниями, потерпят крушение вследствие жалкого характера их предприятия. Нация, которая может выставить максимум 20 000 — 30 000 человек, не может иметь голоса. А Польша, наверное, не выставит многим больше.

Передай привет Фрейлиграту, если увидишь его, и твоей семье, включая гражданина Муша. Я приеду в Лондон приблизительно на неделю позже, чем я рассчитывал; это зависит от ряда мелочей. А рггроз, из Кёльна еще ни строчки. Написал ли ты? Если я не получу ответа *немедленно*, все это дело становится бесполезным. Не понимаю, почему Даниэльс мне не может оказать этого одолжения. Не можешь ли написать ему вторично. Даниэльс должен только черкнуть пару строк и мне их прислать. В противном случае я могу очутиться в очень неприятном положении.

Твой Ф. Э.

¹ омары à la Вашингтон и замороженное шампанское. ² корпоративным духом. ³ смертельно. ⁴ войну не на жизнь, а на смерть. ⁵ никудышная нация. ⁶ смысла. ⁷ они и не пикнули.

28 мая 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Даниэльс не ответил (я ему завтра опять напишу, если еще сегодня не получу письма) вследствие очень досадных обстоятельств. Нотьюнг арестован в Лейпциге на вокзале. Какие бумаги при нем нашли, я, конечно, не знаю. После этого (или, быть может, одновременно, я этого не знаю) были арестованы в Кёльне Беккер и Резер, дома у них был произведен обыск, а также у Бюргерса. Последний

в Берлине, имеется приказ об его аресте, и он, вероятно, скоро будет здесь.

Этими полицейскими мерами против эмиссаров и т. д. мы обязаны жалкому вою лондонских ослов. Эти надутые пузыри хорошо знают, что они вовсе не конспирируют, не преследуют никаких настоящих целей и что у них нет за собой в Германии никакой организации. Им хочется только *казаться* опасными и давать работу газетной мельнице. Таким образом эти каналы мешают действительному движению и подвергают его опасности, наводят полицию на *qui vive*.¹ Существовала ли когда-либо на свете такая партия, задачей которой, по ее собственному признанию, являлось бы только хвастовство?

Фрейлиграт инстинктивно уехал как раз во-время, чтобы избежать ареста. Как только он сюда приехал, все эмигрантские клики, филантропические друзья Кинкеля, эстетствующие Говитты и т. д. стали расставлять ему силки, чтоб захватить его для своей котерии. На все такие попытки он очень грубо отвечал, что он принадлежит к «Рейнской газете», не имеет ничего общего с космополитической компанией и поддерживает общение лишь с «д-ром Марксом и его самыми интимными друзьями».

Сейчас я тебе расскажу о «Космосе». До этого еще *un mot*² о положении во Франции. Я убеждаюсь *de plus en plus*,³ что, несмотря ни на что, у Наполеона пока что больше шансов, чем у всех остальных кандидатов. *En principe*⁴ будет постановлен пересмотр, *en pratique*⁵ пересмотр ограничится статьями, относящимися к президенту. Если меньшинство будет слишком сильно шуметь, тогда будет принято простое постановление большинства о роспуске Национального собрания и созыве нового; а новые выборы будут происходить *auspiciis Faucheri*,⁶ телеграфа и закона 31 мая. Буржуа предпочли бы Кавеньяка; но попытка порвать с *status quo* при помощи радикальных выборов кажется им слишком рискованной. Уже теперь многие фабриканты принудили своих *hands*⁷ подписывать петиции за пересмотр конституции и продление власти президента. *En tout cas*⁸ дело должно скоро разрешиться, и *nous verrons!*⁹

«Космос» потерпел, стало быть, блестящее фиаско.

Под заглавием «*Лекции Кинкеля*», за подписью «Рабочий», читаю следующее:

Туманные картины Деблера вызвали у меня смешную мысль о том, можно ли передать «словом» такие хаотические образы, такие «туманные картины». Правда, для критика неприятно сразу же сознаться, что в данном случае критическая самостоятельность вибрирует в тон гальванизированным нервам

благодаря затронутым воспоминаниям, подобно тому как затихающий звук замирающей ноты продолжает звенеть на струнах. Однако я предпочитаю отвергнуть педантически скучный анализ ученой нечувствительности, нежели отказаться от тона, которым очаровательная муза германского изгнанника нашла отклик в игре мысли моей восприимчивости. Этот основной тон кинкелевских картин, этот резонанс его аккордов — это звонкое, творческое, изобразительное, всемогуще-оформляющее «слово» — *современная мысль*! Человеческое «*суждение*» об этой мысли спасает истину из хаоса лживых традиций и ставит ее в качестве неприкосновенной собственности всего общества под защиту одухотворенных логических меньшинств, поднимающих ее от верующего незнания до неверующего знания. Знанию безверия надлежит профанировать мистицизм благочестивого обмана, расшатать абсолютизм оглупевшей традиции с помощью скептицизма, этой неустанно работающей гильотины философии, обезглавить авторитеты и вывести народы при помощи революции из заоблачных туманностей теократии в цветущие долины демократии (бессмыслицы). Упорное, настойчивое исследование летописей человечества, равно как и изучение человека как такового, представляет собой великую задачу всех сторонников переворота, и это-то и прозрел гонимый поэт и мятежник, который на вечерах последних трех понедельников высказывал по поводу истории современного театра перед буржуазной публикой свои «*dissolving views*». ¹⁰

Рабочий.

Если это не сплошное сумасбродство, то, право, уж не знаю, что можно выдумать почище.

Vale faveque!

Твой *Карл Маркс*.

¹ на след. ² одно словечко. ³ все более и более. ⁴ В принципе. ⁵ на практике. ⁶ под руководством Фоме. ⁷ рабочих. ⁸ Во всяком случае. ⁹ мы увидим!
¹⁰ крамольные взгляды.

96.

Вторник [3 июня 1851 г.]

Дорогой Маркс!

В субботу я приеду в Лондон, если мне ничто не помешает.

Мои опасения относительно кёльнцев, повидимому, слишком быстро осуществились; арест красного Беккера и Резера по обвинению в государственной измене и попытке свержения конституции, а также попытка ареста тихого Генриха [Бюргера], очевидно, не без связи с историей С[оюза]. К счастью, как сообщает «Франкфуртская газета», у первых двух арестованных не нашли решительно никаких бумаг — нашли ли у Б[юргера], не говорится. Генрих, очевидно, теперь также приедет в Лондон для укомплектования «Новой рейнской газеты». История может принять неприятный оборот, если они себя держали глупо.

Твой Ф. Э.

97.

28, Deanstreet, Soho, 16 июня 1851 г.

Дорогой Энгельс!

У Даниэльса был обыск и он арестован. Я не думаю, чтобы у него что-нибудь нашли.

Сегодня утром я получил письмо, написанное несомненно почерком Даниэльса, но без подписи; в этом письме мне сообщают об упомянутом факте и одновременно настойчиво предлагают убрать все письма, так как известно из *верного* (так в оригинале) источника, что и здесь, в Англии, должны произойти обыски.

Я не знаю, возможно ли это по закону. Во всяком случае я все уберу. И ты тоже хорошо сделаешь, если менее важные письма сожжешь, а остальные, заключающие в себе какие-либо данные и тому подобное, поместишь в запечатанном пакете у Мэри или у вашего прикащика.

У Якоби, вероятно, нашли рекомендацию от Даниэльса.

Сегодня же я получил через одного купца письмо от Вейдемейера, скрывающегося в окрестностях Франкфурта. Письмо это при сем прилагаю. Имеешь ли ты точные цифры о соотношении между внутренней и внешней торговлей Англии? Это нужно Вейдемейеру. В этой области за последнее время произошли значительные изменения. Salut!

Твой К. Маркс.

98.

27 июня 1851 г.

Дорогой Маркс!

Это весьма *bonasse*¹ со стороны славной саксонской полиции, что она сама высочайше уведомляет нас о том, о чем мы до сих пор не знали или не могли узнать. Менторское и полное достоинства циркулярное письмо Бюргерса с его замечательными *clair-obscur*² рассуждениями заставило их должно быть основательно ломать себе головы; они и напечатали жирным шрифтом как раз все неясные места. Очень веселое впечатление производит, что великих мужей с Windmillstreet на глазах у всего света вышвырнули из их собственной партии; великого Виллиха в одной компании с Гауде, Гебертом и другой неизвестной сволочью и с неким «Шоппером» (от слова «Schoppen»*), редкие заслуги которого так мало известны, что

* Игра слов: Schoppen значит кружка пива.

в Кёльне даже не умеют написать правильно его имени! So far all right.³ Но первый параграф статута очень опасен для арестованных. «Все средства революционной деятельности», или как это там сказано. Благодаря этому дело из области простого тайного сообщества переходит в дело об «измене». Впрочем, поскольку можно судить по намеку «Кёльнской газеты», оправдывается мое предположение, что они имеют в виду передать все дело о сообществе берлинскому чрезвычайному суду, специально созданному ради этого грандиозного дела.

Хорошим показателем настроения буржуа является то, что правительство так решительно провалилось со своей попыткой использовать «великое дрезденское открытие» в качестве пугала для публики. Буржуа уже так мало боится красного призрака, что он слышать не хочет о «большом коммунистическом заговоре» и опасается того, что система домашних обысков в ближайшем будущем будет распространена и на него.

Ни одна газета не хочет пойти на эту удочку, и отчаянные попытки правительства раскрыть новые заговоры в гимнастических обществах, «свободных общинах» и в демократствующих союзах портняжных мастеров, с одной стороны, показывают, как его злит равнодушие буржуа и как оно старается пощекотать их любопытство, а с другой стороны, к каким незначительным дальнейшим открытиям привели статуты и циркулярное письмо. У Микеля, кажется, был тоже произведен безрезультатный обыск.

Qu'y a-t-il de nouveau à Londres?⁴

Твой Ф. Э.

¹ мило. ² полутемными. ³ Таким образом, все в порядке. ⁴ Что нового в Лондоне?

Дорогой Маркс!

Провозившись целую неделю со своим стариком, я опять его благополучно сплавил и могу, наконец, тебе сегодня послать прилагаемый перевод на 5 фунтов. В общем я могу быть доволен результатом моего свидания со стариком. Я ему нужен здесь, по крайней мере, еще года три, а я не взял на себя никаких постоянных обязательств даже на эти три года; их от меня, впрочем, и не потребовали ни в смысле литературной деятельности, ни в смысле необходимости оставаться здесь в случае революции.

О ней он, кажется, и не думает, так уверенно они чувствуют себя теперь. С своей стороны, я с самого начала добился для себя денег на представительство и на жизнь — около 200 фунтов ежегодно; на это было получено согласие без больших трудностей. При таком жаловании уже жить можно, и если до ближайшего баланса все останется спокойным и здешнее дело пойдет хорошо, то он должен будет «пострадать» еще и не так — я уже и в этом году выйду далеко за пределы двухсот фунтов. При этом он познакомил меня со всеми своими деловыми отношениями, как здешними, так и тамошними; дела у него идут очень хорошо, и за время с 1837 г. он почти удвоил свое состояние; само собою разумеется, что при этих условиях я не буду стеснять себя больше, чем это нужно.

Впрочем, старик тоже достаточно хитер. Его план, который, правда, можно осуществить лишь очень медленно и с трудом и который вряд ли когда-нибудь будет осуществлен вследствие волокиты с Эрменами, сводится к тому, чтобы Петеру Эрмену дать переехать в Ливерпуль, чего тот сам хочет, а все руководство здешней конторой передать мне — причем Г. Эрмен будет тогда управлять фабрикой. Это меня, конечно, связало бы. Я заявил, что это превосходит мои силы и разыграл скромного. Если бы мой старик остался еще здесь на несколько дней, то мы бы обязательно подрались.

Этот человек совершенно не может перевернуть свое счастье, завнается, впадает в старое менторство, становится вызывающим; при этом он так глуп и бестактен, что хотел, например, воспользоваться в последний день своего пребывания здесь присутствием одного из Эрменов, которое, как он думает, зная мое чувство приличия, связывает меня, чтобы доставить себе удовольствие петь дифирамбы прусским учреждениям в моем присутствии; он полагал при этом, что я из чувства приличия в присутствии Эрмена вынужден буду молчать. Конечно, нескольких слов и гневного взгляда было достаточно, чтобы заставить его замолчать, но этого вместе с тем было довольно, чтобы между нами сразу установились холодные отношения — именно при прощании — и я теперь жду, что он в той или иной форме постарается отомстить за эту неудачу. Nous allons voir.¹ Если эта история не будет иметь никаких дурных последствий на практике, т. е. не отразится на моих денежных делах, то мне холодные деловые отношения гораздо приятнее всякого душевного лицемерия.

Ceci entre nous.²

«Кёльнской газеты» здесь уже с начала июля больше не видать, вероятно из-за того, что забыли возобновить абонемент. Я поэтому

не знаю, произошло ли что-либо в дальнейшем. Если ты знаешь что-либо новое, сообщи мне. Я, наконец, опять смогу начать регулярно работать, так как препятствия из-за выставки теперь почти совсем исчезли и каталог Атенеума уже готов. Я имею также в виду скоро выехать в деревню, где мне никто не будет мешать. Так как мой старик не приедет сюда в течение целого года, то я могу устроиться совсем по своему усмотрению и большую часть денег, полученных на представительство, употребить совсем иначе.

Кланяйся твоей жене и пиши скорей.

Твой Ф. Э.

¹ Посмотрим. ² Это между нами.

100.

28, Deanstreet, Soho, 13 июля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Я со дня на день откладывал свое письмо, чтоб дать тебе ниже следующие документы в полном виде. Но так как полностью я смогу их представить лишь через несколько дней, то я пишу тебе сегодня, чтобы не заставить тебя дольше ожидать ответа.

D'abord.¹ Из твоих писем видно, что за время пребывания твоего старика в Манчестере ты не узнал, что в «Кёльнской газете» был напечатан второй документ под названием «Союз коммунистов». Это было составленное нами обоими обращение к Союзу — au fond,² не что иное, как план кампании против демократии. С одной стороны, хорошо, что этот документ опубликован — в противовес plus ou moins³ абсурдному по форме и еще менее отрадному по содержанию документу Бюргера. С другой стороны, отдельные места этого документа ухудшают положение арестованных.

Как я узнал через Луи Шюлера [вероятно, Шульц] из Кёльна, Бюргер пишет теперь из Дрездена очень печальные письма. Напротив, в Кёльне все рассчитывают на оправдание Даниэляса, против которого нет никаких улик и за которого в священном городе поднят всеобщий вой. Они считают его, конечно, неспособным на подобного рода «глупости».

Микель написал из Геттингена. У него был ряд обысков. Ничего не нашли. Он не арестован. Из Геттингена выехали в Берлин и т. д. пять новых эмиссаров-джентльменов. Преследования евреев повышают, конечно, усердие и интерес.

Самым забавным является то, что вздорная «Аугсбургская всеобщая газета» превращает составленный нами документ в детище господ

Мадзини-Руге, уже второй раз бьет себя по этому поводу в перси и не может иначе выразить постигшего ее полного потрясения понятий по поводу этого ужасающего происшествия, как воля на разные лады: Безумие! Безумие! Безумие!

«Трирская Газета» — id est⁴ Карл Грюн — стала на ходули и доказала на основании первого документа материальную, а на основании второго — «духовную» немощь партии. Нет, конечно, недостатка в самых ярких и весьма далеко идущих «анархических» фразеах. Они хотят все делать сверху! Полицейское государство! Инакомыслящих они прямо собираются подвергнуть отлучению и исключению! Mon Dieu!⁵ Да это конец всему!

А теперь — к здешним «бурям», которые обычно разыгрываются в стакане воды.

Во-первых. Папаша Виллих дал тягу из казармы — закрытие которой было уже, кажется, решенным делом — и основательно разодрался с большей частью своей лейб-гвардии.

Во-вторых. Великий Фиклер изволил прибыть сюда. За несколько дней до приезда в Англию Лупус был с ним вместе в Страсбурге. Либкнехт находится с ним с давних времен в близких отношениях. Таким образом, оба отправились к нему 5 июля. Фиклер очень дружески болтал, говорил о необходимости примирения партий и т. д. Тут подошел и великий [Аманд] Гегг. Он назвал Виллиха «пустым фантазером», Шаппера «отвратительным субъектом»; — послушав несколько раз его трескотню на Windmillstreet, он отделился от него и не ходил больше в этот трактир. Фиклер и Гегг оба особенно сильно обрушились на великого Кинкеля, который играет здесь теперь роль счастливого выскочки и этим навлек на себя гнев других великих мужей. На Руге, напротив, они смотрят как на своего рода lumen.⁶

Фиклер справился о моем адресе, и Лупус и Либкнехт ушли, обманутые этими стремящимися к «единству» добродетельными парнями.

Несколько дней спустя Фрейлиграт прислал мне следующее полуженное им письмо:

4, Brunswickplace, North Brighton, 4 июля 1851 г.

Дорогой Фрейлиграт!

Мы проектируем создание своего рода клуба и общества, которые должны устранить частную кружковщину, не исключая из своей среды никого из революционной социал-демократической партии, кроме тех, кто желает держаться в стороне или кто своим характером и предшествующим поведением сделал невозможным всякое с ним общение.

Этим делом занялись Фиклер, Гегг, Зигель, Ронге, Руге, а я взялся известить тебя и пригласить тебя, — если, как я надеюсь, ты этим заинтере-

суешься, — принять участие в созываемом с этой целью собрании 14 июля (понедельник) на той неделе в 11 часов утра в квартире *Фиклера*, 26 Yorkbuildings, составляющей часть New Road в нижней части Bakerstreet. Мы пригласили около 24 человек, которые нам известны как заслуживающие доверия и оставшиеся верными. Других мы в данный момент не нашли.

Я охотно поговорил бы с тобой. Если наш проект увенчается успехом, то наша беседа во всяком случае скоро сможет состояться. Если ты и не остаешься в Лондоне, то во всяком случае приходи туда.

Привет. Жму руку.

Твой А. Руге.

Qu'en dis-tu?

Фрейлиграт совершил большую ошибку, отослав свой ответ только вчера, 12 июля, так что Руге не получит его до своего отъезда из Брайтона в Лондон. Вообще Фрейлиграт отнесся к этому делу немножко слишком халатно. Mais enfin, chacun a sa manière d'agir.⁸ Лупус, которому я сообщил содержание этого письма, немедленно написал Фиклеру:

3, Broadstreet, Golden Square, 10 июля 1851 г.

Гражданин Фиклер!

5-го текущего месяца я вместе с Либкнехтом был у вас с визитом. Судя по тому, как вы тогда в разговоре с нами высказались, я никоим образом не мог заключить, что уже за день до этого Фрейлиграту было послано следующее письмо. (Следует вышеприведенное письмо.) Если бы до 5-го числа текущего месяца у меня могло быть самое отдаленное подозрение, что вы находитесь в таких отношениях с А. Руге, этим дурацким бесстыдным негодяем, я бы, конечно, не перешагнул вашего порога.

Но так как вы, как я убедился из вышеприведенного письма, идете вместе с человеком, *«который своим характером и предшествующим поведением»* (например, его трусливым бегством из Берлина и т. д.) *«сделал «сам невозможным»* какое бы то ни было с ним общение для всякой истинно-революционной партии и который скомпрометировал себя перед всей коммунистической партией в Германии, то этими строками я хочу констатировать, что с людьми, столь интимно вращающимися в сфере индивидуумов, подобных Руге, я не желаю и не могу иметь ничего общего.

В. Вольф.

Вы можете из этих строк сделать любое употребление. Я, с своей стороны, доведу о нем до сведения своих партийных товарищей.

Тот же.

На это Лупус получил следующий ответ:

Лондон, 11 июля 1851 г.

Дорогой гражданин Вольф!

Моя способность предвидения на самом деле настолько слаба, что она и в самой отдаленной степени не заставляла меня опасаться возможности потери вашей благосклонности и вашего знакомства из-за поддерживаемого мною

общения с «негодяем» Руге. Да я и не знал, что я в этой области состою уже под опекой партийной секции и под полицейским господством мужей будущего. Этой своей тупости, равно как и приобретенному мною в продолжение двадцатилетней политической деятельности убеждению, что нет ни одной политической партии, которая могла бы обойтись без того, чтобы не работать вместе с «негодьями», обязан я своим решением протягивать свою руку всякому способному человеку, который хочет идти вместе со мной по революционному пути, все равно, пойдет ли он только до половины пути к намеченной мною цели, или он будет меня сопровождать до конца и пойдет еще дальше.

Политические и религиозные отлучения являются анахронизмом даже тогда, когда они исходят от императора и папы; но уже совсем смешными они являются тогда, когда их провозглашают маленькие короли и папы партии, которая, как известно всем, находится в состоянии такого разброда, как ваша, и которая ныне в своей собственной среде превращает в «негодяев» тех, которым она еще вчера воздавала почти божеские почести!

На своем жизненном пути я встречал несравненно больше «негодяев», чем честных людей, и был первыми несравненно меньше обманут, чем вторыми. Поэтому я не теряю совершенно времени на различение этих сортов и обращаю главным образом внимание на способности людей, в которых имеется нужда в самых различных отношениях.

Если после этого вы вместе с Марксом и Либнехтом — я прошу вас передать им об этом — пожелаете принять участие в упомянутом собрании, то я прошу вас прийти, оговариваясь при этом, что речь идет лишь о предварительном совещании и что самая главная неприятность для вас, как и для половины общества, будет, вероятно, заключаться в том, что не будет хватать сидений для наименее благородных частей тела, но это существенно будет способствовать ускорению совещания.

С дружеским приветом

Ваш Фиклер и т. д.

Самым комичным во всей этой истории являются и остаются бесконечные усилия Руге и его клики навязать себя публике при помощи все новых комбинаций. Если дело не идет, как ABCDEF, то оно наверное пойдет как FEDCBA. Вычисли-ка, сколько вариаций и перестановок этого рода еще возможно. Существовала ли когда-либо более бессильная и комично претенциозная клика?

Твой К. М.

Кстати. 5 фунтов получил. Они явились как *deus ex machina*, так как *circumstances*⁹ — «отвратительны» и трудно сказать, как из них можно выпутаться. Пиши *прямо* Клозе (6, Upper Ruppertstreet, near Princesstreet, Soho), так как в противном случае этот дурак решит, что его письмо к тебе — ты помнишь о 10 фунтах? — не дошло до тебя.

¹ Во-первых. ² по существу. ³ более или менее. ⁴ то есть. ⁵ О, боже. ⁶ светило. ⁷ Что ты скажешь об этом? ⁸ Но, в конце концов, у каждого своя манера действовать. ⁹ обстоятельства.

101.

Манчестер, 17 июля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Клозе сегодня же будет написано — хорошо, что ты приложил его адрес, так как у меня его не было. Я охотно верю, что ты здорово стеснен, и тем досаднее мне, что до начала будущего месяца я не могу больше располагать ни одним сантимом. Если ты не можешь ждать до того времени, нельзя ли было бы устроить, чтобы Веерт раздобыл для тебя что-нибудь до той поры? Я могу выплатить 1 августа 5 фунтов и 1 сентября еще 5 фунтов, и это — вполне верные деньги.

Выписка газет здесь опять упорядочена, и я, наконец, воочию увидел в «Кёльнской газете» наш старый документ. Впрочем, «Аугсбургская» [газета], в хорошо, повидимому, информированной статье «Дрезден», сообщает, что, в конце концов, при помощи мучительных допросов удалось сломить Нотьюнга, и он признался почти во всем. Я считаю во всяком случае весьма возможным, что ловкие следователи загнали его в тупик и запутали его в самых нелепых противоречиях. Туда будто бы отправлен прусский чиновник, чтобы выжать из него еще больше. Ганноверский король будто бы отказался начать преследование в своих государствах, по крайней мере в той грубой форме, как это имело место в Пруссии, Гамбурге и т. д. Письмо Микеля как будто бы это подтверждает. Что Мартенс арестован в Гамбурге, ты, конечно, знаешь. Глупость пруссаков ни в чем, впрочем, не обнаружилась так ярко, как в обыске у «Карла рейнского», которого также подозревают в принадлежности к комму[нистическому] союзу и у которого нашли лишь письма от Рава!

Старый документ может повредить арестованным лишь благодаря одному месту об «экссессах»; все остальные места направлены против демократов и лишь в том случае ухудшили бы их положение, если бы им пришлось предстать пред полудемокр[атическим] судом; но, как видно, их предадут Чрезвычайному или Союзному суду, если им вообще придется предстать перед судом. И даже эти места уже были использованы в бюргерсовском документе, который был захвачен в самом начале. С другой стороны, для нас чрезвычайно выгодно, что эта вещь опубликована и появилась во всех газетах. Отдельные, ни с кем не связанные группы людей, вступающие на путь коммунизма, о которых мы ничего не знаем, — такие, судя по прошлому опыту, имеются во всех частях Германии, — приобретают благодаря этому документу серьезную поддержку; даже по статье в «Аугсбургской» видно, что эта вещь произвела на нее совсем другое впечатление, чем первые открытия. По тому, как она изложила содержание, видно,

что она слишком хорошо поняла это «безумие» — en effet il n'y avait pas moyen de s'y méprendre.¹

К тому же феодальная реакция так бешено и слепо идет напролом, что вся эта запугивающая стрельба не произвела на буржуазию ни малейшего впечатления. Весело смотреть, как «Кёльнская газета» проповедует теперь ежедневно, что «il faut passer par la mer rouge»,² и признается во всех ошибках конституционалистов 1848 г. Но увы, когда в обер-президенты Кобленцу дают Клейст-Ретцова и когда бесстыдная «Kreuzzeitung» становится все наглее в своих плоских шутках и виршах, что тут может поделаться образованная и законная конституционная оппозиция! Жаль, что мы здесь не получаем «Kreuzzeitung». Я вижу иногда равные выдержки оттуда. Нельзя даже представить себе, в каком низком мальчишеском вонюче-глупо-прусском тоне этот листок нападает теперь на приличные, богатые и респектабельные конституционные «величины». Если бы от таких молодцов, как Беккерат и компания, еще можно было бы ожидать немножечко чувства собственного достоинства и стойкости, они должны были бы предпочесть оскорбления и брань «Père Duchesne» в извозничьем стиле и весь terreur rouge³ тому обращению, которому они теперь ежедневно подвергаются со стороны юнкеров и «Kreuzzeitung».

И молвил далее осел:

Вот общинный советник фон-Везель.

Не будь я осликом,

Я хотел бы быть советником фон-Везель.*

Такими остроумными стихами «Kreuzzeitung» теперь оплевала всех конституционалистских корифеев, и эти молодцы спокойно это терпят. Но они и стоят этого, эти псы, которые лучшие статьи «Новой рейнской газеты» называли «подлой руганью»; пусть они на своей собственной трусливой спине почувствуют различие обращения. Они будут с тоской вспоминать бесконечно остроумные насмешки «Новой рейнской газеты».

История с Виллихом является утешением в мрачные минуты. Но «самый популярный человек» уже достиг вершин своей популярности и может, как непризнанный спаситель человечества, искать утешения, разочарованный неблагодарностью всего мира, в кружке пива и дружбе Шаппера. Я могу себе представить его огорчение, так как теперь уничтожена армия будущего, «ядро», вокруг которого должна была собраться вся Европа. Где этот благородный человек найдет новых «людей принципа»!

* [По-немецки рифмуются Esel (осел) и von Wesel.]

Историю с Фиклером я не совсем понимаю. Почему Лупус тотчас же побежал к Фиклеру, а не поручил сперва Либкнехту позвондировать почву, puisque celui-ci n'aurait compromis que lui-même? ⁴ Производит впечатление, будто Фиклера хотели поймать. И затем, после того как он там уже был, письмо Лупуса было слишком грубым. Одно из двух: или на Фиклера вообще не стоило тратить труда, или, после того как во время самой беседы Руге был представлен Фиклером и Геггом как своего рода светило, достаточно было просто порвать с ним, не прибегая непременно к такому полному и грубому разрыву. Что это была низость со стороны Фиклера, c'est clair. ⁵ Но разве нельзя было уже наперед ожидать чего-либо подобного со стороны южно-германского простака? А ведь он же не делал никакого секрета из своего уважения к Руге. Назойливость Руге в самом деле не имеет границ. Но как раз эти вечно новые вариации являются достаточным доказательством, что ни одна из них не имеет даже минимального успеха и что «comité allemand», ⁶ которому Мадвини пишет свои «Римские письма», все еще существует лишь в голове Руге.

Позаботься о том, чтобы Веерт сюда приехал, и напиши скорей опять.

Твой Ф. Э.

¹ в действительности совершенно невозможно было этого не понять. ² необходимо пройти через красное море. ³ красный террор. ⁴ так как последний мог бы скомпрометировать лишь самого себя. ⁵ это ясно. ⁶ немецкий комитет.

102.

28, Deanstreet, Soho [около 16 июля 1851 г.]

Дорогой Энгельс!

Будь столь добр и сдай немедленно на почте в Манчестере прилагаемое письмо к Шульцу.

Ты получишь при сем письмо Фрейлиграта к Руге, которое я прошу вернуть, и письмо Бермбаха ко мне. Также письмо от Микеля.

Некий «Ульмер», сапожник, бежал из Кёльна во время последних обысков. Он дал одному молодцу в трактире Шертнера письмо для передачи своим родственникам. Этот молодец был тотчас же задержан с этими письмами на голландской границе. Скомпрометированы этим только те люди, которые его освободили. Так хорошо организована полиция в шертнеровском трактире.

Вейдемейер перебрался через границу. Мы ждем его здесь.

Жалкие Гейнцен-Руге получают письма якобы из Германии со всякими вадорными сплетнями о кёльнских событиях. Лживость

содержания показывает, что они сами являются своими собственными корреспондентами.

Жду от тебя письма.

Твой К. М.

P. S. Мне сейчас приходит в голову, что лучше будет, если ты сам стошлешь письмо Бермбаху; напиши снаружи: Louis Schulz, 2, Schildergasse, Köln. А внутрь вложи закрытое письмо к Бермбаху. Ты, конечно, так его заделаешь, чтобы не видать было внутреннего адреса, и придашь письму вид торгового.

103.

[Около 20 июля 1851 г.]

Дорогой Маркс!

При сем—обратно документы. Письмо Микеля мне нравится. Этот парень, по крайней мере, мыслит и был бы безусловно очень хорош, если бы побывал немного за границей. Его опасения относительно вредного влияния на демократов опубликованного нами теперь документа для его края безусловно очень основательны; эта крижистая нижнесаксонская среднекрестьянская демократия, у которой «Кёльнская газета» недавно еще всячески лизала зад и которой она настойчиво предлагала союз, лишь к этому и пригодна и стоит значительно ниже мещанской демократии больших городов, которая все же над ней берет верх. И эта мелкобуржуазная нормальная демократия, хотя, повидимому, и сильно оскорбленная этим документом, все же слишком ущемлена и сдавлена сама, чтобы не прийти вместе с крупной буржуазией к сознанию необходимости «passer par la mer rouge». ¹ Эти молодцы все более и более будут примиряться с необходимостью кратковременного террористического господства пролетариата — ведь это, как они будут думать, не может тянуться долго — так как положительное содержание этого документа настолько бессмысленно, что о перманентном господстве подобных людей и конечном проведении в жизнь подобного рода принципов не может быть и речи! Напротив того, ганноверский крупный и средний крестьянин, не имеющий ничего, кроме своей земли; чей дом, двор и гумно и т. д. при неизбежном разорении всех страховых обществ подвергнутся всяческим опасностям; который со времен Эрнста Августа испытал всю прелесть «законного сопротивления», — этот немецкий «sturdy yeoman» ² поостережется окунуться в красное море раньше, чем это будет абсолютно необходимо.

Судя по письму Б[ермбаха], предателем является Гаупт; не могу этому поверить. Во всяком случае эту историю надо основательно расследовать. Гаупт, насколько мне известно, все еще на свободе, что вызывает подозрения. О поездке в Гамбург из Кёльна или Геттингена нечего и думать. Трудно сказать, найдем ли мы и когда некоторые указания по этому поводу в процессуальных актах или протоколах. *S'il y a trahison*,³ то этого не следует забывать, и при удобном случае его надо будет примерно покарать.

Я надеюсь, что Даниэльса скоро выпустят; *après tout c'est la seule tête politique, qu'il y ait dans Cologne*⁴ и он, наверное, сумеет, несмотря на полицейскую слежку, вести дело как следует.

Возвращаясь снова к вопросу о влиянии нашего документа на демократов; пусть Микель примет во внимание, что мы же систематически и непрерывно преследовали этих господ в сочинениях, которые в большей или меньшей степени являлись партийными манифестами. Почему же такой шум по поводу программы, которая лишь резюмирует давно напечатанное и притом в очень спокойной и, главное, совершенно безличной форме? Или, может быть, наши ученики на континенте от нас отреклись и вступили в более близкие отношения с демократами, чем это допускалось партийной политикой и партийной честью? Если демократы усвоили себе такой революционный тон, потому что у них не было оппозиции слева, то в этом виноваты ведь не мы, а самое большее — немецкие коммунисты в Германии. В этом, очевидно, и заключается затруднение. Всякий сколько-нибудь интеллигентный демократ должен был заранее знать, чего он может ждать от нашей партии — этот документ не мог им дать много нового. Если они временно заключили союз с коммунистами, то они были прекрасно осведомлены относительно условий и продолжительности этого союза, и лишь ганноверским средним крестьянам и адвокатам могла прийти в голову мысль, что коммунисты со времени 1850 г. отреклись от принципов и политики «Новой рейнской газеты»; Вальдеку и Якоби это, наверное, никогда и не снилось. Во всяком случае все подобного рода публикации длительно ничего не могут поделать ни против «природы вещей», ни, говоря словами Штирнера, против «понятия отношения», и демократическая агитация и заговорщичество скоро снова достигнут полного расцвета и будут идти рука об руку с коммунистами. А что эти молодцы на *lendemain*⁵ после революции сыграют с нами скверную историю — это мы знаем давно, и этого не может предотвратить никакая дипломатия.

Зато меня очень обрадовало известие, что, как я это и предвидел, повсюду на основе манифеста образуются маленькие коммунистиче-

ские группы. Этого нам как раз не доставало при слабости существовавшего до сих пор генерального штаба. Солдаты сами собой найдутся, если условия уже достаточно созрели, но очень приятна перспектива иметь такой генеральный штаб, который не состоит из филистерских элементов и допускает больший выбор, чем прежний из 25 человек, обладающих хоть каким-нибудь образованием; следовало бы дать общее указание относительно необходимости повести повсюду пропаганду среди конторщиков. На случай, если нужно будет организовать управление, эти парни незаменимы — они привыкли к усердной работе и к точному ведению книг, а коммерция — единственная практическая школа для выработки пригодных канцелярских служащих. Наши юристы и т. д. не годятся для этого. Конторщики для ведения книг и счетоводства, талантливые студенты для редактирования телеграмм, писем, документов, voilà ce qu'il faut.⁶ При помощи 6 конторщиков я организую отрасль управления в тысячу раз проще и практичнее и отчетливее, чем с 60 статскими советниками и камералистами. Последние не умеют даже разборчиво писать и так изгадят книги, что никакой чорт в них не разберется. Ввиду того, что обстоятельства все более и более вынуждают нас готовиться к такой возможности, дело это не лишено значения. Кроме того эти конторщики привыкли к непрерывной механической деятельности; они менее притязательны, их легче отучить от праздношатаiania и в случае непригодности их легче уволить.

Письмо в Кёльн пошло, очень хорошо заделали; если уж оно не дойдет, тогда я не знаю, что и предпринять. А вообще адрес Шульца не очень важный — бывший соиздатель!

[Ф. Э.]

¹ перейти через красное море. ² крепкий мужик. ³ Если в деле есть предательство. ⁴ в конце концов, он единственная политическая голова в Кёльне. ⁵ следующий день. ⁶ вот что нужно.

104.

30 июля 1851 г.

Дорогой Маркс!

Я удивляюсь, что в продолжение двух недель ничего от тебя не получаю.

Наши предположения в последнем «Обзрении», что океанское пароходство чрезвычайно распространяется, уже оправдались. Помимо ряда отдельных малых линий, теперь существуют уже две очень важные большие линии: 1) винтовые пароходы из Ливерпуля в Филадельфию: каждые две недели отправляются четыре парохода; 2) пароходы между Ливерпулем, Рио-де-Жанейро и

Вальпарайзо и т. д., и т. д.: каждые семь недель отправляются четыре парохода. Сюда еще через один-два месяца присоединятся регулярные рейсы в Калифорнию, Нью-Йорк, Сан-Хуан, оттуда пароходом к озеру Никарагуа, сушей в Леон, оттуда прямо в Сан-Франциско, которые сократят продолжительность поездки в Калифорнию, по крайней мере, на неделю.

В будущем месяце начнет курсировать поезд между Лондоном и Эбердином: 550 английских миль или 8 градусов широты в один день.

Из Лидса в Лондон и обратно можно съездить теперь за 5 шиллингов по одной линии и за 4 шиллинга 6 пенсов — по другой линии. В будущую субботу предполагается и у нас понизить проездную плату. Если она станет столь же низкой, я, по меньшей мере, каждые две недели буду ездить в Лондон.

Если в ближайшие шесть недель не случится ничего особенного, то урожай хлопка за этот год составит 3 000 000 кип или от 1 200 до 1 350 миллионов фунтов. *Jamais on n'a vu la plante aussi florissante.*¹ А к этому еще присоединяются симптомы сокращения дел: Ост-Индия перегружена и вопит о приостановке ввоза хлопчатобумажных тканей; вদেশний рынок пряжи и ткани все еще в состоянии расстройств из-за колебания цен на хлопок. Если *crash*² на рынке совпадет с таким колоссальным урожаем, то будет весело. Петер Эрмен уже теперь наделал в штаны, при одной мысли об этом, а эта маленькая лягушка достаточно хороший барометр.

Вот тебе на сей раз промышленные попури.

Твой Ф. Э.

¹ Никогда еще не было такого урожая. ² крах.

105.

28, Soho, Deanstreet, 31 июля 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Только что получил твое письмо, которое открывает очень приятные перспективы торгового кризиса.

Я почти две недели ничего не писал, ибо в то время, когда я не бывал в библиотеке, меня травили, как собаку, и я, несмотря на свои лучшие намерения, никак не мог собраться написать.

После того как Бамбергеры, отец и сын, с недели на неделю, с месяца на месяц все тянули со своим обещанием учесть мне вексель; после того как я, наконец, ради этого в прошлый понедельник был вызван в еврейскую лавочку и уже принес с собой stamped

рарет,¹ молодой заявляет мне, что старик, который тут же присутствовал, не может и т. д...

Ужасно жаль, что я не мог побить этих двух евреев за эту подлую задержку, за трату времени, за то, что они поставили меня в ложное положение по отношению к другим лицам. Впрочем, если не *фактически*, то *в принципе* я обяван господину Конраду Шрамму тем, что я в самом деле à la Sancho был надуваем сначала в течение месяцев, а затем опять в течение последних шести недель.

Ты знаешь, что этот субъект 4-5 недель тому назад уехал в Париж. По обыкновению, от наших здешних благородных друзей узнаешь только теперь, например об этом олухе Гайне, то, что они давно уже знали об этом негодяе. Но я теперь запрещаю им «поднимать шум», так как теперь это еще может только повредить, а уже не поможет. Итак, — я не знаю, писал ли я тебе уже об этом — однажды вечером я узнал от господина Шрамма, что он хочет уехать через двое суток. Я поэтому решил принять необходимые меры, чтобы забрать бумаги Союза и другие, которыми еще владел господин Конрад. В этот же вечер я узнаю от Либкнехта, что господин Конрад не хочет их выдать, а передал их запечатанными господину Луи Бамбергеру. Но вот что потребовало еще более быстрых действий: когда я на *следующий* день вернулся из музея, оказалось, что этот подлец уже не через дважды 24 часа, а уже в первые 24 часа, т. е. именно в 2 часа ночи текущего дня, уезжает. Благородный Конрад просил меня о личном свидании в этот вечер, но я расстроил его, взяв с собой Лупуса, Либкнехта, Пипера. Как только мы уселись в отдельном кабинете, я потребовал от господина Конрада объяснений по поводу его действий с бумагами. Как обычно, когда он делал faux pas,² этот субъект пришел в бешенство, заявил, что не хочет выдать этих бумаг, так как они *ему* нужны для его оправдания, и болтал разные глупости. Он так же верен Союзу, как я и ты, и он так же может совершать акты для его спасения. Он даже не знает, состою ли я представителем лондонской организации. Затем следует штирнериана о том, что он единственный в партии. Другие, в особенности Лупус, вскипели; он угрожает уйти, кричит, бушует, словом — проделывает все, как полагается. Я опять прекратил этот шум; а так как я знаю, как надо обращаться с таким субъектом, и так как весь этот скандал не мог принести пользы, необходимо же было получить бумаги именно сейчас, то я довел господина Конрада угрозами и просьбами до того, что он дал мне записку к Бамбергеру, в которой он поручает ему передать мне запечатанный пакет.

И на следующий день я его получил. Там было все. Между прочим также твои и мои показания против А. Руге, которых благородный Конрад не послал, значит, в «*Staatszeitung*» вероятно потому, что, наговорив столько вранья своему брату, он боялся всякого публичного объяснения.

Этот негодяй вместе с тем предостерегал Бамбергеров против меня — он думал этим поправить свои дела; — он сказал им, что я исчерпал уже свой последний кредит, чтобы заплатить по последним векселям и т. д., и т. д. Вообще он самым трусливым и подлым образом интриговал и врал против нас и т. д.

Теперь, когда это уже совершившийся факт, именно не нужно поднимать шума, что здешние олухи сделали уже, и помещански утешаться, а предоставить этим подлецам продолжать верить в его связь с нами до тех пор, пока у нас будет возможность и подходящий момент устранить этого негодяя с пути *d'une manière ou de l'autre*.³ В данный момент этот субъект мог бы стать опасным для наших немецких товарищей, если бы ему стало ясно, что кто-нибудь может разоблачить все его подлости.

Впрочем, ты и без дальнейших торжественных уверений согласишься мне, что я чертовски устал от этого моего положения. Я запросил в Америке, нельзя ли вместе с Лунусом составлять отсюда «корреспонденции» для ряда журналов, так как дальше так жить *impossible*.⁴

Что касается переговоров с Эбнером во Франкфурте, то он пишет мне, что Котта, вероятно, возьмет мою «Экономию», — ее план я ему послал, — а если нет, то он заставит какого-нибудь другого издателя взять ее. Я давно закончил бы работу в библиотеке. Но перерывы и препятствия слишком велики, а дома, где все находится на осадном положении и меня целыми ночами «терзают» и приводят в бешенство потоками слез, я, конечно, не много могу сделать. Мне жаль мою жену. На нее падает главное бремя, и *au fond*⁵ она права. *Il faut que l'industrie soit plus productive que le mariage*.⁶ Помимо всего этого ты ведь знаешь, что я по натуре своей *très peu endurant*⁷ и даже *quelque peu dur*,⁸ так что время от времени я выхожу из терпения.

Юлиуса похоронили приблизительно неделю тому назад. Я был на погребении. Благородный Кинкель произнес над могилой жалкую речь. Юлиус был единственный в среде эмиграции, который учился и все более и более переходил от идеализма на нашу позицию.

Благородный Дюлон здесь.

Гейнцен и Руге продолжают шуметь в Нью-йоркской «*Schnellpost*» против коммунистов и специально против нас. Но делается

это так бесконечно глупо, что на это невозможно иначе ответить, как составлением в подходящий момент коллекции наиболее комичных мест из стряпни Руге, чтоб показать немцам, кто теперь malgré eux⁹ ими управляет.

Быть может, ты читал последнее сочинение Прудона?

Вейдемейер писал мне из Цюриха. Карстенс [Лесснер] сидит в Майнце. Он сделал неудачную попытку к побегу.

Vale faveque.

Твой К. М.

Будет хорошо, если ты по возможности за своей подписью напишешь статью для Джонса. Он идет вперед в своем органе, он учится. *Ce n'est pas un Harney*.¹⁰ «Notes to the People»¹¹ растут, между тем как «Friend of the People» погибает.

¹ вексельный бланк. ² ложный шаг. ³ тем или иным способом. ⁴ невозможно. ⁵ в сущности. ⁶ Нужно, чтобы промысел был более производителен, чем брак. ⁷ очень мало терпелив. ⁸ немного суров. ⁹ помимо их воли. ¹⁰ Это не какой-нибудь Гарни. ¹¹ «Заметки для народа».

106.

[Около 2 августа 1851 г.]

Дорогой Маркс!

При сем — вторая половина пятифунтовой бумажки. Я не знал, что Шрам уехал в Париж. Ты ничего мне об этом не писал. Поэтому я с величайшим удивлением прочитал в «Кёльнской газете», что он утонул; к сожалению, это, вероятно, окажется неправдой. Этот негодяй очень опасен, — его слишком прибили, а он ужасный негодяй. Но ты, впрочем, прав: крик ничему не поможет, надо предоставить этому типу спокойно идти своей дорогой до тех пор, пока мы не будем иметь власти над ним. Как я сказал, было бы очень хорошо, если бы он действительно утонул в канале, но, вероятно, он сам распространил этот слух, *c'est une manière comme une autre de faire parler de soi*.¹

Итак, Вейдемейер хочет поехать в Америку и постараться заполучить в свои руки «New-Yorker Arbeiterzeitung», которая теперь находится в руках Феннера фон-Феннеберга. Если он сумеет устроиться в Нью-Йорке, то он там во всяком случае будет полезнее для нас, чем в Лондоне, где *embarras*² только возросла бы. Нам как раз нехватает в Нью-Йорке такого солидного парня, как он, и, в конце концов, Нью-Йорк тоже не находится на том свете, а относительно В[ейдемейера] можно быть уверенным, что он *le cas échéant*³ явится тотчас же.

Проект относительно литографированной корреспонденции очень хорош. Но вы должны были бы все это хранить в полной тайне; раз будет подана такая мысль, то маленький Бамбергер и другие постараются вас тотчас же предупредить. На твоём месте я бы сейчас после первых приготовлений поместил объявление в немецко-американских газетах и подписался бы даже сам в качестве директора для того, чтобы дать делу ход. Если дело пойдёт за твоей ответственностью и если ты думаешь, что упоминание моего имени в качестве сотрудника могло бы принести какую-нибудь пользу, то ты, конечно, можешь мною распоряжаться. Но если ты хочешь, чтобы твоё имя не фигурировало в этой истории, для чего я не вижу решительно никакого основания, *sauf enfin*⁴ почему бы и тебе не иметь права основать промышленную фирму и продолжать в литографированном виде «Новую рейнскую газету», — тогда эту фирму должен представлять Лупус. Вейдемейер мог бы вам быть в этом деле чрезвычайно полезным в Нью-Йорке, особенно при изыскании денежных средств, что является главным. Я убежден, что это дело будет иметь большой успех и что многочисленные американские корреспонденты в Лондоне и т. д. это сейчас же почувствуют.

Если ты себя назовешь директором, то не подлежит сомнению, что дело пойдёт лучше, и это надо сделать с самого начала. Если же ты позволишь только Лупусу назвать себя, то отпадает моральная ответственность и можно будет предоставить полный простор и свободу его силезскому грохоту à la Лютер, что лучше подойдет для американских немцев, чем твой стиль, над которым приходится думать. Во всяком случае ты должен взять себе за правило писать как можно хуже и *désois*,⁵ так как иначе ты скоро потеряешь в глазах этой публики.

Что это за новое сочинение Прудона, о котором ты пишешь?

Я напишу для Джонса статью за своей подписью; я хотел бы только, чтоб Джонс выслал мне возможно более полный комплект своих «Notes», так как здесь этого нельзя достать. Каков его адрес? Я забыл.

Из Америки также приходят дурные вести о состоянии торговли хлопчатобумажными материями. Рынки *overstocked*⁶, и сами янки производят слишком много для теперешнего состояния рынка.

Напиши мне поскорей опять. Я здесь смертельно скучаю.

Твой Ф. Э.

Н. В. Храни свои бумаги в хорошем месте вне дома; с некоторого времени за мной здесь усиленно следят, и я не могу и шагу ступить

без того, чтобы два или три шпиона не следовали за мной по пятам. Господин Бунзен не упустит случая представить английскому правительству новые и важные объяснения об опасности нашего пребывания здесь.

¹ это тоже способ заставить о себе говорить. ² сумятица. ³ в случае необходимости. ⁴ так как в конце концов. ⁵ беспорядочнее. ⁶ переполнены.

107.

28, Deanstreet, Soho, 8 августа 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Ты извинишь меня, что я не писал тебе раньше и не известил тебя одновременно о получении 5 фунтов. Pressure from without ¹ был на этой неделе настолько силен, что я не мог взяться за письмо. От опасности быть выброшенным из квартиры я пока что обеспечил себя тем, что выдал вексель домохозяину.

Вместе с этим письмом я посылаю тебе номер «Schnellpost», в котором ты увидишь низкие и глупые сплетни клеветников Руге и К^о. По прочтении пришли мне эту дрянь обратно. Чтобы объяснить тебе одно из этих писем, — принадлежащее во всяком случае Фиклеру, — из которого этот хам Гейнцен дает выдержки, скажу вкратце следующее: уже в течение 2-3 недель эти ослы из эмиграции устраивают собрания, чтобы «столковаться», конституироваться до полной «дюжины» и «организоваться» в качестве великих людей будущего. Сегодня происходило их решающее заседание; я узнаю результат и сообщу тебе. Но семена раздора дали уже такие обильные плоды, что г. Зигель сообщил мне через Шабелица, который приехал сюда на выставку, что он собирается меня посетить.

«New York Tribune» пригласила меня и Фрейлиграта в платные сотрудники. Это самая распространенная газета в Америке. Если бы ты смог доставить мне до *пятницы утром* (15 августа) написанную по-английски статью о *немецких* делах, это было бы великолепным началом.

О Шрамме мы знаем, что он состоит в постоянной переписке со своим братом. Он писал Бамбергеру, чтобы тот нам не сообщал его адреса. Ежедневно получают новые сообщения о его недостойном поведении здесь.

Красный Вольф опять стал «ирландцем».

А теперь перейдем к «*Idée générale de la Révolution au XIX siècle*» par P.-J. Proudhon.² Когда я в первый раз писал тебе об этой книге, я читал лишь извлечения из нее — и то еще искаженные.

Теперь я могу тебе послать σκελετόν.³ Пока что хороши в этой книге выпады против Руссо, Робеспьера, «Горы» и т. д. «Мощь истинного хода дела», выражаясь словами бессмертного Руге, развивается следующим образом:

I Etude. Лишь реакция привела к развитию революции.

II Etude. *Y-a-t-il raison suffisante de la Révolution au XIX siècle?*⁴ Революция 1789 г. свергла старый режим, но она забыла сделать новое общество или сделать общество новым. Она думала только о политике, вместо того, чтобы думать о политической экономии. В настоящее время господствует «Anarchie des forces économiques»,⁵ отсюда «Tendances de la société à la misère».⁶ Это проявляется в разделении труда, в машинном производстве, в конкуренции, в системе кредита. Рост пауперизма и преступности. Дальше: *Государство* становится все большей величиной; оно снабжается всеми атрибутами абсолюта; его самостоятельность и мощь все более возрастают. Рост государственной задолженности. Государство защищает богатство против бедности. Коррупция. Государство подчиняет себе общество. Отсюда необходимость в новой революции. Задача революции заключается в том, чтобы changer, redresser la mauvaise tendance de la société.⁷ Самого общества не нужно касаться. О reconstitution arbitraire⁸ его не может быть и речи.

*III Etude. Du principe d'Association.*⁹ Ассоциация — это догма, а не force économique.¹⁰ Ассоциация не есть нечто органическое и производительное, как разделение труда, торговля, обмен и т. д. Не нужно смешивать ассоциацию с коллективной силой. La force collective est un acte impersonnel, l'association — un engagement volontaire. L'association est de sa nature stérile, nuisible même, car elle est une entrave à la liberté du travailleur.¹¹

*Contrat de Société*¹² приписали силу, принадлежащую лишь разделению труда, обмену, force collective.¹³ Когда основывают ассоциации, чтобы выполнять большие работы, то успех объясняется не принципом ассоциации, а ее средствами. Ассоциации подчиняются лишь тогда, когда она дает indemnité suffisante.¹⁴ Лишь слабому или ленивому участнику производительная ассоциация приносит пользу. Она является solidarité, responsabilité commune¹⁵ по отношению к третьему. Ассоциация вообще применима лишь dans des conditions spéciales, dépendantes de ses moyens. L'association, formée en vue du lien de famille et de la loi du dévouement, et en dehors de toute considération économique extérieure — l'association pour elle-même est un acte de pure religion, un lien surnaturel, sans valeur positive, un mythe.¹⁶

Не нужно смешивать ассоциацию с теми rapports nouveaux que se propose de développer la réciprocité entre les producteurs et les consommateurs. L'association met de niveau les contractants, subordonne leur liberté au devoir social, les dépersonnalise.¹⁷

IV Etude. Du Principe d'Autorité. Idée gouvernementale naquit des moeurs de famille et de l'expérience domestique. Демократия — dernier terme de l'évolution gouvernementale.¹⁸ Идея правительства противостоит идея contrat.¹⁹ Истинно-революционным лозунгом является: plus de gouvernement!²⁰ Autorité absolue²¹ вскоре оказывается вынужденной сама себя отрицать и ограничивать себя lois и institutions.²² Законы, определяющие интересы во вне, так же неисчислимы, как и сами эти интересы. У них тенденция к дурной бесконечности. Закон — это оковы, которые на нас налагаются извне. Конституционная монархия. Межеумочная бессмыслица. Suffrage universel.²³ Intuition divinatoire de la multitude²⁴ — нелепость. Qu'ai-je besoin de mandataires, pas plus que de représentants!²⁵ Выборы, vote,²⁶ даже единодушное, ничего не решает. Если судить по suffrage universel,²⁷ Бонапарт — самый подходящий человек, и т. д. La démocratie pure ou le gouvernement direct — эта выдумка Риттингаузена, Консидерана, Ледрю-Роллена — aboutit à l'impossible et à l'absurde.²⁸ В этой, доведенной до апогея, идее государственности проявляется вся ее бессмыслица.

V Etude. Liquidation sociale.

1. Banque nationale.²⁹ Декретируется ликвидация Французского банка. Он объявляется не государственным банком, а «établissement d'utilité publique». ³⁰ Процент будет понижен до $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$.

2. Государственный долг. Благодаря указанной мере capitaux particuliers лишаются возможности заниматься l'industrie de l'es-compte; ³¹ они устремляются на биржу, государство платит лишь $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ процента и тем самым прекращается интерес к процентам. Вместо процентов государство платит annuités³² взносы на погашение, т. е. выплачивает годичными долями занятый им капитал. Или, иными словами, издается декрет, что проценты, которые государство платит кредиторам за долг, зачисляются им как déduction du principal, à titre d'annuités, ³³ — на погашение.

3. Dettes hypothécaires. Obligations simples. «Les intérêts de toutes créances, hypothécaires, chirographaires, actions de commandite, sont fixés à $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ процента. Les remboursements ne pourront être exigés que par annuités. L'annuité pour toutes les sommes au-dessous de 2000 frs sera de 10 pour cent; pour les sommes au-dessus de 2000 frs — 5 pour cent. Pour faciliter le remboursement des créances

et suppléer à la fonction des anciens prêteurs, une division des bureaux de la Banque nationale d'escompte deviendra Banque foncière: le maximum de ses avances sera, par année, de 500 millions». ³⁴

4. *Propriété immobilière: Bâtiments.* Décret: «Tout payement fait à titre de loyer sera porté en à compte de la propriété, celle-ci estimée au vingtuple du prix de location. Tout acquittement de terme vaudra au locataire part proportionnelle et indivisé dans la maison par lui habitée et dans la totalité des constructions exploitées à loyer et servant à la demeure des citoyens. La propriété ainsi remboursée passera à fur et mesure au droit de l'administration communale, qui, par le fait du remboursement, prendra hypothèque et privilège de premier ordre, au nom de la masse des locataires, et leur garantira à tous, à perpétuité, le domicile, au prix du revient du bâtiment. Les communes pourront traiter de gré à gré avec les propriétaires, pour la liquidation et le remboursement immédiat des propriétés louées. Dans ce cas, et afin de faire jouir la génération présente de la réduction des prix de loyer, les dites communes pourront opérer immédiatement une diminution sur le loyer des maisons pour lesquelles elles auront traité, de manière que l'amortissement en soit opéré seulement en trente ans. Pour les réparations, l'agencement et l'entretien des édifices, comme pour les constructions nouvelles, les communes traiteront avec les compagnies maçonnes ou associations d'ouvriers en bâtiment, d'après les principes et les règles du nouveau contrat social. Les propriétaires, occupant seuls leurs propres maisons, en conserveront la propriété aussi longtemps qu'ils le jugeront utile à leurs intérêts».

5. *Propriété foncière.* «Tout payement de redevance pour l'exploitation d'un immeuble acquerra au fermier une part de propriété dans l'immeuble et lui vaudra hypothèque. La propriété, intégralement remboursée, relèvera immédiatement de la commune, laquelle succédera à l'ancien propriétaire et partagera avec le fermier la nue propriété et le produit net. Les communes pourront traiter de gré à gré avec les propriétaires qui le désireront, pour le rachat des restes et le remboursement immédiat des propriétés. Dans ce cas il sera pourvu, à la diligence des communes, à l'installation des cultivateurs et à la délimitation des possessions, en ayant soin de compenser autant que possible l'étendue superficielle avec la qualité du fonds, et de proportionner la redevance au produit. Aussitôt que la propriété foncière aura été intégralement remboursée, toutes les communes de la république devront s'entendre pour égaliser entre elles les différences de qualité des terrains, ainsi que les accidents de la culture. La part de redevance à laquelle elles ont droit sur les fractions de leurs terri-

toires respectifs, servira à cette compensation et assurance générale. A partir de la même époque, les anciens propriétaires qui, faisant valoir par eux-mêmes leurs propriétés, auront conservé leur titre, seront assimilés aux nouveaux, soumis à la même redevance et investis des mêmes droits, de manière que le hasard des localités et des successions ne favorise personne et que les conditions de culture soient pour tous égales. L'impôt foncier sera aboli. La police agricole est dévolue aux conseils municipaux.³⁵

VI Etude. Organisation des forces économiques.

1. *Crédit.*³⁶ Вышеупомянутый Нац. банк с его отделениями. Постепенное извлечение из обращения золота и серебра. Замена их бумагой. Quant au *crédit personnel*, c'est dans les compagnies ouvrières et les sociétés agricoles et industrielles qu'il doit trouver son exercice.³⁷

2. *Propriété.*³⁸ См. вышецитированную «propriété foncière». На вышеупомянутых условиях можно, sans la moindre inquiétude, permettre au propriétaire de vendre, transmettre, aliéner, faire circuler à volonté la propriété. Avec les facilités du remboursement par annuités la valeur de l'immeuble peut être indéfiniment partagée, échangée, subir toutes les mutations imaginables, sans que l'immeuble soit entamé jamais. Le travail agricole repousse la forme sociétaire.

3. *Division du travail, forces collectives, machines. Compagnies ouvrières.* Toute industrie, exploitation ou entreprise, qui par sa nature exige l'emploi combiné d'un grand nombre d'ouvriers de spécialités différentes, est destinée à devenir le foyer d'une société ou compagnie des travailleurs. Mais là où le produit peut s'obtenir sans un concours de facultés spéciales, par l'action d'un individu ou d'une famille, il n'y a pas lieu à l'association.⁴⁰ Итак, никаких ассоциаций⁴¹ в небольших мастерских, в ремесле, в сапожном производстве, в портняжном деле и т. д., торговом деле и т. д. Ассоциация в *крупной промышленности*. Здесь, таким образом, *compagnies ouvrières*.⁴² Tout individu employé dans l'association a un droit indivis dans la propriété de la compagnie; il a le droit d'en remplir successivement toutes les fonctions; son éducation, son instruction et son apprentissage doivent être dirigés de telle sorte, qu'en lui faisant supporter sa part des corvées répugnantes et pénibles, ils lui fassent parcourir une série de travaux et de connaissances et lui assurent, à l'époque de la maturité, une aptitude encyclopédique et un revenu suffisant; les fonctions sont électives et les réglemens soumis à l'adoption des associés; le salaire est proportionné à la nature de la fonction, à l'importance du talent, à l'étendue de la responsabilité; tout associé participe aux bénéfices comme aux charges de la compagnie, dans la proportion

de ses services; chacun est libre de quitter à volonté l'association, de faire régler son compte et liquider ses droits, et réciproquement la compagnie-maîtresse de s'adjoindre toujours de nouveaux membres.⁴³ Таково разрешение des deux problèmes: Celui de la force collective, et celui de la division du travail.⁴⁴ В переходный период руководителями этих предприятий являются фабриканты и т. д.

4. *Constitution de la valeur: organisation du bon marché.*⁴⁵ Принятие мер против cherté de marchandise и arbitraire du prix.⁴⁶ *Juste pris* représente avec exactitude: a) le montant des frais de production, d'après la moyenne officielle des libres producteurs; b) le salaire du commerçant, ou l'indemnité de l'avantage dont le vendeur se prive en se désaisissant de la chose.⁴⁷ Для того, чтобы побудить marchand,⁴⁸ ему должна быть дана гарантия. Она может exister de plusieurs manières: soit que les consommateurs qui veulent jouir du juste prix et qui sont en même temps producteurs, s'obligent à leur tour envers le marchand à lui livrer à des conditions égales leurs propres produits, comme cela se pratique entre les différentes associations ouvrières parisiennes; soit que les dits consommateurs se contentent d'assurer au débitant une prime, ou bien encore une vente assez considérable pour lui assurer un revenu.⁴⁹ Например, государство, au nom des intérêts que provisoirement il représente, les départements et communes, au nom de leurs habitants respectifs, voulant assurer à tous le juste prix et la bonne qualité des produits et services, offrent de garantir aux entrepreneurs, qui offriront les conditions les plus avantageuses, soit un intérêt pour les capitaux et le matériel engagé dans leurs entreprises, soit un traitement fixe, soit, s'il y a lieu, une masse suffisante de commandes. Les soumissionnaires s'obligeront, en retour, à fournir les produits et services pour lesquels ils s'engagent, à toute réquisition des consommateurs. Toute latitude réservée, du reste, à la concurrence. Ils devront indiquer les éléments de leurs prix, le mode des livraisons, la durée de leurs engagements, leurs moyens d'exécution. Les soumissions déposées, sous cachet, dans les délais prescrits, seront ensuite ouvertes et publiées, huit jours, quinze jours, un mois, trois mois, selon l'importance des traités, avant l'adjudication. A l'expiration de chaque engagement il sera procédé à de nouvelles enchères.⁵⁰

5. *Commerce extérieur.*⁵¹ Лишь только понижается процент, нужно понизить тарифы, а когда он будет понижен до $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ процента, нужно отменить таможенные пошлины.

VII *Etude. Dissolution du gouvernement dans l'organisme économique.* La société sans l'autorité. Elimination des cultes, Justice,

Administration, Police, Instruction publique, Guerre, Marine etc.⁵² все в соответствующих штирнеровских фразах.

Напиши мне подробнее, что ты думаешь об этом рецепте.

Salut!

Твой К. М.

¹ Гнет внешних обстоятельств. ² «Всеобщей идее революции в XIX веке» П.-Ж. Прудона. ³ остов. ⁴ *Этюд. Есть ли достаточное основание для революции в XIX веке?* ⁵ «Анархия экономических сил». ⁶ «Тенденция общества к обнищанию». ⁷ чтобы изменить дурную тенденцию общества, выпрямить ее. ⁸ произвольном преобразовании. ⁹ *Этюд. О принципе ассоциации.* ¹⁰ экономическая сила. ¹¹ Коллективная сила, это — проявление безличное, ассоциация — добровольное объединение. Ассоциация по природе своей бесплодна, даже вредна, потому что она уменьшает свободу рабочего. ¹² *Общественному договору.* ¹³ коллективной силе. ¹⁴ достаточное возмещение. ¹⁵ общей солидарностью и ответственностью. ¹⁶ в специальных условиях, зависящих от ее возможностей. Ассоциация, основанная по соображениям семейной связи и по закону самопожертвования, вне всякого отношения к внешним экономическим условиям, — такая ассоциация сама по себе представляет чисто религиозное явление, сверхъестественной связью, без положительной ценности, мифом. ¹⁷ новыми отношениями, которые должны будут развиться на основе взаимоотношений между производителями и потребителями. Ассоциация нивелирует договаривающиеся стороны, подчиняет их свободу социальным обязательствам, обезличивает их. ¹⁸ *Этюд. О принципе власти.* Идея правительства имеет свои корни в семейных нравах и в опыте домохозяйства. [Демократия] — последнее слово правительственной эволюции. ¹⁹ договора. ²⁰ не надо больше никакого правительства. ²¹ *Абсолютная власть.* ²² законами и учреждениями. ²³ *Всеобщее избирательное право.* ²⁴ Пророческая интуиция массы. ²⁵ Нам столь же мало нужны уполномоченные, как и представители. ²⁶ голосование. ²⁷ всеобщему избирательному праву. ²⁸ *Чистая демократия или непосредственное управление* сводятся к невозможности и к абсурду. ²⁹ *Этюд. Ликвидация общества. 1. Национальный банк.* ³⁰ общественно-полезным учреждением. ³¹ частные капиталы [лишаются возможности заниматься] учетным делом. ³² ежегодные. ³³ вычет из главного долга в качестве годичного взноса. ³⁴ *3. Ипотечные долги. Простые облигации.* «Проценты по всем ипотечным простым долговым распискам и командитным акциям устанавливаются в [$\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ %]. Выплата может производиться лишь в форме регулярных годичных взносов на погашение. Годичные выплаты по всем суммам ниже 2 000 франков должны составлять 10 процентов. По всем суммам свыше 2 000 франков — 5 процентов. Для облегчения оплаты долговых обязательств и для выполнения функций бывших заимодавцев одно из отделений Национального учетного банка превращается в Земельный кредитный банк; максимум его ссуд будет составлять 500 миллионов в год». ³⁵ *4. Недвижимая собственность. Постройки.* Декрет: «Всякий платеж, внесенный за наем, будет зачен в качестве *уплаты за соответствующую собственность*, ценность которой приравнивается к двадцатикратной наемной плате. Каждый платеж в определенный срок имеет для съемщика значение пропорциональной, неделимой доли в занимаемом им доме и в совокупности построек, служащих для сдачи внаймы и назначенных для удовлетворения жилищной потребности граждан. Выкупленная таким образом собственность передается по мере выкупа

в распоряжение коммунального управления, которое, на основе этого выкупа, от имени массы нанимателей получит право ипотеки и преимущественное право, гарантирующее им всем на вечные времена квартиру по цене стоимости владения. Общины имеют право договариваться с собственниками, по своему усмотрению, в целях немедленной ликвидации и выкупа сдаваемых в наем владений. В этом случае, для того, чтобы уже и современное поколение могло воспользоваться понижением наемной платы, соответствующие общины могут немедленно понизить арендную плату в тех домах, относительно которых у них уже закончена сделка, с таким расчетом, чтобы погашение состоялось лишь через 30 лет. Для ремонта, управления, поддержания зданий, равно как и для постройки новых зданий, общины заключают соглашения с союзами каменщиков или с товариществами строительных рабочих, соответственно принципам и правилам нового социального договора. Собственники, живущие сами в своих домах, занимают их до тех пор, пока они сочтут это нужным.

5. Земельная собственность. Всякая уплата аренды за пользование земельным участком обеспечивает за арендатором долю собственности в этом участке и означает для него ипотеку. Целиком оплаченная земельная собственность поступает немедленно в распоряжение общины, которая занимает место прежнего собственника и разделяет с арендатором формальное право собственности и делится с ним чистой прибылью. Общины могут, сообразно с надобностью и со своим желанием, вступать в соглашение с теми собственниками, которые этого пожелают, относительно выкупа остатков и немедленной оплаты земельных участков. В этом случае, по предложению общин, принимаются меры для переселения туда крестьян и для размежевания владений, причем следует, по возможности, стремиться к созданию участков, равноценных друг другу по размеру и качеству земли, и устанавливать размер арендной платы в соответствии с доходностью. Когда земельная собственность будет вся выкуплена, все общины республики вступят между собой в соглашение для уравнивания всех различий в качестве земельных участков, равно как и результатов, зависящих от случайностей обработки. Та часть арендной платы, на которую они имеют право за участки, лежащие на их территории, будет употреблена на это уравнивание и на общее страхование. С этого момента прежние владельцы земли, обеспечив себе право собственности на нее благодаря самостоятельной обработке своих участков, приспособятся к новым условиям, должны будут подчиниться тем же нормам земельной аренды и будут наделены теми же правами, как и все, так что никто не сможет быть поставлен в лучшие условия благодаря случайностям местности и праву наследства; условия хозяйства будут одинаковы для всех. Земельные налоги отменяются, сельское хозяйственная политика переходит к общинным советам.³⁰ *Этюд. Организация экономических сил. 1. Кредит.*
³⁷ Что касается *личного кредита*, то им должны заниматься рабочие товарищества и земледельческие и промышленные общества.³⁸ *Собственность.*³⁹ земельную собственность.⁴⁰ [можно] без малейших опасений позволить собственнику продавать, передавать, отчуждать и пускать собственность в оборот по своему усмотрению. Благодаря облегчению взноса годичных выплат стоимость недвижимости можно бесконечно делить, обменивать, подвергать всевозможным изменениям, не отделяя ничего от самой недвижимости. Земледельческий труд не допускает общественных форм. **3. Разделение труда, коллективные силы, машины. Рабочие товарищества.** Всякая промышленность, предприятие или заведение, которые по самой природе своей требуют объединенной работы боль-

шого числа рабочих различных специальностей, предназначены стать очагами для рабочего общества или товарищества. Но там, где продукт может получиться без совместных усилий лиц различных специальностей, действиями одного индивидуума или одной семьи, нет места для ассоциации. ⁴¹ ассоциаций. ⁴² *рабочие товарищества*. ⁴³ Всякий, занятый в ассоциации, имеет нераздельное право на собственность этого товарищества; он имеет право занимать последовательно все должности; его воспитание, его образование и его обучение должны вестись таким образом, чтобы они позволили ему выполнить свою долю неприятных и тяжелых повинностей, дали бы ему возможность изучить ряд работ и областей знания и обеспечить ему ко времени зрелости энциклопедические способности и достаточные доходы; должности замещаются путем выборов, и всевозможные распорядки устанавливаются с согласия всех членов товарищества; плата устанавливается в соответствии с характером должности, с размером способностей и с величиной ответственности; каждый член товарищества участвует в барышах и в долгах товарищества пропорционально своей доле в деле; каждый имеет право уйти из ассоциации, когда ему будет угодно, урегулировать свой счет и ликвидировать свои права; в свою очередь товарищество имеет право во всякое время принимать новых членов. ⁴⁴ двух проблем: коллективного труда и разделения труда. ⁴⁵ *Установление стоимости: организация дешевого рынка*. ⁴⁶ вздорожания товара и произвольного определения цены. ⁴⁷ *Справедливая цена* представляет с точностью: а) величину производственных расходов согласно официальной средней норме свободных производителей; б) вознаграждение торговца или возмещение той прибыли, которой продавец лишается вследствие уступки соответственного предмета. ⁴⁸ торговца. ⁴⁹ выразиться различным способом; или тем, что потребители, желающие пользоваться справедливой ценой и вместе с тем являющиеся производителями, с своей стороны обязуются предоставлять торговцу свои продукты на равных условиях, — как это уже и сейчас практикуется различными парижскими рабочими товариществами; или же тем, что соответствующие потребители ограничиваются тем, чтобы обеспечить должнику премию или, еще лучше, сбыт, достаточно большой для того, чтобы гарантировать ему доход. ⁵⁰ от имени заинтересованных лиц, которых оно временно представляет, департаменты и общины от имени своих жителей заявляют о своей готовности для обеспечения всем справедливой цены и хорошего качества продуктов и услуг гарантировать предпринимателям, которые предложат наиболее выгодные условия, или проценты на капитал и материалы, вложенные в их предприятия, или определенное содержание, или, где это подойдет, достаточное количество заказов. Соискатели, со своей стороны, обязуются доставлять продукты и выполнять взятые на себя обязательства по отношению к потребителям согласно всем их требованиям. Впрочем, конкуренции предоставляется полная свобода. Они должны указать составные элементы своих цен, способ поставки, продолжительность контракта и имеющиеся у них средства для его выполнения. Предложения подаются в запечатанном виде в течение установленного срока и публикуются затем, — в зависимости от важности договоров, — за неделю, за две недели, за месяц, за три месяца до присуждения. По истечении каждого договора назначаются новые публичные торги. ⁵¹ *Внешняя торговля*. ⁵² *Этюд. Растворение правительства в экономическом организме*. Общество без властей. Уничтожение культа, юстиции, администрации, полиции, государственного обучения, войны, флота и прочего.

108.

[Около 10 августа 1851 г.]

Дорогой Маркс!

«Schnellpost» меня чрезвычайно позабавила. Уже давно я не читал такого законченного шарлатанства, как писание «А. Руге к К. Гейнцену». Я бы никогда не поверил, что даже два таких осла, как Руге и Гейнцен, смогут вынырнуть из трехлетнего революционного водоворота настолько не изменившимися, со всеми старыми фразами, смешными манерами, оборотами и т. д., и т. д. Это — клоун из цирка, который, проделав свои головокружные прыжки, кланяется публике и заявляет: «Here we are again!», ¹ с тем, чтобы после этого наново завести свою бесконечную вольнку и безжалостно повторять всем приевшиеся остроты и т. п. Я вижу перед собой, как живого, страдающего литературным поносом Руге, который серьезно заявляет, что единственным «основательным ответом на тиранию, анархию и государственную измену... является именно тот гениальный шаг, который сейчас необходим», и затем сам же выполняет этот «гениальный шаг», делая открытие, что современная классовая борьба является «secessio plebis»; ² отсюда делается непринужденный переход к римскому школьному учителю, имя которого я забыл, к его басне о желудке и руках и тому подобной милой премудрости третьеклассников и школьных менторов. Но наш молодец *imprauable*, ³ когда касается «существующих условий» и затем тотчас успокоительно добавляет: «Ты знаешь..., что под условиями я понимаю не что иное, как те мысли, которые теперь господствуют в человеческих головах». Неуклюжие попытки делать остроумно-злобные намеки кончились полнейшей неудачей. Он так «ловок», что каждый сейчас же замечает, что он питает против кого-то злобу, но против кого и за что, этого никто не может понять, равно как и всех остальных «как» и «почему». Но если великий Руге проявил себя настоящим шутом, то и великий Гейнцен не менее блестящ в своем перманентном тупоумии. Трудно выразить словами бесстыдство, с которым этот тип в своей заметке от 23 июля 1851 года снова пытается навязать публике ту же свою старую чепуху о коммунизме и почти в тех же выражениях, что летом 1847 года в «D[eutsche] Br[üsseler] Zeitung».

Et pourtant ⁴ эти субъекты вынуждены признать превосходство наших произведений и потому, что непрерывно занимаются ими, и благодаря тому влиянию, которое эти произведения оказывают на них незаметно для них самих, несмотря на все их упорство и бешенство. Есть ли хоть одна фраза во всей их пачкотне, которая не

включала бы в себе либо плагиата наших идей, либо искажения их, или же не была бы внушена нашими идеями.

О лондонской попытке соглашения господин Мейен или господин Фаухер послали в полуофициальную мантейфелевскую «Lithographische Korrespondenz» в Берлине нелепую статью, — дескать, лишь мы двое еще в дружбе и т. д., все остальные уже объединились и все против нас. О Фрейлиграте и Вольфе ни слова. Великий Виллих после роспуска своей армии будущего, повидимому, считает нужным создать себе у великих мужей всех партий репутацию «характера», — говорят, что он присутствовал на их собраниях. *A quoi tous ces coups de désespoir ont-ils abouti?*⁵ Был у тебя великий Зигель?

Как меня только что уверял некий, направленный ко мне Юлиусом, немецкий социальный осел из Дессау, эти господа распространяют там слух, что ты сам признался, что пишешь в «N[eu]e Pr[eu]ssische Z[ei]tung», ты будто бы сам сказал об этом господину Луи Друкеру (!). *En voilà une bonne!*⁶

Что касается Прудона, то, кажется, он прогрессирует. Фазы, через которые проходит его бессмыслица, принимают, во всяком случае, более сносный вид, и господину Луи Блану придется поломать себе зубы над этими «hérésies». ⁷ *Au bout du compte,*⁸ и господин Прудон тоже приходит к тому, что подлинный смысл права собственности заключается в замаскированной конфискации всякой собственности более или менее замаскированным государством и что подлинный смысл уничтожения государства — это усиленная централизация государства. Ибо чем иным являются «toutes les communes de la république qui s'entendent pour égaliser entre elles les différences de qualité des terrains ainsi que les accidents de la culture»,⁹ с их неизбежными принадлежностями и последствиями?

Если у меня завтра будет время, продолжу об этом чуде. На этой неделе я к пятнице статью никоим образом не смогу доставить. Но напиши мне, и притом поскорее, в каком роде она должна быть — должна ли это быть какая-либо отдельная статья, или ты желаешь иметь серию, и, во-вторых, в каком тоне писать, так как о политиках из «Нью-йоркской трибуны» я знаю лишь то, что они являются американскими вигами. Сообщи вообще все, что можешь, чтобы помочь мне справиться.

Твой Ф. Э.

¹ А вот мы снова! ² отходом плебеев. ³ неоценим. ⁴ И однако. ⁵ К чему привели все эти попытки, вызванные отчаянием? ⁶ Ловко, не правда ли? ⁷ ересями.

⁸ В конце концов. ⁹ все общины республики, которые вступают между собою в соглашение для уравнивания различий качества земельных участков, равно как и результатов различной обработки.

109.

[Около 11 августа 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Вчера должен был прервать свои замечания о Прудоне, продолжая сегодня. Я пока что оставляю в стороне ряд пробелов его рецепта; так, например, не видно, каким образом фабрики перейдут из рук фабрикантов к *compagnies ouvrières*,¹ так как уничтожаются проценты и земельная рента, но не прибыль (ведь конкуренция остается в силе); затем, как быть с крупными земельными владениями, в которых земля обрабатывается при помощи наемных рабочих, и т. п. Для того, чтобы иметь возможность судить обо всем как о теоретическом *ensemble*², мне нужно было бы иметь эту книгу. Я поэтому лишь постольку могу высказать свое мнение, поскольку я стану обсуждать единичные мероприятия с точки зрения их осуществимости в каждом данном случае и в то же время расследую, в какой степени эти мероприятия пригодны для централизации всех производительных сил. Хотя и для этого следовало бы, собственно говоря, иметь самую книгу, чтобы проследить все *développements*.³

То, что Прудон пришел, наконец, к убеждению о необходимости более или менее скрытой конфискации, это, как уже сказано, прогресс. Спрашивается лишь, осуществим ли его метод конфискации, ибо, как у всех этих ограниченных субъектов, которые самих себя обманывают тем, что подобного рода насильственные меры будто бы не являются конфискацией, именно метод является главной *pivot*,⁴ вокруг которой вращается все. «Проценты будут понижены до $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ процента». Каким образом? — об этом твои выдержки говорят лишь то, что государство, — или в скрытом виде и под другим названием слившийся с государством банк, — должно ежегодно выдавать займы под ипотеки из этого процента 500 миллионов франков. Я к этому добавлю, что понижение должно происходить постепенно. Раз уже процент столь низок, то ежегодное выплачивание всех долгов путем 5-или 10-процентных взносов *per annum*,⁵ конечно, становится легким делом. Но господин Прудон не укачивает пути, каким образом можно прийти к этому. При сей okazji мне припоминаются наши недавние дебаты о понижении процентной нормы при помощи твоего плана, состоящего в том, чтобы учредить исключительно привилегированный Нацио-

нальный банк с монополией бумажных сигтенсу⁶ и с исключением из обращения золота и серебра. Мне кажется, что всякая попытка быстро и раз навсегда понизить норму процента должна потерпеть неудачу вследствие того, что во время каждой революции и застоя в делах усиливается потребность в ростовщичестве, в оказании кредита временно стесненным, находящимся в затруднительном положении, следовательно, для данного момента несолидным людям. Если даже та часть процентной нормы, которая идет на действительное вознаграждение за заем, может быть уменьшена массой капитала, то остается та часть, которая представляет собой обеспечение уплаты и которая как раз во время кризиса чрезвычайно повышается. Во время всякой революции купцы благодарны правительству, если оно дает им деньги взаймы не то что из $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{2}$ процента, а из 5 процентов. Сравни 1848 год, ссудные кассы и т. д. Но государство и всякий большой централизованный государственный банк, пока он не организовал своих отделений вплоть до самых маленьких уголков и не выработал в своих служащих долгого коммерческого опыта, может ссужать деньги лишь крупным коммерческим предприятиям, иначе ему пришлось бы раздавать деньги наудачу. И мелкий торговец не может дать банку в заклад свои товары, как это делает крупный. Допс,⁷ ближайшим результатом всякого понижения процента на правительственные ссуды явится увеличение прибыли крупных *commerçants*⁸ и всеобщий подъем этого класса.

Мелкая торговля была бы вынуждена, как и прежде, обращаться к посредникам, которые получали бы у правительства деньги из $\frac{1}{2}$ процента, а сами давали бы ссуды из 5 — 10 процентов. Это неизбежно, так как мелкая торговля не дает обеспечения, не может представить залога. Таким образом, в этом направлении подъем крупной буржуазии означает косвенным образом создание класса крупных ростовщиков, банкиров второй степени.

Это вечное стремление социалистов и Прудона к понижению процента является, на мой взгляд, выражением благочестивых пожеланий буржуа и мелких буржуа. До тех пор, пока процент и прибыль находятся между собой в обратно-пропорциональном отношении, понижение процентов может вести лишь к повышению прибыли. И до тех пор, пока имеются несолидные, не имеющие обеспечения и именно вследствие этого как раз сильно нуждающиеся в деньгах люди, государственные ссуды не могут уничтожить частного кредита и, таким образом, не могут понизить процентную норму для всех сделок. Государство, дающее из $\frac{1}{2}$ процента, оказалось

бы по отношению к ростовщику, которого оно снабжает деньгами, в таком же положении, в каком оказалось французское правительство 1795 года, взыскавшее в виде налога 500 миллионов ассигнатами и отдавшее их потом за три миллиона; оно исключительно для сохранения своего, все равно уже ничего не стоившего, «кредита» принимало при уплате податей ассигнаты по номинальной цене, т. е. по цене, в 200 раз превышавшей их подлинную ценность; — государство оказалось бы в таком же положении, в каком это правительство оказалось по отношению к тогдашним земельным и денежным спекулянтам.

Прудон слишком наивен. «Crédit personnel trouve или doit trouver son exercice dans les compagnies ouvrières». ⁹ Это означает следующую дилемму: либо управление, администрация и регламентирование этих товариществ государством, чего Прудон ведь не хочет, либо организация самого замечательного мошенничества с товариществами, мошенничества 1825 и 1845 годов, воспроизведенного теперь на базе пролетариата, люмпенпролетариата и мелкой буржуазии. Стремление постепенное понижение процентной нормы путем коммерческих и принудительных мер сделать главным делом таким образом, чтобы превратить в погашение долга уплату процентов и таким образом ликвидировать все долги и т. д. и сконцентрировать в руках государства или коммун все реальное имущество, — это стремление кажется мне совершенно неосуществимым, во-первых, по вышеприведенным основаниям; во-вторых, так как это продолжалось бы слишком долго; в-третьих, так как при сохранении кредита государственных бумаг единственным результатом этого должна была бы явиться задолженность страны иностранцам, так как все выплаченные деньги уплыли бы за границу; в-четвертых, так как, даже допуская возможность этого в принципе, было бы бессмыслицей думать, что Франция, республика, может это осуществить против Англии и Америки; в-пятых, так как внешние войны и pressure of the moment ¹⁰ делают, в общем, совершенно невозможными подобного рода систематические, медленные, рассчитанные на 20 — 30 лет мероприятия и вообще денежные выплаты.

Практически эта история имеет, как мне кажется, лишь то значение, что в известный момент революционного развития можно с помощью монопольного Государственного банка декретировать следующее: *статья 1*: Проценты отменяются или ограничиваются 1/4 процента; *статья 2*: Уплата процентов по долгам продолжается, как и прежде, и имеет значение взносов для погашения; *статья 3*: Государство имеет право приобрести все недвижимости и т. д.

по текущей оценке и оплатить их 5-процентными взносами в 20 лет. В подобном декрете *может* когда-нибудь появиться надобность, быть может, в качестве непосредственного предшественника открытой конфискации; но чистым умозрением было бы умствовать над тем, когда, как и где.

Во всяком случае, эта книга Прудона, повидимому, гораздо более земная, чем его прежние книги; — *constitution de la valeur*¹¹ также принимает у него более телесную форму — форму «*juste prix des boutiquiers*». ¹² «*Quatre francs, Monsieur, c'est le plus juste prix!*» ¹³ Неясна связь между уничтожением таможенных пошлин и уничтожением процента. То, что Прудон за время с 1847 г. совершил такой полный переход от Гегеля к Штирнеру, — все же признак прогресса. Попробуй после этого говорить, что он не понимает немецкой философии, когда он изучает ее на своем собственном трупе вплоть до последней фазы гниения!

Напиши сейчас же и сообщи, что ты думаешь о вышесказанном.

Твой Ф. Э.

¹ рабочим товариществам. ² целом. ³ развитие. ⁴ осью. ⁵ в год. ⁶ знаков. ⁷ Таким образом. ⁸ коммерсантов. ⁹ Личный кредит находит или должен находить свое применение в рабочих товариществах. ¹⁰ давление обстоятельств момента. ¹¹ установление стоимости. ¹² справедливой цены лавочников. ¹³ Четыре франка сударь, это самая правильная цена.

110.

28, Deanstreet, Soho, 14 августа 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Через день-два пошлю тебе самого Прудона, но ты отошлешь мне его немедленно по прочтении. А именно, я хочу — по денежным соображениям — напечатать об этой книге два-три листа. Сообщи мне свой взгляд по этому поводу более подробно, чем ты это обычно делаешь в торопливом письме.

Суть прудоновщины, — а вся она в целом прежде всего полемика против коммунизма, сколько бы она сама у последнего ни краля и сколько бы она его ни рассматривала через кабэ-блановскую призму, — резюмируется, по-моему, в следующем рассуждении:

Настоящий враг, против которого нужно бороться, это капитал. Чисто экономическим утверждением капитала является процент. Так называемая прибыль есть не что иное, как особая форма заработной платы. Процент уничтожается превращением его в годовые взносы по погашению капитала. Таким образом, рабочему классу — читай *индустриальному* классу — будет навсегда обеспечено

имущество, а подлинный класс капиталистов обречен на непрерывное исчезновение. Различными формами процента являются проценты за взятые в ссуду деньги, наемная плата, а также арендная плата за землю. Таким образом, буржуазное общество сохраняется, его существование получает свое оправдание, у него отнимают лишь его *mauvaise tendance*.¹

*La liquidation sociale*² есть лишь средство, чтобы получить возможность начать строить с начала «здоровое» буржуазное общество. Скоро или медленно, *peu nous importe*.³ Я хочу слышать твое суждение о противоречиях, нерешительности и неясностях самой этой ликвидации. Но истинно целительный бальзам сызнова начинающегося общества состоит в отмене процента, т. е. в превращении ежегодной уплаты процента в ежегодные взносы на погашение. Представленная не в качестве средства, а как *экономический закон* реформированного буржуазного общества, эта мера приводит, естественно, к двум результатам:

1. Превращению мелких непромышленных капиталистов в промышленных. 2. Увековечению класса крупных капиталистов, так как, *au fond*,⁴ если взять в среднем, общество — за вычетом промышленной прибыли — *в общем и целом* всегда платит лишь годовые взносы на погашение. Если бы было верно противоположное, тогда сложные проценты по исчислениям д-ра Прайса были бы реальностью, и нехватило бы богатств всего земного шара, чтобы *уплатить проценты* по самому маленькому капиталу, пущенному в оборот во времена Христа. В действительности же можно с уверенностью утверждать, что, например, в Англии — таким образом, в наиболее спокойной буржуазной стране — за последние 50 или 100 лет капитал, вложенный в землю или во что-либо иное, еще ни разу не принес процентов, по крайней мере, если судить по цене, а здесь именно об этом идет речь. Возьмем, например, самую высокую оценку национального богатства Англии, примерно, в 5 миллиардов. Англия производит ежегодно 500 миллионов. Все богатство Англии равняется, таким образом, лишь годичной работе Англии, помноженной на 10. Значит, капитал не только не приносит процентов, он даже не *воспроизводит себя* согласно своей стоимости. И это происходит на основании простого закона. Стоимость первоначально определяется первоначальными издержками производства, в зависимости от того количества рабочего времени, которое первоначально было необходимо, чтобы произвести данную вещь. Но раз уже предмет произведен, то цена продукта определяется теми издержками, которые необходимы, чтоб его *воспроизвести*. А издержки воспроизводства

постоянно уменьшаются, и тем скорее, чем более развита эпоха в промышленном отношении. Это — закон непрерывного обесценения самой стоимости капитала, чем парализуется иначе приводящий к абсурду закон ренты и процента. В этом также объяснение установленного тобою положения, что ни одна фабрика не покрывает своих издержек производства. Таким образом, Прудон не может преобразовать общество путем введения закона, которому оно, по существу, следует и без его совета.

Средство, при помощи которого Прудон все создает, это — банк. *Il y a ici un qui pro quo.*⁵ Банковское дело можно разделить на две части: 1. *Преобразование капитала в серебро.* В этом случае я даю лишь деньги вместо капитала, и это можно, конечно, сделать, считая лишь издержки производства, т. е. $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ процента. 2. *Капитальные ссуды в денежной форме;* тут процент будет уже сообразовываться с количеством капитала. В этом случае кредит может лишь переводить наличное, но не производительное богатство в действительно активный капитал путем концентрации и т. п. Прудон считает номер 2 столь же легким, как и номер 1, но *au bout du compte*⁶ окажется, что он, имея иллюзорную массу капитала в форме денег, в лучшем случае уменьшил процент на капитал только для того, чтобы в той же пропорции поднять его цену. А этим нельзя достигнуть ничего, кроме падения кредита его бумаг.

Логикой связи таможенных пошлин с процентом я предоставляю тебе наслаждаться в оригинале. Это слишком хорошо, чтобы преподнести его в сокращенном виде. Господин Прудон не дает точных указаний ни относительно того, как обстоит дело с участием коммун в домах и земле, — а как раз это он должен был бы сделать в противовес коммунистам, — ни относительно того, каким образом рабочие овладеют фабриками. Он, правда, хочет «des compagnies ouvrières puissantes»,⁷ но испытывает такую боязнь перед этими промышленными «цехами», что предоставляет, правда, не государству, но обществу право их *распускать*. Как истинный француз, он ограничивает ассоциацию фабрикой, так как не знает ни [фирмы] «Moses and Son»,⁸ ни «a midlothian farmer». ⁹ Французский крестьянин, французский сапожник, портной, merchant¹⁰ кажутся ему чем-то вроде *des don- nées éternelles et qu'il faut accepter.*¹¹ Но чем больше я занимаюсь этой дрянью, тем больше я убеждаюсь, что реформа агрикультуры и основанного на ней собственного свинства должна стать альфой и омегой будущего переворота. Иначе — окажется прав папаша Мальтус.

По отношению к Луи Блану и т. д. это сочинение очень ценно, особенно благодаря дерзким выходкам против Руссо, Робеспьера, бога, *fraternité*¹² и тому подобных шарлатанств.

Что касается «Нью-йоркской трибуны», ты должен мне теперь помочь, так как я по горло занят экономией. Напиши ряд статей о Германии, начиная с 1848 года. Остроумно и непринужденно. Эти господа очень *дерзки* в иностранном отделе.

Через пару дней я пошлю тебе два тома о Риме. А именно «*Economie politique des romains*» par Dureau de la Malle.¹³ Я выписал себе эту книгу, весьма основательную, из Парижа. Там для тебя многое выяснится и относительно экономической основы римского способа ведения войны, основы, которая являлась не чем иным, как *кадастром*. Как тебе это послать наиболее дешевым способом? Оба тома толстые. Статью из «Литографированной корреспонденции» ты должен где-нибудь стянуть или получить в переписанном виде. Лишь только Вейдемейер будет здесь, нужно будет задать трешку этим ослам в Нью-Йорке. Для этого нужны все документы. Фаухер — корреспондент «Новой прусской газеты». Зигель еще не явился. Виллих, конечно, член «*Братства эмигрантов*». В пятницу у них было первое общее собрание. Мы имели там своего шпиона. Собрание было открыто прочтением (*генералом* Гаугом) статьи против нас в «Лит. корр.». Ведь нами они живут и существуют. Затем они приняли ряд постановлений по поводу различных неприятных склочных дел. Присутствовали от Пруссии — господин Мейен, от Англии — Оппенгейм, от Франции — Руге, а Кинкель представлял Америку — и Будущее. Я, впрочем, очень рад буду услышать твое мнение обо всем этом.

[Карл Маркс.]

¹ скверную тенденцию. ² ликвидация общества. ³ это нас мало интересует. ⁴ по существу. ⁵ Тут имеется недоразумение. ⁶ в конечном счете. ⁷ могучих рабочих товариществ. ⁸ «Мозес и сын». ⁹ мидлошьянских фермеров. ¹⁰ купец. ¹¹ вечных данных, которые надо признать. ¹² братства. ¹³ «Политическую экономию римлян». Сочинение Дюро де-ла-Маль.

111.

Манчестер, 21 августа 1851 г.

Дорогой Маркс!

Прилагаю тебе при сем статью. Стечение различных обстоятельств способствовало тому, что она оказалось плохой. Прежде всего я с субботы был, для равнообразия, снова нездоров. Затем у меня не

было никакого материала — пришлось высасывать все из пальца при помощи одной только памяти. Затем — короткий срок и работа на заказ, почти полное незнание с газетой и с кругом ее читателей и вследствие этого отсутствие какого-либо правильного плана. Наконец, невозможность сохранить у себя для согласования рукописи всей серии, необходимость, таким образом, *plus ou moins*¹ педантически-систематического начала, для того, чтобы избегнуть повторений в следующих статьях. Все это и то, что я совершенно разучился писать, сделали эту статью очень сухой; и если ее за что-либо можно похвалить, то лишь за гладкий английский язык, которым я обязан привычке в течение восьми месяцев говорить и читать исключительно по-английски. *Enfin, tu en feras ce que tu voudras.*²

Прудона я уже наполовину прочел и нахожу твое мнение совершенно правильным. Его апелляция к буржуазии, его возврат к Сен-Симону и сотня других вещей еще в критической части подтверждают, что он считает промышленный класс, буржуазию и пролетариат, по существу, идентичными и полагает, что противоречие между ними создано лишь благодаря незавершенности революции. Псевдо-философская конструкция истории совершенно ясна: до революции промышленный класс — «в себе», с 1789 до 1848 — в противоположности, отрицание; прудоновский синтез *to wind up the whole with a flourish.*³ Все вместе кажется мне последней попыткой теоретически спасти буржуазию; наши предпосылки о решающем историческом первенстве материального производства, о классовой борьбе и т. д., и т. д. по большей части приняты им, хотя в большинстве случаев и в искаженном виде, и на них построена попытка — при помощи псевдо-гегельянского трюка — включить пролетариат обратно в буржуазию. Синтетической части я еще не читал. В полемике против Луи Блана, Робеспьера, Руссо попадаются недурные места, но в общем нет ничего более претенциозно-плоского, чем его критика политики, например в том месте, где он говорит о демократии и где он, совсем в духе «Новой прусской газеты» и всей старой исторической школы, выезжает на чистом подсчете голов и не стыдится воздвигать целые системы на мелких практических возражениях, достойных школьника. И что это за великая идея, что «*rouvoir*» и «*liberté*»⁴ несовместимые противоположности и что ни одна форма правления не опирается на достаточное моральное основание, по которому *он* должен был бы ей подчиняться. *Par Dieu,*⁵ зачем же тогда нужна *rouvoir*?⁶

Впрочем, я убежден, что господин Эвербек дал ему свой перевод [Коммунистического] Манифеста, а, быть может, — под секретом —

и переводы твоих статей в «Обзрении». Ряд пунктов, несомненно, украден оттуда — например, что правительство есть не что иное, как сила одного класса для подчинения другого класса и что оно исчезнет вместе с исчезновением противоречия классов. Затем много пунктов о французском движении, начиная с 1848 года. Я не думаю, чтобы он все это нашел в твоей книге против него.

Я на-днях напишу подробнее об этой штуке, когда я ее всю прочитаю. Между прочим, я ожидаю сюда на-днях Веерта, который, по своему обыкновению, неожиданно вынырнул в Брэдфорде; возможно, что вследствие этого я буду вынужден задержать здесь Прудона на два или три дня дольше.

Скажи Лупусу, что я говорил с Уотсом и что тот употребит все усилия, имея все шансы на успех, подыскать здесь для него должность. Уотс думает, что его звание бывшего депутата рейхстага будет здесь совершенно достаточно. Он знаком со всей компанией учителей и священников либерального оттенка, и раз он возьмется за дело, то, несомненно, что-либо устроит. Я буду его в этом направлении подогрывать; как только узнаю что-нибудь об этом, дам ему знать. Впрочем, этот Уотс, вопреки всему, все же не хуже прочих категорий филистеров. Так как он живет, как англичанин, социалист, доктор и отец семейства, то нужно ему поставить в заслугу, что он в продолжение семи лет пьет исключительно чай и даже ощущает стремление стать травоедом à la Струве. Его жена зато пьет и жрет за двоих. Печально, но факт: здесь в Манчестере самые обходительные люди — это ординарные мещане. Они пьют, сквернословят, состоят «республиканцами» (как Мартене) и над ними можно посмеяться.

Что слышно у тебя нового из Германии? В Гамбурге трое выпущены, один вновь арестован. Итак, «чистосердечные признания» портновского подмастерья Нотьюнга сводятся всего-навсего к тому, что он был эмиссаром тайного пропагандистского общества! *Quelle découverte!*⁷

Твой Ф. Э.

¹ более или менее. ² Словом, ты сделаешь из нее все, что захочешь. ³ завершает все торжественным аккордом. ⁴ власть и свобода. ⁵ Клянусь богом ⁶ власть. ⁷ Какое открытие.

Дорогой Энгельс!

D'abord mes remerciements pour ton article.¹ Вопреки всем ужасам, которые ты о ней наговорил, она великолепна и в неизме-

ненном виде поплыла в Америку. Ты замечательно попал в тон для «Трибуны». Как только я получу ее первые номера, я тебе их пришлю и с этого момента буду посылать уже регулярно.

Maintenant ² я имею для тебя целый груз эмигрантского мусора— и если у тебя в окрестности где-нибудь имеется знакомый фермер, который нуждается в гуано этих милых птиц для удобрения, то ты можешь устроить выгодное дельце.

Итак, как тебе уже известно, в пятницу, 8 августа, состоялось первое *официальное* собрание побратавшейся эмиграции, на котором особенно блистали: «Дамм» в роли председателя, Шурц, в качестве секретаря, Гегг, оба Зигеля, Фиклер, Таузунау, Франк (австрийский обыватель), Виллих, Боркгейм, Шиммельпфениг, Иоганн Ронге, Мейен, граф Рейхенбах, Оппенгейм, Бауэр из Штольпе, дубина Людерс, Гауг, А. Руге, Техов, Шмольце (баварский лейтенант), Петцлер, Белер, Герке, Шертнер, Герингер и т. д.; Кинкель и Штродтман, конечно, тоже. Главные клики: 1. Руге-Фиклер, 2. Кинкель, 3. Таузунау. Между ними независимая литературная богема и «объединители». Главная ось, вокруг которой вращалось все это великое государственное дело, состояла в следующем: Руге - Фиклер - Таузунау - Гегг - Зигель - Гауг и т. д. предлагали избрать *официальный* комитет частью для равоблечения преступлений реакции, частью для представительства эмиграции, а частью для «действия» — агитации в Германии. Идиот Руге имел еще при этом заднюю мысль, чтобы его признали уполномоченным для сношений с Ледрю-Мадзини и чтобы он, таким образом, кроме своего собственного имени, мог предоставить в их распоряжение весь корпус немецких эмигрантов. Напротив, господин Кинкель (и вместе с ним, кроме спасителя Шурца и его вонючего биографа [Адольф Штродтман], в особенности Виллих, Техов, Шмольце, Шиммельпфениг) был против подобного *официального* учреждения, отчасти, чтобы не повредить своей позиции по отношению к здешней лондонской буржуазии, — так как гульдены имеют решающее значение, — отчасти, чтобы не быть вынужденным в большей или меньшей степени признать Руге в противовес Мадзини-Ледрю. Уже с самого начала клика Руге-Фиклер пришла в раздражение, увидев зал собрания чересчур переполненным. На тайном собрании они пришли к соглашению пригласить одних лишь «именитых» граждан. Но клика Кинкеля привела с собой *le menu peuple*, ³ чтобы обеспечить за собой большинство.

Заседание было открыто генералом Гаугом, который прочитал грязную статью из «Литографированной корреспонденции». Одновременно он заявил, что на собрании, наверное, имеются шпионы,

что документом могут злоупотребить и т. д. Виллих поддержал это с неослабленным тогда еще пафосом и потребовал от преступников, чтоб они лучше сами назвали себя. В ответ на это поднялся Бауэр из Штольпе (которого я, впрочем, считаю подлинным шпионом), заявивший, что он не понимает добродетельного негодования Виллиха, так как на первое подготовительное заседание он, не встречая возражений, ввел редактора «Литографированной корреспонденции», господина Шиндлера. По улажении этого инцидента Таузенау вносит свое предложение об избрании комиссии, сопровождая это многочисленными патетически-добродушными охами и вздохами (он думал, что находится перед венской публикой). Господин Мейен возражает ему, что он не хочет никаких решений, а лишь добровольных договоров. Тогда, по предварительному уговору, тотчас же предлагаются Кинкель как представитель Америки и Будущего, Оппенгейм — Англии, Шурц — Франции, Мейен — Пруссии. Предложение Таузенау проваливается с треском, и он, растроганный, заявляет, что, несмотря на свой провал, он принесет свой праведный гнев на алтарь отечества и останется в лоне «обратавшихся». Но клика Фиклер-Руге тотчас же приняла угрожающую и раздраженную позицию и разыграла обманутое прекрасноедушие.

В конце заседания Кинкель подходит к Шабелицу (последний действовал совершенно как наш агент, и как очень полезный агент, так как он пользовался доверием всех этих простаков), называет его честным демократом, объявляет «Базельскую национальную газету» отличным демократическим органом и, между прочим, спрашивается о ее финансовом положении. *Шабелиц*: Плохо. *Кинкель*: Но разве рабочие ничего не делают? *Шабелиц*: Они делают все, чего мы от них требуем, — они читают газету. *Кинкель*: Рабочие должны были бы больше делать. Они и нас не поддерживают в той мере, как следовало бы. А вы ведь знаете, сколько мы делаем для рабочих. Мы делаем все для того, чтобы сделать их «достойными уважения», вы ведь понимаете меня, — для того, чтобы сделать их «почтенными гражданами». En voilà une bonne! ⁴

Заседание «объединителей» 15-го было малолюдным и, как англичане говорят, «индифферентным».

А пока что 17-го произошли великие события. «Истинный ход» этих событий, как сказал бы наш великий Арнольд Руге, был таков:

Господин Кинкель пригласил к себе Виллиха, Техова, Гегга, Зигеля и еще некоторых и открыл им, что он получил 160 фунтов через Фишера из Нового Орлеана и уполномочен распорядиться этими деньгами совместно с вышеназванными лицами и господином

«Фридрихом Энгельсом». Вместо последнего он пригласил Фиклера, но тот заявил, что он не желает иметь никакого дела с «негодьями». Кинкель был вынужден показать письмо, и тут-то обнаружилось, что эти деньги в продолжение трех недель пребывают анонимно и инкогнито в его квартире, и он не знал, «раскрыть ли им свое великое сердце непосвященному миру» или нет. Кинкель говорил, как ангел, но это ему не помогло. Клика Фиклера убедилась, что клика Кинкеля втихомолку забрасывает удочку, с целью использовать общее эмигрантское столпотворение для того, чтобы тайком половить золотую рыбку в мутной воде. Таким образом, великий Гейнцен напрасно так любовно и красноречиво строил глазки присланным из Нового Орлеана фунтам. Гегг и Зигель вышли из конклава. Состоялось отдельное заседание клики Фиклер-Руге-Таузенау. Южные германцы пришли к убеждению — под секретом — что Арнольд Руге — дурак. Он им нужен потому, что он служит связью с Ледрю-Мадзини, а эта протекция очень нужна южным немцам. Таузенау, очевидно, открыл ему глаза, и теперь он рядом с Фиклером является их настоящим лидером. Таузенау вообще обладает даром еврейской расчетливости и является дипломатичающим и очень умно действующим интриганом, который верит в приближение революции. Поэтому он теперь участвует в этом союзе. — В глубоком гневе, по поводу потерянных 160 фунтов, Руге открыл теперь друзьям, что более года тому назад Виллих-Кинкель отправил Шиммельпфенига к Мадзини, представил его в качестве эmissара и обратился к [Мадзини] за деньгами для агитационной поездки в Германию. Мадзини дал ему 1 000 франков наличными и на 5 000 франков своих итальянских знаков, под условием по истечении двенадцати месяцев вернуть ему 1 000 франков и две пятых полученных им итальянских знаков. На эти деньги Шиммельпфениг совершил свою поездку по Франции и Германии. Двенадцать месяцев истекли, но ни о Кинкеле-Шиммельпфениге, ни о 1 000 франков, ни об итальянских знаках нет ни слуху, ни духу. Когда прибыли деньги из Нового Орлеана, Кинкель снова отправил своих посланцев к Мадзини, но не для того, чтобы уплатить долг, а для того, чтобы похвастаться и вступить с ним в союз. Мадзини был слишком деликатен, чтобы напоминать об их долге, но заявил им, что у него имеются свои связи в Германии и что поэтому он не может завязывать новых. Эти господа, рассказывал дальше Арнольд Руге, обратились также к Ледрю-Роллану. Но тут во-время явился Руге, и так как Ледрю-Роллан рассматривает уже себя как президента французской республики и готов немедленно повести внешнюю войну, то Руге представил ему

Зигеля как обер-генерала немецкой революционной армии, с которым Ледрю-Роллэн пустился в стратегическую беседу. Таким образом, и тут Кинкелю-Виллиху опять не повезло. После этих разоблачений Руге низость клики Кинкель-Виллих предстала в неприкрытом виде пред очами одураченных «прекрасных душ». Необходимо было что-нибудь предпринять, а что иного может предпринять Руге, кроме новых комбинаций и перестановок в своем заплесневевшем старом центральном комитете? Было, таким образом, постановлено образовать *агитационный клуб* — не для дискуссии, а для «*настоящей работы*»; он должен заниматься не словоизвержением, а «делом», и прежде всего должен потребовать от единомышленников платежа денежных взносов. Состав: Фиклер, Таузенау, Франк, Гегг, Зигель, Гордле, И. Ронге, Гауг, Руге. Ты, конечно, сразу узнал преобразование — Руге-Ронге-Гауг. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что существенную составную часть клуба представляют: 1) юго-западно-германские простаки Фиклер, Гегг, Зигель, Гордле; 2) юго-восточные германцы Таузенау, Гауг и Франк; что, таким образом, по существу, клуб организован как *южно-германский* в противовес «*пруссакам*», и Руге является лишь пуповиной, соединяющей его с Европейским центральным комитетом. Они и называют теперь другие общества просто «*пруссаками*». Этот агитационный клуб назначил Таузенау своей «исполнительной властью» и вместе с тем своим министром иностранных дел. Это означало, таким образом, *полную отставку* Руге в качестве центра. Но для того, чтобы подсластить ему эту пилюлю, ему заявили, что сохраняется его прежнее положение при центральном комитете и что признают его предшествующую деятельность и его представительство вполне соответствующим духу немецкого народа. Это *testimonium paupertatis* ⁵ ты прочтешь в напечатанном виде в заметке, помещенной почти во всех английских газетах, в которой «агитационный союз» всепокорнейше извещает публику о своем рождении и зовет почтенную публику. Но даже это утешение было несчастному Руге отравлено: Бауэр-Фиклер выставили неприемлемое *conditio sine qua non*, ⁶ чтобы Руге перестал «выпускать в свет свои глупости».

Прежде чем продолжать рассказ, я должен заметить, что мы представлены в этом общедемократическом союзе, *без ведома других*, одним бежавшим из Кёльна рабочим, принадлежащим к нашему союзу, по имени *Ульмер*; это — человек, который у нас держит себя очень спокойно и молчаливо, и мы никогда не поверили бы, что он сможет терроризировать всю «объединенную демократию». Но *indignatio facit poetam*, ⁷ и этот тихий Ульмер обладает, как он

мне говорил, «дарованием» легко приходит в бешенство: он дрожит тогда всем телом и кидается вперед, как одержимый. Несмотря на свою тщедушную фигурку портного, он, в качестве лучшего гимнаста в Майнце, проникнут сознанием физической силы и ловкости и, кроме того, — коммунистической верой в свою непогрешимость.

Итак, 22 августа состоялось третье заседание. Собрание было очень многолюдное, так как публика ожидала большого скандала по поводу бунтовщического «агитационного союза». Председательствует Мейен. Присутствуют также Рудольф Шрамм и Бухер. Клика Кинкеля вносит предложение об образовании комитета эмигрантов. Дело в том, что господину Кинкелю очень не хочется уйти со сцены в качестве общественного деятеля. С другой стороны, ему не хотелось бы также скомпрометировать себя у эстетически-либеральных буржуа Англии. Эмигрантский же комитет, это — политически-филантропическое учреждение, которое, кроме того, предоставляет в распоряжение некоторые денежные средства, соединяя таким образом в себе все желательные условия. В противовес этому неким Голлингером и Ульмером было внесено предложение избрать эмигрантский комитет на общем собрании эмигрантов; на это клика Кинкеля отвечала указанием на опасность скандала, который будет устроен людьми, стоящими вне собрания (имелись в виду, конечно, мы, хотя нас и не называли). Но они имели врагов и в *своей среде*. Из агитационного клуба присутствовали лишь Гегг, Зигель и его брат. Гегг был избран в эмигрантский комитет; это дало повод: 1) объявить о выходе Таузенау; 2) прочесть заявление «агитационного союза»; 3) наконец, по окончании дебатов объявить об их общем выступлении. Большая буря. *Техов* и [Рудольф] *Шрамм отчаянно обругали А. Руге*. Вообще была сильная *руготня*. Гегг отвечал им с сознанием собственного превосходства, резко напал на двусмысленного Кинкеля, который выпускал для ответа своих оруженосцев, поглаживая свою бороду, как Великий Могул, и писал через посредство увивавшегося вокруг него Шурца записки, которые тот, как «соглашатели» в Берлине, пускал среди своих приверженцев; когда записка заканчивала свой круг, он писал свой окончательный приговор. Лишь после того как Гегг сказал, что «агитационный союз» поместит свое заявление в английских газетах, *Кинкель ответил величественно, что он уже и сейчас господствует над всей американской прессой и что уже приняты меры к тому, чтобы в кратчайший срок подчинить его господству также и французскую прессу*.

Кроме этой, чреватой скандалами, темы разбирались еще и другие, которые даже в лоне самих «побратавшихся» демократов

вызвали ужаснейшую бурю, так что дело доходило до угроз кулаками, страшного шума и крика, пока в 2 часа пополудни хозяин не потушил лампы и не погрузил жаждущих объединения в непроницаемую ночь. Гвоздями скандала были Шрамм и Ульмер. Шрамм в своем выпаде против Руге дал одновременно выход своему гневу против коммунистов, что встретило сочувственный отклик; самым враждебным образом напал на Виллиха и объявил рабочих трусами. На это отвечал Ульмер; но он, с своей стороны, вместе с Голингером, другом Зигеля, требовал созыва общего собрания эмигрантов для выбора комитета помощи. Он прямо обвинял Виллиха и т. д. в том, что он прокутил и растратил эмигрантские деньги. Невыразимый шум. Никудышный Дитц выскакивает вперед, заявляет, что он кассир эмигрантского комитета с Great Windmillstreet, и требует отказа от этих слов. Ульмер заявил, что если эти господа этого требуют, то он готов представить доказательства. Он ничего не берет обратно. Виллих старается его укротить, прибегая к своему обычному приему, и приглашает его для частного объяснения в свою комнату. Но Катон-Ульмер непоколебим и не желает разговаривать без свидетелей. Кстати, Шиммельпфениг, сидя позади Ульмера, в продолжение речи Гегга все время хрюкал и производил шум; тогда Ульмер, одержимый вдруг своим «духом», поворачивается, потрясая кулаками, и рычит Шрамму: «Если вы, жалкий побирושка, не замолчите, наконец, то я вас выброшу в окно». Шрамм побледнел, как мел, но, призвав на помощь свою прусско-офицерскую храбрость, ушел в дальний угол.

Во время этого замечательного фарса на Виллиха несколько раз и со всех сторон (Гегг, Шрамм, Голингер, Ульмер и т. д.) были произведены такие грубые нападения, что он шесть раз заявлял, что он должен будет выступить, если его достойную персону не оставят в покое.

Теперь создается новый элемент скандала, подготовляемый специально нами. Дело в том, что господа «высшие эмигранты», как они себя называют, совершенно не приняли во внимание «низшую эмиграцию».

Этой «низшей эмиграции», которая очень нуждается, мы через Ульмера, Румфа, Либкнехта сообщаем, тщательно подобрав факты, что эмигрантский комитет на Great Windmillstreet получил 800 гульденов из Вюртемберга и что их прекраснейшим образом обманывают. Вчера поэтому на заседании комитета на Great Windmillstreet, под председательством Шаппера, произошла скандальная сцена. Эмигранты требуют, чтобы были показаны письма, счета и т. д.

Виллих, возмущенный этими требованиями ослов, грубо объясняет им, что он и компания ответственны только перед рабочим обществом. Одного эмигранта, который слишком близко подошел к нему, он попросил убраться подальше, чтобы тот не наградил его вшами. Тот обзывает его «болваном», у Шаппера требуют объяснения по поводу его живота гиппопотама, называют его мошенником. Виллих призывает хозяина и хочет выбросить за дверь одного из эмигрантов. Тот говорит, что он готов уйти, если позовут полицейского. Эти господа все негодяи. Этим дело кончается. Виллих и Шаппер заявляют, что при таких условиях они уйдут.

Этой «низшей эмиграции» Румпф и Ульмер объявили, что в ближайшую пятницу в общем собрании эмигрантов будут обсуждаться их интересы. Они отправятся туда все вместе, вооружившись дубинками, чтоб отстоять свои притязания. ●

Я дал им теперь знать через Ульмера, что Кинкель получил для них 160 фунтов, которые он в продолжение ряда недель скрывал и которые он хочет теперь поделить с Виллихом. Их — эмигрантов — вообще использовали бы лишь как фирму — *et c'est vrai*,⁸ — чтобы улучшить финансы этих государственных мужей. Ульмер будет говорить, а так как Шрамм и т. д. ничего не узнают об этой заграничной получке, то скандал получится хороший со всех сторон.

Теперь ты можешь написать — впоследствии необходимое — письмо к Кинкелю, как только я тебе дам знать о пятничном заседании. Но что ты должен сделать немедленно, это написать *Фишеру* в Новый Орлеан, выяснить ему всю эту грязь и сказать ему, чтобы он собирал деньги лишь под фирмой «*Фрейлиграт*», которая очень популярна. Наша партия, безусловно, в этом нуждается. Она единственно активная, единственная непосредственно борющаяся с союзным сеймом, с богом и с дьяволом, и нам нехватает денег для агитации. С другой стороны, необходимо раздобыть деньги для наших арестованных, которые, по большей части, не имеют никаких средств. Мне кажется, что этому человеку легко будет выяснить эти два основания. Если он может, пусть производит эти сборы втайне, так как наша деятельность может лишь пострадать от всякого газетного шума.

Vale faveque!⁹

Твой К. Маркс.

Я должен еще заметить, что правоверный бык Шаппер отнюдь не связывается с «неверными»; он заявил Виллиху, что они могут его убить, а он не пойдет к «этим собакам».

Если я теперь иногда не пишу несколько дней, то я делаю это для того, чтобы давать более полные сообщения.

¹ Прежде всего благодарю тебя за твою статью. ² А теперь. ³ смешанную публику. ⁴ Ловко, не правда ли. ⁵ свидетельство о бедности. ⁶ обязательное условие. ⁷ негодование создает поэтов. ⁸ и это верно. ⁹ Будь здоров и не забывай меня.

113.

[Около 27 августа 1851 г.]

Дорогой Энгельс!

Читай сперва Прудона, ибо он мне скоро нужен будет. Дюро я получил на такой срок, на какой он мне понадобится.

Кстати: *Напиши же, наконец, Фишеру в Новый Орлеан.* (Либкнехт теперь — его постоянный корреспондент.) Это тем более важно, что как раз из Нового Орлеана Кинкели, Руге и т. д. думают получать поддержку. Так не забудь же написать этому человеку, который в письме к Либкнехту жалуется на твоё молчание.

Твой К. М.

114.

[Около 27 августа 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Гомеровские бои великих мужей, стремящихся к единству, меня весьма позабавили. Что за Илиада!

Фишеру написал. Но действительно ли я назван в письме к Кинкелю? А то, как бы мне не осрамиться перед Фишером. Эта идея — относительно Фрейлиграта — великолепна; это, наверное, твоя жена придумала. Потребовать от Ф[ишера], чтобы он собирал деньги специально для *наших* партийных целей, никоим образом не годится; но если они еще что-нибудь пошлют, — а я сомневаюсь в этом после того опыта, который американцы проделали, — тогда, я думаю, моего письма будет достаточно для того, чтобы деньги пошли в руки Фрейлиграта, *et cetera suffit.*¹

Напиши мне тотчас же о результате пятничной сцены, чтобы я мог предпринять необходимые меры против К[инкеля]. Сейчас я не могу ничего другого сделать, как потребовать подробных сведений и присылки документов, и затем, по получении или неполучении их, сделать дальнейшее. Но знаешь ли ты адрес К[инкеля]?

Ты хорошо бы сделал, если бы прислал мне также адрес Фрейлиграта, чтобы его сейчас же можно было сообщить Фишеру. К от-

ходу этого парохода мы уже с корреспонденцией не успеем, а пока получится от него ответ, пройдут четыре недели, в течение которых не очень-то следует бомбардировать его письмами.

Кинкелю и Виллиху я подставил ножку своим письмом, так что они этого не забудут.

О Прудоне — завтра или послезавтра. Присутствие Веерта, затем эта пачкотня, да еще всякая конторская ерунда, — все это помешало мне серьезно взяться за это дело. Во всяком случае, шарлатанство там великолепное. Вторая часть, начиная с ликвидации, бесподобна своим сочетанием жирарденовской рекламы со штирнеровским хвостовством. К тому же некоторые места представляют собою — грамматически и логически — чистейшую галиматью, о которой он сам знает, что она не имеет абсолютно никакого смысла. Об этой второй части, действительно, совершенно не стоит серьезно говорить; этого нельзя сделать даже при всем желании.

Для «Трибуны» я, конечно, тоже ничего не мог написать, продолжение будет на будущей неделе. Очень спешу.

Твой Ф. Э.

¹ и этого достаточно.

115.

28, Deanstreet, Soho, 31 августа 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Всегда рискуешь сильно ошибиться, рассчитывая на решительный кризис среди демократических героев. После такого скандала, какой произошел две недели тому назад, эти reformers ¹ нуждаются в отдыхе в продолжение нескольких недель. И, таким образом, позавчера, в пятницу 29-го, не произошло ничего значительного.

D'abord. ² В понедельник, 25 августа, как я уже тебе писал, Виллих и Шаппер грозили своим выходом из эмигрантского комитета с Great Windmillstreet. В следующий вторник они, действительно, на официальном заседании подали в отставку, и комитет вообще благополучно распустил себя. При этой okazji дело дошло до крепких слов. Виллих морализировал и читал проповеди о нравственности, в ответ на что ему были перечислены все его грехи. Но главным пунктом обвинения против него было то, что, когда ему пришлось давать отчет о десятках фунтов, вложенных в щеточную мастерскую, он опять, подобно тому как он это уже однажды сделал, позаботился о том, чтобы господин Люссель [?], ответственный поручитель за эту мастерскую, улетучился.

В пятницу на общем заседании жаждущих объединения появился и генерал Зигель. Он рассчитывал на появление «низшей эмиграции», из-за которой ему пришлось выдержать несколько сильных схваток с Виллихом, давшим волю своему негодованию против безнравственной орды негодяев, которую он, в борьбе против нас, сам прежде окружал апофеозом. Но этот люмпенпролетариат как раз и не пришел на собрание. Те, которые собрались пред дверьми ареопага, были слишком малочисленны, чтоб иметь возможность рассчитывать на успех, и потому удалились. Ты ведь знаешь, что это за трусливые каналы. И у каждого из этой сволочи совесть слишком нечиста, чтобы выступать изолированно перед большим собранием в качестве публичного обвинителя.

«В общедемократический комитет эмигрантов» было избрано несколько сторонников Руге, как, например, Ронге, — числом четыре. Они заявили о своем выходе. Комитет был, таким образом, распущен. Был избран новый *временный* комитет, состоящий из господ Кинкеля, графа Рейхенбаха, Бухера и саксонца Земпера. Отсюда ты видишь, что они вступили в новую фазу. Они бросились в объятия почтенных «hommes d'état»,³ так как прежние «вожди» скомпрометированы как буржуазные мошенники. Эти «hommes d'état»⁴ — их основное ядро — это доблестные «мужи» *Бухер* (берлинский соглашатель), *граф Рейхенбах* (рыцарь духа и франкфуртский государственный преступник, а не берлинская борода партии) и известный заика «*Рудольф Шрамм*».

Лупус, который, в силу давнишней дружбы с графиней Рейхенбах и с ее здесь находящимся братом, время от времени бывает в доме Рейхенбаха, встретил там вчера господина Техова, с которым он знаком еще по Швейцарии. Вскоре после этого появился Виллих своей собственной персоной в обществе глубокомысленного Эдуарда Мейена. Когда эти величины появились, Лупус удалился.

Voilà tout ce que j'ai à rapporter pour le moment.⁵ В связи со 160-ю американскими фунтами Кинкель сумел, частью непосредственно, частью при помощи своих сторонников, создать у «почтенных» и у «hommes d'état» чрезвычайно высокое мнение о своем могуществе и своих связях. Но благородный Виллих роспуском комитета на Windmillstreet разорвал самую прочную связь, соединявшую его с этой «чернью». Maintenant,⁶ что касается тебя, то *Фишер* положительно и определенно назвал тебя, как одного из тех, в чье распоряжение должны были поступить 160 фунтов. Генерал Зигель и Гегг сообщили это, якобы au secret,⁷ своему другу Шабелицу, а, в действительности, как я думаю, для того, чтоб это дело дошло до

тебя. По-моему, тебе остается лишь написать господину Кинкелю, что у тебя имеется известие из Нового Орлеана об отправке денег и о приглашении тебя участвовать в определении способа их употребления. Ты просто спрашиваешь его, как обстоит дело с деньгами и что имеется в виду с ними делать. Адрес Кинкеля: Д-ру фил. (так пишет он на своих визитных карточках) Кинкелю, 1 Henstridge, Villas St. John's Wood. Я тебе как-нибудь, шутки ради, пришлю такую визитную карточку, которая по содержанию и форме совершенно напоминает лондонскую рекламу об излечении мозолей and so forth.⁸

Чтобы не забыть о великом событии. В номере от 13 августа несчастный Гейнцен объявляет, что Отто взял обратно свои капиталы и он остался один со своим духовным капиталом, с помощью которого в промышленной Америке газета не может издаваться. Он поэтому пишет элегию о преждевременной гибели Гектора. И в том же номере Гофф и Капп призывают записываться на акции новой газеты, которая должна появиться вместо «Schnellpost». И в это самое время — о, превратности судьбы! — «Staatszeitung» начинает против благородного Гейнца процесс о клевете — разоблачая, мимоходом, ряд его денежных пакостей, — который, как он предвидит, приведет его в «исправительный дом». Le pauvre⁹ Гейнцен! Этот великий человек теперь полон морального негодования против Америки, «убогих чувствами» янки и «германо-американцев», которые им подражают, вместо того, чтобы работать над «гуманизацией общества» и вдохновляться великими социально-политическими открытиями Арнольда Руге.

Так, например, в упомянутом номере сказано: «Тот свободный немецкий дух, который должен наполнить мир... тот живительный ключ, который уже почти две тысячи лет орошает землю, становясь все обильнее».

«Для чего же существуют немцы на земле? Для чего немецкие сердца, для чего немецкий язык? Для чего, например, это средство образовывать и просвещать дух, изобретенное немцем Гутенбергом? Все это существует, существует даже почва, на которой это происходит или должно было бы происходить, — эта Америка, открытая немцем.

«Свободные общины, здоровая немецкая философия, блестящая немецкая литература, перенесенная сюда, в духовном взаимодействии со всем тем, что страна и ее жители дали дельного и выдающегося, — все это должно создать *американизм всемирно-исторического значения*, всесильную духовную и моральную величину, сердце которой составляет беспрерывно притекающее тевтонство,

голову — облагороженный американизм, руки же постоянно приводятся в движение соединенными усилиями обоих».

«В самом деле, я утверждаю, что немецкий народ более созрел для демократической республики, чем американский... В самом деле, если бы Германия освободилась от своих кровопийц и своих оков, то она была бы более благородным материалом для установления чистой демократической республики и могла бы осуществить ее с большим успехом, чем янки, ибо даже политически образованная часть американцев еще так проникнута предрассудками, еще так несвободна в умственном отношении и настолько еще далека от всякого гуманитарного образования, что там не может осуществиться конечная цель демократии, истинная гуманность, гармоническое образование человечества в политическом, социальном, моральном или духовном отношении».

Это пишет тевтонский болван, или позволяет себе писать, в такое время, когда американцы благополучно перебрались через перешеек. Этот хам в том же номере позволяет себе писать:

«Вы так замечательно бичуете американское положение, в особенности немецких американцев, что всякий беспристрастный человек, обладающий критическим умом, должен с вами согласиться. Было бы действительно похвальным делом, если бы вы, при посредстве вашей газеты, могли бы содействовать облагорожению и просвещению немцев в Америке; и если бы даже ваш голос не нашел отклика в грубой массе, все же вы сделаете достаточно, если освободите отдельных немцев от обезьяньего и гибельного стремления подражать американцам». А вслед за этим этот болван выкрикивает жалобным голосом свои иеремиады по поводу отсутствия денег.

Ты уже, наверно, давно заметил по газетам, что Жиранден объединился с Ледрю-Роллэном. Последний мнил уже себя будущим французским Великим Моголом. Но вот образовался конкурирующий комитет Ламенэ-Мишель (из Буржуа)-Шельхер, который хочет создать «Соединенные штаты Европы» при помощи *романских народов* — французов, испанцев, итальянцев, — к которым тогда уже присоединятся немцы и т. д. Таким образом, испанцы (!) должны нас цивилизовать! Чорт возьми, это превосходит даже Карла Гейнцена, который хочет поселить Фейербахов и Арнольдов Руге среди янки для того, чтобы «гуманизировать» последних. «Proscrit»¹⁰ Ледрю-Роллэна резко нападает на конкурирующий комитет. Те отвечают ему той же монетой. Но вот что еще горше для Великого Могола *in partibus*:¹¹ В Париже состоялся конклав всей прессы. «Proscrit» также был представлен одним депутатом. Цель: соглашение

относительно общего президента. «Proscrit» провалился со всеми своими предложениями, и им было ясно сказано, что лондонские господа могут себе болтать, сколько их душе угодно; то, что для Франции нужно, должно прийти из самой Франции; Ледрю-Роллэн весьма ошибается, считая себя «той важной персоной», за которую его выдает Мадзини.

Впрочем, конклав разошелся со скандалом и безрезультатно. Жаждающая объединения демократия во всех странах похожа одна на другую, как две капли воды.

До свидания!

Твой *К. М.*

¹ актеры. ² Во-первых. ³ государственных мужей. ⁴ государственные мужи. ⁵ Вот все, что я могу сообщить в данный момент. ⁶ Теперь. ⁷ под секретом. ⁸ и так далее. ⁹ Бедный. ¹⁰ «Изгнанник». ¹¹ в изгнании.

116.

Понедельник 1 сентября 1851 г.

Дорогой Маркс!

Ты должен меня опять извинить.

Во-первых, я все еще не мог приступить к продолжению Прудона, так как меня четыре дня подряд мучила ужаснейшая зубная боль, которая совершенно лишила меня всякой работоспособности. К тому же еще сегодня вечером приезжает из Лондона мой брат (которого ты знаешь) и будет, не знаю как долго, мешать мне работать. *Que le diable emporte l'exposition!*¹

Во-вторых, обещанные на сегодня 5 фунтов я смогу выслать лишь завтра, так как в кассе конторы сейчас нет абсолютно никаких денег, и я смогу их получить лишь завтра.

Торжествующая статья «Литографированной корреспонденции» о достигнутом, наконец, единении благородной эмиграции опровергается уже новыми жалобами и выпадами «пруссаков» против «южно-германцев» и «померанца» Руге в той же «Литографированной корреспонденции». *Sic transit gloria*² — радость недолго длилась. Хорошо, что в каждом из двух новых союзов у нас столько друзей, что ни один из этих союзов не будет нам надоедать.

Читал ли ты в сегодняшней «Daily News» поучительную статью о фактической проститутке и мнимой баронессе Бек, которая умерла на руках английской полиции в Бирмингеме посреди своего вранья на допросе? Это — замечательная история, и она еще тем замечательнее, что она указывает на назойливого нищего — «д-ра»

Гейнемана, как на определенного шпиона, состоящего на жаловании «недавно организованного иностранного отдела английской полиции». Ты помнишь, как подозрителен был нам этот низкий субъект с давних пор. Передача документов о «существующей в Лондоне немецкой коммунистической ассоциации» объясняет полицейские придирки прошедшего лета, и я хотел бы знать, сколько получает господин Христиан-Иосиф Эссер за свое участие в этой истории. Знаешь ли ты «барона Содена», который разоблачил эту историю и предлагает привести доказательства? Было бы очень хорошо, если бы можно было незаметно выведать кое-что у этого человека. Предлог для этого можно было бы легко найти, а при этом можно было бы получить материал о негодях в эмиграции, что впоследствии может быть полезно. Я добуду себе этот номер «Daily News» и сохранию его; в случае надобности можно воспользоваться этим документом.

Банкротства в Ливерпуле и Лондоне уже начались, и «Экономист», несмотря на свои старания доказать, что промышленность страны чрезвычайно здорова, т. е. что большая часть избыточного капитала помещена в солидные предприятия, все же должен признать, что Ост-Индия опять перегружена и в ост-индской торговле с неизменной регулярностью стали вновь повторяться старые истории с отправлением товаров на комиссию и с ссудами. На будущей неделе он собирается нам показать, как можно вести комиссионное дело на солидных основаниях — я жду этого с любопытством. Пока что прядильщики и ткачи зарабатывают здесь массу денег — большая часть приглашены до Нового года, и в деревне повсюду работают, по крайней мере, до 8 часов вечера, т. е. по 12 — 12½ часов, и даже дольше. Из хлопка по 3¾ — 4½ пенса за фунт они прядут пряжу по 7 — 8 пенсов за фунт; издержки по работе при грубых сортах составляют едва 1½ — 2 пенса на фунт; таким образом, при еженедельной производительности в 12 миллионов фунтов (при ввозе в 600 000 000 фунтов сырого хлопка) вся масса прядильщиков зарабатывает в Англии, если принять грубые сорта за норму, еженедельно 75 000 фунтов стерлингов, ежегодно чистых 3¾ миллиона фунтов. То же остается верным, если вместо №№ 6 — 12 взять средние номера пряжи, 18 — 24, а некоторые, могущие благодаря хорошим машинам употреблять худший хлопок, зарабатывают на фунте пряжи не 1½, а 2½ пенса. Все это началось с апреля и мая, со времени падения цен на хлопок, и относительно больше всего бумазеи покупают немцы. Когда начнется всеобщая пляска, — а это положение продлится, наверное, не дольше, чем до марта, — и если в то же время начнется подобная же чепуха и во Франции, то немцам придется

туго, когда у них останется на шее вся эта, не находящая сбыта, пряжа, и страна окажется здорово обработанной.

Посвятим тихую слезу памяти Брюггемана. Более незаслуженное несчастье никогда еще не постигало честного обывателя — *sit illi terra levis.*³

Твой Ф. Э.

¹ Чтобы чорт побрал выставку! ² Так проходит слава. ³ да будет ему земля пухом.

117.

Понедельник 8 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Завтра уезжает мой брат, и я опять, наконец, приобрету покой. Все это время у меня не было ни одной свободной минуты, и мне совершенно невозможно было выслать тебе банковский билет раньше, чем в субботу, и притом еще обе половинки с одной и той же почтой, так как в воскресенье только *delivery*.¹ Так как при таком способе имеется опасность, что билет стащат, сообщаю тебе «*particulars*»² билета; его номер *E/X* 01780, помечен — Лидс, 15 июля 1850 г. Таким образом, если бы ты его не получил, походи сейчас же в банк и *stop payment*,³ что еще будет вполне своевременно. Это была пятифунтовая ассигнация.

В пятницу вечером я получил неожиданное письмо от моего старика; он пишет, что я расходую слишком много денег и что я должен довольствоваться 150 фунтами. Я, конечно, не подчинюсь этому смешному требованию, тем более, что оно сопровождается угрозой, в случае надобности, указать Эрменам, чтобы они не выдавали мне больше этой суммы.

Я, конечно, тотчас же напишу ему, что моей ноги больше не будет в конторе, и сейчас же уеду в Лондон, если он попытается сделать эту подлость. Он, в самом деле, сошел с ума. Все это дело тем смешнее и пошлее, что мы давно здесь устно столковались по этому пункту, и я не дал ему абсолютно никакого повода для этого.

Я надеюсь, с помощью моего брата и моей старухи, уладить это дело, но все же на ближайшее время я должен буду себя немного ограничить, так как, в общей сложности, я уже здесь израсходовал 230 фунтов, и до ноября, когда истекает год моему пребыванию здесь, эта сумма не должна чересчур повыситься. Во всяком случае, этот новый ход очень неприятен и сильно злит меня, особенно благодаря

тому низкому способу, который мой старик при этом применил. Правда, он в этом году заработал далеко не так много, как в прошлом, но это зависит исключительно от скверного хозяйничания его компаньонов, над которыми я не имею никакого контроля.

Что это за новая история в Париже? На этот раз клика «Гиппопотама», кажется, попала в беду; те имена арестованных немцев, которые мне известны, это все старые вейтлингианцы эпохи 1847 г. и раньше. Кажется, что тут перекрещивается несколько интриг. Швабский спаситель, кажется, тоже находится среди счастливых. *Tant mieux pour lui.*⁴ Если узнаешь что-нибудь, напиши.

Как сообщают немецкие газеты, кельнцы *не* предстанут пред ближайшей сессией — октябрьской.

Завтра или послезавтра напишу больше.

Твой Ф. Э.

¹ выдача. ² приметы. ³ задержи выплату. ⁴ Тем лучше для него.

118.

Четверг 11 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Я надеялся приготовить для тебя сегодня статью для Америки. Но у меня нехватает еще около 3-4 страниц. Я поэтому должен отказать от завтрашней почты, но, если я не ошибаюсь, в среду отправляется пароход Коллинса, и с ним может пойти эта статья, а в пятницу за ней последует третья. Я справлюсь об этом. Я считаю *in the present moment*¹ американское дело, приносящее подлинные деньги, более *спешным*, чем Прудона, о котором я не знаю, принесет ли он их нам столь же верно и быстро, и поэтому я прежде всего за это дело и взялся. Если ты на этот счет другого мнения, напиши.

Мое письмо от понедельника ты, наверное, получил.

*En attendant tes nouvelles*²

Твой Ф. Э.

¹ в настоящий момент. ² В ожидании известий от тебя.

119.

28, Deanstreet, Soho, суббота 13 сентября 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Ты, наверное, получил мое письмо во время пребывания твоего брата? Я спрашиваю потому, что ты не упоминаешь ни о нем, ни о его содержании. В нем имеются только сплетни, хотя и его сле-

дует сохранить для архива. Но я не хотел бы, чтоб оно попало в чужие руки.

Различные твои письма, включая и пятифунтовое, получил.

Кинкель совершает теперь свое турнэ по северной Англии. Разве он еще не был в Манчестере?

После того, что я рассказал тебе в своем последнем письме, здесь мало что произошло. Неделю тому назад (в пятницу) граф Рейхенбах заявил о своем выходе из общего союза эмигрантов. И ты, Брут? Зигель и т. д., которые до этого еще окончательно не уходили, теперь также ушли. А Виллих устраивает поход против «люмпен-пролетариата» среди эмигрантов. О заседании, состоявшемся вчера вечером, я еще не получил никакого отчета.

Итальянский комитет также раскололся. Ушло значительное меньшинство. Мадзини со скорбью рассказывает об этом событии в «Voix du Peuple». Главными поводами будто бы были: D'abord Dio. Ils ne veulent pas de dieu. Ensuite, et c'est plus grave, ils reprochent à Maître Mazzini de travailler dans l'intérêt autrichien en prêchant l'insurrection, т. е. en la précipitant. Enfin: Ils insistent sur un appel direct aux intérêts matériels des paysans italiens, ce qui ne peut se faire sans attaquer de l'autre côté les intérêts matériels des bourgeois et de la noblesse libérale, qui forme la grande phalange mazzinienne.¹ Последнее обстоятельство чрезвычайно важно. Если Мадзини или кто-либо иной, кто станет во главе итальянского движения, не превратит крестьян на сей раз franchement и immédiatement из métaires² в свободных земельных собственников, — положение итальянских крестьян ужасно, я теперь основательно изучил эту дрянь, — то в случае революции австрийское правительство ухватится для своего спасения за галицийские средства. Оно уже грозило в «Ллойде» «полным изменением форм владения» и «уничтожением беспокойного дворянства». Если у Мадзини и теперь не раскроются глаза, тогда он болван. Во всяком случае здесь играют не малую роль интересы агитации. Где он возьмет 10 миллионов франков, когда ударит буржуазию обухом по голове? Как удержать у себя дворянство, если объявить ему, что дело идет прежде всего о его экспроприации? Это все трудности для таких демагогов старой школы.

Среди арестованных в Париже, к сожалению, находится и ничемный Шрамм. Третьего дня от этого плута получилось письмо на имя Либкнехта, и мы имеем приятную перспективу снова увидеть в своей среде этого разложившегося субъекта. Но ему достанется, этому господину. Ты очень обяжешь меня, если пришьешь мне до

вторника утром статью для Дана. При сем письмо от Дронке. Кстати, писать ему нужно по его собственному адресу. Адрес Шустера совершенно ненадежен. Через несколько дней я pošлю тебе для него письмецо, ты припишешь, со своей стороны, и отправишь его этому карлику.

[К. М.]

¹ Во-первых — бог. Они не желают бога. Затем, и это более важно. они упрекают маэстро Мадзини в том, что он работает в интересах Австрии, проповедуя восстание, т. е. тем, что он его слишком форсирует. Наконец; они настаивают на прямом обращении к материальным интересам итальянских крестьян, что невозможно без того, чтобы, с другой стороны, не задеть материальных интересов буржуазии и либерального дворянства, составляющих большую мадзиневскую фалангу. ² прямо и немедленно из полуарендаторов.

120.

Пятница 19 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Я вчера еще с величайшей поспешностью закончил американскую статью *tel[le] quel[le]*,¹ часто прерывал ее в течение трех недель, и в последний момент второпях нацарапал конец. *Tu en feras ce que tu pourras.*² Во всяком случае ты получишь ее сегодня с первой почтой.

Единственное письмо, которое получилось за все время пребывания здесь моего брата, было твое письмо от 31 августа, которое я получил 2 сентября и в котором ты приводишь выдержки из Гейнца (из «Schnellpost» об «облагорожении янки»).

Моя лень объясняется:

- 1) деловой поездкой в Брэдфорд;
- 2) отъездом нашего конторщика в Лондон, откуда он вернется лишь в понедельник;
- 3) внезапным увольнением нашего *warehouseman*³ и его помощника, в результате чего я теперь перегружен работой.

Завтра или в понедельник я возьмусь за третью американскую статью, которая, безусловно, будет в твоих руках во вторник, если ближайший пароход пойдет в среду, в противном случае в пятницу. Завтра напишу больше — контору закрывают, а газа у нас нет, так что я пишу это почти впотьмах.

Твой Ф. Э.

Документ Виллиха в «Débats» бесподобен!

¹ так, как она вышла. ² Ты сделаешь из нее все, что сможешь. ³ заведующего складом.

121.

Манчестер, 23 сентября [1851 г.]

Дорогой Маркс!

Наконец, я опять рассчитываю так устроиться, чтобы после всех этих несчастных препятствий снова регулярно заниматься. Статья № 3 для Америки будет сегодня вечером готова и немедленно тебе отослана, и тогда я возьмусь тотчас же за Прудона.

О турнэ Кинкеля я еще ничего не узнал. Раскол среди итальянцев великолепен. Замечательно, что наконец-то этот отчаянный фантазер Мадзини наткнулся на своем пути на преграду материальных интересов и притом в своей собственной стране. Итальянской революции хватило на то, чтобы втянуть в движение наиболее отстающие классы, а теперь в противовес старо-мадзиниевской эмиграции образуется новая, более радикальная партия, которая постепенно вытесняет господина Мадзини. И даже по газетным отчетам создается впечатление, что «il Mazzinismo»¹ начинает пользоваться дурной славой даже среди людей, не являющихся ни конституционалистами, ни реакционерами, и остатки свободы печати в Пьемонте используются ими для нападок против Мадзини, все portée² которых правительство не понимает. В остальном итальянская революция сильно перешеголяла немецкую бедностью своих идей и богатством своих фраз. Счастье, что эта страна, в которой вместо пролетариата имеются почти только лаццарони, имеет, по крайней мере, хоть mé-tauegs.³ Другие мотивы итальянских раскольников тоже очень хороши, и, в конце концов, это прекрасно, что единственная эмиграция, которая до сих пор оставалась официально нерасколотой, наконец, тоже раскололась.

Отчет малыша [Дронке] сильно меня позабавил. Важничаящая болтовня, дуэль, большая сумма денег, которую он должен был получить в Гамбурге, пьемонтские планы — dodge, dodge и еще раз dodge!⁴ У этого человечка никогда не поймешь двух вещей: во-первых, чем он занимается, и, во-вторых, на какие средства он живет. При сем возвращаю это письмо, пришли мне ответ, и я отправлю его бесплатно. Его адрес я себе записал — больше бы подошел адрес Шустера, после того как у него был произведен обыск!

Что благородный Шрамм первый попадет в когти парижской полиции, можно было ожидать. Он, верно, много шумел в разных кафэ и поэтому был схвачен; но так как он совершенно не связан с разговором Виллих-Шаппера, то вы скоро опять будете иметь его в Лондоне. Выдержки из документа Виллиха в «Кёльнской газете» гораздо

лучше, чем во французских газетах, так как там списан немецкий оригинальный текст, и сильные выражения великого универсального человека выступают здесь во всей своей чистоте. Например, там, где говорится, что «Союз» и «4-ое сословие» (не следует смешивать с подложной статьей, которую под этикеткой «пролетариат» выбросила на рынок фабрика Маркса и Энгельса) в следующей революции «должны привести историческое развитие экономического вопроса к окончательному решению»!! Плохой французский полицейский перевод испортил все в этом бесценном документе. Старые навязчивые идеи сумасшедшего невежды, старая пошлость о социальной революции в общине, хитро рассчитанные планы, которые уже в прошлом ноябре должны были перевернуть мир посредством рейнского ландвера, все это [через полицейский перевод] только слегка просвечивает. Но досаднее всего то, что этот плохой перевод почти совершенно лишает вас удовольствия видеть, как в этой путаной голове вдолбленные нами идеи после 12-месячной самостоятельной проработки в конечном счете превратились в высокопарную чепуху. Сквозь перевод во всем видна несамостоятельность мысли, но оригинально-бессмысленное и искаженное выступает неясно. И разве это не лишает нас удовольствия прочитать настоящий виллиховский документ на том языке, на котором он первоначально был написан, документ, над которым благородный человек, наверное, долго корпел? Здесь видна только ужасающая бедность мысли и попытка скрыть ее за массой добрых революционных советов, высуженных господином Виллихом и господином Бартелеми у камина в мрачные вечера. Бесподобны также финансовые меры: во-первых, выпускают *n'importe combien*⁵ бумажных денег и, во-вторых, конфискуют. В-третьих, реквизируют. А затем социальные мероприятия, которые так же просты: во-первых, организуют *tellement quellement*,⁶ во-вторых, жрут очень много, пока в-третьих, доходят до того, что больше уже нечего жрать, и это — счастье, ибо тогда мы приходим к такому пункту, когда мы, в-четвертых, опять должны начинать сначала, так как самая радикальная *tabula rasa*, во всяком случае, состоит в том, что все столы пусты, и тогда наступает время, когда должны исполниться слова пророка Виллиха: «мы должны войти в Германию, как в пустыню, которую мы должны колонизировать и обработать». У этого типа никогда не было другой идеи, как с «5 000» избранных людей из «избранного народа божия» завоевать коммунистический Ханаан, истребив там первоначальных жителей. Моисей и Иисус Навин в одном лице. К сожалению, сыны Израиля разбежались уже во время египетского пленения.

Пакость с австралийским золотом, нужно полагать, не остановит торгового кризиса. Во всяком случае, в данный момент он создает новый, большей частью фиктивный, рынок и подымает цены на шерсть, так как стада овец остались без призора. И без того эта история замечательна. Кругосветное пароходство будет через шесть месяцев в полном ходу, и наши пророчества о первенстве Тихого океана осуществляются еще быстрее, чем мы могли этого ожидать. При этой okazji англичане вылетят в трубу, а Соединенные штаты сосланных убийц, вломщиков, насильников и карманных воришек представят всему свету поразительный пример того, какие чудеса может натворить государство явных негодяев. *They will beat California hollow.*⁷ В то время как в Калифорнии все же еще линчуют негодяев, в Австралии будут линчевать *honnêtes gens*,⁸ и Карлейль увидит в полном блеске свою «*aristocracy of rogues*».⁹

Многочисленные торжественные заверения газет, что, несмотря на последние банкротства и, между прочим, на господствующую в Ливерпуле депрессию, никогда еще промышленность страны не находилась в более здоровом состоянии, очень подозрительны. Положительно установлено, что Ост-Индия *overstocked*¹⁰ и что уже несколько месяцев там продают в убыток. Куда идет та масса продуктов, которая производится теперь в Манчестере и окрестностях, мне не ясно; здесь, вероятно, ведется большая, очень большая спекуляция, ибо лишь только хлопок достиг в июле самого низшего пункта и прядильщики начали запасаться сырьем, местные комисионные фирмы тотчас стали заключать с прядильщиками и ткачами долгосрочные контракты, отнюдь не имея заказов на все то количество товаров, которые они заказывали у фабрикантов. У остиндских фирм, очевидно, опять в полном ходу старая система задатков; у нескольких это уже обнаружено, у других это раньше или позже приведет к основательному краху. Так как фабриканты работают здесь на всех парах, и с 1847 г. здешние производительные силы, особенно в 5—20 милях вокруг Манчестера, возросли, по меньшей мере, на 30 процентов (в 1842 г. в Ланкашире было 30 000 лошадиных сил, в 1845 г. — 40 000, а теперь, наверное, 55 000—60 000), то достаточно, чтобы такого рода бойкая работа продлилась еще только до марта или апреля, и у нас произойдет такое перепроизводство, которое доставит тебе огромную радость.

Выпущены следующие данные ливерпульским *Cottonmakler Corporation*;¹¹ такие точные данные тебе, вероятно, еще не попадались. Сбор хлопка каждого года, замечу сначала, до 1 сентября следующего года доставляется сполна в гавани, так что хлопчатобумажный

год считается с 1 сентября по 1 сентября. Поэтому понятно, что то, что здесь фигурирует, например, в виде урожая 1851 г., составляет хлопок, выросший и собранный летом и осенью 1850 г. и свезенный в гавани между сентябрем 1850 и 1851 гг. Созревающий теперь урожай, который, впрочем, будет хуже вследствие засухи и проливных дождей и достигнет приблизительно $2\frac{1}{2}$ миллионов, будет фигурировать как урожай 1852 г.

Урожай хлопка.		Употреблено в самой Америке.
1846	2 110 537 кип	<i>не указано</i>
1847	1 778 651 »	427 967 кип
1848	2 347 634 »	531 772 »
1849	2 728 596 »	518 039 »
1850	2 096 706 »	487 769 »
1851	2 355 257 »	404 108 »

Американцы, таким образом, сами потребили приблизительно около $\frac{1}{8}$ или $\frac{1}{4}$ всего своего урожая. Относительно экспорта и импорта других сортов хлопка, не из Соединенных штатов, у меня нет данных. Экспорт Соединенных штатов в Англию составлял приблизительно от 55 до 60 процентов урожая, во Францию — $\frac{1}{8}$. Но обе страны опять-таки вывозят довольно много: Англия во Францию, Германию и Россию, Франция — в Швейцарию.

Русские теперь уже не получают из Англии ни одного аршина бумагеи, очень мало готовых хлопчатобумажных изделий, очень много сырого хлопка: 2 000 — 3 000 кип в неделю, и несмотря на то, что пошлина на пряжу понижена с 7 до 5 пенсов за фунт, ежедневно все еще возникают новые прядильни. Николай, очевидно, начинает бояться этой индустрии и хочет еще больше понизить пошлину. Но так как в этом деле заинтересованы все его богатое дворянство и вся буржуазия, то, если он на этом будет настаивать, дело может принять серьезный оборот.

Твой Ф. Э.

¹ мадагаскарцы. ² значение. ³ полуарендаторов. ⁴ ерунда, ерунда [и еще раз] ерунда. ⁵ сколько угодно. ⁶ как-нибудь. ⁷ Они основательно лоббят Калифорнию. ⁸ порядочных людей. ⁹ «аристократию мошенников». ¹⁰ перегружена. ¹¹ союзом хлопковых маклеров.

Дорогой Энгельс!

С парижским документом вышло очень глупо. «Немецкая», «Кельнская» и «Аугсбургская» газеты, как и следовало ожидать от

этих лишенных всякого критического чутья собак, подсовывают его нам. С другой стороны, жалкий Виллих и К^о распускают слух, будто бы мы через посредство наших знакомых в Париже распространили эту дрянь. — Qu'en dis-tu? ¹

К. Шрамм тоже арестован. Habeat sibi. ² Следующий раз — по получении еще некоторых известий — я напишу тебе опять о здешней дряни. Сегодня я угощу тебя следующим резюме пространного манифеста гражданина Техова в Нью-йоркской «Staatszeitung», озаглавленного: «*Очерки грядущей войны. Лондон, 3 августа*». (Плохо, доктринерски написаны, всевозможные старые мотивы из нашего «Обозрения»; по форме как будто бы разумно, но плоско по содержанию; никакой живости мысли, ничего меткого.) Считаю лишним излагать соображения Техова о революции 1849 г. Он делает из этого прежде всего следующие практические выводы:

1. Против насилия нет способа сопротивления, кроме насилия же.
2. Революция может победить лишь тогда, когда она становится всеобщей, т. е. когда она разгорается в больших центрах движения (баварский Пфальц, Баден), и когда, далее, она не является выражением *одной какой-нибудь оппозиционной фракции*. (Пример: июньское восстание 1848 г.)

3. Национальная борьба не может иметь решающего значения, так как она раздробляет движение на отдельные части.

4. Баррикадная борьба не имеет никакого иного значения, кроме того, что она сигнализирует сопротивление населения и подвергает испытанию силы правительств, т.-е. настроение войск по отношению к этому сопротивлению. Каковы бы ни были результаты этого испытания, первой и важнейшей мерой революции остается всегда организация для войны, создание дисциплинированных войск, ибо только при их помощи возможно наступление, и только наступление дает победу.

5. Областные учредительные собрания не в состоянии организовать дело войны. *Они теряют все свое время на вопросы внутренней политики, для разрешения которых время наступит лишь после победы.*

6. Для того, чтобы организовать войну, революция должна выиграть пространство и время. Она должна поэтому политически нападать, т. е. втягивать в сферу своего влияния возможно большие пространства земли, так как в военном отношении она вначале всегда ограничена обороной.

7. Военная организация как в республиканском, так и в роялистском лагере может основываться лишь на принуждении. С поли-

тическим воодушевлением и фантастически разукрашенными партизанскими отрядами еще никто никогда не выиграл ни одной полевой битвы в борьбе против дисциплинированных и правильно руководимых солдат. Военное воодушевление появляется лишь после ряда успехов. — Для этих успехов нет в начале лучшей основы, чем железная строгость дисциплины. Еще в меньшей степени, чем во внутренней организации страны, демократические принципы могут быть применены в армиях до победы революции.

8. Грядущая война — это по природе своей война на уничтожение: народов или государей. Отсюда вытекает признание политической и военной солидарности всех народов, т. е. интервенции.

9. Территория грядущей революции совпадает пространственно с границами побежденной революции (Франция, Германия, Италия, Венгрия, Польша).

Из всего этого вытекает следующее: Вопрос о будущей революции равнозначен с вопросом о грядущей европейской войне. Основной мотив войны: быть ли Европе казацкой или республиканской? Арена войны — старая: Верхняя Италия и Германия. Затем господин Техов подсчитывает: 1) боевые силы контр-революции; 2) боевые силы революции.

1. Боевые силы контр-революции.

1. *Россия.* Допустим, что она могла бы довести свои военные силы до 300 000, это было бы очень много. Через сколько времени и с какими силами она сможет тогда появиться на Рейне и в Италии? В лучшем случае через два месяца. Не меньше трети она потеряет большими и при занятии этапных путей. Останутся 200 000 человек, которые смогут появиться в решающих пунктах театра войны через два месяца после начала движения.

2. *Австрия.* Состав ее армии исчисляется в 600 000 человек. В 1848 и 49 гг. ей понадобились в Италии 150 000 человек. Такого количества Радецкий требует сейчас и для мирного времени. В Венгрии она теперь в мирное время нуждается в 90 000 человек. В последней войне 200 000 человек было недостаточно. Треть этой армии состоит из венгров и итальянцев, которые отпадут. В лучшем случае, если восстание в Венгрии и в Италии вспыхнет не одновременно, Австрия сможет — задерживаемая различными баррикадными боями — появиться на Рейне через 6 недель с 50 000 человек.

3. *Пруссия.* Насчитывает 500 000 человек, включая резервные батальоны и ландвер первого разряда, не идущие на фронт. Для боевых операций — 300 000 человек: половина линейных, половина

ландвера. Продолжительность мобилизации: от двух до трех недель. Офицерский корпус в прусской армии аристократичен, унтер-офицеры бюрократичны, масса «насквозь демократична». Дальнейшие шансы революция приобретает с мобилизацией ландвера. Дезорганизация прусской армии благодаря революции, которую король сможет подавить лишь при помощи русской армии для того, чтобы вместе с русскими повести остатки своей армии против повстанцев. Рейнская провинция, Вестфалия, Саксония потеряны для него, т. е. важнейшие линии крепостей и, по меньшей мере, треть его армии; треть понадобится ему против восстаний в Берлине, Бреславле, Познанской провинции и Западной Пруссии. Остается, самое большее, 100 000, которые смогут появиться на поле битвы не раньше самих русских.

4. *Германская союзная армия.* Баденцы, шлезвиг-голштинцы, кургессенцы и пфальцские полки принадлежат революции. Лишь обломки союзной германской армии смогут, следуя мольбам своих государей, усилить собой войска реакции. Не имеет военного значения.

5. *Италия.* Единственная военная сила Италии, сардинское войско, принадлежит революции.

Итак, общий итог:

Германский театр войны	}	150 000 русских	
		100 000 пруссаков	
		50 000 австрийцев:	300 000 чел.
Итальянский театр войны	}	150 000 австрийцев	
		50 000 русских:	200 000 чел.
			Всего 500 000 чел.

II. Боевые силы революции.

1. *Франция.* В распоряжении революции 500 000 человек уже в первый момент. Из них 200 000 на Рейне, 100 000 в Италии (Верхней) обеспечивают итальянской и германской революциям территорию и время для их организации.

2. *Пруссия.* 50 000 } а именно организованная половина
3. *Австрия.* 100 000 } отпавшей армии.

4. Небольшие немецкие армии: 100 000.

Затем он делает следующий подсчет:

Активная французская армия	300 000 человек
Немецкая революционная армия	150 000 »
Италия и Венгрия	200 000 »

650 000 человек.

Таким образом: революция ведет 650 000 человек против 500 000 человек абсолютизма.

Кончает он следующим образом.

«Какие бы национальные, какие бы принципиальные различия ни раскалывали большую партию революции — все мы поняли, что для борьбы всех этих различных взглядов между собой время наступит лишь после победы» и т. д.

Что ты думаешь об этом подсчете?

Техов исходит из предположения, что дезорганизация будет в рядах регулярной армии, а организованность в рядах революционных военных сил. Это составляет основу его подсчета. Но ты лучше сможешь судить об этой статистике, чем я. Но собственно политическая тенденция этой статьи, которая еще яснее видна в оригинале, сводится к следующему. Вообще не будет никакого революционного взрыва, т. е. никакой партийной борьбы, никакой гражданской войны, никаких классовых раздоров до *окончания войны* и поражения России. Но чтоб организовать эту армию для войны, нужна *сила*. А откуда эта *сила возьмется*? От генерала Кавеньяка или подобного военного диктатора во Франции, который имеет своих генералов в Германии и в Верхней Италии. *Voilà la solution*,³ которое недалеко уходит от идей Виллиха. Мировая война означает, согласно теории революционного прусского лейтенанта, господство, хотя бы временное, военщины над штатскими. Но каким образом генерал *quelconque*,⁴ — даже если бы восстал из гроба сам старый Наполеон, — сможет получить не только эти средства, но и это влияние без предшествующей и вместе с тем *внутренней* борьбы, без проклятой «внутренней политики», — об этом оракул молчит. По крайней мере, здесь ясно высказано благочестивое пожелание будущего мирового вояки, который находит свое соответствующее политическое выражение как раз во внеклассовых политиках и демократах как таковых.

Будь здоров!

Твой К. М.

Только что получил твое письмо, что сим и подтверждаю.

NB. Ты ведь знаешь, что Штехан, или Штекган, был арестован в Ганновере и что, прежде чем он вступил в сношение с нами, он был в переписке с комитетом Шаппера и т. д. И вот оказывается, что два письма, написанные им секретарю этого комитета Дитцу и полученные этим сопляком, находятся теперь в бюро полицейского инспектора в Ганновере. Ульмер был нами уполномочен запросить по этому поводу господина Дитца и К³ в ближайшую пятницу на

публичном заседании эмигрантского общества. Но мы затем отменили наше распоряжение. Штехан бежал. Значит, он, вероятно, уже на пути в Лондон или уже здесь. А кто нам поручится за то, что Штехан не отправится к нашим врагам, вместо того, чтобы явиться к нам?

Эти филистеры *carables de tout*.⁵ Новое доказательство: Господин Пауль Штумпф за свое короткое пребывание в Лондоне не взглянул ни ко мне, ни к Лупусу, а имел дело исключительно с негодяями.

Твои сообщения о торговле меня чрезвычайно заинтересовали.

Что касается К. Шрамма, то у него было от меня небольшое письменное удостоверение, занесенное в записную книжку. Эти строчки могли оказаться для него предательскими. Они были даны ему тогда для того, чтобы создать у него впечатление, что мы ему доверяем, так как этот человек мог нам сильно повредить. В то же самое время Рейнгардту написали, чтобы он был осторожен — если он к нему явится — с письмами общего содержания. Самое фатальное в этом деле, что там подписана моя фамилия. Шрамм из-за этого может получить шесть месяцев.

Addio!

¹ Что ты на это скажешь? ² На здоровье. ³ Вот разрешение. ⁴ какой-нибудь. ⁵ способны на все.

123.

25 сентября 1851 г.

Дорогой Маркс!

Твое письмо получил. Об учености Техова завтра. Кинкелевское попрошайническое письмо в Новый Орлеан очень мило; к сожалению, я лицезрел его только на французском языке. Господин Штехан, должно быть, уже в Лондоне; тебе следует оставить этого молодца в покое, если он сам не явится, и выжидать событий, прежде чем позволить кому-нибудь взять его сторону. Среди освобожденных в Париже, о которых сообщили сегодняшние газеты, наверное, имеется и господин Конрад [Шрамм]. Глупость немецких газет, приписавших нам этот вздорный [виллих]овский документ, меня тоже очень разозлила. Впрочем, очень скоро выяснится, что мы не имеем ничего общего с этой жалкой пачкотней. *Par Dieu, nous en avons assez sur les bras*¹ этих документов, чуждых нам и по стилю, и по содержанию. При сем — статья № 3 для Нью-Йорка, во всяком случае не такая дрянь, как № 2. За № 4 скоро возьмусь.

Ты мог бы мне время от времени присылать *sous bande*² американские газеты. Иногда хочется посмотреть эту пакость в натураль-

ном виде. Специально ad hoc³ я тебе скоро снова вышлю a lot stamps.⁴

Adieu!

Твой Ф. Э.

¹ Клянусь богом, с нас довольно. ² под бандеролью. ³ для этой цели. ⁴ немного марок.

124.

[26 сентября 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Что касается теховской военной истории, то она и с военной точки зрения чрезвычайно плоска и местами прямо не верна. Оставляя в стороне глубокие истины, что против силы действительна только сила, тривиальные открытия, что революция может победить лишь тогда, когда она является всеобщей (т. е., если понимать буквально, — когда она не встречает никакого сопротивления; а по смыслу, — когда она является буржуазной революцией); оставляя в стороне благонамеренный замысел подавить фатальную «внутреннюю политику», т. е. подлинную революцию, при помощи какого-нибудь, до сих пор, несмотря на Кавеньяка и Виллиха, еще не найденного военного диктатора, и оставляя в стороне эту весьма знаменательную политическую формулировку взгляда этих господ на революцию, — с военной точки зрения нужно заметить следующее:

Железная дисциплина, которая одна может обеспечить победу, это — как раз обратная сторона «отсрочки внутренней политики» и военной диктатуры. Откуда эта дисциплина может взяться? Ведь эти господа должны были бы приобрести в Бадене и Пфальце некоторый опыт. Несомненный факт, что дезорганизация армий и полное разрушение дисциплины были как условием, так и результатом всех до сих пор бывших победоносных революций. Франции нужен был период времени с 1789 до 1792 г. для того, чтобы заново организовать только одну армию — Дюмурье — численностью приблизительно в 60 000 — 80 000 человек, и даже эта армия, несмотря на все, распалась, и во Франции не было, так сказать, никакой организованной армии до конца 1793 г. Венгрии нужно было время с марта 1848 г. до середины 1849 г., прежде чем она получила правильно организованную армию. И кто во время первой французской революции внес дисциплину в армию? Не генералы, которые начинают пользоваться влиянием и авторитетом у импровизированных армий лишь после нескольких побед революции, а terreur¹ внутренней политики, гражданской власти.

Военные силы коалиции:

1. Россия. Предположение о 300 000 человек действительных войск, из которых 200 000 под ружьем на театре войны, преувеличено. *Passe encoqe.*² Но через два месяца они не могут быть ни на Рейне (во всяком случае авангард на Нижнем Рейне, у Кёльна), ни в Верхней Италии. Для того, чтобы иметь возможность действовать одновременно, как следует организовать дислокацию с Пруссией, Австрией и т. д., на это уйдут три месяца — русская армия не делает больше 2—2½ немецких миль в день и отдыхает каждый третий [день]. Продолжалось почти два месяца, пока русская армия появилась на театре войны в Венгрии.

2. Пруссия. Мобилизация: по меньшей мере, от четырех до шести недель. Расчеты на переход на другую сторону, на восстания и т. д. очень рискованны. В лучшем случае Пруссия может располагать 150 000 человек, но в худшем не будет даже и 50 000. Рассчитывать на треть и четверть — чистое шарлатанство; все зависит от случайности.

3. Австрия. Столь же *chanceux*,³ еще запутаннее. Здесь совершенно невозможен какой бы то ни был учет вероятностей à la Техов. В лучшем случае Австрия может выставить согласно данным Техова 200 000 человек против Франции, в худшем случае не сможет дать ни одного человека и будет в состоянии противопоставить французам *самое большее* 100 000 у Триеста.

4. Союзная армия — баварская пойдет на две трети, безусловно, против революции, а кое-где и еще кое-кто. В продолжение трех месяцев можно во всяком случае составить корпус в 30 000—50 000 человек, и вначале они будут достаточно хороши против революционных солдат.

5. Дания сможет сразу послать на фронт 40 000—50 000 хороших солдат. Точно так же шведы и норвежцы должны будут, как и в 1813 году, принять участие в великом «Крестовом походе». Техов об этом и не упоминает, равно как и о Бельгии и Голландии.

Военные силы революции.

1. Франция. Имеет под ружьем 430 000. Из них 100 000 в Алжире. 90 000, т. е. четверть остатка, не *présent sous les armes.*⁴ Остаются 240 000, из которых, несмотря на значительно теперь усовершенствованные железные дороги, в течение 4—6 недель смогут появиться не более 100 000 человек на бельгийско-немецкой границе и 80 000 на савойско-пьемонтской. Сардиния на этот раз попытается, как Бельгия в 1848 г., сыграть роль скалы в море; будет ли поэтому пьемонтское войско, и без того переполненное сардинскими

лицемерно-религиозными крестьянскими сыновьями, — по крайней мере, в его теперешнем виде, с аристократическими офицерами, — так верно революции, как это воображает Техов, — это еще большой вопрос. Виктор-Эммануил взял себе за образец Леопольда, *c'est dangereux* ⁵.

2. Пруссия — ?

3. Австрия — ? Это — что касается регулярных, организованных солдат. Что касается партизанских отрядов, то их явится легион, конечно, ни к чему не пригодных. Если в течение первых месяцев удастся составить из перешедших войск 50 000—60 000 пригодных солдат, то это много. А откуда за такое короткое время взять офицеров?

Ввиду всего этого представляется более вероятным, что революция, даже если она разразится в ближайшем году, должна будет, — из-за отсутствия того, что дало Наполеону возможность быстро сформировать исполинскую армию, а именно хороших кадров, по необходимости отсутствующих во всякой революции (даже во Франции), — или временно оставаться в состоянии обороны, или же ограничиться пустыми прокламациями из Парижа и очень недостаточными, скандальными, вредными *risquons-tout* ⁶-экспедициями в более широком масштабе. Разве только рейнские крепости падут после первого штурма, и пьемонтское войско последует призыву гражданина Техова; или дезорганизация прусских и австрийских войск даст возможность немедленно овладеть Берлином и Веной, как центрами, и тем принудить Россию перейти к обороне; или вообще произойдут истории, которых заранее нельзя предвидеть. Спекулировать на это à la Техов и заниматься исчислением вероятностей — дело праздное и произвольное, как я уже в этом давно убедился на своем собственном опыте. Тут можно лишь сказать одно, что чрезвычайно много зависит от Рейнской провинции.

[Ф. Э.]

¹ террор. ² Это все еще можно допустить. ³ проблематично. ⁴ имеется под ружьем. ⁵ это опасно. ⁶ ставим все на карту.

125.

28, Deanstreet, Soho, 13 октября 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Ты, вероятно, видел в «Кёльнской газете», что я написал объяснение по поводу сплетен «Augsburger Allgemeiner Zeitung». Толки прямо стали невыносимы. Цель, которую эти олухи преследовали своими продолжительными атаками во всех немецких газетах, как мне достоверно известно, состояла в том, чтобы поставить меня

перед такой дилеммой. Либо я должен был публично осудить заговор, и, таким образом, и наших партийных друзей, либо публично признать его и, таким образом, совершить «юридическое» предательство. Но эти господа слишком неотесаны, чтобы поймать нас.

Вейдемейер 29 сентября отплыл из Гавра в Нью-Йорк. Он встретил там Рейха, который тоже поехал за океан. Рейх был арестован вместе со Шраммом и сообщает, что полиция нашла у Шрамма копию протокола о его переговорах относительно его дуэли с Виллихом, протокола того самого вечера, когда он оскорбил Виллиха и бежал с заседания. Этот документ написан его рукой, но не подписан. Таким образом, полиция обнаружила, что он — Шрамм, а не «Бамбергер», по паспорту которого он жил в Париже. С другой стороны, этот протокол еще больше запутал господина градоначальника Вейса и компанию тем, что наши имена оказались замешанными в эту историю. Раз уже Шрамм совершил эту глупость, то утешением является хоть то, что он будет наказан как раз за это.

Итак, Кинкель употребил присланные из Америки 160 фунтов стерлингов на то, чтобы самолично отправиться в Америку производить сборы вместе со своим спасителем Шурцом. Удачно ли он выбрал для своего отъезда туда как раз момент *pressure on the american money-market*,¹ — это большой вопрос. Он избрал этот момент для того, чтобы попасть туда *раньше* Кошута, и льстит себя надеждой при какой-нибудь оказии иметь случай торжественно обнять Кошута в этой стране будущего и читать во всех газетах: Кошут и Кинкель. Пользуясь поднятым им шумом об освобождении рабов, господин Гейнцен создал в Нью-Йорке новое акционерное общество и продолжает издание своей газеты под несколько измененным названием.

Штехан — не доверяй ни одному филистеру — уже в продолжение нескольких недель находится здесь в свите Виллиха-Шаппера. Когда обнаружился факт, что написанные им к сопляку Дитцу письма лежат в ганноверской полиции, Штехан написал корреспонденцию в «Norddeutsche Zeitung», в которой он сообщает, будто у Дитца был взломан письменный стол (*quelle bêtise!*)² и похищены письма. Как теперь установлено, предполагаемым шпионом является находящийся давно на службе у полиции Гаупт из Гамбурга. Какое счастье, что я не допустил несколько недель тому назад ни одного публичного выступления в деле Дитца-Штехана. Что касается Гаупта, то я о нем больше ничего не слыхал и напрасно ломаю себе голову над тем, как передать ему письмо, так как он должен объясниться. Через Веерта я уже раз сделал такую попытку, но домашние Гаупта отказались допустить Веерта под предлогом, что того нет дома. Que

penses tu de Haupt? ³ Я убежден, что он не шпион и никогда шпионом не был.

Эдгар Бауэр будто бы тоже здесь. Я еще его не видел. Неделю тому назад сюда приезжал Блинд с супругой (мадам Коген) для посещения выставки; в прошлое воскресенье он снова уехал. С понедельника я его больше не видал, и именно из-за следующего нелепого приключения, которое покажет тебе, до какой степени этот несчастный находится под башмаком. Сегодня я получил городское письмо, в котором он извещает меня о своем отъезде. В прошлый понедельник он был у меня с женой. Кроме них были Фрейлиграт, красный Вольф (который, к слову сказать, без всякого шума опять появился у нас и к тому же недавно женился на англичанке; она — синий чулок), Либкнехт и несчастный Пипер. Жена [Блинда] — живая еврейка, и мы очень весело смеялись и болтали, пока «отец лжи» не навел разговор на вопросы религии. Она хвастала атеизмом, Фейербахом и т. д. И вот я стал нападать на Фейербаха, но, конечно, весьма прилично и дружески. Вначале мне казалось, что еврейке дискуссия доставляет удовольствие, и это, конечно, было единственным основанием, почему я пустился в эту скучную для меня тему. А в это время мое доктринерствующее эхо, господин Пипер, вмешался в разговор, прорицая, как оракул, и, признаться, не весьма тактично. Вдруг я вижу, что наша дама утопает в слезах. Блинд меланхолически бросает на меня взгляды, полные укоризны, она подымается — и только мы ее и видели, *ni lui non plus*. ⁴ Такого приключения у меня еще никогда не было за всю мою долгую практику.

Пипер отбыл к фирме Ротшильд во Франкфурт-на-Майне. Он усвоил себе очень неприятную манеру: когда я с кем-нибудь дискутирую, он вмешивается в разговор в нелепом тоне школьного учителя. Чему они только-что научились, тому они сейчас хотят учить других. Что за короткая кишка у этих господ.

Почтеннейший Герингер прислал мне требование об уплате на 22-ое сего месяца по старому долгу. Одновременно этот великий человек выехал в Саутгэмптон, чтоб принять Кошута. Очевидно, это я должен оплатить расходы по торжественному приему.

Я получил из Парижа два письма: одно от Эвербека и одно от Савонова. Господин Эвербек издает бессмертное произведение: «L'Allemagne et les allemands». ⁵ Охватывает период от Арминия Херуска (так он мне пишет буквально) до 1850 г. от Рождества Христова. Он просит у меня биографически-литературно-исторических заметок о трех мужах: Фридрихе Энгельсе, Карле Марксе и Бруно Бауэре. Эта дрянь уже стала печататься. *Que faire!* ⁶ Я боюсь,

что если этому молодцу совсем не ответить, то он пустит о нас в свет величайшую бессмыслицу. Напиши мне, что ты об этом думаешь.

В письме Сазонова интересна только дата: «Париж». Каким образом Сазонов в этот трудный момент попал в Париж? Я попрошу у него объяснений по поводу этой тайны. Он, со своей стороны, весьма жалуется на Дронке, который будто бы бездельничает и позволяет себя enjoler⁷ некоторым буржуа. Он перевел одну половину Манифеста, а Дронке обязался перевести вторую. Благодаря обычной небрежности и лени последнего из всего этого ничего не вышло. Это, признаться, весьма похоже на нашего Дронке. После того как Кампе отверг мое предложение о брошюре против Прудона, а господин Котта и позднее Левенталь (через посредство Эбнера во Франкфурте) — мое предложение об «Экономии», для последней, кажется, наконец, открываются некоторые виды. Через неделю я узнаю, реализуются ли они. Дело идет об издателе в Дессау, тоже через посредство Эбнера. Этот Эбнер — друг Фрейлиграта.

От «Трибуны» я еще не получил ни одного письма и не видал ее ни разу, но не сомневаюсь, что дело подвигается вперед. Во всяком случае, это должно выясниться через несколько дней.

Ты должен мне, наконец, сообщить твои vues⁸ насчет Прудона, хотя бы в кратком виде. Они меня тем более интересуют, что я теперь занят разработкой «Экономии». Впрочем, в последнее время я работал в библиотеке — которую я продолжаю посещать — главным образом над технологией, над ее историей, и над агрономией, для того, чтобы получить хоть некоторое представление об этом предмете.

Qu'est ce que fait la crise commerciale?⁹ В «Экономисте» имеются утешения, торжественные уверения и требования, которые регулярно предшествуют кризисам. Он не может скрыть своего собственного страха перед кризисом, несмотря на то, что он старается у других этот страх рассеять болтовней. Если тебе попадет в руки книга: «Johnston: Notes on North America»,¹⁰ два тома, 1851 г., то ты найдешь там всевозможные интересные заметки. Джонстон — это английский Либих. Атлас физической географии «Джонсона» [Джонстона] — не смешивать с вышеупомянутым, — быть может, можно получить в одной из манчестерских библиотек. В нем собраны все новейшие и более ранние изыскания в этой области. Стоит 10 гиней. Таким образом, — не рассчитан на частных лиц. О дорогом Гарни ничего не слышно. Повидимому, он все еще пребывает в Шотландии.

Англичане признают, что американцы получили первый приз на промышленной выставке и победили их во всем. 1. Гуттаперча. Новое вещество и новые производства. 2. Оружие. Револьвер.

3. Машины. Жатвенные машины, сеялки и швейные машины. 4. Дагерротипия применена впервые в большом масштабе. 5. Судоходство, яхты. Наконец, чтобы показать, что они умеют поставлять и предметы роскоши, они выставили колоссальную глыбу калифорнийской золотой руды и рядом сделанный из нее золотой сервиз.

Привет!

Твой К. Маркс.

¹ депрессии на американском денежном рынке. ² какая ерунда! ³ Что ты думаешь о Гаупте? ⁴ а также и его. ⁵ Германия и немцы. ⁶ Что делать? ⁷ околпачивать. ⁸ взгляды. ⁹ Что слышно с торговым кризисом? ¹⁰ Джонстон: «Заметки о Северной Америке».

126.

Среда 15 октября 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем почтовый перевод на 2 фунта. Детали прежние. История с Герингером весьма печальна, тебе придется платить. У джентльменов из County Court короткая расправа, и подпись там тоже имеется. Я, на твоём месте, возможно скорее раздобыл бы деньги для уплаты долга и дополнительных издержек и отослал бы этому субъекту; ничего не поделаешь, а пойти в суд и дать себя закатать — это приведет к еще большим расходам и не очень приятно. О какой сумме идет речь, и сколько ты можешь сам раздобыть? Напиши мне об этом возможно точнее, я, разумеется, сделаю все от меня зависящее, — как я ни стеснен теперь сам, — лишь бы не допустить к тебе в дом brokers. ¹

История с Шр[аммом] не особенно приятна. Лучше было бы, если бы мы держались в стороне от всего этого свинства. То, что протокол с милыми дрязгами Б[ауэра] и Пф[ендера] по поводу вверенных сумм находится в руках этих господ, далеко не приятная история. А Шр[амма] следует выдрать за то, что он носит с собой такие вещи. Во всяком случае, ему поделом, что он должен за это посидеть и получить 6 месяцев за фальшивый паспорт.

Что касается Гаупта, то я соглашусь считать его шпионом не раньше, чем у меня в руках будут доказательства этого. Он мог наделать в тюрьме глупостей, и история с Даниэльсом, который будто бы был там арестован по его доносу, возбуждает подозрения. Но болтовня, идущая из Windmillstreet, тем нелепее, что она была начата одновременно со взломом бюро у Дитца. Гаупт, вероятно, из Гамбурга умудрился взломать письменный стол этого сопляка. Почему же благородный Дитц не жалуется английской полиции?

Во всяком случае было бы очень хорошо, если бы удалось заставить Гаупта объясниться. Если ты пошлешь Веерту письмо для него, то мне бы казалось, что В[еерт] в течение двух недель должен найти случай сам передать его ему и, в крайнем случае, зайти к нему в контору. Купца всегда можно найти.

История с Блиндом и его женой действительно из ряда вон выходящая. Разревется и сбежит из-за того, что господин Пипер плохо стовзался о Фейербахе, *c'est fort*.²

Употребляешь ли ты слово «женат» в применении к красному Вольфу в английском, солидно-буржуазном смысле? Должен этому поверить, так как ты это подчеркиваешь. Это действительно великолепно. Мг Вольф — «*bon époux, peut-être même bon père de famille*!»³

Я думаю, что лучше всего будет, если ты отделаешься от Эвербека несколькими тощими заметками, поддерживая в нем сносное настроение; совершенно незначем, чтоб он распространял о нас по Франции слишком большой вздор. Впрочем, он обладает, в своих стараниях стать большим человеком, настойчивостью, которая непонятна, ибо она превосходит даже его алчность; ведь новое «бесмертное» произведение, несомненно, опять издается за его счет, с видами на сбыт в 50 экземпляров.

О Сазонове сообщи мне дальнейшее, если что-нибудь узнаешь. Это приключение весьма пикантно, и Мг. Сазонов становится чрезвычайно подозрителен.

Я как раз занят выпиской извлечений из Прудона. Обожди до конца этой недели, и ты получишь его обратно с примечаниями. Подсчеты этого молодца великолепны. Что ни число, то ошибка.

Как здесь пойдет с кризисом, еще нельзя сказать. На прошлой неделе ничего не было предпринято из-за королевы. На этой неделе тоже не много сделано. Но рынок обнаруживает *downward tendency*⁴ при еще устойчивых ценах на сырье. Через несколько недель значительно упадут цены на то и на другое, причем, судя по теперешним видам, на готовый товар, вероятно, относительно больше, чем на сырье, так что прядильням, ткацким и набивным фабрикам придется работать с более низкой прибылью. Это уже очень подозрительно. Но американский рынок — под угрозой быть скоро исчерпанным; в то же время сведения из Германии не слишком благоприятны, и если рынки будут продолжать отмирать, то мы можем через несколько недель иметь начало конца. Относительно Америки трудно сказать, являются ли там *pressure*⁵ и банкротства (всего на 16 миллионов долларов пассива) уже подлинным началом или только буревестниками. Во всяком случае тут уже

обнаруживаются весьма значительные симптомы бури. Iron trade ⁶ совершенно парализована, и два банка, из специально снабжающих ее деньгами, — Ньюпортские банки, — лопнули; кроме недавних failures ⁷ в Лондоне и Ливерпуле теперь обанкротился спекулянт салом в Глазго, а на лондонской бирже господин Томас Алсопп, друг О'Коннора и Гарни. Я не видел сегодня отчетов шерстяной, шелковой и металлообрабатывающей промышленности, cela ne sera pas trop brillant non plus. ⁸ Во всяком случае, относительно признаков теперь уже никак не ошибешься, и можно уже предвидеть, — больше того, есть уже уверенность, — что континентальные судороги ближайшей весны совпадут с весьма серьезным кризисом. Даже Австралия, повидимому, сможет мало помочь, золотоискательство со времени Калифорнии устарело, и мир к этому равнодушен. Оно начинает становиться нормальной отраслью промышленности, а окружающие рынки сами так перегружены, что без особенного ущерба для себя они могут создать чрезвычайное переполнение среди 150 000 жителей Нового Южного Уэльса.

Enfin, ⁹ значит, господин Луи-Наполеон решился дать отставку Фоше. — Можно было ожидать, что он на этот раз не откажется от прерогативы, не повторив прошлогоднего соур ¹⁰ с Шангарнье — с таким же ли успехом, будет видно. Он, выражаясь по-охотничьи, brought to bay, ¹¹ поворачивается и показывает рога. Скоро ли он опять наострит лыжи, — это мы увидим. Несчастный авантюрист во всяком случае так ослабел, что что бы он ни делал, il est foutu; ¹² история теперь начинает становиться интересной. В одном отношении жаль, что знаменитая репрессия Фоше-Карлье, прогрессивное осадное положение, жандармская тирания и т. д. гровят так скоро прекратиться, и если у трусливого Наполеона действительно хватит мужества повести серьезную атаку на избирательный закон, то он сможет добиться его отмены; и это также было бы очень досадно, так как это опять дало бы прогрессивным ослам 13 июня законную почву — но кто знает, что у этих французов хорошо и что плохо? Что ты думаешь обо всей этой дряни, ты ведь видишь больше газет.

Твой Ф. Э.

Джонс прислал мне циркуляр, что он должен иметь еще 600 подписчиков, иначе ему капут, mais que puis-je faire? ¹³

¹ судебных приставов. ² это чересчур. ³ «добродетельный супруг, быть может даже почтенный отец семейства». ⁴ понижательную тенденцию. ⁵ депрессия. ⁶ Железодобывающая промышленность. ⁷ банкротств. ⁸ там тоже дело обстоит не слишком блестяще. ⁹ Итак. ¹⁰ фокуса. ¹¹ загнан. ¹² он пропал. ¹³ но что я могу сделать?

127.

28, Deanstreet, Soho, 19 октября 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Несколько дней тому назад я получил письмо от Дронке, в котором он извещает о своем приезде в Лондон — очевидно вследствие высылки — 23 или 24 текущего месяца. Вопрос о средствах к существованию встанет здесь перед ним с гораздо большей остротой, чем раньше.

Вот еще более печальное известие. Последнее время я вел с Кёльном переписку таким образом, что письма ко мне доставлялись в Люттих железнодорожным кондуктором Шмидтом; я, со своей стороны, пересылал ему письма под бандеролью через третье лицо в Люттих. И вот этого Шмидта арестовали, затем освободили, но следствие продолжается. Тут мы, повидимому, имеем дело с прямым предательством. Согласно условию Пипер должен был давно прислать весточку из Кёльна, где Ротшильды должны были на день остановиться, и из Франкфурта. Вместо этого я вижу из письма Эбнера (из Ф[ранкфурта]) к Фрейлиграту, что он, хотя уже восемь дней находится во Франкфурте, не был еще у Эбнера, которому он должен был передать от меня письмо. Наша беда в том, что наши агенты выполняют наши поручения в высшей степени небрежно и всегда как нечто второстепенное. Других, бесспорно, лучше обслуживают.

В Нью-Йорке Кинкель не созвал митинга и не подписывал никаких «приносящих процентов обязательств» на будущую немецкую республику, так как грубиян Гейнцен подкопался под него, и вообще он умеет выступать только там, где его бесспорно считают спасителем. В Филадельфии же, наоборот, как он пишет эмигрантскому клубу, [он выдал обязательства] на 4000 долларов. В Пенсильвании он вообще находит подходящую массу истинно-дружественных немцев-католиков. Кинкель не сделал ничего другого, кроме того, что вступил во владение наследством Иоганна Ронге. Последний был Иоанном, он является Христом.

С Герингером я сегодня вечером увижусь. Дело прямо идет от Виллиха и К^о. Этим негодням, он, повидимому, подарил, по их настойчивой просьбе, следуемые ему от меня деньги. Я выдам ему вексель на 4 недели. Я думаю, что он на это согласится. Если же нет, то пусть подает в суд. У меня есть все шансы в течение этого времени заключить контракт с издателем из Дессау, который, конечно, должен уплатить известную сумму *praenumerando*.¹

Веерт опять в Брэдфорде. *Il importe*,² чтобы ты ему написал, не может ли он добыть письмо лично к Гаупту. Вся эта клевета,

кажется мне, имеет два источника: с одной стороны — Штехан-Дитца, с другой стороны — главу попрошаек, Виллиха, который впервые вызвал здесь у шертнеровской публики подозрение к Гаупту, как шпиону. Виллих состоял в постоянных сношениях с бывшим прусским унтер-офицером Бертольдом. Гаупт устроил эту скотину в Гамбурге у одного купца, Б[ертольд] обокрал этого купца и подвергся тогда полицейскому преследованию. Гаупт, конечно, показывал против этого негодяя, который, может быть, разделил выручку со своим другом Виллихом. И вот последний поднял шум о предательстве «по отношению к бедному бежавшему патриоту». Если огласить эту историю, то «благородный» Виллих вытаращит глаза от удивления. Важно не только разыскать Гаупта и поставить его в известность по поводу тайных и явных подозрений против него, но, если он не виновен, он должен дать публичное объяснение, рассказать, что вся история основана на клевете Виллиха, и указать в то же самое время на связи последнего, может быть, в качестве партнера, с негодяем Бертольдом. Гаупт еще ничего не знает об этой виллиховской низости, первоначальном источнике подозрений против него. Если Веерт согласится, тогда ты можешь передать ему письмо к Гаупту, составленное в этом духе. *La chose presse*.³ В своем объяснении Гаупт должен также указать на Дитца и на подозрительный характер вскрытия письменного стола.

Что касается Эвербека, то ты должен сообщить мне в нескольких строках все касающиеся тебя сведения, по крайней мере, до 1845 г.

Внезапный поворот господина Луи Бонапарта, какие бы последствия он ни имел, это — шедевр Жирандена. Ты знаешь, что этот господин связался в Лондоне с Ледрю-Роллэном, и его газета действительно некоторое время была настолько глупа, насколько этого и следовало ожидать от союзника Ледрю-Роллэна и Мадзини. И вдруг он делает этот ход с «*suffrage universel*»,⁴ склонив к этому Бонапарта при помощи своих статей, д-ра Верона и личных *entrevues*.⁵ Таким образом роялистский заговор был разбит. Об этом лучше всего свидетельствует бешенство обычно столь дипломатического «*Journal des Débats*». Все это была одна компания: Фоше, Карлье, Шангарнье и даже благородные Берье и Брольи, которые, казалось, были связаны с Бонапартом. Во всяком случае, «революция» — в смысле взрыва — теперь задушена. При всеобщем избирательном праве о ней нечего и думать. Но господин Жиранден не любит революционных инсценировок. Он одинаково надул и роялистов, и профессионалов революции, и еще вопрос, не надул ли он сознательно и Луи Бонапарта. Ибо, если вновь будет восстановлено *suffrage uni-*

versel, кто гарантирует Бонапарту пересмотр? А если и будет пересмотр, то кто поручится ему за то, что он даст желательный ему результат? Тем не менее, принимая во внимание природную глупость французских крестьян, еще вопрос, не будет ли этот «*élu du suffrage universel*»⁶ вновь переизбран, из благодарности за то, что он это право восстановил, особенно, если он *by and by*⁷ назначит либеральных министров и ловкими памфлетами свалит всю ответственность на заговорщиков-роялистов, которые держали его в плену в продолжение трех лет. Это будет зависеть от его ловкости. Бонапарт теперь, во всяком случае, знает, что ему нечего ждать от «*parti de l'ordre*».⁸

Одним из самых комических интермеццо в этой игре интриг является меланхолическое поведение «*National*» и «*Siècle*», которые, как известно, оба долгое время распинались за *suffrage universel*. Теперь, когда Франции грозит опасность быть вновь облагодетельствованной им, они не в состоянии скрыть своей досады. Подобно тому как роялисты при помощи своего «*suffrage restreint*»⁹ рассчитывали на избрание Шангарнье, так и они при наличности этого права рассчитывали на избрание Кавеньяка. Жирарден им прямо заявил, что он знает, что под республиканским отвращением к «пересмотру» — открывающему Бонапарту виды на переизбрание — они скрывают лишь свою ненависть к всеобщему избирательному праву, совершенно невыносимому для их Кавеньяка и всей их клики. А бедный «*National*» *s'était déjà consolé du départ du suffrage universel*.¹⁰

Одно бесспорно: этим ударом расстроено восстание, предполагавшееся в мае 1852 г. В крайнем случае оно могло бы теперь вспыхнуть раньше срока, если бы одна из господствующих клик попыталась совершить *coup d'état*.¹¹

Твой К. М.

¹ авансом. ² Необходимо. ³ Дело не терпит. ⁴ с всеобщим избирательным правом. ⁵ свиданий. ⁶ избранный всеобщим голосованием. ⁷ постепенно. ⁸ партии порядка. ⁹ суженного избирательного права. ¹⁰ уже успел утешиться по поводу потери всеобщего избирательного права. ¹¹ государственный переворот.

25 октября 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Мое письмо от прошлого понедельника ты вероятно получил? Ввиду твоей большой аккуратности в переписке меня беспокоит твое молчание.

О Пипере я до настоящего момента еще ничего не слышал. Если с ним ничего не случилось, то он непростительно легкомыслен. Дронке еще не приехал. Из Кёльна ничего не слышно.

При сем — письмо от Фишера, который пишет, как настоящий демократический филистер. Пока что *il faut le laisser faire*,¹ так как теперь уже ничего не поделаешь. Пусть бы он только не наделал глупостей по отношению к Кинкелю. В его письме, кажется, имеются намеки на это.

Итак, как мы теперь узнали, Кинкель распорядился следующим образом. На эти 160 фунтов стерлингов был послан Шурц с тайным поручением в Бельгию, Францию и Швейцарию. Он должен там добиться полномочий для Кинкеля от всех великих мужей, вплоть до членов имперского сейма (не исключая и *late*² Рава), и вместе с тем предложить им гарантировать долг, в котором контрагентом является будущая германская республика. Таким образом, «большая масса» теперь объединена, и Э. Мейен мог теперь обнародовать в нью-йоркской «*Staatszeitung*» великую тайну, что теперь найден смысл будущего движения в Германии, а именно — принцип народности. Так глупо, как этот человек пишет теперь, он не писал даже во времена своего наибольшего расцвета. Эти молодцы духовно совершенно обанкротились. *Addio!*

Твой К. М.

Дело с Герингером я пока отложил. К сожалению, этот осел 1 ноября уезжает в Испанию и продал свое здешнее хозяйство. Но мне теперь нечего больше бояться враждебных действий с его стороны.

¹ ему нужно предоставить свободу действия. ² блаженной памяти.

26 октября [1851 г.].

Дорогой Энгельс!

Завтра утром, т. е. одновременно с этой бумажкой, Веерт получит от меня по адресу Штейнталя письмо, внутри которого лежит другое письмо к Шнейдеру II; *вы должны его немедленно отправить*. Дело это — в высшей степени важное, и его нельзя откладывать ни на минуту. Я прошу вас поэтому не приниматься за вашу обычную дневную работу, пока вы этого не прочтете и не отправите.

Твой К. М.

130.

[Около 27 октября 1851 г.]

Дорогой Маркс!

Если я не сразу ответил тебе на твое письмо от 19-го, то это произошло потому, что я ожидал сюда через несколько дней Веерта и хотел покончить с делом Гаупта, а также потому, что хотел закончить ерунду о Прудоне. Последнее произойдет сегодня и завтра вечером, а Веерт был здесь в субботу и воскресенье; он еще остановится на некоторое время в Брэдфорде и поэтому не может взять с собой туда никакого письма; он, между прочим, отказывается это сделать ввиду того, что условия в Германии сейчас таковы, что по малейшему поводу рискуешь быть арестованным без всяких церемоний, а у него нет никакой охоты каким бы то ни было образом оказаться замешанным в дело «Союза». Au fond¹ за это на него нельзя обижаться. Он все же берется обеспечить мне доставку письма к Г[аупту] и требует лишь, чтоб его оставили совершенно в стороне от всего этого дела. Кроме того он рассказал мне, что в последнее время он встречал этого Г[аупта] несколько раз и заговаривал с ним, но что тот каждый раз в большом смущении ускользал от него и исчезал. По его словам, возможно, что Г[аупт] в тюрьме несколько поддался влиянию своей семьи и т. д. и сделал некоторые признания, от которых ему теперь самому очень тяжело. Но вообще Веерт тоже думает, что всякие другие истории Виллиха-Штехана — чистая клевета, так как у Г[аупта] не могло быть никаких оснований продаваться.

Я напишу теперь Г[аупту] анонимно, так как он знает мой почерк и предоставлю Веерту позаботиться о передаче письма. Я потребую, чтобы он публично объяснился, и укажу ему на историю с Б[ертольдом] как вероятную причину всех этих толков. Добавление о том, что возможно, что Виллих поделился с Б[ертольдом], я пока опущу, потому что, во-первых, Гаупт будет остерегаться подписывать своим именем подобные инсинуации, во-вторых, история слишком невероятна, так как господин Б[ертольд] не такой человек, чтобы делиться с отдаленными друзьями, тем более с В[иллихом], которого он, au fond, ненавидит, а в-третьих, через неделю это было бы напечатано во всех газетах и охарактеризовано другими как новая клевета, которую распростирил господин Маркс; они апеллировали бы к чувству филистеров в пользу оскорбленного благородного Виллиха. Этот субъект — достаточный негодяй, и незачем изображать его в еще более скверном виде или распространять о нем слухи, которые он мог бы опровергнуть.

Письмо Фишера — самое глупое из всего того, что я встречал в продолжение долгого времени. Но я ожидал чего-нибудь в этом роде и думаю также, что и из его *денежных обещаний* также ничего не выйдет. Нельзя требовать от демократических ослов, чтобы они посылали нам деньги, когда их собственные люди лично у них клянутся, и самое большее, на что их можно подвинуть, это, как Фишер сам говорит, предоставить нам голос в вопросе об употреблении этих денег, и то лишь, если мы согласимся заседать со всем этим сбродом в одном конклаве, к тому же еще в меньшинстве. План займа à la Мадзини с имперской гарантией (Германская империя гарантирует республике!) не так уж плох и во всяком случае требовал для своего проведения совместной деятельности всех этих образцовых попрошаек. Если этот план будет проведен в жизнь, нашей партии останется лишь совершенно уйти с демократического денежного рынка. *This impudence beats us hollow.*² Деньги, которые мы вообще получили от демократов на политические цели, и без того попали к нам *per abusum*,³ а с тех пор как эти великие мужи сами появились на рынке в качестве *joint stock company*,⁴ эта иллюзия совершенно исчезает. На все наши просьбы последуют лишь *refus*⁵ и неприятности, разве только Вейдемейеру удастся что-либо устроить в Нью-Йорке, и то только среди рабочих.

Веерт напишет тебе на-днях. Он не знает, на что ему решиться. У него имеются блестящие предложения, но все они ему не подходят.

Господин Кошут, как апостол Павел, все для всех. В Марселе он кричит: «*Vive la République!*»,⁶ в Соутгэмптоне: «*God save the Queen*». ⁷ Какой замечательной сверх-конституционной умеренностью щеголяет этот молодец теперь. Но господам Петти и клике Гарни поделом, что он отказался явиться на их банкет. Сам господин Мадзини был бы очень холодно встречен, по крайней мере публикой. Вот тоже человек, в котором мы не ошиблись. Если в ближайшем году не будет никаких *secousses*,⁸ то через короткое время и господин Кошут также опустится до мадзиниевской пошлой и шумной демагогии.

Завтра или послезавтра пришлю Прудона. Я, по возможности, pošлю Фишеру «Обозрение», но у меня имеется, в нескольких экземплярах, только последний выпуск. Не можешь ли ты еще раздобыть для меня №№ 1—4?

Твой Ф. Э.

¹ В сущности. ² Эта бесстыдная штука заставит нас уйти со сцены. ³ вследствие злоупотреблений. ⁴ объединенной акционерной компании. ⁵ отказы. ⁶ Да здравствует республика! ⁷ Боже, храни королеву. ⁸ потрясений.

131.

24 ноября 1851 г.

Дорогой Фредерик!

Ты понимаешь, что благодаря тяжелому домашнему положению я лишь теперь собрался написать тебе несколько строк.

Ты припоминаешь, что в своем последнем письме Пипер писал, что скоро можно будет заключить контракт на моего анти-Прудона. Из его письма, при сем прилагаемого, ты увидишь, что об *этой рукописи* больше даже не упоминается. Это тот образ действий, который мне уже в течение шести месяцев приходится переносить со стороны наших милых друзей. С другой стороны, Эбнер писал мне, что Левенталь хочет попытаться пустить в оборот один том, но не упомянул о том, что я должен начать с «истории экономии». Это опрокинуло бы все мои планы. Дальше, Эбнер писал, что Левенталь может платить лишь «мало». На это я бы согласился, если бы он издал сначала то, что я прежде всего хочу издать. Но если он вынуждает меня испортить весь свой план, то и платить он должен мне так, как если бы я писал непосредственно по его заказу. Все же я предоставляю пока Эбнеру свободу действия. Он писал мне, что он не закончит сделки без моего согласия. *Qu'en penses-tu?* ¹

Хорошо, что наша публика в Кёльне, наконец, предстанет перед судом присяжных; как меня вчера уверял издатель Шюллер из Дюссельдорфа, это будет еще в декабре, когда состоится чрезвычайная сессия суда присяжных.

A propos, ² не забудь отослать мне с *первой почтой* нью-иоркскую «Schnellpost». Бамбергер торопит, и это единственное средство раздобыть у него следующие номера, в которых должны быть всякие любопытные вещи.

Я знаю, что ты и сам теперь в нужде и что моя просрочка и *gazzia* ³ в Манчестере еще ухудшат твои дела, по крайней мере, на этот месяц. Тем не менее, я должен тебя спросить, не можешь ли ты в крайнем случае достать еще 2 ф. ст. Перед моим отъездом из Лондона я занял 2 ф. ст. и дал *письменное* обязательство вернуть их до декабря. Во всяком случае прошу тебя написать мне со следующей почтой, возможно ли это или нет.

Сюда приехал брат Эккариуса. Он и все остальные арестованные в Гамбурге крамольники освобождены с проходными свидетельствами. Что Гаупт первоначально не имел намерения предавать, видно из следующего: письмо к нему Бюргера попало в руки его старика, который потребовал у него по этому поводу объяснений и хотел

его выдать полиции. Он помешал этому, разорвал письмо и принес потом его обрывки Эккарису и другим, в присутствии которых он их собрал, прочел и сжег. Этот факт важен. Этого несчастного парня погубило давление со стороны семьи.

Несколько дней тому назад я прочел в библиотеке упражнения господина Прудона о *gratuité du crédit* ⁴ против Бастиа. По своему шарлатанству, грубости, крикливости и слабости это превосходит все, что этот человек до сих пор написал. *Exempli gratia*: ⁵ Французы думают, что они в среднем уплачивают 5-6 процентов. А на самом деле они платят 160 процентов. Каким же образом? А вот каким. Проценты на ипотечные долги, деньги, взятые под векселя, государственные долги и т. д. составляют 1600 миллионов. А во Франции всего имеется капитал лишь в один миллиард золотом и серебром. Таким образом — *q. e. d.* ⁶ Другой пример: когда был учрежден Французский банк, капитал его равнялся 90 миллионам. Тогда — при этой сумме — закон позволял ему брать 5 процентов. Теперь этот банк оперирует, включая и депозиты и т. д., капиталом в 450—460 миллионов, из которых три четверти принадлежат не ему, а публике. Таким образом, если бы банк брал $(90 : 450 = 1 : 5)$ вместо 5 только 1 процент, он получил бы законную прибыль. И так как Французский банк (т. е. *акционеры*) мог бы, в случае нужды, довольствоваться 1 процентом, то для *Франции* процентная норма может быть понижена до 1 процента. А один процент — *c'est la presque gratuité du crédit.* ⁷

При этом ты должен был бы видеть, как этот тип хвастает перед Бастиа своей *dialectique hégélienne*. ⁸

Я прочел здесь еще раз твою критику. Жаль, qu'il n'y a pas moyen ⁹ ее напечатать. Если бы я еще добавил туда свою горчицу, она могла бы появиться под нашим общим именем, если бы, конечно, это не причинило никаких неприятностей твоей торговой фирме.

Кошут, как ты знаешь, уезжает 20-го, но, — чего ты еще не знаешь, — в сопровождении Лолы Монтез и кавалера Герингера.

Шрамм с беспримерным упорством и настойчивостью старается опять затесаться ко мне. Il n'y parviendra pas. ¹⁰ Как поживают трактирные истории К. Шаппера?

Твой К. М.

¹ Что ты думаешь об этом? ² Кстати. ³ ограбление. ⁴ бесплатном кредите.

⁵ Например. ⁶ *quod erat demonstrandum*: что и требовалось доказать. ⁷ это почти бесплатный кредит. ⁸ гегелевской диалектикой. ⁹ что нет возможности.

¹⁰ Это ему не удастся.

132.

27 ноября 1851 г.

Дорогой Маркс!

Несколько моих строк от третьего дня ты, вероятно, получил. Если Веерт не сможет немедленно раздобыть денег, то я постараюсь уладить это дело послезавтра или, самое позднее, в понедельник. В случае нужды ты, во всяком случае, сможешь оттянуть до вторника.

При сем обратно письмо от маэстро Пипера. Гейне, очевидно, пришелся ему весьма кстати, чтобы дать ему возможность заполнить требуемые приличием четыре страницы. Я надеюсь, что относительно Прудона ты напишешь ему письмо, чтобы заставить его действовать энергичнее, так как если он вернется сюда, то ты первое время ничего не будешь знать о рукописи. Относительно Левенталья Пипер и Эбнер сильно друг другу противоречат, но последнему можно, во всяком случае, больше доверять. Что касается того, что делать с «Историей экономии», — относительно чего говорит Пипер, — то я думаю, что если Левенталь это действительно имеет в виду, то Эбнеру следует помешать; не надо опрокидывать всего твоего плана, ведь ты уже начал разрабатывать критику и т. д. Но если никак нельзя было сделать иначе, то Левенталь должен был бы взять обязательство на два тома; этот объем был бы тебе также необходим частью для предварительной критики, частью для того, чтобы сделать это дело для тебя несколько более доходным; ведь этот гонорар, в конце концов, никоим образом не рассчитан на лондонские цены. Тогда в качестве третьего тома пошли бы Социалисты и в четвертом — Критика — *se qu'il en resterait*¹ — и прославленная «положительная часть», — то, чего ты «собственно» хочешь. Эта форма имеет свои недостатки, но она зато имеет то преимущество, что столь ожидаемая тайна будет раскрыта лишь в самом конце, и буржуа, лишь после того как его любопытство будет возрастать на протяжении трех томов, будет сообщено, что мы не собираемся фабриковать никаких моррисоновских пилюль. Для людей, сколько-нибудь мыслящих, будет достаточно намеков первых томов, анти-Прудона, Манифеста, чтобы направить их по правильному пути; покупающая и читающая же чернь перестанет интересоваться историей и т. д., если она получит раскрытие великой тайны уже в первом томе; ведь она, как Гегель говорит в «Феноменологии», читала «Предисловие», а там уже имеются и «Общие идеи».

Ты, конечно, хорошо сделаешь, если, соблюдая приличия, при сколько-нибудь приемлемых условиях заключишь сделку с Левента-

лем: нужно ковать железо, пока оно горячо. При этом ты поступишь лучше всего, действуя в противоположность Сивилле. За каждый луидор, который он у тебя отнимает с листа, ты заставляешь его вять столько лишних листов, сколько необходимо, чтобы опять-таки получила та же общая сумма, и наполняешь эти добавочные листы цитатами и т. д., которые тебе ничего не стоят. 20 листов по 3 ф. ст. или 30 листов по 2 ф. ст. всегда составляют 60 ф. ст. А наполнить 10 листов цитатами бесплатно и без потери времени, из Петти, Стюарта, Кольшопера и еще других авторов, в самом деле легко, между тем книга твоя станет более «поучительной».

Важнее всего, чтобы ты снова мог дебютировать перед публикой толстой книгой, и лучше всего, чтобы это была самая невинная материя, История. Дюжинные и паршивые литераторы Германии знают очень хорошо, что они погибли бы, если бы они не являлись к публике два-три раза в год с какой-нибудь дрянью. Их спасает цепкость; их книги расходятся мало или лишь весьма средне, но издателям кажется, что это все же великие люди, раз их имя встречается несколько раз во всяком ярмарочном каталоге. И затем также непременно нужно, чтобы было снято то заклятие, которое создано благодаря твоему продолжительному отсутствию на немецком книжном рынке и вследствие трусости издателей. Пусть только появятся один или два тома твоих содержательных, ученых, основательных и вместе с тем интересных вещей, и alors c'est tout autre chose,² и тебе плевать на издателей, если они тебе предложат слишком низкий гонорар.

К этому еще присоединяется то, что эту *Историю* ты можешь написать только в Лондоне, между тем как Социалистов и Критику ты можешь составить повсюду. Поэтому было бы хорошо, если бы ты воспользовался случаем теперь, прежде чем эти ребята [французы] выкинут какое-нибудь коленцо и выведут нас опять на theatrum mundi.³

Нью-йоркская «Schnellpost» получится завтра.

Левенталья, как уже сказано, держи крепко при всяких обстоятельствах. Если с ним ничего не выйдет, то, как пишет П[ипер], ресурсы Эбнера будут исчерпаны. С Левенталем и без того можно будет впоследствии сделать больше, чем со всеми остальными, так как имеется Эбнер, который во Франкфурте сидит у него на шее. Если он ничего не добьется с Левенталем, которого он каждый день может торопить, то дело с другими людьми, не находящимися во Франкфурте, является гораздо более проблематичным. Ты должен написать Эбнеру, что даешь ему самые широкие полномочия от себя, и он тотчас же может

заклЮчить договор. Чем дольше дело будет тянуться, тем больше Левенталь пострадает, а тут прибавляются еще политические опасения за 1852 год. Если в Париже разыграется хоть малейший пролог, тогда пропадет всякая надежда на издателей, а если союзный совет издаст законы о печати раньше, чем у тебя будет заключен контракт, то и в этом случае тебе будет конец. Ты должен гнаться за журавлем в небе или *te résigner, ce qui n'est pas trop agréable*.⁴

Чем больше я раздумываю над этим, тем практичнее мне кажется начать с исторической части. *Scis donc un peu commerçant cette fois*.⁶

Что касается моих комментариев к Прудону, то они слишком незначительны, чтобы с ними можно было что-либо сделать. Это была бы опять та же история, что с «Критической критикой», где я написал несколько листов, рассчитывая на брошюру, а ты сделал из этого основательную книгу в двадцать листов, в которой твой покорный слуга очень забавно выделялся. Ведь ты опять написал бы так много, что моя доля, и без того не стоящая, чтобы о ней говорили, совершенно исчезла бы перед твоей тяжелой артиллерией. А вообще я не имел бы ничего против, кроме того, что твоя история с Левенталем гораздо важнее и спешнее.

Твой Ф. Э.

¹ то, что еще осталось бы от нее. ² тогда это совсем другое дело. ³ мировую арену. ⁴ примириться, что не особенно приятно. ⁵ Будь же хоть на этот раз немного коммерсантом.

133.

28, Deanstreet, Soho, 1 декабря 1851 г.

Дорогой Энгельс!

Я прилагаю тебе при сем: 1) извлечение из письма Клуca (из Вашингтона) к Вольфу; 2) письмо от Пипера из Брюсселя.

№ 1: Лупус забыл привести еще два факта, которые будут для тебя небезынтересны. *Первое*: Статья «Революция и контрреволюция в Германии» появилась *по-немецки* в «Нью-йоркской вечерней газете», обошла ряд органов и произвела фурор. Клуc не пишет, есть ли это перевод из «Трибуны» или нет. Я написал по этому поводу прямо Дана. *Второе*: Висс, главное орудие Кинкеля, публично заявил, что в «экономической» области он разделяет наши воззрения. Ты видишь, как эти собаки действуют. Что касается г. Тупмана [Пипера], то он не упоминает ни о нашем письме из Манчестера, ни о позднеjšем письме, которое ему было написано моей женой.

Что касается *кельнцев*, то у этих подлых эмигрантских свиней, связанных со всей газетной клоакой, уж такая система: соблюдать по отношению к этому делу *la conspiration du silence*,¹ чтобы только не нанести какого-нибудь ущерба своей собственной персоне. С этим нужно теперь бороться. Я послал сегодня в Париж письма против прусской юстиции, чтобы поднять этот вопрос в тамошней прессе. Лупус взял на себя статьи для Америки и Швейцарии. *Maintenant*² ты должен мне смастерить статью для Англии вместе с частным письмом к редактору «Times», куда нужно попытаться послать эту вещь. Если бы «Times», который старается теперь опять подновить свою популярность и, наверное, будет считать себя польщенным, если его будут трактовать как единственный влиятельный орган на континенте, и который без того пруссофобски настроен; — если бы «Times» взялся за это дело, то через него можно было бы воздействовать на Германию. Нужно было бы специально остановиться вообще на положении правосудия в Пруссии.

Если эта попытка, которая ни в коем случае не может повредить, не удастся, тогда ты напишешь из Манчестера прямо в «Sun». Если «Sun» получит это *раньше* «Times», то «Times» этого ни в коем случае не поместит.

Тебе едва ли известно, что почти из всех городов Англии О'Коннор получил адреса, напечатанные в «Northern Star» и «Reynolds Paper», в которых Торнтон Хент объявлен... «infamous»³ и сильно осуждается сцена в *Kopenhagenfields*. Кроме того было собрание всех чартистских секций Лондона, на котором Т. Хент, присутствовавший там, был осыпан оскорблениями. При перевыборах исполнительного комитета его просто выбросили. В своем отчаянии этот союзник великого Руге теперь открыто объявил себя «коммунистом».

Э. Джонс — воспользовавшись моим письмом — атаковал Кошута *sans miséricorde*.⁴ «I tell him, that the revolutions of Europe mean the crusade of labour against capital, and I tell him they are not to be cut down to the intellectual and social standard of an obscure semibarbarous people, like the Magyars, still standing in the halfcivilisation of the 16th century, who actually presume to dictate to the great enlightenment of Germany and France, and to gain a false won cheer from the gullibility of England».⁵

Ты видишь, что Кинкель *tout bonnement*⁶ попытается устроиться здесь по примеру временного правительства во Франции. Я, со своей стороны, считал бы нужным, чтобы ты, когда мы узнаем, что Вейдемейер состоит редактором вечерней газеты, посылал туда

в виде фельетонов отрывки из К. Шаппера, первых признаний которого я жду с нетерпением. (Смотри продолжение письма Пипера.)

Кстати, я чуть было не забыл одного важного события из области скандальной хроники. Штехан, Гирш, Гюмпель и т. д., словом, приехавшие из Германии рабочие заявили, что желают ко мне прийти. Я их сегодня приму; они уже порядком поссорились с Шаппером и Виллихом. Штехан уже открыто на собрании Рабочего союза объявил Дитца шпионом, и хотя некоторые кричали, что он — агент Маркса, он все же добился назначения комиссии; но в ней друзья и покровители Дитца-Шаппера и Виллиха играют главную роль. С помощью этих людей я, во всяком случае, вызову новые кризисы в этой жалкой корчме портных и бродяг.

Одновременно извещаю тебя о получении трех фунтов.
Привет!

Твой К. М.

¹ заговор молчания. ² Теперь. ³ негодяем. ⁴ Беспощадно. ⁵ «Я заявляю ему, что революции в Европе означают крестовый поход труда против капитала, и я заявляю ему, что они не могут быть низведены до духовного и социального уровня темного, полуварварского народа, вроде мадьяр, которые еще погрязли в полудивилзации шестнадцатого столетия и серьезно воображают, что они могут командовать просвещением Германии и Франции и добиваться от легковерной Англии путем надувательства признания своих заслуг». ⁶ просто.

134.

[Энгельс — Марксу.]

3 декабря 1851 г.

«Représentants de la France, délibérez en paix!»¹

В самом деле, где же эти господа могут спокойнее заниматься обсуждением, как не в Орсейской казарме, под охраной батальона chasseurs de Vincennes!²

История Франции вступила в стадию совершеннейшего комизма. Можно ли представить себе что-нибудь более смешное, чем эта пародия на 18 брюмера, проведенная в мирное время, при помощи недозвольных солдат, самым незначительным человеком во всем свете, без всякого сопротивления, поскольку можно судить до настоящего момента. И как ловко все эти старые ослы были захвачены! Самая хитрая лисица во всей Франции — старый Тьер, самый третий адвокат из всего адвокатского сословия — господин Дюпен попали в западню, которую им расставил самый признанный болван нынешнего столетия, — попали столь же легко, как это воплощение глупой республиканской добродетели — господин Кавеньяк и как жалкий болтун

Шангарнье! И, чтобы довершить картину, — охвостье парламента с Одилоном Барро в роли «Леве-фон-Кальбе», и этот самый Одилон требует, чтобы его, ввиду такого нарушения конституции, арестовали, и ни за что не может добиться того, чтоб его потащили в Венсенн! Вся эта история придумана специально для красного Вольфа; он один может отныне писать историю Франции. Был ли когда-нибудь в мире произведен переворот при помощи более вздорных прокламаций, чем этот? И затем этот смешной наполеоновский аппарат, годовщина коронавания и Аустерлица, ссылка на конституцию консульства и т. д. Тот факт, что это могло удаться хотя бы на один день, действительно низводит господ французов до уровня ребячества, не имеющего себе равного.

Великолепен захват великих говорунов «порядка», прямо превосходит захват маленького Тьера и храброго Шангарнье. Великолепно заседание парламентского охвостья в 10-м округе с господином Берье, который до тех пор кричал через окно: «Vive la République»,³ пока, наконец, весь этот сброд не был захвачен и заперт среди солдат во дворе одной казармы. А затем этот глупый Наполеон, который начинает немедленно укладывать свои вещи, чтобы перебраться в Тюльери. Если бы над этим промучились целый год, не могли бы придумать более великолепной комедии.

А вечером, когда глупый Наполеон, наконец-то, бросился в давно желанную кровать в Тюльери, этот баран тогда еще, наверное, не знал толком, в каком он положении. *Le consulat sans le premier consul!*⁴ Никаких внутренних трудностей, более серьезных, чем вообще за последние три года, никаких чрезвычайных финансовых затруднений даже в его собственном кошельке, никакой коалиции на границах, никакой необходимости переходить через Сен-Бернар, никакой надобности одерживать победы при Маренго! От этого действительно можно прийти в отчаяние. К тому же теперь нет Национального собрания, которое расстраивало бы великие планы «Непривязанного»; нет, сейчас, по крайней мере, этот осел так же свободен, так же не связан, обладает такой же абсолютной властью, как первый Наполеон вечером 18 брюмера, и он настолько не стесняется, что не может обойтись без того, чтобы не обнаружить свою ослиную природу во всех направлениях. Ужасная перспектива отсутствия противоречий!

*Mais le peuple, le peuple! — Le peuple se fiche pas mal de toute cette boutique,*⁵ тешится, как дитя, дарованным ему всеобщим избирательным правом и, вероятно, использует его также по-детски. Чего можно ожидать от этих смешных выборов в будущее воскресенье,

если вообще дело дойдет до этого! Ни прессы, ни митингов, осадное положение в избытке и к тому же еще приказ в продолжение двух недель избрать депутата.

Но что же может получиться из всего этого? «Если мы станем на всемирно-историческую точку зрения», то в нашем распоряжении окажется великолепная тема для декламации. Так, например, — должно обнаружиться, возможен ли преторианский режим периода римской империи, предпосылками которого являлись совершенно по-военному организованное обширное государство, обезлюдившая Италия и отсутствие современного пролетариата, — возможен ли такой режим в географически-концентрированной, густо-населенной стране, как Франция, обладающей многочисленным промышленным пролетариатом. Или: у Луи-Наполеона нет собственной партии; он поширал ногами легитимистов и орлеанистов, он должен теперь сделать поворот налево. Поворот налево включает амнистию, амнистия включает коллизию и т. д. Или еще: всеобщее избирательное право — основа власти Луи-Наполеона, он не может с ним порвать, а всеобщее избирательное право *в настоящее время* непримиримо с Луи-Наполеоном. И ряд других тому подобных умозрительных тем, которые так легко развивать. Но после того, что мы вчера видели, на народе совсем ничего нельзя строить, и кажется, будто историей на самом деле руководит старый Гегель из гроба в качестве «мирового духа», с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды, раз — в качестве великой трагедии, и второй раз — в качестве жалкого фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Бартеlemi вместо Сен-Жюста, Флокон вместо Карно и недоносек с дюжиной отягощенных долгами лейтенантов вместо маленького капрала и его рыцарственных маршалов. До 18-го брюмера мы, стало быть, уже добрались. Ребячески глупо вел себя парижский народ: «Cela ne nous regarde pas; que le président et l'assemblée s'entretuent, peu nous importe». ⁶ Но то, что армия осмеливается навязать Франции правительство, да еще какое, это уже, несомненно, касается народа, и чернь будет дивиться, что это за такое всеобщее, «свободное» избирательное право, которым они должны будут воспользоваться «впервые со времени 1804 года»!

Как далеко наш, видимо очень раздосадованный на человечество, мировой дух заведет этот фарс, придется ли нам в течение одного года пережить консульство, империю, реставрацию и т. д., или же наполеоновской династии придется потерпеть поражение на улицах Парижа, прежде чем она станет невозможной во Франции, — и сам черт не знает. Но мне кажется, что дело принимает

сумасшедший оборот, и что этих безобразников ждут тяжелые унижения.

Допустим даже, что Луи-Наполеон в данный момент укрепится, но ведь не может же такая ерунда затянуться надолго, даже при самой глубокой испорченности французов. Но что же дальше? Что тут «красным» и не пахнет, это совершенно ясно, и если господин Луи Блан и Ледрю-Роллэн еще вчера днем укладывали свои пожитки, то сегодня они спокойно могут их снова распаковывать. «*La voix tonnante du peuple ne les rappelle pas encore*». ⁷

Здесь и в Ливерпуле эта история внезапно приостановила торговлю. Но в Ливерпуле уже сегодня опять бойко торгуют. А французские фондовые бумаги упали лишь на 2 процента.

При нынешних обстоятельствах придется, конечно, обождать с попытками выступить в английской прессе в пользу кельнцев.

О статьях для «Трибуны», которые, очевидно, в ней уже появились, напиши на *английском* языке издателю «Трибуны». Возможно, что Дана отсутствует, а на *business letter*, ⁸ наверное, последует ответ. Tell him that he must distinctly state per next returning steamer what has become of these papers, and in case they have been made use of, he is requested to send by the same opportunity copies of the Tribune containing them, as no copy has been kept here and without having the articles already sent, again before our eyes, we cannot, after such a lapse of time, undertake to go on with the following numbers of the series. ⁹

Эффект, произведенный известиями из Франции на европейскую эмигрантскую чернь, должен был быть весьма ободряющим. Я хотел бы это видеть.

En attendant tes nouvelles ¹⁰

Твой Ф. Э.

¹ Представители Франции, обсуждайте спокойно! ² венсенских стрелков. ³ Да здравствует республика! ⁴ Консульство без первого консула. ⁵ Но народ, народ! — Народ плюет на всю эту лавочку. ⁶ Это нас не касается; пусть президент и Собрание убивают друг друга, это нас мало трогает. ⁷ Гремящий голос народа их еще не призывает. ⁸ деловое письмо. ⁹ Объясни ему, что с ближайшим обратным пароходом он должен прислать точные указания, что он сделал с этими рукописями, и что если они были использованы в «Трибуне», то его просят с той же оказией переслать тебе те номера «Трибуны», в которых они помещены, так как у тебя здесь не имеется экземпляра и без уже высланных нами статей ты после такого долгого промежутка времени ничего не можешь предпринять для составления дальнейших статей серии. ¹⁰ В ожидании известий от тебя.

135.

28, Deanstreet, Soho, 9 декабря 1851 г.

Дорогой Фредерик!

Я заставил тебя долго ждать ответа, так как *quite bewildered*¹ этими трагикомическими событиями в Париже. Я не мог сказать, подобно Виллиху: «Странно, нам не прислали из Парижа никакого уведомления!» И не мог я, подобно Шапперу, перманентно философствовать над кружкой пива у Шертнера. Для спасения отечества Шаппер с несколькими оруженосцами, под предлогом необходимости быть на страже, проспали две ночи у Шертнера. Эти господа, как «Леве-фон-Кальбе» и К^о, упаковывали свои *malles*,² но так как осторожность — лучшее проявление храбрости, то они решили перебраться туда лишь тогда, когда дело примет «решительный оборот».

Читал ли ты ламентации Луи Блана? На следующий день *Bernar le clubiste*³ протестовал против того, будто он также поддерживал эту ламентацию.

При сем — письмо от Рейнгардта из Парижа и те пивные истории, о которых я тебе говорил во время моего пребывания в Манчестере.

Пипер опять здесь, чрезвычайно доволен собою. Он уходит от Ротшильдов, но продолжает давать у них в доме уроки немецкого языка.

Мадам отказала ему от должности постоянного домашнего учителя. В моей истории с Прудоном он со времени своего последнего письма ничего не делал, не слышал и не видел. Мне кажется, что он смотрит на перевод как на *свое* произведение, *ce qui n'est pas*.⁴

Maintenant,⁵ что же мне писать тебе о ситуации? Одно, во всяком случае, ясно: пролетариат берег свои силы. Бонапарт пока что победил, так как в эту ночь он превратил открытое голосование в тайное. С помощью украденного на самом деле у банка миллиона фунтов стерлингов, вопреки всем заявлениям д'Аргу задним числом, он купил армию. Удастся ли ему еще раз такой переворот, если результаты выборов будут против него? Примет ли вообще большинство участие в выборах? Орлеаны уехали во Францию. Трудно, даже невозможно предвидеть исход драмы, героем которой является Крапулинский. Во всяком случае, мне кажется, что благодаря *coup d'état*⁶ положение скорее улучшилось, чем ухудшилось. С Бонапартом легче справиться, чем с Национальным собранием и его генералами. А диктатура Национального собрания стояла уже у порога.

Великолепно разочарование Техова и К⁰, видевших во французской армии прямо *les apôtres de la trinité démocratique — de la liberté, de l'égalité, de la fraternité!*⁷ *Les pauvres hommes!*⁸ А господа Мадвини и Ледрю-Роллэн могут теперь также спокойно ложиться спать. Эта катастрофа была *downfall*⁹ эмиграции. Обнаружилось, что она *roug rien*¹⁰ в революции. Ведь они *решили* приостановить мировую историю до возвращения Кошута. Кстати: предпринятая для последнего подписка дала в Лондоне точно 100 пенсов, так и читай — пенсов.

Привет!

Твой К. М.

Кстати. Не послал ли я тебе как-то письмо Пипера, написанное ко мне *по-французски*. Если да, то отошли мне его с обратной почтой.

¹ был совершенно захвачен. ² чемоданы. ³ член клуба. ⁴ чего, на самом деле, нет. ⁵ Ну. ⁶ государственному перевороту. ⁷ апостолов демократической троицы — свободы, равенства, братства. ⁸ Бедняги. ⁹ падением. ¹⁰ не имеет значения.

136.

Манчестер, 10 декабря 1851 г.

Дорогой Маркс!

Что делают «великие люди» во время этого *eventful crisis*?¹ Говорят, будто Луи Блан был арестован во Франции, но это, к сожалению, вряд ли верно, *pous connaissons notre petit bonhomme.*² Впрочем, с того времени как из парижского восстания ничего не вышло, я рад, что первая буря миновала. *Tout blasé qu'on est,*³ нас все же в такие моменты до некоторой степени охватывает старая политическая лихорадка, и все же до некоторой степени заинтересовываешься исходом подобной истории. Я могу теперь, по крайней мере, снова ввязаться за человеческие расы, исследованием которых я был занят в момент совершения этого великого переворота.

Впрочем, несмотря на все это, ни здесь, ни в Ливерпуле не восстанавливается прежнее чувство уверенности, и лишь П. Эрмен теперь так же полон бодрости и веры в Наполеона, как четыре дня тому назад он был *dejected* и *chaffallen.*⁴ Здешние буржуа все же, в общем, слишком умны, чтобы верить в более чем эфемерное существование этого наполеоновского фарса. Но что же получится из всей этой дряни? Избран будет Наполеон, в этом нет сомнения; у буржуазии нет иного выбора, да и кто будет проверять избирательные

карточки? Ошибки в сложении в пользу авантюриста слишком соблазнительны, и вся низость французских имущих классов, холопское преклонение пред малейшим успехом, пресмыкание пред *rouvoir quelconque* ⁵ выступили на этот раз наружу более ярко, чем когда-либо раньше. Но каким образом этот осел хочет править? Он получит меньше голосов, чем в 1848 году, *c'est clair*, ⁶ быть может, всего от 3 до 3¹/₂ миллионов; для кредита это уже опасное поражение. Никакая финансовая и податная реформа невозможна, во-первых, из-за отсутствия денег, во-вторых, потому, что военный диктатор может ее провести лишь при удачных внешних войнах, — когда *la guerre paie la guerre*, ⁷ а в мирное время не только не бывает никаких излишков, но еще приходится гораздо больше тратить на армию; в-третьих, так как Наполеон слишком глуп. Что же ему делать? *La guerre*? ⁸ Против кого, против Англии? Или, может быть, установить военный деспотизм, который в мирное время должен неизбежно повести к новой военной революции и вызвать в армии образование партий Национального собрания? Нет никакого выхода, этот фарс должен сам по себе закончиться крахом. А что будет, если к тому же еще наступит торговый кризис!

Что Луи-Наполеон «вынашивает» нечто «великое», в этом я ни на минуту не сомневаюсь, но я жажду знать, какого именно рода эта бессмыслица будет. Развитие наполеоновских идей примет очень высокий полет, но бултыхнется в лужу, разбившись о самые будничные препятствия. — Что совершенно ясно обнаруживается во всей этой эпопее, это то, что красные получили отставку, чистую отставку. Было бы бессмысленно теперь подыскивать извиняющие обстоятельства тому, что они в своей массе не сопротивлялись. Ближайшие месяцы выяснят, наступила ли во Франции такая спячка, что потребуются годы, чтобы сделать для красных опять возможным новый сорок восьмой год. Но, с другой стороны, откуда взяться этому спокойствию?

Я вижу лишь два выхода из этого свинства:

Или фракции «партии порядка», представленные в армии, займут теперь место «анархистов», *id est* ⁹ создадут такую анархию, что, в конце концов, красные и Ледрю-Роллэн появятся в роли таких же спасителей, как теперь Луи-Наполеон; или Луи-Наполеон отменит налог на напитки и даст себя убедить провести некоторые буржуазные реформы; трудно только сказать, откуда он возьмет на это денег и сил. В последнем, совершенно невероятном случае он смог бы удержаться.

Qu'en penses-tu? ¹⁰

Твой Ф. Э.

¹ богатого событиями кризиса. ² мы знаем нашего маленького человечка. ³ Как наши чувства ни притуплены. ⁴ убит и подавлен. ⁵ всякой властью. ⁶ это ясно. ⁷ война оплачивает войну. ⁸ Война? ⁹ то есть. ¹⁰ Что ты думаешь об этом?

137.

Манчестер, 11 декабря 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем обратно письмо от Р[ейнгар]дта и от Пипера, которое я задерживал у себя из-за кельнских дел.

Из торжественно возвещенной газетами большой экспедиции в Париж 700 бродяг, кажется, ничего не выходит; точно так же и маленький Луи Блан, судя по его возобновившимся сегодня стенаниям в «Daily News», пока что если и не в Лондоне, то все же в безопасности. Первая lamentация была еще божественным произведением по сравнению с сегодняшней. *Peuple français — noble fierté — courage indomptable — éternel amour de la liberté — honneur au courage malheureux* ¹ — и затем наш малыш делает *demi-tour à droite* ² и проповедует взаимное доверие и объединение народа и буржуазии. *Vide Proudhon: «Appel à la Bourgeoisie», pagina 2.* ³ А эти рассуждения! Если инсургенты были разбиты, то это объясняется тем, что это был не «*vrai peuple*»; ⁴ «*vrai peuple*» не может быть разбит; а если «*vrai peuple*» не бился, то это объясняется тем, что он не хотел биться за Национальное собрание; на это можно было бы, конечно, возразить, что если «*vrai peuple*» победил бы, он был бы сам диктатором, но об этом второпях ему некогда было подумать, к тому же его так часто обманывали!

Это — старая пошлая логика демократов, которые еще больше пыжались после каждого поражения революционной партии. Помому, если на этот раз пролетариат в массе своей не бился, *le fait est*, ⁵ что он вполне отдавал себе отчет в собственной спячке и бессилии, и с фаталистической покорностью так долго будет отдаваться кругообороту республики, империи, реставрации и новой революции, пока он, благодаря ряду лет бедствий, под господством возможно большего «порядка», опять не наберется новых сил. Я не говорю, что это так будет, но мне кажется, что это было инстинктивным основным воззрением, преобладавшим у парижского народа во вторник и в среду, а также после восстановления тайного голосования и последовавшего за этим отступления буржуазии в пятницу. Бесмысленно говорить, что для народа это не было подходящим моментом. Если пролетариат станет ждать, пока правительство поставит перед ним его собственный вопрос или пока наступит коллизия, кото-

рая выявит конфликт острее и определеннее, чем в июне 1848 года, — то он может долго прождать. Последним случаем, когда вопрос о взаимоотношении между пролетариатом и буржуазией был поставлен совершенно ясно, был избирательный закон 1850 года, и тут народ предпочел не сражаться. Эта история, как и постоянные ссылки на 1852 год, уже были сами по себе доказательством слабости, вполне для нас достаточным для того, чтобы устанавливать и для 1852 года очень плохой прогноз, исключая случай торгового кризиса. Со времени отмены всеобщего избирательного права, со времени устранения пролетариата с политической арены, трудно себе представить, что официальные партии смогут вопрос поставить так, чтобы его решение удовлетворило пролетариат. А как же обстояло дело в феврале? Тогда народ также был *hors de cause*,⁶ как и теперь. И совершенно нельзя отрицать того, что, если бы революционная партия стала упускать в революционном развитии решающие поворотные моменты, не вмешиваясь в них ни словом, или если бы она вмешивалась, не одержав победы, она все равно с полной уверенностью могла бы считаться на некоторое время похороненной. Witness:⁷ восстания после Термидора и после 1830 года, и господа, так громко теперь возглашающие, что «настоящий народ» выжидает настоящего случая, подвергаются опасности постепенно быть сваленными в одну кучу с бессильными якобинцами периода 1795—1799 годов и с республиканцами периода 1831—1839 годов и сильно оскандалиться.

Нельзя также отрицать того, что впечатление, произведенное восстановлением тайного голосования на буржуазию, мелкую буржуазию и, *au bout du compte*,⁸ также и на многих пролетариев (а это вытекает из всех сообщений), бросает удивительный свет на мужество и проницательность парижан. Многие, очевидно, даже не подумали о том, до чего нелеп поставленный Луи-Наполеоном вопрос и где же гарантии правильного регистрирования голосов; но большинство, наверное, раскусило это надувательство и все же постаралось себя убедить, что теперь *all right*,⁹ лишь бы найти повод увильнуть от драки.

Судя по письму Рейнгардта, по ежедневным новым разоблачениям о жестокости солдат и особенно об их эксцессах на бульварах против *rékin quelconque*, рабочего или буржуа, красного или бонапартиста, *n'importe*,¹⁰ — судя по накопляющимся сведениям о местных восстаниях даже в самых отдаленных углах, где никто не ожидал сопротивления, судя, наконец, по письму французского депутата и промышленника во вчерашнем «Daily News», судя по всему этому, *appel au peuple*,¹¹ повидимому, принимает неприятный

для Бонапарта оборот. Широким массам парижской буржуазии, повидимому, не очень по вкусу приходится этот новый режим с его октроированными законами о ссылке. Военный терроризм развивается слишком быстро и слишком бесстыдно. Две трети Франции на осадном положении. Я думаю, что после всего этого масса буржуазии совсем не будет участвовать в голосовании, что весь фарс с голосованием кончится ничем, так как во всех сомнительных местах, где в голосовании примут массовое участие противники Луи-Наполеона, жандармы будут нарочно затевать стычки с избирателями, чтобы добиться затем отмены всей избирательной процедуры. Тогда Луи-Наполеон объявит Францию en état d'aliénation mentale¹² и провозгласит армию единственной спасительницей общества. Тогда вся эта грязь совершенно обнажится, и Луи-Наполеон погрязнет в ней. Но как раз во время этой избирательной истории дело могло бы принять очень неприятный оборот, если бы и тогда можно было еще вообще ожидать серьезного сопротивления против установившегося правительства.

Миллион голосов ему обеспечен в среде чиновников и солдат. Полмиллиона бонапартистов, возможно и больше, имеется в стране. Полмиллиона, а может быть больше трусливых обывателей будут также голосовать за него. Полмиллиона глупых крестьян, миллион на ошибки в сложении — это составляет уже $3\frac{1}{2}$ миллиона, а больше этого не имел и первый Наполеон в империи, которая обнимала весь левый берег Рейна и Бельгию, т. е. насчитывала, наверное, 32 миллиона жителей. Этого ему пока будет достаточно. И если бы он получил это количество, имея против себя, может быть, даже миллион, то буржуа немедленно склонились бы к нему. Но возможно, что он не получит этих $2\frac{1}{2}$ миллионов, и возможно, — хотя это значило бы предъявлять слишком высокие требования к честности французских чиновников, — что ему не удастся добиться того, чтобы ему приписали на 1 миллион «ошибок в сложении». Во всяком случае, очень много зависит от тех мер, которые он вынужден будет за это время предпринять. Впрочем, кто может помешать чиновникам, до начала голосования, бросить в избирательные урны несколько сот «да»? Il n'y a plus de presse¹³ — никто не может этого проверить.

Во всяком случае, скверно для Крапулинского, что фонды опять начинают падать, а для Луи Блана, что он должен теперь признать Англию свободной страной.

Через несколько месяцев красным опять, наверное, представится случай показать себя, возможно, уже при голосовании; но если они и тогда станут выжидать, они — пропащие люди, и даже

при самом большом торговом кризисе доведут дело только до собственного поражения, которое их устранил со сцены на несколько лет. Какая еще польза от этого сброда, если он разучился драться?

Разве Пипер опять в Лондоне? Хочу ему дать поручение во Франкфурт относительно книг и не знаю, в Брайтоне ли он еще.

Хуже всего то, что у тебя теперь будут затруднения с Левенталем. Было бы лучше, если бы контракт был уже подписан.

Liverpool Market — quiet at yesterday's prices; Manchester Market — firm. Some overtrading going on to the Levant. German buyers continue keeping out of the Market.¹⁴

Твой Ф. Э.

¹ Французский народ — благородная гордость — неукротимое мужество — вечная любовь к свободе — слава побежденному мужеству. ² полуоборот направо. ³ Смотри Прудона: «Обращение к буржуазии», стр. 2. ⁴ «настоящий народ». ⁵ то это потому. ⁶ сброшен со счетов. ⁷ Доказательство. ⁸ в последнем счете. ⁹ все в порядке. ¹⁰ всякого штатского, ¹¹ обращение к народу. ¹² в состоянии умопомешательства. ¹³ Прессы больше нет. ¹⁴ Ливерпульская биржа — спокойно, при вчерашних ценах; биржа в Манчестере — прочно. Часть излишков уходит на Восток. Немецкие покупатели все еще отсутствуют на рынке.

138.

16 декабря 1851 г.

Дорогой Маркс!

При сем — письмо от Вейдемейера, которое я получил сегодня днем. Известия пока что очень хорошие, газета Гейнца при последнем издыхании, и Вейдемейер уже теперь в состоянии выступить с еженедельной газетой. Но его требование — доставить ему до пятницы вечером статью — несколько преувеличенно, — особенно при теперешних обстоятельствах. И все же как раз теперь люди жаждут там анализа и ориентировки по поводу французской истории, и если бы можно было сказать что-нибудь особенно интересное по поводу ситуации, то этим можно было бы обеспечить успех предприятия начиная с первого номера. Но в этом-то как раз и трудность, и мне, как всегда, опять приходится взваливать на тебя всю тяжесть; что касается меня, то я готов писать о чем угодно, только не о *coup de tête*¹ Крапулинского. Ты сумеешь, во всяком случае, написать об этом статью дипломатическую, («не отрезающую отступления») и в то же время делающую эпоху. Что я напишу, я еще не знаю, во всяком случае что-нибудь попытаюсь. Шаппера я не могу послать: во-первых, первая глава вышла слабой, а во-вторых, я совершенно оставил эту вещь с тех пор, как история начала писать комические

романы — слишком опасная конкуренция. Я пока что включу в свой план еще несколько комических сцен и затем опять возьмусь за это дело, — но туда это совершенно не подходит, и, кроме того, Вейдемейер хочет иметь статьи за нашей подписью. Напиши мне с обратной почтой, что ты думаешь делать, *le temps presse*;² субботний пароход не может прийти в Нью-Йорк раньше Нового года, а это скверно; еще хуже то, что нам дан очень короткий срок.

Пусть только В[ейдемейер] не вмешивается в американские дела до тех пор, пока он не научится писать правильно хотя бы имена. Жаль, что у него нет теперь времени немного осмотреться и подучиться английскому языку. «Аболиционисты» были бы для Гейнца прямой находкой. Что касается Веерта, то я увижусь с ним здесь завтра или послезавтра и тогда посмотрю, что он может дать. На ближайшей неделе, возможно уже в субботу вечером, я буду в Лондоне, и мы сможем тогда обсудить дальнейшее; пока остается лишь вопрос, что сделать для первого номера; с этим нельзя ждать, напиши мне поэтому с обратной почтой, что ты думаешь делать.

В коммерческом отношении, судя по этому письму, Вейдемейер еще, кажется, несколько неопытен; я дам ему по этому поводу нужные указания. Он еще совсем не знает своей публики.

Лупус должен также немедленно приступить к делу и выяснить, что он может сделать для первого номера; у Вейдемейера будут большие затруднения с материалом.

Что ты скажешь о французских фондах, которые вчера стоили 101,50 франков — на 1½ процента выше номинала; — это доставит Луи-Наполеону больше голосов, чем все вранье купленных газет. Помогут ему также эксцессы крестьян на юге и в центре. Частью эти сообщения, несомненно, верны, ничего иного и нельзя было ожидать от этой варварской расы. Их несколько не интересует форма правительства и т. д., и прежде всего они стремятся разрушить дом сборщика податей и нотариуса, изнасиловать его жену, а его самого избить до смерти, если удастся изловить.

*Au fond*³ это имеет мало значения, и эти господа этого вполне заслужили, но это гонит в объятия Наполеона всех тех, кто может что-либо потерять. На самом деле, нашествие внутренних варваров, если оно когда-нибудь произойдет, обещает превратиться в весьма веселое зрелище особенно для тех, под чьим управлением подобного рода приятные истории произойдут. Повышение фондов *теперь* уже, наверное, больше не правительственный маневр, а результат страха *haute finance*⁴ пред перспективой быть разорванной живьем, кото-

рую в таких живых красках рисует правдивый «Constitutionnel», каковой и заставляет ее выражать полное доверие Луи-Наполеону. Итак, напиши мне сейчас же о Вейдемейере.

Твой Ф. Э.

¹ отчаянной выходке. ² время не терпит. ³ В сущности. ⁴ финансовой знати.

139.

[Энгельс — госпоже Маркс.]

Четверг вечером. [18 декабря 1851 г.]

Дорогая госпожа Маркс!

Я получил оба ваши письма и спешу в ответ на них тотчас же сообщить, что само собой разумеется, что каждый отдельно отправляет свои статьи, так как в противном случае есть все шансы, что ни одна из них не попадет на пароход. Письма должны быть в Лондоне до пятницы, до 5 или 6 часов вечера, на почте. Я посмотрю, что я успею сделать — отечество мне за последнее время так надоело, что я ни о чем больше не знаю. Во всяком случае я кое-что пошлю. Английский манифест, а также находящиеся здесь номера Нью-Йоркской «Schnellpost», я привезу с собой. Напомните Марксу написать Вейдемейеру, чтобы тот немедленно взял у Дана соответствующие номера «Трибуны» и прислал их сюда, чтобы я мог продолжать свою работу.

Когда я буду иметь возможность уехать — я еще точно не знаю. Может быть, в субботу утром. Но я думаю приехать самое позднее в субботу, в 6 часов вечера, а может быть уже в 11 часов утра. Пока сердечный привет вам и всему вашему семейству

от вашего Ф. Энгельса.

1852 год.

140.

6 января 1852 г.

Дорогой Маркс!

Я надеюсь, что ты *by this time*¹ уже совершенно оправился от своей болезни, и я точно так же надеюсь, что твоя жена не будет больше сердиться на меня за тот «*coup d'état*»,² который поверг тебя на два дня в такую глубокую меланхолию. Во всяком случае, прошу тебя передать мой сердечный привет ей и детям.

К уходящему в ближайшую пятницу пароходу я приготовлю статью для Вейдемейера и надеюсь получить от тебя для «Трибуны» какую-нибудь *actualité*,³ которую я немедленно переведу. Для этой газеты, право же, нечего напрягаться. Барнум фигурирует на ее столбцах во всей своей красе, а английский язык ужасен — вообще же она имеет и некоторые хорошие стороны, которые, впрочем, нашего *line*⁴ не касаются. Если ты сможешь прислать это мне сюда до четверга, хотя бы со второй почтой, то ты получишь перевод обратно своевременно, к пароходу, отправляющемуся в субботу, *id est*⁵ со второй почтой, прибывающей в Лондон в пятницу. На ближайшей неделе нужно будет взяться за статьи о Германии и быстро их закончить.

Плоская манера, с которой австрийцы стали подражать Луи-Наполеону, поторопившись также отменить свою конституцию, уже чересчур глупа. Теперь и в Пруссии скоро начнется катавасия, — нет никакого сомнения, что Пруссия предана и продана Австрией, и, если она тоже не отменит конституцию, она очень легко может быть раздавлена русско-австрийско-французской коалицией.

В 1851 году английская хлопчатобумажная промышленность потребляла еженедельно 32 000 кип против 29 000 в 1850 году. Весь излишек — и даже значительно больше — уходит в Ост-Индию и Китай; работа по заполнению этих двух рынков и внутренний рынок почти одни только и питают теперь Манчестер, так как на континент идет очень мало. Это не *может* долго длиться. Дело здесь чрезвычай-

чайно обостряется; уже достаточно показательно, например, то, что при неслышанно богатом урожае цены на хлопок все время повышаются, исключительно в ожидании еще большего спроса.

От Веерта я получил сегодня несколько строк из Брэдфорда — он осведомляется о Людерсе, который ему написал письмо. Если ты можешь сообщить мне что-нибудь о том, принимал ли этот старый осел участие в тамошних интригах и в какой мере, то это будет мне приятно, а, быть может, впоследствии и полезно. Так здесь ничего нового, *business with us slack*,⁶ тумана и дыму — масса.

Твой Ф. Э.

¹ за это время. ² государственный переворот. ³ злободневную статью. ⁴ от-дела. ⁵ то есть. ⁶ дела у нас идут тихо.

111.

[Госпожа Маркс — Энгельсу.]

[Около 8 января 1852 г.]

Дорогой господин Энгельс!

Как вы могли подумать, что я на вас сержусь из-за маленькой попойки — мне очень жаль, что я не видела вас больше перед вашим отъездом, тогда вы бы сами убедились в том, что я немного дулась только на моего высокого повелителя. Впрочем, такие сцены имеют часто весьма целительные последствия; но на этот раз *règè*¹ Маркс, должно быть, очень сильно простудился во время своих ночных философских скитаний с племянником архиепископа, так как он серьезно заболел и лежит до сих пор в постели. Быть может, сегодня он сможет на некоторое время встать с постели и взяться за статьи для Америки. Но я полагаю, что он еще не настолько оправился, как ему кажется. Он три ночи напролет бредил и был очень плох. Он просит вас кланяться Веерту и передать ему, что он был на него очень сердит за то, что при пересылке письма Рейнгардта из Парижа он приписал лишь два слова; пусть он прежде всего выполнит свои обязанности давнишнего редактора «Новой рейнской» и pošлет какой-нибудь товар на склад в Америку. Что касается грубияна, то *règè* Маркс говорит теперь буквально следующее:

«Постоянно пьян, как стелька, хвастает своим наглым поведением по отношению к дамам, имея в виду пинки, полученные им от *bar-Besen*;² сначала он самым шумным образом, провоцируя английскую публику, на улицах и в переулках, в приемных, в omnibusах, на полупенсовых пароходиках, принимал участие в великих дебатах между Кинкелем и Руге; тащил каждого немца за уши в *Granbougne Hôtel*; был одним из самых важничающих крикунов эмигрантского клуба, защищавшим всех, кто нападал на «маленькую секту» «Новой рейнской газеты». Если он будет просить у Веерта протекции, пусть последний посоветует ему поискать себе места в одном из семи учреждаемых Кинкелем министерств, что не должно ему стоить большого труда при его больших заслугах пред великой единой революционной партией и при его влиянии на обоих кинкелевских придворных писателей, Мейена и Оппенгейма. Вообще, пусть Веерт,

если кто-либо из этих проходимцев к нему обратится, даст им понять, что он также принадлежит к «маленькой неисправимой секте» «Новой рейнской газеты», как Мейен писал в Америку». Так говорит мой высокий пациент.

Вчера получилось очень милое письмо от Клуса из Вашингтона, которое лишний раз подтверждает безграничную низость Кинкеля. Я, к сожалению, не могу этого письма приложить, так как Фрейлиграт взял его вчера с собой. Мы его вам вышлем завтра. Сообщите тогда и Веерту выдержки из него.

О заискивании Кинкеля у здешних демократических торговцев изюмом Фрейлиграт рассказал новый анекдот, который я вам здесь сообщаю. Фрейлиграт обратился к одному здешнему *слепому* демократическому купцу, немцу, с просьбой о должности. Он сообщает ему о своих купеческих аттестациях, и при этом косоглазый торговец сыром рассказывает ему: «Я имел честь завести знакомство с господином профессором Кинкелем; я присутствовал на одной из его лекций, а затем господин профессор посетил меня и предложил бесплатно читать мне по вечерам лучшие немецкие поэтические произведения; я, конечно, отклонил такое необыкновенное предложение, так как я не в состоянии должным образом вознаградить такого человека, как господин профессор Кинкель, за такие услуги. Кроме того этому господину пришлось бы еще тратиться на omnibus, так как он живет далеко. Тем не менее, господин профессор изволили прийти и читать мне вслух немецких поэтов — между прочим, и некоторые мелочи ваши, господин Фрейлиграт! — При этом он мне рассказал, что вы — собственно купец и состояли уже на службе, и т. д., и т. д. И госпожа профессорша также изволили меня посетить и предложили мне играть и петь». Госпожа профессорша могла бы также предложить и танцы, и пластические позы, если бы имела дело не со слепым ценителем искусства.

Будущий президент немецкой республики, который гонится за здешними лавочниками, чтобы читать им свои божественные стихотворения и по этому случаю получить ужин, это, пожалуй, еще лучше, чем французский Крапулинский.

Вам, наверное, будет также интересно услышать, что ваш бывший шеф, генерал Виллих, получил от низов эмиграции порядочную взбучку, ибо они никак не могут усвоить себе различие между собой и верхами эмиграции и не одобряют того, что крупные революционные фонды распределяются в интересах вели их мужей. Из письма Клуса видно еще, что Кинкель воспользовался мистификацией Виллиха и письмом Шрамма, чтоб продемонстрировать в Америке свои связи с Кёльном. Пора уже разоблачить эту историю. Кинкель, повидимому, распространял и в Америке слух, что партия Маркса устанавливает призы за пороки, чтобы не стать «героями морали». Муж сердечно кланяется Фредерику. Девочки уже в школе. Вы помните, быть может, что Пипер подарил мальчику свою красивую записную книжку. Вчера он пригрозил ему, что он ее у него отнимет и вместо нее купит что-нибудь другое. Сегодня утром мальчик прячет книжечку и говорит: «Мавр, теперь я ее хорошо припрятал, и если Пипер захочет ее взять, я скажу, что подарил ее нищему!» Каков мазурик!

Сердечный привет.

Женни Маркс.

¹ отец. ² трактирных кельнерш.

142.

[Энгельс — госпоже Маркс.]

Манчестер, 14 января 1852 г.

Дорогая госпожа Маркс!

Я давно ответил бы на ваше милое письмо, если бы мне абсолютно не помешал в этом целый ряд историй — особенно присутствие моего шурина, которого я целую неделю должен был развлекать, что здесь, в Манчестере, совсем не такое простое дело. О работе в это время, конечно, нечего было и думать, и лишь теперь я могу начать обдумывать, что можно сделать до ближайшего парохода, уходящего в пятницу. Сегодня или завтра вечером будет, во всяком случае, что-нибудь приготовлено для «Трибуны», и папаша Вейдемейер тоже не останется с пустыми руками. Пока что у меня нет от него ни слуху, ни духу, — надеюсь, что вы сегодня от него получили письмо, из которого мы узнаем о видах на Новый год, так как письма, пришедшие со вчерашним пароходом, заканчиваются как раз 1 января.

Я надеюсь, что *pater familias*¹ уже встал со своего одра болезни и наказания, и желаю лишь, чтобы из-за библиотеки он не позабыл совершенно о «Трибуне». Сведения о честном Людерсе были немедленно переданы Веерту, как и нужное о благородном Кинкеле.

Побой, которые получил великий Виллих, для нас очень приятны; перед ним открывается блестящая перспектива получать их неоднократно в будущем. Раз посредством *bonne volée*² разрушены чары неприкосновенности и непобедимости, которыми окружил себя великий воин, то каждый негодяй из эмигрантов, вплоть до самого последнего Конрада, не успокоится, пока не повторит этого эксперимента и не отомстит за свои частные *grievances*³ этому благородному человеку. *Courage malheureux*⁴ великого человека может тогда утешаться тем, что люди, которые его поколотили, были исключительно «принципиальными» людьми. И хотя ему и были нанесены удары, это были «принципиальные удары».

При сем обратно письмо Клуса. Этот молодец — неоценимый агент. Когда история с виллиховской мистификацией выйдет наружу, это будет веселый номер. Эти храбрецы не осмелятся больше писать письма из опасения, что они попадут к нам в руки. Какое низкое лицемерие со стороны этого Кинкеля утверждать, что он писал в Лондон, чтобы вступили с нами в переговоры! Этот факт доказывает лишь, что его в Америке очень часто и в очень неприятной для него форме интерpellируют о нас и что среди тамошней

демократической черни тоже имеется set⁵ наших сторонников, которые неизвестно почему клянутся нашим именем, как другие — именем Кинкеля, или Гейнца, или Геккера; это, вероятно, сторонники à la Магнус Гросс, Вильгельми и т. д., люди, которым лишь нужно пробыть с нами короткое время, чтобы составить себе другое мнение и о нас, и о себе самих, и вернуться в ту же общую овчарню, в которой им и подобает быть.

Луи-Наполеон становится с каждым днем интереснее. В то время как ни одно из его великих мероприятий для уничтожения пауперизма и т. д. все еще не может увидеть света божьего, ему удалось разъярить филистеров всего мира мерами, предназначенными лишь для временного упрочения его власти. Ни одна из не-французских газет не осмеливается больше выступить в его защиту, даже «Sun» и «Кёльнская» молчат, и только этот бродяга, корреспондент «Globe», выкладывает еще ежедневно свои низости в отведенном ему для этого уголке. К тому же Луи-Наполеон уже возбудил против себя подозрения всего мира, по всей Европе опять идет гул от войны и военной шумихи, и даже миролюбивому «Daily News» приходится *volens-volens*⁶ поддерживать призыв к «national defences».⁷ У Наполеона на-ряду с чертами характера gambler,⁸ проявившимися особенно со времени переворота 2 декабря, начинает как раз теперь обнаруживаться и другая сторона его характера — задатки помешанного претендента, считающего себя ниспосланным судьбой «спасителем мира» и верящего в свою звезду. И когда исполнились сроки, послал господь племянника, чтоб он избавил весь мир от порабощения дьяволу и вывел его из ада социализма. К счастью, скоро соберется парламент, а это всегда вносит некоторое разнообразие в политическую склоку.

Поклон Марксу и малышам

от вашего Ф. Энгельса.

¹ глава семьи. ² хорошей трепки. ³ обиды. ⁴ Победенное мужество. ⁵ группа. ⁶ волей-неволей. ⁷ национальной обороне. ⁸ азартного игрока.

143.

28, Deanstreet, Soho, 20 января 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Лишь вчера я встал с постели и только сегодня снова засел за письма. Пипер с тем энтузиазмом, который он обыкновенно проявляет в первые десять минут, вызвался сходить к Чапману учьсть вексель, так как я не в состоянии был выходить и не хотел этого делать согласно моему плану. На следующий вечер он приносит мне деньги,

но заявляет, что он пошлет вексель тебе, чтобы учесть его в Манчестере. Мы с женой объяснили ему, что мы знаем, что ты этого не можешь сделать. Но у него письмо было уже готово и так как он мне довольно недвусмысленно дал понять, что я, как ему кажется, по неизвестным мотивам причиняю ему затруднения, я предоставил ему свободу, послав его к чорту, тем более, что был уверен, что ты отошлешь ему обратно бумажку. Теперь, когда он мне сообщает этот факт, оказывается, что он вовсе не так спешил, а только хотел напустить на себя важности. Для меня эта история была неприятна потому, что ты мог подумать о не деликатности с моей стороны.

Во Франции *les choses vont à merveille*.¹ И я надеюсь, что *la belle France*² не пройдет эту школу слишком поверхностно, а что ей придется проделать более продолжительный курс обучения. Война, несколькими *months*³ раньше или позже, кажется мне неизбежной. *Nous avons eu le Napoléon de la paix*,⁴ Луи by no means⁵ не может подражать Луи-Филиппу. *Et alors?*⁶

Ты знаешь, что дело кельнцев не попало в эту сессию суда присяжных под тем предлогом, что дело это настолько трудно, что следствие должно начаться сызнова.

Мадье был только что здесь и доказывал мне *de la manière la plus sçarande*,⁷ что французы к завтраку могут взять Лондон и в пять часов овладеть всеми берегами Англии. Питаешь слишком много *pitié*⁸ к этим беднягам, и потому приходится молчать, *quand ils déraisonnent*.⁹

Напиши поскорей.

Твой К. М.

Что слышно о *commerce*?¹⁰

¹ дела идут чудесно. ² прекрасная Франция. ³ месяцами. ⁴ Мы имели Наполеона мира. ⁵ ни при каких обстоятельствах. ⁶ Ну а дальше что? ⁷ самыми низкопробными аргументами. ⁸ сострадания. ⁹ когда они болтают чепуху. ¹⁰ коммерции.

Дорогой Маркс!

При сем седьмая статья для «Трибуны». Восьмая etc. будут готовы завтра вечером, сегодня я напишу что-нибудь для Вейдемейера. Я оставил для Вейдемейера прежде всего Англию, так как я не могу решиться читать немецкие газеты и писать о Германии. Не можешь ли ты побудить Лупуса, который, надеюсь, опять свободен, написать что-нибудь «из Германии»? — Веерт на будущей неделе тоже даст что-нибудь для Вейдемейера, на этой неделе он не

может. Послезавтра я рассчитываю увидеть его здесь, и, возможно, что через неделю или две он придет в Лондон, так как у него опять припадок нетерпения и он сидит, как на горячих углях.

Так как вчера прибыл из Нью-Йорка «Pacific», то возможно, что я получу завтра от Вейдемейера обещанные номера, — однако я не рассчитываю на это, так как возможно, что он дожидался английского почтового парохода. Он, впрочем, должен посылать меньше, 50 экземпляров слишком много и будет, вероятно, стоить бешеных денег; да и кому их пошлешь? Я хочу посмотреть, каковы расходы и, в крайнем случае, если он не может устроить это дело дешевле чрез экспедиционную контору, вполне хватит и 10 экземпляров; ведь на *абонентов* в Европе он не может рассчитывать. Быть может, наберется несколько человек в Лондоне и кой-кто в Гамбурге. Для этого уже нужна целая агентура, а она себя не оплатит. — Надеюсь, что ты мне теперь скоро пришлешь для перевода статью для «Трибуны».

Джонс писал мне, требует статей. Я постараюсь сделать все возможное и обещал ему прислать. При всем том я урываю от занятый одну часть свободного времени за другой, а это скверно. Постараюсь как-нибудь устроиться и надуть *comptoir*.¹ Джонс написал о подлости, совершенной Гарни по отношению к нему, и о 15 ф. ст., на которые тот его надул, и говорит, что об этом ты мог бы мне сообщить подробнее — в чем дело? Он был, конечно, *very busy* ² и писал очень отрывисто и с восклицательными знаками.

Что касается вексельного трюка Пипера, то здесь, конечно, вся спекуляция была очень ясна, и *monsieur le bel homme*,³ вероятно, заметил, что ему нужно действовать гораздо хитрее, если он хочет выманить у меня 8 фунтов. Так как мне хорошо известно было состояние его банкнот за второе января, то я подтрунивал над его мнимой денежной нуждой, предостерегал его против мошеннических и несолидных агентов по векселям в Лондоне, объяснил ему, что вексель этот все же должен быть возможно скорее отослан и, наконец, посоветовал ему дать его инкассировать Вейдемейеру, зная, что он опять попадет в твои руки при возвращении для уплаты за обратную пересылку, которую опять-таки придется уплатить тебе или мне; это чрезвычайно облегчает новую учетную операцию с этим молодым торговым домом. Я должен ему 2 ф. ст., которые он также хотел получить, но и это я обещал ему только в начале февраля.

Что бравый Луи-Наполеон должен будет начать войну, это ясно, как день, и, если бы он мог прийти к соглашению с Россией, он, наверное, затеял бы войну с Англией. Это имело бы свои хорошие и свои

плохие стороны. Фантазия французов, что они могли бы в пять часов завоевать Лондон и Англию, весьма невинного характера. Единственное, что они теперь могли бы действительно сделать, это организовать внезапные пиратские нападения с 20 000, самое большее с 30 000 человек, но им бы нигде не удалось добиться чего-нибудь серьезного. Брайтон — единственный, серьезно угрожаемый город; Саутгэмптон и т. д. защищены лучше, чем всеми своими укреплениями, своим местоположением, — тем, что они расположены в конце длинных бухт, в которые можно попасть только во время прилива, и то лишь при помощи местных лодманов. Величайший успех, которого мог бы добиться французский десант, это — разрушение Вульвича; но даже и тогда им следовало бы весьма остерегаться продвижения на Лондон. О всяком серьезном нападении, хотя бы всего континента, на Англию последняя могла бы узнать, по крайней мере, за год, а шести месяцев совершенно достаточно, чтобы дать ей возможность подготовиться к отражению любого нападения. Нынешний шум сознательно преувеличен, и виги, по мере сил, помогают этому. Если Англия вернет домой дюжину линейных кораблей и пароходов, вооружит другую дюжину судов всех родов, находящихся уже в полуготовом виде в гаванях, если она затем увеличит на 25 000 человек свое войско, организует добровольные егерские батальоны, вооруженные ружьями Минье, прибавит еще к этому немного милиции и немного подучит свое yeomanry,⁴ то она на первое время совершенно обеспечена. Но вообще поднятый шум весьма полезен, правительство действительно на редкость запустило это дело, а теперь это прекратится; и тогда, если дело до чего-нибудь дойдет, они будут так подготовлены, что смогут отразить всякую попытку десанта и немедленно взять реванш.

Вообще же, я вижу для Луи-Наполеона лишь две возможности затеять войну: 1) против Австрии, т. е. против всего Священного союза, или 2) против Пруссии, если Россия и Австрия это допустят. Между тем, последнее весьма сомнительно, а осмелится ли он затеять драку со Священным союзом — еще большой вопрос; Пьемонта, Швейцарии и Бельгии ему не дадут ни Англия, ни Священный союз. Дело так ловко запутано, что в конечном счете все решит чистая случайность.

A à l'intérieur⁵ какое блестящее развитие! Покушения на убийство становятся уже повседневным явлением, а мероприятия все великолепнее. Если б хоть, наконец, слетел господин де-Морни, который все еще пытается разыгрывать добродетельного героя, и если б наш благородный друг конфисковал имущество Орлеанов!

Нельзя лучше готовить почву для правительства Бланки, чем это делает этот осел.

Твой Ф. Э.

¹ контору. ² очень занят. ³ этот красавец. ⁴ независимое крестьянство. ⁵ Внутри.

145.

28, Deanstreet, Soho, 24 января 1852 г.

Дорогой Фредерик!

Пишу лишь несколько строк, так как только-что пришло письмо от Бермбаха из Кёльна, и я хочу, чтобы ты его получил еще завтра. Теперь необходимо, чтобы ты, во-первых, прислал мне письмо to the editor of the Times ¹ о кельнском деле с несколькими строчками, которые я мог бы предпослать *corpus delicti*; ² во-вторых, чтобы ты от своего собственного имени сделал то же по отношению к «Daily News», хотя самое *corpus delicti*, id est ³ самое заявление, будет подписано «a Prussian» ⁴ или как-нибудь в этом роде. Мне кажется, что по отношению к «Times» больше подойдет «доктор», а по отношению к «Daily News» — манчестерский «коммерсант», т. е. будет больше шансов на напечатание. Называй людей их титулами: д-р Беккер, д-р (!) Бюргерс, д-р Даниэльс, д-р Клейн, д-р Якоби, Отто (прославившийся в Германии своими научными работами химик), Резер и Нотьюнг. Кельнская обвинительная камера — это *plus ultra* ⁵ трусости. Впрочем, по новому дисциплинарному закону, судьи уже тоже больше не являются «несменяемыми» или, по крайней мере, являются таковыми лишь номинально.

Твоя статья для Дана превосходна.

Со времени твоего пребывания здесь я, конечно, смог послать бедному Вейдемейеру лишь одну статью. Геморой меня на сей раз больше потряс, чем французская революция. Постараюсь изготовить что-нибудь на будущей неделе. Ходить в библиотеку мне еще не позволяют мои «задние» обстоятельства. Конфискация орлеанских наворованных и выклянченных поместий! Отставка Фульда! Персиньи! Браво! *Ça marche*. ⁶

Замечательно, до чего прогнили *army, navy, colonies, fortifications and the whole administration* ⁷ при этом удивительном режиме аристократической клики, которую английские буржуа волокут за собой по традиции во главе исполнительной власти, начиная с 1688 г. После английского самовозвеличения и либерального шума под эгидой Кошута, после космополитически-филантропически-коммерческих гимнов в честь мира во время выставки, словом, после

этого периода буржуазного самовозвеличения, отрадно видеть, как эти каналы теперь находят, что не только «кое-что», но «все» гнило в датском государстве. И кроме того эти господа уже больно с прохладцей поглядывают на борьбу, происходящую на континенте.

Salut!

Твой К. М.

Оба прилагаемых письма, по крайней мере письмо Клуса, отошли с обратной почтой.

¹ К редактору «Таймса». ² обвинительному акту. ³ то есть. ⁴ пруссак. ⁵ высший предел. ⁶ Дело идет на лад. ⁷ армия, флот, колонии, укрепления и все управление.

146.

Манчестер, 28 января 1852 г.

Дорогой Марке!

Прилагаю статью для «Times». Ты припишешь к ней только следующее: Sir, I believe the publication of the scandalous facts contained in the annexed letter will contribute to throw some lights upon the state of things on the Continent. The correctness of these facts I guarantee ¹ и т. д. Фамилия и адрес.

Моя вещь для «Daily News» пойдет сегодня вечером со второй почтой; если ты это дело устроишь сейчас же, тогда оба письма придут почти одновременно в соответствующие почтовые отделения и смогут появиться в пятничных номерах. Но *сдай это письмо в Чаринг-Кросс*, потому что в районных отделениях письма слишком долго залеживаются.

При сем обратно письма Клуса и Бермбаха. На твоём субботнем письме печать опять в плачевном состоянии; прилагаю ее. Как обстоит дело с этим?

Я подпишусь в «D[aily] N[ews]» просто: A German merchant. ²
Напиши сейчас же.

Твой Ф. Э.

[На обратной стороне помещено следующее письмо на английском языке]:

Редактору «Times».

Лондон, 29 января 1852 г.

Милостивый Государь! Уничтожение на континенте последних остатков независимой прессы возложило на английскую печать почетную обязанность осведомлять о всяком акте беззакония и угнетения в этой части Европы. Разрешите мне поэтому посредством вашей газеты довести до сведения общества

о факте, который показывает, что судьи в Пруссии стоят на совершенно одинаковом уровне с политическими наемниками Луи-Наполеона. Вы знаете, каким драгоценным *средством усиления правительства* может явиться хорошо инсценированный заговор, если его преподнести в надлежащий момент. Прусское правительство нуждалось в таком заговоре в начале прошлого года, чтобы сделать парламент покорным себе. С этой целью был арестован ряд лиц и поднята на ноги полиция во всей Германии. Но ничего не было найдено, и, в конце концов, полиция задержала лишь несколько лиц в Кёльне под тем предлогом, будто они являются вождями широко разветвленной революционной организации. Это, в первую очередь, — д-р Беккер и д-р Бюргерс, два журналиста, д-р Даниэльс, д-р Якоби и д-р Клейн — вольнопрактикующие врачи, из коих двое с честью несли тяжелые обязанности врачей для бедных, и господин Отто, руководитель большого химического предприятия и известный в своей стране благодаря своим работам в области химии. Так как против них не имелось никаких улик, то каждый день ожидали их освобождения. Однако, в то время, как они еще находились в тюрьме, был издан «Дисциплинарный закон», дающий правительству возможность при помощи очень короткой и легкой процедуры избавляться от любого неудобного ему судебного чиновника. Влияние этого закона почти немедленно отразилось на ходе дела против вышеупомянутых господ, тянувшегося до этого крайне медленно и с перерывами. Их не только перевели в *одиночное заключение*, им было запрещено даже всякое письменное общение между собой или с их друзьями; им было запрещено пользоваться книгами и письменными принадлежностями — вещи, которые в Пруссии обычно разрешаются самым тяжким преступникам до их осуждения, — вообще, весь судебный процесс принял совершенно другой характер. *Судебная палата* (вы знаете, у нас в Кёльне судят по Кодексу Наполеона) тотчас же обнаружила готовность объявить, что имеются основания к обвинению, и дело пошло в обвинительную камеру (сенат) т. е. коллегия судей, выполняющую функции английского Большого жюри). Я прошу вас обратить ваше особенное внимание на выходящее из ряда вон постановление этой коллегии. В этом постановлении имеется следующее необыкновенное место, которое мы приводим дословно: «Принимая во внимание, что не было представлено никакого заслуживающего доверия обвинительного материала и что поэтому не установлено никаких моментов для обвинения, — *нет никакого основания поддерживать обвинение*» (вы, конечно, ожидаете, что неизбежным выводом отсюда является постановление об освобождении обвиняемых? Ничуть не бывало! — почему все протоколы и документы предписывается вернуть *следователю* на предмет нового расследования». Таким образом, это означает, что после 10-месячного заключения, во время которого ни усердие полиции, ни проницательность прокурора не в состоянии были создать и тени обвинения, — вся процедура должна начаться заново, чтобы, быть может, после второго года расследования, это дело было в третий раз возвращено следователю. Это явное нарушение закона объясняется следующим: Правительство как раз теперь готовится к созданию высшей судебной инстанции, которая должна быть составлена из самых услужливых элементов. Так как на суде присяжных правительство неизбежно потерпело бы поражение, то ему необходимо затянуть окончательно разбирательство этого дела до тех пор, пока оно не сможет поставить его пред новым судом, который, конечно, даст все гарантии короне и никаких — арестованным. Было бы гораздо честнее со стороны прусского правительства

заранее вынести приговор над заключенными путем королевского декрета, как это сделал Луи Бонапарт. Остаюсь, милостивый государь, вашим покорнейшим слугой.

«Пруссак».

[Подпись рукой Маркса.]

¹ Милостивый государь, я надеюсь, что ознакомление со скандальными фактами, сообщаемыми в прилагаемом письме, будет способствовать освещению современного положения дел на континенте. За достоверность сообщаемого я ручаюсь. ² Немецкий купец.

147.

Манчестер, 29 января 1852 г.

Дорогой Маркс!

Очень досадно, что нельзя ни на кого полагаться и приходится все делать самому. Благодаря глупости нашего курьера мое письмо в «Daily News» вчера не ушло, теперь слишком поздно. Я могу его, таким образом, только задержать, пока я не увижу, помещено ли твое письмо в завтрашнем или в субботнем «Times». Если нет, оно немедленно будет отправлено. Пока что одно consideration.¹ Не был ли бы *Фрейлиграт* подходящим человеком для «Daily News»? Если бы он туда написал, я мог бы попытаться написать в «Weekly Press» и в «Sun». Мы оба уже раз потерпели неудачу у «Daily News».

При сем очередная статья для Дана. Может быть, ее можно было бы разделить на две части, в том месте, где кончаются польские дела, но все же было бы лучше, если бы она осталась цельной. Если ты ее разделишь, то можешь все же обе части отослать с одним и тем же steamer,² так как всю неделю, начиная с завтрашнего дня, не будет ни одного парохода. Я постараюсь теперь работать очень быстро, т. е. по две статьи в неделю, чтобы довести это дело до конца. В общем, это выйдет 15 — 16 статей.

От Вейдемейера не получил ни газет, ни письма. Это меня удивляет. Я сегодня вечером опять приготовлю для него статью.

Французы — настоящие ослы. Мадье обратился ко мне по коммерческому делу, а так как шурин, который знает этот dodge,³ был как раз здесь, я дал ему очень полезные указания и советы. Теперь это животное пишет, что вследствие глупой болтовни какого-то негодяя, который ничего в этом деле не понимает, он намерен иначе повести дело и предлагает most unbusinesslike:⁴ чтобы я получил от своего шурина, который теперь, к счастью, на континенте, рекомендательные письма не для него, а для его компаньона, человека, которого я никогда не видел! Ты помнишь, М[адье] рекомендовал

нам ситцепечатника, который ехал в Манчестер. Этот парень приходил ко мне; я всячески старался быть ему полезным, чем я только мог, очень хорошо с ним обращался, и в награду это животное вдруг исчезло, и я даже не знаю, что с ним случилось. Хорошая раса!

Твой Ф. Э.

¹ соображение. ² пароходом. ³ трюк ⁴ самый неделовой способ.

148.

2 февраля 1852 г.

Дорогой Маркс!

Помнишь ли ты некоего эмигранта *Рихтера* из Торгау (прусская Саксония), седельщика и обойщика, — который прежде был в Лондоне. Этот человек, которого, насколько я могу вспомнить, я видел в Лондоне, — большой, блондин, манеры эмигранта, — внезапно является сюда ко мне, якобы на обратном пути из Бармена, где он, будто бы, некоторое время работал без документов, и передает мне привет от Гюнербейна и т. д., и т. д. Я совершенно ничего не могу о нем припомнить, кроме того, что я его видел. Из наших списков эмигрантов или благодаря хорошей памяти Пфендера или Рингса мы, наверное, сможем узнать о нем что-нибудь более точное. У меня имеется некоторое подозрение, что этот субъект принадлежит к клике Виллиха — в таком случае я его немедленно выброшу. Кстати он уже здесь нашел работу.

О кельнской истории я до сих пор ничего не мог найти в «Times». Я жду лишь ответа от тебя, чтобы немедленно, если это нужно, написать в «Daily News». Американский пароход прибыл, но, к моему величайшему удивлению, до сих пор нет ни письма от Вейдемейера, ни номеров [газеты]. Хотя возможно, что это еще случится завтра.

Твой Ф. Э.

Скажи Пиперу, что я на-днях отошлю ему 2 ф. ст., так как наступил новый месяц.

149.

28, Deanstreet, Soho, 4 февраля 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Веерт сегодня утром уехал в Голландию. Куда он отправится оттуда, я не знаю, и возможно, что Веерт этого тоже не знает. Он, как всегда, был чрезвычайно недоволен своей судьбой, а что

касается нашей судьбы, то в ней ему казалось неудобным лишь то, что мы должны оставаться в Лондоне вместо того, чтобы направиться в Кадикс, Сарагоссу или в какую-нибудь другую дыру в Испании. Ибо с тех пор как Веерт опять пожил в Иоркшире, он решил, что самое лучшее время он прожил в Испании. Он утверждает, что не в состоянии переносить английский климат, и ему поэтому голландский климат покажется, наверное, очень подходящим. Пожелаем ему *le bon voyage* и *attendons*,¹ сдержит ли он свое слово и не забудет ли о Вейдемейере.

В прошлый четверг, *il y a donc presque une semaine*,² как я послал в «Times» «letter to the Editor».³ Повидимому, эта газета, сделавшая себе из полемики против Бонапарта профессию, считает теперь нужным щадить Пруссию. Ты должен, таким образом, обратиться в «Daily News». Если не удастся и это, чего я не думаю, тогда остается «Spectator». *Il est presque sûr*.⁴

Вчера Дж.-Ю. Гарни прислал мне первый номер своего возродившегося и несколько увеличенного в размере «Friend of the People».⁵ Неужели он ради этого на восемь месяцев удалился от мира и похоронил себя в глубокомысленной Шотландии, — впрочем, достаточно одного предложения, чтоб дать тебе представление о вкусе этого деликатеса:

«Justice — Immuable — Universal — Eternal proclaims the sublime principle which will be, at once, our guiding star, the rule of our conduct, and the test etc.» En voilà assez!⁶

А Бонапарта он достаточно наказал, назвав его «Louis the Base».⁷

Не знаю, прислал ли мне Exdear⁸ свой листок, чтобы вызвать у нас сострадание, или потому, что из злобы к нам он стал еще более плоским демократом, чем мы могли предполагать. Впрочем, наряду с плоскостью и «Justice immuable»⁹ там имеются и бесстыдные выходы *trading demagogue*.¹⁰ Против Джонса он при посредстве *spirit of freedom*,¹¹ говоруна Масси, секретаря портновского союза в Castlestreet, помещает апологию ассоциаций вообще и «Amalgamated Society»¹² в особенности. Этот Масси, — поповский блюдолиз, во всем понам поддакивающий, герольд *à tort et à travers des petits grands hommes*,¹³ выброшенных сюда континентом, оклеветавший Джонса, супруг какой-то *saltimbanque*,¹⁴ убедившей его в том, что она ясновидящая. А ведь Радамант-Гарни сам сказал Джонсу, что *au fond*¹⁵ он придерживается его взглядов на ассоциацию. В то же время он анонсирует статью «Kossuths Reception and Progress in America»,¹⁶ хотя в письме к Джонсу он называет

Кошута шарлатаном. Таковы эти господа с «sublime principe». ¹⁷ *Jé ne sais que c'est que des principes, sinon des règles qu'on prescrit aux autres pour soi.*¹⁸ Гарни на некоторое время удалился от дел и дал Джонсу с его *tempérament fougueux*¹⁹ «наплевать на популярность», за что ему потом придется расплатиться. Но, если он даже повредит Джонсу, ему самому ничего не удастся. Как литератор, этот молодец окончательно провалился, но, как мне сказал Луус, слышавший его речь на Jonesstreet, он никуда не годится и как оратор, и вообще он конченный человек. Чорт бы побрал эти народные движения, и в особенности, если они еще *pacifiques*.²⁰ На этом чартистском движении О'Коннор *soшел с ума* (читал ли ты его последнюю сцену пред судом?), Гарни поглупел, а Джонс обанкротился. *Voilà le dernier but de la vie dans tous les mouvements populaires.*²¹

Вчера был у меня полковник Баниа. Между прочим, он рассказал, что Кошут произнес следующую речь собравшимся у него в доме венгерским эмигрантам: «Я буду заботиться о вас всех, но я требую, чтобы вы все были мне верны, преданны и привязаны ко мне. Я не так глуп, чтобы кормить людей, которые интригуют против меня с моими противниками. Я требую, чтобы каждый непременно высказался». Так говорил этот скромный Кошут за кулисами. Затем я узнал от Б[аниа], что Семере, Казимир Батиани и Перцель (*le général*) приезжают в Лондон для организации комитета против Кошута. Наконец, руководителем всего этого *dodge*²² является синьор Мадзини. Он пользуется К[ошут]ом в качестве своего рупора и разыгрывает из себя в своем кабинете Макиавелли. Он держит в руках нити, но этот господин не знает, что марионетки, которых он заставляет плясать, являются героями только в его воображении. Так, например, он писал Кошуту, чтобы тот завязал близкие сношения с Кинкелем. Он лично не мог этого сделать, так как все его время занято переговорами с другой частью важных немецких деятелей. Кошут, повидимому, действительно состоит в дружеских отношениях с Кинкелем, а Кинкель в каждом из своих писем пишет о достойном, выдающемся, «не уступающем ему» друге Кошуте. Кошут, с своей стороны, воображает, что, с одной стороны, опирается на диктатора Германии, Кинкеля, с другой стороны — на диктатора Италии, Мадзини, и что в тылу он, наверное, будет иметь союзного диктатора Франции, Ледрю. Бедняга пал очень глубоко.

Меня посетил один француз, по имени Массоль. Был короткое время сотрудником «*Réforme*» под редакцией Ламеннэ. Сперва он был среди *civilisateurs*,²³ которых Мехмет-Али выписал себе из Галлии. Это один из тех немногих *hommes d'esprit*,²⁴ которых еще

можно встретить среди французов. По его мнению, пребывание Сазонова в Париже (который он, впрочем, должен теперь покинуть) вполне объясняется очень хорошим фальшивым паспортом и связями с некоторыми *femmes galantes*,²⁵ которые имеют влияние в высших кругах. Массоль тебе понравится. Кроме того я видел Вальера (старого барбесиста и баррикадного офицера), Бианки и Сабатье. Последний очень изыскан, но, в общем, не выше среднего уровня.

Дронке, как я слышал, в Савойе.

Банни предложил мне сотрудничество Семере и Перцеля для Вейдемейера. Относительно каких пунктов истории Венгрии (военной или другой) требовать разъяснения у этих господ? Само собою разумеется, что им нельзя писать под своим собственным именем, так как мы не хотим отождествлять себя ни с *какой* кликой. Но Перцель *du moins bon républicain*²⁶ и многое знает.

Будь столь добр — пожалуйста, не забудь — прислать мне «Трибуну», — Джонсон, друг Фрейлиграта, хочет прочесть статьи о Германии. Лукус хочет писать против Кошута для В[ейдемейера].

Что касается торговых дел, то я их никак в толк не возьму. То кризис как будто уже у дверей, Сити в подавленном состоянии, то опять все идет в гору. Я знаю, что все это не уменьшит размеров катастрофы. Но для того, чтобы следить за ходом дел, для этого Лондон в данный момент не подходит.

Привет!

Твой К. М.

С печатью очень подозрительно. *Сегодняшнюю*, на которую я обратил особенное внимание, пришли мне обратно.

¹ счастливого пути и посмотрим. ² вот почти уже неделя. ³ письмо к редактору. ⁴ Там дело верное. ⁵ «Друга народа». ⁶ Справедливость — непоколебимая — всеобщая — вечная — в этом выражен высокий принцип, который является одновременно путеводной звездой, руководящей нитью нашего поведения, равно как и пробным камнем и т. д.» Хватит с нас! ⁷ Луи Низкий. ⁸ Экс-дражайший. ⁹ «непоколебимой справедливости.» ¹⁰ профессионального демагога. ¹¹ духа свободы. ¹² «Объединенной ассоциации». ¹³ какой бы то ни было ценой маленьких великих людей. ¹⁴ пройдохи. ¹⁵ по существу. ¹⁶ «Прием Кошута и прогресс в Америке». ¹⁷ возвышенными принципами. ¹⁸ Я не знаю, что такое принципы, если не правила, которые предписывают другим себе на пользу. ¹⁹ бурным темпераментом. ²⁰ мирные. ²¹ Вот каков итог всех народных движений. ²² трюка. ²³ цивилизаторов. ²⁴ умных людей. ²⁵ дамами легкого поведения. ²⁶ по крайней мере, хороший республиканец.

150.

28, Deanstreet, Soho, пятница 6 февраля 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Только что получил твою статью.

Пишу тебе только два слова, так как время не терпит из-за отхода почты в Америку, и я только после этого смогу выйти, чтобы осведомиться о «Рихтере».

Мне было бы, во всяком случае, приятно, если бы ты эти 2 фунта для *меня* прислал пока что почтовым переводом. На будущей неделе я получу some money¹ и тогда передам Пиперу эти 2 фунта от твоего имени. Но для меня важно иметь эти деньги в *начале* недели, что для него может быть безразлично, так как он пока что достаточно обеспечен.

Твой К. М.

¹ немного денег.

151.

17 февраля 1852 г.

Дорогой Маркс!

Ты будешь на меня сердиться, что я так краток, но, черт меня побери, от всей этой работы и торговли у меня голова кругом идет. Voici les faits: ¹ 1) Чарльз уехал в Германию и подкинул мне не только всю свою работу, но еще и изрядный остаток связанных с годовичным балансом итоговых работ; 2) баланс прошлого года будет заключен с *положительным убытком* для моего старика, что хотя и очень полезно для него, но зато навязывает мне ужасную массу историй, подсчетов, работ и т. д.; 3) один из Эрменов объявил о расторжении договора, и ты можешь себе вообразить, сколько с этим связано интриг и переписки. Одним словом: сегодня вечером я сижу в конторе до 8-ми часов и, вместо того, чтобы написать тебе подробное письмо, я должен буду еще после этого написать письмо своему старику и отнести письмо на почту до 12 часов ночи; завтра вечером я должен что-нибудь сделать для Джонса, а послезавтра я хочу постараться приготовить статью для «Трибуны». О свободном времени до 7-8 часов вечера пока что нечего и думать, а самое скверное это то, что я должен теперь этим пакостным делишкам посвящать все свое внимание, иначе все пойдет скверно, и мой старик приостановит мне «supplies»². 2 фунта стерлингов ты получишь. Дай о себе скоро знать, даже если бы я не нашел времени ответить подробно на твое последнее письмо.

Судя по сегодняшнему «Daily News», Луи-Наполеон, чего доброго, выкопает и останки Каспара Гаузера и через посредство своей

тетки Стефании объявит себя наследником Баденского престола. Voilà des grandes nouvelles pour le citoyen Seiler dont l'étoile va se lever incessamment.³ Не можете ли вы побудить великого историка деяний К[аспара] Г[аузера] написать Луи-Наполеону и предложить ему воспользоваться его важными источниками для этого дела? Il y a là de quoi faire un grand coup.⁴

Твой Ф. Э.

Чем объяснить, что Вейдемейер ничего не пишет? Если завтра утром пароход «Arctic» не привезет мне письма, то я работу брошу. Очевидно, там что-то случилось. Насколько мне известно, он с 5 января ни разу не написал; по крайней мере, я об этом ничего не слышал.

¹ Вот факты. ² добавочную выдачу. ³ Вот великие новости для гражданина Зейлера, звезда которого будет теперь непрестанно восходить. ⁴ Там достаточно материала для большого дела.

152.

[Маркс — Энгельсу.]

28, Deanstreet, Soho, 18 февраля [1852 г.]

В субботу я напишу тебе подробно. Сегодня лишь несколько строк.

Я еще не получил денег, обещанных мне из дому, и потому не мог доставить Пиперу твои 2 фунта, но я сказал ему, что получил от тебя несколько строк, в которых ты меня предупреждаешь, что ты пришьлешь мне для него деньги. Я надеюсь, что я смогу уплатить еще на этой неделе.

Если твое время так ограничено, то напиши лучше для Дана, чем для Джонса. Из прилагаемого письма Вейдемейера ты еще яснее увидишь, как важно не прерывать этих статей. Теперь важно удвоить в «Трибуне» нападения на франкфуртскую левую, особенно, когда ты дойдешь до «мартовского союза». Я посылаю тебе сегодня в помощь книгу Бауэра, в которой, по крайней мере, имеются некоторые факты.

Я опять прошу тебя прислать мне с обратной почтой номера «Трибуны», так как Джонсон единственный англичанин, к которому я, в крайнем случае, — а я постоянно витаю на краю бездны, — мог бы обратиться. Не забудь этого хоть на сей раз.

Чем объяснить, что В[ейдемейер] не получил ни одной твоей статьи? Ты должен это расследовать.

Твой К. М.

153.

Манчестер, 19 февраля 1852 г.

Дорогой Маркс!

Несмотря на чрезвычайные усилия — я получил твое письмо сегодня утром — я до сих пор — 11 часов вечера — не готов со статьёй для Дана. Бауэра я получил — весьма пригодится. Зато, что бы ни случилось, ты получишь от меня к ближайшему пароходу, во вторник, две статьи для Д[ана]. Будь только добр и, — так как твои письма доходят до Вейдемейера, а мои нет, — отправь немедленно прилагаемую записочку к Вейдемейеру. Это курьезная история. Два или три письма к моему старику тоже, кажется, не дошли. *Cela n'est pas clair.*¹

Скажи Джонсу, что на будущей неделе я для него что-нибудь напишу, или напиши ему письмецо подобного содержания. Чорт знает что такое — на мою шею сразу свалилось столько обязательств, что я ни за что не могу взяться. Но в субботу и воскресенье я запрусь, и тогда я надеюсь что-нибудь приготовить.

Почему проклятый Вейдемейер не присылает статьи Симона, чтобы мы сами могли ее прочесть? При помощи язвительной контр-статьи мы уже показали бы Дана, что он напрасно помещает статьи против нас.

Твой Ф. Э.

Напиши же мне точный адрес, по которому ты писал Вейдемейеру.

¹ Тут что-то не ясно.

154.

23 февраля [1852 г.]

Dear Frederic!¹

Я еще раз должен напомнить тебе о «Трибуне», так как Джонсон ежедневно пристаёт ко мне. Если ты получил от Вейдемейера какие-нибудь бумаги, прошу их прислать также и мне. Ты написал Вейдемейеру по вполне правильному адресу.

Кстати, этот филистер Рихтер, по заявлению Пфендера, — креатура Виллиха.

Э. Джонс ужасно рекламировал твою корреспонденцию, не называя, конечно, твоего имени. Он вынужден к этому рыночному зазыванию конкуренцией Гарни, который, дьявол его знает откуда, радовался деньгами и пустил по Сити большие повозки с объявлениями

с надписью: «Read the Friend of the People»; ² его газета выставлена для продажи во всех социалистических магазинах.

Номера «Трибуны», в которых господин Симон сам себя рекламирует, я достану и пришлю. Что за глупый школьник! Он все еще подписывается «Симон из Трира». Этот парень никак не может отказаться от парламентского аристократизма. Зейлер читал «Staatszeitung», в которой эта ерунда переведена. Ты знаешь, что из его отчета никогда нельзя ничего понять. Я из него делаю следующий вывод: Людвиг Симон из Трира выступает от имени швейцарской эмиграции, считая великий вопрос об отношении между «агитацией» (термин, за которым Руге и К^о скрывают свою пустую и бесцветную жизнь) и «эмиграцией» необыкновенно важным, *question brulante*³ Европы, и смотрит на все с высоты Альп. По этому поводу, — причем и Виллих рассматривается как человек, играющий чрезвычайно важную роль, и приводятся всякие веские соображения о привлечении этого героя, — он переходит к вопросу о третьей опасной партии в Лондоне, «*партии октроирования*», главарями которой являются Энгельс и Маркс. Мы хотим насильственно навязать народам «свободу». Мы — худшие тираны, чем российский император. Мы были первыми, которые относились с «иронией и презрением» к «всеобщему избирательному праву» и т. д. Мы уже до сих пор все испортили нашими «стремлениями к октроированию». *Le pauvre garçon!*⁴ Разве это мы октроировали немцам прусского короля, мартовские союзы, имперского регента Фогта? Ему мы октроируем *un coup de pied*.⁵ Бонапарт напрасно жил для этих ослов. Они все еще верят во «всеобщее избирательное право» и заняты лишь жалким вычислением, как бы им еще раз октроировать немецкому народу свои ничтожные персоны. Не веришь своим ушам, когда слышишь, как эти молодцы, не стесняясь, все вертят старую шарманку. Это — настоящие животные, твердокаменные ослы. Как этот маленький тщеславный тип попал в «Трибуну», — мне совершенно ясно. *Le citoyen Froebel aura été l'homme intermédiaire*.⁶ Он давно связан с Дана.

При сем письмо от Рейнгардта, в котором имеются любопытные *saucans*.⁷

Россель пал забавнейшим образом. Я желаю лишь, чтоб у руля стал Дерби. Ты видел во время этой краткой сессии, как жалки манчестерцы, когда их не гонит *force des choses*.⁸ Я их за это не осуждаю. Всякое дальнейшее демократическое завоевание, как, например, всеобщее голосование, — это лишь уступка, которая делается рабочим, разумеется, *en cas d'urgence*.⁹

Вчера я говорил с одним французским купцом, который только-что приехал из Парижа. Дела идут скверно. И знаешь, что этот осел говорит? Bonaparte fait pire que la république. Les affaires allaient mieux.¹⁰ Это настоящее счастье, что французские буржуа делают постоянно свое правительство ответственным за торговый кризис. Бонапарт, очевидно, виновен и в безработице в Нью-Йорке, и в банкротствах в Лондоне.

Еще один очень интересный (tu sens ici l'influence de l'illustre Seiler)¹¹ факт о Бонапарте. Баниа, как я тебе писал, связан с Семере и Батиани. Он — агент Батиани. Он доверил мне, что Батиани и Чарторыйский интригуют с Бонапартом и видятся с ним почти ежедневно. Он хочет за спиной России и Австрии найти себе союзников среди *аристократической* эмиграции и приобрести влияние в Польше и в Венгрии и вполне определенно заявил им, что он, вопреки Николаю и всему прочему, нападет на Бельгию и, может быть, на Баден, и даже в ближайшем будущем.

Эвербек послал мне 12 экземпляров своего толстенного произведения: «L'Allemagne et les allemands».¹² Один экземпляр для тебя. Ничего подобного еще свет не видал. Историческая часть, начинающаяся *ab ovo*,¹³ копия устаревших школьных учебников. О его достижениях в новейшей истории можешь судить по следующим данным: Ф. Лист ввел в Германии учение о свободной торговле, а Руге — социальную науку. Гегель стал бессмертным, просветив немцев о категориях качества, количества и т. д. (дословно), а Фейербах доказал, что люди в познании не могут выйти за пределы человеческого разума. Педре Дюзар (брат жены Струве) — один из величайших борцов за немецкую свободу, а Фрейлиграт стал известен как сотрудник «Новой рейнской газеты». К тому же стиль à rouffer de rire.¹⁴ Например: как из зубов дракона вышли воины Явона, так и — германские племена постоянно дрались друг с другом. Romulus Augustulus était un jeune homme doux et agréable,¹⁵ а немцы в течение трехсот лет привыкли к тому, что соседи называют их *des bêtes*.¹⁶

Читал ли ты нелепо-пошлую речь Мадзини?

Твой К. М.

¹ Дорогой Фредерик. ² Читайте «Друг народа». ³ жгучим вопросом. ⁴ Бедный малый. ⁵ пинок. ⁶ Посредником был, повидимому, гражданин Фребель. ⁷ сплетни. ⁸ сила обстоятельств. ⁹ лишь в крайнем случае. ¹⁰ Бонапарт действует хуже, чем республика. Дела шли [прежде] лучше. ¹¹ ты чувствуешь здесь влияние знаменитого Зейлера. ¹² Германия и немцы. ¹³ с азов. ¹⁴ хоть лопни со смеху. ¹⁵ Ромул Августул был милый и приятный молодой человек. ¹⁶ дураками.

155.

28, Deanstreet, Soho, 27 февраля 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Я вижу, что прошлый раз забыл письмо Рейнгардта. Статью Дана послал, но еще не получил от него ответа на мою просьбу указать мне в Лондоне фирму. Моя старуха, несмотря на свое обещание, ничего мне не присылает. На письма к знакомым в Германии я точно так же до сих пор не получил никакого ответа. Вот уже неделя, как я достиг того приятного пункта, когда из-за отсутствия унесенных в ломбард скюртуков я не выхожу больше из дому и из-за отсутствия кредита не могу больше есть мяса. Все это ерунда, но я боюсь, что вся эта гадость когда-нибудь окончится скандалом. Единственное хорошее известие получили мы от моей министерской свояченицы, известие о болезни несокрушимого дяди моей жены. Если этот негодяй теперь умрет, то я выйду из тяжелого положения.

Я не пишу сегодня подробно, так как я диктую статьи для Вейдемейера и еще занят отправкой и корректурой остальных вещей для него.

В «Аугсбургской [всеобщей] газете» я прочитал, благодаря услужливости Зейлера, что господин Штирнер выпустил в свет «Историю контр-революции». Он доказывает в ней, что революция погибла, так как была «святой», а контр-революция победила, так как вела себя «эгоистически».

25 февраля французы устроили февральский банкет или, скорее, митинг без выпивки, с приложением чая и сэндвичей. Я и жена были приглашены. Остальная публика платила за вход франк. Так как я не мог и не хотел туда идти, я послал туда жену с одним французом. Ледрю-Роллэн, Пиа, Торе, Мартэн Бернар и т. д., словом, вся клика Роллэна, от которой исходила инициатива, не явилась, так как им показалось слишком пошлым, что взимается плата за вход в пользу эмигрантов. Луи Блан тоже ограничился отпиской. Присутствовали только подонки эмиграции, которые себя по большей части называют бланкистами. Но маленький фальшивый корсиканец, сидевший, очевидно, где-нибудь поблизости в ресторане, убедившись через своих шпионов в отсутствии Ледрю-Роллэна и К^о, потом явился, и, несмотря на полное отсутствие таланта и авторитета, этот кокетливый фрак стального цвета был встречен *garturous applause*.¹ Его речь, после произнесения которой он немедленно удалился, привела в восхищение его врагов. Увлекла их. Победила их. А что сказал *that little man*,² этот Джонни Россель

социализма? Здесь, за границей, удивляются странным событиям во Франции; а он сильнее, чем когда-либо, верит в звезду de la patrie.³ А почему? Je veux,⁴ сказал он, vous expliquer le mouvement historique etc.⁵ А именно, в жизни всех великих воинов, например Фридриха le Grand,⁶ Наполеона le Grand, имеются des grandes victoires et des grands revers.⁷ Eh bien! la France est une nation militaire.⁸ Она имеет свои élans⁹ и свои catastrophes.¹⁰ Quod erat demonstrandum.¹¹ Но все же она осуществляла то, чего хотела. В 1789 г. она прогнала феодалов, в 1830 — королей. Кого она хотела свергнуть в 1848 г.? Ты думаешь, быть может, буржуазию? Ничего подобного, — la misère, la hideuse misère.¹² Здесь следует социалистический поток слез по поводу бедности. La misère, ce n'est pas quelque chose de fixe, quelque chose de saisissable,¹³ и тем не менее французская нация победит бедность в новой революции и тогда la mère ne détruira plus de ses propres mains le fruit de ses entrailles, la petite fille de sept ans ne se «groupera» plus sous la machine,¹⁴ и тому подобные глупости. При этом он был настолько расточителен, что отпустил в своей речи целых три остроты. Он назвал Бонапарта 1) un aventurier,¹⁵ 2) un bâtard¹⁶ и 3) le singe de son oncle.¹⁷ Последняя новость довела присутствующих до настоящей пляски святого Витта. Qu'en dis tu?¹⁸ Можно прийти в отчаяние от этих французов, — их история, в общем, настоящее художественное драматическое произведение, но эти типы! Боже мой! Острота г. Блана напоминает мне анекдот, который мне рассказал Массоль. Каждый день, после двенадцати часов ночи, Бонапарт регулярно напивается пьяным в обществе «mâles» и «femmelettes»,¹⁹ которых он собирает вокруг себя во время своих оргий. Он тогда ругается на чем свет стоит, и вот одна из его дам извиняет его словами: «Mais c'est un militaire»!!²⁰

Addio!

Твой К. Маркс.

¹ бурными аплодисментами. ² этот маленький человек. ³ родины. ⁴ Я хочу. ⁵ объяснить вам историческое движение и т. д. ⁶ великого. ⁷ великие победы и великие поражения. ⁸ Так вот, Франция — нация военная. ⁹ подъемы. ¹⁰ катастрофы. ¹¹ Что и требовалось доказать. ¹² нищету, эту отвратительную нищету. ¹³ Бедность это не есть что-либо определенное, что-либо осязаемое. ¹⁴ мать не будет собственными руками уничтожать плод своего чрева, а маленькие девочки семи лет не будут более «группироваться» под машиной. ¹⁵ авантюристом. ¹⁶ незаконнорожденным. ¹⁷ обезьяной своего дяди. ¹⁸ Что ты скажешь об этом? ¹⁹ самцов [и] самочек. ²⁰ но ведь он солдат!!

Дом в Лондоне (28, Dean-Street, Soho), в котором жил Маркс с семьей с 1850 до 1857 г.

156.

Манчестер, 2 марта 1852 г.

Дорогой Марк!

Ты получишь 5 ф. ст., из которых половину я послал прямо тебе, а половину в конверте — Лупусу.

Поздравляю с известием о болезни брауншвейгского старика, мешающего получить наследство, и надеюсь, что катастрофа, наконец, наступит.

Штирнеровская «История реакции», по словам «Аугсбургской всеобщей газеты», — жалкая компиляция или, вернее, сборник цитат из напечатанных и ненапечатанных газетных статей Штирнера — «отвергнутые листочки и цветочки» обо всем на свете и еще кой о чем — два тома, которые кончаются угровою, что третий будет содержать «основы и сущность учения». Очень далекие от того, чтобы подняться до уровня «святого», его собственные замечания скорее предназначаются для женских гимназий.

Маленький Симон из Трира, вероятно, страшно оскандалился в глазах Дана, приписывая нам столь смешные нелепости, в то время как Дана читает наши статьи, которые ведь содержат anything but that.¹ Досадно, что Дана не присылает нам «Tribune», ни тебе денег. Я думаю, что лучше всего было бы, если бы мы поручили Вейдемейеру насесть на него; он, по крайней мере, мог бы посылать нам «Tribune» и вместе с тем устно уладить денежные дела. Укажет ли он тебе какой-нибудь банк в Лондоне или пришлет вексель — это безразлично. Моя статья не попала к соултгэмптонскому пароходу, так как я ошибся на один день относительно времени его отплытия; ты получишь в пятницу ее и еще одну, которая доводит изложение до конца 1848 г. Затем пойдут прусские палаты, кампания об имперской конституции, далее прусско-австрийские неурядицы 1850—1851 гг. и, наконец, заключение — целое составит, быть может, еще от шести до восьми статей, а все вместе от 17 до 20 статей. — Через две недели Чарльз будет опять здесь, и тогда у меня будет больше времени. До того времени Джонс должен потерпеть.

Господин Дерби прямо заявляет, что он, по примеру сэра Дж. Грэхема, будет помогать австрийцам и компании в борьбе против всяких будущих заговорщиков. Итак, снова перлюстрация писем en masse.² Кто главным образом пострадает от этого, так это Мадзини и венгерцы. Нас это мало стесняет.

Но бесстыдство Дерби велико. «Настоящим заявляю вам, что я при первом удобном случае наложу пошлину на хлеб. Об этом могу

судить только я один. Но если вы, большинство нижней палаты, не хотите быть *des factieux*,³ то вы должны меня оставить в покое, пока я настолько не укреплюсь и страна не будет настолько под влиянием ториев, что я смогу в полном спокойствии свести на-нет весь прогресс последних двадцати лет». Бедная *house of commons*!⁴ Вместо министерства, находившегося в относительном меньшинстве, она получит теперь министерство, находящееся в абсолютном и постоянном меньшинстве, и все-таки она не смеет делать ему оппозицию. Но трусливым фритредерам это вполне по заслугам. Эти молодцы выиграли сражение, завоевали новую стратегическую линию и не позаботились овладеть ею и укрепить ее, даже не позаботились использовать победу и хотя бы только преследовать врага. Теперь им приходится дать сражение еще раз на том же самом месте. Но *Tory avènement*⁵ сразу сделало вопрос очень ясным для этих молодцов. Теперь для фабрикантов вопросом жизни является парламентская реформа, и притом в таком объеме, который, по крайней мере, устранил бы навсегда от власти чистых ториев и вигов и обеспечил бы промышленникам большинство в кабинете и в парламенте. Здесь эти джентльмены опять очень активны. В настоящий момент «Лига против хлебных пошлин» заседает и совещается, должна ли она снова организоваться. Кобден, Брайт, М[ильнер] Гибсон и т. д. находятся здесь. Вероятно, они снова сколотят, по крайней мере, хоть остов организации. Однако настоящая пляска начнется только тогда, когда дело дойдет до развязки. Но развязка должна скоро прийти, коллизии неминуемы, несмотря на мягкие слова и миролюбивые намерения Дерби.

К сожалению, мало надежды на то, что одновременно с развязкою наступит и торговый кризис. Дела идут здесь попрежнему блестяще. Сведения из Америки в высшей степени благоприятны. Кризис отодвигает и еще на некоторое время может отодвинуть следующее: 1) Калифорния — как торговля с нею, так и массы золота, пускаемые в обращение, эмиграция туда, словом, все обстоятельства, которые усиливают влияние Калифорнии на Соединенные Штаты. 2) Узда, которую высокие цены на хлопок в 1849 и 1850 гг. наложили на хлопчатобумажную промышленность: последняя начала быстро развиваться только с весны 1851 г. 3) Громадное падение цен на хлопок — почти на 50 процентов — в течение 1½ лет. В Нью-Орлеане хлопок (средний сорт) стоил 1 сентября 1850 г. 13½ центов = 7¾ пенсов в Ливерпуле; теперь средний сорт стоит в Нью-Орлеане 7⅝ центов = 4⅞ пенсов в Ливерпуле и одно время стоил 7 центов. Это, конечно, должно значительно увеличить потре-

бление. В прошлом году — в январе и феврале — здесь, в хлопчатобумажных округах, еженедельно потреблялось 29 000 кип, в этом году — 33 000, и это только одного американского хлопка, не считая суратского, египетского etc. — Если так будет продолжаться, Англия потребит в этом году от 800 — 850 миллионов фунтов хлопка.

4) Всеобщий страх перед спекуляцией, выражающийся в нежелании серьезно заняться даже золотыми россыпями и пароходным делом. Судя по всему, что я вижу, я могу думать, что еще шести месяцев такого форсированного производства, как теперь, будет достаточно, чтобы завалить товарами весь мир; затем еще около четырех месяцев потребует прибытие товаров на место назначения, получение известий об окончательном переполнении рынка и переходное состояние, пока людьми не овладеет паника. Таким образом, время с ноября 1852 г. до февраля 1853 г. будет наиболее вероятным периодом обострения кризиса. Впрочем, все это только guess-work,⁶ и мы с таким же успехом можем иметь его уже в сентябре. Но кризис будет изрядный, ибо никогда еще не были брошены на рынок такие массы товаров всякого рода, и никогда еще не было таких колоссальных средств производства. Глупая забастовка машиностроительных рабочих, наверное, задержит его, по крайней мере, на целый месяц; машины теперь почти не изготавливаются, а требуются в очень большом количестве. Гибберт, Платт и Сын имеют сотни заказов и для Англии, и для заграницы и, конечно, не могут выполнить ни одного. Если эта торговая буря разразится над головой господина Дерби, плохо ему придется!

Последний баланс, при котором мой старик, несмотря на всеобщее благополучие, потерял деньги, ужасно расстроил его, и он, вероятно, расторгнет свой договор о компании с Эрменами. Тогда здешний торговый дом уже в следующем году закроется. Путаница в этих делах обострилась до крайности, и благодаря этому у меня масса работы.

Книгу Эвербека не присылай мне. Она не стоит и 6 пенсов расходов по пересылке.

Сердечный привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

¹ нечто совсем иное. ² массовая. ³ интриганами. ⁴ палата общин. ⁵ появление ториев у власти. ⁶ предположения.

157.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 3 марта [1852 г.]

Дорогой Энгельс!

В понедельник я получил 5 фунтов, хотя Лупус живет на Broadstreet 3, а не 4. Также получил сегодня статью для Дана, очень удачную.

Твое послание для «Революции» и «Трибуны» было вскрыто, даже не дали труда себе снова заклеить его. Из прилагаемого письма ты можешь видеть, как обстоят наши дела с полицией. Факты неверны, за исключением того, что Лупус председательствовал вместо меня 5 февраля и что доносчик спутал наше письмо в «Times» с ответом госпоже Даниэльс. Шпион — некий Гирш из Гамбурга, которого мы две недели тому назад выбросили из Союза. Он был принят в Союз в Германии, и так как я никогда не доверял ему вполне, то я никогда в его присутствии не говорил ничего такого, что могло бы внушить подозрение.

По поводу статьи В[ейдемейера] против Гейнцена Джонс послал ему уходящее с сегодняшнею почтою официальное письмо, в котором он трактует Гейнцена avec un dédain suprême¹ и поучает его насчет «war of classes».² Третьего дня «Национальная лига реформ» устроила большой митинг; было, по меньшей мере, 2 000 человек. Джонс изрядно отделал господ Юма, Уолмсли и К^о и имел настоящий триумф. Лондон и Манчестер, повидимому, произвели между собою такое разделение труда, что там буржуа больше ведут свои политические атаки, а здесь больше свои коммерческие.

Несколько дней тому назад мне попался в руки составленный на итальянском языке манифест синьора Мадзини. Он, quand même,³ святой буржуа и ругает этих «профанов» — французских буржуа. Он переносит инициативу из Парижа в Рим. «Il materialismo»⁴ и «il egoïsme»⁵ — дескать — погубили Францию. Рабочие унаследовали оба эти порока от буржуазии. Со времени 1815 г. Франция перестала быть страной инициативы. Теперь избранными странами являются Италия и Венгрия.

«Синьор Мадзини», распекая в качестве Петра пустынного порочных французов, в то же время лижет зад английским фритредерам, которые, конечно, воплощают в себе «le dévouement»⁶ и «la foi».⁷ L'imbécile!⁸

Прилагаемое письмо прошу отослать обратно. Сегодня пишу так мало, потому что с экспедицией в Америку у меня хлопот полон рот.

Твой К. Маркс.

¹ с величайшим презрением. ² классовой борьбы. ³ несмотря ни на что. ⁴ Материализм. ⁵ эгоизм. ⁶ преданность. ⁷ веру. ⁸ Дурак.

158.

18 марта 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем возвращаю обратно письмо малыша [Э. Дронке]. Pour le moment entièrement dépourvu¹ и не смогу — по крайней мере, в течение этого месяца — достать 2 фунта; кроме того его письмо датировано 5-ым, и нельзя даже знать, застанут ли его деньги еще там. К тому же всегда рискованно посылать деньги Эвербеку: этот парень способен предъявлять устаревшие претензии за бог знает какие старые расходы по пересылке и конфисковать все или большую часть денег. По всем этим причинам я не могу в данный момент помочь карлику, тем более, что я сомневаюсь, чтобы он мог у Monsieur Эвербека вырвать сразу больше 5 су. Между тем, малыш приехал из Женевы в Париж, и он, таким образом, придет и в Лондон, хотя бы и с некоторыми «трудностями», и тогда мы узнаем, что означали его настоящие письма.

Когда малыш вернется, тебе будет стоить некоторого труда сдерживать в границах его воинственный темперамент, наверное, очень усилившийся вследствие «долгих трудов»; драки и скандалы обходятся нам здесь слишком дорого, чтобы можно было позволить ему это. Лучше всего будет, если ты передашь его Пиперу, который сможет обучить его политической экономии. История с Массолем очень интересна, и если он останется там, я жажду познакомиться с ним.

Меня очень радует то, что ты пишешь мне о Джонсе — у меня чертовски мало времени, иначе я посылал бы ему больше статей. Но Чарльз еще не вернулся из Германии, и вообще писать аккуратно каждую неделю для него или для Вейдемейера, помимо статей для «Трибуны» и еженедельного отчета моему старику, в то время как целый день приходится торчать в конторе, — это уж слишком много. К тому же я должен, наконец, покончить со своими славянскими занятиями. Прежним дилетантским способом я в течение целого года ни к чему не пришел, а так как я уже раз начал эту историю и слишком далеко зашел, чтобы бросить ее, то я должен теперь регулярно заниматься этим некоторое время. Я две недели прилежно занимался русским языком и порядочно освоился теперь с грамматикой, еще два-три месяца дадут мне необходимый запас слов, и потом я смогу приступить к чему-нибудь другому. Со славянскими языками я должен

в этом году покончить, и, au fond,² они совсем не так трудны. Помимо лингвистического интереса, который это имеет для меня, сюда присоединяется то соображение, что при ближайшем государственном перевороте, по крайней мере, хоть один из нас будет знать языки, историю, литературу и детали социальных учреждений как раз тех народов, с которыми придется немедленно вступить в конфликт. Собственно говоря, Бакунин достиг кой-чего только благодаря тому, что ни один человек не знал русского языка. И старый панславистский dodge,³ превращающий древне-славянскую общинную собственность в коммунизм и изображающий русских крестьян прирожденными коммунистами, опять очень широко распространится.

Вообще, Джонс очень хорошо делает, что теперь, когда старый О'Коннор окончательно сошел с ума, натягивает все струны. Теперь шансы в его пользу, и, если к тому еще отпадет citizen⁴ Гип-Гип-Ура, его дело обеспечено. Судя по всему, что я вижу, чартисты находятся в состоянии такого полного разложения и распада и в то же время так нуждаются в дельных людях, что либо они совсем разложатся и распадутся на отдельные клики, т. е. на практике превратятся в настоящих прихвостней financials,⁵ либо же какой-нибудь дельный человек реорганизует движение на совершенно новой основе. Джонс стоит на вполне правильном пути, и мы можем смело сказать, что без нашего учения он никогда не выбрался бы на верную дорогу и не узнал бы, каким образом можно, с одной стороны, не только сохранить инстинктивную ненависть рабочих против промышленных буржуа — этот единственно возможный базис для реконструкции чартистской партии, — но даже усилить ее, развить и положить в основу просветительной пропаганды, и в то же время, с другой стороны, быть прогрессивным, выступать против реакционных вожделений рабочих и их предрассудков. Гарни будет, впрочем, удивлен результатами своего поведения: клика фанатиков, которая его держит, очень скоро прогонит его, и ему не помогут портреты Костюшко и других «патриотов», которые он повсюду развешивает.

Quoad Napoleonem,⁶ то разве этот человек, отправляясь во Францию, не сказал Луи Блану: «Quand je serai président, je mettrai en pratique vos idées».⁷ В общем, видно, что финансовая нужда может толкать даже такого истинного социалиста, как Луи-Наполеон, к таким образцовым буржуазно-финансовым мероприятиям, как конверсия ренты. За эту экономию в 18 миллионов лавочки и мелкие промышленники прощают ему двадцать социалистических экспериментов, и «Daily News» восхищается этим мероприятием. Вообще, об этой истории нельзя сказать ничего более глупого и пошлого,

чем то, что сказано в «Débats». Все та же старая история! Почтовая реформа = социализм! Конверсия ренты = социализм! Свободная торговля = социализм! Я боюсь только того, что милостивый государь Наполеон, который, несмотря на все это, в своих социалистических историях действует очень робко и в истории с ипотеками тоже не выходит за пределы буржуазно-прусских кредитных институтов, в конце концов, под давлением обстоятельств, превратит все свои социалистические стремления в обыкновенные буржуазные реформы, и тогда нас может спасти только неминуемый финансовый кризис. «Daily News» прав, что конверсия ренты есть крайне миролюбивая мера и, кроме того, очень фатальный симптом того, что Луи-Наполеон все больше направляется по стезе буржуазного «здорового смысла». Но, конечно, разве можно было бы когда-нибудь управлять Францией при помощи здравого смысла, и какое сложное сплетение обстоятельств должно было привести к «здоровому смыслу» какого-нибудь Луи-Наполеона. Во всяком случае, атмосфера на континенте кажется мне не очень революционной, хотя карлик, наверное, привезет совсем другие известия.

Я не думаю, чтобы Дерби получил большинство, хотя [Манчестер], где все единодушны в вопросах, касающихся хлебных законов, плохой пункт для наблюдения. Я, впрочем, хотел бы, чтобы он получил большинство, тогда дело пошло бы, как ты говоришь. Он, впрочем, поступает глупо, что он сейчас не прибегает к роспуску палаты. Чем дольше он тянет, тем скорее рискует он превратить выборы в торговый кризис, и тогда он получит парламент из фанатических ториев, которые для него самого окажутся слишком неистовыми, и из решительных, стремящихся к наживе, опасаящихся банкротства манчестерцев; последних, вероятно, будет большинство, и тогда они будут решающим элементом.

Наш концерн здесь лопнет, вероятно, еще в этом году. В таком случае я скоро, при ликвидации дела, буду гораздо более свободен и меньше занят конторскою работою. Впоследствии, пишет мне мой старик, мое положение может значительно улучшиться — я предполагаю, что он согласится на мой старый план — поселиться в Ливерпуле и закупать там для него хлопок. Это было бы превосходно, и в том случае, если подготовительные работы для Экономии у тебя закончены, ты должен будешь со всею своею семьею переехать туда на шесть месяцев — мы будем жить в Нью-Брайтоне у моря, — и к тому же ты еще сэкономишь деньги. Во всяком случае, я получаю прибавку, это ясно. — К сожалению, мне сегодня некогда написать статью для «Трибуны»; но так как в ближайшую среду отходит

американский пароход, ты получишь ее в понедельник или вторник, а к пароходу в пятницу я приготовлю еще одну.

Привет всем.

Твой Ф. Э.

На этот раз печать твоего письма впервые оказалась не поврежденною.

¹ В настоящий момент совершенно опустошен. ² в сущности. ³ обмен. ⁴ граждан. ⁵ сторонников финансовой реформы. ⁶ Что касается Наполеона. ⁷ Когда я стану президентом, я буду осуществлять на практике ваши идеи.

159.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 30 марта 1852 г.

Дорогой Фредерик!

Только-что получил твою статью. При сем получишь целый пакет американских новинок, которые я выслал бы тебе еще раньше, если бы не нужно было с одной части их снять копии и сообщить членам Союза.

Здесь много нового. Готтфрид Христос Кинкель посылает или, вернее, выслал студюоза Шурца и Шиммельпфенига, чтобы со-стрипать в середине апреля в Лондоне конгресс из представителей Швейцарии, Парижа, Германии и Бельгии с целью гарантировать революционный заем, окончательно установить способ управления этим фондом и организовать демократическое правительство *in partibus*.¹ Ты должен мне отослать назад эту дрянь до субботы.

Кошут, оскандалившийся в Америке благодаря Семере и посорившийся с оставленным им в Лондоне комитетом, здорово удивится, узнав, какие расколы произошли за это время в демократической церкви.

А именно, господин Мадзини, бывший в течение двух лет папою демократической церкви *in partibus*, счел, наконец, своевременным дать выход накопившемуся у него яду против социализма и Франции на французском языке, а именно в Брюссельской «Nation», купленной им, с согласия Ледрю-Роллэна, за 10 000 франков из итальянского фонда. Там он сваливает на социалистов 2-е декабря занятие Рима, словом, всю контр-революцию, и в своем высокопарном доминиканском стиле громит еретиков, секты, материализм, скептицизм, французский Вавилон столь же решительно, как в Лондоне он подлизывается к английским либеральным буржуа. Франция, якобы, потеряла революционную инициативу. *Peuple-roi*² уже более не

существует. Теперь очередь за другими народами и т. д. Словом, формальная булла об отлучении, которая удостоилась чести быть принятой в «Patrie» и в «Constitutionnel». Это показалось французам уже слишком глупым. Маленький Луи Блан, который одновременно увидел в этом возможность снова реабилитировать себя и выдвигнуться на первый план, созвал Кабэ, Пьера Леру, Бианки, Надо и Васбендера (прудонист). В «Morning Advertiser» они самым грубым образом выступили против господина Мадзини. Теоретическая часть их ответа почти так же слаба, как нападки Мадзини. Ответ же на личные нападки, для которого Массоль дал материал Леру, уничижает этого наглого «посланника бога».

С своей стороны, Ледрю[-Роллэн], чтобы не потерять всякое влияние, увидел себя вынужденным *уйти* из европейского центрального комитета. Он тоже ответил в «Nation» на нападки против Франции. Это — жалкая статья, без всякого склада. Он отстаивает «революционную инициативу Франции». Но как! *C'est pour faire pitié!*³ Ледрю-Роллэн, говорят, хочет теперь отправиться в Соединенные Штаты.

Таким образом, идиот Руге теряет, с одной стороны, свой европейский центральный комитет, с другой стороны — Кинкель, который в Америке держит себя раболепно, как собака, по отношению к своему конкуренту Кошуту, считает конченной всеобщую «Konfusion»,⁴ ввиду слияния всех демократических претендентов под знаменем опошленных с 1848 г. фраз о «демократической республике», «всеобщем избирательном праве» и т. д. Бравый Виллих, таким образом, вступает с ними в конфликт также и в качестве «коммуниста».

Между тем английское правительство еженедельно отправляет на государственный счет французскую эмигрантскую чернь пачками в Америку. Жалкий маленький Блан хочет использовать случайную общую демонстрацию против Мадзини, чтобы утвердиться в качестве видимого главы *ecclesia pressa*.⁵ Дабы помешать его мелким интригам, я натравлю Массоля на Пьера Леру. Наконец, чтобы довершить эту путаницу, является еще Прудон.

Как низко падают официальные знаменитости, ты увидишь из того, что сладкий Феликс Пиа — *cet homme-artiste*⁶ (этим термином французы прикрашивают всякую слабость человека, всякое отсутствие у него характера или ума) — переработал декабрьские дни в мелодраматический спектакль. Он нашел английского предпринимателя и вместе с ним поставит в Нью-Йорке эту гадость, сцены убийств, изгнание, ссылку и т. д. Можно ли более низким образом

спекулировать на бедствиях своей страны? И этот осел считает это проституирование французского *misère* ⁷ патриотическим актом.

Так как сплетни составляют самую интимную тайну государственных действий внешних политиков эмиграции, то Зигварт Кинкель занялся сводничеством и сосватал студюоза Шурца с сестрой госпожи Ронге, которая, говорят, богата. Фатально только то, что эти ослы своими хвастливыми происками постоянно дают новый материал полиции и ухудшают положение наших друзей в Германии.

Твой К. М.

¹ в изгнании. ² Суверенный народ. ³ Прямо жалко смотреть. ⁴ путаницу. ⁵ преследуемой церкви. ⁶ этот человек-артист. ⁷ несчастья.

160.

1 апреля 1852 г.

Дорогой Марке!

Письмо твое получил сегодня утром, и притом неповрежденным. Повидимому, новый адрес хорошо действует.

Забавные документы об эмиграции будут отосланы обратно завтра — я сделаю себе из них некоторые выписки.

Маленький Дронке, повидимому, действительно попался в Париже, иначе было бы слышно о нем. Действительно ли в кафе Д., как пишет «Кёльнская газета», находились некоторые члены «марксовской секты». Не знаю, откуда эти обломки могли бы появиться. Во всяком случае, для Дронке непростительно, если он так *publiquement* ¹ появлялся среди этих людей в кафе. Но если он еще на свободе и с ним можно списаться, необходимо теперь сделать все, чтобы доставить его в Лондон — он выслан, и за *rupture de ban* ² эти подлецы могут сослать его в Алжир. Поэтому, если возможно будет разузнать что-нибудь более подробно, то я постараюсь достать два фунта, чтобы доставить этого малого в безопасное место. Напиши мне, если что узнаешь о нем.

Я отправляюсь сейчас домой, чтобы закончить еще одну статью для Дана; если она будет готова, я отошлю ее тебе следующей почтой. На прошлой неделе я страшно простудился, да и сейчас еще простужен, так что несколько вечеров я абсолютно ни к чему не был способен. В противном случае я бы уже больше успел.

Передай Джонсу, что на будущей неделе он кое-что получит от меня — к сожалению, все мои статьи, написанные для него, имеют жалкий вид, так как вследствие незначительных размеров каждой из них я систематически забываю, что писал на прошлой неделе —

к тому же я должен писать быстро и бегло и совершенно не имею времени собрать и привести в порядок материал о последних французских событиях. Вечное «высасывание из пальца» деморализует.

Если сегодня вечером статья для Дана не будет закончена, то это главным образом потому, что я еще должен просмотреть изрядную часть «Новой рейнской газеты» за апрель и март 1849 г., так как при этом случае необходимо *основательно* разделить франкфуртцев. Здесь одного Бауэра мало.

Твой Ф. Э.

¹ публично. ² за самовольное возвращение.

161.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 5 апреля 1852 г.

Дорогой Фредерик!

При сем послание от Клуза, которое мне должно быть возвращено к среде (к вечернему заседанию Союза).

На следующий день после того, как ты отослал мне обратно первое письмо Дронке, последний написал из тюрьмы письмо Фрейлиграту, о чем я забыл сообщить тебе. Фрейлиграт немедленно послал это письмо Лассалю, дабы тот послал ему деньги в Париж; это могло быть сделано тем скорее, что Лассаль с этим письмом может обратиться ко всем либеральным дюссельдорфским буржуа. К сожалению, «Patrie» сообщает, что у Дронке найдены компрометирующие письма. Неужели он был настолько глуп, чтобы постоянно таскать с собою удостоверения своего бестолкового лионца и других знакомых?

Луи Блан, как я и прежде предвидел, хочет использовать общее выступление против Мадзини для того, чтобы создать новую «*général d'action*»¹ и пролезть вперед в роли шефа революционной партии. Он даже решил притянуть и меня к своему союзу всех «французских» социалистов и пригласил меня на свидание. Разумеется, я даже не удостоил его ответом и дал только понять *intermédiaire*² свое удивление по поводу этой назойливости. Так как сюда приезжает Прудон, то этому карлику был бы теперь очень кстати союз со мною.

Дана, наконец, написал и уплатил 9 фунтов, по числу *напечатанных* статей. Одновременно он просил меня, так как в настоящее время президентские выборы занимают все столбцы газеты, уместить то, что осталось, в пяти-шести статьях и в последней изложить *prospects of revolutionary Germany*.³ Это дало бы отличный повод бичевать эмиграцию, и в одном из последующих писем я подробно изложу тебе свои взгляды на этот счет.

Семере посылает мне теперь свою (немецкую) рукопись о «Кюштуге, Гергее и Луи Батиани», в 3-4 выпусках. Вейдемейер должен издать ее в Америке, что для него очень выгодно, тем более, что он, вероятно, получит оттуда 500 долларов для своей газеты. Но еще до отсылки немецкого подлинника в Америку он должен быть переведен здесь, в Англии, на английский язык, дабы, после появления его в Америке на немецком языке, его издать для здешней публики в виде брошюры. Ты вряд ли найдешь для этого время, если даже отложить Дана на некоторое время в сторону. В таком случае я должен буду передать эту вещь Джонсу. За перевод будет уплачено по фунту с листа.

Я познакомился здесь с полковником Серельмей, это — очень образованный человек. Он участвовал в Венгрии в четырнадцати сражениях. Будучи вместе с тем отличным живописцем, он издает теперь роскошное сочинение, содержащее описание сражений и иллюстрации к ним. Наброски сделал он сам, а выполнены снимки первыми французскими живописцами. Он обещал мне один экземпляр. Эта вещь будет стоить 10 фунтов. Итак, ты получишь новый вклад в свою военную библиотеку.

Твой *К. М.*

Ты видишь, что Кинкель октроировал почище Луи Бонапарта. Сперва он назначает членов своей палаты депутатов — конгресс доверенных лиц. Затем, убоявшись своего собственного творения, не соблюдает ни указанного дня, ни места, а назначает собрание в такой день и в таком месте, когда только семь человек могут в нем принять участие. Шесть из этих семи голосуют ему доверие. С ними он составляет проект своей конституции; они назначают его представителем Америки и пред ними он делает ответственным составленный им комитет.

¹ арену действия. ² посреднику. ³ перспективы революционной Германии.

162.

28, Deanstreet, Soho, London, 14 апреля 1852 г.

Дорогой Фредерик!

Пишу тебе только эти две строчки, чтобы сообщить, что ребенок умер сегодня в четверть второго.

Твой *К. М.*

163.

20 апреля 1852 г.

Дорогой Маркс!

С прискорбием увидел я, что мои опасения насчет твоей маленькой дочки слишком скоро оправдались. Если бы только можно было

переселить тебя и твою семью в более здоровую местность и в более просторное помещение!

Я охотно послал бы тебе немного денег, но я истратился в Лондоне гораздо больше, чем рассчитывал, и теперь сам должен перебиваться здесь с трудом до конца этого месяца, а в течение ближайшего месяца я должен уплатить 12 фунтов по счетам и за книги, заказанные в Германии. Но все-таки я постараюсь, если только будет малейшая возможность, достать для тебя немного денег в начале мая. Если бы я заранее знал положение дел в Лондоне, я отказался бы тогда от поездки в Лондон, по существу совершенно излишней, и тем немного развязал бы себе руки.

Пиндар здесь, так как в Ливерпуле он не нашел никакого места. Он ищет должности или частных уроков, и я, разумеется, буду за него хлопотать. Желая доказать ему свое хорошее расположение, я стал брать у него уроки русского языка. Но дабы я мог здесь рекомендовать его, я должен знать о нем немного больше, а так как от него можно вырвать подобные сведения лишь с величайшим трудом, то мне было бы приятно, если бы ты написал мне, что ты знаешь о нем и о его положении, где ты познакомился с ним и т. д. Вообще же, я не думаю, чтобы он при своей молчаливости мог здесь хорошо устроиться.

В теперешних торговых перспективах, особенно по отношению к Ост-Индии, нельзя упускать из виду одного пункта. Несмотря на постоянно возрастающий вот уже три года колоссальный ввоз продуктов английской промышленности в Ост-Индию, отсюда с некоторого времени опять приходят отличные сведения; запасы постепенно распродают по высоким ценам. Это может иметь свою причину только в том, что в провинциях, еще недавно завоеванных англичанами в Синди, Пенджабе и т. д., где до сих пор сохранялось почти исключительно кустарное ремесло, последнее, наконец, убито английской конкуренцией, — потому ли, что здешние фабриканты лишь недавно научились вырабатывать ткани, подходящие для этих рынков, или потому, что туземцы принесли, наконец, свою любовь к местным тканям в жертву дешевым ценам английских материй, обычно экспортируемых в Индию. Очень значительно мог этому содействовать последний кризис в Индии 1847 г. и связанное с ним большое обесценение там английских товаров; еще старый Гюлих свидетельствует, что даже та часть Индии, которая была завоевана англичанами в его время, еще долго не отказывалась от своих собственных старых мануфактур. Только этим можно объяснить, что недавно в Калькутте и Бомбее повторилась в более сильной форме история 1847 г. Но это

изменится, когда 3 000 000 кип хлопка последнего урожая придут на рынок, будут переработаны и в виде готовых товаров в большей своей части будут отправлены в Ост-Индию. Хлопчатобумажная промышленность теперь так процветает, что, несмотря на то, что урожаем этого года на 300 000 кип превосходит урожаем 1848—49 гг., цены на хлопок поднялись как в Америке, так и здесь; американские фабриканты закупили уже на 250 000 кип больше, чем в прошлом году (когда они употребили всего только 418 000 кип), а здешние фабриканты начинают уже утверждать, что даже урожая в три миллиона кип было бы недостаточно для их употребления. До сих пор из Америки вывезено в Англию на 174 000, во Францию на 56 000, в остальные страны материка на 27 000 кип больше, чем в прошлом году (это от 1 сентября до 7 апреля каждого года). При таком благополучии легко объяснить, как Луи-Наполеон так удобно может управлять своей *bas empire*.¹ Излишек прямого ввоза хлопка во Францию между 1850 и 1852 гг. составляет до сих пор 110 000 кип (302 000 в сравнении со 192 000), т. е. больше на 33%.

По всем правилам, кризис должен наступить в этом году, и, по всей вероятности, оно так и выйдет; но когда принимаешь во внимание теперешнюю, совершенно неожиданную эластичность ост-индского рынка и замешательство, вызванное Калифорнией и Австралией, а равно дешевизну большей части сырья, понижающую цены на продукты промышленности, и отсутствие всякой значительной спекуляции, то чувствуешь искушение предсказывать теперешнему периоду процветания необычную продолжительность. Во всяком случае возможно, что история эта продолжится до весны. Но, в конце концов, безопаснее *within six months more or less*² придерживаться старых правил.

Сердечно кланяюсь твоей жене, напиши поскорее.

Твой Ф. Э.

¹ низменной империей. ² в течение еще каких-нибудь шести месяцев.

Дорогой Фредерик!

На прошлой неделе я пережил гнусную историю, о которой ты не можешь иметь никакого представления. В день похорон обещанные со всех сторон деньги не были получены и, в конце концов, я вынужден был побежать к соседям — французам, чтобы заплатить.

этим английским собакам расходы по похоронам. К несчастью, пришло еще письмо от Вейдемейера о том, что и в Америке все надежды потерпели крушение. Клус, письмо которого ты получишь на будущей неделе, обещает теперь более благоприятные перспективы. *Quoique de dure complexion*,¹ но на этот раз эта мерзость сильно потрясла меня.

При сем письмо от собаки Эвербека, который никогда не наклеивает марок и всегда крадет у ближнего последние десять пенсов. Затем статья Б. Бауэра в «Daily New-York-Tribune». Твоя статья привлекла туда всякую дрянь. Ты будешь смеяться над открытиями Бауэра об «армиях». Если ты будешь мне теперь посылать статьи для Дана, можешь подождать, пока их наберется несколько, я отошлю их тогда сразу.

Господин Теллеринг издает ежемесячник или еженедельник в Нью-Йорке, первый номер которого этот негодяй сам прислал мне — в нем содержится совершенно школьническая чушь.

Гейзе (издатель «Ось») теперь интимный друг Виллиха; спят на одной кровати. Что с ним случилось? Они опять бахвалятся пучком в Германии, который они замышляют.

Дронке настоящий *imbécile*.² Те 4 ф. ст., которые мы добыли ему на Рейне, ему очень понравились, и ему захотелось еще; поэтому он отправился в Кобленц, чтобы выжимать деньги. Этот осел не сообразил, что он дает новый материал против кельнцев. Этот субъект, в самом деле, ведет себя слишком скандально.

Кстати, не забудь *immédiatement*³ послать в Лондон следующие две безделицы: 1) доверенность для Либкнехта на получение от Гайна одного фунта стерлингов; 2) напиши самому Гайну небольшое письмо, в котором ты в двух строках сообщишь «дорогому другу», что, узнав о том, что его дела недурны, ты поручил Либкнехту получить с него фунт стерлингов. Дело в том, что надо постараться, чтобы не вышла неприятность.

Дело вот в чем. Вчера, когда один из наших знакомых, который до сих пор ночевал у Либкнехта, был вышвырнут за дверь его квартирными хозяевами и никто из нас не мог дать бедняге ни одного пенни, я написал Либкнехту записку о том, что ты поручил ему получить у Гайна фунт стерлингов. Господин Гайн, повидимому, отнесся несколько недоверчиво и потребовал, чтоб Либкнехт раньше показал ему твое собственноручное письмо.

Пришли мне несколько бандеролей, так как я должен послать тебе массу вещей.

Твой К. М.

¹ Хотя я и крепкий человек. ² идиот. ³ немедленно.

165.

Манчестер, 25 апреля 1852 г.

Дорогой Марк!

От Гайна я получил вчера вечером записку, которую я отослал тебе вчера вместе с ответом на нее. Полагаю, что после этого господин Гайн уже заплатит.

При сем несколько бандеролей; скоро пришло побольше. Отсылаю также обратно и документы. Письмо Эвербека — достойное приложение к его книге. «Помогите мне против Риббентропа! Я представляю его демократии как hypocrite и débaucheur». ¹ Этот человек совсем впал в детство.

Дружище Бруно тоже не сделал успехов в познании божием и не стал умнее. Il valait bien la reine ² из Берлина приводить в движение всю американскую прессу для того, чтобы этим кружным путем довести до сведения изумленного мира, что континентальные армии служат для поддержания внутреннего порядка. Господин Бруно все еще представляет гегелевскую диалектику на ступени ее глубочайшего застоя. На этой ступени развития вся глубина исторического понимания ограничивается тем, что пространно доказывают самые банальные общие места, щедро снабдив их пафосом и придавая им видимость развития, а потом изображают их как новый результат, добытый трудами исследователя. Все это еще терпимо, пока речь идет о давно минувших историях, но когда пытаются надеть мистический наряд на непосредственную современность, то это уже чересчур, и любой осел должен сразу заметить, что за этим ничего не скрывается. А далее — глубокая истина: правительства правы по отношению к революциям, ибо последние еще незрелы, но революции тоже правы по отношению к правительствам, ибо они по своей сущности представляют идеи будущего, хотя и в эмбриональной и незрелой форме — старая гегелевская штука, которая, наверное, не блещет новизною даже для Америки! И постоянно эти слова о недовольстве, «раздражительности», «полнейшем безразличии» «гражданина». «В некоторых странах борются классы против классов, в других же нации против наций». Собственно говоря, эта необычайно умная фраза есть все, чему Бруно научился от революции.

Господин Теллеринг, очевидно, изгнан из Франции как бездомный и бродячий член люмпенпролетариата, непригодный даже для «Société du 10 décembre». ³

Если ты не знаешь положительно, что Др[онке] добровольно отправился в Германию, то мне кажется более вероятным, что он

в качестве уже однажды высланного из Франции был на этот раз отправлен не на любую границу, а на *немецкую*. Пошлый дурак, между тем, благополучно пробрался в Нассау. Почему он едет в Кобленц, когда гораздо лучше было бы поехать в Гамбург и оттуда, — где его никто не знает и где он встретил бы Веерта и Штрона, а следовательно получил бы и деньги, — в Англию! Но из Нассау, где он был так близко, его, очевидно, потянула в Кобленц надежда на деньги, и если бы он туда пробрался, он, наверное, отправился бы в Кёльн. Для кёльнцев, однако, хорошо, что они уже прошли через обвинительную камеру, в противном случае арест Дронке дал бы повод для нового шестимесячного следствия. Его очень скоро отправят в Кёльн и, быть может, попытаются выставить в качестве свидетеля перед судом присяжных. Но ему самому это поделом! Деньги, которые, возможно, были ему нужны, он, конечно, мог достать во Франкфурте или устроить так, чтобы Лассаль прислал их ему куда-нибудь; но нет, этот несчастный должен был поехать непременно в Кобленц, где его знает каждый жандарм и каждая собака на улице. *En attendant, il est sûrement logé.*⁴

Твой Ф. Э.

¹ лицемера [и] соблазнителя. ² И стоило ли труда. ³ «Общества 10 декабря».
⁴ Пока что — он крепко сел.

166.

Манчестер, 27 апреля 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем новости от Вейдемейера, несколько более веселые. Твою статью я на время задерживаю здесь, чтобы 1) прочесть ее и 2) быть может, перевести ее на английский язык, что очень легко, за исключением некоторых цветов красноречия, понятных только немцам.

*Voilà donc,*¹ в «Кёльнской газете» уже появилось объявление о розыске Моисея Гесса по обвинению в государственной измене. Я готов дать себя повесить, если это не результат найденных у папаши Дронке нелепых документов, относящихся к их «важным» женевским историям. *Cela valait bien la peine!*² А пока Моисей становится мучеником, что очень украсит его «*otium cum dignitate*»³. Возможно, что его скоро отправят в Лондон — *est-ce que nous n'échapperons jamais à cet imbécile!*⁴ Во всяком случае, все это может оказаться очень фатальным для бедных ребят в Кёльне и дать новый повод к затягиванию их процесса; если бы они действительно

уже были переданы суду присяжных, мы все-таки узнали бы об этом.

Фрейлиграт пишет мне о рекомендательном письме к моему шурина — сегодня отсылаю это письмо; итак, он все-таки хочет добиться места во что бы то ни стало.

Сердечнейший привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

Замечательно вчерашнее вечернее голосование по поводу билля о милиции. Если бог даст еще пару таких голосований, то новые выборы втянутся до сентября или даже октября. *Serves the Whigs right and the financials too!*⁵ Но я вижу, что Джонс все же хочет немедленно приступить к изданию своей газеты! Выходка Гарни относительно *Star* — низость, но хорошо, что Джонс не получил этой старой, деморализованной, приходящей в упадок газеты. Гарни — может дать себя похоронить вместе со своей газетой.

¹ Вот. ² Стоило огород городить. ³ полный достоинства досуг. ⁴ неужели мы никогда не избавимся от этого дурака. ⁵ Это полезно вигам, а также финансистам.

167.

Манчестер, 29 апреля 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем новое письмо Вейдемейера. Газет я не получил. Между тем согласно телеграммам *Atlantic* должен прибыть сегодня утром и, следовательно, завтра утром они, наверное, придут. Вейдемейер, повидимому, не понял практических указаний, которые я ему дал по поводу упаковки и пересылки его вещей для того, чтобы он не переплачивал на пересылке. Я ему уже указал на его ошибки.

Итак, кобленцкая история с малышом [Эрнстом Дронке] оказалась-таки чистым вымыслом, и, если верить «Кёльнской газете», папаша Дронке теперь уже в Лондоне, и этим закончились его приключения. *Tant mieux pour lui!*¹ Но тем непонятнее становится мне история с объявлением о розыске Моисея. Во всяком случае, эти розыски означают, повидимому, новые придирки к кёльнцам. Одному богу известно, какая старая дрянь опять попала в руки полиции. *Pauvre Moses,*² так *egregiously post festum*³ сделаться мучеником в «*partibus infidelium*»⁴ по такому старому делу!

На будущей неделе я приготовлю несколько статей под ряд для Дана и постараюсь довести историю до конца кампании за имперскую конституцию. Дабы мы могли тогда же немедленно закончить,

было бы хорошо, если бы ты подготовил мне коротенькую записку для последних статей о *revolutionary prospects of Germany*⁵ и о положении нашей партии во время и после революции. Как раз эта заключительная часть наиболее важна, и, кроме того, подобная записка дала бы мне возможность приготовить статью не только лучше, но и гораздо скорее. Таким образом, мне удалось бы при некотором напряжении закончить все остающиеся пять или шесть статей в течение двух недель, а за это время ты мог бы уже вступить в переписку с Дана о новой серии, на тему более злободневную, *soit la France, soit l'Angleterre*.⁶ Так как брошюра Вейдемейера теперь очень скоро выйдет, то уже нельзя продать Дана «18 Брюмера», хотя бы и в измененном виде; он сможет тогда иметь ее *for nothing*⁷ и перевести собственными силами. Но все-таки ты мог бы запросить Дана, хочет ли он иметь переработку или перевод, рассчитанные на англо-американскую публику; в таком случае можно было бы значительно сократить предварительную историю до 2 декабря 1851 г. и, в заключение, довести изложение до современного момента, так чтобы за этим могли последовать периодические еженедельные или двухнедельные отчеты о Франции.

Твой Ф. Э.

¹ Тем лучше для него. ² Бедный Моисей. ³ так превосходно задним числом. ⁴ стане неверных. ⁵ революционных перспективах в Германии. ⁶ либо о Франции, либо об Англии. ⁷ даром.

168.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 30 апреля 1852 г.

Дорогой Фредерик!

Одновременно с этим письмом ты получишь колоссальную посылку из Америки. Я получил сегодня также письмо от Клуса, выдержки из которого привожу ниже; оно мне еще нужно до будущей недели.

Дронке прибыл сюда *sain et sauf*.¹ Он понравился мне больше, чем я ожидал. Он вырос и раздался также в ширину. Благодаря этому он приобрел больше апломба. Временно он живет у Аншютца, принявшего его с распростертыми объятиями. Он начнет здесь небольшое дело, имея из Парижа поручение продавать здесь портсигары и портмоне. Вознаграждение — 10 процентов. И через Аншютца он сейчас же получает необходимые для этого дела связи.

От него я узнал, что «бравый» Техов послал в Швейцарию нашу характеристику, в которой изрядно ругает нас, особенно тебя. Военные люди питают к тебе ненависть как к конкуренту.

Et je pense,² что в один прекрасный день ты оправдаешь leurs pressentiments.³ Кроме того: Шили потребовал из Женевы, чтобы эти господа вошли с нами в соглашение. На это последовал документ, подписанный Виллихом, Теховым, Шаппером, Шиммельцфельником, в котором, между прочим, говорится, что: 1) они решительно порвали с этою совершенно бессильною партией; 2) среди нас имеются полицейские шпионы, которые передают обо всем прусскому правительству.

Я не знаю, писал ли я уже тебе, или ты слышал еще, когда был здесь, что *всего на всего* господа Кинкель и К^о имеют только 3 000 долларов наличных денег, что все почтенные люди, как Леве-фон-Кальбе, устранились, что Виллих с Кинкелем и Рейхенбахом в очень натянутых отношениях и что вся эта затея может расстроиться.

Записку о Германии ты получишь.

Вчера у этих негодяев было здесь заседание поручителей. Они избрали постоянный комитет. Господин Руге написал письмо, в котором он выразил протест. Виллиха не было. Рейхенбах с самого начала отклонил всякое участие в этой грязной истории. Комитет получает плату. Избраны Кинкель, Виллих (сомнительно, согласится ли он), Леве-фон-Кальбе (во всяком случае, откажется), Фиклер, Ронге, Шютц из Майнца и еще один. Они пополняются путем кооптации. Руге в своей статье нападает на Кинкеля как на агента принца прусского и фрейкмасона.

Из письма Клуса следующее:

Гуцель (не смешивать с Гуцельвиттом, другом Клуса, присутствовавшим на кинкелевском съезде в Цинциннати в качестве поручителя) пишет Клусу, между прочим: «Кинкель всякими *подлостями* хотел восстановить меня против Маркса и Энгельса. Мне удалось добиться того, что я хотел. Я так прижал его к стенке, что он теперь надолго в моих руках. Он хотел обезопасить себя тем, что просил меня дать ему честное слово, что я умолчу об этом случае и разглашением не причиню ему «неприятностей». Некий Теллеринг лает, как собака, на Маркса в письме к Аннеке».

Далее Клус пишет сам: «В Нью-Йорке, на том великолепном собрании, о котором я вам писал в своем последнем письме, многочисленные спортивные общества конституировались отдельно и присоединились к моему протесту и статье Вейдемейера против меморандума Кинкеля».

А ргорос.⁴ Я дал Баниа для Семере несколько набросков великих немецких мужей в Лондоне. Это письмо, не знаю каким образом, было прочитано одному немецкому издателю, которому имя мое

не было названо. Он потребовал «политических портретов» этих господ и, как говорит Б[аниа], готов заплатить 25 фунт. стерл. за несколько печатных листов. Конечно, анонимно или под псевдонимом.

Qu'en penses-tu?⁵ Собственно говоря, такие юмористические характеристики нам следовало бы писать вместе. У меня есть некоторые сомнения. Если ты думаешь, что я должен согласиться на это предложение, тогда ты должен составить коллекцию из моих писем, а также из других имеющихся у тебя вещей, где могут найтись отрывки для характеристики этих негодяев. Во всяком случае, ты должен прислать мне несколько заметок о Виллихе «на работе» и «в Швейцарии».

Среди вещей, посылаемых мною тебе, ты найдешь проект рекламы для картин и очерка сражений старого Серельмея. Он хочет, чтобы проект был немного исправлен и переработан в виде рекламы на английском языке, за что он обещает каждому из нас по одному экземпляру сочинения. Je crois que ça vaut la peine de faire un petit Puff.⁶ Что господин Кэри издаст экономическую книгу о «Harmony of Interests»,⁷ я предвидел, когда увидел впервые его печатные произведения.

Mais que dis-tu, mon cher,⁸ о Руге, который в пересланном тебе «Янусе» пытается присвоить себе коммунизм как новейший продукт своего «гуманистического мышления»? И каким способом! Mon Dieu!⁹

Читал ли ты о петушином бое между Гарни и Джонсом? Если нет, я пришлю тебе их взаимные филиппики. Оба они, один добровольно, а другой вынужденно, опустились здесь до уровня полемики немецких эмигрантов.

Твой К. М.

Читал ли ты когда-нибудь бóльшую чепуху, чем статья господина Б. Бауэра в «Tribune»: «Der Verfall Englands»?¹⁰ Самым характерным для неисправимого старого теолога является следующее место: «В то время как английский парламент до сих пор проводил римскую политику и использовал жизненный инстинкт народа и его дух предприимчивости для основания своего мирового господства, он в то же самое время в старо-римском духе использовал *внутренние разногласия в стране*, как, например, *разногласия между официальной [англиканской] церковью, шотландским пресвитерианством и ирландским католицизмом* для организации и развития своего аристократического искусства господства; он [английский парламент] в современной континентальной борьбе между народами и правительствами

стал стороной, и выступает в настоящий момент, как сторона, в пользу конституционализма там, где последний идет к своей бесспорной гибели». Wenn das nicht gut für die Wanzlaus ist, so weiss ich nicht, was besser ist.¹¹

¹ здрав и невредим. ² И я полагаю. ³ их предчувствия. ⁴ Кстати. ⁵ Что ты об этом думаешь? ⁶ Думаю, что стоит устроить это маленькое шарлатанство. ⁷ «Гармония интересов». ⁸ Но что ты скажешь, дорогой мой. ⁹ О, господи! ¹⁰ «Гибель Англии». ¹¹ Если это нехорошо для клопов, то я не знаю, что лучше.

169.

Манчестер, 1 мая 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем—почтовый перевод на 30 шиллингов; это все, что я могу в настоящий момент уделить тебе. Правда, завтра ты не сможешь получить их из-за воскресного дня, но, по крайней мере, ты знаешь, что имеешь их. Если мне возможно будет в течение этого месяца послать еще одну такую посылку, будь уверен, что это, во всяком случае, будет сделано, но до сих пор я еще не могу этого знать. Очень хорошо, что малый прибыл благополучно; недурно также и то, что он на время нашел в Анпютце a friend in need, a friend indeed.¹ В течение лета он должен разок посетить меня, после того как у меня погостит здесь мой старик.

Что касается тех биографических очерков великих людей, о которых ты писал, то самое забавное в этом деле то, что с некоторых пор у меня была такая же идея составить подобным же образом алфавитную коллекцию биографий, которые постоянно можно было бы пополнять и держать наготове до наступления великого момента «развязки», когда их внезапно можно было бы бросить в обращение. Что касается предложения издателя, то 25 ф. ст. кой-чего да стоят, но надо принять во внимание, что, несмотря на все анонимы и псевдонимы, все же всякому будет ясно, de quel côté ces flèches viennent,² и ответственность падет на нас обоих. Эта вещь, напечатанная в Германии при теперешнем режиме, рассматривалась бы как поддержка реакции, и никакие предисловия в мире не помешали бы этому. И это в подобных случаях всегда неизбежно. Если бы ограничить дело немногими, по-моему дюжиной самых известных ослов — Кинкелем, Геккером, Струве, Виллихом, Фогтом и др., это бы скорее сошло; отсутствие наших собственных фамилий могло бы тогда пройти незамеченным, и эту штуку могли бы рассматривать как исходящую непосредственно от реакции. Во всяком случае, мы по возможности должны были бы сами сделать эту вещь. Подумай, что по-моему

лучше всего сделать, и nous verrons. £ 25 valent bien un peu de scandale.³

Письмо Клуса отошло обратно на будущей неделе. Дело Серельмея улажу.

Сегодня до обеда Americana⁴ еще не прибыли; может быть, они уже теперь лежат у меня дома.

Твой Ф. Э.

¹ настоящего друга — друга в беде. ² откуда идут эти стрелы. ³ мы посмотрим; 25 ф. стерл. стоят небольшого скандала. ⁴ вести из Америки.

170.

Манчестер, 4 мая 1852 г.

Дорогой Маркс!

Твое толстое американское послание еще не получено. Я поручил навести справки у Пикфордов, так как на моей улице дома перенумеровываются заново, из-за чего происходит путаница. Но у П[икфордов] нет пакета для меня. Или ты еще не отослал этой вещи, или если по почте, то не по установленной форме, или вообще что-нибудь произошло. Наведи поэтому справки, что случилось с этим пакетом.

На этой неделе я здесь буду толковать со своим стариком, после чего будет покончено со всей этой деловой дрянью, а также выяснится и мое положение. Или дело будет функционировать дальше и после возобновления контракта, в чем я очень сомневаюсь, или же я буду добиваться, чтобы мой старик ушел из дела не позже конца года, может быть, уже в конце июня. Тогда будет дьявольская ликвидация, которая может быть окончена в 6-8 месяцев, после чего я возьмусь за что-нибудь другое, либо поеду в Ливерпуль, либо бог знает куда. В течение двух недель это будет решено. Мне приятно, что мой старик уже скоро приедет, потому что тогда будет покончено со всей этой гадостью и выяснится окончательно мое положение.

При сем возвращаю также письмо Клуса. Статьи Джонса у меня здесь имеются, но нет статей Гарни; при случае пришли мне их, дабы я мог выслушать обе стороны и увидеть папашу Гарни в новой для него роли. Прилежный Джонс очень скоро вытеснит этого ленивого негодяя, если ему только удастся продержаться некоторое время. А ведь он в состоянии будет довести тираж до 4 000 в неделю, а это уже приносит доход (3 600 экземпляров покрывают расходы).

Приезд моего отца, разумеется, отсрочивает мои планы для Дана на неделю или две. Ты зато мог бы, между тем, через Семере

продолжать вести переговоры с издателем относительно очерков и пока просматривать для характеристики героев свою корреспонденцию и «Новую рейнскую газету» (особенно их голосования в Национальном собрании и речи), и, если дело будет решено в благоприятном смысле, ты мог бы приехать на неделю сюда, и мы бы изготовили эту вещь. Я думаю, что это можно будет так сделать, что paternité¹ не будет открыто и даже, если бы оно было открыто, то это несколько не повредило бы делу.

Как пишет мне Эбнер, он все еще ведет переговоры о твоей «Экономии» с Левенталем, который хочет обосноваться в Брюсселе и временно остается еще членом франкфуртской фирмы.

Как подвигается у Фрейлиграта дело с моим шурином? Отвечай мне о Пиндаре, c'est une bête ennuyeuse et assez confuse.² Состоит ли он в С[оюзе]? Указанные Вейдемейером спортивные газеты все еще не прибыли; он, вероятно, как-нибудь напутал.

Отвечай немедленно.

Твой Ф. Э.

На пакетах, которые идут не почтой, пиши на адресе вместо старого номера — 70 — оба номера, старый и новый, следующим образом: Nr. 44/70, Great Ducie Street, Strangeways, Manchester.

Дело Серельмея улажу, по возможности, завтра.

¹ авторство. ² это весьма скучное и путанное животное.

171.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 6 мая 1852 г.

Дорогой Фредерик!

Пакет не был тебе отослан, так как Пикфорд потребовал у моей жены 2¹/₂ шиллинга. Вся эта дрянь этого не стоит.

Прилагаемая замечательная записка, которую ты получишь, это — наскоро набросанная копия с циркуляра, вышущенного господами Кинкель-Виллихом к членам их общества. Самое комичное это то, что один из их начальников секции каждый раз приносит эти безделицы прусскому генеральному консулу Гебелеру, который платит за это. Разумеется, прусское правительство имеет такой же хороший ключ к этим мнимо-важным «тайнствам», как и Кинкель-Виллих. Виллих все же принял пост в постоянном комитете, несмотря на все принципиальные колебания, — у кого деньги — у того и Виллих.

Однако нет сомнения, что путч quelconque¹ замышляется. Генерал Клапка уже отправился на Мальту, имея в кармане подпи-

санный Кошутом-Мадзини приказ о назначении его верховным генералом венгерской и итальянской армий. Я полагаю, что они намерены начать выступление в Сицилии. Эти господа чувствуют себя несчастными, если каждый год не терпят поражений и не получают ударов. Они никак не хотят признать, что мировая история развивается без их содействия, без их вмешательства, в частности — официального вмешательства. Если дело не выгорит, что несомненно, у господина Мадзини будет новый повод с серьезным видом излить свое негодование в письмах к *quelconque*² Грэхему. Это, однако, не расстроит его пищеварения.

Я поправляю теперь для Баниа его перевод характеристик, написанных Семере по-венгерски. Оригинал, который постоянно приходится с большим трудом восстанавливать по часто непонятному, совершенно не считающемуся с грамматикой и с *consecutio temporum*³ переводу, должен быть замечательным. Но одно ясно: свержение австрийской династии, которое в момент его провозглашения было политически неправильным и вредным, было подготовлено Лайшом Кошутом, чтобы обеспечить себе пост правителя. Он опасался, что в случае промедления он принужден будет уступить его без сопротивления победоносному Гергею. Ошибка осады Офена вместо похода на Вену также была вызвана Лайшом, который торопился победоносно вступить с семейством триумфатором в столицу.

А ргоров.⁴ Я только что получил письмо от Баниа. Издатель в Берлине сделал теперь окончательное предложение: 25 ф. ст. за 5-6 листов характеристик с получением бесплатно 24-х экземпляров. Я получу от Баниа деньги, как только я пошлю ему рукопись. Но издатель торопит. План мой состоит в следующем: сперва я с Дронке составлю черновик, благодаря чему мой стиль более или менее исчезнет. А через две недели, может быть, и будет возможно с тобой закончить дело. Во всяком случае, ты должен еще сообщить мне в твоих ближайших письмах кое-что о Виллихе (во время похода и в Швейцарии).

Прилагаю письмо Клуca.

Я был вчера с Фрейлигратом у издателя Трюбнера. Он надеется пристроить некоторое число экземпляров «Революции» здесь, в Лондоне, а другую часть считает возможным распространить в Германии через Кампе. Поэтому, как только получатся экземпляры В[ейдемейера], перешли их сюда. Спортивный журнал, повидимому, прекратил свое существование.

Твой *K. Маркс*.

¹ какой-то. ² какому-нибудь. ³ последовательностью времен. ⁴ Кстати.

172.

Манчестер, 7 мая 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем возвращаю письмо Клуса. При этом мне приходит в голову, что теперь, когда господин Дана связался с Бруно Бауэром и Симоном из Трира и одновременно ограничил размеры твоих статей под предлогом президентских выборов, было бы уместно предпринять против господина Дана некоторые шаги в духе янки. Клус и некоторые другие должны с разных сторон написать господину Дана и спросить, почему эти бесподобные статьи появляются так редко и с перерывами; что, надо надеяться, это зависит не от редакции, которая, как можно ожидать, в состоянии будет это изменить и давать чаще статьи К[арла] М[аркса] и т. д. Вейдемейер очень легко мог бы это организовать, достаточно было бы только указать ему как причину, что Д[ана] хочет ограничить тебя в размере твоих статей и что поэтому уместна подобная демонстрация для того, чтобы этот орган был для нас открыт. «A Varnum — Varnum et demi». ¹ Если ты согласен, то я могу с ближайшим пароходом устроить это у Вейдемейера.

Циркуляр конвента к секциям — смехотворный. Я готов дать себя повесить, если секции С.-Петербург, Варшава, Берлин, Рим и т. д. расположены на расстоянии больше четырех миль от Черинг-Кросс. Это карбонарское выступление, полное напускной важности и мнимой энергии и напоминающее военные приказы, показывает, как сильно эти господа обманываются насчет своих, будто бы, организованных сил. Замышлять теперь путч — это *bêtise* ² и подлость. Но, конечно, «должно же что-нибудь случиться, надо же что-нибудь предпринять!»

Можно было бы пожелать главарям, которые должны руководить этим делом, чтобы они вместе были пойманы и расстреляны. Но, конечно, великие мужи будут остерегаться, и герой Виллих будет спокойно сидеть в Лондоне до тех пор, пока еще есть деньги в кассе, кредит у Шертнера, одежда и сапоги в «портняжной и сапожной мастерских». Так господин Виллих понимает снабжение армии.

Дело с характеристиками подвигается вперед. Через четыре недели вещь эта может быть готова. Позаботься только о надежном человеке, который переписал бы эту вещь начисто, чтобы был совершенно незнакомый почерк. Когда ты приедешь сюда, захвати

американские газеты, комплект «Новой рейнской газеты» и необходимые документы. Мой старик приезжает завтра и едва ли будет иметь возможность остаться здесь больше 8-10 дней.

Я получил, наконец, свои военно-научные вещи из Германии. То, что я прочел из них до сих пор, не больно важно. Столь прославленный господин Густав фон-Гофштеттер кажется мне до сих пор не Наполеоном, но лишь недурным батальонным командиром или пригодным для небольшого сражения. Но я еще не прочел его книги до конца. Зато превосходная вещь — это брошюра о новых фортификациях прусского капитана инженерных войск Кюнцеля — изложение более историческое и материалистическое, чем все, что я читал до сих пор о военных делах. — Что же касается Виллизена, то можно сказать, что при Идштедте не датчане победили шлезвиг-голштинцев, но обыкновенная тактика здравого человеческого смысла одержала победу над гегелевскою спекуляцией. Собственно говоря, книга Виллизена должна была бы называться: *Философия* большой войны. Отсюда ты видишь, что в книге больше философствования, чем военной науки, что вещи, большею частью сами по себе понятные, конструируются а priori с пространною и глубокою основательностью, а в промежутках попадают рассуждения о простоте и сложности и тому подобных противоположностях. Что можно сказать о такой военной науке, которая начинает с понятия об искусстве en général,³ а затем устанавливает, что и поваренное искусство есть искусство, распространяется подробно об отношении между искусством и наукой и, наконец, резюмирует все правила, отношения и возможности и т. д. военного искусства в одном абсолютном положении, что более сильный всегда должен побить более слабого. Кое-где встречаются недурные замечания и правильные выводы из основных принципов; было бы очень плохо, если бы этого не было. До его практических выводов я еще не дошел; но не в пользу Виллизена говорит тот факт, что величайшие успехи Наполеона были достигнуты каждый раз пренебрежением к основным принципам Виллизена; конечно, правоверный гегельянец сможет очень хорошо объяснить себе это таким образом, что принципы ни в малейшей степени не страдают.

Как я вижу, только что вышли мемуары Гергея — но они стоят 6 талеров, и потому я в настоящее время не смогу еще приобрести их. С их изданием можно считать пока законченным материал о *военной* стороне венгерской войны. О венгерской войне я, во всяком случае, кое-что подготавливаю, может быть о всех войнах 1848 — 1849 гг. Как только я покончу с историей прежних войн, я буду искать

себе издателя, который мог бы также нести большую часть расходов по источникам.

30 шиллингов, высланных тебе в прошлую субботу, ты, конечно, получил.

Твой Ф. Э.

¹ Против Барнума — полтора Барнума. ² глупость. ³ вообще.

173.

28, Deanstreet, Soho, 13 мая 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Я пишу тебе сегодня только несколько строк. Старый Серельмей, первая тетрадь которого готова, пристаёт ко мне ежедневно по поводу рецензий о его военном произведении. Если тебе теперь это невозможно сделать, то пришли мне, по крайней мере, со следующей почтой ее черновик.

Твой К. М.

174.

Манчестер, 19 мая 1852 г.

Дорогой Маркс!

Les affaires vont bien.¹ Завтра или послезавтра мой старик опять уезжает, очень довольный своими делами. Здепнее дело совершенно реорганизуется и будет продолжаться на новых началах. Прибавка жалованья благополучно завоевана, и как только контракты будут подписаны и мой старик исчезнет, упомянутый банковский билет будет прислан тебе. Лучше всего при этом то, что *мне* не приходится ничего подписывать; мой старик настолько умен, что не вполне доверяет мне в политическом отношении и поэтому старается не попасть впоследствии благодаря мне в новые неприятные истории. Точно так же, в случае надобности, я смогу с сохранением некоторых приличий устроить так, чтобы меня заместил один из моих братьев, и, таким образом, мой старик ничего не потеряет, кроме, пожалуй, некоторых иллюзий, и я буду тем, кто приносит жертву, а не он. Напиши мне немедленно, как обстоит дело с твоими набросками характеристик. Так как благодаря всем этим переменам мне пришлось в настоящий момент взвалить на себя изрядную долю работы, то я вряд ли в ближайшее время смогу думать о значительной совместной работе с тобою, но все-таки мне было бы очень приятно увидеть тебя здесь, по возможности скорее. Было бы хорошо, если бы ты мог вместе с Дронке настолько подготовить эти вещи, чтобы мы могли их в несколько вечеров совер-

шенно закончить; я бы тогда до твоего приезда сюда из находящихся здесь документов сделал необходимые выписки (которые ты должен мне указать), чтобы мы могли скорее двигаться вперед. Мне приходит в голову, что лучше всего было бы тебе приехать на Троицу, т. е. в пятницу до праздника, — когда здесь начинаются всеобщие holidays.² В хорошую погоду мы поехали бы на остров Мен или в другое место, а в случае плохой погоды работали бы вместе. Но постарайся приехать один. Дронкиус, вообще, впоследствии будет мне очень приятен, но пока я не могу еще им воспользоваться, а при работе он будет все же мешать.

Вообще, важнее всего в новом договоре то, что с 1 июля мое вознаграждение не только увеличивается, но и целиком принадлежит мне, так что я никому не обязан давать отчета в его употреблении. Подробности при личном свидании.

Твой Ф. Э.

¹ Дела идут хорошо. ² вакацил.

175.

Манчестер, 21 мая 1852 г.

Дорогой Марк!

Мой старик уехал. All is right.¹ При сем первая половина билета в десять фунтов. В конце будущей недели я надеюсь увидеть тебя здесь. Полагаю, что в настоящий момент у меня дома лежит письмо от тебя, но мне некогда сходить туда. Вторая половина билета последует либо сегодня со второю почтою, либо завтра.

Твой Ф. Э.

¹ Все в полном порядке.

176.

Манчестер, 22 мая 1852 г.

Дорогой Марк!

Пишу тебе сегодня только для того, чтобы на всякий случай сообщить, что вчера с первою почтою я послал по твоему адресу половину билета в 10 фунтов, а вторая половина послана в конверте Лупусу для передачи тебе; ты, надеюсь, получил все в исправности.

Здесь теперь сильная electioneering activity¹ — двое выдвинутых в кандидаты ториями вигов-фритредеров хотят свалить Брайта и Гибсона и занимаются здесь только тем, что обрабатывают и спаивают избирателей. Разумеется, эти молодцы не имеют никаких шансов, но это будет стоить им больших денег.

Как я ожидал, недели три тому назад появились признаки спекуляции на хлопчатобумажном рынке; но так как шансы еще недостаточно определились, и местные прядильщики-фабриканты и купцы противодействовали ей, то эта история моментально снова заглохла. Однако она очень скоро начнется опять, как только будет убран весь урожай в Америке. Шерсть также — благодаря внезапному разорению австралийского овцеводства — может стать предметом оживленной спекуляции. И вообще к осени предвидится необычайный рост спекуляции. Железнодорожные и другие акции начинают подниматься в цене — лучшие из них дают больше, чем те $1\frac{1}{2}$ процента, которые теперь еще можно получить на капиталы, вложенные в банки. В Америке спекуляция хлопком уже 6 недель в полном разгаре, и многочисленные новые своеобразные акционерные общества, которые теперь основываются повсюду, доказывают, как капитал ищет мест сбыта на всех денежных рынках. *Après tout,* ² буревестники показываются теперь уже гораздо более определенно и в большем числе. *Cela sera beau.* ³

Надеюсь не позже завтрашнего утра получить от тебя письмо.

Твой Ф. Э.

¹ избирательная активность. ² Судя по всему. ³ Это будет отлично.

177.

28, Deanstreet, Soho, 22 мая [1852 г.]

Дорогой Фредерик!

Сегодня утром получена первая половина десятифунтового билета.

Надеюсь уехать отсюда в пятницу, а именно пароходом до Ливерпуля, а оттуда в Манчестер.

А *groros.* ¹ Гражданин Шрамм отправляется через Ливерпуль в Америку. Как он нам конфиденциально сообщил, он намерен посетить тебя в среду или в четверг. Ты должен постараться спастись от него.

С Виллихом случилась великолепная история. Г-жа фон Брюнинг, у которой он пользовался бесплатным столом, вздумала кокетничать с этим старым козлом, как и с остальными экс-лейтенантами. Однажды кровь ударила в голову нашему аскету, он грубо, как животное, бросился на мадам и с треском был выброшен из дому. Погибшая любовь! Погибший стол! *Nous ne voulons plus de jouisseurs.* ²

Шерваль, о геройских подвигах которого перед парижским судом присяжных по делу «Complot allemand-français»³ ты читал, скажочно-смелым образом бежал от сыщиков, как ты, быть может, тоже читал в английских газетах («Morning Advertiser»). Впоследствии обнаружилось, что это было проделано с согласия полиции, которой он выдал все, что знал. Даже люди с Great Windmill (которые носились с ним в Лондоне, как с писаною торбою, вынуждены были оттолкнуть этого героя.

Кёльнцы, наконец, преданы обвинительной камерой суду присяжных. Если не будет назначена экстренная сессия присяжных, суд состоится не раньше июля.

Дронке кланяется.

Твой К. М.

¹ Кстати. ² Нам не надо больше жуиров. ³ «Немецко-французского заговора».

178.

Манчестер, 24 мая [1852 г.].

Дорогой Маркс!

Если ты только в пятницу выедешь оттуда через Ливерпуль морем, то ты не приедешь сюда раньше понедельника вечером, а может быть только во вторник утром. Если ты во что бы то ни стало хочешь ехать морем, то устройся так, чтобы ты мог приехать через Гулля. 3-4 раза в неделю из Сити отходят в 8 часов утра пароходы, и путешествие продолжается не так долго — тебе надо было бы выехать в среду утром, самое позднее в четверг утром; проезд стоит 6 шилл. 6 пенсов до Гулля, а из Гулля сюда в 3-ем классе около 7-8 шилл. Ты должен быть в пятницу после обеда здесь, чтобы мы могли в тот же вечер, около 6-ти часов, поехать в Ливерпуль. Поезд прямого сообщения из Лондона идет слишком поздно, чтобы ты мог уже в пятницу поехать с ним. Путь через Ливерпуль морем ты можешь проделать на обратном пути.

Итак: *quoi que tu fasses, il faudra que tu sois ici le vendredi à 4 heures de l'après midi.*¹

В ожидании подробных сведений.

Твой Ф. Э.

История с Виллихом очень забавна. Судьба все же настигла этого благородного, чистого.

¹ как бы ты ни поехал, ты должен быть здесь в пятницу, в 4 часа пополудни.

179.

[Маркс — Жене.]

70, Great Ducie Street, Manchester, 18 июня 1852 г.

Родная моя!

Твое письмо меня очень обрадовало. Ты, впрочем, вовсе не должна стесняться сообщать мне обо всем. Если тебе, бедняжке, все это пришлось испытать в действительности, то справедливость требует, чтобы я, по крайней мере, в мыслях пережил все муки с тобой. Я, впрочем, знаю твою бесконечную гибкость и знаю, как тебя вновь оживляют малейшие надежды на лучшее. Надеюсь, что ты еще на этой неделе или не позже понедельника получишь еще 5 ф. ст.

На всякий случай я вложил также «Schnellpost». Но не хватает старых номеров, в которых напечатана основная дрянь Руге. Мы смеемся до слез, просматривая всю эту старую ерунду.

Из пакета Освальда многого не сделаешь, но все же кое-что. Наш дорогой А[рнольд] Р[уге] не может трех строк написать, не скомпрометировав себя. Если я не ошибаюсь, «Monte» уже исправлен мною.

Типограф в Сити, очевидно, порядочный разиня, которому, наверное, нужно бесконечно много времени для одного листа, так как у него недостаток в подмастерьях. Его бумага гораздо хуже американской, а также и его шрифт, который, очевидно, совершенно истерся. Но твоё дело ты прекрасно исполнила.

Брошюра [Гарринг] Гарро по своей наивности и глупости прямо трогательна. Будь так добра, вырежь статью Энгельса о Гейнцене из «Брюссельской газеты» и пришли ее нам, но немедленно. Если «Kosmos» и не получится, то не беда. Главное у нас имеется здесь, в моем письме. Поцелуй и поклон от меня моим карапузикам.

Твой К. М.

Энгельс также заметил это: в то время как я во всей брошюре все время нарочно пишу «Луи Бонапарт», господин В[ейдемейер] в своем заглавии пишет «Луи-Наполеон».

P.S. Дорогая Женни, будь так добра и скажи, пожалуйста, Эжкарису, чтобы он составил маленькое послесловие к его «Mechanics' Strike»,¹ так как В[ейдемейер] все же «полагает» это печатать. Уже ради Клуса надо на это согласиться.

Сокровище мое, 2 прилагаемые записки «Chevalier Hulsemann's Farewell»² и «John Barney and the French Minister»³ вместе с малень-

кой вырезкой о «Найенне» пошли Джонсу, если он не придет к тебе, — лучше всего по почте. Я прошу тебя не затруднять господина Пипера подобными поручениями. У него все является предметом хвастовства, а я не хочу, чтобы Джонс, который, впрочем, сам его избаловал, считал его моим alter ego.⁴ Так как он думает, что письма писаны для «партии», ему и не придется их больше увидеть.

[Приписка Энгельса.]

Prego il Signor Colonnello Musch di gradire le mie migliori e piu cordiali felicitazioni.⁵

Ф. Энгельс.

¹ «Стачкам механических рабочих». ² «Прощание рыцаря Гюльземана». ³ «Джон Барни и французский министр». ⁴ вторым «я». ⁵ Прошу господина полковника Муша принять мои лучшие и самые сердечные поздравления.

180.

Манчестер, 30 июня 1852 г.

Дорогой Маркс!

Одно из двух — или вы там страсть как прилежно переписываете манускрипты, или с вами стряслась какая-то неприятность, иначе я бы уже получил от тебя вести. En attendant¹ прилагаю письмо и вырезки от Вейдемейера.

Твой маленький бумажник с кельнским письмом отыскался, — я его сегодня не взял с собой — не то бы я его приложил.

Сердечный привет — спешу.

Твой Ф. Э.

¹ Пока,

181.

28, Deanstreet, Soho, 3 июля 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Я прихожу поздно, но я прихожу. Причину опоздания ты поймешь из следующего рассказа.

В Лондоне рукопись была немедленно переписана. В понедельник в полдень она была окончательно готова. Я диктовал попеременно моей жене и Дронке. В среду в полдень я получил деньги. Баниа вычел известные тебе 7 ф. ст. Кроме того — долг Дронке за его сотрудничество. Таким образом, осталась сумма, которой нехватает даже для домашних расходов. Штрон не в состоянии был платить. К тому же еще прибавились неожиданные неприятности.

Жену Клозе, давно захворавшую и таявшую в больнице, эти негодяи выписали оттуда как раз в момент последнего кризиса;

третьего дня она умерла у него на дому. Дома — ни гроша, а тут расходы по погребению и т. д. Фрейлиграт ничего не мог сделать, так как он исчерпал все свои знакомства для того, чтобы отправить жену и ребенка Гейльберга обратно в Бреславль, содержать его самого и, наконец, отправить его в больницу. Итак, это дело легло на меня и причинило несказанные хлопоты, пока не удалось все сделать. *Maintenant* снова покой.

Эта «банда» ломает себе голову по поводу нашей брошюры. Особенно Мейен, этот жук, в смертельном страхе. Он даже «не может вспомнить, чтобы он когда-либо хоть в чем-нибудь провинился против нас». Виллих просил справиться у меня, помещена ли также история с Брюнинг. Это сильно беспокоит его. «Настоящий» ход этого сногшибательного происшествия был таков. Сперва, как тебе известно, Виллих абсолютно все отрицал; затем — новое заявление: «Брюнинг хотела подкупить его политически, называла его господином *фон* Виллих, и так и этак, словом — прибежала ко всяческим соблазнам». Итак, по «соображениям нравственности» он сделал диверсию в сторону половых органов. Но теперь наш шеф партизанов опять иначе излагает этот казус. «Брюнинг (это ему прежде рассказал Имандт) — русская шпионка. Она старается завлекать молодых эмигрантов. Старый Виллих мешал ей, поэтому она сочинила этот анекдот, чтобы скомпрометировать его в глазах эмиграции. В какой степени этот «анекдот» дьявольски надуман с политической целью, видно уже из того, что собственный муж Брюнинг всюду разглашает ее позор с исключительной целью скомпрометировать Виллиха».

Но дело еще этим не кончается. Рыцарственный Шиммельпфениг заявляет, что Виллих выдумал всю историю о шпионаже, чтобы замаскировать возмущение своего «*Sazzo*». ¹ Теперь дело обстоит так, что в историю эту замешаны оба этих благородных мужа, и Виллих, который вынужден лгать направо, теперь окончательно компрометирует себя. По поводу рогатого Брюнинга припоминаю не дурную шутку, которую я на-днях прочел в одной из комедий Макиавелли:

Picca (рогатый муж): *Chi è san Succù?*

Liguero: *E il più onorato santo che sia in Francia.* ²

Теперь Виллих и Кинкель в большой тревоге относительно того, как им сделать революцию с 1 200 ф. ст. — Шурц, Шиммельпфениг, Штроттман и т. д. все больше удаляются от Кинкеля. — Виллиха нельзя было бы оторвать от *coffre fort* ³ при помощи 100 лошадиных сил. — Неделю тому назад Кинкель явился к Имандту, от которого он знает, что тот встречается со мной, и сказал, что жаль, что моя

«Экономия» все еще не появляется, была бы, наконец, положительная основа. И[мандт] спросил его о стихотворении Фрейлиграта. «Таких вещей я не читаю», возразил Готффрид.

Забавнее всего то, что после того как эти негодяи годами жили тем, что ругали нас, они теперь заявляют, что ниже «нашего достоинства» и «положения» заниматься такими сплетнями: *Les drôles!*⁴ Теперь безутешным Виллиху-Кинкелю, которые должны сделать революцию, открылись новые перспективы. Господа Родбертус, Кирхман и другие честолюбивые кандидаты в министры послали легата в Лондон. Эти господа хотят, в подражание фогтовским французам, организовать немецкое общество карбонариев. Есть связи также и с самыми крайними партиями. В Германии на расходы должны быть выпущены бумажные деньги. Так как они, по возможности, стараются сохранить свою шкуру, то эти бумаги должны подмахнуть лица из эмиграции, притом принадлежащие ко всем партиям.

Шаппер через Имандта передавал мне о своем раскаянии и желании вернуться к нам. Ответил: прежде он должен *публично* порвать с Виллихом, дальнейшее затем видно будет. Это — *conditio sine qua non*.⁵

Ты прочтешь о новых арестах в Париже. Этим идиотам (на сей раз из клики Руге) нужно было, разумеется, снова затеять мнимый заговор. Как мне уже давно сообщили, их корреспондент в Париже, *англичанин*, несомненный полицейский агент (в Париже), передает, конечно, каждое их письмо немедленно в полицию. Не довольствуясь этим, французская полиция посылает сюда Симона Дейча, чтобы выведать все, что можно. Луи-Наполеону во что бы то ни стало нужен заговор. Но заговор висит над ним, о чем он, по видимому, и не подозревает, а именно: со стороны Орлеанской фамилии, агентом которой ныне состоит г-н Баниа (но в согласии с венгерскими «радикалами»). План: в один прекрасный вечер изловить Б[онапарта] у его дешевенькой проститутки, к которой он бегаёт потихоньку от англичанки. Один из главных агентов полиции подкуплен. Они заручились симпатиями двух генералов. — Сам Немурский [герцог] был две недели тому назад в Париже. Ровданы большие суммы для распространения памфлетов против Луи-Наполеона.

Как ты думаешь? Если еще раз один из Орлеанов поедет в Париж и было бы известно когда, то не следовало ли бы «*vrai prince*»⁶ донести на «*faux prince*»⁷ *d'une manière ou d'une autre?*⁸ Скажи мне твое мнение об этом.

Собака Шерваль выдал пруссакам также письмо Пфендера к нему.

До свидания.

Твой К. М.

От божественного Вейдемейера никаких известий. Бонапарт, пожалуй, скорее будет в Америке, чем моя брошюра о нем прибудет в Европу. Если возможно, пришли мне поскорее статью для Дана.

Сообщаю тебе следующее вступление к «Любовным сомнениям» Пьетро Аретино, предшественника и праотца Кассаньяков (но только более остроумного).

Prejazione.

Magnifico utriusque Ser Agnello,
 Voi qui scribere scitis quare, quia,
 Espelle, volte fatte col' cervello,
 Di Bartolo et Baldo notomia,
 E le leggi passate col' castello,
 Nella vostra bizzarra fantasia,
 Questi dubbii, di grazia, mi chiarite
 Ch'oggi in Bordello han mosso un gran lite.
 Vi sono genti fottenti, e fottute;
 E di potte e di cazzi notomie.
 E nei culi molt'anime perdute etc.

¹ Название по-итальянски мужского полового органа. ² *Ликка*: Что это за святой — Куку? *Лигуэро*: О! это тот святой, который больше всех почитается во Франции. ³ несгораемого шкафа. ⁴ Мошенники! ⁵ ультимативное условие. ⁶ настоящему принцу. ⁷ лже-принца. ⁸ тем или иным способом.

182.

Манчестер, 6 июля 1852 г.

Дорогой Маркс!

Хорошо, что рукопись уже отослана. Надо надеяться, что экземпляры получатся через 3-4 недели. Ты, вероятно, опять был в порядочной переделке, если ты, в качестве противоядия, взял *poche-gies Pietro Aretino. Cazzo di Dio, queste sono forti.*

Я здесь по горло занят работою. Передо мною лежат одиннадцать деловых писем, которые я еще сегодня должен написать, а теперь ровно 7 часов. Тем не менее, я хочу, по возможности, сегодня же, но не позднее завтрашнего вечера, приготовить статью для Дана.

Я как раз занимаюсь господином Гергеем. В свое время мы на основании *австрийских* отчетов удивительно верно изобразили в «Новой рейнской газете» ход венгерской войны и замечательно хорошо,

хотя и осторожно, делали предсказания. Книга Гергея — отвратительно пошлая, никогда не видал ничего подобного по мелкой завистливости и пошлой ограниченности. Военная сторона хороша, Гергей точно живой; это — талантливый бывший лейтенант, который быстро проскакивает в генералы, но с которого еще не соскочила яичная скорлупа ротной службы и элементарных тактических вопросов. Венгерцы, утверждающие, что Гергей не мог этого написать, *ослы*. В книге очень легко различить элемент истинно гергеевский от австрийского, как и два равнородных элемента у Шеню. Но, вообще, в качестве источника, этой книгой можно очень хорошо, хотя и осторожно, воспользоваться. Злостная ограниченность этого молодца заходит очень далеко; она доводит его даже до того, что он дискредитирует самого себя, так же, как и в истории с вайценской прокламацией, по поводу которой он упрекает Кошута в том, что тот был на самом деле умнее, чем в своих трескучих речах; и вообще все изложено настолько беспомощно, что автор против воли компрометирует самого себя. Благодаря этой ограниченности Гергей никогда не доходит до того, чтобы дать чью-либо настоящую характеристику, но тем не менее в книге имеются правильные замечания и отдельные комментарии насчет Кошута и многих других. Несмотря на эту злостную ограниченность, Гергей все-таки — это видно по всему — был выше всех. Что же из себя представляют все остальные!

О венгерской войне я напишу во всяком случае.

Во главе парижского заговора, повидимому, — судя по фактам, — стоит наш *sacrément* и *scânement*¹ мрачный Бартелеми и другие — в авантюристском приготовлении артиллерийских снарядов кроется нечто *qui sent son* Виллих *de vingt lieues*.² Что Руге и другие также в этом замешаны, весьма возможно. Но эти пушки из газопроводных труб, покрытые брезентом, — гогенцоллернского происхождения.

Твой Ф. Э.

По поводу Орлеанов. *Pourquoi pas?*³ Подвергнуть braveго Жуанвилля или кого-нибудь ему подобного участи герцога Эннгенского было бы великолепно, и *pourquoi le neveu ne ferait-il pas fusiller aussi son Bourbon?*⁴

¹ решительно и смело. ² что пахнет [Виллихом] за двадцать верст. ³ А почему бы и нет? ⁴ почему бы племяннику не расстрелять также своего Бурбона?

183.

13 июля 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Так как здесь нет письма от тебя, то я заключаю, что достойнейший Вейдемейер, несмотря на все это, настаивает на своей «системе». Дело в действительности начинает становиться непонятным и делает меня посмешищем всей эмигрантской дряни и издателей, к которым я обратился по этому злополучному делу, не говоря уже о весьма чувствительной для меня именно теперь потере денег.

Статью о выборах я не написал, так как, по-моему, необходимо выждать общего результата выборов. Судя по тому, что я видел до сих пор, мне кажется, что опять возродится прежний парламент во всей его красе, с выигрышем для виггов в пять или шесть голо-сов. Эти подлецы находятся в *cercle vicieux*,¹ из которого им не выбраться. Единственные, которые до сих пор значительно потеряли, это — сторонники Пилля.

«Morning Chronicle» заявляет в апологии Грэхема, что остается еще только один выход, но что вигги так же неспособны его найти, как и тории. Единственными способными людьми, кроме Грэхема и его сторонников, являются Кобден, Брайт и К^о, и они должны были бы совместно управлять. Замечательно, что на следующий день в «Times» также помещена была статья, восхваляющая Грэхема, которую ты, может быть, уже видел.

Великий Техов вместе с мадам Шмидт-Штирнер отправляются на будущей неделе в Австралию. Но что огорчит тебя еще сильнее, так это то, что Дамм тоже бросается на *australian gold-digging*.² Еще несколько месяцев затишья, и все наши подрыватели мировых основ будут рыться в австралийской грязи.

Только Виллих, прикованный к *coffre fort*,³ остается при своем девизе жить, но *by no means*⁴ не работать. Баниа теперь очень близок с орлеанистским интриганом «де-Ремюза». Какой-то венгерец предостерегал его от этого человека, который в германо-французском заговоре «предал» немцев. Ремюза имеет агентов в парижской префектуре. И он им пишет, *sans mot dire à M. Banya*,⁵ чтобы они давали ему сведения об этом господине. Ответ, который был сообщен мне, — Баниа *абсолютно вне подозрения*. Он во-время удрал, в противном случае его бы также схватили. Предатель «*un certain Cherval, nommé Frank, mais dont le véritable nom est Krämer*».⁶

Этот Шерваль с самого начала вел дело с ведома полиции. Более того. Ремюза получил подлинные письма, писанные Ш[ервалем] прусскому посольству, в которых он заявлял посольству, что,

после обещаний, сделанных ему последним в Мазасе, и после того как он доказал свою приверженность к «принципу» *ordre*,⁷ оно должно было бы считать своей «*devoir*»⁸ дать ему необходимые «*pouens*».⁹ Но прусское посольство заявило, что так как он в качестве шпиона *получает плату* с французской стороны, а *double emploi*¹⁰ не полагается, то он ни на что не может претендовать со стороны Пруссии. Его, таким образом, послали в Лондон, чтобы следить за немецкими эмигрантами и кроме того «не терять также из виду Клармон». Для выполнения этой задачи он пришел к Ремюза и предложил свои услуги в качестве агента. Р[емюза], осведомленный, очевидно, из Парижа, соглашается и в качестве посредника указывает ему в Клармоне камердинера, который имеет задачей направлять французскую полицию по ложному следу. Орлеанистская агитация так хорошо организована, что эти господа обладают правильно налаженными пунктами для контрабанды, через которые можно посылать пакеты, письма, брошюры во Францию с такой же уверенностью, как обычные вещи по почте.

Самым важным для меня было добиться получения подлинного письма Шерваля, из которого видна его связь с прусским посольством. Такой документ может опрокинуть все построение обвинительного акта.

Я условился с Банпа, что как только будет готова еще одна копия, ты в рукописи получишь брошюру Семере. Это документ, без которого ты не можешь обойтись для своей работы, так как он содержит письма Гергея, Кошута и др., которые нигде не были опубликованы.

Моя жена болеет, худеет и кашляет. Однако врач объявил болезнь неопасною и прописал ей, помимо лекарств, пить много портеру.

Если тебе возможно будет прислать к пятнице еще одну статью, я попытаюсь авансом переучесть у Джонсона 5 фунтов, которые будут мне тогда причитаться с Дана.

A propos. «*Orlando Inamogato*» riformato Доменики¹¹ — это *переработка*. Оригинал — очень редкая книга, его можно найти только в больших библиотеках вроде здешней. Даже издание Доменики очень редкое. Обычное издание — это *Orlando riffato*¹² Берни.

Твой К. М.

¹ порочном кругу. ² австралийские золотые россыпи. ³ несгораемому шкафу. ⁴ ни в коем случае. ⁵ не сказав ни слова господину Банпа. ⁶ некий Шерваль, называемый Франком, настоящее имя которого Кремер. ⁷ порядок. ⁸ «обязанностью». ⁹ «средства». ¹⁰ совмещение двух должностей. ¹¹ Кстати. «Влюбленный Орландо», переделанный Доменики. ¹² «Орландо», переделанный Берни.

184.

Манчестер, 15 июля 1852 г.

Дорогой Маркс!

Твое предположение относительно Вейдемейера было совершенно правильно. От него не получено ни строчки. С тех пор как мы ему подробно писали, каким образом он должен посылать вещи сюда, он, очевидно, считает своей обязанностью совсем не сообщать о себе. Впрочем, у него, вероятно, довольно плохие дела, и он занят добыванием средств к жизни.

Читал ли ты 2-3 дня тому назад статью в «Morning Herald» о различных лидерах оппозиции? Она может быть написана только самим Дизраэли. Прекрасна фраза: *And now stand forth, thou man of unadorned eloquence*, Richard Cobden.¹ Мистер Джон Брайт правильно признан в статье единственным опасным человеком, хотя эти господа создают себе также иллюзии насчет Грэхема. Как раз теперь этот бессовестный старый *ambitieux*² очень опасен господам ториям.

*Von voyage*³ патриотическим золотоискателям! Слово «подрыватель» получит, наконец, свой истинный смысл и свое содержание.

Новая связь с господином Ремюва великолепна. Письмо Шерваля прусскому посольству было бы очень ценным документом в этом процессе. Не упусти случая получить его. Какое лицо сделает наш старый друг, молодой Зедт, когда составленный им обвинительный акт, уже занимающий пятьдесят листов и опубликованный А[угсбургской] В[сеобщей] Г[азетой], благодаря этому будет совершенно разрушен! *Имеет* ли уже Р[емюва] эти письма? Впрочем, из газетных сообщений видно не только то, что господин Мантейфель хочет воспользоваться кёльнским процессом для грандиозного государственного выступления, за которым должен скрываться решительный политический удар, но, с другой стороны, также и то, что у него нет абсолютно никаких доказательств и бессилие обвинения скрывается за массой полицейских слухов и шпионских измышлений. Не слышал ты больше ничего о Б[аниа]? Я прилагаю здесь письмо этого доблестного мужа, которое я раньше забыл послать тебе. Но если ты получишь письмо Шерваля, то имеется ли у тебя возможность засвидетельствовать его подлинность. В противном случае иной председатель в состоянии отказать даже в чтении этого письма.

Как раз теперь, когда, по моим сведениям, 28-го начинается судебный процесс, важно иметь побольше надежных связей с Кёльном. Если б только мы могли знать, насколько можно полагаться на деятельность Б[ермбаха], то ему можно было бы во всяком случае спокойно отправить письма через Брэдфорд. Если бы знать, что

Веерт в Гамбурге, дело было бы сделано. Я пишу об этом еще сегодня Штронгу. Одновременно можно, в случае нужды, использовать даже Наута. Этот агент одной маленькой брэдфордской еврейской фирмы, ушедший от Эммануэlsa, против всякого ожидания достал мне *необыкновенно быстро* некоторые военные вещи у одного кельнского антиквария. Но загадка разрешится, когда ты узнаешь, что он хочет сделаться агентом фирмы Эрмен и Энгельс и, кроме того, просил меня помочь ему сделаться агентом одной здешней прядильной фирмы. Я обещаю ему все и рекомендую его своему старику. Поэтому, пока продолжаются эти переговоры, можно положиться на его аккуратность.

Доставленные мне Наутом военные книги — очевидно, библиотека отставного артиллерийского офицера — пришлись мне очень кстати, особенно потому, что они относятся преимущественно к *низшим* военным наукам, к строевой службе и т. д. Именно этого мне и не хватает. Кроме того — превосходные вещи о фортификации и т. д. Я скоро сделаю такие успехи, что смогу рискнуть выступить перед публикою с независимым суждением о военных вопросах. История с Семере будет нам *очень на-руку*; все же я еще не могу думать о разработке.

При сем статья для Дана. Я буду теперь быстро работать до окончания статей; но приготовь и ты что-нибудь об Англии. Если мы будем выжимать из этого подлеца 3 фунта в неделю, то черт побери, если нам не удастся устроить так, чтобы твоя жена еще до конца этого лета поехала на некоторое время в деревню; — это поможет ей лучше, чем всякий портер. Во всяком случае, я рад слышать, что ее болезнь не опасна.

Дай мне пованяться военными науками только еще один год, и демократическим лейтенантам придется здорово позлиться.

Привет твоей жене и детям, и Дронке, и Лупусу

от твоего Ф. Э.

¹ А теперь выступи вперед ты, муж «неприкрашенного красноречия», Ричард Кобден. ² честолюбец. ³ Счастливого пути.

Дорогой Энгельс!

Прилагаю безделицу для Дана. Напасть на этого субъекта со всех сторон тем более необходимо, что А. Руге, этот старый шут, в одном из последних номеров поместил одно из своих стилистических испражнений.

Кёльнское дело опять отложено судом на три месяца по требованию государственного прокурора. У него сбежали его главные свидетели: Гаупт удрал в Бразилию, а один портной-подмастерье — lieu incognito.¹

Думаешь ли ты, что Дана будет церемониться с английскими вигами ввиду того, что они носят *то же название*, что и американские?

Завтра, вероятно, последует подробная телеграмма.

Твой К. М.

¹ неизвестно куда.

186.

28, Deanstreet, Soho, 5 августа 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Не забудь же прислать мне до *вторника конец статьи*. Одного только очерка о ториях слишком мало. На этот раз Дана нужно послать солидную порцию по следующим соображениям: 1) Прохвост Гейнцен выступает в Цинциннати за вигов против демократов, правильно считая, что это electioneering time¹ является самым подходящим для того, чтобы продать себя. *Грили* изложил в «Трибуне» его тамошнюю речь и похвалил Гейнца. Итак, *мне* угрожает буря с этой стороны. 2) Так как в течение нескольких недель, а именно последних двух недель, я должен бегать ежедневно по шести часов, чтобы достать шесть пенсов на жратву, и, кроме того, меня снова терзает домохозяйка, то мне не оставалось ничего другого, как написать вчера Джонсону и запросить его, согласен ли он учесть вексель, выданный мне «Трибуной». Если он окажется столь разумным, что согласится на это, — что еще in dubio,² — то я должен написать об этом Дана, и, если он станет получать маленькие статьи, он усмотрит в этом грабеж и прогонит меня, так как он имеет теперь изобильное surp^l³ в лице Гейнца, Руге и Б. Бауэра. К величайшему несчастью, я еще увидел сегодня из «Times», что «Daily Tribune» — сторонница протекционизма. Итак, все это становится very ominous.⁴ Надо отослать, по возможности, скорее этому молодцу статьи, пока он не отменил своего заказа. Свою телеграмму я еще не могу отослать, так как у меня ужасно болит голова, хотя причиною тому не pale ale.⁵

Очень печально, что Дронке в субботу не будет здесь. В этот день будет *общее* собрание эмигрантов у Гегга, где этот малый был бы очень полезен, потому что Пипер совершенно не годится для этого дела. Во всяком случае, Д[ронке] должен постараться быть

здесь, когда эта дребедень придет из Берлина, чтобы мне не пришлось одному возиться здесь с этими негодьями.

Я должен послать тебе также различный материал от Клуза; ты получишь его, как только приплешь мне несколько марок; в противном случае эта дрянь будет стоить тебе вдвое больше, я же pour le moment ⁶ не могу на это уделить ни одного пенни.

Привет!

Твой К. М.

¹ время избирательной кампании. ² под сомнением. ³ подкрепление. ⁴ весьма роковым. ⁵ светлое пиво. ⁶ в настоящий момент.

187.

Пятница 6 августа 1852 г.

Дорогой Марк!

Первую половину статьи ты должен был получить вчера вечером на английском и немецком языках. Вторую ты получишь во вторник утром. Что касается опасности, что нас выбросят из «Tribune», то не беспокойся об этом. Мы там слишком крепко засели. Притом европейское политиканство у янки еще только дилетантизм и побеждает тот, кто лучше всего пишет и наиболее остроумен. *Гейнцен* нам не опасен; если виги его покупают, то потому, что он их слушается, а не потому, что он им приказывает. Руге, Бауэр и др. рядом с нами обеспечивают «Tribune» ее всесторонность. Что касается протекционизма, то это не беда. Все американские виги — сторонники промышленного протекционизма, но от этого они далеко еще не становятся землевладельческо-аристократическими протекционистами типа Дерби. Они также не настолько глупы, чтобы не знать так же хорошо, как Лист, что для английской промышленности наиболее подходит freetrade. ¹ Кроме того, я могу, в случае надобности, при упоминании о фритредерах там и сям вставлять об этом словечко, что ты, опять-таки, сможешь зачеркнуть, если тебе не понравится. Но вообще, это даже не нужно.

Я думал, что ты уже давно устроился у Джонсона с учетом и очень надеюсь, что тебе удастся это уладить. Что касается меня, то я с каждым днем все больше запутываюсь в денежных делах. Хотя визит папаши Дронке мне очень приятен, но так как из-за этого вечерами нельзя работать, то упущена изрядная сумма денег; кроме того текущие disbursements, ² помимо 20 фунтов домашнего долга, это хоть ного посадит на мель. На будущей неделе (в начале) Дронке хочет уехать обратно, и тогда я некоторое время буду энергично

работать; материала у меня здесь достаточно, к тому же я еще до конца сентября опять получу в свое распоряжение некоторую сумму денег — во всяком случае несколько фунтов. К величайшему несчастью, в недобрую минуту у меня еще взял взаймы господин Пиндар, который все еще бегаёт по трем урокам и производит впечатление трогательно влюбленного — *pauvre garçon, il faut l'avoir vu sous l'empire de l'émotion plus ou moins vierge.*³

К тому же я в последних числах июня по разным причинам не мог добиться у моего старика получения авансом сверх сметы некоторой суммы, которая теперь мне причитается. Мы, между тем, теперь составляем баланс, и хотя он меня не касается, но все же я по состоянию баланса смогу судить, на что я могу рассчитывать. Если он будет благоприятный, — что я буду знать через 4 — 6 недель, — тогда я могу кое-чем рискнуть, и тогда ты тотчас же получишь кое-какие деньги. Но в этом месяце я сижу на бобах из-за 20 или 25 ф. ст. домашних расходов, не уплаченных мной.

Я не знаю, как мне устроить, чтобы написать для Дана статью о Германии втайне от Дронке, который не знает об этом; в конторе я теперь занят по горло до 7-ми часов вечера и потому там не могу работать. *Cependant je verrai.*⁴

Лучший привет твоей жене и детям

от твоего Ф. Э.

При сем бандероли на 9 шиллингов и несколько пенсов. Д[ронке] поручает мне тебе сообщить, что он в начале следующей недели, вероятно, приедет.

¹ свободная торговля. ² расходы. ³ бедный мальчик, надо было его видеть под наплывом более или менее девственных чувств. ⁴ Однако я посмотрю.

188.

28, Deanstreet, Soho, 6 августа 1852 г.

Дорогой Энгельс!

D'abord, авантюра с Иоганном-Готфридом Кинкелем. Из одного из прилагаемых писем Клуса ты увидишь, что господин Кинкель в Цинциннати высказался в одном буржуазном кружке в том смысле, что «Маркс и Энгельс — не революционеры, но два негодяя, которые в Лондоне были выброшены рабочими из трактиров». Так как я знаю своего Готфрида, то я послал ему прежде всего следующее письмо, в котором я делаю вид, что я не совсем уверен в этом факте, чтобы дать ему повод к новым двусмысленностям.

5, Suttonstreet, Soho, Office of the People's Paper, 22 июля 1852 г.

Господину доктору Иоганну-Готффриду Кинкелю.

Как мне передают, вы в Цинциннати в присутствии Аннеке или других немцев осмелились будто бы сделать следующее заявление» (следует отрывок). «Жду со следующей почтой объяснения от вас. Молчание я буду считать подтверждением.

Д-р К. Маркс».

Кинкель прислал с обратной почтой следующее письмо:

Господину д-ру Карлу Марксу.

С тех пор как под вашей ответственностью была опубликована во время моего заключения статья обо мне, я с вами не имею ничего общего. Если вы можете сослаться на свидетельство Аннеке и других почтенных людей, а не на анонимную инсинуацию, что я сказал или опубликовал что-нибудь неверное и оскорбительное для вашей или господина Энгельса чести, то я должен указать вам, как и всякому другому, с кем я не сталкиваюсь ни в личной, ни в политической жизни, на обычный путь, который закон предоставляет всякому против оскорблений и пасквилей. Помимо этого пути я впредь не буду иметь с вами никакого дела.

Готфрид Кинкель».

Так как из этого письма я понял, что господин Готфрид не примет ни писем с почтовым штемпелем Soho, ни посланного, я отправил ему письмо через Лупуса из Виндзора на бумаге формата *billet doux*,¹ на которой напечатан раскрашенный букетик из роз и незабудок, следующего содержания:

Господину д-ру Иоганну фон-Кинкелю.

Сопоставляя лежащее предо мной письменное заявление вашего *поручителя* Гуцеля, у которого вы трусливо вынудили в Цинциннати честное слово молчать о вашей тамошней вымышленной сплетне, — обещание, данное, впрочем, Гуцелем только условно, — с *собственноручным* письмом господина Готфрида Кинкеля, писаным несколько ранее его *экс-поручителю* Клусу, также имеющимся у меня, в котором тот же Кинкель хвастается *политическими* связями, которые он хотел наладить со мной, я должен заметить, что ваше письмо дает новое неопровержимое доказательство — в чем я не сомневался, вызывая вас на объяснение, — что названный Кинкель — *низкий трус*.

Д-р К. Маркс.

Последнее господин Иоганн молча проглотил и уже тщательно избегал подавать какие-нибудь признаки жизни.

Секретный циркуляр Кошута, о котором Клус пишет в своем последнем письме, ты найдешь по-английски в выходящем завтра номере газеты Джонса. Поэтому он не прилагается.

Во вторник, 3 августа, происходило кинкелевское собрание поручителей. Главный вопрос был следующий: Рейхенбах охраняет фонд, как Цербер. 200 фунтов стерлингов, израсходованных до сих пор Кинкелем-Виллихом, они взяли *заимообразно* у Герстенберга и т. д.

под революционные фонды. Согласно статуту, они имеют право распоряжаться этими суммами только в том случае, если во главе будет стоять, по крайней мере, трое лиц, назначенных поручителями. И Рейхенбах настаивает на выполнении этой формальности. Чтобы выйти из этого затруднения, Кинкель и Виллих решили назначить Техова в качестве третьего. Правда, Техов через три недели уезжает в Австралию, но, по уставам кредитных обществ, комитет может, если в нем имеется три члена, собственной властью назначить двух новых. Техов, таким образом, должен был служить только для того, чтобы: 1) Рейхенбах передал капитал; 2) чтобы они потом могли привлечь вместо Техова двух подставных лиц. Но собрание тут же высказалось против Техова, считая его подставным лицом, так как он уезжает в Австралию. Кинкелю и Виллиху было заявлено, что собрание недовольно их ведением дела, не питает к ним доверия, что они должны дать подробный отчет об истраченных 200 ф. ст., прежде чем они будут утверждены. Последние и дальнейшие решения должны быть проведены сегодня, в пятницу 6-го, вторичным собранием поручителей. На заседании, 3-го, Рейхенбах предложил вложить 1 000 ф. ст. в Английский банк и не трогать их до начала революции. Леве (в союзе с Руге) предложил передать деньги «революционному союзу» в Америке. Хотя в прилагаемом письме к Гуцелю Кинкель сам заявляет, что Руге подозревал его в том, что он состоит агентом принца Прусского, и он на прошедшем майском собрании поручителей дал свое *честное слово* никогда не заседать в одном комитете с Руге, тем не менее Готффрид, в интересах дела, заявляет теперь о своей готовности действовать *сообща* с Геггом, Руге и т. д. и *сообща* заведывать деньгами, для того чтобы вообще войти в правление. Но Виллих, который теперь убедился, что от 1 000 ф. ст. ему ничего к рукам не пристанет, не в пример истраченным уже 200 ф. ст., решил переселиться в Америку, куда уже раньше него переехали верные Геберт и Дитц. Папаша Гегг на прошлой неделе опять созвал свой агитационный союз. При точном подсчете оказалось, что он состоит ровно из 8-ми человек, а именно вместо исчезнувших Зигеля и Фиклера в него вновь вступили Освальд и Тралле. Кроме того оказалось, что тем временем Гегг весьма прославился в качестве лакея Кошута и что в качестве агитатора революционного союза оказал «ценные» услуги, хотя он и не привез с собой достаточно денег даже для покрытия долгов, сделанных в пути. При таких критических обстоятельствах агитаторы видели себя вынужденными попытаться заключить союз с Кинкелем, чтобы приличным образом добраться до 1 000 ф. ст. Кинкель

точно так же видит в этом последнюю возможность помешать окончательному устранению его от 1 000 ф. ст. С тайной целью содействовать этому замыслу Гегг созывает на завтра, 7-ое, *общее* собрание эмигрантов у Шертнера, под предлогом отчета о своих *grands oeuvres*; ² на самом же деле, чтобы единогласно вступить в союз с Кинкелем и его 1 000 ф. ст. Но это им, вероятно, не удастся.

Но вот обнаруживается третья нелепость, непосредственным результатом чего может быть то, что обе стороны — и Кинкель и Гегг — останутся в стороне от «сокровища». *А именно: наш Эдуард Мейен агитирует за то, чтобы употребить деньги на издание большого London weekly paper.* ³ С другой стороны, едва только «критический» Эдгар Бауэр услышал об опасном положении, в котором находились 1 000 ф. ст., как он также выступил, стал на сторону Шили, Имандта, Шиммельпфенига и др., чтобы, со своей стороны, ходатайствовать о газете; Имандт и др. считают это единственным путем спасти деньги от Кинкеля и Гегга. Эдгар Бауэр придает себе, по отношению к этим господам, вид «безобидного юмориста». О сегодняшнем заседании я получу подробный отчет, так как Имандт теперь В. М. Г. [член Союза]. Относительно собрания 3-го числа надо еще прибавить следующее. Когда кончили с высокой политикой, встал рыцарственный Шиммельпфениг и заявил: Некоторые лица подозревают г-жу Брюнинг в шпионстве; он называет их низкими клеветниками. Кинкель: Он, с своей стороны, никогда не делал такого заявления. (Он, во всяком случае, сделал это заявление сутенеру из Бонна, когда тот проезжал здесь.) Виллих, на которого обращены все взоры, предпочитает молчание. *Техов*: Но еще большая низость, если подобные подозрения распространяются людьми, которые в течение целого года пользовались гостеприимством г-жи Брюнинг. Им-то во всяком случае следовало бы опровергать подобные слухи, когда они доходили до них. — Все взоры опять обращаются на Виллиха. Виллих сидит неподвижно, но в течение всего этого заседания, когда рассеялось столько «золотых снов», он представлял собой классическое выражение «несчастливого сознания». Но довольно на сегодня этих гадостей.

Только-что получил прилагаемое письмо Фрейлиграта, из которого следует, что «эта собака Джонсон ни на что не соглашается». Таким образом, я уже совершенно не знаю, что мне делать, и положение становится отвратительным.

Итак, brave Гегг приглашает Фрейлиграта. От него они еще не могут отказаться, но, в конце концов, вынуждены будут это сделать.

Привет малышу [Дронке].

Твой К. М.

Твое письмо сегодня, повидимому, не прибудет; теперь уже 2 ч. пополудни.

При сем письма от *Клуса*: 1. От 20 июня. 2. 4 июля. 3. 8 июля с циркуляром Кинкеля. 4. Циркуляр Кинкеля от 2 августа. 5. Письмо Кинкеля к Гуделю, Цинциннати, 6 апреля. 6. Письмо Гильгертнера к Гуделю. 7. Письмо Клуса от 22 июля.

¹ любовной записки. ² великих делах. ³ Лондонского еженедельника.

189.

[9 августа 1852 г.] Понедельник, вечером.

Дорогой Маркс!

Я сделал глупость. «Daily News» в своем расписании почтовых пароходов не указывает в среду американского парохода, я подаюсь столь естественной для коммерсанта воскресной лени, а сегодня из коммерческого бюллетеня узнаю, что послезавтра, во всяком случае, идет пароход. Я начал работать, но ничего не готово. Сегодня вечером у меня будет Пиндар, но если бы я даже отослал его домой, то я сомневаюсь, успею ли я хоть что-нибудь сделать в течение тех нескольких часов, которые остаются у меня до закрытия почты. Итак, мы с тобой обмануты. Но второй раз этого со мной не случится, чтобы я поверил органу буржуазии, даже его коммерческим сведениям.

Твой Ф. Э.

190.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 10 августа 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Во-первых, при сем подлинник секретного циркуляра Кошута. Кроме того отчет. Во-первых, о заседании поручителей от 6 августа; во-вторых, о собрании, устраиваемом Геггом 7 августа.

1) Присутствовали: Кинкель, Виллих, Рейхенбах, Леве-фон-Кальбе, Мейен, Шурц (Техова не было в этот раз), Шиммельпфениг-Имандт, об остальных не знаю, был и Шертнер.

В Америке и Швейцарии Кинкель на выборах проводил неизбежного третьего союзника (Техова). В выборах должны были еще принять участие 12 — 15 лондонских поручителей. Как я тебе уже сообщил, Техов провалился, после чего он объявил, что не может принять поста, так как уезжает в Америку.

Кинкель снова настаивает на выборе третьего, но проваливается вторично.

Леве-фон-Кальбе: Во-первых: «Заем в Германии провалился, так как политическая обстановка (май 1852 г.), в расчете на которую он был предпринят, уже в корне изменилась, и предположенная сумма в 20 000 долларов не собрана». *Во-вторых:* «Отослать деньги обратно американским комитетам».

Первая часть его предложения принимается, вторая отвергается.

Имандт: «Имеющийся фонд должен быть употреблен на издание немецкой газеты в Лондоне, если таково же мнение большинства остальных поручителей». «Рейхенбах остается хранителем фонда». «Должен быть избран комитет из Рейхенбаха, Леве и Шиммельпфенига, которому Кинкель и Виллих должны передать список поручителей в Америке и Швейцарии; прежний комитет уже более не имеет никакого отношения к делу. Новый комитет сообщит заграничным поручителям о принятых решениях и узнает их мнение». Рейхенбах поддерживает его. Все предложения Имандта принимаются. Кинкель и Виллих протестуют, так как распоряжение фондом принадлежит не одному только собранию поручителей. Правом распоряжения пользуются только жертвователи денег, т. е. учрежденные в Америке финансовые комитеты.

Sic transit gloria. Виллих окончательно решил ехать в Америку, если только ему удастся добыть деньги на проезд.

2) Собрание, созванное вернувшимся из Америки без финансов министром финансов Геггом. Присутствовали: *председательствовавший Дамм* (еще не уехавший в Австралию), *Гегг, Ронге, д-р Штраус, Зигель* другой. *Франк* (из Вены), *Освальд, Тралле* (все эти в качестве «агитаторов»), *Кинкель, Шуц, Мейен, Виллих, Имандт, Шили, Беккер, кельнер* от Шертнера, спившийся люмпенпролетарий *Гервег* из Нейсса, кенигсбергский кандидат *Генце, Гарте, юноша* (неизвестный) из Вены.

Гегг открывает собрание и рассказывает о своей деятельности в Америке, создавшей Революционный союз, т. е. акт, вследствие которого при помощи американской республики будет создана германско-баденская, а американские демократы в свою очередь одержат победу над вигами и пр., и пр. Впрочем, по словам этого скромного молодого человека (и это *подтвердил* ему только-что приехавший кандидат философии *Генце*), немцы со всех концов мира ждут со вворами, обращенными к Лондону, чтобы в тот важный момент, когда все присутствующие на собрании бросятся друг другу в объятия, их продолжительное ура вызвало бы тысячекратное эхо по ту сторону океана. Поэтому он требует, чтобы собрание конституировалось в виде отделения Революционного союза, дабы не заставлять бедных соплеменников долее томиться в состоянии выжидания.

Имант благодарит Гегга за его сообщение об американских делах. Впрочем, он предлагает распустить собрание, так как правомочно принимать решения только общее эмигрантское собрание, публично созданное.

Дамм лишает его слова.

Кинкель: (Чувствительный поэт-мученик еще во время крылатых слов Гегга проявил, вращая зрачками, свое твердое решение раскрыть объятия для примирения.) И он знает, что Германия на них смотрит. Он имеет возможность пожать руку, протянутую для примирения. Ради дела он приносит жертву и забывает нанесенную ему тяжкую обиду. И он знает, что от них зависит не только освобождение Германии, но и переворот в Америке. Сильнее всех тот, сказал он, кто самого себя преодолел, намекая этим на ругевского «агента принца Прусского». Впрочем, он потребовал, со своей стороны, чтобы Революционный союз обеспечил его заем. С «честным» Виллихом он расходится в политическом отношении; однако, как ему кажется, оба они вместе совершили великие дела.

Имант: Он уважает христианское смирение Кинкеля, забывшего, что Руге бранил его агентом принца Прусского, подавившего из чистой любви к революции возмущение в пламенной груди, — возмущение, внушившее ему за два месяца до того, в присутствии поручителей (в мае), торжественное заявление следующего содержания: «Будучи настоящим республиканцем, он принужден рассматривать предложение действовать вместе с Руге — наглым клеветником — как личное оскорбление и предпочитает совершенно отказаться от всякой политической деятельности, чем примириться с злым Руге». Из христианского смирения Кинкель осушил горькую чашу, поднесенную ему Фиклером в виде ужасно оскорбительных писем (в одном из этих писем Фиклер называл его «индюком, распускающим хвост на навозной куче»); он стал кроток сердцем, говорят про него друзья Гегга, но таким он был всегда, рав он в состоянии пасть в объятия своего американского соперника. Прекрасное зрелище — «союз» между господами Кинкелем и Геггом; несмотря на то, что союз и не преследует в сущности иных целей, кроме тех, что при помощи второго первый старается вмешаться в управление деньгами, собранными по займу, и что второй при помощи первого также хочет вмешаться в это управление, — тем не менее благодаря мирному союзу двух столь великих мужей будет достигнуто примирение также и среди политических партий всего мира: конституционалист подаст руку республиканцу, а социалист, республиканец и пролетарий не

будут больше эксплуатироваться буржуазией, одним словом — все обнимутся и воскликнут: ура! То, что Кинкель, несмотря на его союз с «честным» Виллихом, высказался в Америке в том смысле, будто он рассматривает пролетариев как пушечное мясо (подобно тому как он некогда в Бонне и Кёльне восхищался Кавеньяком) — ничуть не меняет дела. В крайнем случае придется позаботиться об одной мелочи, — а именно упрекнуть Кинкеля, как и всех тех, которые вместо того, чтобы изучать различия между отдельными партиями и защищать определенные интересы, несут путаную чепуху относительно объединения противоположных элементов, — упрекнуть его в полной беспринципности и т. д. Впрочем, он обращает внимание Кинкеля на то, что договоры он в праве заключать только от своего имени лично, а никак не от имени всех поручителей. В конце Имандт предложил оставить Революционный союз в Америке в покое и разойтись по домам. После этого Имандт ушел.

Инциденты. Дамм поминутно прерывает И[мандта] и стремится лишить его слова. Пьяный Гервег полагает, что в качестве прирейнского уроженца он обязан, покуда И[мандт] присутствует, выражать ему свое одобрение, и пока И[мандт] говорит о «великих людях», он, покуривая трубочку, оглядывает присутствующих. Художник Франк, когда разговор зашел о пролетариях, в негодовании поднялся и закричал: «Я не могу больше этого выдержать. Я рычу». Имандт ответил ему, что это делают и другие звери, после чего Ф[ранк] скрылся. Кинкель отрицал историю насчет «пушечного мяса». Имандт рассказывает всю историю с Шнауфером и с «Будильником», на что К[инкель] ничего не ответил; перебил он его при словах о Кавеньяке: «Гражданин Имандт, когда выходила «Боннская газета»? Имандт: Это ему безразлично, выходила ли она до или после июньского восстания. Он собственными глазами это видел.

Заключение. Заседание продолжалось еще 2 часа. Гегг умильно просил хотя бы временно вступить в Революционный союз. Вышеупомянутый юноша из Вены объявил «изменником отечеству» всякого, кто отложит вступление хотя бы на один час. Тем не менее общество разошлось по домам после того, как большинством голосов отклонено было *каждое*, буквально *каждое предложение*, и отделение Американско-европейско-австралийского революционного союза основано не было.

Твой К. М.

191.

16 августа 1852 г.

Дорогой Маркс!

Сегодня вечером мне обещали вернуть 2 фунта, которые я некоторое время тому назад дал взаймы; если я их получу, я завтра же немедленно пошлю их тебе почтовым переводом и также напишу тебе подробно.

Так как мы не имеем больше никаких сведений о Вейдемейере, а, судя по письмам Клуса, вещи уже отправлены, то, может быть, было бы хорошо, если бы мы навели справки в Ливерпуле у Edward Sanford and Co, не получили ли они пакета. Если ты и впредь ничего не узнаешь (вчера вечером пароход еще не прибыл), то я, во всяком случае, мог бы это сделать.

Из твоего отчета, повидимому, следует, что постановлением от 3 августа фонд вырван из рук господина Кинкеля. Господин Имандт по-своему очень хорошо устраивается. *C'est drôle, quand un Scharper nous échappe, un Imandt est toujours sûr de revenir à nous.*¹ Но, во всяком случае, *deus minimorum gentium, canis domesticus communismi germanici*² и, как таковой, может быть полезным, так как мы научились теперь сдерживать этих людишек. Сердце благородного Виллиха, вероятно, сильно надломлено после того, как с удалением его от *coffre fort*³ эмиграции лопнул последний обруч, сдерживавший его благородное сознание. Он, впрочем, давно уже, очевидно, сообщил своим друзьям за морем о своем прибытии, так как они, на основании важного письма Виллиха, созывали там чрезвычайные большие общие собрания. Господин Виллих станет там шефом *loafers* и *gowdies*.⁴ И таким образом он найдет особенный случай отличиться. Впрочем, он найдет там также своего заклятого врага Шрамма; это вызовет порядочные скандалы.

Что господин Кошут уже обучает отряды и Наполеон Зигель состоит вербовщиком их, — в самом деле прекрасно. Этот К[ошут] — бесподобный плут. Это была великолепная выходка со стороны Клуса, что он выгнал его из Америки.

Теперь я очень скоро закончу венгерский поход и еще на этой неделе напишу прямо Брокгаузу. Если он не будет доверять моим военным талантам, я постараюсь сперва приготовить для него несколько соответствующих статей для «Gegenwart», и он сможет тогда увидеть, с кем имеет дело. Связь Дронке с Брокгаузом очень полезна и надо ею воспользоваться. В конце концов, Брокгауз один из самых сговорчивых издателей. *Nous allons voir.*⁵

Статью для Дана я писал уже в прошлый четверг, но меня прервали, зато на этой неделе приготовлю, по возможности, две. Ожидаю также от тебя кое-что об Англии.

На прошлой неделе мне еще не удалось приступить к работе. Во время пребывания Дронке я кое-что забросил из того, что меня занимало. Теперь я постепенно вхожу в колею.

Кланяюсь твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

¹ Смешно: стоит нам избавиться от Шаппера, как нам садится на шею Имант.² самый неварачный божок [годится в качестве] домашнего пса германского коммунизма. ³ нескораемого шкафа. ⁴ бродяг [и] бездельников. ⁵ Посмотрим.

192.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 19 августа 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Получил через Дронке 10 шиллингов. Вчера по почте — 2 фунта стерлингов. Деньги пришли очень кстати, но мне очень ennuyant,¹ что ты выжимаешь из себя последнее для меня, и еще в такой момент, когда ты сам plus ou moins² сидишь на мели.

Для венгерской войны тебе, пожалуй, хорошо было бы посмотреть еще книгу:

«The fortress of Komarom (Komorn) during the war of Independence in Hungary. By Colonel Sigismund Thaly. Translated (с немецкого) by William Rushton. James Madden, Leadenheadstreet».

Так как ты хочешь основательно пройти все военное дело, я перечислю еще следующие книги по этой отрасли, на случай, если ты, быть может, найдешь нужным заглянуть в ту или другую из них:

Carion Nisas. Essai sur l'histoire générale de l'art militaire etc. Paris 1824.

Kausler. Kriegsgeschichte aller Völker. Ulm 1825. Wörterbuch und Atlas der Schlachten. 1825 und 1831. (Эти обе книги единственные общие военные истории. Весьма тощие.)

Guerard. Enzyklopädie der Kriegskunst. Zweite Auflage. Wien 1833.

«*Handbibliothek für Offiziere über das Ganze der Kriegslehre für Eingeweihte und Laien*». Von einer Gesellschaft preussischer Offiziere. Berlin 1828.

A. J. M-r (Millerbacher). Das Kriegswesen der Römer, nach antiken Denkmalen geordnet von Ottenberger. Prag 1824.

Löhr. Das Kriegswesen der Griechen und Römer. Zweite Auflage. Würzburg 1830.

Blesson. Geschichte des Belagerungskrieges. Berlin 1821.

Hoyer. Geschichte der Kriegskunst. Göttingen 1797.

Chambray. Ueber die Veränderungen in der Kriegskunst seit 1700 bis 1815. Deutsch. Berlin 1830.

Stenzel. Geschichte der Kriegsverfassung Deutschlands, vorzüglich im Mittelalter. Berlin 1820.

Barthold. Georg v. Frundsberg. Hamburg 1833.

От Клуса получил сегодня письмо, которое пришло тебе, как только оно будет сообщено Лупусу и Союзу.

Что касается Вейдемейера, то Ккус пишет следующее:

«В ответ на мои настояния Вейдемейер недавно написал мне, что он должен серьезно ваяться за Корфа, который должен был отослать 50 экземпляров «Брюмера». Я полагаю, что у Вейдемейера имеется за Корфом маленький должок и что он именно поэтому поручил ему отослать эти брошюры, т. е. оплатить расходы по пересылке. Остальные 300 экземпляров... еще не отосланы... Он утверждает, что 500 экземпляров находятся еще в виде залога у типографа, он не мог еще их выкупить и т. д. *Денег* я в данный момент ни при каких условиях *не могу* внести, отчасти же *и не хочу*, если бы даже и мог. Мне всегда говорили, что такая-то сумма может все уладить, когда же сумма доставлялась, то оказывалось, что это не помогало делу... Когда стала выходить «*Révolution*», говорили о доверии и быстрой присылке подписных денег. Я тотчас же посылаю 10 долл. подписной платы, которые, конечно, *я же* потом потерял... Затем говорилось, что необходимо помочь журналу, и я должен был добыть 20 долл.; вслед за этим посланы были лично мной 15 долл. и 3 долл. подписной платы — 18 долл. *Вместо продолжения дела* они были употреблены на уплату каких-то старых глупостей, т. е. двух первых номеров, выпущенных для мистификации. Прибыло «18 Брюмера». В(ейдемейер) был в отчаянии, я сказал, что тотчас же даю 25 — 30 долл., если этим можно помочь делу, а в противном случае пусть он мне вышлет рукопись. Он отвечает, чтобы я прислал 25 долл. Я их послал. Через некоторое время оказывается, что на эти деньги можно напечатать только 500 экземпляров; я ваявил, что это не годится, и спросил, сколько надо прибавить, чтобы напечатать 1000 экземпляров. Мне отвечают, что нужны еще 20 долл. На следующий день деньги уже в дороге. — Теперь насчет стихотворений; *они* должны были быть напечатаны в Нью-Йорке. Когда я после этого настаивал, чтобы был положен конец волоните и чтобы приступлено было к печатанию, мне отсылают стихи, так как они, к сожалению, еще не могут быть напечатаны в Нью-Йорке. Я тотчас же даю *их* печатать и переплести, приблизительно, за 15 долл. (400 экз.) и спешно отсылаю *их*, чтобы они попали по назначению к происходящему теперь певческому празднику в Нью-Йорке. Один *единственный* разносчик разносил *их* и сбыв действительно 60 (!) штук. Печатание второй тысячи (я велел сохранить набор), для чего В(ейдемейер) обещал мне добыть денег и уже сообщил об этом, конечно, было приостановлено. Обо всей этой истории с тех пор ни слуху, ни духу. Я напишу В[ейдемейеру], что, поскольку *я* в этом деле участвую деньгами, я желаю, чтобы вы употребили *их* в Европе для дальнейших публикаций в интересах партии или для чего-нибудь другого, что *ты* считаешь подходящим; таким образом, поскольку я участвую во всем этом, никаких денег в Америку посылать не надо. В стихотворном отделе участвую только я, поэтому только я могу окончательно решить этот вопрос. Я приму самые решительные меры для немедленной отсылки вещей».

Разве это не настоящее второе издание нашей бруссельско-вестфальской авантюры?

На прошлой неделе я написал об издании «Брюмера» в Кобург, Ф. Штрейту, который занимается подобными делами.

Кстати. Номер 15 был напечатан в «Трибуне».

В настоящее время Гейнцен для разнообразия фигурирует в Сан-Луи в качестве «аристократа духа» (буквально). Он занимается бестолковым пережевыванием вульгаризованного Фейербах-Штирнера, и так как Революционный союз близок к распаду, «аристократ духа» задумывает «союз гуманистов».

В заключение имею сообщить еще следующее:

3-го произошел формальный развод между Кинкелем и «coiffe fort». ³ Рейхенбах положил деньги в Английский банк на свое имя.

Кинкель на этом заседании сделал вид, как будто он ничего не знает о митинге, устроенном Геггом, и требовал публично от Имандта огласить приглашение, которое он получил. Но 6-го Гегг сказал, обращаясь к К[инкелю]: «...после соглашения, которое я заключил с вами в вашем доме». Виллиха при этом не было.

Кандидат Генце подкреплял все свои рассуждения следующими словами: «Это мне, конечно, все известно, как д-ру философии». Гегг доказывал, что его Революционный союз: 1) составляет опору для немцев в Америке; 2) воздействием на выборы может оказывать влияние на американскую политику и побудить U[nites] S[tates] [Соединенные Штаты] к политике интервенции. И в материальном отношении положено начало, еженедельные взносы в один цент, кружки во всех трактирах. Готфрид заявил, что он со всем согласен. Но только он думает, что долларные взносы лучше взносов центами, так как в Америке никто не обладает патриотическим самопожертвованием в достаточной степени, чтобы считать центы. Он высказался также против кружек. В упор глядя на Имандта, великий Кинкель сказал: «Несмотря на распространяемую обо мне клевету, я с чистой совестью могу выступить и заявить, что я ни о ком никогда не говорил ничего дурного, также ни о ком из моих сограждан изгнанников».

Результат: Так как у Кинкеля не было денег и, как член общества, он мог быть полезным только своей собственной персоной, то, несмотря на все его заискивания и смирение, его кандидатура была отвергнута. 8 патриархов организовались за собственный страх и риск, составив революционный союз, в который они не привлекли Кинкеля. Несчастный!

Шмольце, по происхождению живописец, говорят, нарисовал целый ряд прекрасных карикатур: Кинкеля он изобразил в виде короля Лира, а Виллиха — в виде шута. Кроме того еще карикатуру,

где Виллих, как ленивец, сидит на фруктовом дереве, а госпожа Шертнер грызет дерево, чтобы сбросить ленивца с дерева.

Виллих имел глупость применить остракизм также и по отношению к честному старому господину «Шили» и, на основании всякого рода мнимых преступлений, выбросить его из своего жалкого союза. Ш[или] апеллировал к общему собранию; сегодня состоится окончательное решение. Шили, со своей стороны, обвиняет В[иллиха] в «явном сумасшествии» и сегодня вечером, в доказательство этого, прочитает письмо Гейзе, так называемого друга Виллиха, из Ливерпуля, в котором Г[ейзе] называет Виллиха душевно-большим!!

Дружище Джонс был на прошлой неделе на волосок от гибели своей газеты. Еженедельный дефицит. На него надели Комитет и двое граждан, ссужавших его до сих пор деньгами. Неожиданное спасение. Мак-Гоуен принял на себя печатание, покрывает еженедельный дефицит и Джонс хозяйничает теперь в конторе старой «Северной звезды». Мак-Гоуен выбросил Гарни, и этот осел откупил у него за 40 фунтов ст. старую «Звезду».

Во Франции, по сообщениям «Земледельческой газеты», ближайший урожай будет на одну треть below the average,⁴ что для Франции, по мнению Ж.-Б. Сзя, равносильно famine.⁵ В Германии урожай средний. В Англии уже начался отлив денег из Банка для закупки зерна. Притом бешеная спекуляция в Сити. На прошлой неделе на бирже были банкротства. Наконец, в Северной Америке, как я вижу из «New York Herald», самая бешеная спекуляция в железнодорожном, банковском, строительном деле, неслыханное расширение кредитного дела и т. д. Не есть ли это approaching⁶ кризиса? Революция может прийти раньше, чем это нам желательно. Самое худшее для революционеров, когда вопрос о хлебе поглощает всю их энергию.

Твой К. М.

¹ досадно. ² более или менее. ³ несгораемым шкафом. ⁴ ниже среднего. ⁵ голоду. ⁶ приближение.

193.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 20 августа 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Дронке привезет тебе с собою рукопись о Гергее, правда, жалкую и запутанную, а также «Neveu de Rameau» и «Jacques le fataliste»¹ — в подлиннике.

Из Кёльна получил вчера письмо от Бермбаха. В нем интересно следующее:

«В последнее время в различных местах у различных лиц искали письма от вас, которые, будто бы, приходят к рейнской демократии именно через посредство обысканных лиц. Ваши кельнские друзья, наконец, преданы суду присяжных. Обвинительный акт, весьма основательное произведение, уже предъявлен, публичный разбор дела назначен на 28-ое сего месяца, и уже начались обычные подготовительные действия. Их будут судить на основании Code penal, ² так как их преступление совершено до издания Нового прусского уложения. Поскольку я могу судить об этом деле, оно с *юридической* стороны обстоит в высшей степени хорошо, но известно, что у присяжных перевешивает моральная точка зрения, а с этой стороны невозможно отрицать опасность для отдельных обвиняемых. Главные обвиняемые, Резер, Бюргерс, Нотьюнг и Рейф, признали слишком много: они признали существование сообщества, имеющего определенное направление и существующего уже некоторое время; говорили о приеме новых членов, обставленном определенными формальностями и связанном с известными обязательствами, и тому подобное, что само по себе не составляет преступления, но, в зависимости от обстоятельств, может неблагоприятно повлиять на присяжных, которые избираются большею частью из крестьян, особенно, когда во всем проглядывает столь мало почтения к господу богу и земельной собственности. Защита встретит очень большие затруднения. Адвокаты ничего не смыслят в подобных делах, являются в своем большинстве принципиальными противниками обвиняемых и с ужасом думают о десятидневной сессии, назначенной для этого дела. Фрейлиграт будет казнен *in contumaciam*. ³ Я только что читал обвинительный акт, который содержит не меньше 65 — 70 страниц. Если обвиняемые провалятся, то этим они будут обязаны исключительно своим собственным показаниям. Нет, больших ослов, чем немецкие рабочие. Показания Рейфа равносильны предательству; так же нелепо вели себя другие. Теперь совершенно ясно, как опасно входить с рабочими в отношения, которые должны остаться секретными. Теперь не приходится удивляться, что этих людей так долго мучили; чем дольше их держали, тем более полные показания они давали. Вообще никаких фактических доказательств не имеется, и если бы сами обвиняемые в большинстве своем не давали таких прекрасных показаний, не было бы никаких данных. Между прочим, обвинительный акт содержит много подробностей, из которых следует, что определенные отношения и лица были им очень хорошо известны благодаря перехваченным письмам и шпионажу».

Так пишет Бермбах.

Виллих взял назад свое заявление о Б[рюнинг], сделанное Шиммельфенигу. Последний распространяет, что Виллих, посредством *магнетического* воздействия, пытался лишить Брюнинг невинности. Le vertueux ⁴ Виллих.

Некий Coeurderoi (d'ailleurs très bon républicain), ⁵ который уже опубликовал маленький памфлет против Мадзини, Ледрю-[Роллена], Луи Блана, Кабэ и т. д., издает теперь большую книгу о всей французской эмиграции.

Прудон выпускает в свет новое сочинение. Так как с религией, государством и т. д. было покончено, остались только еще «индивидуумы». В этом открытии он подражает Штирнеру.

Благодаря непростительной медлительности осла В[ейдемейера], я настолько стеснен, что сегодня не могу даже купить марок для этого письма.

Твой К. М.

¹ «Племянник Рамо» и «Жак-фаталист». ² Уложения о наказаниях. [наполеоновского] ³ заочно. ⁴ Добродетельный. ⁵ Игра слов: *coeur de roi* — сердце короля, впрочем — добрый республиканец.

194.

[21 августа 1852 г.]

Дорогой Маркс!

Сегодня вечером будет готов перевод окончания твоей статьи, завтра или в четверг будет переведена статья «Germany».¹ Чарльз уехал на несколько дней, у меня много работы в конторе, так что часто по вечерам у меня совершенная путаница в голове.

Очень благодарен за статьи по военной истории. Не можешь ли ты, между прочим, справиться в Британском музее, имеются ли там: 1) австрийский военный журнал с 1848 г.; 2) прусский военный еженедельник, берлинская «Wehrzeitung»; 3) еще другие военные журналы, в особенности обзоры, — также и французские — с 1848 г. Также комплект «Аугсбургской всеобщей газеты», в особенности с 1850 г. Эти вещи мне очень нужны, и если окажется нужным, я постараюсь найти время, чтобы там поработать над ними.

Выписка из письма Клуса показывает нам Вейдемейера еще в более вестфальском свете, чем мы когда-либо могли ожидать. Билефельд *tout pur*.² Это переходит всякие границы.

Конец Иоганна-Готфрида очень хорош. У этого благородного мужа остается еще только прискорбное сознание, что он исполнил свой долг и теперь он должен положить капитал в звонкой монете в Английский банк. К тому же и документ «Morning Chronicle», который явился для него источником самых определенных фактов, в противоположность каким-то неопределенным торговым кризисам, на основании которого он рассчитывал начать новую эру освобождения мира, оказался подложным!

Фарс Виллиха-Шили, вероятно, прошел весело.

Бедный Виллих, как часто, вероятно, хочется ему вернуться в общество красного Вольфа и уйти от травящих его мещан!

Звезда свободы Гарни, значит, закатилась?

Кризис, очевидно, во всяком случае наступит, если даже последние банкротства были только симптомами. К сожалению, виды

на урожай в северо-восточной Германии, Польше и России сносны, а местами даже хороши. Хорошая погода за последнее время и здесь оказалась благоприятной для урожая. Но Франция не может вылезть из болота, а это уже много значит. — Небольшая паника на денежном рынке, очевидно, прошла, консоли и железнодорожные акции опять поднимаются, имеются свободные деньги, спекуляции все еще распространяются на хлеб, хлопок, пароходы, горное дело и т. д., и т. д. Но спекуляция с хлопком становится уже очень рискованной: несмотря на прекрасные виды на урожай цены постоянно поднимаются вследствие большого потребления и возможности на короткое время недостатка хлопка до нового подвоза. Я, впрочем, не думаю, чтобы на этот раз кризису предшествовала *горячка* спекуляции, и если вообще обстоятельства сложатся благоприятно, то несколько плохих сообщений из Ост-Индии, паника в Нью-Йорке и т. д. очень скоро покажут, что некоторые добродетельные граждане в тиши занялись всякого рода спекуляцией. А ведь эти плохие известия с переполненных рынков, которые в последнем счете решают дело, вскоре должны получиться. В Китай и Ост-Индию беспрерывно посылаются массы товаров, и все же известия не блестящи. Калькутта даже *decidedly overstocked*,³ местные торговцы то там, то здесь банкротят. Я не верю в *prosperity*⁴ дольше, чем до октября или ноября, — даже Петр Эрмен начинает беспокоиться.

Впрочем, приведет ли кризис немедленно к революции, зависит от его интенсивности, — немедленно, т. е. через 6-8 месяцев. Плохой урожай во Франции производит впечатление, как будто там что-то должно произойти; но если кризис станет хроническим, а урожай в конечном счете окажется лучше, чем ожидали, то это может еще затянуться до 1854 г. Я сознаюсь — мне хотелось бы иметь еще один год, для того чтобы поработать, мне надо еще многое сделать.

Австралия также мешает. Во-первых, благодаря золоту и прекращению всякого другого экспорта, а также благодаря вызванному этим усиленному подвозу всяких *commodities*,⁵ затем вследствие эмиграции здешнего *surplus population, at the rate of 5000 a week*.⁶ Калифорния и Австралия — это такие два случая, которые не предусмотрены в Манифесте: создание новых больших рынков из ничего. Это придется учесть.

Твой Ф. Э.

¹ «Германия». ² настоящий. ³ решительно переполнена. ⁴ благополучие. ⁵ товаров. ⁶ излишка населения в количестве около 5000 человек в неделю.

195.

Манчестер, 22 августа 1852 г.

Дорогой Марке!

При сем статья для Дана. Сообщения Бермбаха неприятны; хоть бы отпустили тех, по крайней мере, которые *не* болтали! Вообще процесс направлен *autant*¹ против нас, как и против кёльнцев; нам тоже достанется на орехи, тем более, что *le jeune*² Зедт надеется теперь безнаказанно взять реванш.

Не можешь ли достать мне сочинения Кердеруа — конечно, если они стоят этого и содержат нечто большее, чем обыкновенную декламацию.

Как я узнал из книги Смитта, наш Ворцель был действительно графом и одним из главных участников волынского восстания, где он отличился тем, что был отрезан от своих и в продолжение трех-четырех недель скитался по лесам, предводительствуя чем-то вроде разбойничьей банды, пока Рोजицкий не привел его в Польшу; наш Шнайде, насколько я успел узнать до сих пор, некоторое время командовал кавалерией, ничем не отличившись. Смитт очень хвалит сочинение Мерославского о польском походе, появившееся в Берлине в 1847 г. Этот Мерославский все же самый выдающийся из всех поляков и еще сделает карьеру.

Не забудь об английской статье для меня!

Дрункеля я ожидаю вместе с книжным багажом сегодня вечером. Особенно я нуждаюсь сейчас в «*Neue Rheinische Zeitung*». Я надеюсь, что он их привезет.

Наилучший привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

¹ столько же. ² юный.

196.

28, Deanstreet, Soho, 24 августа 1852 г.

Дорогой Фредерик!

Прилагаю при сем:

1. Письмо Массоля ко мне. Человек, на которого он имеет влияние, это — Прудон, а книга, которую он считает счастливым (1) плодом этого влияния, это — новая книга последнего о Луи Бонапарте. Об этом сообщу в одном из последующих писем.

2. Письмо Клуса, из которого ты уже получил выдержку.

3. Крайне интересное письмо Якова Гуделя о Готфриде.

4. Безделицу Гегга в швейцарской «Национальной газете».

5 и 6. Проект «союзного договора» между Кинкелем, Виллихом и Геггом и циркуляр вышеупомянутых господ к их американским комитетам и поручителям.

Все в целом — вопль отчаяния Кинкеля-Виллиха.

Они хотят: 1) Удалить от святого Грааля непреклонного Рейхенбаха, дабы «поскорее» растратить деньги; 2) так как Кинкель уже не имеет за собою армии, он хочет вступить в так называемый Революционный союз, имея за собою 1 000 ф. ст. и ожидая, что этот союз из благодарности изберет его в свой верховный комитет. 3) Виллих, положение которого непрочно и у которого «горит земля под ногами», хочет уехать в Америку, как только он, по его словам, «разрешит еще одну задачу». Эта задача заключается в том, чтобы «подготовить» себе в Америке жалкое рыцарское звание путем выдачи 1 000 ф. ст. Революционному союзу и вступления в этот союз.

Подробнее в следующий раз.

Привет!

Твой К. М.

197.

28, Deanstreet, Лондон, 30 августа 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Из посланных мною тебе документов ты видел, как действуют Кинкель-Виллих. Они притворяются равнодушными перед непосредственно окружающими их людьми к тому, что они смещены своими поручителями, и стараются пронырством выманить голоса отдельных лиц, для чего после 12-го Шуца также поехал в Америку. (Он имеет еще дальнейшую цель — основать там детские сады на открытом воздухе.) Для этих господ дело идет о том, чтобы, наконец, действительно добиться *управления фондом*; они угрожают совсем уйти из управления, если не будет исполнено их желание. Point urgent¹ в следующем. Эти молодцы истратили 200 фунтов стерлингов, что вряд ли будет здесь одобрено. Отсюда их попытка получить «поскорее» и непосредственно из Америки полномочие производить денежные расходы или привлечь третьего члена [комитета], дабы они могли действовать в качестве полномочного учреждения. Они взялись за дело в своем роде весьма хитро. Сперва послали документы в Швейцарию и в Америку за спиною лондонских поручителей. Затем 26-го представили последним письма (хотя и датированные 11-м и 12-м) с примечанием, что молчание будет считаться знаком согласия. — Но так как возможно,

что голоса поручителей в Америке и в Швейцарии в своем большинстве могут оказаться против этих господ, то они совершенно секретно созывают на 14-ое и 15-ое сентября в Антверпене собрание дружески расположенных к Кинкелю поручителей, с тем чтобы обеспечить себя от всякого рода случайностей постановлением мнимого конгресса.

Какого рода те «сильные» организации в Германии, которыми они хвастают, ты увидишь из следующего.

Ты знаешь, что Геберт *якобы* уехал в Америку. *Tout le monde le croit.*² Но дело обстоит следующим образом.

В начале этого месяца Кинкель-Виллих послали в Германию эмиссара, *id est*³ спившегося подмастерья *Геберта*. В Магдебурге он собрал так называемую общину коммунистов; три дня под ряд происходили совещания при участии 26 — 30 членов; председателем был некий *Гаммель*; против Маркса и Энгельса выступали с большим ожесточением; на-ряду с многочисленными административными и организационными вопросами был затронут и вопрос: как и каким образом устроить типографию? Нашелся бедный типограф, проживающий в Магдебурге или по близости от него; с ним был заключен договор. Он предоставляет свою типографию в распоряжение пропаганды, причем сохраняется прежняя фирма. За это ему уплачивают немедленно 100 талеров и выдается вексель на 350 талеров, сроком на один год с настоящего момента.

Полиция знала все, начиная с отъезда Геберта отсюда. Она его постоянно сопровождала. Она имела в магдебургском собрании своего осведомителя. Она хочет арестовать его только после того, как он выполнит свою миссию и втянет в беду возможно большее число людей. Для наших кельнских заключенных это дело очень вредно. Если Геберт будет арестован и т. д., я сочту уместным публично равозблачить все это и предостеречь публику от этих молодцов, которые ради мнимой агитации и для того, чтобы придать себе пущую важность, из своего безопасного убежища действуют на-руку немецким правительствам, особенно прусскому. Я немедленно сообщил об этом в Кельн. Каким образом я все это узнал, я могу сообщить тебе только *устно*. Почтовая тайна и здесь — вещь проблематическая.

Виллих обнищал вконец. Никто не дает ему *взаимы* под ожидаемую революцию. Его друг Шертнер публично заявил ему, что «*бесплатная*» еда и питье теперь прекращаются. Он покраснел, как индюк, а неумолимый Шертнер заставил его тотчас же осуществить теорию на практике и заплатить наличными за только-что

съеденные блюда. Некоторую поддержку, но недостаточную, Виллих находит еще у старой филистерши, у которой он живет. Но это стало уже общеизвестным фактом. Никто не верит в аскетизм этого Санчо-Пансы. Если он пишет вместе с Иоганном «время пера уже прошло, теперь настало время меча», то in plain German⁴ это значит: «настало время сражения».

Революционный генерал Техов только через несколько дней уезжает в Австралию с madame Штирнер и со своей невестой. Он, как тебе известно, жил здесь довольно долго у Штирнер. Но теперь приезжает его невеста, богатая особа. Когда Шмидт узнала об этом, она заявила, что уйдет. Но когда невеста узнала, что Техов жил со Шмидт, она заявила, что не хочет его больше знать, и выписала своего *резервного* жениха, восточно-прусского фермера. Тем не менее, Техов живет у нее в доме, а жених (другой) живет на расстоянии часа езды от Лондона. Несчастный Буридан — Техов.

Несколько дней тому назад Пиа (Феликс) созвал своих сторонников-французов на собрание и предложил им программу, которая должна быть теперь напечатана. Разумеется, в ней был и «бог». Один из присутствующих протестовал против того, чтобы давать «богу» приют в революционной программе. Пиа, согласно принципу «gouvernement direct»,⁵ поставил вопрос на *голосование*. «Бог» прошел большинством в семь голосов. L'être suprême est sauvé encore une fois.⁶ Прежде говорили: бог не оставляет своих слуг. Теперь надо сказать: свои слуги не оставляют бога. Рука руку моет.

Генерал Феттер исчез из Лондона, и никто не знал куда. Mystère⁷ открылась. Феттер путешествовал с американским паспортом, под видом живописца, со своею любовницей, певицею, по имени Ференци. Он разъезжал в качестве художника. Во всех более крупных городах она давала концерты, и, таким образом, они добрались из Генуи и Милана до Рима, Неаполя, Палермо. Passwords⁸ и рекомендации он имел от Мадзини-Кошута. Таким образом, ему, с одной стороны, были доступны тайные итальянские кружки, а его ostensible trade⁹ открывала ему доступ и в высшие круги общества. Некоторое время тому назад он возвратился сюда и дал отчет «Европейскому» центральному комитету. (Между прочим: Дараш умер и на прошлой неделе похоронен.) К великому огорчению «благочестивого» Мадзини, его резюме следующее: L'Italie s'est tout à fait matérialisée. On n'y parle que commerce, affaires, soies, huiles et autres misères mondaines. Les bourgeois calculent d'une manière terriblement positive les pertes que la révolution de Mars les a fait subir et

ne pensent qu'à se reprendre sur le présent. Quant à l'initiative insurrectionnelle ils sont heureux de la laisser aux Français, à ce peuple frivole et sensualiste. La seule chose, dont ils ont peur, c'est que les Français ne se hâtent trop. Tu penses bien, mon cher, quel coup de foudre pour l'archange Mazzini. Le général Vetter, nommé déjà comme commandant supérieur des forces Mazzini-Kossuthiennes, leur a déclaré, que les choses étant ainsi, il ne saurait mieux faire que de passer avec sa maîtresse en Amérique. Au bout du compte le malheureux Mazzini est convenu avec Kossuth de vouloir bien laisser aux Français l'initiative insurrectionnelle. ¹⁰

Однако не vile multitude,¹¹ но Бонапарту.

Из Парижа мне пишут об этом, между прочим, следующее:

«Киш, посланец Кошута, вступил здесь в сношения не только с орлеанистами, но с и бонапартистами. Киш ведет знакомство с сыновьями Жерома [Бонапарта]. Опираясь на это условное знакомство, он сумел уговорить Кошута вступить в сношения с французским правительством в интересах Венгрии. Фантастически настроенный агитатор попался на удочку, и для этой цели послал Киша, снабженного *гульденами*,⁸ сюда, в Париж. Киш весело проводит время в кафе и *других* заведениях, толчется в передней у Пьера Бонапарта, пускает ему пыль в глаза, пишет Кошуту великолепные отчеты, и освобождение Венгрии уже вне сомнения. Эти революционеры *par excellence* посылают агентов, чтобы заключить с *«тираном»* союз не на жизнь, а на смерть».

Mais ce n'est pas tout. ¹²

Из верного источника я знаю, что здесь были старый дурак Лелевель и Тадеуш Гожовский от имени польской «Централизации». Они предлагали Кошуту-Мадзини план восстания, который рассчитан главным образом на содействие Бонапарта. Эти старые ослы со своими заговорами зарываются с каждым днем все больше и больше. В качестве агента они имеют и имели здесь некоего графа Ланкоронского или что-то в этом роде. Этот молодчик (живет 7 Harringtonstreet, Hamstead Road) состоит *русским* агентом, и *их* план восстания удостоился чести быть предварительно просмотренным в Петербурге.

Твой К. М.

¹ Центр тяжести. ² Все так думают. ³ то есть. ⁴ на обыкновенном немецком языке. ⁵ прямого народоправства. ⁶ Верховное существо еще раз спасено. ⁷ Тайна. ⁸ Пароли. ⁹ мнимая [профессия]. ¹⁰ Италия совершенно погрузилась в материализм. Там говорят только о торговле, о делах, о шелке и масле и других жалких земных вещах. Буржуа крайне деловым образом исчисляют убытки, нанесенные им мартовской революцией, и думают только о том, как бы теперь возградить себя за них. Инициативу восстания они охотно предоставляют французам, этому легкомысленному и чувственному народу. Единственное,

чего они боятся, — это того, как бы французы не слишком поторопились. — Ты можешь себе представить, мой дорогой, каким громом среди ясного неба было это для архангела Мадзини. Генерал Феттер, уже назначенный верховным главнокомандующим отрядов Мадзини-Кошута, заявил им, что при таком положении вещей он не видит иного выхода, как уехать вместе со своею любовницей в Америку. В конце концов, злосчастный Мадзини договорился с Кошуттом предоставить инициативу восстания французам. ¹¹ грубой черни. ¹² Но это еще не все.

198.

28, Deanstreet, Soho, 2 сентября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Из прилагаемого письма великого Вейдемейера, страдающего недержанием мочи, ты увидишь, как обстоят дела. Эта скотина прислала сюда десять экземпляров.

От господина Штрейта я еще не имею никакого ответа, что служит очень плохим предзнаменованием. Я имею теперь некоторую надежду, хотя и слабую, что один лондонский издатель захочет издать эту вещь [«18-ое Брюмера»] на английском языке. Для образца я должен предварительно дать ему первую главу. Поэтому я дал перевести ее Пиперу. Перевод кишит ошибками и пропусками. Тем не менее, корректура доставит тебе меньше хлопот, чем скучный труд перевода. Ты должен также написать мне английское предисловие, не больше десяти строк. Первоначально это сочинение появилось в виде газетных статей, печатавшихся с конца декабря до начала февраля; первого мая оно вышло в виде брошюры в Нью-Йорке, а теперь появится вторым изданием в Германии; это — первое по времени сочинение против Б[онапарта]. Некоторые устаревшие детали объясняются датой его первоначального выхода в свет.

Э. Джонс, этот шалопай, в продолжение двух месяцев водил меня за нос обещанием перевода (для его журнала). При этом я ему всячески помогал. Несмотря на свои собственные денежные затруднения, я целыми днями ходил вместе с ним от Понтия к Пилату по поводу денежных дел его газеты. Все заграничные известия, которые имела его бедная газетка, шли от меня. Когда бы он ни садился в лужу со своими комитетами, противниками и проч., он всегда обращался ко мне и с помощью моих советов кое-как вылезал. — Наконец, когда его газета сделалась слишком жалкою, я в продолжение нескольких недель оказывал ему редакторскую помощь, и, действительно, число абонентов газеты в Лондоне увеличилось на несколько сот. Он, со своей стороны, даже не соблюдал общепринятых правил приличия. Ты можешь сегодня помочь ему составить его газету, а завтра он обязательно забудет прислать тебе экземпляр,

и эта *забычивость* будет повторяться каждую неделю, так как газета его выходит раз в неделю.

Я сказал ему, что это само по себе не так уж плохо, что он такой эгоист, но пусть уж он проявляет свой эгоизм в цивилизованной, а не в столь банальной форме.

Так как газета является единственным чартистским органом, то я не порву с нею, но несколько недель *let ship him for himself*.¹

Твой К. М.

¹ пусть он сам управляет своим кораблем.

199.

Вторник 7 сентября 1852 г.

Дорогой Маркс!

Перевод Пипера причиняет мне много хлопот. Как раз начало с трудом поддается переводу, и *l'aimable*¹ кандидат П[ипер] дал полную волю своему очаровательному легкомыслию. Если только удастся, пришлю тебе его в четверг.

С Пиндаром здесь приключился новый роман. Недавно я прихожу к нему в дом, не знаю, писал ли я тебе об этом, и встречаю там его мать, а *very respectable old English lady*,² и молодую даму, которая совершенно не похожа на англичанку и которую я поэтому считал русской. В прошлую пятницу я спросил Пиндара, его ли жена или сестра эта «красавица» [так по-русски написано Энгельсом] (*beauté*): «*ni l'une, ni l'autre*»,³ — ответил он. В понедельник его мать пришла ко мне домой: ее любимый Эдуард уехал, исчез. Меня не было дома, но, узнав об этом, я тотчас же пошел туда. *Je trouve la digne mère en pleurs*⁴ и узнаю следующее: Пиндар в Петербурге влюбился в шведку или финку и, очевидно, удрал с ней после смерти его отца. В Англии он женился на ней — это вышеупомянутая «красавица». В Лондоне он познакомился с французенкой, бывшей парижской проституткой, как утверждает старуха, которая, конечно, очень плохо о ней отзываясь, — любовницей какого-то английского писака по имени Тэйлор. Он дает ей уроки, и тихий кандидат заводит с ней любовную связь. Его жена узнает об этой истории (старуха, между тем, приехала из Кронштадта, привезла деньги и примирилась со шведкой) и, чтобы отвлечь П[индара] от французенки, вся семья переезжает в Ливерпуль. Кандидат выпишывает туда лоретку, но шведка, обладающая, очевидно, большим терпением и настойчивостью, опять узнает об этом. Новое переселение в Манчестер, где старуха, наконец, покупает обстановку и

даже покупает два дома (она живет на остатки нажитого Timber and Biscuit Trade ⁶ и промотанного ею старо-пиндаровского состояния). Но Пиндар и сюда выписывает свою французенку. Она, вероятно, три раза была здесь, я знаю это, потому что он тогда очень аккуратно занимал у меня деньги, а затем так же аккуратно возвращал их. Но, чтобы положить конец этой истории, он в прошлую субботу удрал с ней, как утверждает его мать, в Австралию, а, как мне кажется более вероятным, либо в Нью-Йорк, либо только в Париж. Он взял из капитала 190 ф. ст., которые принадлежали ему, но уже в omnibusе потерял 20 ф. ст. (кельнер в отеле, где жила французенка, думает, что она вытащила их у него). У этого парня было достаточно денег, мать давала ему полное содержание, и у него еще было 100 ф. ст. карманных денег.

Шведка вчера поехала за ним вдогонку в Ливерпуль, — мне интересно, чем это кончится.

Бедняга терпит ужасные преследования из-за своей глупой ранней женитьбы на шведском идеале — *voilà ce qui a toujours pesé sur lui.* ⁶ При несколько большем опыте и ловкости он — со своими 100 ф. ст. — мог бы очень хорошо содержать здесь французенку, но откуда взять опыт парню, который в 21 год влюбился в шведку, бежал с ней и по-мещански вступил с ней в законный брак. Если бы этот болван только рассказал мне эту историю, то было бы очень легко уладить дело. Но впутаться с французенкой à l'étranger ⁷ во вторую более или менее продолжительную и, во всяком случае, серьезную историю и бежать с ней, — *quelle bêtise! Elle lui en fera voir, ma foi!* ⁸ В особенности, если он, в самом деле, поехал в Австралию. И при этом его старуха очень добродушная и слабая женщина, с которой он мог бы сделать, что угодно. Но подобно тому, как Кинкель в обручении, так Пиндар, очевидно, видит в бегстве истинную сущность всякой любовной связи. Твои известия о двоюродных братьях и т. д. и лондонцах — великолепны. Отсылаю тебе письмо Массоля, а также и письмо Вейдемейера. — Письмо Клуся я оставляю здесь *jusqu'à nouvel ordre.* ⁹ Как обстоит дело со статьей для Дана? Бегство Пиндара сохраняет мне время, я занимаюсь теперь русским языком *con amore, sine ira et studio* ¹⁰ и уже кой-чему научился. Военные вопросы в данный момент *at a discount.* ¹¹ Работа в конторе очень оживленная.

Как только я смогу, т. е. через несколько дней, я пошлю тебе два фунта, — это все, что я могу отложить за этот месяц.

Твой Ф. Э.

¹ любезный. ² очень почтенную старую английскую даму. ³ ни то, ни другое. ⁴ Я нахожу почтенную мать в слезах. ⁵ торговлей бисквитами и лесным делом. ⁶ вот что всегда его угнетало. ⁷ за границей. ⁸ какая глупость! Она еще ему покажет, увидишь! ⁹ впредь до нового распоряжения. ¹⁰ с любовью и основательно. ¹¹ отложены в сторону.

200.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 8 сентября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Твое письмо попало сегодня в весьма возбужденную атмосферу.

Жена моя больна, Женичка больна, у Ленхен нечто вроде нервной горячки. Врача я не могу и не мог позвать, не имея денег на лекарства. В течение 8 — 10 дней моя семья кормилась хлебом и картофелем, и сегодня еще сомнительно, смогу ли я достать и это. Разумеется, при теперешних климатических условиях эта диета не была полезна.

Статью для Дана я не написал, так как не имел ни одного пени на чтение газет. Вообще, как только ты пошлешь № 19, я изложу тебе в письме свои взгляды насчет № 20, — дам общий обзор современного свинства.

Когда я был у тебя и ты сказал мне, что сможешь до конца августа достать мне несколько большую сумму, я написал об этом жене — для успокоения. Твое письмо, написанное три-четыре недели тому назад, показало, что перспектива не особенно благоприятна, но все-таки оставляло некоторые надежды. Поэтому я отерочил на начало сентября уплату всем кредиторам, которым, как ты знаешь, я всегда выплачивал мелкими суммами. Теперь всеобщее возмущение.

Я испробовал все, но напрасно. Сначала эта собака Вейдемейер надувает меня на 15 фунтов ст. Затем я пишу в Германию к Штрейту (потому что он в Швейцарии написал письмо Дронке). Это животное не ответило ни разу. Я обращаюсь к Брокгаузу и предлагаю ему для «Gegenwart» статью невинного содержания. Он в очень вежливом письме отказывает. Наконец, я в течение последней недели бегаю целый день с одним англичанином, который хотел устроить учет моих векселей на имя Дана. Pour le roi de Prusse.¹

Самое лучшее и желательное, что могло бы случиться, это — если бы домовладелица вышвырнула меня из квартиры. Тогда я расквитался бы, по крайней мере, на сумму в 22 фунта ст. Но такого большого одолжения от нее вряд ли можно ожидать. К тому же еще булочник, молочник, чаепроговец, greengrocer,² старый

долг мяснику. Как я могу разделаться со всей этой дрянью? Наконец, в последние восемь-десять дней я занял несколько шиллингов и пенсов у каких-то обывателей; это мне неприятнее всего, но это было необходимо для того, чтобы не околеть.

Из моих писем ты, наверное, убедился, что я переношу эти жалкие мелочи с большим безразличием, как всегда, когда мне приходится самому в них участвовать; гораздо хуже, когда слышишь о них только издали. А между тем *que faire?*³ Мой дом превратился в лазарет, и кризис становится столь острым, что вынуждает меня посвятить ему все мое внимание. *Que faire?*

Между тем господин Гегг снова совершает увеселительную прогулку в Америку, *steamer first class*.⁴ Господин Прудон положил себе в карман несколько сотен тысяч франков за своего «Анти-Наполеона», а папаша Массоль столь великодушен, что предоставляет мне всю работу: *miner, fouiller etc.*⁵ *Je le remercie bien.*⁶

Твой К. М.

¹ Для прусского короля [напрасно]. ² зеленщик. ³ что делать? ⁴ в первом классе парохода. ⁵ подкапывание, раскапывание и т. д. ⁶ Весьма ему признателен.

201.

28. Deanstreet, Soho, 9 сентября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

4 фунта получил. Я опять написал своей старухе и полагаю, что это хоть в некоторой степени подействует на нее.

Кроме того я сделал сегодня еще одну попытку — надеюсь, что она, наконец, увенчается успехом — получить деньги за счет Дана, так как мне дорога каждая минута, *et je n'ai pas à perdre du temps*.¹

Только-что был врач и прописал рецепты всей *family*, *excerté moi*.² Моей жене лучше, хуже всего Лаурочке.

Представь себе, какой осел этот Пипер. Каждый день он спрашивает, отослал ли ты уже эту вещь и *что* ты писал о его великолепной работе. Я, конечно, не мог ему об этом сообщить, и вот этот болван воображает, что я из недоброжелательства скрываю от него твои чрезмерные похвалы. Сегодня, когда я шел за доктором, я встретил этого болвана. «Писал ли Энгельс и прислал ли он перевод?» Еще нет, — ответил я. «Но он это сделает, *так как я сам* ему писал», — заметил Пипер. Если ты ему ответишь, то напиши, что ему незачем ходатайствовать пред *тобой* по поводу *моих* дел.

При сем доклад из Парижа; он попал там в руки одному моему приятелю, который прислал мне копию с него, а я, в свою очередь, снял копию для манчестерского архива.

Твой К. М.

¹ и я не могу терять время. ² семье, за исключением меня.

202.

14 сентября 1852 г.

Дорогой Маркс!

Пипер написал мне письмо и попросил *немедленно* отослать ему обратно исправленный перевод. *Cela me convenait bien*,¹ так как у меня были боли в животе, и я не был способен ни к какой работе. Скажи ему, что если он хочет получать от меня ответы на свои письма, то пусть, по крайней мере, сообщит свой адрес: «Милостивый государь господин Пипер» — не столь уже известное лицо в Лондоне, даже с тех пор, как он сделался приказчиком на жаловании в 25 шиллингов в неделю. Вообще же, пусть он продолжает переводить, но пусть работает несколько тщательнее или, если это невозможно, пусть, по крайней мере, оставляет в трудных местах пустое место: я потом заполню эти пробелы; это все же лучше, чем легкомысленно писать бессмыслицу (как это делает Пипер). Впрочем, он написал мне только под тем предлогом, что он, дескать, не знает, считаю ли я его вообще способным заниматься переводами. Он получит от меня подробный список главных ошибок с комментариями. — Сегодня и завтра вечером я думаю закончить эту вещь, так как мне лучше.

В остальном он, точно верное эхо, описал мне все, что слышал в твоём доме и что, конечно, было уже мне известно.

Вероятно, Пиндар был у тебя? Он мне писал из Лондона и поехал в Париж; я пишу ему сегодня вечером. Я познакомился также с его шведкой или финкой. *C'est une oie, petite bourgeoise au plus haut degré, qui paraît s'être bientôt consolé du départ de son époux*.² Он хорошо сделал, что ушел от этого животного. Для приличия я еще несколько раз зайду к его старухе, а затем оставляю это дело. *C'est embêtant*³ слушать, как эта маленькая ведьма с рыбьей кровью дурно говорит о своем муже.

Надеюсь, что история с учетом, наконец, удалась тебе, и в твоём доме немного лучше. Я замышляю теперь новый план, чтобы сэкономить несколько фунтов; если он удастся, полагаю, что смогу опять послать тебе сколько-нибудь до начала ближайшего месяца, т. е. через 14 — 16 дней. Отчасти это зависит от того, приедет ли сюда мой шурин, и когда именно.

При сем две записки от Вейдемейера, из них литографированную отошли мне при случае обратно, для архива. Докладная записка Гефнера интересна, но написана явно для нас — *c'est une pétition*.⁴

Наилучший привет твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

Тебе, наверное, будет приятно узнать, что Гейнцен находится при последнем издыхании.

¹ Это было мне очень кстати. ² Это — гусыня, мещаночка, которая, повидимому, скоро утешится по поводу отъезда своего мужа. ³ Невыносимо. ⁴ это — петиция.

203.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 18 сентября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Если ты еще на несколько дней задержишь перевод, то будет окончательно потеряна возможность пристроить его. Интерес к Наполеону, уже достигший своего апогея, теперь, как все в Лондоне, начинает вытесняться новыми темами.

История с учетом, с которою меня водил за нос восемь дней один идиот из Сити, *potiné*¹ Пениш, кончилась ничем. Поэтому я написал вчера Дана. Одновременно я сообщил ему, что *on Germany*² будут только еще две статьи, №№ 19 и 20. Как только ты пришьешь мне № 19, я изложу свои взгляды о № 20, заключение и дальнейшее. Через несколько дней решится также история с таможенным союзом, без чего № 20 не может быть закончен.

Жена моя физически ослабела больше, чем когда бы то ни было, т. е. она совсем без сил. Уже три дня она, по предписанию врача, принимает каждый час по ложке брэнди. Но вообще дело идет на поправку, и она сегодня встала, наконец, с постели. Она лежала восемь дней. Лаурочка выздоравливает, с остальными *all right*.³ Написать подробно я смогу только на будущей неделе. Эта неделя ушла на бесполезную беготню по делам и отвратительные препирательства *cum creditoribus*.⁴

Твой К. М.

На будущей неделе вместе со своим письмом отошлю обратно также документы. Пришли мне обратно письмо Массоля.

¹ по имени. ² о Германии. ³ все в порядке. ⁴ с кредиторами.

204.

20 сентября 1852 г.

Дорогой Марке!

Я не знал, что перевод нужен тебе так спешно; я относился к нему немного спустя рукава, ибо, как уже сказал, мне нездоровилось и, кроме того, мне хотелось немного позлить П[ипера], который слишком приставал. Однако вчера я немедленно засел за перевод и уже закончил бы его, если бы около 2-х часов пополудни в мою комнату не ворвался старый господин Шили, который, имея какой-то патент на соду, намерен основать в Ливерпуле фабрику; она должна давать 400 — 500 процентов чистого дохода и может приносить, смотря по обстоятельствам, до $4\frac{1}{2}$ миллионов талеров в год. Он хотел потолковать со мною об этой аванюре — он пылает желанием пуститься в эту аферу с несколькими тысячами талеров, которые хочет дать ему его брат. Господин Гейзе также участвует в этом, но не вносит ничего, кроме своих талантов. По всей вероятности, благородный Шили, после полученного им здесь хладнокровного совета, откажется от этого дела, чтобы воспользоваться представляющимся ему случаем стать агентом по перепродаже душ для гаврского эксплуататора эмигрантов в Ливерпуле. У господина Гейзе был уже однажды ~~пр~~язный план употребить деньги национального займа для этой спекуляции, но при этом предполагалось работать по-демократически и получившиеся миллионы употребить для освобождения Европы. Жаль, что из этого проекта ничего не вышло. Дело, повидимому, прогорело потому, что не нашлось 30-ти эмигрантов, которые могли бы *молчать*.

Конечно, я был обязан напоить до-пьяна благородного Шили — il n'y avait pas moyen à y échapper. ¹ Уже давно не встречал я такого безобидного животного. Глупость, невежество и беззаботность такого единомышленника переходят всякие границы. Когда он немного наклюкался, и я вел спор с третьим немцем, двоюродным братом Чарльза, он начал кричать благим матом, хотя и очень добродушно: «Не верьте же этому, Энгельс ни во что не верит, ни во что не верит Энгельс, все эти молодцы из «Новой рейнской газеты» ни во что не верят, ни один человек не поймет их. Ни во что не верит Энгельс!» Конечно, я сказал ему, что, напротив, молодцам из «Новой рейнской газеты» ничего не стоит сейчас же раскусить людей, подобных ему. Сегодня утром этот бравый господин, после крепкого рукопожатия, опять отбыл в Ливерпуль, и сегодня вечером перевод будет закончен. Но эта работа отнимает у меня страшно много времени, так как я дол-

жен заново перевести все сколько-нибудь трудные места, без исключения, — П[ипер] в таких случаях прибегает к буквальному переводу, при котором получается настоящая белиберда. Впрочем, некоторые места вообще не поддаются переводу.

Однако я приложу все силы, чтобы закончить сегодня вечером, так что завтра ты его получишь.

Твой Ф. Э.

Если возможно будет, я пошлю тебе на-днях еще один фунт.

¹ этого никак нельзя было избежать.

205.

[23 сентября 1852 г.]

Дорогой Маркс!

Третьего дня я послал тебе перевод и по почте один фунт. В начале октября последуют еще несколько фунтов — приблизительно через девять или десять дней. Я охотно послал бы тебе сразу большую сумму, так как, даже при равенстве общей суммы, это имеет то преимущество, что ты мог бы более планомерно расходовать их. Но в настоящий момент мои собственные денежные дела запутались, и я никогда не знаю, сколько потребуется мне в течение месяца, и потому фунты появляются по одному, и тогда для них нет лучшего применения, как немедленно послать их тебе. В течение ближайшего месяца я поставлю дело на коммерческую ногу и скоро буду в состоянии делать сбережения.

Из прилагаемой записки ты увидишь, что П[ипер] сделал не мало весьма грубых промахов — ошибок грамматических и стилистических я, разумеется, не подсчитывал, *cela n'aurait jamais fini*.¹ Ты можешь это ему показать, если считаешь полезным, но если бы это могло дать ему повод отказаться от перевода, то лучше ему не показывать. Если бы он стал ворчать по поводу отдельных корректур, то ты всегда можешь этим воспользоваться, чтобы показать ему его недостатки.

Впрочем, отдельные места почти непереводаемы. Вообще, было бы хорошо, если б издатель увидел также и *последнюю* главу, это бы ему особенно импонировало. Не устроить ли так, чтобы П[ипер] перевел ее и ты немедленно прислал ее мне; я уже продумал это и несколько подготовился, так что дело пойдет быстро. Если вещь и не может быть теперь напечатана, то все-таки перевод должен быть закончен; этот молодец скоро сделается императором, и тогда представится прекрасный повод сделать пост-скриптум.

Я немедленно иду домой и закончу статью для «Трибуны», так что она уйдет со следующей почтой, и ты еще сможешь отослать ее с завтрашним пароходом. Как обстоит дело с новой английской статьей для Дана?

Надеюсь, что бранди опять поставил твою жену на ноги — наилучший привет ей и твоим детям, также Дронке и Лупусу.

Твой Ф. Э.

Письмо Массоля вместе со статьей для Дана отошло со следующей почтой, у меня его нет при себе.

¹ иначе я никогда бы не кончил.

206.

28, Deanstreet, Soho, 23 сентября 1852 г

Дорогой Энгельс!

Получил 1 фунт и исправленный перевод. На перевод ты потратил слишком много энергии. Если дело пойдет (успех будет зависеть от этого № 5), ты должен отнестись к этому легче, т. е. выпускать ненужные цветы красноречия и отдельные места, если они трудны для перевода.

Веерт здесь с воскресенья. В субботу он уезжает в Манчестер и проведет там 3-4 недели, затем скроется в Вест-Индию и т. д.

При сем: 1) Письмо, написанное почерком Шурца, найденное в кармане жилета, который Кинкель подарил известному нам эмигранту.

2) Письмо от Клуca.

3) Две выдержки из разоблачений об эмиграции, опубликованных первоначально в «Karlsruher Zeitung», а затем перепечатанных в «A[ugsburger] A[llgemeiner] Z[eitung]», etc.,¹ на случай, если ты сам не видел этих вещей.

Д-р Пиали [Церфи] (из Парижа) пишет мне, между прочим, следующее: «Кошут хочет поднять восстание в октябре. Киш дает ему отсюда всякого рода заверения, которые, быть может, относятся к области фантазии, но вместе с тем при фантастичности теперешнего положения *возможны*. Кошут, будто бы, получил от Бонапарта *собственноручное письмо с приглашением в Париж*. Дословная копия этого письма, будто бы, циркулирует во всех венгерских комитетах. В Венгрии все подготовлено для генерального выступления Кошута. Даже императорско-королевские чиновники участвуют в этом огромном заговоре...» «Графиня Кинская, урожденная Зичи, арестована по обвинению в детоубийстве. Сфабриковавший ребенка

доктор Шези» (наш знаменитый пакостник) — «польский еврей и т. д. Мадам Бекман (жена полицейского агента и газетного корреспондента) будет фигурировать в процессе перед судом присяжных в качестве *dame de compagnie*». ²

Что касается истории с Кошутом, то весьма возможно, что Бонапарт ставит ему ловушку, чтобы заслужить расположение Австрии.

Пиали заставил Гефнера завязать переписку с Руге-Таузенау, так что теперь дело обстоит так, как если бы мы состояли в непосредственной переписке с господином Арнольдом. Мы, таким образом, будем узнавать *mystères des grands hommes* ³ из первого источника.

«Народный союз», насчитывающий восемь членов (как видно из письма Вейдемейера к тебе, Руге с свойственной ему виртуозностью образовал из него три комиссии), шатается теперь по Сити (в том числе Ронге и Тралле) под предлогом образования «свободной общины». Чорт побери, какое дело немцу-католику Ронге до «свободных общин»?

Некоторые немецко-католические, а главным образом еврейские купцы подписались своими инициалами на несколько фунтов.

Виллих, в свою очередь, теперь официально каждую субботу в Союзе на Great Windmill делает сборы, очевидно на почтовые расходы.

Что скажешь ты об овациях, устраиваемых Б[онапарту] в провинциях? Все французы позорно оскандалились. Мне кажется, что таможенный союз приближается к верной гибели. Австрийское банкротство все еще в состоянии справиться с прусским процветанием.

Дана, как я вижу, принял статью. «*Staatszeitung*» (в Нью-Йорке) уже приводит немецкую выдержку из нее.

Смерть старого Веллингтона очень своевременна. Этот старый негодяй в момент кризиса стал бы еще командовать, используя свой традиционный авторитет. С ним и с Пилем настоящим образом похоронен *common sense of old England*. ⁴

Итак, «наши» должны 4 октября предстать пред судом! Бюргерс сознается во всем, по крайней мере, поскольку речь идет о нем. Верный своей профессии, он будет защищаться «*принципиально*». Во время следствия он приложил к протоколу длинный меморандум в 30 страниц о «Сущности коммунизма». *Honny soit qui mal у pense*. ⁵ Даниэльс, говорят, чувствует себя недурно. Прокурор начинает с сен-симонистов; адвокат Шнейдер, чтобы посрамить его, решил начать с Бабафа. Можно будет почесть себя счастливым, если ни один из них не дойдет до инков или до Ликурга.

Пиндар, «mystères»⁶ которого меня очень развеселили, не является ко мне. Твои adventures with old⁷ Шили весьма милы.

Ad vocem⁸ Джонс. Хотя он лично мне не очень нравится, я все же — он опять устроил на меня набег, так как il y avait crise,⁹ — поддерживал его в последнюю неделю, как и вся наша компания. Противники созвали 2-3 митинга, на которых должны были быть внесены резолюции о том, «that this meeting is of opinion, that no confidence can be placed in the success of any democratic movement which Mr. Ernest Jones is connected therewith».¹⁰ Они have been beaten,¹¹ и весьма. Сперва эти ослы пытались бросить на него тень в связи с какими-то денежными безобразиями. В этом они потерпели неудачу. Тогда они напали на него, говоря, что мы его поддерживаем, так как он возбуждает свою агитациею «unfriendly feelings amongst the different classes».¹²

Дело в том, что Гарни-Голшок, Гент из «Лидера», Ньютон (cooperating)¹³ и tutti quanti¹⁴ объединились для образования national party.¹⁵ Эта national party хочет general suffrage, but not chartism.¹⁶ Старая сказка. Но до открытия своего похода им хотелось видеть Джонса be crushed.¹⁷ Они rather¹⁸ просчитались. Он повысил цену своей газеты на 1 пенни, не потеряв ни одного подписчика.

Твой К. М.

¹ и т. д. ² компаньонки. ³ тайны великих людей. ⁴ здравый смысл старой Англии. ⁵ Да будет стыдно тому, кто об этом дурно думает. ⁶ тайны. ⁷ приключения со старым. ⁸ По поводу Джонса. ⁹ у него был кризис. ¹⁰ что настоящее собрание считает невозможным верить в успех какого бы то ни было демократического движения, с которым связан м-р Джонс. ¹¹ [Они] были разбиты. ¹² недружелюбные чувства между различными классами. ¹³ кооператор. ¹⁴ прочая компания. ¹⁵ национальной партии. ¹⁶ всеобщего избирательного права, но не чартизма. ¹⁷ уничтоженным. ¹⁸ изрядно.

207.

24 сентября 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем возвращаю конверт твоего письма, полученного сегодня; повидимому, была сделана неудавшаяся попытка вскрыть его.

Перевод и письмо Массоля отосланы вчера вечером второю почтою. Клус очень хорошо изображает прием, оказанный Кинкелю и т. д. немецкими янки; эти молодцы такие же в Аллеганах, как в Шварцвальде и Таунусе. Разоблачений в немецких газетах я не читал,— я только вчера мог снова увидеть немецкую газету.

Французские обыватели хороши. Рабочие, повидимому, après tout¹ совершенно обуржуазились по причине теперешнего prosperity² и в надежде на будущую «gloire de l'empire». ³ Потребуется жестокая школа кризисов, чтобы сделать их *вскоре* опять способными на что-нибудь. Если ближайший кризис будет незначительный, то Бонапарт может благополучно выбраться из него. Но, повидимому, кризис, будет носить очень серьезный характер. Самый отчаянный кризис — это, когда сверх-спекуляция медленно развивается в производстве и для обнаружения ее результатов требуется столько лет, сколько для кризиса в торговле товарами и ценными бумагами потребуется месяцев. Вместе со старым Веллингтоном похоронен не только common sense⁴ старой Англии, похоронена сама старая Англия в лице своего единственного последнего представителя. Остались только sporting characters⁵ без suite⁶ вроде Дерби или еврейские мошенники вроде Дизраэли — они точь-в-точь такие же карикатуры старых ториев, как мосье Бонапарт — карикатура своего дяди.

Когда придет кризис, здесь будет недурно, и надо только пожелать, чтобы он затянулся еще немного и превратился в такую же хроническую болезнь с острыми припадками, как это было в 1837 — 1842 гг. Впрочем, во время восстания старый Веллингтон, — судя по всему, что о нем известно, — был бы довольно грозным военным вождем — он занимался всем, изучал очень усердно все военные сочинения и недурно знал свое дело. Он не остановился бы также и перед крайними мерами.

Судя по твоим сообщениям, кельнский процесс, повидимому, станет страшно скучным. Несчастный Генрих со своею принципиальною защитою! Он потребует прочтения своих тридцати листов, и, если это будет ему разрешено, он perdu.⁷ Присяжные никогда не простят ему, что он нагнал на них такую скучищу. Вообще, «общественному министерству» не везет. Гаупт уехал в Бразилию, анонимный подмастерье тоже исчез в свое время и вряд ли появится опять, а теперь еще должен околеть полицейский советник, из-за болезни которого дело было отложено в июле. Но лучше всего, если Генрих осветит вопрос с философской точки зрения!

Таким образом, благородный Шурц резонирует относительно проповеди коштуова евангелия немедленного восстания после того, как он и компания долгие годы жили этим самым евангелием! It is all very well ⁸ напакостить Коштуту, так как он их обошел, но в то же время очень глупо писать о том, что давно уже всему миру известно.

Что Кошут будет делать глупости, весьма вероятно, — ведь этот несчастный имеет свое обмундирование, мушкетеры, свои обученные Зигелем отряды, Клапку и Гарибальди (последний командует итальянско-венгерским флотом в Тихом океане в виде купеческого корабля, который под перуанским флагом развозжает между Лимой и Кантоном).

Твой Ф. Э.

¹ после всего. ² процветания. ³ славу империи. ⁴ здравый смысл. ⁵ спортсмены от политики. ⁶ убеждений. ⁷ погиб. ⁸ Это очень хорошо.

208.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 28 сентября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Ты давно не получал от меня ни одного письма. Главная причина тому — Веерт; он отнимал у меня почти все вечера, т. е. все то время, которое я вообще посвящаю писанию. И притом мне это не доставляло чрезмерной радости. Ты знаешь, что я очень хорошо отношусь к Веерту, *mais*¹ мучительно, сидя по горло во всякой дряни, видеть около себя столь изысканного джентльмена, *auquel il faut cacher les parties trop honteuses*.² Такие отношения создают сугубую *gêne*; ³ я надеюсь, что он уедет завтра в Манчестер и, по своем возвращении, найдет меня в условиях, когда я опять смогу *franchement*⁴ иметь с ним дело. Вообще же я надеюсь, что, помимо болезненного состояния моей жены, ему не удалось глубже заглянуть в мою жизнь. Я дал ему большой пакет для передачи тебе. В нем содержатся документы, которые должны находиться в архиве, и ты их уже отчасти знаешь.

При сем выдержка из письма Бартеlemi к Виллиху: В[артеlemi] дал это письмо одному французцу, по имени Дюран, для передачи его Виллиху. Дюран, который не мог прочесть подписи, спросил у Дронке, может ли он передать письмо В[иллиху]. Д[ронке], конечно, согласился, пришел ко мне, и Лупус — большой специалист в этом деле, — мастерски вскрыл письмо. Самое важное в этом письме Д[ронке] списал, остальное же, написанное там, — суцая дребедень. *Que penses-tu de ce brave Barthélémy, «auquel il est impossible de se résigner à laisser Bonaparte jouir paisiblement de son triomphe»*.⁵ Трепеци, Византия! Что касается мнимого письма Бланки, то оно кажется мне мелодраматическим измышлением мрачного Бартеlemi. Ибо, что сообщает он о Бланки? Что положение *prisonniers de Belle Isle est bien triste*.⁶ Если бы Бланки не имел ничего другого сообщить

ему, было бы, бесспорно, лучше, если б он оставил при себе эти *libri tristium*.⁷ Вообще же из всего письма Бартеlemi видно, что он совершенно отрезан от французской эмиграции и от французских обществ.

Дабы ты мог «чутьочку стать на всемирно-историческую точку зрения», посылаю тебе при сем статью А[угсбургской] В[сеобщей] о шпионе А. Майре; здесь, в Лондоне, его «вышвырнули за дверь» даже его закадычные друзья Виллих и Шаппер.

Я ведь уже писал тебе, что Герцен здесь и рассылает мемуары о Гервеге, который не только наставил ему рога, но и выманил у него 80 000 франков.

Над статью или хотя бы над проектом заключительной статьи о Германии мне все еще некогда было поработать. Необходимость писать в разные места по поводу семейных дел поглощали все мое время, так что я уже три недели не был в библиотеке; это нужно было также для того, чтобы я мог остаться дома и ухаживать за своей женою в это столь тяжелое для нее время.

Кстати! Положительно известно, что заговор орлеанистов разрастается с каждым днем в смысле активности, своих размеров и шансов. Эти господа заключили союз с Кавеньяком, Шарра, Ламорисьером, Бедо. Среди *aides de camp de L. Bonaparte*⁸ трое подкуплены, т. е. для них положены в Английском банке значительные суммы. С чистыми республиканцами заключен следующий договор. *Во-первых:* образование временного правительства, состоящего только из *генералов*. *Во-вторых:* Кавеньяк получает в виде гарантии Марсель, Ламорисьер — Лион, Шарра — Париж и Бедо — Страсбург. *В-третьих:* Временное правительство призывает народ решить в первичных избирательных собраниях, желает ли он конституцию 1830 г. с династией Орлеанов или конституцию 1848 г. с президентом. В последнем случае кандидатом будет выставлен Жуанвильский [принц]. Еврей Фульд попрежнему находится в сношениях с Орлеанами. Пока для выполнения плана назначен месяц март, причем, в случае необходимости, Б[онапарт] должен быть убит своими адъютантами. Однако они хотят, чтоб Б[онапарт] сделался раньше императором и еще больше потерял свое обаяние. Я сам говорил с агентом орлеанистов, который свободно разъезжает между Парижем и Лондоном. Он вчера был вместе с Баниа у герцога Омальского.

Из одного письма Пиали я узнаю, что лорд Пальмерстон высказал в Лондоне в частной аудиенции одной итальянской аристократке-эмигрантке [графине Висконти], ряд утешительных вещей насчет Италии; одновременно он изложил и «утешительную» для него

самого перспективу сделаться английским «премьер-министром» не позже, чем через год. Удивительно, как старики любят врать и хвастать. Вообще господин П[альмерстон], по крайней мере, в одном пункте высказался без обиняков. В случае восстания, Ломбардия и Венеция должны немедленно присоединиться к Пьемонту. Мечтания об «итальянской республике» должны быть предоставлены «будущему».

Дронке, обитатель *model lodging house*,⁹ извиняется, что еще он не написал. «У него есть основание».

Твой К. М.

Конверт, который ты отослал мне обратно, повидимому был вскрыт. Но, очевидно, это было сделано неловко и безрезультатно.

¹ но. ² от которого необходимо скрывать слишком постыдные вещи. ³ неловкость. ⁴ непринужденно. ⁵ Что ты думаешь о Бартелеми, храбреце, «который не может допустить, чтобы Бонапарт спокойно наслаждался своим триумфом». ⁶ заключенных в Бель-Иле *очень печально*. ⁷ книги скорби. ⁸ флигель-адъютантов Л. Бонапарта. ⁹ меблированных комнат.

209.

[Около 1 октября 1852 г.]

Дорогой Маркс!

О Веерте ни слуху, ни духу. Чего, чорт возьми, церемонишься ты с этим молодцом? Кроме того он ведь знает, что ты уже многие годы — в тяжелых условиях, и знает также, что ты еще живешь в старой квартире, что уже давно всем известно.

Меня выселили, т.-е. выселили мою старую хозяйку, и она *sans façon*¹ взяла и меня с собой. Это на две двери дальше, так что вместо № 70 адресуй мне впредь в № 48 (новая нумерация). Спешу.

Твой Ф. Э.

¹ без церемонии.

210.

48, Great Ducie Street, 4 октября 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем 2 фунта 10 шиллингов. 10 шиллингов отдай Дронке, который нашел для меня очень ценную славянскую книгу, — что он выторгует с этой цены, пусть будет его комиссионным вознаграждением за находку; *puisque'il est commerçant, il faut le traiter selon les principes du commerce*.¹ Но пусть он немедленно отправится туда и отошлет мне книгу по почте под простой бандеролью,

как газету, с 6 почтовыми марками, если вес ниже 1 фунта, и с 12 марками, если вес выше. Это, если речь идет об одном томе; в противном случае на каждый том требуются 6 почтовых марок, и тогда лучше послать пакетом, без оплаты, через Пикфорд и К^о и через Карвер и К^о. Если вы сможете найти контору Карвер и К^о (я полагаю, что там они называются Чаплин, Хорн и Карвер или Чаплин, Хорн и К^о), то лучше всего послать через них Ф[ридриху] Э[нгельсу], по адресу Э[рмен] и Э[нгельс] — они наши carriers. ² Это вообще наилучший путь для пересылки мне пакетов.

Как только у меня немного больше выяснятся мои планы на этот месяц, ты получишь еще. Некоторые долги должны быть уплачены, я еще не знаю, какие. От этого зависит сумма, которую я могу послать.

Веерт — в Брэдфорде. Он приезжает только через неделю.

Le roman Pindar prend une tournure tout à fait bourgeoise. ³ У бедного малого уже началось похмелье. Так как я ему с 15 сентября ничего не сообщал о матери и жене, то он бомбардирует меня письмами и угрожает написать им непосредственно, чтобы получить известия! Этот субъект, очевидно, воображает, что я просиживаю там целые дни, точно финские черты лица и скандинавско-германское сердце его дражайшей половины с рыбьей кровью представляют для меня такие же чары, какие они представляли некогда, да и теперь еще, для него. Мистер Пиндар, благодаря своему бегству, несколько вырос в моих глазах, но эти письма глубоко разочаровали меня. Он — славянин, сентиментальный в фривольности и даже в свинстве, заискивающий и высокомерный; у него от англичанина только утрированная молчаливость, — как русский, он должен утрировать. В последнее время он был несколько более разговорчив, и когда раскрылись, наконец, долгое время сдерживаемые шлюзы, то получилась только пошлость. При этом у влюбленного Пиндара довольно порочные желания, и ни о чем он так охотно не говорит, как о противоестественных открытиях. Он совершенно необразованный и при этом педантичный субъект; он абсолютно ничего не знает, кроме нескольких языков; en matière de science ⁴ у него нет знаний даже по самой элементарной математике, физике и другим предметам гимназического курса, в особенности он круглый невежда в самой элементарной истории. Ce n'est que son silence acharné qui m'ait pu faire croire qu'il soit profond. ⁵ Он ni plus ni moins ⁶ как мелкий русский помещик со страстишками русского дворянства, ленивый дилетант, мягкосердечный, пресыщенный и к тому же еще типичный школьный mentor. Я довольно долго пытался сохранить о нем хорошее мнение,

но это невозможно. Что сказать о человечке, который, прочитав первый раз роман Бальзака (да к тому же еще «Cabinet des Antiques» и «Père Goriot»),⁷ говорит об этом с высокомерием и величайшим презрением как о чем-то будничном и банальном и в то же время через неделю после своего бегства пишет из Лондона своей покинутой жене совершенно, судя по всем признакам, искреннюю фразу: *my dearest Ida, appearances are against me, but believe me, my heart is still entirely yours.*⁸ В этом сказывается весь человек. Сердце его принадлежит шведке, а хвост его французенке; это доказывают также его письма ко мне. Эта коллизия, это славянско-сентиментальное, глубое противоречие,— в них именно для него прелесть всей истории. Но шведка гораздо умнее: она говорит всякому, кто хочет ее слушать, что он может делать со своим сердцем, что ему угодно, если только не унесет из дому ничего материального. У этого субъекта, впрочем, отсутствует знание мира и понимание его, что находится в комическом противоречии с духовными претензиями, имеющимися у него как у русского. Он не понял ни манифеста, ни Бальзака; это он мне довольно часто доказывал. Он определенно не знает немецкого языка, он не понимает самых простых вещей. Знает ли он французский язык, также подлежит для меня большому сомнению. Если исчезнет таинственность, которой он себя окружил и благодаря которой он сохранял известный интерес, то не останется ничего, кроме *une existence manquée.*⁹ При этом этот субъект старается все еще в своих письмах сохранять давно разоблаченную *mystère*¹⁰ и это очень смешно. Ты увидишь, через три месяца *gospodin* Пиндар опять будет здесь и будет снова *bon fils, bon éroux, bon bourgeois, plus taciturne que jamais,*¹¹ он будет и впредь, как и до сих пор, проматывать материнское состояние, не делая ни малейшей попытки чем-нибудь заняться или что-нибудь изучать. И такой господин бежал с прожженной парижанкой,— он будет помнить ее.

Новая ложь о правдивом Виллихе очень хороша.

Дабы книга моя не пропала, пишу одновременно и Дронке.

Твой Ф. Э.

¹ так как он коммерсант, то с ним надо вести дело на коммерческих началах.

² экспедиторы. ³ Роман Пиндара принимает совершенно мещанский характер.

⁴ в области науки. ⁵ Только его упорное молчание могло заставить меня считать его глубоким. ⁶ не более, не менее. ⁷ «Лавка древностей» и «Отец Горио».

⁸ моя дорогая Ида, с внешней стороны все говорит против меня, но, поверь мне, сердце мое целиком принадлежит тебе. ⁹ неудавшейся жизни. ¹⁰ таинственность.

¹¹ хороший сын, хороший муж, хороший буржуа, более молчаливый, чем когда-либо.

211.

Воскресенье 10 октября 1852 г.

Дорогой Маркс!

Мне надоела уже эта вечная волокита с брошюрой. Ее появление откладывалось с месяца на месяц и все же она никак не может появиться. Приводится один предлог за другим, которые потом отбрасываются. Наконец, было сказано: к осенней ярмарке она непременно выйдет. *La Trinité se passe, Malborough ne revient pas.*¹ Затем было заявлено, что *тот* человек умер, а Баниа не знает, куда девалась рукопись. Это невыносимо. Мы должны, наконец, вывести дело на чистую воду. Дело становится с каждым днем все более подозрительным. Я не хочу, вероятно и ты также, чтобы наша общая работа попала в ненадежные руки. Мы писали для публики, а не для удовольствия берлинской или какой-нибудь другой полиции, и если через Баниа ничего нельзя сделать, то я на собственный страх и риск предприму некоторые шаги в этом деле. Наш прикащик Чарльз, которого ты знаешь, едет на следующей неделе через Гамбург в Берлин, на континент. Я поручил ему в Берлине подробно узнать об этом деле и, если недели, которую он там проведет, недостаточно, привлечь к этому делу нашего тамошнего агента. И я бьюсь об заклад, что мы таким образом выясним причину этих пустых отговорок. Что это за история с издателем Эйзерманом или Эйзенманом, которого даже нельзя найти в списке издателей! Но «издателя прежней конституционной газеты» можно найти в списке. Если дело не ладно, то нам, безусловно, необходимо выпустить *публичное заявление* во всех наиболее распространенных газетах, чтобы с нами не выкинули такой шутки, какую сыграл Ташеро с Бланки опубликованием своего документа. Что касается таинственности, которой окружает себя Баниа, то здесь, по крайней мере, она совсем неуместна; что же касается меня, то мне надоели все эти увертки, и теперь я сам буду делать то, что считаю уместным.

Папаша Кинкель приезжает сюда читать немецкие лекции под эгидой поэтических евреев третьего и четвертого ранга. *Cela sera beau.*² Секретарь «Атенеума» хотел и меня привлечь подписаться, причем он заметил: *Wherever there was something like a checkered life, were it only an escape from a shipwreck or so, there was always a natural and fair ground for sympathy. Voilà les arguments qu'on emploie pour lui mendier un auditoire.*³

Вообще, ничего нового. Пиши, что узнаешь об истории с брошюрой, но на мое решение относительно Чарльза это едва ли повлияет. Сердечно кланяйся твоей жене и детям.

Твой Ф. Э.

¹ Троица проходит, а Мальбруг не возвращается. ² Это будет интересно. ³ Везде, где есть нечто вроде разбитой жизни, будь то только спасение от кораблекрушения или что-нибудь подобное, всегда есть естественное и справедливое основание для симпатии. Вот какие аргументы употребляют, чтобы выключить для него аудиторию.

212.

28, Deanstreet, Soho, 12 октября [1852 г.].

Дорогой Фредерик!

О твоём письме подробно после. Прилагаю: 1) контрабандой проведенный в «Advertiser» Руге-Ронге документ «The German Loan Star Society»;¹ 2) вырезанную из «Литографированной корреспонденции» Вейдемейера заметку о деятельности этого опасного «society»² на союзном конгрессе в Уиллинге; 3) статью для Дана. Но она должна быть отправлена целиком, так как для следующего раза у меня есть масса политического материала. Я составлял этот материал с сильной головной болью. Не стесняйся поэтому при переводе излагать свободно. Ты, может быть, читал вчера подлую статью «Times», корреспонденцию из Берлина. Этот негодяй целиком списал все из «Н[овой] Пр[усской] Г[азеты]» (Кёльнский процесс) и прибавил только несколько подлых комментариев.

Твой К. Маркс.

¹ Немецкое общество взаимного кредита. ² общества.

213.

[14 октября 1852 г.]

Дорогой Маркс!

У меня нет никакой физической возможности перевести тебе всю статью. Я получил ее сегодня утром. Весь день я был так занят в конторе, что не чувствовал под собой ног. Сегодня вечером между 7-ю и 8-ю пил чай, и только тогда прочел эту вещь. Потом сел за перевод. Теперь — половина двенадцатого — я закончил ту часть, которую посылаю тебе и которая представляет самостоятельное целое. В 12 часов это должно быть на почте. Как видишь, я сделал все, что было в моих силах.

Остальное будет немедленно переведено — ты пошлешь его на будущей неделе через Соутгемптон или в пятницу. Тем временем ты должен кончить свою следующую статью; быть может, одну часть можно будет отослать еще в пятницу, а не то — в следующий вторник, когда опять отправляется американский пароход. Это ничего не значит. Позаботься только о том, чтобы я *во-время* получил

рукопись; я ожидаю со дня на день Веерта и должен соответствующим образом распределить свои занятия, ибо днем я занят по горло коммерцией.

Привет твоей жене и детям, Дронке, Лупусу, Фрейлиграту.

Твой Ф. Э.

Обрати внимание, что кёльнцев все-таки не выпускают; президент — сущий пес; он придирается в особенности к Бюргерсу.

214.

[16 октября 1852 г.]

Дорогой Маркс!

При том обороте, который дело теперь приняло, оно не может кончиться неудачно. Письмо Штибера — это такая находка, которая дороже всех золотых россыпей Австралии, взятых вместе. Какое счастье, что malheureux¹ Нотьюнг сохранил эти старые документы «Н[овой] Р[ейнской] Г[азеты]» и послал их тогда в Лондон! Я надеюсь, что оно дойдет, — ведь сам верховный прокурор не счел бы за преступление выкрасть подобного рода документ. Было бы лучше, если б ты послал это письмо не заказным, а как-нибудь иначе. Между Франкфуртом и Кёльном все еще может случиться какое-нибудь несчастье, и хотя даже копия является серьезным доказательством, но все-таки оригинал гораздо важнее. Надо было бы, чтобы кто-нибудь отвез его в Кёльн лично, либо же послал через нарочного. Однако я надеюсь, что все пойдет хорошо.

Другие документы также очень хороши, и мы теперь поднимем колоссальный шум.

Для верности я послал вчера фон-Гонтгейму письмо, — которое будет сдано на почту в Амстердаме, — в котором я сообщил ему вкратце содержание твоего письма, предназначенного для Шн[ейдера], а также известил его о неполучении письма, адресованного Шнейдером Дронке. Итак, четыре копии и одно извлечение.

Другим путем я пошлю сегодня в Кёльн еще одну копию с письма Штибера; также пошлю в Рейнскую провинцию выдержки из статьи «Advertiser» от пятницы и разъяснения в номере «Advertiser» от субботы, вообще распространяю среди буржуа заметки о преступлениях полиции.

Теперь следующие предложения:

1. Единственные отягчающие свидетельские показания имеют характер в высшей степени двусмысленный, а местами, как мы должны теперь доказать, недвусмысленный; поэтому показание

твое и Лупуса, Пипера и т. д., если оно будет дано под *присягою* и *удостоверено*, — очень важно. Пусть официальное министерство говорит все, что ему угодно, это не повредит; присяжные все-таки считают нас и обвиняемых людьми порядочными. Ну, а ведь нет ничего легче, как двоим или троим из вас отправиться к Уингхэму и там показать под *присягою* известные всем вам вещи, имеющие отношения к Лондону. Так, например:

а) что нет никакого Г. Либкнехта, а есть лишь В. Л[ибкнехт], и что никакого Г. Либкнехта вы никогда не знали;

б) что госпожа Даниэльс никогда тебе не писала;

с) что, кроме собраний по средам, вы не имели других собраний по четвергам в каком-либо другом помещении, и

• d) что вы признаете совершенно ложными имеющиеся в протоколах показания Гирша о докладах, речах и т. д., которые вы, якобы, произносили;

е) что приложенная к красному катехивису записка, которую официально министерство считает написанною твоею рукою, не исходит от тебя — и еще другие вещи по поводу последних прений и первых показаний Штибера, что окажется лживым и заслуживающим опровержения. Все это, подтвержденное под *присягою* в присутствии Уингхэма, последний запишет в виде обыкновенного показания под *присягою* — вы можете принести с собою также и черновик на английском языке — вы попросите его отдать это полисмену, который пойдет вместе с вами в Сити к прусскому консулу Гебелеру; последний *обязан* удостоверить подпись Уингхэма, *иначе он лишается своих полномочий*. Изготовленное таким образом в двух копиях, оно может потом пойти в Кёльн и не преминет оказать там свое действие. Я считаю это в высшей степени важным, так как этим будут выполнены *все* легальные формы, и эта вещь превратится в судебный документ. Если Гебелер, несмотря на это, откажет в своей подписи, идите к любому официальному нотариусу, который удостоверит (этот путь был в аналогичном же случае указан моему старику прусским судом).

2. Вчера получил от Дронке длинную статью о Баниа. Я должен сказать тебе, что после жалкого вранья по поводу нашей рукописи, после письма Дункера, которое Веерт послал тебе во вторник, если вообще верно, что он предпоследнее письмо адресовал Котесу, у меня не остается почти сомнения, что [Баниа] состоит прусским шпионом. Его дружба с венгерцами не является доказательством противного: если у нас он ссылается на венгерцев, то у венгерцев он ссылается на нас. Все это дело необходимо непременно и спешно расследовать. И если господин Баниа *dans les vingt-quatre heures* ²

не представит удовлетворительных объяснений о месте нахождения рукописи, прежнего адреса мнимого Эйзермана, улицы и номера, довольно загадочных источников своего существования, то я сильно склоняюсь к тому, чтобы кельнские адвокаты непосредственно спросили господина Штибера, что он знает о некоем полковнике Баниа. После имевших до сих пор место разоблачений господин Штибер не решится больше давать ложных показаний, так как он не может знать того, что за этим последует. В то же самое время следовало бы сообщить Ш[нейдеру] историю с рукописью, чтобы он рассказал эту историю в заседании, и соответственно с этим не надо будет выпускать дальнейших предварительных объяснений.

3. Некоторые члены штехановского рабочего союза, члены комитета и т. д. могли бы также отправиться в магистрат, — не с маленькими записками, но с целыми страницами и, по возможности, с большими документами, написанными рукою Гирша, — и показать *под присягою*, что это — почерк Гирша. *Cela vaut infiniment mieux*,³ чем простые, незаверенные выписки.

В понедельник мы опять пошлем вам немного денег, дабы у вас не было затруднений из-за этого. *Твое* показание под присягою можно было бы послать к самому концу — это имеет свои хорошие стороны; надо только позаботиться о том, чтобы все прибыло туда до окончания допроса свидетелей.

Не забудь, по возможности, скорее прислать мне несколько надежных адресов.

Показание Штехана о подделке почерка должно быть тоже подтверждено под присягою перед магистратом. *Cela pourra avoir de brillants résultats*.⁴

Кинкель сегодня расхаживал по здешней бирже в сопровождении толпы здешних немецких евреев. Мы, между тем, уже кой о чем понарасказали публике, и Веерт уже отравит ему существование и здесь и в Брэдфорде.

Не могли ли бы вы добыть прямые доказательства мошенничества Кинкеля от Рейхенбаха через Имандта или кого-либо другого и прислать копии их в здешний *Examiner* и *Times*, *Guardian* или *Courrier* и в брэдфордские газеты? Конечно, настолько прямые доказательства, чтобы этим молодцам не приходилось опасаться процесса по обвинению в пасквиле. Вы могли бы послать это также д-ру Дж.-В. Гудзону, секретарю манчестерского «Атенеума».

Штр[он] опять в Брэдфорде, ему нездоровится, он приедет сюда в среду или четверг. Я пишу ему сегодня инструкции настолько полные, что если ты пошлешь ему что-нибудь, то можешь рассчитывать,

что он все выполнит вполне правильно в соответствии с *моими* указаниями. Главное, чтобы из всех коммерческих адресов каждый был использован только *один* раз.

Мы должны довести дело до того, чтобы в будущем имя *Штибера* было синонимом *вора*.*

Среди защитников имеется также адвокат Шюрман. Его адрес тоже может быть использован для приложений. Шнейдер, действительно, слишком опасен.

История с Баниа важна еще по следующей причине: предположим, что оригинал протоколов написан *не* рукой Гирша, а переписан. Что тогда? Ведь Штибер и без того засвидетельствовал под присягой, что не знает Гирша.

Если кельнцы все же будут осуждены — что я, однако, считаю почти невозможным, если мы попрежнему будем прилагать все усилия чтобы доставить туда все сведения и документы, — то мы, безусловно, должны будем написать кое-что. В противном случае я полагаю, что это только ослабит эффект поражения правительства. Однако даже в последнем случае это будет зависеть от целого ряда обстоятельств. Прежде всего со всех документов, показаний под присягою и т. д. должны быть сохранены точные копии, со всеми удостоверяющими подписями etc., ибо тогда эти вещи составят блестящую серию *pièces justificatives*.⁵

Дронке просил у меня 10 шиллингов, так как он болен и в затруднительном положении. При ближайшей получке денег, т. е. во вторник, дай ему эту сумму или немного больше.

Адреса пошли мне лучше всего через Пикфорда или Кервера.

Кланяйся всем и напиши поскорее.

Мы ведем здесь точный список всех отсылаемых документов с указанием даты, способа отправки и т. д.

Твой Ф. Э.

¹ несчастный. ² в двадцать четыре часа. ³ Это имеет гораздо большее значение. ⁴ Это может иметь блестящий результат. ⁵ оправдательных документов.

215.

Манчестер, 18 октября 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем конец новой статьи. Вчера получил также следующую. Посылаемую сегодня статью ты можешь немедленно отослать *via*¹ Ливерпуль почтовым пароходом Соединенных Штатов, — в среду утром отправляется «Пасифик». В пятницу ты опять получишь кое-что.

* Непереводаемая игра слов: Stieberei (штиберовщина) и Dieberei (воровств.)

Не пиши ты таких длинных статей. Больше одного - полутора столбцов Дана не *подойдет*, это слишком много для одного номера. Новую статью я должен буду опять разделить на части, но это очень трудно, и я еще даже не знаю, в каком месте ее делить. *Вполне достаточно* пяти - семи страниц, написанных рукою твоей жены, и если ты дашь больше, то Дана не будет тебе даже благодарен.

Мне кажется, что Бюргерс, Резер и, быть может, Отто, равно как и Нотьюнг, попали в весьма скверную историю. Против Даниэльса же, Беккера, Якоби нет, кажется, никаких улик, и потому я надеюсь, что они-то, во всяком случае, будут оправданы. Беккер выпутался с большим бесстыдством. Но чем больше обнаружится невинность одних, тем с большим пылом, полагаю, судьи и присяжные обрушатся на других, скомпрометированных; оскорбленная буржуазия и оскорбленное государство потребуют искупительных жертв.

Над печатями всех писем, полученных мною от тебя, кто-то долго возился с каленым железом, но, поскольку я могу судить, pour le roi de Prusse.² Клей на конверте не дает проникнуть внутрь.

Веерт здесь, привез мне пакет и кланяется вам всем. Рукопись Семере о Кошуте гораздо лучше, чем о Гергее. Кошут ему по плечу. Переводов Пипера я не мог еще просмотреть, я очень много занят в конторе и по вечерам иной раз устаю, как собака.

Наилучший привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

¹ через. ² для прусского короля [безрезультатно].

216.

28, Deanstreet, Soho, London, 20 октября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Очень рекомендую тебе подателя сего полковника Плейеля. Хотя я лично его не знаю, но его «с лучшей стороны» рекомендует известный тебе полковник Банна.

Твой К. Маркс.

217.

[22 октября 1852 г.]

Дорогой Маркс!

Если ты хочешь в будущем аккуратно получать от меня статьи для Дана, то ты не должен присылать мне венгерских полковников как раз к четвергу вечером.

Этот молодец отнял у меня вчера целый вечер и хочет сегодня опять прийти; он не лишен общего образования, также и военного,

и является самым интересным венгерцем, какого я когда-либо встречал, но он вместе с тем немецко-австрийский аристократ.

Итак, мы признаны теперь «интеллигентными» людьми со стороны государства и даже полиции, *teste*¹ Штибер. Прекрасно! Как глупый Штибер старается сделать этих молодцов ответственными за своего шпиона Шерваля. Не знаешь ли что-нибудь о причинах ареста Котеса и Бермбаха? Арест именно их обоих — это зловещий признак. Но Гаупта мы накажем. Веерт узнает, где он находится в Южной Америке, и когда придет туда, разоблачит его. Для этого необходимо достать «К[ёльнскую] газету» или какую-нибудь другую, где имеются его показания. Не можете ли вы позаботиться об этом? Приложите все старания; как хорошо было бы дать этому негодяю почувствовать, что мощь «Новой рейнской газеты» простирается до Бразилии.

На-днях напишу подробнее, а также вышлю и переводы.

Твой Ф. Э.

¹ как о том свидетельствует.

218.

28, Deanstreet, Soho, 25 октября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Насчет нашей переписки мы должны принять меры. Несомненно, что в министерстве Дерби мы имеем *читателя наших писем*. Кроме того перед моим домом опять ставят (по вечерам) наблюдателей, по крайней мере, в виде опыта. Поэтому я абсолютно не могу писать тебе ничего такого, что не считал бы полезным довести в настоящий момент до сведения прусского правительства.

Дана обращается с нами весьма грубо. Около шести недель тому назад я прямо написал ему, как обстоят мои дела, и попросил его *немедленно* прислать деньги за отосланные статьи. Но он аккуратно печатает статьи, а деньги все еще не присылает. Конечно, я вынужден, несмотря на это, продолжать аккуратно писать. В противном случае наказанным останусь опять-таки я.

Вот уже пять недель, как я успокаиваю своего домовладельца этою надеждою на Америку. Сегодня он явился ко мне и учинил страшнейший скандал *housekeeperin*¹ и мне. Он удалился сегодня — я, в конце концов, прибег к *ultima ratio*,² т. е. к грубости, — с угровою, что, если я не внесу денег в течение этой недели, он выбросит меня на улицу, но предварительно еще посадит в моей квартире *broker*.³

4-5 дней тому назад от Клуса получились 130 экземпляров «Брюмера». Однако до сих пор я не мог снять их с таможни, так как

нужно было уплатить 10 шиллингов 9 пенсов. Как только эта дребедень получится, я пошлю ее в известное тебе место и тотчас же получу на этом основании заем. За эту вещь и за статьи от Дана я должен получить больше 30 ф. ст., а в то же время часто должен тратить целый день из-за одного шиллинга. Уверю тебя, что когда я вижу страдания своей жены и сознаю свое бессилие, то я запродал бы душу дьяволу.

Котес и Бермбах арестованы потому, что я послал последнему через посредство первого одну необходимую для защиты вещь, которая оказалась немного объемистой (несмотря на тонкую бумагу и очень мелкий почерк). Правительство думало, что заполучило отличнейшую добычу. Но при ближайшем рассмотрении юный Зедт, наверное, приведет в движение небо и землю, чтобы как-нибудь замять это дело, так как эта вещь содержит некоторые весьма едкие strictures⁴ относительно талантов etc. jeune⁵ Зедта, и, если присяжные с ней ознакомятся, она сможет только содействовать оправданию accusés.⁶

В «Н[овой] П[русской] Г[азете]» «Г. Веерт» назван членом центрального комитета в Кёльне, и это — цитата из обвинительного акта.

Скажи Веерту, что ты ничего о Дункере не слышал.

Твой К. М.

Как только процесс закончится и каков бы ни был его результат, мы оба должны напечатать «Разъяснение для публики» в один или два печатных листа. Более благоприятный момент говорить к нации в широком смысле слова не повторится. Кроме того мы должны во что бы то ни стало рассеять смешное впечатление от этого процесса, от которого не могли нас избавить моральное достоинство и научная глубина кроткого Генриха.

Шерваль сам написал в «Лондонский немецкий рабочий союз», что он *шпион*, но в благородном смысле куперовского шпиона». Я через надежные руки отправил одному из адвокатов нужные разъяснения.

Относительно упомянутого выше издания «Кёльского процесса» необходимо подумать уже теперь. Мне кажется лучше всего, чтобы ты написал Кампе; он должен указать тебе *солидного комиссионера*, в случае, если он слишком труслив. Так как ты человек кредитоспособный, то комиссионеру можно сказать, что он получит деньги, примерно, через три месяца (по векселю), в случае, если до того времени он не покроет своих расходов от продажи (в чем не сомневаюсь). Вообще, расходы на печатание такой ерунды достигнут самое большее 25 талеров.

Прощай. И подумай об этом деле. Мы не можем молчать и если своевременно не обеспечим себе возможности печатания, то мы не успеем к надлежащему моменту.

Нужно, разумеется, позаботиться о том, чтобы комиссионер не оказался просто обманщиком, так как эта вещь может оказаться выгодной и в «коммерческом» отношении.

¹ управительнице дома. ² последнему средству. ³ судебного пристава. ⁴ критические замечания. ⁵ молодого. ⁶ подсудимых.

219.

Манчестер, 27 октября 1852 г.

Дорогой Маркс!

Когда я тебе вчера писал, я прочел показание Штибера лишь очень бегло, и потому был сегодня очень приятно поражен, когда твой документ придал делу такой оборот, который *теперь* дает возможность надеяться на то, что *всех* подсудимых оправдают. En effet,¹ скандал со Штибером полнейший. Я снял здесь с этой вещи еще копию и двумя различными, очень надежными путями отправил в Кёльн; я также прикрепил печатями к оригиналу две записки, написанные рукою Гирша,— что следовало сделать еще в Лондоне,— и удостоверил это обстоятельство своею подписью, так что, в худшем случае, они могут быть конфискованы только в случае конфискации всего материала. Я только-что открыл еще некоторые пути для сношений с Кёльном; хотя первые два (которые пригодятся только для одного раза) гарантируют на 99 процентов, что вещи в тот же день действительно придут к Шнейдеру, но все-таки было бы хорошо, если бы я получил от тебя еще третий, *удостоверенный тобою* экземпляр с *новыми* образцами почерка Гирша, дабы отправить его еще другим путем. Вообще пр[уссаки] не *могут* конфисковать эту вещь, это привело бы к уголовному преследованию участников.

Твое сегодняшнее письмо ко мне было вскрыто, так как не все четыре уголка конверта были хорошо запечатаны. Было ли вскрыто также письмо к Штрону, трудно сказать, так как фирма вскрыла наружный конверт. Но вскрыть его было так легко, что я почти уверен, что оно уже было вскрыто раньше. Итак, штейнталевский адрес уже больше не годится. Пиши нашему старому Джемсу Бельфильду, Манчестер, Golden Lion, Deansgate, внутри конверт с надписью «Ф. Э.», и больше ничего. Для очень важных и опасных вещей делай так, как я теперь делаю: отправляй пакет любого содержания, внутрь которого вложено твое письмо, через посредство Пикфорд и К^о на мою квартиру, а иногда через посредство Чаплин,

Хорн и Карвер ко мне, по адресу Эрмен и Э[нгельс], не сплачивая пересылку. Это вполне надежно. Но адреса пусть пишут попеременно различными почерками, и пакеты должны относиться на почту не одним и тем же отправителем и не в одном и том же месте. Тогда последний путь вполне надежный. Затем, либо пришли мне таким путем надежный адрес в Лондоне, либо пусть кто-нибудь, чей домохозяин не отличается подозрительностью, примет вымышленное имя à la Виллиамс; или же сообщи мне, живет ли еще Лупус на Broadstreet, номер 4, а Д[ронке] в «Model Lodging House», и вообще где живут наши надежные люди, дабы я мог менять адреса.

Все эти средства, использованные попеременно, окажутся достаточно надежными. Кроме того, дабы не обращать на себя внимания, пиши мне прямо по почте безразличные письма, как это буду делать и я.

Снятие копий с документов потребовало от меня такого труда, что я поистине не знаю, смогу ли *полностью* сдержать свое слово относительно Дана и парохода, уходящего в пятницу. *Кое-что* получишь во всяком случае. Прими во внимание, что благодаря девственному образу жизни в течение продолжительного времени в известном месте распускаются настоящие почки, которые подчас мешают мне сидеть; *il faut que cela finisse.*²

Разъяснение старого юстиции-советника Мюллера заставит Штибера наделать в штаны по поводу оригинала его протокола. Из этого заявления также видно, что юристы вообще там мечут громы и молнии по поводу полицейских подлостей, о которых Штибер с истинно старопруссским невниманием рейнских законов, судопроизводства и рейнского общественного мнения столь бесстыдно звонит во все колокола, радуясь, как ребенок, своей хитрости. Это — хорошее предзнаменование.

Это недурно: полиция крадет, делает подлоги, взламывает письменные столы, приносит ложную присягу, дает ложные показания и ко всему этому еще требует для себя привилегий по отношению к коммунистам, которые стоят *hors de la société!*³ Все это, а также и та подлая манера, с которою полиция принимает на себя все функции официального министерства, отодвигает Зедта на задний план, предъявляет никем не удостоверенные записки, использует непроверенные слухи, доносы, рассказы в качестве действительных документально установленных судом доказательств — *c'est trop fort!*⁴ И это должно подействовать.

Твой Ф. Э.

¹ На самом деле. ² этому должен быть положен конец. ³ вне общества.

⁴ это уж слишком сильно.

220.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 27 октября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Я писал тебе, что составляю «л[итографированный] ц[иркуляр]» о «кельнском процессе». Из «л[итографированного] ц[иркуляра]» получился теперь памфлет приблизительно в три печатных листа. Литографировать теперь эту вещь не стоит по двум причинам: во-первых, столь обширное литографированное сочинение будет стоить слишком дорого, а, между тем, оно *ничего* не даст, так как неудобно продавать подобного рода литографированные циркуляры. Во-вторых, ни один человек не станет читать — да и нельзя даже требовать этого — литографированных вещей, содержащих три печатных листа.

Итак, не остается ничего другого, как сдать эту вещь в печать. В Германии это impossible.¹ Лондон — единственное возможное место. Можно будет также получить *кредит*, если только я буду в состоянии уплатить часть вперед. Прошу тебя посоветоваться об этом с Веертом и Штроном. Но нельзя терять ни одного дня. Если вещь не выйдет теперь, она уже не будет иметь потом никакого интереса. Моя брошюра — это не защита принципов: она клеймит прусское правительство, основываясь на изложении фактов и хода дела. Я сам, конечно, incapable² достать для этого дела хотя бы один сантим. Вчера я заложил сюртук, полученный из Ливерпуля, чтобы купить писчую бумагу.

Империя быстро идет вперед. Бонапарт умеет, как никто другой, содействовать тому, чтобы на этот раз торговый кризис принял во Франции еще более ужасный характер, чем в Англии.

Твой К. М.

¹ невозможно. ² не в состоянии.

221.

[Маркс — Энгельсу.]

28, Deanstreet, Soho, 28 октября 1852 г.]

Получил деньги и сегодня пакет с письмом. В своем последнем письме к тебе и Веерту я нарочно ничего не писал такого, что могло бы, если бы письма были вскрыты, дать прусскому правительству новые сведения о предпринятых против него шагах. Сегодня сообщаю подробно. Я думаю, что мы положили контр-мину, которая взорвет на воздух весь правительственный обман. Господа пруссаки должны увидеть, qu'ils ont à faire à plus fort.¹

В понедельник Шнейдер II получил через Дюссельдорф письмо от меня (адресованное одному купцу, знакомому Фрейлиграта), содержание которого вкратце следующее: 1) Шерваль был принят в Союз в Лондоне господином Шаппером и по предложению Шаппера в 1847 году, когда я был в *Брюсселе*, а не мною в Кёльне в 1848 году. 2) С конца весны 1848 г. до лета 1850 г. Шерваль постоянно жил в Лондоне, как то может быть доказано его housekeepers. ² Следовательно, в течение этого времени он не жил в качестве пропагандиста в Париже. 3) Лишь летом 1850 г. он переселился в Париж. Захваченные у него бумаги и его показания перед французскими присяжными показывают, что он был агентом Шаппер-Виллиха и нашим врагом. Что Шерваль *полицейский шпион*, доказывается следующим: 1) Удивительное бегство его (вместе с Гипперихом) из парижской тюрьмы сейчас же после осуждения. 2) Беспрепятственное пребывание в Лондоне, хотя он считается *уголовным* преступником. 3) Господин фон-Ремюва (я уполномочил Шнейдера, в случае необходимости, назвать его) рассказал мне, что Ш[ерваль] представился ему в качестве агента принца Орлеанского. Он написал об этом в Париж и получил на несколько часов для снятия копии следующие документы, показанные мне в копии, из которых видно, что Шерваль был сперва прусским полицейским агентом, а теперь он бонапартовский. Прусская полиция отказала ему в посылке денег, так как он состоит на «double emploi» ³ и оплачивается французами. Наконец, я сделал Шнейдеру некоторые простые теоретические разъяснения, благодаря которым он сможет отличать документы Шаппер-Виллиха от наших и доказывать их различие.

Одновременно с письмом к Шнейдеру II, которое ты переслал, тот же документ отправлен через Франкфурт-на-Майне (его отправил старый Эбнер и получил расписку) к адвокату фон-Гонтгейму; это было во вторник. Тот же пакет содержит: 1) письмо Беккера ко мне, снабженное почтовым штемпелем Лондон и Кёльн, из которого видно, что наша переписка касалась прежде всего издательских дел; 2) два приложения Даниэльса к письму Беккера ко мне, в которых он говорит только о своей рукописи; 3) две выписки из протоколов Гирша; 4) выдержку из «People's Paper», в которой Шерваль сам, к счастью, указывает свое местопребывание; 5) помещенный на странице 3-ей этого письма подлинник письма господина Штибера ко мне, периода «Новой рейнской газеты».

Во вторник вечером получено с оказией письмо от Шнейдера, из которого видно, что его первое письмо, посланное по почте, конфисковано. Зато он получил заказное письмо отсюда, которое я поручил

Дронке написать ему и в котором ему было сообщено, что *Генце* пробыл здесь у Виллиха от 6-ти до 8-ми недель, что Виллих вел с ним переговоры, что сам Виллих хвастал здесь тем, что дал Г[енце] инструкции, как *ему* выступать против нас. Шнейдер пишет, что все адвокаты убеждены в подложности документов; он настоятельно просит послать ему доказательства, в частности также того, что госпожа Даниэльс никогда не писала мне.

В среду я не мог бы предпринять *ничего* из-за отсутствия денег, если бы, к счастью, не подоспели твои 2 фунта ст. Итак, я дал удостоверить перед полицейским судьей на улице Мальборо (before Mr. Wingham, magistrate of the metropolitan district,⁴ который ознакомился с делом и *furieusement*⁵ высказался в *нашу* пользу и *против* прусского правительства) двоякого рода вещи:

1) Почерк Рингса и Либкнехта, которые, как сообщает Шнейдер II, будто бы подписали почти *все* протоколы Гирша. Ты знаешь, что Рингс еле умеет писать, следовательно очень хорошо, что Гирш приписал как раз ему ведение протоколов.

2) По моей просьбе, хозяин помещения, где мы собирались, показал, что, начиная с марта месяца, «Society of Dr. Marx»⁶ (этот молодец знает только меня), около 16-18 человек, собиралось регулярно и именно только один раз в неделю, по средам, и что ни он, ни его waiter⁷ ни разу не замечали, чтобы мы написали хотя бы одну строчку. О собраниях по средам показал также один из его соседей, немецкий булочник и домовладелец. Оба документа, с печатями полицейского суда, изготовлены в *двух* экземплярах. Первый экземпляр я отослал Г. Юнгу, который, к счастью, написал мне три дня тому назад, что он живет во Франкфурте-на-Майне, и дал свой адрес. Юнг сам отвезет эти вещи в Кёльн или пошлет туда курьера. Письмо, которое он получил, направлено Шнейдеру II и содержит, помимо указанных документов, засвидетельствованных полицейским судом:

а) копию первого письма к Шнейдеру вместе с двумя выдержками из протоколов Гирша, сделанными вторично;

б) выдержку из одного письма Беккера ко мне, где, к счастью, на оборотной стороне имеется лондонский и кёльнский почтовый штемпель. Беккер пишет буквально следующее (кроме этого посланный мною туда отрывок ничего не содержит):

Виллих шлет мне забавнейшие письма. Я не отвечаю, но это, однако, не мешает ему подробно излагать мне свои новые революционные планы. Он избрал меня для революционизирования кёльнского гарнизона!!! Мы недавно все животики надорвали себе от смеха. Своими глупостями он еще навлечет

на многих неприятности, так как одно только письмо его могло бы обеспечить в течение трех лет содержание сотне судей по делам демагогов. Если бы я сделал революцию в Кёльне, то он готов был бы взять на себя ведение дальнейших операций. Слишком любезно. Братский привет.

Твой Беккер.

с) Три письма Бермбаха ко мне, из которых виден характер нашей переписки и из которых одно (от марта месяца) вместе с тем содержит ответ на мое письмо относительно Гирша и доноса на госпожу Даниэльс и последовавшего у нее обыска. Это письмо показывает, что она никогда не состояла со мною в переписке. d) Копию письма Штибера. e) Инструкцию Шнейдеру, в которой я, между прочим, сообщаю ему, что *удостоверенные документы* (или *дубликаты*) будут в четверг (28 октября) отправлены к нему прямо по его адресу заказным письмом из Лондона и что одновременно он получит из Дюссельдорфа от купца В[еттера] *заказную квитанцию*. Итак, если правительство на этот раз конфискует письмо, мы явно поймаем его *en flagrant délit*,⁸ и ему в лучшем случае удастся отнять от защиты только дубликаты.

В будущую субботу (30 октября) ты найдешь в «Advertiser» краткое объяснение о подлых статьях «Times» и «Daily News». Оно будет подписано: «Ф. Энгельс, Ф. Фрейлиграт, К. Маркс, В. Вольф». То же — в ряде еженедельников.

Я полагаю, что на этот раз прусское правительство оскандалится так, как это ни разу еще не случалось даже с ним, и убедится в том, что ему приходится иметь дело не с какими-нибудь идиотами-демократами. Вмешательством Штибера оно спасло этих людей. Даже арест Бермбаха — счастье. Без этого мы не могли бы переслать туда его письма. Он воспротивился бы этому, чтобы не быть на время арестованным. Теперь, когда он сидит, все *all right*.⁹

Бартелими, рожденный для каторги, на этот раз, для разнообразия, будет изучать Вандименову Землю. Низость этого молодца состоит в том, что он упорно отказывается признать фактическую сторону и таким образом еще глубже запутывает секунданта. Между тем, двое уже заявили, что они были секундантами Коронде [Курнэ]. А третий, вероятно, когда перспектива виселицы будет близка, положит конец *devoeuement*¹⁰ и также объявит себя секундантом. Несколько дней тому назад было заседание поручителей у Рейхенбаха. Все присутствовали, за исключением более или менее вытесненных Кинкеля и Виллиха: Рейхенбах, Леве-фон-Кальбе, Имандт, Шиммельфениг, Мейен, Опенгейм. Рейхенбах, а с ним и другие

решили отослать жертвователям обратно их деньги. Как на главную причину, Рейхенбах указал на следующее: «Виллих и Кинкель занимаются прямым мошенничеством. В Америке циркулировали еще тысячи билетов с его (Рейхенбаха) подписью, которые они учли, через своих агентов прямо инкассировали и употребили для частных целей». Только прекращение всей этой грязной истории даст ему необходимый предлог разоблачить публично все это мошенничество, которое ведется его именем, и помешать дальнейшему вымогательству. Ты видишь, до чего дошли честные Виллих-Кинкель — *des escrocs... Voilà le dernier mot.*¹¹

Наилучший привет Веерту.

Твой К. М.

О надежных лондонских адресах сообщу в следующий раз.

В № 177 «Новой рейнской газеты» помещена корреспонденция из Франкфурта-на-Майне от 21 декабря, содержащая гнусную клевету о том, что я отправился якобы во Франкфурт в качестве полицейского шпиона с тем, чтобы под маской демократа раскрыть убийц князя Лихновского и генерала Ауэрсвальда. Я действительно был 21-го числа во Франкфурте, но пробыл там всего один день и, как видно из прилагаемого свидетельства, занят был там устройством частного дела здешней жительницы г-жи фон-Швецлер; я давно возвратился в Берлин, где давно и возобновил свою деятельность защитника. Кроме того честь имею указать вам на последовавшее уже официальное разъяснение по этому делу в № 338 «Франкфуртской официальной почтовой газеты» от 21 декабря и в № 248 здешней «Национальной газеты». Смею надеяться, что уважение к истине побудит вас немедленно поместить в вашей газете прилагаемое разъяснение и назвать мне, согласно обязывающего вас к тому закона, имя лиц, приславших вам выше-названное ложное сообщение, так как я никак не могу оставить безнаказанной подобную клевету и в противном случае принужден буду предпринять необходимые шаги также и по отношению к вашей уважаемой редакции.

Мне кажется, что за последнее время демократия никому стольким не обязана, как именно *мне*. Не кто иной, как я, вырвал из сетей уголовного обвинения сотни привлеченных и обвиняемых демократов. Это я еще сделал во время действия осадного положения, когда жалкие трусы (так называемые демократы) давно бежали с поля действия, бесстрашно и настойчиво я выступал против властей и продолжаю это делать и поныне. Если демократические органы так поступают по отношению к нам, то надо признать, что это не способствует нашей дальнейшей деятельности.

Особенно ярко выступает в данном деле неуклюжесть демократических органов. Слух о том, будто я отправился во Франкфурт в качестве полицейского агента, был пущен с самого начала здешней «Новой пр[усской] газетой», пресловутым органом реакции, желавшим воспрепятствовать моей неудобной для нее деятельности в качестве защитника. Прочие берлинские газеты давно поместили у себя опровержения, однако демократические органы настолько бестактны, что повторяют эту глупую выдумку. Если бы я собирался отправиться во Франкфурт в качестве шпиона, незачем было бы заранее оповещать об этом во всех

газетах; кроме того, как может Пруссия отправить полицейского чиновника во Франкфурт, где достаточно своих дельных чиновников? Глупость всегда была недостатком демократии, и противники ее поэтому всегда ловко ее одолевают. Точно так же — гнусная ложь, будто бы я много лет назад был полицейским шпионом в Силезии. Я тогда был штатным полицейским чиновником и выполнял свой долг. Обо мне распространились гнусные клеветнические слухи. Пусть выйдет кто-нибудь и докажет мне, что я к нему втирался. Лгать и клеветать легко.

Итак, ожидаю от вас, которого считаю честным и порядочным человеком, безотлагательного и удовлетворительного ответа. У нас демократические газеты известны своей лживостью, надеюсь, что вы не преследуете подобных целей.

С совершенным почтением

Штибер, д-р прав.

Берлин, Риттерштрассе, 65.

Берлин, 26 декабря 1848 г.

Настоящим свидетельствую, что на прошлой неделе г-н д-р Штибер ездил по моему поручению во Франкфурт и Висбаден для устройства моих частных дел в судебных учреждениях.

Вдова президента *Швецлер-фон-Лектон*,
Дама ордена Святой Луизы.

(Место печати).

Я прошу тебя написать Шнейдеру следующие строки и немедленно отослать их ему в Кёльн третьим путем, указанным в твоём письме.

«Правда, Штибер купил 14-16 документов, принадлежащих клике Виллиха-Шаппера, но вместе с тем он украл их. А именно, он за наличные деньги подговорил некоего Рейтера украсть их. Рейтер был издавна не только «полицейским чиновником», но и spy¹² прусского посольства, occasionally à la tache¹³ сдельно. Ни к одному коммунистическому обществу, даже к легальному немецкому рабочему союзу в Лондоне, он никогда не принадлежал. Рейтер жил в том же доме, что и Дитц, секретарь и архивариус виллих-шапперовского центрального комитета. Рейтер вломал письменный стол Дитца и отдал кому-то, Штиберу или Шульце, документы. Это дело давно уже разоблачено на кёльнском суде присяжных. Штехану, во время его заключения в Ганновере, были предъявлены следственным судьёю несколько писем, написанных им Дитцу, как секретарю эмигрантского комитета, председателем которого состоял Шаппер. Как известно, Штехан убежал из тюрьмы. По прибытии в Лондон, он написал в Ганновер, требуя присылки тех писем, на основании которых он мог бы возбудить преследование против Рейтера перед английским судом по обвинению:

1) В краже со взломом.

2) В подлоге. А именно, он утверждает, что в его письме, — предьявленном также теперь Штибером кельнским присяжным, — вставлены полицией слова «530 талеров, 500 для главарей». Он послал тогда в Лондон 30 талеров и ни одного слова не писал о *главарях*.

Ганноверский суд, конечно, не удовлетворил просьбы Штехана. Тот же Рейтер украл все документы путем влома письменного стола Дитца. Дитц и вся шашперовская клика открыли это только после прибытия Штехана сюда.

Только что, дорогой Энгельс, получил я ваш пакет. *Таким образом, не требуется, чтобы ты переписал изложенное.* Я сам пошлю это прямо в одном из полученных мною конвертов.

Скажи Веерту, что он теперь навсегда обеспечил себе одну из «министерских» должностей, которые Штибер отдает в мое распоряжение, если он не предпочтет предлагаемого ему поста посла в Париже.

Твой К. М.

Если тебе нужно написать мне *важные* вещи, делай это теперь всегда по адресу: Господину А. Джонсону, Esq. (Bullion Office, Bank of England).

¹ что они имеют дело с более сильным противником. ² квартирохозяевами. ³ двойной должности. ⁴ м-ру Уингхэму, полицейскому судье столичного округа. ⁵ горячо. ⁶ Общество д-ра Маркса. ⁷ кельнера. ⁸ на месте преступления. ⁹ в порядке. ¹⁰ преданности. ¹¹ мошенники... Вот последнее слово. ¹² шпионом ¹³ оплачиваемым от случая к случаю.

222.

Манчестер, 28 октября 1852 г.

Дорогой Маркс!

Вчера я послал тебе один том «Дюро де ла-Малль» и письмо через Карвер и К^о. При сем различные конверты, заготовленные по образцу коммерческих с вложенными в них конвертами для Гонтгейма и Эссера I, которые вызывают меньше подозрений у этих обывателей, чем Шнейдер. Если ты найдешь нужным, ты можешь еще вложить запечатанный конверт для Шнейдера. Однако я не понимаю, почему бы тебе время от времени не посылать несколько строк также другим защитникам, дабы убедить их в важности их роли. Также прилагается коммерческая печать. Твой вейдемейеровский герб и неуклюжее S никуда не годятся. Применяй также и для Манчестера какую-нибудь другую шестипенсовую печать.

Время от времени посылай Шнейдеру заказные письма, менее важные, дабы ввести этих молодцов в заблуждение и заставить их

думать, что мы отказались от тайной переписки из-за отсутствия адресов.

В том, что обыватели, адреса которых ты при сем получаешь, аккуратно позаботятся о письмах, не может быть никакого сомнения.

Обрати, однако, внимание адвокатов на явные crimes и délits,¹ допущенные полицией, и позаботься, чтобы они потребовали ареста Штибера за ложную присягу и лжесвидетельство; с твоим письмом Котесу этот подлец, действительно, совершил reŕjurg.²

Сегодня вечером почтою более подробно о более безразличных вещах.

Твой Ф. Э.

¹ преступления [и] проступки. ² клятвопреступление.

223.

Манчестер, 28 октября 1852 г.

Дорогой Маркс!

При сем статья для Дана — ее нельзя было оборвать в другом месте. Если мне удастся еще сегодня вечером закончить всю статью, я сдам ее на почту позже.

Пока пусть пойдет это, дабы ты получил во-время хоть кое-что. Вообще, с Дана время от времени довольно будет от $\frac{3}{4}$ до $\frac{4}{3}$ печатного столбца, особенно, раз он платит с таким промедлением.

Я нисколько не буду удивлен, если кельнский процесс продлится еще один месяц. В понедельник, кажется, не было заседания — возможно, что заболел один из обвиняемых или несколько присяжных или же все нуждались в непрерывном двухдневном отдыхе. Особенно при этих удивительных свидетелях, которые все не умеют давать никаких показаний. У господина Генце *уже лопнуло терпение*. Веерт встретил этого рыцаря в Гамбурге, где он страшно ругал тебя — *cela t'acquitte de toute obligation envers lui*.¹ Он признал также совершенно откровенно обывательский мотив своей ярости. Напиши же прямо одному из адвокатов — registered letter² — и обрати его внимание на то, что обвинение целиком перешло из рук господина Зедга в руки шпиона Штибера, который, с молчаливого согласия официального министерства, создает совершенно новые юридические теории, а именно:

1) что если кто-нибудь, морально заинтересованный в процессе, посылает адвокатам из-за границы документы и прочие сведения в интересах подсудимых и разоблачает полицейскую ложь какого-нибудь Штибера, то это преступно точно так же, как преступно получать подобного рода письма;

2) что, напротив, полиция в праве позволять себе всевозможные преступления и даже открыто хвастать ими перед судом и перед публикою, а именно:

а) *кражи со взломом* — взлом письменного стола Дитца и выемка оттуда документов;

б) *подстрекательство к этому*, совершенное, согласно их собственному признанию, путем обещания денег; также *подкуп*;

в) *кражи документов*, принадлежащих защите, ибо от твоей записки для адвокатов отрезали и скрыли одну часть; о вскрытии писем я уже не хочу говорить, так как эти подлецы постарались, по крайней мере, задним числом придумать легальные формы;

г) *лжесвидетельство и лжеприсяга*, ибо господин Штибер нарочно выставляет кельнцев соучастниками и сотоварищами Шерваля, лживость чего ему самому отлично известна и что он впоследствии сам признал, ибо он дает присягу в том, что лишь 19 октября в Кёльн прибыло по почте письмо, которое было там уже 15-го; в то же время он выдумывает все свои небылицы о чрезвычайном курьере и т. д.;

е) *подлог*, ибо полиция прямо смастерила мнимый протокол и представила его в качестве подлинного, в то время как мы были лишены возможности передать в руки защитников доказательство противного. И так далее.

Если адвокаты будут действовать смело и умело, дело может кончиться не осуждением кельнцев, а арестом господина Штибера за лжеприсягу и прочие прусские преступления против безбожного французского Code pénal.³

Я хотел написать тебе еще о чем-то другом, но забыл — о чем, заболтавшись с Веертом, который только что пришел домой.

Только что узнал от него, что госпожа Даниэльс тоже вызывается в качестве свидетельницы защиты. Tant mieux.⁴ Дело с протоколами кончится отлично. Се раувре⁵ Бермбах, повидимому, также немедленно и без долгих разговоров был посажен на скамью подсудимых; и чего только они хотят от этого несчастного!

Твой Ф. Э.

¹ это освобождает тебя от всяких обязательств по отношению к нему.

² заказное письмо. ³ уголовного кодекса. ⁴ тем лучше. ⁵ бедный.

224.

28, Deanstreet, Soho, 2 ноября 1852 г.

Дорогой Фредерик!

Получил твое письмо вместе с 5 фунтами ст.; 10 шиллингов отдал Дронке.

Теперь мы можем, уже не стесняясь, открыто переписываться по нашим настоящим адресам. В субботу (30 октября) адвокаты получили множество документов, в воскресенье — второе письмо из Франкфурта, вчера — мое последнее письмо с заявлением магистрату. Сегодня я отослал заказным письмом прямо к Шнейдеру II появившееся в сегодняшнем номере «Morning Advertiser» заявление, не оттого, что оно нужно еще теперь, а для того, чтобы показать прусскому правительству, что мы имеем средства заставить его почту быть добропорядочною, и в противном случае — разоблачить ее перед лондонскою публикою.

Адвокаты получили все необходимое своевременно, а именно *до составления обвинительного акта*. В настоящее время я полагаю, что *больше нечего* посылать в Кёльн, если только процесс не затянется вследствие нового инцидента и не потребует с нашей стороны нового вмешательства.

Прилагаю письмо Имандта Клусу, в котором содержатся подробности о мошеннических проделках Кинкеля-Виллиха. У меня до сих пор не было времени прочитывать это письмо, и я ограничился тем, что дал его Пиперу переписать для тебя. В прошлую пятницу оно отправлено в Вашингтон.

Купец Флери в Сити заявляет, что он может доказать, что Виллих-Кинкель предлагали ему и другим купцам купить билеты займа. Теперь этот шарлатан Виллих живет за счет русского эмигранта Герцена.

Как мне вчера сообщил Фрейлиграт, Кинкель перед своим отъездом в Манчестер опять усиленно заискивал в качестве нищего, красная и учителя перед массой городских гласных, купцов и т. д.

Что касается ложно приписанной мне записки, то мне недостает только *адреса Моисея Гесса*, который проживает в Лютихе. Я напишу ему следующее: «Объясни мне, кому ты отдал катехизис и кто его отправил в Германию, иначе я объявлю тебя в «Independence» фальсификатором». Моисей даст объяснение, и если на этот раз окажется, что не полиция, а Кинкель-Виллих подделывали мой почерк, то я привлеку их к здешнему суду за подделку чужого почерка.

Не забудь прислать мне конец статьи для Дана. В четверг собирается парламент. Статья уже теперь несколько устарела. Но *после* пятницы она потеряет всякую ценность.

Наилучший привет Веерту и Штрону.

Твой К. М.

Купец Флери далее показывает, что Виллих почти *каждую неделю* вымогал у него и у его английских друзей *фунты* под предлогом помощи эмигрантам. Теперь уже ясно, что Виллих-Кинкель резко отказывают всем эмигрантам, заявляя, что они не получили ни сентима для таких целей. Виллих говорит им, что у него самого нет хлеба; Кинкель, растроганный, показывает им своих детей и, в лучшем случае, дарит им старые жилеты Юлиуса, уехавшего Шурца или своей собственной священной персоны.

225.

Лондон, 4 ноября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Сегодня я должен продиктовать тебе несколько слов, так как проклятый геморрой не дает мне сидеть.

При сем письмо от Шнейдера, полученное вчера вечером, и письмо Кольмана к Баниа, которое я прошу мне послать обратно.

Ты видишь, что Семере хочет получить обратно свою рукопись.

Фезе рассказал мне вчера, что Веерт вызвал его в Лондон, перепутав срок, по поводу чего я дал надлежащие объяснения.

Твой К. М.

Сердечный привет от секретаря, супруги Маркс.

Кошут мечет против Маркса громы и молнии за то, что он сообщил о его заигрываниях с Бонапартом, его кузеном и т. п. Дана, который составил из этих заметок громовую статью.

226.

Пятница [5—6 ноября 1852 г.]

Дорогой Маркс!

Мне приятно узнать, что я не один страдаю. Третьего дня и вчера здесь был Штрон, конечно было изрядно выпито, он ушел от меня сегодня в 3 часа утра и, надо надеяться, сегодня сел на корабль. Это совершенно доканало меня, и я сегодня никуда не гожусь. По той же причине ты сегодня не получишь перевода. Но это, впрочем, не беда, так как имеется соуотгемптонский пароход, с которым эта вещь может быть отправлена, а раньше 11-го в парламенте не будет даже тронной речи.

Итак, документы благополучно прибыли, в том числе и письмо Штибера в оригинале. Теперь дело пойдет весело, как только благородный прокурор закончит. Даже при самой напряженной тяжелой работе мысли нельзя было бы произвести на свет что-либо более не-

лепое, чем сказанное Зеккендорфом. Бюргерс должен быть обвинен в заговоре за то, что Энгельс где-то напечатал, что лучшие коммунисты были и самыми храбрыми солдатами. В числе поставленных вопросов фигурирует также вопрос о том, имел ли подсудимый определенные намерения — так сказать, suspect ли он de suspicion d'incivisme¹ — и потому совершенно безразлично, является ли подсудимый членом Союва или нет, — итак, господин Зеккендорф, отчаявшись в обвинении Даниэльса и К^о, прямо требует от присяжных оправдания также для Бюргерса и Резера! Должно быть, этот молодец тянул крепкий brandy and water,² по меньшей мере, восемь ночей под ряд, прежде чем у него могло так перепутаться в голове. Да и во всей этой мавне нет ни одного слова to the purpose.³ Вообще, с тех пор, как председатель огласил список вопросов, я уже более ни одной минуты не сомневаюсь в оправдании также Бюргерса и т. д. Жалобный манифест Бюргерса и его турне невозможно превратить в «предприятие», имеющее целью ниспровержение государственного строя и т. д. Или же в анналах истории должно быть записано: В мае 1851 г., когда в Лондоне открылся «Стеклянный дворец», портной Нотьюнг отправился из Берлина в Лейпциг с целью ниспровергнуть прусский государственный строй и начать гражданскую войну. Кроме того «Протоколы» отвергнуты, и, как утверждает Штрон, среди присяжных фон-Рат, фон-Бианко, Левен, Лейден, Герштадт и еще один благоприятно расположены.

Судя по теперешнему ходу дела, я полагаю, что мы, во всяком случае, должны будем издать кое-что. Но было бы хорошо и даже необходимо, чтобы после процесса в Лондон приехали Шнейдер и один из подсудимых — я постараюсь тогда приехать в Лондон на субботу и воскресенье и, когда мы обо всем переговорим, ты поедешь вместе со мною сюда, и рукопись будет готова в несколько дней. За это время напиши старому Эбнеру, не может ли он пристроить эту маленькую брошюру у Левенталя — я согласен участвовать в прибылях и убытках в половинном размере.

Что касается Баниа, то подозрение против него отпадает само собой, если будет установлено, что он не адресовал предпоследнего письма Котесу. Это известие, которое сообщил мне Др[онке], что Б[аниа] писал адрес на предпоследнем, следовательно на *последнем правильно* дошедшем письме, меня сильно смутило. Но как может этот fièvreux⁴ малый выдумывать подобные истории? История с Кольманом также подозрительна. Это письмо К[ольмана] — *определенно написано тем же почерком*, как и предыдущие эйзермановские. Я завтра отошлю тебе его, но я придерживаюсь того мнения,

что его следует *сохранить*. Il y a là un faux.⁵ Через Веерта мы скоро узнаем, в чем дело с Кольманом. Пока потребуй от Баниа объяснений, каким образом господин Кольман решается подписываться вымышленным именем и т. д., и почему этот «человек» умер и что это был за человек, и как это произошло, что он теперь вдруг оказался в живых. Потребуй также от господина Баниа, чтобы он назвал тебе «комиссионера» в Лондоне, которого он «знает» по одному письму. Пусть Дронке, со своей стороны, примет участие в этом деле и справится у немецкого издателя о Кольмане.

Очень любопытно, что все письма приходят с оказией, никогда на них нет почтового штемпеля, все они написаны в таком легком, бесшабашном тоне, что дело кажется в высшей степени подозрительным. Это письмо опять-таки писано «в гостинице у друга». Это все носит неделовой характер. Очень глупа также его отговорка, что вопрос о том, когда печатать рукопись, касается только его. Если даже Баниа настолько честен, насколько может быть изолгавшийся славянин, то мне во всяком случае кажется, что его друг в Берлине — отъявленный негодяй. Но теперь дело должно разъясниться, так как здесь господин Кольман выступает как владелец рукописи и как издатель. Если не существует издателя с такой фамилией, то дело ясно.

Теория, что издатель может долгие годы держать у себя рукопись, — совершенно новое открытие и не внушает никакого доверия. Историю с детскими книгами я также считаю уверткой. В Англии к Рождеству подобные вещи совершенно не выходят; это так неясно и неопределенно сказано, что Баниа ни в коем случае не мог этого понять как определенное поручение. В гостинице не пишут также на такой грязной бумаге, которая напоминает прусскую контору. Enfin, nous verrons.⁶

Впрочем, я здесь совершенно не могу писать к Баниа, так как я не знаю никаких деталей относительно того, что произошло между ним и тобою, что он тебе сказал, какие, например, он показывал тебе письма и т. д. Но мы теперь держим его в руках.

6-го ноября.

По физическим причинам я не докончил вчера написанного выше. С тех пор я опять прочел в «К[ельнской] Г[азете]» какую-то новую Штибриаду. Итак, «книга оригинальных протоколов» забракована, но зато г. Либкнехт восстал из мертвых в образе денежной квитанции. Господин Гирш и К⁰ — ибо их должно было быть несколько человек — повидимому, изрядно выманили денег у глупых прусских полицейских. Il valait bien la reine⁷ посылать

в Лондон полицейского лейтенанта, чтобы узнать эти небылицы и получить сверх того сведения о *совершенно секретном* заседании у тебя.

Но что это за история с Флери, другом Дронке, которого все здесь прямо и открыто называют полицейским агентом? Это несколько охладит гнев малого против Б[аниа]. Очевидно, кто-то болтал также по поводу письма Штибера, но это не беда. Тот способ, каким Шт[ибер] сам привлекает внимание к этому документу и говорит о «низкой клевете», только усилит эффект.

Веерт в Ливерпуле, вернется только через несколько часов, так что я должен сохранить письма Шнейдера и Баниа до завтра. Бюргерс сознался, что состоял сотрудником «Н[овой] Р[ейнской] Г[азеты]!» Этого, конечно, достаточно, чтобы приговорить его к виселице. Чорт знает, что такое!

Сегодня вечером «Кёльнская газета» принесет, конечно, первое известие о том, что дело приняло новый оборот. Адвокаты поступили очень правильно, что держали все при себе; только бы они теперь подняли шум.

Твой Ф. Э.

¹ подозревается ли он в подозрительном образе мыслей. ² грог. ³ к делу. ⁴ лихорадочный. ⁵ здесь что-то неладно. ⁶ Впрочем, увидим. ⁷ Стоило ли труда.

227.

28, Deanstreet, Soho, 10 ноября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

При сем отчет моей жены о митинге в память Роберта Блюма. Она была вместе с Имандтом в галлерее «Масонской таверны», где происходил митинг.

Что касается истории с Баниа, то сохрани только письмо Кольмана. Если он будет меня о нем спрашивать, то я постоянно буду отговариваться тем, что все забываю просить тебя отослать его обратно. Если бы со стороны Б[аниа] был преднамеренный обман, то он бы сам дал нам улики против него. Одно ясно. Баниа первоначально был обвинен в том, что он выдал парижский заговор, а затем в плутовстве в кёльнском деле. В обоих случаях обнаружилось противоположное. Адрес Котеса, судя по письму Шнейдера, был выдан одним из знакомых самого Котеса. Что же касается нашей брошюры, то, вероятно, Веерт уже предпринял кое-что по поводу адреса Кольмана, и это дело скоро разъяснится. Я дал Баниа письмо к Кольману, в котором я ему заявляю, что его срок выпуска брошюры оговорен в контракте и что контракт не за-

прещает нам печатать оригинал рукописи, которым мы еще владеем, в Брюсселе или Нью-Йорке, если нам это будет угодно. Точно так же контракт не запрещает нам выпустить через две недели вторую часть этой брошюры, уже готовую и представляющую законченное целое, у другого издателя под отдельным заглавием и т. д.

Теперь о кёльнском деле.

На месте Бюргерса я никоим образом не позволил бы, чтобы господин Беккер так бесстыдно выставлял себя как *homme supérieur*¹ за счет всех остальных и, к торжеству демократов, так принизил характер *всего процесса*. Одно дело — защищать себя, а другое дело — сочинять себе апологию за чужой счет. Беккер — один из эпигонов революции, он очень хитер, но не достаточно умен и все рассчитывает, как ему стать великим человеком. Все его таланты — это таланты *d'un infiniment petit*.²

Как ты уже знаешь, правительство в припадке отчаяния прибегло к героическим средствам в последнем показании Гольдгейма, но снова попало в ловушку.

Показание Гольдгейма обнаружило две вещи: «Грейф» и «Флери».

Поэтому я устроил слежку за Грейфом (*для этой цели даже нанял одного прусского шпиона*). Таким путем я добыл его адрес и узнал, что он живет в Кенсингтоне, 17, Victoria Road. Но это — дом господина Флери. Итак, было констатировано, что Грейф живет у Флери. Далее обнаружилось, что Г[рейф] фигурирует здесь официально не в качестве «полицейского лейтенанта», но как атташе прусского посольства. И, наконец, что в субботу, 6 ноября, он уехал отсюда на несколько недель, вероятно в Кёльн. Он сам заявил, что уважает из страха перед «марксистами». Флери, дескать, обманул его etc.

Итак, теперь ясно, что Грейф — начальник Флери, а Флери — начальник Гирша. Так выяснилось все дело.

С другой стороны, в пятницу 5 ноября Имандт и Дронке отправились к Флери с «Кёльнской газетой» в руках. Он, разумеется, разыграл роль изумленного, уверял, что не знает никакого Грейфа, изъявил свою готовность сделать всякого рода заявления перед магистратом, но раньше хотел переговорить со своим адвокатом. Он назначил им два свидания в субботу 6 ноября: одно на 2 часа, другое на 4 часа, но, конечно, не явился и устроил так, что полиция выиграла еще один день, в течение которого мы ничего не могли предпринять, за исключением посылки нескольких предварительных писем в Кёльн. Наконец, в воскресенье 7 ноября Дронке и

Имандт заставили его дать заявление, которое ты прочтешь в «Кёльнской газете». Я пошлю тебе копию с него, которой, однако, я в данный момент никак не могу найти. Имея его заявление в кармане, они сказали ему, что он — шпион, что Грейф живет у него, что мы все это знали и играли с полицией, в то время как она думала, что играет с нами. Он, конечно, продолжает клясться в своей невинности.

Наконец, я послал молодцов, между ними спившегося генерала Гервега, разыскивать квартиру Гирша. Оказалось, что он живет недалеко от Флери, также в Кенсингтоне.

Еще одно, прежде чем продолжать дальнейший рассказ. *Все показание Гольдгейма* станет тебе очень ясным, если ты примешь во внимание: 1) что 30 октября (в субботу) Гольдгейм был здесь и вместе с секретарем прусского посольства Альберт[с]ом отправился к Грейфу; 2) что утром того же 30 октября в пяти английских газетах появилось наше заявление о предстоящих разоблачениях; 3) что на то же 30 октября Флери назначил свидание Имандту и Дронке, так как Дронке должен был взять от Имандта его французский урок (у Флери); 4) что еще до того, как Штибер сделал свое второе показание на допросе с разоблачениями о Лондоне, я сейчас же после его первого допроса по поводу Шерваля и т. д. послал заявление в «Кёльнскую газету», «Франкфуртский журнал» и «Национальную газету», в котором уже угрожал Штиберу опубликованием его письма ко мне. Правда, это заявление не появилось ни в одной из газет, но несомненно, что почта и полиция обратили на него внимание.

Так весьма прозаически объясняется «ясновидение» Штибера и всеведение его полицейских агентов в Лондоне. Все остальное, сказанное Гольдгеймом, — были *fabulae*.³ Необходимые разъяснения об этом я послал в Кёльн различными путями вместе с заявлением Флери.

Но тут-то начинается самое интересное.

Разумеется, моей целью было получить приказ об аресте Гирша, для чего я и выследил его квартиру. Но я получил адрес только в субботу. Я был уверен, что если буду иметь приказ об аресте Гирша, последний впутает в дело Флери, а Флери — Грейфа.

Что же произошло? В пятницу Виллих, под большим секретом, отправляется с Гиршем в присутствии Шертнера в магистратуру на Bowstreet, заставляет Гирша дать показания в документе, изготовленном в трех экземплярах, что он и Флери приблизительно полгода тому назад сфабриковали подложные протоколы, посылает эти три документа: 1) Гебелю, председателю суда, 2) Шнейдеру и 3) в

«Кёльнскую газету» и дает Гиршу деньги для того, чтобы он мог *скрыться*, даже сам усаживает его на пароход, якобы для того, чтобы он мог лично дать свои показания в Кёльне.

Мы узнали об этом только из слежки, установленной нами за Гиршем, и отчасти на Bowstreet, где мы хотели раздобыть приказ об аресте. Шаппер сам рассказывает Либкнехту, что Виллих *ни одного слова* не сообщил ему обо всем этом. Так господин Виллих вырвал у нас из рук основание для процесса, который мы хотели устроить в самом Лондоне! Для какой цели? Это очень просто, если взвесить, что уже в течение года он был *homme entretenu*⁴ купца Флери и что, *во всяком случае, обнаружались бы очень компрометирующие вещи, если бы мы добились ареста этого Флери.*

Как высоко вообще ценят демократы этого Флери (я никогда не видел его): *Техов, при своем отъезде в Австралию, написал ему уже с парохода письмо, в котором уверял его в высоких качествах его ума и сердца.*

Деньги, которые Виллих дал Гиршу для отъезда, он, *наверное*, сам получил от Флери для этой цели.

Гирш сознался, что он пытался подделать почерк Либкнехта и работал под руководством купца Флери (этот подлец *богат и женат* на девушке из очень *респектабельной* английской квакерской семьи) и что Флери сам был подчинен Грейфу. Так подтвердилось абсолютно все, что я заранее вывел на основании изложенных в «К[ёльнской] Г[азете]» протоколов и чего до сих пор ни один из адвокатов не использовал надлежащим образом.

По-моему, не подлежит никакому сомнению, что кёльнские подсудимые *все* без исключения будут оправданы.

Пожалуйста, напиши Штрону, что он очень обяжет меня, если *немедленно* пришлет несколько фунтов. Из 4 фунтов 10 шиллингов, полученных мною через тебя, около 3 фунтов потрачено на беготню, шпионов и т. д. Конечно, наши бедные друзья по союзу воспользовались хлопотами, многочисленными свиданиями для того, чтобы потратить немалую сумму на *faux frais de production*,⁵ т. е. на пиво, сигары, омнибусы и т. д., что я, разумеется, вынужден был покрыть.

Стихотворения Фрейлиграта ты получишь.

А ргоров. Рейхенбах послал *литографированное объявление* во все американские газеты, что было не на руку Виллиху-Кинкелю. Отсюда следует, что Кинкель, между прочим, взял только для своего путешествия 200 ф. ст. Я добуду этот документ и передам в архив.

Твой К. М.

Фезе уехал вчера. Я уже написал во Франкфурт о нашей брошюре. Если мы не напишем, Беккер использует всю эту историю «ad majorem gloriam Beckeri».⁶

¹ главное лицо. ² бесконечно маленького человека. ³ сущие басни. ⁴ состоял на содержании. ⁵ излишние издержки производства. ⁶ для вышней славы Беккера.

228.

[Энгельс — Марксу.]

[Около 12 ноября 1852 г.]

Не забудь *обратной почтой* прислать мне экземпляры стихотворений Фрейлиграта по поводу Кинкеля. В Брэдфорде уже имеются люди, которые хотят ему предложить прочитать их.

Гирш, вероятно, еще здесь, во всяком случае он *определенно* был здесь на прошлой неделе, когда я его видел в «Атенеуме». Другой парень, похожий на него, как две капли воды, был тоже здесь и вначале сбил меня с толку. Не знаю, служит ли он здесь, или ищет службы? Впрочем, когда ты тут был последний раз, нам как-то повстречался какой-то человек в Броутоне, который крикнул; «Здравствуй, Маркс!» Мы не могли тогда сообразить, кто это: это был Гирш. Парень, следовательно, путешествует с художественными целями. Как только процесс кончится, надо будет его поколотить.

Ф. Э.

229.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 16 ноября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Если сможешь, напиши к пятнице статью для «Трибуны» о кельнском деле. Теперь ты не хуже меня ознакомился со всем материалом, а я вот уже 4-5 недель из-за public business¹ так забросил свои домашние дела, что на этой неделе, при всем добром желании, еще не смогу работать.

Ты мне не сообщил, получил ли ты посланный тебе на прошлой неделе рейхенбаховский циркуляр?

Сегодня вечером будет обсуждаться заявление о кельнском деле для английской прессы. Вряд ли останется время прислать его для пересмотра. Но если ты его напишешь и пришьлешь сюда еще к *четвергу утром*, то это будет очень хорошо.

Твой К. М.

Привет Веерту.

К митингу Руге от 9-го Кошут-Мадзини объявили себя больными. Зато они появились 10-го у «Friends of Italy».² Ледрю [-Роллэн] даже не извинился.

¹ общественных дел. ² Союза друзей освобождения Италии.

230.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 19 ноября 1852 г.

Дорогой Энгельс!

В прошлую среду Союз, по моему предложению, *распустил себя*, а также *объявил несвоевременным* дальнейшее существование Союза на континенте. Вообще, на континенте он фактически уже не существует со времени ареста Бюргерса и Резера. При сем заявление для английских газет и т. д. Кроме того я пишу литографированную корреспонденцию с подробным изложением *полицейских безобразий*, а для Америки воззвание о пожертвованиях в пользу арестованных и их семейств. Казначеем является Фрейлиграт. Подписано всеми нашими.

Твой К. М.

231.

27 ноября 1852 г.

Дорогой Маркс!

На расходы по печатанию брошюры я могу достать тебе, самое большее, 2-3 фунта ст. — в настоящий момент я сам без денег. Но три печатных листа — это потребует 10-12 фунтов, а с брошюровкой и т. п. еще больше. Если вещь не будет напечатана на континенте за счет или, по крайней мере, при участии издателя, из этого ничего не выйдет. По получении ее в Пруссии, она будет конфискована и издатели нас надуют. Таким образом, мы должны будем считать, что мы пожертвовали наши деньги на это дело, ибо в смысле фунтов, шиллингов, пенсов и т. д. это, наверное, ничего не даст. Теперь спрашивается, в состоянии ли мы в настоящее время затратить эту сумму; не лучше ли сократить вещь до 1-1½ печатных листов, дабы расходы несколько больше соответствовали нашим силам? Декабрь и январь самые трудные для меня месяцы в году; раньше февраля я вряд ли смогу думать о дальнейших платежах на покрытие расходов. Если же мы будем печатать в кредит, то типограф, в конце концов, задержит у себя экземпляры до уплаты ему денег, как то было с Вейдемейером. Мы, во всяком случае, должны заранее определить приблизительные возможности распространения; пока я почти не вижу такой возможности.

Веерт приедет завтра в Лондон, 2 декабря он отплывает из Соутгемптона. Его outfit¹ в путь обошлось ему очень дорого. Штрон

тоже отправляется на этих днях в Лондон, а оттуда — на континент. При больших путевых расходах, вызываемых его делом (которое к тому же, как я слышал, ведется с чужим капиталом), из него тоже ничего нельзя будет выжать. Так мы все сидим на мели.

Я полагаю, что если ты не имеешь верных путей для распространения через издателей, то эта вещь даже не станет известною и пройдет бесследно, как вся издающаяся в эмиграции литература, в Германии же ее никто и в глаза не увидит. И это очень плохо, в некотором отношении даже хуже, чем если бы она совсем не появилась. Ибо это доказало бы публично, что мы ограничены в своей деятельности заграничной подпольной немецкой прессой и ничего не можем сделать. От скандала, связанного с циркуляром Бюргерса, мы могли бы спастись, ссылаясь на нашу таинственную литературную позицию, но и она может быть скомпрометирована подобным признанием нашего литературного бессилия. Прусское правительство будет радоваться, видя, что наши публицистические возможности сведены к тем, которые имелись в распоряжении демагогов в изгнании в 1831 году и почти равняются нулю. Печально, что это так, но я полагаю, что лучше будет, если хоть *мы* сами не будем звонить об этом во все колокола. Даже в Рейнскую провинцию, где должен был бы быть наибольший сбыт, мы не сможем доставить ни одного экземпляра, не компрометируя сотни людей, с тех пор как тамошний суд присяжных установил новое преступление: переписку, имеющую характер государственной измены.

Я пошлю тебе деньги 1 или 2 декабря, поразмысли еще раз об этом деле, и если ты найдешь, что все же лучше печатать брошюру таким способом, чем не печатать ее вовсе, то постарайся устроиться, по крайней мере, так, чтобы мы не попали в затруднительное положение с платежами, ибо, как я уже сказал, до февраля я не могу взять на себя никаких обязательств.

Веерт, может быть, писал уже тебе, что господина Хр. Кольмана нельзя найти по указанному адресу 58 или 59 Neue Königsstrasse и вообще в Берлине, и что никто не знает издателя с такой фамилией. *Après tout, il paraît pourtant qu'on a voulu nous jouer.*² Господин Баниа теперь пока ничего не получит от меня обратно. В конце концов, оказалось, что «коммивояжер» Шульц и умерший полицейский чиновник — одно и то же лицо.

Наилучшие приветы твоей жене и детям. Недели через две с небольшим я буду в Лондоне.

Твой Ф. Э.

¹ снаряжение. ² Очевидно, все-таки, что нас хотели надуть.

232.

Манчестер, понедельник 29 ноября 1852 г.

Дорогой Маркс!

Работа над прилагаемой статьею затянулась до часа ночи, но завтра утром в 9 часов уходит еще одна почта. Я хочу убедиться, получишь ли ты еще во-время к пароходу (во вторник вечером, первую почтою в Ливерпуль) высланную тебе статью, в противном случае ты должен будешь послать ее пароходом в пятницу.

Завтра я должен ехать за город; если возвращусь обратно достаточно рано, то пошлю тебе деньги. Скоро ли получу статью об Англии для «Трибуны»? Я теперь опять могу работать.

Кобден в своих надеждах на министерский портфель был, по-видимому, разочарован Грэхемом и Росселем; они, очевидно, холодно отвергли его, иначе я не могу объяснить себе его ярость в пятницу. Со времени 1844 года он не говорил столь свирепо. He is a disappointed demagogue again,¹ покамест эта история будет длиться. Вообще же хорошо, что тории получили большинство, теперь-то мы, наконец, познакомимся с бюджетом Дизраэли. Если бы этот молодец имел побольше знаний и ума и поменьше лукавства и воровских наклонностей, то не было бы ничего легче, как смастерить для freetraders² freetrade budget,³ от которого у них в глазах потемнело бы. Пусть только эти молодцы продержатся до наступления кризиса. Мы décidément⁴ находимся в периоде excitement,⁵ хотя оно идет еще очень piano, piano.⁶ Но все равно, шесть столбцов объявлений joint-stock⁷ в сегодняшнем номере «Daily News», (по части объявлений эта газета уже надеется превзойти «Таймс») и, кроме того, еще 50-80 иностранных обществ железнодорожных, горных, пароходных и т. д. не преминут оказать свое неизбежное действие. Страсть к «наживе» не проходит. К счастью, устранено единственное обстоятельство, которое могло преждевременно прервать перепроизводство в хлопчатобумажной промышленности; новый урожай *превышает три миллиона кил*; такого урожая еще никогда не было, и хлопок опять падет в цене; итак, в сырье недостатка не будет. Теперь хорошо бы еще в будущем году иметь плохой урожай на зерно, и тогда-то начнется настоящая музыка. Без этого трудно сказать, наступят ли уже в будущем году решающие события, принимая во внимание ненормальные условия: растущие, как грибы, австралийские и калифорнийские рынки, где каждый индивидуум потребляет приблизительно в четыре раза больше, чем в другом месте, ибо там почти нет женщин и детей и в городах тратится масса золота;

новый рынок, который калькуттские торговые дома уже эксплуатируют в Бирме; расширение (я очень значительное) торговли Бомбея и Каррачи с северо-восточными областями Индии и пограничными странами, etc.

Твой Ф. Э.

¹ Он теперь снова разочарованный демагог. ² фритредеров. ³ фритредерский бюджет. ⁴ положительно. ⁵ возбуждения. ⁶ медленно, медленно. ⁷ об акционерных обществах.

233.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 3 декабря 1852 г.

Дорогой Фредерик!

Ты уже давно получил бы ответ на письмо (к которому была приложена статья для Дана), если бы я не был вдвойне занят: я диктовал начисто свою брошюру и к тому же визиты Веерта, Штрона, Дамма etc.

По всей вероятности, брошюра будет напечатана в Швейцарии у Шабелица-младшего, который отделился от своего старика и основал собственное издательство. Кроме того Клус может напечатать эту вещь в Вашингтоне, если он надеется таким путем покрыть издержки производства. Вещь *должна* быть напечатана, хотя бы для того, чтобы послужить официальным документом после начала революции. Я сделал еще новые, очень интересные открытия о заговоре Шерваля и т. д., которые, надеюсь, ты прочтешь в печати.

Веерт пришел в воскресенье вечером, нашел меня очень занятым и не в слишком розовом настроении. Он спросил меня несколько надменным тоном, в нос — «Что, собственно говоря, я намерен писать о кельнском деле?» — Я спросил его, «что он намерен делать в Вест-Индии?» — и, спустя четверть часа, он исчез. Во вторник вечером он пришел опять и сказал мне, что он, собственно говоря, не собирался больше приходить, но уступил настояниям Фрейлиграта. В воскресенье я показался ему очень занятым и угрюмым. Я позволил себе обратить внимание господина Веерта на то, что с тех пор как я его знаю, он почти всегда был угрюм и недоволен, чего он не может сказать обо мне. После того как я ему устроил небольшую головомойку, он опять нашел верный тон и сделался опять старым Веертом. Я нахожу, что он чертовски омещанился и слишком au sérieux ¹ принимает свою карьеру. Зато Штрон все тот же, pas trop fin. ²

Господин Баниа получил от меня сегодня следующее письмо:

«Я сегодня получил письмо от Энгельса с очень любопытными сообщениями. Энгельс не писал по указанному вами адресу, так как он находит, что даже ответ на письмо, отправленное не по прямому адресу, а через второе лицо *poste restante*, ³ еще ничего не доказывает.

Но зато Энгельс поручил друзьям навести справки в Берлине. И вот они сообщают ему после самых тщательных исследований: 1) не существует никакой фирмы Кольмана, 2) по указанному адресу 58 или 59 Neue Königsstrasse — никакого Кольмана нет, 3) вообще никакого Кольмана в Берлине нет.

Энгельс далее обращает мое внимание на то, что оба письма, подписанные Эйзерманом, и письмо, подписанное Кольманом, писаны одним и тем же почерком, что все три письма обладают странным свойством в том отношении, что являются простыми записками без почтового штемпеля, что в двух первых выступает Эйзерман, в последнем — Кольман прямо в качестве издателя и т. д. и что под различными предложениями, которые друг другу противоречат, дело затянулось на 7 месяцев.

Я спрашиваю вас самих, как могут быть разумным образом объяснены все эти противоречия, неправдоподобные вещи, тайны в таком простом деле, как издание брошюры, после того как Кольман оказался такой же мистификацией, как прежде не существовавший издатель «Konst[itutionelle] Z[ei]tung» — Эйзерман.

Под этикеткой «доверие» нельзя отделаться от фактов, и люди, уважающие себя, не предполагают друг у друга слепой веры.

Я сознаюсь вам, что при самом лучшем желании я все же принужден считать эту историю, чем больше я ее со всех сторон рассматриваю, подозрительно неясной и что я, если бы не питал к вам личной дружбы, принужден был бы согласиться с заключением письма Энгельса: *Après tout, il paraît qu'on a voulu nous jouer.*⁴

Ваш и т. д. Маркс.

P. S. Энгельс, наконец, обращает мое внимание на то, что даже абсолютно ничего не было бы доказано и нисколько не подвинуло бы дела, если бы упомянутая рукопись опять на несколько дней очутилась в Лондоне. Что бы это могло доказать, кроме существования и тождественности документа, которого никто не оспаривает?»

Завтра мы увидим, что ответит господин Баниа.

Медовые месяцы правления Бонапарта прелестны. Этот подлец всегда жил в долг. Стоит только сделать ссудные кассы во Франции, по возможности, всеобщими и доступными всем классам Франции, — и все подумают, что наступило тысячелетнее царство. Кроме того еще отдельный банк для *stock jobbery*⁵ и *railway humbug*.⁶ Этот подлец всегда остается верен себе. Рыцарь промышленности и претендент на престол нисколько не исключают друг друга. Если он не начнет войны и притом как можно скорее, он погибнет от финансов. Хорошо, что прудоновские планы спасения реализовались в единственной форме, в которой они практически осуществимы — в форме кредитных мошенничеств и более или менее прямого обмана.

Я очень радуюсь твоему приезду сюда.

Твой К. Маркс.

¹ всерьез. ² без чрезмерных претензий на тонкость. ³ до востребования.

⁴ В конце концов, нас, повидимому, хотели надуть. ⁵ спекуляции с акциями.

⁶ железнодорожных мошенничеств.

234.

28, Deanstreet, Soho, 14 декабря 1852 г.

Дорогой Энгельс!

Я все время сопровождал тебе геморроем. На этот раз он протекал в спокойной форме без «коварных» осложнений. В случае крайности, советую тебе прибегнуть к пиявкам. C'est le grand moyen.¹ Деньги получил неделю тому назад.

Из следующей копии письма Шабелица младшего ты увидишь, как обстоит дело с «Равоблачениями о кельнском процессе коммунистов».

Базель, 11 декабря 1852 г.

Дорогой Маркс!

Третьего дня ко мне благополучно прибыла рукопись, и сегодня я уже читаю первый лист корректуры. Брошюра отлично набирается совершенно новым шрифтом и печатается in 16°. О хорошей корректуре мы позаботимся. Вся брошюра будет содержать от 70 до 80 печатных страниц, и я полагаю, что мы можем назначить цену в 10 зильбергрошей за экземпляр, так как одна часть издания (2 000 экземпляров) будет, во всяком случае, конфискована. Главную массу мы отправим в Рейнскую провинцию. Я убежден, что брошюра произведет громаднейший шум, так как это — шедевр. Нас было четверо, когда мы читали рукопись, в том числе двое весьма компетентных людей, которые могут судить об этой вещи (Повидимому, Шабелиц в числе этих компетентных считает и самого себя), и мы единодушно в своих похвалах. Нет сомнения, что прусскому правительству эту брошюрою поставлен «памятник». С сердечным приветом партии Маркса

Ваш Я. Шабелиц.

Последняя фраза имеет отношение к тому, что я несколько опасался, как бы Шабелица не остановила резкая критика партии Виллих-Ш[аппера], к которой он сам plus ou moins² принадлежал.

Так как очень важно держать дело в секрете, дабы вещь не была немедленно конфискована на германской границе, то я распространил повсюду слух, что брошюра о кельнском деле выходит в Америке.

Дабы не затруднять тебя в твоём геморроидальном состоянии, я дал Пиперу перевести, — tant bien que mal,³ — предназначенную для Дана критику бюджета Дизраэли и в прошлую пятницу послал ее в Америку.

Прости, что на этот раз не пишу более подробно. У меня адски болит голова.

Твой К. Маркс.

¹ Это — великое средство. ² более или менее. ³ как он сможет.

1853 год.

235.

Манчестер, 11 января 1853 г.

Дорогой Маркс!

Я надеялся вчера, что еще смогу заехать к тебе по пути на вокзал, так как в результате письма, в котором выражалось некоторое недовольство по поводу моего затянувшегося отсутствия и накопившейся здесь работы, я вынужден был неожиданно уложиться и поспешить в *comptoir*.¹ Свои дела в Сити я поворно забросил, и потому должен был закончить их вчера в последний момент. Благодаря этому я выдержался, — и мне не оставалось ничего другого, как *recta via*² уехать, если только я хотел явиться сегодня в контору *at a decent hour*,³ что было необходимо; не будь этого, я забежал бы к тебе вечером, когда обычно собирается вся компания, и в этом случае мне бы пришлось принять участие во всех выпивках у Герингера, Циммермана, Вуда и в других ночных кабачках.

Письма Клуса и т. д., а также американские газеты, лучше всего будет уложить в особый пакет и прислать мне сюда по адресу Э[рмен] и Э[нгельс] через Пикфорд и К^о или Charlin, Hogue & Co, чтобы предприятие платило за пересылку.

Здесь я нашел письмо на довольно хорошем английском языке от Мадье о его патенте, что несколько затрагивает нашу промышленность. Хорошо ли или плохо это изобретение, но он опять полон иллюзии; все-таки постараюсь для него что-нибудь сделать. Если его изобретение *подойдет*, то он может на нем хорошо заработать, так как сбыт почти неограничен. Если ты его увидишь, скажи ему, что я на-днях напишу ему, — а пока очень занят.

Я хотел бы, чтобы некоторые из наших парней действительно получили в Лондоне *plus ou moins*⁴ солидное занятие, так как пьянство усиливается, и кто попадает в эту полосу, то можешь поставить десять против одного, что тот будет пьянствовать тридцать шесть часов под ряд, что дважды уже случалось со мною, к великому удивлению моей сестры.

Весною или в начале лета я опять приеду в Лондон.

Неужели книга от Шабелица еще не получена?

Сердечный привет твоей жене и детям. Кланяюсь также кабацкой банде.

Твой Ф. Э.

¹ контору. ² прямо. ³ во время. ⁴ более или менее.

236.

21 января 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Если только тебе *возможно*, переведи всю прилагаемую стряпню и пошли ее прямо из *Манчестера* (*подписав мое имя*) через Ливерпуль или Соутгемптон, смотря по рейсу парохода, по адресу: «A. Dana. One of the Editors of the New-York Tribune, New-York.»¹ Дело обстоит следующим образом:

Так как я был стеснен до крайности, то я выдал вексель на имя Грили на 20 фунтов стерлингов за десять статей (*включая прилагаемую*) и написал ему, что переписчики еще не совсем закончили переписку статьи (которая должна быть поставлена пятницей). *Она будет отослана ему во вторник*. Я считал ему по 2 фунта ст. за статью, что Дана обещал в своем письме от 16 декабря 1851 года, но до сих пор еще не выполнил (по отношению к current letters)².

Этот еврейчик Бамбергер до сих пор не дал мне ни одного сантима, но *обещал*, и я у него постепенно выжму, по крайней мере, 15 ф. ст. по векселю (прежде чем он придет).

Так как я считал по 2 фунта ст., то прилагаемая статья должна быть отослана *целиком*. История с герцогинею Сутерландскою произведет в Америке шум.

Кстати. Блинд уже дважды требовал книгу Герцена. Поэтому ты должен отослать мне ее обратно.

Теперь 2 часа ночи. Не могу поэтому наклеить марку на письмо и должен отослать его неоплаченным.

Твой К. М.

¹ А. Дана, одному из издателей «Нью-иоркской трибуны», Нью-Йорк.
² текущим письмам.

237.

28, Deanstreet, Soho, London, 29 января 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Получил 3 фунта стерлингов и возвращаю рукопись. Ты должен простить мне, что я так давно не писал. Pressure from without¹ объяснит тебе это.

Виллих отправился в Америку в качестве агента Кинкеля приблизительно две недели тому назад. Госпожа фон-Брюнинг похоронена несколько дней тому назад.

Благодаря неловким маневрам парламентаров Рейхенбаха и Леве и небрежности Имандта 1 000 ф. ст. опять попали в руки господина Кинкеля, и притом таким образом, что деньги положены на его имя в Bank [of] England, и Рейхенбах должен в мае передать ему свидетельство о депозите, если доверенные люди не перерешат вопроса. Решения, которые теперь, конечно, не имеют никакой цены. Господин Баниа уже 3 недели в Париже.

Либкнехт получил очень хорошее место у еврея Оппенгейма. Остальная компания, за исключением Имандта, еще шатается без дела. Брошюра у Шабелица была готова только 11 января. Около шести печатных листов. Но, кажется, он ничего не хочет послать в Лондон, пока благополучно не разошлет вещь во все пункты Германии и не получит оттуда подтверждения о получении.

Господа кельнцы, особенно Даниэльс, продолжают хранить свое достойное молчание. Так они реагируют на то, что в течение четырех-пяти недель мы все были заняты исключительно их делом.

Из прилагаемой выдержки из «Рабочей республики» (редактор Вейтлинг) ты узнаешь, какие ядовитые выпады делает сей король портных и диктатор колонии «Коммуния» по поводу кельнского процесса коммунистов и партии Маркса и К^о.

Вчера я впервые рискнул написать сам статью для Дана *по-английски*. Пипер играет роль корректора и дело пойдет *passablement*,² как только я достану порядочную грамматику и начну неустрашимо писать.

Дважды à propos:³

D'abord⁴ Блинд постоянно напоминает мне о книге Герцена. Вот-вторых: не забудь прислать в следующем письме циркуляр и отчет Рейхенбаха. Дронке это нужно, чтобы начать новую корреспонденцию.

При теперешнем состоянии урожая я убежден, что кризис *will become due*.⁵ Пока предметы массового потребления, *food*,⁶ были более или менее *abundant*⁷ и дешевы, принимая, кроме того, во внимание Австралию etc., эта история все еще могла затягиваться. Но теперь этому наступит конец. Вообще, не странно ли, что, напр., «Экономист», защищая последнее постановление Английского банка об учетном проценте, пишет, что его цель «to prevent the *exportation of capital*». ⁸ Мы отлично знаем, что это должно означать. Но разве нельзя было бы обеспокоить его фритредерскую совесть вопросом: хочешь ли ты также *prevent «exportation of capital»*⁸ в форме

cottons, yarns etc⁹. Почему же тогда в форме of gold? ¹⁰ Неужели freetrade economy ¹¹ кончает тем, что возвращается к mercantilism pur ¹² и усматривает nervus rerum ¹³ в efflux and influx of gold? ¹⁴

В Сити все поверили в войну после последней речи Бонапарта. Я получил также письмо от старого Эбнера из Франкфурта, в котором он сообщает об ужасе, который вызвала свадебная речь Бонапарта среди марионеток в Германии, в частности среди дипломатов во Франкфурте-на-Майне. Какие идиоты наши отцы отечества, я убедился в этом, читая вчера между прочим «Frankfurter Journal», в котором в корреспонденции из Гейдельберга пишут: «В высоких сферах теперь, наверное, уже сожалеют о преследовании великого Гервинуса, с тех пор как Бонапарт бросился в объятия «демократии» и мы накануне войны, имеющей своею целью пропаганду. Я боюсь, что Крапулинский будет встречен немецкими крестьянами и мещанами как спаситель и друг».

Эта нелепая фигура, повидимому, призвана извращать все традиционные позиции и партии и придавать им комический характер.

Какое влияние оказывает плохая осень на начинающуюся войну?

Напиши мне также о положении дел в manufacturing department, ¹⁵ в частности с хлопком.

Газета Джонса снова en ascendant. ¹⁶

Брошюру Кобдена, как и реасе ¹⁷ конференцию в Манчестере, я считаю в настоящий момент чистойшей нелепостью. Вот видите, говорит газета Пальмерстона, «Morning Post», эти буржуазные выскочки совершенно incapables ¹⁸ управлять страной, это умеет делать только аристократия. «Morning Herald» печатает письмо, адресованное ему и написанное, как он утверждает, под диктовку самого Бонапарта, в котором последний говорит, что он приедет в Англию только тогда, когда queen ¹⁹ понадобится 200 000 его героев порядка против грозно усиливающейся демократии. Эта демократия — говорит «Herald», — это вы, господин Кобден, вы и ваша компания.

О «Times» я получил следующие вполне достоверные подробности, которые, быть может, интересуют тебя:

М-р Уолтер, член парламента от Ноттингэма, — все еще конституционный король газеты, все еще principal shareholder газеты. ²⁰ М-р Маубрей Моррис — Lord of Exchequer ²¹ «Times»'а, его financial и political manager; ²² это авантюрист и «reckless» fellow. ²³ М-р Дилейн младший (друг Дизраэли) — secretary for the Home Office. ²⁴ Его отец — издатель «Morning Chronicle». М-р Дэзон — secretary of foreign affairs. ²⁵ Кроме того «Times» имеет a sort of privy council. ²⁶ Наи-

более выдающиеся среди них — это м-р Лоу, член парламента от Киддерминстера, альбинос с красными глазами и белыми волосами, как говорят, очень талантливый и хорошо знает финансовые вопросы. Рядом с ним м-р Генри Рив, занимающий небольшой пост в statistical department ²⁷ министерства торговли и промышленности, поклонник государственных деятелей орлеанистов. М-р Лампон пишет money article, ²⁸ но не имеет, однако, влияния на общее направление газеты.

На основании одного письма Церфи, в Париже все полагают, что в черногорской истории Бонапарт ведет какую-то интригу с султаном против Австрии и России.

Vale faveque.

К. Маркс.

¹ гнет внешних обстоятельств. ² сносно. ³ кстати. ⁴ во-первых. ⁵ теперь наступит. ⁶ пищевые продукты. ⁷ обильны. ⁸ помешать вывозу капитала. ⁹ хлопка, пряжи и т. п. ¹⁰ золота. ¹¹ фритредерская политическая экономия. ¹² чистому меркантилизму. ¹³ корень вещей. ¹⁴ отливе и приливе золота. ¹⁵ промышленности. ¹⁶ переживает период подъема. ¹⁷ мирную. ¹⁸ неспособны. ¹⁹ королеве. ²⁰ главный акционер. ²¹ лорд казначейства. ²² финансовый и политический руководитель. ²³ бесцеремонный парень. ²⁴ секретарь по внутренним делам. ²⁵ секретарь по иностранным делам. ²⁶ что-то вроде тайных советников. ²⁷ статистическом отделе. ²⁸ статьи о состоянии денежного рынка.

238.

11 февраля 1853 г.

Дорогой Маркс!

Ну вот мы и узнали о grande affaire ¹ господ Кошута и Мадзини. Наши сведения здесь очень неполны, но, по моему мнению, завтра или в понедельник мы узнаем, что все окончилось ничем. Милан прекрасное место для уличных боев: мало прямых улиц, и последние между собой ничем не связаны, почти повсюду узкие извилистые переулки с высокими, массивными, каменными домами; каждый из них представляет самостоятельную крепость, со стенами часто толщиной от 3 до 5 футов и более, которые вряд ли удастся пробить; окна rez-de-chaussée ² (почти повсюду) снабжены железными решетками, как в некоторых местах в Кёльне. Но все это им не поможет, они не имеют никаких шансов. После 1849 г. Радецкий велел восстановить опять укрепления старой цитадели, и если они закончены, для чего было достаточно времени, то Милан будет принадлежать австрийцам до тех пор, пока они обладают цитаделью, которая не может быть взята инсургентами без восстания в войсках. Против

распространения восстания в окрестностях говорит то обстоятельство, что нет никаких дальнейших известий из Беллинцоны, откуда тессинцы издавна распространяли по всему миру массу лжи в пользу каждого итальянского движения.

Я считаю всю историю *mal à propos*,³ так как ее единственным опорным пунктом, помимо тирании Австрии *in general*,⁴ является ведь только жалкий вопрос о Черногории, где *après tout*⁵ даже турецкий «порядок» должен одержать верх над черногорским гомеровским варварством. Итак, эти великие диктаторы совсем à la Зейлер поддались на удочку обыкновенных дипломатических приемов и поверили в мировую важность «восточного вопроса»! Ясно, что они при этом рассчитывают на какой-то *windfall*⁶ со стороны Луи-Наполеона, но он, если только не произойдет чего-либо совершенно неожиданного, преспокойно оставит их в беде и будет относиться к ним, как к анархистам. Кроме того можно предполагать, что, как во всех заранее организованных восстаниях, момент выступления был назначен больше в зависимости от жалких местных обстоятельств, чем в связи с решающими событиями.

Мадзини, повидимому, был на месте, иначе не могло быть. Как ни глупы его трескучие прокламации, но все-таки они могут сыграть некоторую роль у напыщенных итальянцев. Но муж неутомимой деятельности, Кошут! *Celui-là est absolument mort après cela.*⁷ В 1853 г. нельзя безнаказанно носиться с подобными смешными претензиями. Как ни нелепа абстрактная страсть к восстаниям Мадзини, но все же он стоит бесконечно выше бравого Кошута, который опять повторяет свою роль в Виддине и из своего безопасного убежища впустую и на ветер декретирует освобождение отечества. Он, действительно, *lâche*⁸ и *misérable*⁹.

Теперь посмотрим, как будут действовать итальянские крестьяне; даже в случае неслыханных и невероятных удач, папаша Мадзини и его буржуа и дворяне могут пережить здесь очень неприятные вещи; и если австрийцы найдут возможность натравить этих крестьян на дворянство, они, наверное, сделают это.

Австрийцы, вероятно, еще имеют в Италии 120 000 человек; я не могу понять, как можно устроить восстание против них без восстания среди самих войск. А в восстание гонимых в *Италии*, даже по приказу Кошута, я не верю; для этого нужны более крупные события, и с помощью трех лет дисциплины и спокойствия австрийцы своею покоркой смягчили не один упрямый гонимый зад.

Вся история кажется мне важной только как симптом; начинается реакция против подавленности, установившейся после 1849 г., и

начинается она, разумеется, в наиболее наболевшем месте. Эта история производит здесь большой эффект, и филистеры начинают говорить в один голос, что этот год не пройдет спокойно. Теперь неурожай *cogn and cotton*,¹⁰ денежные затруднения и прочее, и *pour verrons!*¹¹

Получил ли ты три фунта, которые я послал тебе на прошлой неделе — в четверг или в пятницу?

Твой Ф. Э.

¹ великом деле. ² нижнего этажа. ³ очень несвоевременной. ⁴ вообще. ⁵ в конце концов. ⁶ приятный сюрприз. ⁷ после этой истории он абсолютно мертв. ⁸ труслив. ⁹ жалок. ¹⁰ хлеба и хлопка. ¹¹ мы посмотрим.

239.

23 февраля 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Был *sérieusement*¹ болен. Отвратительный геморрой не давал мне ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Этим объясняется мое долгое молчание, а также то, что я даже не подтвердил получения денег.

Ты видел, что Кошут дезавуирует свою миланскую прокламацию при посредстве американского флибустьера, капитана Майн Рида. А вчера мне Семере пишет из Парижа, что он *определенно* знает, что прокламация *аутентична*. Впрочем, это было ясно и из содержания прокламации. «Leader» (мадзинистского направления) «deems it his duty to caution his readers, that this affair lies entirely between Mr. Kossuth and Mr. Mazzini and that the latter is absent from England».² Заявление Делла Рокка в «Daily News», направленное непосредственно против Агостини, но косвенно также и против Кошута, ты, наверное, уже сам прочитал. *Par nobile fratrum*³ очевидно уже распалось. Кошут не только лжив, но и труслив.

Ты был слишком высокого мнения о Мадзини, если ты верил, что он лично участвовал в миланском деле. В такие критические моменты он уезжает из Англии, чтобы вызвать подозрение, что он присутствовал на театре войны.

Как ни жалка миланская история в качестве финала вечных заговоров Мадзини, и как глубоко я ни убежден, что он лично себе сильно повредил, — я все же уверен, что это событие в общем и целом полезно для революционного движения. А именно благодаря той грубой форме, в которой австрийцы реагируют на случившееся. Если бы Радецкий последовал примеру Страсольдо, если бы он воздал хвалу миланскому бюргерству за его «добропорядочное поведение», изобразил бы всю историю как жалкий путч маленькой

кучки «злодеев» и в знак своего доверия немного ослабил бы вожжи, то революционная партия была бы оскандалена перед всем миром. Но теперь, когда он вводит в полном смысле слова систему ограбления, он превращает Италию в тот «революционный кратер», которого никогда не создал бы Мадзини своей декламацией.

И еще одно. Кто бы из нас поверил, что реакция после всех своих четырехлетних побед, приготовлений и хвастовства будет чувствовать себя столь бесконечно слабой, что испустит настоящий вопль ужаса при первом «путче»? Вера этих молодцов в революцию несокрушима. Они теперь вновь засвидетельствовали перед всем миром, что чувствуют себя непрочно. В то время как «эмиграция» на самом деле совершенно обанкротилась и не в состоянии увлечь за собой ни одной собаки, они устами всех своих правительственных газет растрезвонили по всему миру весть о ее могуществе и создали убеждение, что честные граждане опутаны со всех сторон сетью заговоров.

Ad vosем⁴ Баниа. Он теперь находится в Париже. Теперь у меня в руках имеются доказательства, что сей доблестный муж состоит агентом австрийского правительства. Своего возвращения во Францию он добился ценой принятия тайной должности во французском министерстве полиции. В то же самое время он является в Париже официальным агентом Кошута, желающего получить деньги от Бонапарта. Этот господин, впрочем, плетет в Париже сеть, в которую он сам попадетя. Что касается нашей рукописи, то он продал ее Грейфу, развешавшему под именем «Шульца». Впрочем, оба в свою очередь обманули правительство, заявив, будто они «ухитрились получить» этот «документ» из архива «тайного» общества. Это их техническое выражение.

От Шабелица все еще нет никаких известий, кроме того, что эта штука циркулирует в Германии. Он еще не решается прислать что-либо в Париж из боязни, что французская полиция вскрыет пакет и донесет об этом прусской.

Узнал из *верного* источника, что Ледрю-Р[оллэн] — *mais c'est un secret*,⁵ хотя Наполеон, наверное, знает об этом (так же хорошо, как и я) — недели через три-четыре собирается выступить в Париж. Очевидец рассказал мне, что первые известия о миланском восстании вызвали в Париже большое возбуждение. На улицах были большие скопления народа и т. п., — не для того, чтобы устроить восстание, а для того, чтобы поболтать да потолкаться на улице. В общем здешние французы очень довольны, что господин Мадзини оскандалился со своим «выступлением». Это реванш для них.

Наш призыв к поддержке кёльнцев, состоящий из шести строк, напечатан благодаря стараниям Клуса во всех американских газетах; гимнастические общества встретили повсюду наш призыв с сочувствием. Nous verrons.⁶ От наших дорогих приятелей в самом Кёльне все еще ни слуху, ни духу. Вот уж осторожность! Один из них, экс-лейтенант Стеффен, фигурировавший в кёльнском процессе в качестве свидетеля со стороны защиты, приехал сюда и немедленно получил место учителя в заведении Фридлендера. Блинд надоедает мне ежедневно из-за «Герцена», как и Дронке — из-за рейхенбаховского циркуляра. Для Д[ронке] сие важно для того, чтобы иметь возможность под чужим именем завязать сношения с «Volks-halle» в Кёльне.

Что ты скажешь по поводу деятельного участия попов государственной церкви в несчастном движении за 10-часовой рабочий день? Все та же старая игра. В субботу вышлю тебе пакет со всеми оставшимися у меня газетами и письмами Клуса.

Из всех performances little «Finality-John»⁷ последний был самым классическим. Даже «Times» должен был признать, что Johnny excites «mightily little enthusiasm».⁸

Жена Гарни умерла. И г-жа фон-Брюнинг также. С последним [барон А. фон-Брюнинг] я в последнее время состоял в переписке, целиком посвященной Кинкелю и Виллиху. Я тебе уже писал, что Виллих четыре недели тому назад отплыл в Америку.

Salut!

Твой К. М.

¹ серьезно. ² считает своим долгом обратить внимание своих читателей на то, что дело это касается лишь гг. Кошута и Мадзини, и что последнего сейчас нет в Англии. ³ благородное братство. ⁴ По поводу ⁵ но это секрет. ⁶ Посмотрим ⁷ подвигов маленького «окончательного Джона» [кличка лорда Джона Росселя]. ⁸ Джонни вызывает «крайне мало энтузиазма».

[Около 4 марта 1853 г.]

Дорогой Маркс!

Выслал тебе вчера половину пятифунтовика, вторую половину выслал в конверте Дронке. Нахожусь в очень затруднительном положении. В феврале я должен был из-за долгов и т. п. потратить около 50 фунтов ст., а в текущем месяце и следующем должен был выплатить еще 30 фунтов ст. Иначе выслал бы тебе больше. Реформа моих personal expenses¹ становится неотложной, и через неделю или две я покидаю свою квартиру и переселяюсь в дешевые

lodgings;² придется также перейти к более легким напиткам, для того чтобы быть подготовленным к тому великому моменту, когда подводится баланс. В прошлом году, я, слава богу, растратил половину прибыли моего старика в здешнем деле. Когда приближается приезд моего старика, мы перебираемся в хорошие гостиницы, покупаем тонкие сигары и вина и т. д., чтобы импонировать. Voilà la vie.³ Среди здешней публики, как немецкой, так и английской, мосье Кошут окончательно погубил себя своими объяснениями; Мадзини также погубил себя благодаря самому восстанию, а также вследствие отвратительного метода вызывать беспорядки путем убийства отдельных солдат, что вызывает особенное отвращение у англичан. Трудно придумать что-либо более трусливое и подлое, чем эти два письма Кошута. И при этом еще вечные претензии: «I am a plain, honest man».⁴ Впрочем, эти господа должны быть осторожны. Если окажутся хоть какие-нибудь улики, то се cher⁵ Эбердин ни на минуту не постесняется их засадить и предать суду, — а я несколько не уверен, что их оправдают.

Ministry of all the talents turns out a complete humbug.⁶ Джонни мрачнее, чем когда-либо, великий Гладстон — самодовольный умник à la Мевиссен, Эбердин полон дипломатически-торийских реминисценций и типичный придворный, Сидней Герберт, этот апостол Иоанн покойного мессии, Пиля, — совершенно неспособный военный министр; словом, хорошая компания. И при этом все они чувствуют себя не на своем месте, исключая разве старого бесстыдника Пальмерстона, который везде как дома и который, как доказывают мадзиниевские дебаты в обеих палатах, настроен так mutinous,⁷ как никогда. Ведь со времени греческих дебатов, билля о милиции и дебатов об адресе он — de facto leader of the House of Commons.⁸ Занятие этого поста pro forma⁹ бедным Джонни является лишь горькой иронией; что Джонни в этом качестве должен еще получать особое жалование, это уже полное бесстыдство, но каждая новая должность является, разумеется, находкой для обеих партий. С любопытством жду гладстонского бюджета; его заявления о смете и тарифная революция Юма заставляют думать, что он все оставит более или менее по-старому. Это, очевидно, и будет единственным результатом патриотического коалиционного министерства. Между тем факты подкупа из эпохи последних выборов на редкость пикантны и так или иначе сделают необходимым проведение в ближайшей сессии своего рода билля о реформе.

Если к тому времени торговля ухудшится и континент зашевелится, то мы еще переживем много интересного.

Сейчас у меня дома Уркарт, сумасшедший депутат, который считает Пальмерстона наемником России. Дело объясняется очень просто. Человек этот — шотландец кельтского происхождения, получивший саксонско-шотландское образование. По настроению он романтик, по своему образованию фритредер. Он поехал в Грецию в качестве филлаллина, но, повоював три года с турками, уехал в Турцию и стал поклонником этих самых турок. Он обожатель Ислама и его лозунгом является: если б я не был кальвинистом, я мог бы быть только магометанином. Турки, в особенности турки периода расцвета османской империи, являются самой совершенной нацией в мире во всех отношениях. Турецкий язык самый совершенный и благозвучный на земле. Вся эта глупая болтовня о варварстве, жестокости, смешном варварском высокомерии проистекает исключительно от полного невежества европейцев во всем, что касается Турции, и из клеветнических измышлений заинтересованных греческих драгоманов. Если с каким-нибудь европейцем плохо обошлись в Турции, то это по его собственной вине; турки ненавидят не религию и не характер франков, а лишь их узкие штаны. Настоятельно рекомендуется подражание турецкой архитектуре, церемониал и т. п. Автор сам неоднократно получал от турок пинки, но затем он убедился, что сам был в этом виноват. Соприкосновение с европейцами, попытки цивилизации только раздражали турок и дезорганизовали их. Турецкая конституция в своем «чистом виде» — самая прекрасная из всех существующих и стоит почти выше английской. Турки имеют selfgovernment¹⁰ на основании тысячелетнего обычая и согласно Корану. Султан не только не «деспот», но более ограничен, чем the most gracious queen.¹¹ Свобода вероисповеданий существует только в Турции. Классовых различий, классовой борьбы, политических партий в этом раю нет и не может быть, так как во внутренней политике все придерживаются одного мнения. Нигде нет меньшей централизации, чем в Турции. Одним словом — только турки джентльмены, и только в Турции существует свобода.

Против этой-то счастливой страны русский царь интригует при помощи греческих попов, а Англия дает царю водить себя за нос. Англия должна поддержать Турцию и т. д., — словом, все старые и плоские общие места. В общем эта книга очень забавна. Но самое интересное это то, что на этой книге виждется вся политика английских либералов, враждебных Пальмерстону. Так, например, все статьи в «Daily News» по поводу турецких дел являются чистейшим пересказом Уркарта, который qua freetrader¹² пользуется безусловным доверием, хотя он и упрекает англичан в том, что они

своим ввозом губят фессалийскую индустрию. Но у шотландца не каждое лыко в строку.

Очень хорошо, что «Times», хоть и в русских интересах, выступил, наконец, против старой филистерской глупости о неделимости Турции. Глупая «Daily-News», в своей буржуазной ограниченности не видящая дальше своего носа, вопит об измене и не может придумать ничего лучшего, как именно эту старую дипломатическую дрянь. Если эта история еще немного затянется, то все же эти господа вынуждены будут скоро прибегнуть к другим аргументам и прийти к выводу, что только континентальная революция может положить конец всей этой ерунде. С течением времени и самые заядлые филистеры должны будут понять, что без революции ни один вопрос не будет разрешен.

Австрийско-прусская таможенная история — единственный прогресс, достигнутый в Германии. Et encore!¹³ Договор этот загроможден всякими оговорками и заковычками, и в нем множество основных пунктов предоставлено решению будущих комиссий, в то время как действительное понижение пошлин очень незначительно, и из всего этого вряд ли что-нибудь может выйти. Когда разразится великий промышленный кризис, то весь этот торговый договор провалится в общем débâcle.¹⁴

Здесь у нас занимаются только тем, что крадут, ломают себе кости на железных дорогах и взлетают на воздух. Здешнее мещанство потрясено из-за необычайных происшествий последней недели. К счастью, хлопок идет на понижение, так что на бирже ничего не происходит, и публика имеет возможность целиком отдаться обсуждению этих великих происшествий. Прядильни и большинство ткацких фабрик работают еще полным ходом, но в производстве грубого коленкора наступил *полнейший застой*, и начиная с понедельника все фабрики этой отрасли будут работать только по три дня в неделю.

Привет твоей жене и детям.

Дронке получил путевые расходы.

Твой Ф. Э.

Насчет Герцена на этих днях устрою. При этом есть затруднение, которое мешает мне теперь написать моему шурина.

¹ личных расходов. ² меблированные комнаты. ³ Такова жизнь. ⁴ Я простой честный человек. ⁵ этот драгоценный. ⁶ Министерство всех талантов на поверку оказывается чистейшим надувательством. ⁷ бурно. ⁸ фактически лидер палаты общин. ⁹ формально. ¹⁰ самоуправление. ¹¹ все милостивейшая королева. ¹² в качестве фритредера. ¹³ И еще! ¹⁴ крахе.

241.

10 марта 1853 г.

Дорогой Энгельс!

5 фунтов ст. получил. На этой неделе чуть не околел. Схватил воспаление печени или нечто весьма близкое к этому. Это у нас в роду. Старик мой от этого и умер. За все четыре года, что я в Англии, я ни разу не имел припадка, и болезнь, казалось, совершенно исчезла. Но теперь кризис преодолен и даже — что лучше всего — *sans médecin*.¹ Но я еще немного слаб.

Вчера получил следующее «приятное» послание из Базеля:

Базель, 7 марта 1853 г., 9 ч. утра.

Дорогой Маркс!

Только что узнал, что весь транспорт «Разоблачений», в количестве 2000 экз., пролежал 6 недель в деревне по ту сторону границы и вчера арестован при попытке отправить его дальше. Что произойдет теперь, не знаю. Вероятно, прежде всего баденское правительство пожалуется в Союзный совет, затем меня арестуют или предадут суду и т. д. В том или ином случае — великолепнейший скандал. Вот вкратце все, что я могу вам сообщить. Дальнейшие известия получите через третье лицо, если я сам не буду в состоянии писать. Если будете мне писать, напишите на конверте: «Mad. Vrenner-Guégard, magasin de modes, Basles», а внутри на запечатанном конверте специально для меня: «для Жака». Рукопись о государственном перевороте я спрячу в надежном месте. До свидания. Надеюсь вскоре сообщить больше. Пришлите мне надежные адреса. Ваш адрес и адрес Бамбергера, наверное, уже известны.

Ваш Жак.

Ну-с, qu'en pensez-vous, mon cher maître renard?² Думаешь ли ты, что «швейцарец» продал нас прусскому правительству за наличные деньги? Шесть недель он держал транспорт на той стороне границы, в деревне, проявлял аффектированную боязливость, ни слова не сообщил об экземплярах, оставшихся в Швейцарии, не прислал ни одного экземпляра, несмотря на все мои настояния!

При таких обстоятельствах пропадает всякая охота писать. Тоже, подумаешь, удовольствие работать все время «pour le roi de Prusse»!³

Que faire?⁴ «Швейцарец» не должен так легко от нас отделаться. Quant à⁵ Дана, то он *уплатил* по моему векселю. «Славный» Бамбергер дал мне первоначально под него 5 ф. ст., затем заставил меня две недели под ряд рыскать по всему Сити и заплатил остальное только на этой неделе, после того как моя хозяйка стала (буквально) «выть» у меня целыми днями. За это время отослал в «Трибуну» еще семь статей. Завтра пошлю еще одну. Я бы теперь как-нибудь выкарабкался, если бы не эта проклятая dette conso-

idée. ⁶ Но я бы с этим разделался в значительной части, если б этот несчастный швейцарец меня снова не поверг в *péant*.⁷

Мне поэтому необходимо послать Дана длинную статью по поводу «*haute politique*»,⁸ чтобы не дать ему остыть. Стало быть, опять выплывает *détestable question orientale*,⁹ в котором какой-то несчастный янки, живущий здесь, пытается конкурировать со мной в «Трибуне». Но этот вопрос — прежде всего военного и географического характера, а, значит, не моего ведомства. Ты должен, стало быть, еще раз подчиниться неизбежному. Что должно стать с Турецкой империей — для меня китайская грамота. Не могу поэтому дать общей точки зрения.

Только для газетной статьи, — в которой, впрочем, следовало бы самый вопрос обойти, прикрывшись военно-географически-исторической драпировкой, — мне кажутся необходимыми следующие основные пункты, исходящие непосредственно из черногорского вопроса:

1. Несмотря на всю травлю и всю газетную болтовню, восточный вопрос никогда не станет *поводом* для европейской войны. Его все время будут затушевывать дипломатическим путем, пока всеобщая свалка не положит конец всякому затушевыванию и в этой области.

2. *Encroachments of Russia* в Турцию.¹⁰ Аппетиты Австрии, амбиция Франции. Интересы Англии. Коммерческое и военное значение этого яблока раздора.

3. В случае всеобщей свалки Турция заставит Англию стать на сторону революции, ибо здесь для Англии неизбежна коллизия с Россией.

4. Неизбежное распадение Оттоманской империи. Она *d'une manière ou de l'autre*¹¹ попадет во власть европейской цивилизации.

Ввиду данного момента следовало бы еще подробнее остановиться на черногорской истории и на той жалкой роли, которую сейчас официально играет Англия. Султан уступил только потому, что Франция и Англия не обещали своей помощи. В этом вопросе обе страны под маской «*entente cordiale*»,¹² наперебой кокетничали со Священным союзом. Указать еще на то, что господствующая в Англии олигархия должна пасть уже по тому одному, что она стала неспособной играть свою старую роль во внешней политике, т. е. обеспечить английской *нации* главенство над континентом.

Tout ça est très pauvre, mais enfin, il me faut un ou deux articles sur cette question pour tuer mon concurrent.¹³

Твой К. М.

Твой перевод моей статьи о герцогине Сутерланд превосходен. Мне кажется, что я сам недурно писал бы по-английски, если бы

у меня был словарь Флюгеля, грамматика и лучший корректор, чем мистер Пипер.

Пишу сегодня опять на континент. С Шабелицом у меня ничего не выходит. Но, может быть, мне удастся теперь раздобыть столько денег, чтобы моя жена могла спокойно дожидаться того времени, пока мой второй вексель на Дана, который я думаю на этот раз довести до 30 фун. ст., будет послан и вернется назад. В этом случае я, может быть, в апреле прикачу к тебе на несколько дней, *pour restituer mes forces*¹⁴ и чтобы без помехи побеседовать с тобой о создавшихся сейчас условиях, которые, по моему мнению, скоро должны будут привести к *earthquake*.¹⁵

«Morning Post» утверждает, что в Ланкашире рабочие стали работать *short time*,¹⁶ что *prosperity*¹⁷ идет к концу. Как обстоит дело с этим?

Твой К. М.

Дронке до сих пор, — а теперь уже 11¹/₂ ч., — не принес еще 2-го номера. Юноша, очевидно, еще спит.

Эти молодцы просто тряпки. При их лени, неспособности оказывать сопротивление и отсутствию выдержки при каждом *pressure from without*¹⁸ на них нечего рассчитывать. Нам необходимо обновить состав нашей партии новыми силами. Клус хорош. Рейнгард в Париже усерден. Лассаль, несмотря на все свои «но», тверд и энергичен.

Пипер мог бы пригодиться, если бы у него было меньше ребяческого *vanité*¹⁹ и больше *esprit de suite*.²⁰ Имандт и Либкнехт упорны и каждый из них в своем роде полезен. Но все это — не партия. Экс-лейтенант Стеффен, экс-свидетель на кельнском процессе, а сейчас учитель в одном заведении под Лондоном, кажется мне дельным человеком. *Lupus grows from day to day older and older and becomes more snotchety*.²¹ Дронке — «милый бездельник» и остается таким.

¹ без помощи врача. ² что скажешь на это кума-лисица. ³ для прусского короля. ⁴ Что предпринять? ⁵ Что касается. ⁶ консолидированный долг. ⁷ небытие. ⁸ высокой политики. ⁹ проклятый восточный вопрос. ¹⁰ Вторжение России. ¹¹ тем или иным путем. ¹² сердечного согласия. ¹³ Все это очень скучно, но мне необходимы одна или две статьи по этому вопросу, для того чтобы убить моего конкурента. ¹⁴ для того, чтобы восстановить свои силы. ¹⁵ землетрясению. ¹⁶ сокращенное время. ¹⁷ расцвет. ¹⁸ нажмем извне. ¹⁹ тщеславия. ²⁰ последовательности. ²¹ Лупус сильно стареет и с каждым днем становится все чудачковатее.

242.

[Энгельс — Марксу].

[11 марта 1853 г.]

Читал ли ты во вчерашнем номере «Times» или в номере «Daily News» от третьего дня статистические данные фабричного инспектора Хорнера о росте хлопчатобумажной промышленности?

С октября 1850 г. по октябрь 1851 г. — прибавилось:

2 300 лошадиных сил во вновь выстроенных фабриках.

1 400 » » благодаря расширению старых фабрик.

Итого 3 700 лошадиных сил в одном только манчестерском округе и только в одной хлопчатобумажной промышленности. Последующий расчет показывает, что в этот период еще строился ряд фабрик, которые требуют около 4 000 лошадиных сил и теперь должны быть уже готовы. С тех пор, наверное, начали строить еще фабрики на 3 000—4 000 лошадиных сил, из которых большая половина может быть готова к концу этого года. Если с января 1848 г. по октябрь 1850 г., за $2\frac{3}{4}$ года, принять прирост только в 4 000 лошадиных сил, то за время с 1848 по конец 1852 г. паровая сила ланкаширской хлопчатобумажной промышленности увеличилась на $3\,700 + 4\,000 + 1\,500 + 4\,000 = 13\,200$ лошадиных сил. Вся паровая сила хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире составляла в 1842 году 30 000 и в 1845 году (конец) 40 000 лошадиных сил; в 1846 — 1847 годах увеличение было незначительное, и, таким образом, теперь находятся в действии около 55 000 лошадиных сил, почти вдвое больше, чем в 1842 году.

Кроме того водяная сила — около 10 000 лошадиных сил (в 1842 г.), которая мало увеличилась, так как водяная сила уже издавна очень хорошо эксплуатировалась. Отсюда видно, куда девается прибавочный капитал эпохи процветания. Вообще, наступление кризиса не может быть отерочено на долгое время, хотя спекуляцией занимаются здесь пока только в *омнибусах*.

[Ф. Э.]

243.

[12 марта 1853 г.]

Дорогой Маркс!

Статьи ты получишь через несколько дней; я вижу, что я вовремя принялся за Уркарта. К сожалению, это слишком поздно для завтрашнего парохода, так как я едва ли справлюсь в конторе

раньше 8 часов, а мне все же нужна еще некоторая подготовка. Что папаша Дана платит теперь 2 ф. ст. и быстро платит по векселям, это чудесно, а *avec ça*¹ мы, наконец, выпутаемся из затруднительного положения. Я, впрочем, никогда бы не поверил, что ты уже за это короткое время отправил семь английских статей; когда ты приедешь сюда, чему я очень рад, ты в течение недели больше успеешь в английском языке, чем у м-ра Пипера в 6 недель.

Что касается *monsieur*² Жака [Шабелица], то очень возможно, что мальши хочет повторить проделку господина Иенни (на которого он очень похож) с баденским правительством, а именно продать часть издания немецкому правительству, а затем сделать более выгодное дело со второй частью. Я не считаю его настолько подлым, чтобы он был способен все продать. Страх базельского издателя, может быть, имеет основания; базельское правительство не любит шутить и сохраняет добрососедские отношения с Баденом. Прежде всего настаивай на том, чтобы он тебе без малейшего промедления выслал, по крайней мере, несколько экземпляров в пакете посылкой, т. е. по железной дороге, адресовав их прямо в Лондон, или, если угодно, мне, *care of E[ngmen] and E[ngels] Manchester*. Никому не придет в голову вскрыть такой пакет, но если бы даже это случилось, то эта история все равно теперь уже известна. Подозрительно то, что он до сих пор не хотел выдать *ни одного экземпляра*. Разве он не знает ни одного базельского фабриканта, высылающего в Лондон ленты и т. д., которому он мог бы приложить экземпляры?

В ланкаш[ирской] истории «M[orning] Post» нет ничего, кроме того, что я тебе вчера писал. Оба первые в Англии фабриканты пряжи, пользующиеся прядильной машиной, Хонтсворт и Муррей, ответили нам вчера на запрос о ценах, что бесполезно указывать нам цены, так как они имеют уже заказы на долгое время и не могут принимать новых заказов. Эти двое вместе приводят в движение около 150 — 200 000 веретен на мюль-машинах.

На рынке грубой ткани № 6/16 дела, наоборот, идут очень вяло именно из-за истории с *domestics*,³ которые не находят сбыта не только здесь, но и в Америке и в Германии. Конкурирующего с нами янки мы должны уничтожить, прикидываясь всезнайками.

Просмотрю еще несколько книг о Турции, их масса в «Атенеуме».

О *decline*⁴ наших друзей не особенно приятно слышать. «Лучшие из них» в репительный момент опять опомнятся, но неприятно, если эти *citoyens*⁵ приступят к новому делу, ничему не научившись и нисколько не поумнев. Лассаль рядом с Клузом — самый дельный

из всех, особенно с того момента, où les biens du comte Hatzfeld seront irrévocablement réunis au domaine public.⁶ У него есть свои причуды, но зато у него есть esprit de parti⁷ et ambition,⁸ а мелкие его страстишки и личные истории, которыми он всегда будет увлекаться, прикрываясь общественными предложениями, уже заранее известны. Насчет привлечения новых людей я думаю, что, когда мы вернемся в Германию, мы найдем там довольно много талантливых молодых людей, которые за этот промежуток времени не без успеха вкусили от запретных плодов. Если бы мы могли вести в продолжение двух-трех лет научную пропаганду, как мы вели перед 1848 г. с книгами всякого рода, то наши дела были бы значительно лучше. Но это не удалось, а теперь уже гроза разразилась. Ты должен был бы закончить твою Экономиию, тогда мы могли бы ее потом, когда у нас будет газета, печатать еженедельными выпусками, и чего populus⁹ не поймет, то могли бы discipuli tant bien que mal, mais serpendant non sans effet¹⁰ излагать. Это дало бы тогда всем нашим восстановленным к тому времени союзам опорные пункты для дискуссии.

Лучшим доказательством того, как крепко ты сидишь в «Трибуне», служит то, что Дана без ропота соглашается платить по 2 ф. ст. за статью. Есть хорошая сторона в том, что мы единственная из всех партий европейской революции, которая излагает свои дела перед английско-американской публикой. О других янки абсолютно ничего не знают, так как все обращения Кошута имели только один смысл: деньги и интервенция в пользу великого человека Кошута. По следующему векселю Бамбергер даст, конечно, большой аванс, так как первый был очень аккуратно оплачен.

Твой Ф. Э.

¹ таким образом ² господина. ³ грубым коленкором. ⁴ падении. ⁵ граждане. ⁶ когда имения графа Гатцфельда будут присоединены к государственным имуществам. ⁷ партийный дух. ⁸ и амбиция. ⁹ народ. ¹⁰ ученики худо ли, хорошо ли, но не без успеха.

244.

22 марта 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Твоя статья о Турции превосходна. Отослал ее.

Не знаю, читал ли ты в одном из последних номеров «Экономиста» следующую заметку о «value of Turkey»: ¹

«While our commerce with Austria and Russia is either stationary or on the decline, with Turkey it is rapidly increasing. We are not able to state what proportion of our exports may find their way to Austria through Germany, but we

believe it only small. Our direct trade with Austria is absolutely insignificant. Our exports of british products to her Adriatic ports (the only ones she has) were not given separately from those to the rest of Italy till 1846, when they reached 721 981 £. In 1850 they had fallen to 607 755 and in 1851 — had risen to £ 812 942. Our exports to Russia were on the average of 1840 and 1841 — 1 605 000 £, in 1846 and 1847 — 1 785 000 and in 1850 and 1851 — 1 372 000 £. Our exports to the Turkish dominions including Egypt, Syria, Palestina, Moldavia and Valachia have progressed as follows: ²

1840	1 440 592
1841	1 885 840
1842	2 068 842
1843	2 548 321
1844	3 271 333
1845	3 134 789
1846	2 707 571
1847	3 530 589
1848	3 626 241
1849	3 569 023
1850	3 762 480
1851	3 548 591

Our exports are therefore *threefold* those to Russia and nearly double those to Russia and Austria together. ³

Так пишет «Экономист».

В самом английском министерстве идет, повидимому, большая склока по Turkish question,⁴ ибо пальмерстоновская газета «Morning Post» тянет совсем другую песню, нежели «Times».

Дизраэли благополучно смещен с поста leadership great conservative party and ⁵ его место занял Sir John Pakington, a mournful man otherwise. ⁶ За время с 1828 г. партия ториев впервые имеет лидером человека столь же ограниченного, как и ее основная масса.

Ты, конечно, заметил, что при последнем голосовании о clergy reserve bill,⁷ том самом, при котором достойный Россель собственноручно предложил the omission of the third clause proposed⁸ из трех clauses,⁹ им же предложенных, министерство одержало победу лишь голосами консервативного меньшинства. Это плохой знак.

Мадзини уже несколько дней здесь, но пока еще инкогнито.

Что «good¹⁰ Эбердин» весьма не прочь немного пощупать эмигрантов, ты можешь видеть из того, что на прошлой неделе полиция произвела нечто вроде переписи эмигрантов. Группы из 2-3 сыщиков in plain clothes¹¹ обходили все площади и улицы и записывали всякие сведения, собранные преимущественно у соседей или же

содержателей пивных. В некоторых случаях, — так, например, в доме Пульского, который сам сейчас как раз в Америке, — они в виде исключения, под предлогом, будто здесь совершена кража etc., вторгались в самые дома эмигрантов и просматривали бумаги.

Достопочтенный Бартелеми отделался 2 месяцами тюремного заключения. Этот беззастенчивый субъект велел передать Ледрю-Роллану, что он застрелит его как собаку. Ледрю ответил ему, что он никогда не будет стреляться с таким человеком. Б[артелеми] возразил в свою очередь, что если он захочет заставить человека стреляться, то он знает, как это сделать — публичная пощечина, плевков в лицо и т. п. испытанные средства. В ответ на это Ледрю[Роллан] велел ему передать, что в таком случае Бартелеми познакомится с его палкой и с английским судом. Этот Бартелеми решительно хочет стать Ринальдо-Ринальдини эмиграции. Тоже своего рода честолюбие.

Папаша Виллих прибыл в Нью-Йорк. Друг Вейтлинг устроил ему банкет на триста персон, на котором Виллих, украшенный огромным красным шарфом, произнес длинную речь на тему о том, что хлеб дороже свободы, после чего Вейтлинг преподнес ему *саблю*. После этого выступил Вейтлинг и доказал, что первым коммунистом был Иисус Христос и что его преемником является не кто иной, как знаменитый Вильгельм Вейтлинг.

От Шабелица получилось письмо, которое при сем прилагаю. Из него видно, во-первых, что он хотя и не совершил политического предательства, но поступил глупо до бесконечности. Во-вторых, что он, по крайней мере в коммерческом смысле, хотел и хочет меня надуть. Первоначально и по контракту он должен был напечатать только 2 000 экзemplяров. Из его письма следует, что он напечатал больше. На сколько? он и теперь еще не говорит. Одновременно с этим получился ответ д-ра Феддерсена Дронке, который писал ему по этому поводу. Он подтверждает содержание письма Ш[абелица], но в то же время пишет, что, по его мнению, дальнейшему судебному следствию против Шабелица не будет дано ходу. Спрашивается, *как теперь быть?* Прусское правительство хочет совершенно замять это дело, даже дошло до того, что министр иностранных дел поднимает дело против какой-то «Теории коммунизма», будто бы изданной мною в Базеле. Хотят, следовательно, даже название скрыть от публики. *Que faire?*¹²

Шабелиц послал мне два экзemplяра, один прямо мне, другой — Фрейлиграту, за что мне пришлось заплатить всего 15 шиллингов. Хороший *доход!* До сих пор мне еще не удалось вырвать эти

экземпляры у клики. К среде (завтра) надеюсь один из них получить и отослать тебе вместе с пакетом, который уже давно приготовлен для тебя.

Церфи — здесь. Он бежал из Парижа во время облавы на иностранных корреспондентов. Он полагает, что друг Баниа (дела которого, между прочим, повидимому плохи и он опять в мае собирается сюда) выдал его как автора некоторых статей, компрометирующих «Blonde souveraine»¹³ в «К[ёльнской] Г[азете]». Церфи болтун, но о венгерских делах судит более здраво и самостоятельно, нежели большинство венгерских эмигрантов. Это, может быть, объясняется тем, что он по своему происхождению не мадьяр, а «шваб», и не только шваб, но даже сын ганноверского еврея. Его фамилия, наверное, Церф и ее мадьяризировали в Церфи.

Наша публика в Германии — это жалкие безвольные собаки. Ни слова не могли эти молодцы сюда прислать. Ведь читали же они в газетах, что появилась брошюра об их деле. Но они даже не справляются. У них нет ни подвижности, ни подъема. Это просто старые бабы — voilà tout!¹⁴

Вряд ли до тебя в Манчестере дошло забавное сообщение «Nation». Ангел Монтихо страдает в высшей степени неудобной болезнью: она со страстью предается *пердению* и не способна даже в обществе справиться с этим. Сначала она применяла, как средство против этого, верховую езду. Но с тех пор как Бон[апарт] запретил ей это, она дает себе «волю». Ce n'est qu'un bruit, un petit murmure, un rien, mais enfin, vous savez, que les Français ont le nez au plus petit vent.¹⁵

Не знаете ли в Манчестере, что с Веертом?

Твой К. М.

23 марта.

В ответ на наше воззвание, состоящее из трех строк за всеми нашими подписями, вчера по адресу кассира Фрейлиграта прибыло от Вашингтонского гимнастического общества 20 ф. ст. 17 шилл. в пользу кёльнцев.

Шиммельпфениг получил в наследство от г-жи Брюнинг 1 000 ф. ст.

¹ «значении Турции»: ² В то время как наша торговля с Австрией и Россией либо стоит на одном уровне, либо даже идет на убыль, торговля с Турцией быстро увеличивается. Мы не в состоянии определить, какая часть нашего вывоза попадает в Австрию через Германию, но мы полагаем, что эта часть совершенно незначительна. Наша непосредственная торговля с Австрией не имеет абсолютно никакого значения. Наш вывоз британских продуктов в адриатиче-

ские порты Австрии (единственные, которые у нее имеются) до 1846 г. не регистрировался отдельно от вывоза в остальные части Италии; тогда он достигал 721 981 ф. ст. В 1850 г. он упал до 607 755, а в 1851 г. поднялся до 812 942 ф. ст. Наш вывоз в Россию достигал в 1840 и 1841 года — 1 605 000, в 1846 и 1847 годах 1 785 000, а в 1850 и 1851 годах — 1 372 000. Наш экспорт в турецкие владения, включая Египет, Сирию, Палестину, Молдавию и Валахию, рос следующим образом: ³ Таким образом, наш вывоз в Турцию втрое превышает наш вывоз в Россию и почти вдвое — наш вывоз в Россию и Австрию вместе взятые. ⁴ турецкому вопросу. ⁵ лидера «великой консервативной партии» и ⁶ Сэр Джон Пакингтон, человек в общем ограниченный. ⁷ по поводу билля о замещительстве духовных лиц. ⁸ вычеркнуть [третью оговорку] ⁹ оговорок. ¹⁰ добрый. ¹¹ в штатском платье. ¹² Что делать? ¹³ властительницу-блондинку. ¹⁴ вот и все. ¹⁵ Это только ветерок, легкое дуновение, почти ничто, но ведь вы знаете, что у французов очень тонкое чутье.

245.

Воскресенье 10 апреля [1853 г.].

Дорогой Марк!

Возвращаю при сем письмо Клуса. Дело, очевидно, придется оставить в покое до тех пор, пока мы не будем иметь все документы Гирша вместе с его первым объяснением, оставшимся у Вейдемейера (знаешь ли ты что-нибудь о нем?).

История с Баниа неприятна. Впрочем, *au bout du compte* ¹ лучше разделаться с ним теперь, чем после. Как ты мне писал, у тебя теперь имеются полные доказательства против Баниа. К тому же теперь есть и Церфи, который может подтвердить историю с Грейфом. Так как мы теперь знаем, о чем будет речь, то у нас есть время подготовить наш ответ. Я разыщу письма Б[аниа] и мнимого Кольмана. Брошюра, по-моему, может печататься в Америке.

В показаниях Гирша многое изложено совершенно верно, например история с твоим письмом из Манчестера. Но при этом он, конечно, и многое замалчивает или перевирает. Так, например, он забывает рассказать, что он, очевидно не без намерения, поехал вслед за тобой в Манчестер и там вместе с еще одним гулякой встретил нас как-то в воскресенье на Бюри-Нью-Род и громко крикнул, проходя мимо: «Добрый день, Марк!» Ты помнишь, как мы тогда не могли сообразить, кто бы это мог быть. *Ce fut notre cher* ² Гирш. Вспомни также историю с письмом г-жи Даниэльс и с обыском.

Прямо смешно, сколько теперь появилось куперовских шпионов: Шеню, Шерваль, Гирш.

Это хорошо, что Гирш показывает, что Б[аниа] никогда не мог сообщить о тебе ничего, кроме частных сплетен.

Необходимо разузнать о лицах, названных в показаниях Гирша: Ланкоронский — это, очевидно, тот самый «граф Л.», на которого ты указал, как на русского агента, в своей статье о Кошуте-Бонапарте.

Что касается Баниа, то мы совершенно защищены Кошутом и Семере, и так как он имел рукопись Семере, то он мог таким же образом иметь и нашу. Очень хорошо, что мы всегда *сохраняли все*, что попадало к нам в руки.

А ргоров. Дронке ругался недавно из-за того, что не мог получить от меня моментально рейхенб[аховский] циркуляр, а теперь я нахожу его в пакете американских газет, где он по крайней мере десять раз перепечатан. Разве этот лентяй сам не мог его отыскать для себя?

Рoug reveuig.³ Не думаю, чтобы покамест, т. е. до той поры, пока мы в полной мере не ознакомимся с актами, можно было бы предпринять что-либо публично; придется ограничиться подготовительными шагами, между прочим также и расследованием, откуда этот документ взялся, где теперь Гирш и чем он сейчас занимается; в крайнем случае необходима очная ставка с этим молодцом для того, чтобы выжать из него еще одно письменное показание. Историю с Флери по поводу кражи я также немедленно расследую; к сожалению, мой осведомитель, который знает его лично, сейчас заболел. Добудь мне только нужные приметы и т. п.

Присланные мне американские газеты я большей частью сегодня уже перелистал. Кое-что там весьма занятно, но когда получается сразу такая огромная куча, то это очень утомительно и действует одуряюще. Зато очень милы письма Клуса. Как я заметил, «Разоблачения» уже попали в «Н[ово]-Англ[ийскую] газету». Как досадно, что Вейдемейер не дал их и в «Kriminal-Zeitung». Пусть он, по крайней мере, хоть теперь даст основное содержание. Следующим пароходом напиши ему об этом поосновательнее, а то он сам не догадается.

Пачку нью-йоркского «Демократа», в котором Вейд[емейер] печатает свои статьи, я еще не читал; это я оставляю для сегодняшнего вечера.

Между нами говоря, для меня теперь не подлежит сомнению, что Monsieur Баниа выдал адрес Котеса. Хорошо, что никто об этом не знает.

Если история с Гиршем и с Банна станет более запутанной, то у нас будет новая работа, когда ты приедешь сюда.

Как обстоит дело с твоей поевдкой? Я все же надеюсь увидеть тебя здесь, и не позже как в мае.

Мое письмо от пятницы с 3 фунтами стерлингов ты, наверное, уже получил.

Сердечный привет твоей жене.

Твой Ф. Э.

¹ в конце концов. ² Это был наш дорогой. ³ Возвращаюсь к сути.

246.

28, Deanstreet, Soho, 23 апреля 1853 г.

Дорогой Энгельс!

История с Пипером — не выдумка. Баниа опять здесь, а также Штибер и Гольдгейм. *Прилагаемую записку, написанную карандашом, верни мне немедленно обратно.* Qu'en dis-tu? ¹

Теперь снова собираюсь учесть вексель в 30 фунтов ст. на Нью-Йорк. Бамбергер не идет на это, но у меня имеются другие виды. Если из этого что-нибудь выйдет, приеду к тебе на время от 1—7 мая, *supposé*, ² что я тебя не стесню.

Если время тебе позволит, пришли мне до пятницы статью о Швейцарии. Ты об этом писал уже бесконечное число раз, между тем как я не знаю лиц и etc. Но статья эта должна быть без продолжения. *Одной* статьи о Швейцарии совершенно достаточно, принимая во внимание размеры этой страны.

Твой К. М.

¹ Что ты скажешь по этому поводу? ² предполагая.

247.

26 апреля 1853 г.

Dear Frederic! ¹

Боюсь, что из задуманной поездки ничего не выйдет. Бамбергер не может учесть мне вексель, а Фридендер, который было наполовину обещал мне это сделать, теперь *définitivement* ² отказался. Я об этом написал Штрону, но считаю это простой формальностью и сделал это *roug acquit de conscience* ³ и ради моей жены, ничуть не веря в положительный результат.

В корреспонденции, содержащей *первую* статью о турецких делах, я сообщил «Трибуне» о прибытии сюда Мадзини (его друзья это теперь отрицают, но я полагаю, что по его распоряжению). «Трибуна» печатает небольшую передовицу по поводу того, что М[адзини] счастливо отделался и при этом делает следующее замечание: «In this connection we may properly pay a tribute to the remarkable ability of the correspondent by whom this interesting piece of

intelligence is furnished. Mr. Marx has very decided opinions of his own, with some of which we are far from agreeing, but those who do not read his letters neglect one of the most instructive sources of information of the great questions of current European politics». ⁴

Как видишь, мое положение там очень прочно. Получил, кроме того, очень интересное письмо от Клуса с двумя номерами признаний Гирша (они еще не закончены). Не посылаю тебе всего этого, ибо все еще не теряю надежду, что счастливый случай даст мне возможность приехать самому и привезти все с собой. Если я поеду, то извещу тебя, разумеется, заранее. Когда приезжает твой старик, с которым мне не хотелось бы столкнуться? Если Дана, — о чем я его просил уже три раза, — указал бы мне здесь банк, то я, по крайней мере, был бы избавлен от самого худшего. Ad vosем ⁵ Гирша: я сначала разделял твои взгляды, но дело все же обстоит иначе. Штибер и Гольдгейм безусловно здесь для того, чтобы «*служить посредниками*» между «*пороховым заговором*» Кошута и Берлином.

Тот же субъект, который прислал мне анонимную записку, в тот же самый день написал Шертнеру и Герингеру дословно следующее:

Объявление.

Лондон, 21 апреля 1853 г.

Недавно сюда прибыли полицейский советник Штибер и еврей Гольдгейм, долицейский лейтенант, оба из Берлина.

Приметы

Штибера:

Рост: средний (около 5 футов).
Волосы: черные, короткие.
Усы: такие же.
Цвет лица: бледный, помятый.
Носит узкие темные брюки, синий сак, мягкую суконную шляпу и очки.

еврея Гольдгейма:

Около 6 футов.
Черные, короткие.
Такие же.
Бледный, лицо вздутое.
Носит черные брюки, желто-белый сак, черную шляпу.

NB. Оба постоянно ходят вместе, и их сопровождают: *Гирш*, торговый служащий из Гамбурга, и Кюниг, почтовый экспедитор из родного города Вилляха. Штибер и Гольдгейм сегодня совещались с Баниа. Ш[тибер] и Г[ольдгейм] регулярно каждый день между 11 и 3 ч. бывают в прусском посольстве.

Полагаю, что автором сего документа является Анри де-Ласпе, друг и земляк О. Дитца, тот самый уязвленный полицейский, который непременно хотел встретиться с нами во время твоего приезда сюда для дальнейших разоблачений. Ты видишь теперь, как «Гирш»

старается. Нельзя было и выдумать большую неприятность для Виллиха-Кинкеля. Farewell.⁶

Твой К. М.

Что касается фунта, то я каждому дам 10 шилл., так как Пипер, поскольку мне известно, имеет шансы получить свои деньги без процесса. Несчастный тяжело болен сифилисом, при этом живет ему плохо и он слишком легкомыслен для того, чтобы держать себя в руках.

¹ Дорогой Фредерик. ² окончательно. ³ только для очистки совести. ⁴ В связи с этим мы считаем нужным воздать должное замечательным способностям нашего корреспондента, доставившего нам это интересное сообщение. Г-н Маркс имеет свои собственные весьма определенные взгляды, которых мы в известной части далеко не разделяем, но тот, кто не читает его писем, лишает себя одного из наиболее поучительных источников осведомления о великих вопросах современной европейской политики. ⁵ По поводу. ⁶ Будь здоров.

248.

26 апреля 1853 г.

Дорогой Маркс!

Прилагаю статью и фунт стерлингов. Кто бы из обоих претендентов ни пострадал, утешь его, что на будущей неделе получит и он.

Чем скорее ты сам приедешь, тем лучше. Спальня в моем доме уже готова.

Во Франции торговля, повидимому, уже идет на убыль. Особенно сильно уменьшился прямой привоз хлопка из Америки.

Американский экспорт может быть выражен следующим образом:

От 1 сентября до 6 апреля каждого года:

	1853 г.	1852 г.	1851 г.	1850 г.
В Англию	1.100.000	930.000	757.000	592.000
Во Францию	257.000	302.000	246.000	192.000
Во все другие страны . . .	204.000	189.000	163.000	105.000

Так что Франция является *единственной* страной, которая, несмотря на колоссальный американский урожай, получила в нынешнем году *меньше* хлопка, чем в прошлом году, и вряд ли больше, чем в 1851 г., полном политических треволнений, où l'ordre et la société allaient s'engloutir dans le gouffre socialiste.¹ Импорт 1852 г. несколько возрос под влиянием мгновенного эффекта государствен-

ного переворота, а 1853 г. показывает обратную сторону медали. Некоторая часть товаров отправлялась из Ливерпуля в Гавр, но не так много, как в былое время. Но и в других отношениях французская промышленность далеко не процветает. На этот раз дело как будто действительно серьезно и имеет свои корни специально в вытеснении на внешних рынках французских товаров местными продуктами. Колоссальные высылки рабочих в 1851—1852 гг. начинают сказываться; я убежден, что они в особенности содействовали улучшению и расширению английских и американских фабрик «парижских изделий», бронзовых изделий и т. п. В наше время нельзя безнаказанно во имя порядка выбрасывать за границу тысячи пролетариев, это отражается еще чувствительнее, чем раньше. Даже в эпоху полного покоя промышленность должна была бы пойти к черту, благодаря этому непрерывному использованию «заговоров» как *monen de gouvernement*² и вечным высылкам пролетариев; англичане и янки отлично умеют при этом использовать наиболее пригодную часть из них!

Итак, когда ты приезжаешь?

Твой Ф. Э.

¹ когда порядок и общество едва не погибли в пучине социализма. ² средства управления.

249.

[Госпожа Маркс — Энгельсу.]

[27 апреля 1853 г.]

Дорогой г. Энгельс!

Мне страшно неприятно обращаться к вам по денежным делам. Вы нам, право, уже слишком часто помогали. Но на этот раз я не знаю никакого иного спасения, никакого выхода. Я писала Гагену в Бонн, Георгу Юнгу, Клусу, моей свекрови, моей сестре в Берлин. Ужасные письма! И ни от кого, ни от кого до сих пор нет ответа. Значит, больше нет никаких средств. Изобразить вам, что у нас делается, я не в состоянии. Мой муж ушел в Сити к Герстенбергу, — вы можете себе представить, что значит для него такой визит. Пользуясь этим временем, я пишу вам эти строки. Можете вы нам что-нибудь прислать? Булочник заявил, что с пятницы перестанет отпускать хлеб. Вчера его атаку отбил Муш. Когда булочник его спросил: «Is Mister Marx at home?»,¹ он ответил: «No, he ai'nt upstairs»,² и, схватив под мышку наши три хлеба, стрелой умчался наверх и там рассказал все это своему Мавру.

Будьте здоровы.

Женни Маркс,

¹ Дома ли г. Маркс? ² Нет, его нет наверху.

250.

28, Deanstreet, Soho, 27 апреля 1833 г.

Дорогой Энгельс!

Только-что был с Фрейлигратом у Герстенберга. Есть шансы, что к пятнице, если не будет учтен вексель, то я все же получу до него аванс. Со Штроном, of course,¹ ничего не вышло. Таким образом, все еще возможно — и я очень этого хочу, — что я к тебе приеду.

Будь так добр и сообщи с *обратной почтой* следующие сведения, интересующие маленького Бамбергера (этот господин может не сегодня-завтра пригодиться):

о мадаполаме для итальянского рынка	} солидные фирмы для закупки в Манчестере.
о набивном коленкоре для итальянского рынка	
о фирмах, изготовляющих соломенную ткань	

Статью и 1 ф. для Пипера и Др[онке] получил.

Знаю теперь наверное, что мои сведения о пребывании Мадвини в Лондоне были точны.

Гирш был третьего дня у русского консула и в тот же день — в доме Флери вместе с Штибером и Гольдгеймом.

Твой К. М.

¹ само собой разумеется.

251.

Среда [27 апреля 1833 г.]

Дорогой Маркс!

Если ты вообще не можешь сделать ничего лучшего с векселем, то пришли мне его с обратной почтой (до ухода американской почты в пятницу). Я могу инкассировать его через какого-нибудь янки и дать тебе по нему, в виде аванса, фунтов десять, пока получатся остальные — т. е. ты не можешь получить денег до первого мая, но 2 мая ты там *наверное* будешь иметь эти 10 ф. ст. Напиши, можешь ли ты при таких обстоятельствах приехать и, если возможно, привезай; ты тогда сможешь сам послать деньги твоей жене.

Во всяком случае напиши мне, чтобы я при твоём прибытии не был out of the way.¹

Старая библиотека П. Эрмена опять в нашем распоряжении.

Твой Ф. Э.

¹ в отсутствии.

252.

28, Deanstreet, Soho, 28 апреля 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Сегодня снова был с Фрейлигратом у Герстенберга. Он дал мне «запечатанное» рекомендательное письмо к Шпильману на Ломбард-стрит. — Откав. Герстенберг, как один из главных кинкельцев, отнесся, конечно, к этому делу с недостаточным вниманием.

Посылаю теперь этот вексель тебе; вместе с письмами, которые отправляю завтра, он составляет 32 фунта ст. Бамбергер хочет одолжить мне 2 фунта ст. для того, чтобы я несколько шиллингов мог оставить жене, а на остальные поехать к тебе. *Выезжаю в субботу* утром. Завтра невозможно.

Твой К. М.

253.

[Около 18 мая 1853 г.]

Дорогой Маркс!

Бомба, значит, наконец разорвалась, как ты можешь видеть из прилагаемой корректуры и письма Вейдемейера. Надо признать, что манера Виллиха, при помощи которой он пытается выйти сухим из воды, весьма удивительна. Ты будешь, наверное, очень забавляться над его неловкими увертками и над конфузливой нервностью его стиля. Парень глубоко оскорблен. Отец Шрамм, видимо, сильно обидел его в Цинциннати; это во всяком случае было полевно. Ясно одно: в результате *этого* заявления наш рыцарь будет еще больше посрамлен.

Итак, потому, что N[ew]-Y[orker] Kriminalzeitung!!!!!! привела нападки на Виллиха, *потому* сей благородный муж видит себя вынужденным нарушить свое героическое молчание.

«В крайнем случае!» Когда Виллиху для чего-нибудь нужно, тела падают у него не *вниз*, а *вверх*.* Прощай сила тяжести! Этот субъект совершенно рехнулся. И опять эта история с убийством из-за угла! Мы еще увидим, как Шрамм выскочит с объяснением.

Чтобы успокоить тебя, сообщаю, что «Ново-английская газета» известила меня сегодня о высылке 420 экв. «Разоблачений» на мой адрес. Я их, следовательно, получу либо завтра, либо, самое позднее, через неделю, если пакет был выслан с первым пароходом. Эти господа имеют наглость приглашать меня в сотрудники при помощи полу-анонимного письма за подписью «Конторы Ново-английской газеты». Этого еще не доставало!

* Непереводаемая игра слов: Fall по-немецки значит «случай» и «падение».

Во всяком случае хорошо, что мы теперь имеем в лице «Réforme» орган, в котором в случае крайней необходимости можно помещать кое-какую полемику против Виллиха и К^о. Этот скандал все глубже и глубже затягивает его в пучину.

Опечатка Вейдемейера не должна тебя удивлять. Ты ведь знаешь, что он вместо «замечательного» всегда делает «подобное».

Малыш [Дронке] приедет сюда в будущее воскресенье. Любопытно, как он проявлял себя в качестве комми в Брэдфорде. Славный Букуп заставлял его, повидимому, основательно работать.

Прочитал вчера книгу о трех арабских надписях, о которых я тебе рассказывал. Недурная вещь, несмотря на то, что поп и библейский апологет весьма противно проглядывают в каждой строке. Его величайшим триумфом является то, что ему удалось обнаружить у Гиббона несколько ошибок по части древней географии. На этом основании он делает вывод о несостоятельности гиббонской теологии. Книга называется: *The historical Geography of Arabia by the Reverend Charles Forster.*¹

Наиболее интересные выводы следующие.

1) Приведенная в книге Бытия генеалогия Ноя, Авраама и т. д. есть не что иное, как довольно точное перечисление существовавших в то время племен бедуинов по степени родства их диалектов и т. п. Племена бедуинов до сих пор носят такие названия, как Бени-Салед, Бени-Юсуф и т. п., т. е. сыновья того-то или того-то. Такого рода названия, имеющие свое обоснование в условиях патриархального строя, приводят в конце концов к такого рода генеалогии. Перечисление, даваемое в «Бытии», в большей или меньшей степени подтверждается данными древней географии, и новейшие путешественники свидетельствуют, что древние имена по большей части еще продолжают существовать до сих пор, хотя и в форме, измененной местным диалектом. Но отсюда следует, что иудеи являются не чем иным, как мелким племенем бедуинов, которое вступило в конфликт с другими бедуинами лишь в силу местных условий, земледелия и т. д.

2) По поводу великого арабского нашествия, о котором мы говорили раньше, выясняется, что бедуины, подобно монголам, предпринимали периодические нашествия, что ассирийское и вавилонское царства были основаны бедуинами на том самом месте, где позже был ими же основан багдадский калифат. Основатели вавилонского царства, халдеи, продолжают еще и теперь существовать в той же самой местности и под тем же названием Бени-Салед. Ниневия и Вавилон выросли так же быстро, как всего еще 300 лет

тому назад в Ост-Индии гигантские города Агра, Дели, Лагор, Мутан, созданные нахлынувшими туда афганскими или татарскими племенами. В виду этого магометанское нашествие теряет многое из своих отличительных черт.

3) Там, где арабы жили оседло, на юго-западе, они были по всем видимостям таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирийцы и т. д.; это доказывают их постройки. Это также объясняет многое в магометанском нашествии. Что касается религиозного надувательства, то из древних южно-арабских надписей, в которых еще господствует древняя национально-арабская традиция монотеизма — незначительной частью которой является еврейская — (как у американских индейцев), вытекает, что религиозная революция Магомета была, как и *всякое* религиозное движение, в *формальном отношении реакционной*, т.-е. мнимым возвратом к старому, простому.

Что иудейское так называемое священное писание было не чем иным, как записью древне-арабских религиозных и племенных традиций, несколько видоизмененных ранним отделением иудеев от соплеменных им, но еще кочующих соседей, — это мне теперь совершенно ясно. То обстоятельство, что Палестина окружена с арабской стороны пустыней, страной бедуинов, объясняет своеобразный ход ее развития. Но древне-арабские надписи, традиции и Коран, а равно и та легкость, с которой распутываются все генеалогии и т. п., доказывают, что главное содержание было арабского или, вернее, общесемитического характера, как еще у нас Эдда или немецкий героический эпос.

Твой Ф. Э.

¹ Историческая география Аравии. Священника Чарльза Форстера.

254.

Пятница 20 мая 1853 г.

Дорогой Маркс!

При сем новейшее из Америки. У меня есть еще несколько экземпляров «Kriminalzeitung» с твоими и Вейдемейеровскими явлениями. Вышлю их в начале будущей недели, для того, чтобы вы могли их использовать. Один экземпляр оставлю здесь для Дронке и для архива.

Пусть Фрейлиграт будет настолько добр и сообщит Вейдемейеру или Льевру о получении прилагаемых 25 фун. Я уже сегодня не успею написать Вейдемейеру. Каким образом эти молодцы умудрились 125 долларов превратить в 25 фунтов, мне не совсем ясно. По

последнему нью-иоркскому курсу от 4 мая 1 фунт стерл. 54 пенса стоит $109\frac{3}{4}$ цента, так что если считать даже 110 центов, то за 125 долларов следовало получить 25 фунтов 11 шиллингов 4 пенса. Мы, значит, потеряли на курсе по $\frac{3}{2}$ пенса на каждом долларе.

Мой старик написал мне, наконец. Все так, как я ожидал: дескать, ради бога, не устраивай только скандала, подожди, пока я приеду, и тогда я проведу тебя на биржу. Дело идет слишком хорошо, чтобы стоило устраивать большую склоку. Ну, что ж, если папаша ничего не имеет против, то я согласен. *Мне-то* какое дело?

Твой Ф. Э.

255.

28, Deanstreet, Soho, 21 мая 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Вексель в 25 фунтов ст. еще сегодня будет отправлен Фрейлиграту, который тотчас же подтвердит его получение Льевру.

Прилагаю адрес Вольфа, который все еще ворчит.

Я только теперь, впрочем, когда многое было откровенно высказано, убедился, что Дронке играл очень жалкую и лживую роль фигляра и сплетника за мой счет.

Во всяком случае, это единственная деятельность, на которую способен этот самодовольный, ленивый Бланки в миниатюре. Постоянно сплетничая, он так изолгался, что и сам не знает, что он сказал и хотел бы сказать.

Ради бога, *не посылай* мне больше ни одного экземпляра моего или в[ейдемейеровского] заявлений. У меня уже здесь лежит по 14 экземпляров от каждого, полученных мною третьего дня. Было бы важнее, если бы Вейдемейер прислал хоть два или три экземпляра «гиршевских» разоблачений. Так, например, в Швейцарии Шабелицу это очень пригодилось бы в случае процесса. Неизбежная в[ейдемейеровская] опечатка, согласно которой Баниа создает «подобное» вместо «замечательного», — хороша.

В общем, ничего нового. Отослал ли ты Блинду, которого я еще не видел, его Герцена?

«Peoples rare» идет в гору и на ближайшее время материально обеспечена. Джонс созывает массовые митинги на 19-ое сего июня в Блэкстон Эдже, Скэркот Муре, Маунт Сореле, Ноттингэм Форест.

Кстати! Пиперу я мог дать только 10 шилл., так как благодаря неверному расписанию Штрона я прозевал «удешевленный поезд» и должен был ехать 2-м классом.

Напиши мне скорее.

Твой К. М.

256.

Манчестер, 31 мая 1853 г.

Дорогой Маркс!

Вексель на имя Дана уплачен, завтра получаем деньги, которые тебе немедленно и вышлем; сегодня Чарльз дважды пытался его изловить и никак не мог. На курсе придется немного потерять, но, по-моему, меньше, чем в Лондоне.

Пакет с брошюрами также прибыл, завтра отправляю его тебе, сохранив для себя 8—10 штук. Он довольно тяжелый и стоил 1.16 фунтов ст., которые нужно накинуть на продажную цену. Одной пошлины 18 шилл., так что очень хорошо, что пакет был послан на мой адрес.

Малыш [Дронке] был здесь в субботу; он кажется, ведет себя лучше, чем можно было ожидать.

Букуп сказал Штрону, что он им очень доволен и что он быстро привыкает к работе. Я опять читал ему проповедь об аккуратности. В общем же условия работы в конторе Букупа так хороши, как этого можно только желать.

Он уже ведет книги, и если он хорошо будет держаться 3-4 месяца, то он спасен. Штрон опять уехал на континент. Он уехал в субботу. Хорошо, что он первые две недели пробыл там.

Из Америки на этой неделе не получили ничего нового.

Твой Ф. Э.

257.

[1 июня 1853 г.]

Дорогой Маркс!

Прилагаю половину двадцатифунтовой бумажки — P/E 90138. Вторую половину вышлю следующей почтой, ибо у меня нет второго адреса.

Молодец, который инкассировал вексель, уехал на несколько дней, и мы поэтому не можем получить денег. Но для того, чтобы тебе не пришлось ждать, я раздобыл эти 20 фунтов ст. Расчет по векселю произойдет, стало быть, в начале будущей недели.

Проклятый пес отсчитывает нам еще около 18 фунтов ст. за сигары и вино, которые были взяты у него частью Чарльзом для спекуляции, а частью мной для собственного потребления. Так что приходится при этом еще уплачивать долги.

В старом номере «Трибуны» от начала апреля я прочитал вчера твою статью о «Times» и об эмигрантах (с цитатой из Данте). Je

t'en fais mon compliment.¹ Английский язык не только хорош, он прямо блестящ. Кое-где не совсем удачно вплетено несколько ходячих словечек, но это зато все, что можно сказать плохого о твоей статье. Пипера там почти не видно, и я не могу понять, зачем он тебе еще нужен.

Твой Ф. Э.

¹ Прими мое поздравление.

258.

28, Deanstreet, Soho, 2 июня 1853 г.

Dear Frederic!¹

Первую половину 20-фунтовой бумажки получил. Пишу тебе до ухода в Музей, стало быть очень рано утром.

Прилагаемое заявление великого Виллиха в «Ново-английской газете» я бы тебе давно уже выслал, если бы не исходил из того, что Вейдемейер тебе это сам послал. По *характеру* этого второго заявления можно узнать чистопробного настоящего Виллиха. Люди пишут «статьи», а он — «факты», и нужно было быть с ним в личных отношениях, чтобы клевета потеряла свою остроту, ибо этот искусный в партизанских маневрах человек не отвечает за своего Гирша. Он предпочитает разъяснить своей публике мотивы, почему Маркс *не опровергает* его Гирша. Теперь он нашел почву, на которой может проявлять некоторую виртуозность. Сей благородный муж лишь «неохотно» передает факты «гласности». Разумеется, ему было приятнее сообщать их на ушко, под секретом филистерам — своим соседям по пивной скамье — и распространять их в течение трех лет «контрабандным путем» по территории двух полушарий, jurante Kinkelio.² К тому же он прибегает к обычному маневру держать публику в напряженном состоянии. Он забывает факты, которые для него неприятны. Он жаждет фактов, которые должны уничтожить «критических» писателей. При этом этот благородный муж принимает «важный вид», как это подобает «общественному деятелю». Уж если он отвечает, то не грубым «агентам» Маркса, а этим ловким писакам. В заключение он дает понять публике, что его противники так дерзко выступили потому, что они поверили его «решению» удалиться, и этот важный человек возвещает теперь с барабанным боем, что он «изменил» свое решение.

Tout ça n'est pas trop mal pour un vieux sous-lieutenant.³ Что же касается стиля заявления № 2, то как бы он ни был плох, он все же апокрифичен. Дело, повидимому, не обошлось без участия кого-нибудь другого, вероятно madame Аннеке. Во всяком случае

господин Виллих теперь издает необходимое дополнение к брошюре Теллеринга. А раз вся эта дрянь будет преподнесена публике, il faut aller jusqu'au bout.⁴

Если Вейдемейер, Клус и К⁰ будут ловко действовать, то они должны испортить Виллиху всю музыку и лишить сюрприз, который он готовит публике, всякого интереса и новизны. Nous verrons.⁵

Похвала, расточаемая тобой моему «юному» английскому языку, подействовала на меня весьма ободряюще. Мне нехватает, во-первых, грамматической уверенности, а во-вторых, ловкости в тех второстепенных оборотах, без которых, однако, немислимо живо писать. Г-жа «Трибуна» поместила по поводу моего второго письма о гладстоновском бюджете в самом начале номера заметку, в которой обращает внимание публики на «masterly exposition»⁶ и заявляет, что не встречала «nowhere a more able criticism»⁷ и «not expect to see one».⁸ Это all right.⁹ Но в следующем же номере она меня опять срамит самым ужасным образом, присваивая себе твоего «швейцарца», а за моей подписью помещая какую-то мою совершенно незначительную заметку. Я напишу Дана, что мне очень льстит, что он иногда помещает мои статьи в качестве передовых. Но пусть тогда они не помещают моей подписи под совершенно незначительными заметками. Послал этим ослам теперь две статьи о Китае в связи с Англией. Если время тебе позволяет и у тебя есть охота написать о чем-нибудь, — о Швейцарии, Востоке, Франции, Англии, или о хлопке или о Дании, — то пиши время от времени, ибо я теперь хочу сильно поналечь на кошелек этих господ, для того, чтобы возместить убыток от потерянных трех weeks.¹⁰ Если ты время от времени будешь мне присылать что-нибудь — de omnibus rebus¹¹ — то я это всегда смогу пристроить, ибо, как ты знаешь, они считают меня «мастером на все руки», и всегда не трудно любую тему связать так или иначе с темой дня. Πάντα ἐν πάντα.¹²

Что касается иудеев и арабов, то твое письмо имело для меня большой интерес. Впрочем:

1. У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить *общее* взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части.

2. Ко времени Магомета торговый путь из Европы в Азию значительно изменился, и арабские города, принимавшие видное участие в торговле с Индией и т. д., находились в то время в торговом отношении в состоянии упадка, что, конечно, также дало толчок.

3. Что касается религии, то вопрос растворяется в более общем и более легко поддающемся разрешению: почему история Востока *принимает форму* истории религий?

Об образовании городов на Востоке нет ничего более блестящего, наглядного и неотразимого, чем старая книга Франсуа Бернье, бывшего девять лет врачом при Ауренгзебе (François Bernier: «Voyages contenant la description des états du Grand Mogol etc»).¹³ Он также очень хорошо изображает военный быт, способ продовольствования этих огромных армий etc. Об этом он, между прочим, пишет следующее: «Главную часть образует кавалерия. Пехота не так велика, как гласит предание, si ce n'est qu'avec les véritables gens de guerre ils ne confondent tous ces gens de service et de bazars ou marchéz qui suivent l'armée; car, en ce cas-là, je croirois bien qu'ils auraient raison de mettre les 200 000 et 300 000 hommes dans l'armée seule qui est avec le roi, et quelquefois encore d'avantage, comme quand on est assuré qu'il sera longtemps absent de la ville capitale; ce qui ne semblera si fort étonnant à qui saura l'étrange embarras de tentes, de cuisines, de hardes, de meubles et de femmes même assez souvent; et par conséquent d'éléphants, de chameaux, de boeufs, de chevaux, de portefaix, de fourrageurs, vivandiers, marchands de toutes sortes et de serviteurs qui traînent après soi ces armées, et à qui saura l'état et gouvernement particulier du pays, à savoir que *le roi est le seul et unique propriétaire de toutes les terres* du royaume, d'où vient par une certaine suite nécessaire que toute une ville capitale comme Delhi ou Agra ne vit presque que de la milice, et est par conséquent obligée de suivre le roi quand il va en campagne pour quelque temps; ces villes-là n'étant ni ne pouvant être rien moins qu'un Paris; mais *n'étant proprement qu'un camp d'armée* un peu mieux et plus commodément placé qu'en rase campagne». ¹⁴

Описывая поход Великого Могола в Кашемир с армией в 400 000 чел. etc., он говорит: «La difficulté est de savoir d'où et comment peut subsister une si grande armée en campagne, une si grande quantité d'hommes et d'animaux. Il ne faut pour cela que supposer, ce qui est très vrai, que les Indiens sont fort sobres et fort simples dans leur manger, et que de tout ce grand nombre de cavaliers il n'y a pas la dixième, ni même la vingtième partie, qui dans la marche mange de la viande; pourvu qu'ils aient leur kicheri ou mélange de riz et d'autres légumes, sur lesquels ils versent du beurre roux quand ils sont cuits, ils sont contents. Il faut encore savoir que les chameaux résistent extrêmement au travail, à la faim et à la soif, vivent de peu et mangent de tout et qu'aussitôt que l'armée est arrivée, les chameliers les

mènent brouter à la campagne, où ils mangent tout ce qu'ils attrapent. De plus que les mêmes marchands qui entretiennent les bazars dans Delhi, sont obligés de les entretenir dans les campagnes, то же самое — les petits marchands etc... Enfin au regard du fourrage, tous ces pauvres gens s'en vont rôdant de tous les côtés dans les villages pour en acheter et y gagner quelque chose, et que leur grand et ordinaire refuge est de raper, avec une espèce de truelle, les campagnes entières, battre ou laver cette petite herbe qu'ils ont rapée, et l'apporter vendre à l'armée». ¹⁵

Бернье справедливо усматривает основную форму всех явлений Востока — он имеет в виду Турцию, Персию, Индостан — в том, что там не существует *частной собственности на землю*. В этом действительный ключ даже к восточному небу.

Так как, очевидно, с Борхардтом ничего не выйдет, то я все же думаю, что этот господин согласится добыть Лупусу рекомендации к лондонским купцам от Штейнтала и т. д. Это ты можешь заставить его сделать, а для Лупуса это было бы очень важно.

Что ты скажешь по поводу *failure «financial scheme for reducing the national debt»* ¹⁶ «гудибрасца» ¹⁷ Родольфо-Гладстона?

«Journal des Débats» третьего дня выболтал истинный секрет наглости России. Он говорит: «Континент либо должен подвергнуться риску потерять свою независимость благодаря русской опасности, либо пойти на войну, а это означает *«la révolution sociale»*». ¹⁸ Жалкий «Débats» только забывает, что Россия в такой же мере страшится революции, как и мосье Бертен, и что весь фокус заключается в том, кто лучше всех разыграет из себя «храброго». Но Англия и Франция — официальные — сейчас до того жалки, что если Николай упрется, он сможет добиться всего.

Vale faveque. ¹⁹

К. М.

Лассалю написано и он, наверное, согласится взять несколько сот экземпляров для продажи в Германии. Вопрос только в том, как это переправить к нему? Когда я был в Манчестере, Чарльз сказал, что это можно было бы, пожалуй, сделать, отправляя их вместе с товаром. Спроси его еще раз об этом.

P. S. Отправка этого письма задержалась, и я поэтому могу подтвердить тебе получение пакета с книгами и второй половины кредитки.

¹ Дорогой Фредерик! ² клянясь Кинкелем. ³ Все это не слишком плохо придумано для старого подпоручика. ⁴ то нам придется идти до конца. ⁵ По-смотрим. ⁶ мастерское изложение. ⁷ никогда более талантливой критики. ⁸ не

ожидает больше встретить таковой. ⁹ хорошо. ¹⁰ неделя. ¹¹ о чем угодно. ¹² все во всем. ¹³ Франсуа Бернье: Путешествия, содержащие описание государств великого Могола и т. д.». «... ¹⁴ если только они не сваливают в одну кучу с настоящими войнами всю прислугу, всех базарных людей и торговцев, которые следуют за армией. В этом случае они, конечно, правы, оценивая в 200 000 — 300 000, а иногда и больше, армию, идущую за королем, например в тех случаях, когда существует уверенность, что он долгое время будет отсутствовать из столицы. Это не покажется странным тому, кто знает, какое огромное количество палаток, кухонь, платья, мебели, часто даже женщин, а следовательно какое огромное число слонов, верблюдов, волов, лошадей, носильщиков, поставщиков фуража, маркитанток, торговцев всякого рода и слуг такая армия влечет за собой; кто знаком с своеобразным устройством и управлением страны, а именно: с тем, что *король является единственным и исключительным собственником всех земель в государстве*, тот поймет, что необходимым результатом этого является такое положение, что целая столица, как, например, Дели или Агра, живет почти исключительно военной службой и поэтому она вынуждена следовать за королем, если он на известное время отправляется в поход. Эти города меньше всего являются или могут являться своего рода Парижем. Это, собственно говоря, только *лагерь*, построенный несколько лучше и удобнее, чем в степи». ¹⁵ «Трудность заключается в том, чтобы установить, каким образом прокармливалась в пути такая огромная армия, состоящая из такого огромного числа людей и животных. Прежде всего надо принять во внимание, что индусы, — а это несомненно верно, — ведут очень умеренный и трезвый образ жизни и что из всего этого огромного числа всадников десятая, а может быть и двадцатая часть ест мясо во время похода; они довольны, если получают свой «кишери», или смесь из риса и других овощей, которую они в готовом виде обливают желтым маслом. Нужно также знать, что верблюды выдерживают необычайно много работы и переносят необыкновенно хорошо голод и жажду, довольствуются малым и все едят. Когда армия прибывает на стоянку, погонщики пускают их в поле и они там едят, что найдется. Кроме того те же торговцы, которые торгуют на базаре в Дели, обязаны торговать и во время походов. То же самое и мелкие торговцы. Что касается, наконец, фуража, то все эти бедняги шныряют во все окружающие деревни, стараясь там чего-нибудь купить для того, чтобы заработать; кроме того их обычный прием заключается в том, что они чем-то вроде серпа жнут целые поля, сжатое молотят, потом промывают и доставляют в армию для продажи». ¹⁶ провала «финансовой схемы для уменьшения государственного долга». ¹⁷ Намек на комического героя сатирической поэмы С. Бутлера. «Гудибрас». ¹⁸ социальную революцию. ¹⁹ будь здоров и не поминай лихом.

259.

Манчестер, 6 июня 1853 г., вечером.

Дорогой Марк!

Хотел тебе написать сегодня с первой почтой, но конторские работы задержали меня до 8 часов. Оба заявления Вейдемейера и Клуса в «Kriminalzeitung», направленные против Виллиха, ты, наверное, уже получил, а если нет, то напиши мне сейчас же. Папаша

Вейдемейер по обыкновению слишком пространен; он редко умеет попадать в точку, да и то сейчас же притупляет острие своим стилем, и с редкой невозмутимостью он выявляет свой недостаток темперамента. Несмотря на это, он сделал все возможное, чтобы придать правильный оборот истории с «собратом по оружию» Генце и манерой письма Гирша, явно внушенной со стороны. Его топорный стиль и его невозмутимость, которая там считается твердостью, будет импонировать мещанству, и в общем и в целом его произведением можно быть довольным. Зато заявление Клуса мне чрезвычайно нравится. В каждой строке виден, так сказать, «*homme supérieur*»,¹ физически познавший свое превосходство благодаря «личному соприкосновению» с Виллихом. По легкости стиля это одна из лучших вещей Клуса; в ней нет ни одной неровности, ни следа робости или *gêne*.² Как хорошо он умеет играть роль простачка с добродушной рожей, в глазах которого, однако, поблескивают огоньки, заставляющие догадываться, что за внешней простоватостью скрывается порядочный дьявол. Как великолепен этот его оборот насчет «мошенических предприятий, вроде революционных агентур», которыми он будто бы живет, по уверению Виллиха. «Рыцарственный» был, наверное, очень удивлен, открыв в «грубом» агенте человека, который умеет выступать так ловко, так искусно, так стремительно и в то же время так благородно и без претензий и который столь тонко, гораздо тоньше и проворнее, чем он сам, умеет немедленно парировать все его военные хитрости. Только у Виллиха вряд ли окажется столько вкуса, чтобы раскусить это. Но я надеюсь, что злость и необходимость призадуматься сделают его понятливее.

Что приходится до дна исчерпать эту грязь, это ясно. Чем решительнее за это приняться, тем лучше. Впрочем, ты увидишь, что это вовсе не так плохо. Этот рыцарь обещал во много раз больше, чем он может исполнить. Мы услышим о покушениях на убийство и т. д., шраммовская история будет фантастически разукрашена, будут представлены фантастические картины, при которых мы с удивлением будем смотреть друг на друга, потому что мы абсолютно не в состоянии будем себе объяснить, о чем, собственно, говорит этот человек, и на худой конец он расскажет, как однажды вечером Маркс и Энгельс пришли пьяные на Great Windmillstreet (vide Кинкель в Цинциннати, соgam Гуцелло).³ Если дойдет до этого, то я расскажу американской публике, падкой на скандалы, о чем обыкновенно беседовали в роте безаксонцев, когда отсутствовали Виллих и *formosus pastor Corydon*⁴ Rau. Au bout du compte,⁵ что может ска-

зять о нас такое животное? Ты увидишь, что все это выйдет так же ничтожно, как теллеринговская грязь.

Борхардта я на-днях опять увижу. Если можно получить рекомендацию, то я вырву их у него. Однако я не думаю, чтобы Штейнталь и т. д. имел такие связи в Лондоне. У них там нет никаких связей. Кроме того этот субъект для того, чтобы не осрамиться окончательно, будет стараться затянуть здешнюю историю. Если бы речь шла не о Лупусе, то мне было бы глубоко наплевать на этого субъекта. Я его не выношу, этого самодовольного ханжу, этого хвастливого изолгавшегося шарлатана.

Если Лассаль даст тебе в Дюссельдорфе хороший нейтральный адрес, то можешь прислать мне сто экземпляров. Мы устроим так, что в здешних конторах их заделают в тюки с пряжей. Но не надо их посылать прямо на адрес самого Л[ассалья], так как пакеты идут в тюках в Гладбах, Эльберфельд и т. п. и оттуда, как пакеты, подлежащие отправке *почтой*, пойдут в Дюссельдорф. А здешним фирмам мы не можем дать для отправки пакет на имя Лассалья или г-жи Гагцфельд, ибо: 1) в каждой из них имеется, по крайней мере, хоть *один* житель рейнских провинций, который знает все сплетни; 2) если здесь и сойдет, то получатели тюка поймут, в чем дело; 3) наконец, в лучшем случае сама почта просмотрит пакеты, прежде чем она их сдаст на руки. В Кёльне у нас имеется хороший адрес, но мы, к сожалению, недостаточно хорошо знаем людей, являющихся *здесь* главными закупщиками для кёльнской фирмы, и не можем поэтому навязать им контрабанды. Дело в том, что мы этим людям должны сказать, что в пакетах находятся подарки для дам.

Отсюда ты увидишь, что у меня опять с Чарльзом установились сносные отношения. Как только мне представился подходящий случай, дело очень скоро наладилось. Тем не менее ты можешь понять, что этот дурак все еще испытывает известное удовольствие от того, что он хоть в некотором отношении поставлен в лучшее положение, чем я, благодаря зависти господина Г[отфрида] Э[рмена] к моему старику. *Nabeat sibi.*⁶ Он, во всяком случае, заметил, что если бы я захотел, то в течение 48 часов я стал бы опять *maître de la situation*,⁷ и этого достаточно.

Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. Тут корень и политической, и религиозной истории. Но чем объясняется, что на Востоке не дошли до частной собственности, даже феодальной? Мне кажется, что дело главным образом в климате, в связи с характером почвы, в особенности же с теми огромными пустынями, которые тянутся,

начиная с Сахары, через Аравию, Персию, Индию и Татарию до их высочайших азиатских плоскогорий. Земледелие здесь построено главным образом на искусственном орошении, а это орошение является уже делом общины, области или центральной власти. Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении). Британское правительство в Индии организовало № 1 и 2 несколько на филистерский лад, а № 3 совсем запустило, отчего индусское земледелие и гибнет. Свободная конкуренция оскандалилась там совершенно. Это искусственное оплодотворение почвы, которое немедленно прекращается, как только портится водопровод, объясняет и без того любопытное явление, что целые пространства земли, покрытые некогда пышной растительностью (Пальмира, Петра, развалины в Иемене и ряд местностей в Египте, Персии и Индостане), сейчас представляют собою голую пустыню. Этим объясняется и тот факт, что одна единственная разрушительная война могла превратить страну в пустыню, безлюдную на сотни лет, и уничтожить всю ее цивилизацию. Сюда же относится и уничтожение южно-арабской торговли в эпоху, предшествующую Магомету, которое ты совершенно правильно считаешь одним из важнейших моментов, подготовивших магометанскую революцию. Я не достаточно хорошо знаком с торговой историей первых шести столетий христианской эры для того, чтобы судить, в какой мере общемировые материальные условия заставили предпочесть торговый путь через Персию к Черному морю и через Персидский залив в Сирию и Малую Азию торговому пути через Красное море. Значительную роль при этом сыграла, конечно, сравнительная безопасность караванов в упорядоченной персидской монархии Сассанидов, в то время как Иемен в период времени от 200 до 600 г. непрерывно угнетался абиссинцами, которые все время нападали и грабили его. Города южной Аравии, бывшие еще в римскую эпоху в цветущем состоянии, представляли собой в VII веке пустынные груды развалин. Кочующие по соседству бедуины за эти 500 лет создали чисто мифические, баснословные скавания об их происхождении (см. Коран и сочинение арабского летописца Новаири). Алфавит, который употреблялся в тамошних надписях, был совершенно забыт, хотя *другого и не было*, так что фактически *искусство письма* было совершенно забыто населением. Такого рода вещи заставляют предполагать, помимо вызванного общими торговыми причинами superseding,⁸ еще и непосредственное насильственное разрушение, которое может быть объяс-

нено только нашествием эфиопов. Изгнание абиссинцев совершилось лишь лет за сорок до Магомета, и это было первым актом пробудившегося арабского национального самосознания, которое помимо этого было возбуждено нашествиями персов с севера, доходившими почти до самой Мекки. Историей Магомета я займусь только в ближайшие дни. Пока-что она мне кажется бедуинской реакцией против оседлых, но обнищавших городских феллахов, которые и в религиозном отношении были в состоянии большого разброда; их религия представляла из себя смесь остатков культа природы с элементами разложившегося иудейства и христианства.

Старый Бернье на самом деле очень хорош. Всегда радуешься, когда наткнешься на такого старого, трезвого, ясного француза, всегда попадающего в самую точку, *sans avoir l'air de s'en apercevoir*.⁹

Раз я уж все равно на несколько недель застрял в этих восточных делах, то я воспользовался случаем, чтобы изучить персидский язык. От арабского языка меня отпугивает, с одной стороны, мое природное отвращение к семитским языкам, а с другой стороны — невозможность достигнуть без большой потери времени сколько-нибудь заметных успехов в языке, который так богат, имеет 4 000 корней и охватывает в своем развитии 2 000 — 3 000 лет. Зато персидский язык не язык, а настоящая игрушка. Если бы не этот проклятый арабский алфавит, в котором то и дело целые шестерки букв имеют совершенно одинаковый вид и в котором нет гласных, то я бы взялся изучить всю грамматику в течение 48 часов. Это в утешение Пиперу, если бы он возымел желание проделать вслед за мной сию неостроумную штуку. Я для изучения персидского языка положил себе срок максимум в три недели. Если он рискнет двумя месяцами, то наверняка побьет меня. Для Вейтлинга это несчастье, что он не знает персидского языка: он бы нашел в нем *langue universelle toute trouvée*,¹⁰ ибо это, насколько мне известно, единственный язык, в котором нет конфликта между *мне* и *меня*, так как дательный и винительный падежи в нем всегда одинаковы.

Впрочем, довольно приятно читать старого забулдыгу Гафиза в оригинале, язык которого довольно звучен, и старый сэр Вильям Джонс охотно пользуется персидскими скабрзностями для примеров в своей грамматике, переводя их затем в своих *Commentariis roeseos asiaticae*¹¹ греческими стихами, ибо они и по-латыни кажутся еще слишком неприличными. Эти «Комментарии» (Соч. Джонса, II том, *de poesii erotica*),¹² тебя, наверное, очень позабавят. Зато персидская проза убийственна. Напр. «*Ranzât-us-safâ*» благородного Мирхонда, излагающего персидский героический эпос очень образным

но совершенно бессодержательным языком. Об Александре Великом он рассказывает следующее: имя Искандер значит на языке ионийцев Акшид рус (так же как имя Искандер происходит от Александра), т. е. «филусуф» что происходит от фила — любовь и суфа — мудрость, так что Искандер обозначает: друг мудрости. — Об одном короле retired¹³ он пишет: он ударил в барабан отставки «палочкой ухода от дел», как это придется сделать и рёге¹⁴ Виллиху, если он еще больше увлечется литературной борьбой. Того же Виллиха постигнет участь короля Афразиаба Туранского, которого покинули его войска и про которого Мирхонд пишет: «Он кусал себе ногти ужаса зубами отчаяния, пока из пальцев стыда не брызнула кровь убитого сознания».

Завтра напишу еще.

[Ф. Э.]

¹ «высший человек». ² стесненности. ³ смотри, в присутствии... ⁴ прекрасный пастух Коридон. ⁵ В конце концов. ⁶ Пускай радуются! ⁷ господином положения. ⁸ устранения с мировой арены. ⁹ не подавая и виду, что он это замечает. ¹⁰ совершенно готовый универсальный язык. ¹¹ Комментариях к азиатской поэзии. ¹² об эротической поэзии. ¹³ ушедшем в отставку. ¹⁴ папаше.

260.

Манчестер, 9 июня 1853 г.

Дорогой Маркс!

Для того, чтобы Пипер видел, что его не забывают, сообщи ему следующее. Во вчерашнем номере «Manchester Guardian» есть объявление о том, что ищут корреспондента и бухгалтера; может быть, можно добиться 180 ф. ст. в год, как я слышал. Предложение исходит от здешнего еврея Лео Шустера. П[ипер] должен написать письмо по следующему адресу: Box B47. Post Office, Manchester, а во внутреннем конверте: Monsieur и т. д. Письмо лучше всего писать по-французски, так как требуется знание французского и немецкого языков. Пусть он напишет, что надеется справиться с этой работой, что он из Ганновера, столько-то лет, и что в последнее время он работал в Лондоне у такого-то, у которого можно навести о нем справки. Корреспонденцию он может вести по-немецки, по-французски и по-английски, в случае надобности и по-итальянски. Бухгалтерией (если об этом будет речь) он меньше занимался; он должен сказать, что лишился места, потому что вступил сын компаньона, и т. д. Затем — какого рода было это предприятие и что он скоро приспособится ко всякому торговому предприятию в Манчестере. Le tout sans phrase, aussi simplement raconté que possible. ¹

J'ai l'honneur de me souscrire² или так: Mr., votre très dévoué etc.³ Больше ничего. Если письмо примут во внимание, то его пригласят в торговый дом Шустера в Лондоне; а там он должен будет показать себя с лучшей стороны. Но *он должен непременно завтра же написать первой же почтой.*

Прилагаю сальдо от 32 ф. ст. 1 фунт 18 шиллингов и 6 пенсов, за накладные расходы вычтено только 18 пенсов, но зато вычтены все долги мои и Чарльза.

Ты, по всей вероятности, третьего дня получил уже вексель из Америки.

Может ли П[ипер] сослаться на Ротш[ильда] — вам там виднее. Может быть, это не повредит, если к нему обратятся, так как уже при первом разговоре обнаружится, что П[ипер] не bred clerk,⁴ как только его спросят, где он прежде работал. Но он должен знать, что скажет Р[отшильд], и может быть лучше предварительно пови-
дать его.

Твой Ф. Э.

Copie d'Annonce.

Wanted in a Shipping House a Bookkeeper and Corresponding Clerk. A knowledge of German and French absolutely required. Address Box B 47. P. Off. Manchester.⁵

Ссылаться на меня совершенно не к чему. П[ипер], разумеется, не должен говорить Ш[устеру], что он знает, *кто* поместил объявление, он должен сослаться на это объявление только как на повод, чтобы написать письмо.

¹ Все без фраз, изложить как можно проще. ² Честь имею подписаться. ³ Ваш покорный слуга. ⁴ опытный корреспондент. ⁵ Копия объявления. Требуется в транспортную контору бухгалтер и торговый корреспондент, знание немецкого и французского языков необходимо. Адрес: ящик В 47. Почта. Манчестер.

261.

28, Deanstreet, Soho, 14 июня 1853 г.

Дорогой Фредерик!

Только сегодня собрался (помешали всякие дела и домашние хлопоты) ответить тебе на твои два последних письма и подтвердить тебе получение американских денег (переданных Фрейлиграту) и ^{ост}атка американских сумм от «Трибуны». Если ты с Чарльзом ^{вын}ужден был вступать в такого рода сделки с «посредником», то ^{ты и}з-за меня основательно поплатился.

Но так как деньги по векселю осудил не этот молодец, а ты, то вы могли бы вексель отослать в Америку и без него. По крайней мере, мне так кажется.

Пиперу я твоего сообщения *не передал* по следующим мотивам: За последние 8—10 дней он все больше и больше становится развалиной, так что мне пришлось серьезно поговорить с ним о состоянии его здоровья. И тут выяснилось, что его здоровье становится все *de pis en pis*¹ благодаря «лечению» какого-то английского шарлатана. Я тут же заставил его отправиться со мной в госпиталь *св. Варфоломея*, — единственную клинику в Лондоне, в которой бесплатно работают лучшие и первоклассные лондонские врачи. Какой-то старый Гиппократ, осмотрев его и осведомившись о прошлом *treatment*,² сказал ему: «You have been a fool»,³ и заявил, что он умрет через три месяца, если хоть на волосок отступит от его предписаний. Новый способ лечения немедленно доказал свое превосходство, а через две недели наш парень оказался *sain et sauf*.⁴ Случай был слишком серьезный для того, чтобы отвлечь его от лечения. Впрочем, Фрейлиграт имеет для него в виду какое-то место. Если из этого ничего не выйдет, я тебе напишу.

Румпф, наш бравый портной, находится сейчас в *сумасшедшем доме*. Месяцев пять тому назад, он, желая разом избавиться от всех долгов, женился на *старухе*, сделался преувеличенно солидным, бросил пить и стал работать, как лошадь. Неделю тому назад он опять запил; дня два тому назад он пригласил меня к себе и заявил мне, что он нашел средство осчастливить весь мир и что я должен стать его министром и т. п. С вчерашнего дня он в убежище. Жаль парня.

Руге объявляет в «*Leader*», который, кстати сказать, стал совершенно буржуавной газетой, что он будет читать в Лондоне *лекции* о немецкой философии. В то же время он, конечно, устраивает себе рекламу вроде следующей: «Что касается стиля, то германский народ имеет наряду с ним только одного человека — *Лессинга*». В том же № «*Leader*» русский *Герцен* печатает объявление о полном собрании своих сочинений, с примечанием, что он в связи с польским комитетом собирается основать в Лондоне русско-польскую типографию.

Из одного из прилагаемых писем Клуса ты можешь видеть, какого рода тот главный удар, которым мне угрожает Виллих. Он касается тех 20 фунт. ст., которые я *взял взаймы* у эмигрантского комитета в тот момент, когда меня описали за то, что моя квартирная хозяйка в Чельси не заплатила своему домохозяину, несмотря

на то, что я сй заплатил, — и которые я в свое время *вернул* до последней копейки. Ты должен мне написать, какой тактики мне держаться. Если славный Виллих собирается этим меня убить, то это значит, что он слишком большой «*bonhomme*». ⁵

Кэри, американский экономист, выпустил новую книгу: «*Slavery at home and abroad.*» ⁶ Под «*Slavery*» ⁷ он понимает все виды порабощения, *wages slavery* ⁸ и т. д. Он прислал мне свою книгу и цитировал меня много раз (по «*Трибуне*»), называл меня то «*a recent english writer*», ⁹ то «*корреспондентом of the «New-York Tribune»*». ¹⁰ Я тебе раньше говорил, что в прежних сочинениях этого ученого развивалась идея «гармонии» экономических основ буржуазии и вся *mischief* ¹¹ объяснялась излишним вмешательством государства. Государство было для него *bête noire*. ¹² Теперь он тянет другую песню. Все зло происходит от централизующего влияния крупной промышленности. А в этом централизующем влиянии виновата Англия, превращающаяся в *workshop* ¹³ мира и отбрасывающая все остальные страны назад к грубому и оторванному от мануфактуры земледелию. За грехи же Англии ответственность несет теория Рикардо-Мальтуса и в особенности теория Рикардо о земельной ренте. Необходимым следствием как теории Рикардо, так и промышленной централизации является коммунизм. Но для того, чтобы избежать всего этого, чтобы противопоставить централизации — локализацию и распространенный на всю страну союз фабрики и земледелия, наш крайний фритредер рекомендует в конце концов — *покровительственные пошлины*. Для того, чтобы избежать воздействия буржуазной промышленности, за которую он делает ответственной Англию, он, как истый янки, ищет выхода в том, чтобы искусственно ускорить это развитие в самой Америке. В остальном его неприязнь к Англии заставляет его впасть в *сисмондиевское* восхваление мелкобуржуазного строя в Швейцарии, Германии, Китае и т. д. И это делает тот самый человек, который некогда осыпал насмешками Францию за ее сходство с Китаем. Единственным безусловно интересным в его книге является сравнение прежнего английского рабства на Ямайке etc. с рабством негров в U[nited] St[ates] ¹⁴, которое доказывает, что главное ядро негров в Ямайке и т. п. состояло всегда из вновь привезенных дикарей, так как вследствие английского обращения с ними негритянское население не только не удерживалось на одном уровне, но даже $\frac{2}{3}$ ежегодного привоза негров погибало. Между тем нынешнее поколение негров в Соединенных Штатах уже местного происхождения, оно более или менее янкизировано, говорит по-английски и потому становится *способным к эмансипации*.

«Трибуна» расхваливает, разумеется, книгу Кэри во всю. Обоих объединяет то, что они оба под маской сисмондиевски-филантропически-социалистического антииндустриализма защищают интересы промышленной буржуазии Америки, заинтересованной в покровительственных пошлинах. В этом и секрет того, что «Трибуна», несмотря на все свои «измы» и социалистические причуды, все же может оставаться «leading Journal»¹⁵ United States.¹⁶

Твоя статья о Швейцарии была, конечно, прямым ударом по «передовикам» «Трибуны» (против централизации etc) и из Кэри. Я продолжал эту скрытую войну в первой статье об Индии, в которой изобразил уничтожение Англией местного производства как явление *революционное*. Это будет их весьма шокировать. Впрочем, все хозяйничанье бритов в Индии было свинское и остается таковым и по сей день.

Причинами, вполне объясняющими застойный характер этой части Азии, несмотря на всю безрезультатность движений, происшедших на политической поверхности, являются следующие два обстоятельства, друг друга взаимно усиливающие: 1) Public works¹⁷ являются делом центральной власти. 2) На-ряду с последней вся страна, — не считая двух-трех больших городов — расчленена на множество *villages*,¹⁸ образующих совершенно обособленную организацию и являющихся совершенно замкнутым в себе мирком.

В одном парламентском отчете эти *villages*¹⁹ описаны следующим образом:

«A village, geographically considered, is a tract of country comprising some 100 or 1 000 acres of arable and waste lands: politically viewed, it resembles a corporation or township. Every village is, and appears always to have been, in fact, a separate community or republic. Officials: 1) The *Potail*, Goud, Mundil etc. as he is termed in different languages, is the head inhabitant who has generally the superintendence of the affairs of the village, settles the disputes of the inhabitants, attends to the police and performs the duty of collecting the revenue within the village... 2) The *Curnum*, Shanboag or Putwaree, is the register. 3) The *Taliary* or *Stulwar* and 4) the *Totie*, are severally the watchmen of the village and of the crops. 5) The *Ncerquntee* distributes the water of the streams. or reservoirs in just proportion to the several fields. 6) The *Joshra*. or astrologer announces the seedtimes and harvests, and the lucky or unlucky days or hours for all the operations of farming. 7) The smith, and 8) the *carpenter*, frame the rude instruments of husbandry, and the ruder dwelling of the farmer. 9) The *potter* fabricates the only utensils of the village. 10) The washerman keeps clean the few garments... 11) The *barber*, 12) the *silversmith*, который часто является одновременно и поэтом и *schoolmaster* деревни в одном лице. Затем *Brahmin* для worship. Under this simple form of municipal government the inhabitants of the country have lived from time immemorial. The boundaries of the villages have been but seldom altered; and although the villages themselves have been sometimes injured, and even

desolated by war, famine and disease; the same name, the same limits, the same interests and even the same families, have continued for ages. The inhabitants give themselves no trouble about the breaking up and division of kingdoms, while the village remains entire, they care not to what power it is transferred, or to what sovereign it devolves; its internal economy remains unchanged».²⁰

Должность Potali обычно наследственна. В некоторых из этих communities²¹ земли village²² cultivated in common,²³ в большинстве случаев each occupant tills its own field.²⁴ Внутри общины продолжают существовать рабство и кастовый строй. Waste lands for common pasture.²⁵ Жены и дочери занимаются домашним ткачеством и прядильной работой. Эти идиллические республики, ревниво охраняющие лишь границы своих общин от вторжения соседних общин, существуют еще и донныне в довольно хорошо сохранившемся виде в northwestern parts of India²⁶, которые недавно достались англичанам. Я полагаю, что трудно придумать более солидную основу для застойного азиатского деспотизма. И как ни «ирландизировали» англичане страну, — тем не менее, разрушение этих стереотипных первобытных форм было conditio sine qua non²⁷ для европеизации ее. Taxgatherer²⁸ один не был в состоянии этого выполнить. Для этого необходимо было еще уничтожение первобытной промышленности, отнявшее у этих общин их selfsupporting²⁹ характер.

В Бали (остров у восточного берега Явы) на ряду с религией индусов (гинду) сохранилась и эта индусская организация, следы которой, — как и вообще влияние индусов, — можно, впрочем, открыть и на всей Яве. Что касается вопроса о собственности, то по поводу его среди английских ученых, пишущих об Индии, ведутся большие споры. Впрочем, в сильно пересеченной гористой местности к югу от Кришны собственность на землю, повидимому, существовала. Напротив того, на Яве, — по словам сэра Стэмфорда Раффльса, бывшего английского губернатора Явы (см. его «History of Java»), —³⁰ «where rent to any considerable amount was obtainable»,³¹ земля составляла полную собственность sovereign.³² Во всяком случае, магометане, повидимому, не установили во всей Азии принципа «отсутствия собственности на землю».

По поводу упомянутых выше общин я хочу еще заметить, что они фигурируют еще у Мену и что вся его организация основана на них: 10 находятся под властью высшего коллেকтора, потом 100, потом 1 000.

Наниши мне поскорее.

Твой К. М.

¹ хуже и хуже. ² лечении. ³ Вы с ума сошли. ⁴ здоров и невредим. ⁵ простака. ⁶ «Рабство у нас и за границей». ⁷ рабством. ⁸ рабство наемного труда. ⁹ один из английских новейших писателей. ¹⁰ «Нью-Йоркской трибуны». ¹¹ неудача. ¹² страшилищем. ¹³ мастерскую. ¹⁴ Соединенных Штатах. ¹⁵ руководящим органом. ¹⁶ Соединенных Штатов. ¹⁷ общественные работы. ¹⁸ деревенских общин. ¹⁹ деревенские общины. ²⁰ Географически село есть участок земли, занимающий от 100 до 1000 акров пахотной земли и пустырей; политически оно напоминает корпорацию или общество. Каждое село является фактически и, очевидно, всегда было отдельной общиной или республикой. Должностные лица: 1) *Potail, Goud, Mundil* и т. д., как он называется на различных языках, есть глава общины, который обыкновенно ведает делами села, улаживает споры жителей, исполняет полицейские обязанности и занимается сбором общественных сумм в селе. 2) *Curnum, shanboag* или *putawaree* есть регистратор. 3) *Taliary* или *Stulwar* и 4) *Totie*, охраняющие общину и наблюдающие за урожаем. 5) *Neeryuntlee* распределяет воду источников и резервуаров в надлежащей пропорции. 6) *Joshee*, или астролог, указывающий время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ. 7) *Кузнец* и 8) *плотник*, которые изготовляют и чинят все земледельческие и домашние орудия. 9) *Горшечник*, изготовляющий посуду для всей деревни. 10) *Прачешник*, моющий одежду. 11) *Цирюльник*. 12) *Серебряных дел мастер*, который часто является одновременно и поэтом и школьным учителем села в одном лице. [Затем] *брамин* [для] молитв. Жители округа жили с незапамятных времен в тех же первобытных формах муниципального правления. Границы отдельных деревень изменялись редко; и хотя сами деревни порой разорялись и даже окончательно опустошались войной, голодом или эпидемиями, тем не менее они восстанавливались вновь, и под тем же самым именем, в тех же самых границах, с теми же интересами и даже с теми же самыми родами продолжали существовать целые века. Крушение или разделение государства мало беспокоит обитателей деревни; раз деревня осталась цела, им безразлично, под чью власть она попала, какому суверену должна подчиняться. Их внутренняя экономическая жизнь остается неизменной. ²¹ общин. ²² деревень. ²³ обрабатываются сообща. ²⁴ каждый обрабатывает свой собственный участок. ²⁵ Пустыри употребляются для общих пастбищ. ²⁶ северо-западных частях Индии. ²⁷ необходимым условием. ²⁸ Сборщик податей. ²⁹ самодовлеющий. ³⁰ «Историю Явы». ³¹ «вся земля, дававшая сколько-нибудь заслуживающую внимания ренту». ³² землевладельца.

262.

28, Deanstreet, Soho, 29 июня 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Я внезапно подвергся нападению только-что вышедшей замуж сестры и ее мужа, отплывающего отсюда на Мыс Доброй Надежды в качестве *general dealer*.¹ Это, а также корреспонденция для «Трибуны» и необходимость уладить кое-что в Америке отняли у меня много времени. Надеюсь, что молодожены завтра уедут. Как я слышал от Имандта, твою мать ожидают в Лондоне; делаю из сего вывод, что ты тоже скоро прискачешь сюда.

Прилагаю указания Лассалья насчет посылки экземпляров в Германию. Моя жена возьмет на себя пересылку в Манчестер. Я надеюсь, что вы уже устроите это дело в Манчестере. Не видал ли ты Джонса, который шатается где-то поблизости от вас и устроил в Галифаксе гигантский митинг?

К своему изумлению, получил в прошлую среду чрезвычайно раздраженное письмо от Клуса, в котором он мне сообщает, что ему кто-то написал, будто Пипер в беседе со Шлегером изобразил его — и Арнольда — «второстепенными агентами», а себя человеком, получающим сведения из первоисточника и т. д. К счастью, во всем этом нет *ни слова правды*; это только попытка партии Виллиха, Аннеке, Вейтлинга и К⁰ посеять раздор в наших собственных рядах и в особенности обезвредить «очень им неприятного Клуса». Нужные разъяснения были, конечно, немедленно посланы за океан. Не могу сейчас найти первого письма Клуса, прилагаю зато второе.

Уезжая в Манчестер, я занял 2 фунта ст. у еврейчика Бамбергера. Теперь этот молодец шлет мне грубые письма с требованием возврата, даже с угрозами. *Mais nous verrons.*² До пятницы мне предстоит учесть вексель в 20 ф. на Нью-Йорк. Но, спрашивается снова, *как* это сделать?

Прилагаемое при сем представляет из себя *pes plus ultra*² гейнценовской кровожадной трусости и отвращения к «обычным приемам ведения войны».

Насчет «швейцарской» статьи я ошибся. Дана разделил присланное мною на две части, но напечатал обе за моей подписью.

Об остальном — в следующем письме. Сию минуту пожаловали сестрица и ее супруг. Сестра моя очень полная, и при прохождении через экватор ей придется здорово попотеть.

Твой К. М.

¹ оптового торговца. ² Но мы посмотрим. ³ бесподобный образец.

263.

28, Deanstreet, Soho, 8 июля 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Податель сего д-р Якоби, один из участников «Кёльнского процесса коммунистов».

Ты, очевидно, либо болен, либо сердит, либо переутомлен, либо с тобой что-либо другое случилось, так как ты не подаешь никаких признаков жизни.

Учел вчера вексель на 24 ф. на имя А. Дана у Шпильмана на Ломбардстрит. Он заплатит мне через 5 недель, как только вексель

вернется. За это время у меня опять был очень тяжелый период, тем более, что нужно было вновь перезаключать некоторые ценные вещи в ломбарде, для того, чтобы они не пропали. А это, разумеется, было невозможно сделать *dans un moment*,¹ когда нехватает денег *pour les choses les plus nécessaires*.² Впрочем, я теперь уже привык ко всей этой гадости, и ко всему тому, что с этим связано. Ты мне во всяком случае должен написать, отчего ты не пишешь. Надеюсь, что ты *at all events*³ не болен.

Твой К. М.

¹ в такой момент. ² даже для самого необходимого. ³ во всяком случае.

264.

Манчестер, суббота 9 июля [1853 г.].

Дорогой Маркс!

В 4 часа ночи меня будит моя старая экономка и заявляет мне, что приехал джентльмен, который желает меня видеть. Вылезаю из квартиры и нахожу у дверей маленького человека с кэбом, огромным сундуком и чемоданом, который заявляет мне, что его зовут Якоби и что его послал ко мне ты и Пипер. Маркс и Пипер! — подумал я. Что это за Якоби, чорт бы его дра!; незаконный сын кенигсбергского, что ли? Наконец, человечек вытащил из кармана твое письмо, повидимому, крайне озадаченный тем, что я его, незнакомого мне, не принял тотчас же с распростертыми объятиями. И тогда мне становится ясным, что и подтвердилось твоим письмом, что это тот Якоби из «процесса коммунистов», о ком я меньше всего мог подумать, ибо я был уверен, что он прочно сидит в прусской одиночке. *Que faire?*¹ Я втащил его к себе вместе со всем его скарбом, поболтал с ним полусонный еще с полчаса и уложил его спать на мой диван, ибо дом наш *stammed full*² людьми. К счастью, моего старика не было дома, а сегодня утром я взял нашего партийного мученика за шиворот, нанял ему квартиру и запретил ему являться ко мне до тех пор, пока мой старик не уедет.

Воинственно-вестфальское поведение сего мужа, его идиотская идея, пробыв целую неделю в Лондоне, выбрать для приезда ко мне как раз такой поезд, который приходит посреди ночи, и под предлогом незнакомства с обстоятельствами поставить на ноги весь дом, все это так же мало расположило меня в пользу этого человека, как и заданный им с самого начала нескромный вопрос: в каких я отношениях с моим стариком? Дальнейшие разговоры с ним несколько подняли его в моих глазах, но не очень. Он хочет явиться к Борхардту с письмами от тебя и Кинкеля (это почти так же хорошо,

как Маркс и Пипер), а к маленькому Гекшеру он собирается ворваться без всяких рекомендаций, надеясь, что тот немедленно откроет ему все тайны своего ремесла и, обрадовавшись новому «ученому» знакомому, уступит своему конкуренту любую половину своей практики, etc. все в том же духе. Остроумная мысль обратиться к Кинкелю — скорее повредит, чем поможет. К[инкель] даст ему письмо к Шунк, но не к нему, а к ней, что является бесстыдством и прямым, грубым нарушением английского этикета.

И затем, если господин Кинкель, который за свою болтовню о немецкой литературе получал оплату наличными деньгами и едой, если, стало быть, monsieur Готфрид думает, что он может d'égal à égal³ посылать этим купцам рекомендации (кроме свидетельств о бедности), то он жестоко ошибается. Кроме того, à se qu'il me paraît,⁴ мосье Якоби вообще вряд ли устроится здесь.

Как только мой старик уедет, я тебе пришлю немного денег. До этого я ничего не могу взять, ибо рискую каждый день тем, что он заглянет в мои счета. А это может вызвать приятные объяснения, которые я предпочитаю уладить письменно.

Твоя идея, что я не пишу оттого, что сердит, меня очень рассмешила. De quoi donc?⁵

Кланяйся жене и детям и постарайся справиться со всей этой мерзостью до тех пор, пока у меня опять руки не будут свободны. Надеюсь, что не позже, чем через неделю.

Твой Ф. Э.

¹ Что делать? ² битком набит. ³ как равный с равным. ⁴ как мне кажется. С чего бы это?

Дорогой Энгельс!

Третьего дня получил письмо от Лассалья, который не знает что думать, подозревает конфискацию писем etc. Было бы хорошо, если бы ты мне дал знать, отослан ли пакет Лассалю, или нет. Лассаль единственный, который еще осмеливается переписываться с Лондоном, и надо сделать так, чтобы ему это не надоело. Прошу тебя поэтому сообщить мне, как обстоит дело с пакетом. Вопрос об отсылке последнего имеет для меня и то значение, что от этого зависит наступление эпохи returns¹ за брошюры.

Жена моя получила с последней почтой очень дружественное и любезное письмо от А. Дана, в котором он сообщает ей, что *не может*

указывать банка в Лондоне. At all instances² присылаемые мною векселя будут оплачиваться немедленно. Он пишет далее, что мои статьи «highly valued by the proprietors of the «Tribune» and the public³ и не ограничивает моих корреспонденций *никакими рамками*.

Во время дебатов об «advertisement duty»⁴ — недели две тому назад — господин Брайт произнес хвалебную речь по адресу «Нью-Йоркской трибуны» и дал анализ одного из ее номеров, в котором как раз была моя статья о бюджете. Он говорил: «From Great Britain there is an elaborate disquisition on the Right Honorable Gentleman's budget, doing him justice in some parts, but not in others and doing certainly, as far as the Manchester school was concerned, no justice whatever».⁵

Что касается Якоби, то пусть тебя не пугает беспомощность и незнание света со стороны 23-летнего юноши из Минденского округа, просидевшего два года в клетке. Он дельный парень. Я читал его докторскую диссертацию и был «much pleased with it».⁶

Твой К. М.

Джонс устроил очень значительные митинги, обратившие на себя внимание даже буржуазных газет.

¹ платежей. ² Во всяком случае. ³ высоко ценятся владельцами «Трибуны» и публикой. ⁴ налоге на объявления. ⁵ «Из Великобритании здесь имеется тщательный анализ бюджета достопочтенного джентльмена (канцлера казначейства); этот анализ в некоторых пунктах сходится с канцлером, в некоторых не сходится; что же касается манчестерской школы, то с ней он ни в чем не сходится». ⁶ остался ею очень доволен.

266.

28, Deanstreet, Soho, 18 августа 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Лупус, *по всей вероятности*, получит хорошее место в Ливерпуле. Если это будет так, то он поедет через Манчестер. Затруднение заключается в том, что он будет получать свое жалованье лишь в конце каждой четверти года. Он надеется, впрочем, что вы вместе со Штроном окажете ему в этом случае некоторую поддержку. Вернулся ли уже последний?

Сплетник Дронке пишет всем письма в весьма важном тоне. Так, например, Имандту он написал, «что он принял меры для переселения Лупуса в Америку». *Entre nous*,¹ я подозреваю, что наш маленький приказчик, желая придать себе важность, дал понять Лупусу,

что этим делом занялся теперь *он* вместо тебя. По крайней мере, мне кажется, *on the part of Wolff*² наблюдается некоторое недовольство Манчестером. Что Дронке большой саппа,³ можешь по doubt about that. *Experto crede etc.*⁴ *Пиперу* мы должны с обратной же почтой послать, по меньшей мере, столько денег, чтобы он мог купить себе брюки и сюртук. Если он будет продолжать ходить таким оборванным, как сейчас, то он не сможет использовать даже самых благоприятных возможностей. Ему нельзя показаться ни в один дом, к тому же ты обещал ему это, уезжая. Он держит себя молодцом, но ведь всею есть граница.

Мне страшно не везет в денежных делах. У меня сейчас в пути 2 векселя на 42 ф. в Америку, а я не могу получить под них даже 42 фартинга, хотя мне сейчас дозарезу нужны деньги не только для себя, но и для Пипера. Первый вексель на 24 ф. я дал г-ну Шпильману, который предложил мне зайти за деньгами через 5 недель. А с тех пор прошло уже семь. При этом я из-за проклятой беготни в Сити теряю все понедельники и четверги, т. е. как раз те дни, когда мне необходимо готовить корреспонденцию на вторник и пятницу. Шпильман отделяется от меня каждый раз одной и той же фразой на своем типично-еврейском говоре: «Нет еще никаких известий». О таких «мелких суммах» его корреспонденты специально не пишут, а ждут оказии. Если мне деньги нужны были немедленно, то я должен был ему заранее заявить, что я согласен оплатить *почтовые расходы* за экстренное письмо и т. д. Из-за всего этого я попал в скверную историю, но хуже всего то, что моя жена, рассчитывая получить деньги к сроку, в свою очередь обещала нашим кредиторам уплатить во-время, и теперь эти собаки осаждают нас со всех сторон. В то же время я пишу с адской быстротой. Было бы очень хорошо, если бы ты послал мне одну или две статьи, для того, чтобы я получил возможность написать что-нибудь получше. Три четверти всего моего времени уходит на беготню из-за грошей.

Гейзе теперь здесь, лично он совсем недурной парень. Господин Кошут ставит себя сейчас в смешное положение в качестве корреспондента «Daily New-York Times». Четыре письма Д. Уркарта в «Advertiser» о восточном вопросе содержат в себе, несмотря на его чудачества, кое-что интересное. Джонсу мы не посылаем статей уже две недели.

Твой К. М.

¹ Между нами. ² со стороны Вольфа. ³ сплетник. ⁴ не сомневаться. Поверь человеку, познавшему сие на опыте.

267.

Среда 24 августа 1853 г.

Дорогой Марк!

Завтра, *если будет какая-нибудь возможность*, я пошлю деньги. Твое письмо получилось в субботу слишком поздно, чтобы можно было что-нибудь сделать; на этой неделе у меня были всякие истории, завтра, надеюсь, будет лучше, и старый бухгалтер предупрежден.

Малыш был в субботу здесь. Что он сплетничал, для меня стало ясно с того момента, как он написал Борхардту. Он послал ему заслуживающее *величайшего порицания* письмо Лупуса, в котором тот прямо и вполне серьезно обращается к «щедрой руке» брэдфордских евреев. *C'était une lettre à la brûler de suite*,¹ и Борхардт немедленно великодушно выслал *один фунт* в качестве милостыни для [Лупуса] в очень приличной, впрочем, форме, *which he could very well afford*,² так как это освобождало его от всех обязательств. Я должен сознаться, что это письмо Лупуса произвело на меня *очень неприятное впечатление*, но еще более неприятно подействовала на меня бестактность малыша, передавшего это письмо в руки Б[орхардта]. Я, впрочем, задал ему за это порядочную головомойку.

*Enfin, c'est fait.*³ Пусть Лупус, если он поедет в Ливерпуль, прямо приедет сюда, по возможности на какую-нибудь пятницу, я тогда устрою свидание с малышом. Если Лупус сперва приедет в Брэдфорд, как предполагал Др[онке], то сплетня получит еще большее распространение.

Что Якоби хочет ехать в Америку, тебе известно. Этот субъект все-таки *tror thou*⁴ и даже на филистеров производит впечатление беспомощного человека. Я не думаю, чтобы он когда-нибудь приобрел практику, хотя он сильно этого жаждет. Невероятно смешно, что он до сих пор еще девственник.

Твой Ф. Э.

¹ Это письмо следовало бы тотчас же сжечь. ² что он вполне мог себе позволить. ³ Впрочем, это уже сделано. ⁴ слишком слаб.

268.

28, Deanstreet, Soho, 28 августа 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Прилагаю одно письмо от Вейдемейера, несколько от Клуса, заявление г-на Виллиха, письмо Мадзини к господину Мотт (аболиционисту) в Америке. Твою статью разбил на две части и переделал

в две статьи, которые отослал в Нью-Йорк. Моя жена при этом исполняла должность секретаря. Пиперу *прижигали* горло в немецком госпитале. Над койкой его висит табличка с роковой надписью: *W. P. syphilis secundaris*.¹ Держат его в строжайшей дисциплине, что для него, впрочем, весьма полезно.

В. Вольф прислал письмо своему доверенному Рингу. Он до конца октября попытается еще устроиться в Манчестере. Если до того времени ничего не выйдет, он уедет. Покамест же он живет на *чужой* счет на Great Ducie Street номер такой-то.

Тебя он *совсем не* называет, из чего ты можешь судить о заядлой мелочности этого old chap.² Ему, конечно, стыдно показать, после его брюзжания против тебя, что он тебе обязан. Quant à nous autres,³ то я не знаю, что он писал Рингу, так как последний молчит об этом.

В деле с господином Дронке я желал бы добиться полной ясности. Я теперь узнал, что он сбыл куда-то *Рикардо* Пипера, как и принадлежащую рабочему Лохнеру немецкую историю политической экономии и т. д., и т. д. Это, конечно, увеличивает мои strong suspicions⁴ против него.

Перед его отъездом господин Вольф рассказал еще Имандту — правда, в очень искаженной форме, с обывательским негодованием — о его наглости по отношению ко мне. Меня злит, что я относился к этому крикуну крайне внимательно, вместо того, чтобы показать ему зубы.

Les choses marchent merveilleusement.⁵ Во Франции будет ужасный крах, когда рухнет все это финансовое мошенничество.

Якоби написал в «Réforme» выдержанную в меланхолических тонах статью о гибели земли.

Смотри, чтоб эти строки не попали в руки кому не следует.

Твой К. М.

Кстати. Третьего дня получил несколько строк от Блинда. Ему придется с высоты его демократического величия снова спуститься в низменные области вопроса ножа и вилки. Он проиграл свой процесс, и в то же время все состояние его жены конфисковано. Таким образом, исчезают все источники дохода. Мне его жаль, несмотря на неприятные манеры, которые он счел нужным усвоить себе.

Следил ли ты за историей с Бакуниным в «M[orning] Advertiser»? В связи с этим Уркарт поместил статью, в которой он высказывает подозрение против Б[акунина], во-первых, потому, что он Russian,⁶ во-вторых, потому, что он «a Revolutionist».⁷ Он утверждает.

что среди русских нет ни одного честного революционера, что их якобы демократические писания (намек на Герцена и polisson⁸ Головина) ничего не доказывают, и в заключение доводит до сведения континентальных революционеров, что они являются такими же предателями, как и их правительства, если они оказывают доверие русским. Тогда русские выдвинули против него *Englishman*⁹ (Ричардса), который имеет зуб против Уркарта за то, что последний отнял у него в «Morning Advertiser» — несмотря на его право давности в этом вопросе — тему «Times» и «Турция». Ричардс заявляет, что столь же preposterous¹⁰ считать Бакунина spy,¹¹ как и утверждать, что Пальмерстона нужно to impeach for being bribed by Russia;¹² ссылается на testimonium¹³ Руге, мое, хвалит idées révolutionnaires¹⁴ Герцена etc. Авчера снова выступил сторонник Уркарта, некий А. Б., с заявлением, что он знаком со всей литературой «jeune Russie»,¹⁵ которая доказывает правильность взглядов У[ркарта], панславизм etc.

Во всяком случае intrigants russes¹⁶ увидят, что здесь не так легко, — как у несчастной французской демократии, — играть роль, пользоваться influence¹⁷ и занимать место своего рода аристократии в революционной эмиграции. Здесь приходится получать жестокие пинки. Чем эти ослы помогли Бакунину? Они только добились того, что он подвергся всерьез публичному обвинению и что им самим дали по физиономии.

¹ В. П. вторичный сифилис. ² старого барана. ³ Что касается всех нас. ⁴ сильные подозрения. ⁵ Дела идут великолепно. ⁶ русский. ⁷ революционер. ⁸ шалуна. ⁹ англичанина. ¹⁰ глупо. ¹¹ шпионом. ¹² предать суду за то, что он подкуплен русским правительством. ¹³ свидетельство ¹⁴ «революционные идеи». ¹⁵ молодой России. ¹⁶ русские интриганы. ¹⁷ влиянием.

269.

28, Deanstreet, Soho, 2 сентября 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Давно тебе не писал, не подтвердил даже получения 5 фунтов ст. (из коих 2.10 выплатил Пиперу и 1.10 Лупусу), ибо все my time and my energies,¹ ухлопал на расхлебывание всей этой дряни. 7 июля я передал Шпильману свой вексель. 31 августа, после того как я семь раз к нему бегал, он мне заявил, что вексель утерян и что я должен написать дубликат и т. д. Таким образом, я потерял много недель из-за возни с ним, заложил все до последнего и назначил окончательный срок уплаты своим кредиторам на 31 августа, после того как я им каждый день откладывал, начиная с июля. Так как у меня нет никаких ресурсов кроме доходов от «Трибуны», то ты легко

можешь себе представить мое положение и понять, как мало у меня времени и охоты для писания корреспонденций.

Передай Якоби, если он еще не уехал, что я о нем напишу Вейдемейеру и др.

А сейчас я хочу написать тебе о следующем: Насколько я знаю, ты не читаешь «Morning Advertiser». Эта газета «united victualers»² поместила статью одного «foreign correspondent»³ (полагаю господина Головина), содержащую апологию Бакунина. В ответ на это некий аноним Ф. М. в этой же газете объявляет Бакунина русским шпионом, рассказывает о том, как хорошо ему сейчас живется, и т. д. На это последовал ответ Головина и Герцена, которые заявляют при этом, что еще в 1848 г. одна «German paper»⁴ пустила в ход эту клевету, «had even ventured to appeal to the testimony of George Sand».⁵

Три дня тому назад на сцену является д-р Арнольд Руге и сообщает, что эта немецкая газета есть «Новая рейнская газета», издатель которой, «доктор Маркс», был в такой же мере, как и все остальные демократы, убежден в лживости своей клеветы.

Вчера я напечатал в «Morning Advertiser» следующее заявление: Господам Головину и Герцену было угодно связать издававшуюся мною в 1848—49 гг. «Новую [Рейнскую] Г[азету]» с их полемикой против Ф. М. по поводу Б[акунина] и т. д. Now, I care nothing about the insinuations of Mssrs. Herzen and Golovine. Но etc. etc. «permit me to state the facts of the case».⁶ Затем следует перечисление фактов:

«5 июля 1848 г. мы получили два письма из Парижа: одно от агентства Гаваса, другое от одного polish refugee⁷ (так я называю Эвербека), в которых указывалось, что в распоряжении Жорж Занд имеются письма, компрометирующие Бакунина и устанавливающие, что Бакунин as being lately entered into relations with the Russian Government».⁸

«6 июля мы напечатали письмо не Гаваса, а нашего парижского корреспондента;

«в ответ на это Бакунин в «Neue Oder-Zeitung» заявил, что еще до появления нашей корреспонденции циркулировали подобные слухи в Бреславле, что они исходят от русского посольства и что он лучше всего их опровергнет, апеллируя к Жорж Занд»;

«3 августа Косцельский доставил в «Р[ейнскую] Г[азету]» письмо от Жорж Занд к издателю, каковое письмо и было напечатано в тот же день со следующей вводной заметкой редакции: (следует цитата из «Новой рейнской газеты»);

«в конце августа я был проездом в Берлине, виделся с Бакуниным и возобновил с ним былую дружбу»;

«15 (или в конце) октября «Рейнская газета» выступила в защиту Бакунина против прусского министерства, которое его выслало; «в феврале (1849 г.) «Рейнская газета» поместила передовую статью о Бакунине, начинавшуюся словами: «Б[акунин] наш друг!» etc; «в N[ew]-Y[ork] Tribune» я paid the tribute due to him for his participation in our movements etc».⁹

Мое заявление заканчивается следующими словами:

«As to F. M. proceeding as he does from the fixed idea that continental revolutions are fostering the secret plans of Russia, he must, if he pretend to anything like consistency, condemn not only Bakunin but every continental Revolutionist, as a Russian agent. In his eyes Revolution itself is a Russian agent. Why not B[akunin]?»¹⁰

Наконец, в *сегодняшнем* номере «Morning Advertiser» этот негодяй Головин, не осмеливаясь назвать себя, но выступая за подписью «from a foreign Correspondent»,¹¹ пишет следующее:

How to write History

(From a foreign Correspondent.)

Bakunin is a Russian agent — Bakunin is not a Russian agent. Bakunin died in the prison of Schluesselburg, after having endured much ill-treatment — Bakunin is not dead: he still lives. He is made a soldier and sent to the Caucasus — no, he is not made a soldier: he remains detained in the citadel of St. Peter and St. Paul. Such are the contradictory news which the press has given in turn, concerning Michael Bakunin. In these days of extensive publicity we only arrive at the truth by affirming the false; but, has it at least been proved that Bakunin has not been in the military pay of Russia?

There are people who do not know that humanity makes men mutually responsible — that in extricating Germany from the influence that Russia exercises over it, we react upon the latter country, and plunge it anew into its despotism, until it becomes vulnerable to revolution. Such people it would be idle to attempt to persuade that Bakunin is one of the purest and most generous representatives of progressive cosmopolitanism.

«Calumniate, calumniate,» says a *French* proverb, «and something will always remain». The calumny against Bakunin, countenanced in 1848 by one of his friends, has been reproduced in 1853 by an unknown person. «One is never betrayed but by one's own connexion», says another proverb; «and it is better to deal with a wise enemy than with a stupid friend». The Conservative journals have not become the organ of the calumny insinuated against Bakunin. A friendly journal undertook that care.

Revolutionary feeling must be but slightly developed when it can be forgotten, as Mr. Marx has forgotten, that Bakunin is not of the stuff of which police-spies are made. Why, at least, did he not, as is the custom of the English papers, why did he not simply publish the letter of the polish refugee which denounced Bakunin? He would have retained the regret of seeing his name associated with a false accusation.¹²

Я намереваюсь ответить ему следующим (см. ниже) заявлением, которое просил бы вернуть мне *обратной* почтой (если возможно до понедельника) в исправленном виде. В то же время, спрашивается, не хотите ли вы с Дронке также сделать заявление, в качестве издателей «Н[овой] Р[ейнской] Г[азеты]», клика против клики? На другой стороне стоят только Руге, Герцен, Головин. Последнего сам Бакунин назвал un polisson.¹³ Будучи в 1843 и 1844 гг. одним из самых ревностных почитателей Николая, он потом сделался демократом, потому что *предполагал*, что стал подозрительным, и не решался вернуться в Россию. В последнем заключается весь его героизм.

Я, со своей стороны, предложил бы *по существу* ответить следующее:

«It is better to deal with a wise enemy, than with a stupid friend». Bakunin would have exclaimed if he was ever to read the letter of the «foreign» Sancho Pansa who, in your Saturday's paper, indulges in his proverbial commonplaces.

Is he not a «stupid friend» who reproaches me with not having done by what doing I would have, according to himself, «retained the regret of seeing my name associated with a false accusation»?

Is he not a «stupid friend» who is astonished of what every schoolboy knows that truth is established by controversy and that historical facts are to be extricated from contradictory statements?

When the N[ew] Rh[enish] G[azette] brought the Paris letter, Bakunin was at liberty. If he was right to be satisfied with the public explanation of the N[ew] Rh[enish] G[azette] in 1848, is it not a «stupid friend» who pretends to find fault with them in 1853? If he was wrong in renewing his intimate relations with the Editor of the «N[ew] R[henish] G[azette]», is it not «stupid» on the part of a pretended friend to reveal his weakness to the public?

Is he not a «stupid friend» who thinks necessary to «plunge Russia anew in its despotism» as if she had ever emerged from it?

Is he not a «stupid friend» who calls the latin proverb «calumniare audacter» a french proverb?

Is he not a «stupid friend» who cannot understand, why the conservative journals «did not like to *publish* the calumnies» which were *secretly* spread against Bakunin throughout Germany while the most revolutionary paper of Germany was obliged to publish them?

Is he not a «stupid friend» who ignores that «revolutionary feeling» at its highest pitch made the «lois des suspects» and beheaded the Dantons and the Desmoulins and the Anacharsis Cloots?

Is he not a «stupid friend» who dared not accuse the «Morning Advertiser» for having inserted the letter of F. M., while Bakunin is incarcerated at St-Petersburg, at the same time accusing the N[ew] Rh[enish] G[azette] for having inserted a similar letter in 1848 when Bakunin was free and not yet reduced to the misery of being defended by a «stupid friend»?

Is he not a «stupid friend» who makes the name of Bakunin a pretext for calumniating the friends of Bakunin while he is cautiously withholding his own name?»¹⁴

Итак, отвечай поскорее. Дело не терпит отлагательства.

Твой К. М.

¹ мое время и все мои силы. ² объединенных трактирщиков. ³ иностранного корреспондента. ⁴ германская газета. ⁵ «позволила себе даже сослаться на свидетельство Жорж Занд». ⁶ Инсинуации гг. Герцена и Головина меня не трогают, но позвольте мне восстановить факты. ⁷ польского эмигранта. ⁸ недавно вступил в сношения с русским правительством. ⁹ воздавал Бакунину должное за его участие в наших движениях. ¹⁰ «Если Ф. М. исходит из предвзятой идеи, что все континентальные революции способствуют тайным планам России, то он должен, если хочет хоть в малейшей степени претендовать на последовательность, осуждать не только Бакунина, но и всех континентальных революционеров, как русских агентов. В его глазах и сама революция является русским агентом. Отчего бы тогда и Бакунину не быть русским агентом?»¹¹ от иностранного корреспондента. ¹² Как надо писать историю (от иностранного корреспондента). Бакунин русский агент, — нет, Бакунин не русский агент. Бакунин умер в Шлиссельбургской крепости, много настрадавшись от дурного обращения, — нет, Бакунин не умер, он еще жив. Его сдали в солдаты и сослали на Кавказ, — нет, его не сдали в солдаты, он все еще сидит в Петропавловской крепости. Таковы те противоречивые сведения, которые поочередно появляются в печати по поводу Михаила Бакунина. В наши дни широкого развития публичности мы приходим к истине, лишь утверждая ложь; разве кто-нибудь доказал, что Бакунин не военный шпион России? Есть люди, которые не знают, что человечество делает людей зависимыми друг от друга, что, освобождая Германию от влияния, которое имеет на нее Россия, мы *обратным путем воздействуем* на последнюю, погружая ее снова в тот деспотизм, от которого ее освободит только революция. Таких людей напрасно было бы убеждать, что Бакунин является одним из самых чистых и великодушных представителей прогрессивного космополитизма. *Французская* пословица говорит: «Клеветайте, клеветайте, от клеветы всегда что-нибудь останется». Клевета на Бакунина, распространенная в 1848 г. одним из его друзей, в 1853 г. вновь преподнесена неизвестным. «Предателями являются всегда свои, — говорит другая пословица, — и лучше иметь дело с умным врагом, чем с глупым другом». Местом для распространения клеветы против Бакунина стал не консервативный орган, — эту задачу взяла на себя дружественная газета. У людей, которые забывают, — как забыл д-р Маркс, — что Бакунин сделан не из того теста, из которого делаются полицейские шпионы, очевидно мало развито революционное чувство. Почему он не поступил так, как поступают обыкновенно

английские газеты, и не опубликовал того письма польского эмигранта, в котором Бакунин изобличался? Ему бы не пришлось пожалеть о том, что его имя связывается с ложным обвинением. ¹³ шалуном. ¹⁴ «Лучше иметь дело с умным врагом, нежели с глупым другом», воскликнул бы Бакунин, если бы ему пришлось когда-либо прочесть письмо того «заграничного» Санчо Панса, который упражняется в вашем воскресном номере в цитировании плоских пословиц. Разве не «глупый друг» тот, кто упрекает меня в том, что я не *сделал* чего-то, что могло бы заставить меня пожалеть о том, что мое имя связывается с ложным обвинением? Разве не «глупый друг» тот, кто удивляется тому, что известно всякому школьнику, а именно, что истина устанавливается путем полемики и что исторические факты познаются из столкновения противоречивых утверждений? Когда «Новая рейнская газета» напечатала парижское письмо, Бакунин находился на свободе. Если он сам в 1848 г. удовлетворился публичными заявлениями «Новой рейнской газеты», то не «глуп» ли тот друг, который находит их неудовлетворительными в 1853 г.? Если он совершил ошибку, возобновив свою дружбу с редактором «Новой рейнской газеты», то не «глуп» ли тот мнимый друг, который теперь публично разоблачает слабости Бакунина? Разве не «глупый друг» тот, кто находит необходимым снова погрузить Россию в деспотизм, как будто бы Россия когда-либо была от него свободна? Разве не «глупый друг» тот, который латинское изречение «*calumniare audacter* (клеветчи смело)» называет французской поговоркой? Разве не «глупый друг» тот, который не может понять, почему консервативные газеты не могли *опубликовывать* подозрения против Бакунина, распространяемые *тайно* по всей Германии, в то время как самая революционная газета Германии была обязана предать их гласности? Разве не «глупый друг» тот, кто не знает, что высшее напряжение «революционного чувства» создало «законы о подозрительных» и отрубило головы Дантону, Демулану, Анахарсису Клоотсу? Разве не «глупый друг» тот, кто не решился бросить обвинение «*Morning Advertiser*» за то, что он напечатал письмо Ф. М. в такой момент, когда Бакунин сидит в тюрьме в Петербурге, и который в то же время осуждает «Новую рейнскую газету» за то, что она напечатала подобное письмо в 1848 г., когда Бакунин был на свободе и не испытывал печальной необходимости быть защищаемым «глупым другом»? И разве не «глупый друг» тот, кто пользуется именем Бакунина как предлогом для того, чтобы клеветать на друзей Бакунина, скрывая в то же время тщательно свое собственное имя?

270.

28, Deanstreet, Soho, 7 сентября 1853 г.

Dear Frederic!

Твое письмо прибыло слишком поздно. Я эту пакотню сгустил, выбросил весь ненужный пафос, подшлифовал и послал в понедельник в любезный орган объединенных «*licensed victuallers*».¹ Не напечатали. В то же время сия в высшей степени последовательная газета напечатала краткое «*letter*»² от «*a native correspondent*»³ (вероятно Д. Уркарт), в котором его собственный «*Foreign correspondent*»⁴ довольно недвусмысленно разоблачается как «*Russian*

agent»,⁵ да и самому Бакунину достается довольно порядочно. «M[orning] A[dvertiser]» не напечатала моей реплики очевидно потому, что она написана не так путанно, как письмо ее «английского» сотрудника. Моя заметка появится в «People's Paper».

То, что я в письме к тебе упомянул и имя г-на Дронке, было, конечно, чистойшей *lapsus linguae*,⁶ — старая привычка!

Я не думаю, чтобы заявление «маленького» Бланки имело какое-нибудь значение или что мы что-нибудь выиграем от этого аппендикса.

Славный малый так усердно посплетничал, что 1) Лупус не сказал мне ни разу ни единого слова о своем отъезде, хотя я давным-давно знал об этом от тебя; 2) тот же Лупус говорит о тебе всегда очень сдержанно; 3) мне вчера *вечером* пришлось выдержать невероятную сцену.

Я сидел за работой. Жена и дети были в комнате. Тяжелыми шагами входит Лупус.— Я предположил, что, он, наконец, пришел прощаться, так как он в моем доме никогда не заикнулся о предстоящем отъезде.

Я взял у него год тому назад маленькую испанскую грамматику Франсезона приблизительно в 120 страниц. Насколько помню, месяцев пять тому назад я вернул ему эту книжонку. Если же нет, то ее стянул Дронке. Этот старый господин уже два раза спрашивал об этой книжонке мою жену и Ленхен, которые обещали ему поискать ее.

И вот вчера вечером,— этот субъект был в очень раздраженном состоянии,— я говорю ему в возможно спокойном тоне, что я не могу найти этой книжки, я везде ее искал, так что я думаю, что вернул ее ему и т. д. Этот болван отвечает в грубом, глупом, бесстыдном тоне: «Ты ее *продал*» (дрянная книжонка, и я дам всякому соверен, если он во всем Лондоне получит за нее 2 фартинга). Я, конечно, рассердился, последовал резкий разговор, он настаивал, как упрямая лошадь, на своем безумии, ругал меня «*au sein de ma famille*».⁷ Ты знаешь, что я прощаю многое старым, впавшим в идиотство людям, которые заслуживают уважения по партийной традиции. Но все имеет свои границы. Кажется, старый дурак был удивлен, что я ему, наконец, показал зубы.

Все это результат интриг Дронке, плод слишком частого употребления джина и разжигания мозгов. Может быть, морской воздух окажет благоприятное влияние на его орган мышления. Можно присвоить себе привилегию старого ворчуна, но не следует злоупотреблять ею. Мой путь также не усыпан розами, и его тяжелое

материальное положение ни в какой мере не является извинением в моих глазах.

Жалкие русские как в «Трибуне», так и в лондонском «Advertiser» (хотя и различные лица и в различной форме) выезжают теперь на том принципе, что русский *народ*, дескать, насквозь демократичен, а официальная Россия (царь и бюрократия) это немцы, и дворянство также немецкое. Таким образом, надо бороться с Германией в России, а не с Россией в Германии.

Ты больше знаешь о России, чем я, и если найдешь свободное время, чтобы выступить против этого идиотизма (ведь точно так же и тевтонские ослы сваливают деспотизм Фридриха II и т. д. на французов, как будто отсталые рабы не нуждаются всегда в цивилизованных рабах, чтобы пройти нужную выучку), — то ты меня очень обяжешь. Само собою разумеется — в «Трибуне».

Твой К. М.

Напиши мне подробно о *состоянии дел*, и притом прямо *по-английски*.

На прилагаемое письмо Клейна, — которое прошу бережно сохранить, — я ответил дипломатически. С Лондоном переписка совершенно невозможна. Фабричные рабочие должны держаться *особняком*, замкнувшись исключительно в своей собственной среде и не связываясь с мещанами и т. п. в Кельне, Дюссельдорфе и т. п. Если они хотят раз в год присылать сюда кого-либо для того, чтобы посоветоваться с нами, то мы ничего против этого не имеем.

¹ концессионированных трактирщиков. ² письмо. ³ своего [английского] корреспондента. ⁴ иностранный корреспондент. ⁵ русский агент. ⁶ обмолвкой. ⁷ в кругу моей семьи.

271.

[Госпожа Маркс — Энгельсу.]

[9 сентября 1853 г.]

Дорогой господин Энгельс!

Только-что у нас был Имандт и сообщил нам, что Дронке изучал испанский язык, и ему *кажется*, что он у него видел маленькую «пропавшую» грамматику. Карл очень просит вас, дорогой господин Энгельс, сейчас же по получении этого письма узнать у Дронке относительно этой ничтожной книжонки; тогда бы все выяснилось еще до отъезда Изегрима, к собственному его посрамлению. Вам, наверное, смешно, что мы всерьез принимаем эту глупую историю, но надо было ее пережить, чтобы понять нас; этот мужичкий, грубый тон, это наглое выступление, этот дикий крик, этот [...?] и такое возмущение в присутствии меня и детей! Было бы божественно, если бы пропавшая

книга нашлась у нашего друга. Только не называйте Имандта. Теперь уже поздно, посылаю письмо к вам на дом. Еще приятный сюрприз. Бамбергер угрожает судом по поводу швейцарской истории. Шабелиц поручил ему подать в суд на моего мужа из-за одного места в письме, в котором Карл обещает взять половину расходов на себя в случае, если это дело хорошо кончится. Пришлите нам то письмо, которое у вас имеется в деле. Карл клянчит у вас еще раз о заметках по поводу русского и турецкого расположения войск. Так как история эта не закончена, то он опять должен о ней писать, — американцы ведь с ума сошли на eastern question.¹

Карл сегодня снова выжал из себя длинную экономическую статью, очень устал и потому поручил мне написать вам.

Будьте здоровы, сердечный привет от всех нас.

Женни Маркс.

Лупус, как мы слышали, завтра рано утром уезжает. Он даже не простился со мной и с детьми.

¹ восточном вопросе.

272.

28, Deanstreet, Soho, 17 сентября 1853 г.

Dear Frederic!

Ты становишься чертовски молчаливым.

Так как я ожидал вчера your article,¹ то статью я составил только из новейших известий. Но письмо от тебя не пришло, и корреспонденция ухнула.

В течение ближайших двух недель, начиная с сегодняшнего дня, мне твое сотрудничество решительно необходимо. *Пупер* уходит сегодня на две или на три недели, — правда, не в монастырь, но в немецкий госпиталь, своего рода санитарную тюрьму, где его основательно излечат от последствий и отзвуков греховных страстей. Так как я и без того, из-за беготни к этому несчастному Шпильману, пропустил 3-4 статьи, то мне теперь необходимо отсылать регулярно каждый вторник и каждую пятницу по статье для того, чтобы набрать достаточно денег по векселю. Имеются шансы, что Фрейлиграту удастся найти среди своих деловых друзей человека, который будет регулярно учитывать мои векселя.

Если ты за это время кое-что напишешь, то я пошлю тебе остальное на просмотр, и ты сможешь прямо присоединить в начале или в конце новейшие известия о Турции, почерпнутые из «Débats» или других газет, или свежие депеши особой важности и отправить в Ливерпуль.

Ко вторнику ожидаю статью от тебя.

Было бы хорошо написать что-нибудь о положении армий и т. д. В английских газетах по этому вопросу пишут массу ерунды: будто Омер-Паша переправился через Дунай и т. п.

Отослал уже две статьи о торговом кризисе: одну — в прошлую пятницу об Английском банке, его учетном % и о влиянии (или, точнее, о попытке влияния) пилевского акта и вторую — во вторник о ценах на хлеб, признаках overproduction etc.² Нужно было бы дать что-нибудь более подробное о manufacturing districts.³

Прилагаю еще кое-что из писаний «человека из Трибуны» и «о нем» — издателей «Трибуны». Это, оказывается, after all⁴ не русский, но a German.⁵

Благодаря отмене пошлины на объявления Джонс имеет теперь каждую неделю 3 ф. ст. с объявлений. [The] Paper is arriving to the paying point.⁶ Тогда возникнет и источник доходов для Пипера.

Напиши мне также о путешествиях Лупуса, который, как я потом узнал, выбрался отсюда лишь в прошлую субботу.

Будь здоров.

Твой К. М.

Прилагаю еще вырезку из великолепной «Neu-England-Zeitung».

¹ статью от тебя. ² перепроизводства. ³ фабричных округов. ⁴ после всего. ⁵ немец. ⁶ Газета скоро начнет себя окупать.

273.

Манчестер, 19 сентября 1853 г.

Дорогой Маркс!

Моей работе и моим писаниям до сих пор сильно мешало присутствие «старика» [В. Вольф], который пока расположился у меня. На его screwsteamer¹ никак нельзя было найти место, при этом Борхардт очень настаивал, чтобы он сначала попытался получить здесь уроки, а кроме того у него были некоторые виды на заработок и в Ливерпуле. Так или иначе, он хочет еще попытать счастья здесь, а я не хочу, чтобы он заметил, как иногда изготавливаются корреспонденции для «Трибуны», раз он так глупо поступил по отношению к тебе в Л[ондоне]. Здесь перед ним открываются некоторые перспективы, и после того как мы с Борхардтом долго толковали с ним вчера об этом, он сегодня двинется на разведки. Таким образом, у меня будет свободный вечер и я смогу сфабриковать для тебя статью о положении дел здесь, которую и отошлю

следующей почтой. Русскую статью напишу, как только будет возможно. Я полагаю, что автор — прибалтийский немец или полу-поляк; у него, повидимому, много материала, и нужно быть осторожным, но его все же удастся вывести на чистую воду. Или это, может быть, тот самый Лева, который писал письма к Нессельроде в «Н[емецкой] лондонской газете»? И здесь, и там достаточно болтовни и сплетен.

«Réforme» получаю очень нерегулярно. Не слыхал ли ты чего-нибудь о Клузе?

NB. Так как Лупус, как видно из твоего сегодняшнего письма, удрал даже не попрощавшись с тобой, то я ему не показываю ничего из того, что ты присылаешь; *il reste parfaitement en dehors de tout.*² Если бы дело не касалось Борхардта, который раздобыл 10 ф. ст. для его поездки и вообще хорошо к нему относится, то я отнесся бы к господину Лупусу более сдержанно. В особенности потому, что этот субъект, хотя и сохранил упорство, но потерял свой стоицизм и очень зависит от людей, из которых он надеется извлечь пользу. *Il est même devenu un peu flatteur,*³ и еще как! Впрочем, посмотрим, не приведет ли лучшее материальное положение, — если его удастся устроить, — нашего старичка опять в чувство, и тогда он должен будет попросить у тебя прощения.

Спешу теперь домой, чтобы засесть за работу.

Твой Ф. Э.

¹ винтовом пароходе. ² он остается вне всего. ³ Он стал даже немного льстивым.

274.

29 сентября 1853 г.

Дорогой Маркс!

Прилагаю статью о турецких армиях. Если ты мне сообщишь содержание твоих статей о стачках в Ланкашире и о *state of trade*,¹ которые ты намереваешься завтра послать, то я смогу написать продолжение к ним и приготовить тебе ко вторнику дальнейший отчет об этих делах. Фабриканты и торговцы стараются здесь из всех сил уговорить друг друга, что дела не так плохи; о том же хлопочет и [Manchester] Guardian. Но все это — *sham and humbug.*² За истекшую неделю простая пряжа упала на $\frac{1}{4}$ — $\frac{3}{8}$ пенса за фунт; считая фунт в 9 пенсов, это выходит падение цен на $3-4\frac{1}{2}$ процента; при 8 пенсах — $3-6\%$, а при 7 пенсах $4-7\%$. Хлопок за это же время упал в цене почти на $\frac{1}{8}$. Запасы накапливаются,

demand³ даже на home trade⁴ уменьшается. Спекуляция с Австралией достигла таких колоссальных размеров, что 80 000 барелей [бочек] американской муки пересланы сюда с платой за провоз по 8 шилл. за барель. Австралийский crash⁵ недельки через четыре будет, пожалуй, уже в полном разгаре. «Хорошие вести» из Ост-Индии сводятся к тому, что повышение цен там и их понижение здесь в общей сложности все же дают убыток при вывозе туда. Процветает только торговля с Америкой и хлебная спекуляция. В Эбридже уже платят 80 шилл. за *квартер* пшеницы 1 сорта. Corn looking up, yarn looking down,⁶ а турецкая каша is the fairest possible way of boring our merchants all winter over.⁷

Manufactured goods⁸ тоже падают с треском, и их избыток еще опаснее, чем избыток пряжи. Решение фабрикантов приостановить производство убивает двух зайцев одним ударом: 1) оно обезоруживает рабочих; 2) уменьшает производство. Престонцы получают, конечно, общий вотум признательности, если не возмещение убытков. В Эштоне, Стейлибридже и Глоссопе фабриканты также подумывают о приостановке, а некоторые также и здесь. Впрочем, это имеет и свою заковыку, так как приостановка выгодна лишь тем, которые производство не приостанавливают. Те же, которые приостановили, имеют только один убыток.

Лупус имеет шансы получить место корреспондента, — если верить Борхардту. Старик изучает русский язык и тому подобное, и попрежнему питает пристрастие к турецкому вопросу, в чем я его охотно поощряю.

Привет жене и детям.

Твой Ф. Э.

Что ты скажешь по поводу меланхолических и добродетельных перспектив Якоби относительно гибели земли?

¹ состоянии дел. ² одно надувательство. ³ спрос. ⁴ внутреннем рынке. ⁵ крах. ⁶ Хлеб подымается, пряжа падает. ⁷ лучший способ держать наших торговцев всю зиму в угнетенном состоянии. ⁸ Готовые фабрикатy.

Дорогой Фредерик!

Военная статья великолепна. Я сам испытывал misgivings¹ по поводу продвижения Russian forces² на запад, но, разумеется, не решался to trust to my judgement³ в подобных вещах. В продол-

жение шести месяцев, в течение которых тянутся стачки, я дал о них с перерывами целый ряд статей. Теперь, правда, наступил новый turn.⁴ В той статье, в которой я использовал твои strike generalities,⁵ я привел целую массу названий strike localities.⁶ Рассказал также об историях в Престоне и Вигане. О Манчестере у меня не было никаких подробностей. Preston manoeuvre⁷ я изобразил (весьма кратко, кстати): 1) как попытку фабрикантов прикрыть свое отступление от перепроизводства ссылкой на рабочих, которые, дескать, своими требованиями заставляют их закрыть mills;⁸ 2) как попытку to starve the operatives into submission.⁹

Как видишь, я дошел в своей history of strikes¹⁰ только до прошлого вторника и совершенно не затронул Манчестера.

Заметки о ценах на пряжу и хлопок, а по возможности также и на goods,¹¹ ты мог бы несколько расширить,—так, чтобы получилась, по крайней мере, хоть отдельная глава в письме.

Я должен в каждом письме, кроме основных тем, следить также шаг за шагом за русскими нотами и английской Foreign Policy¹² (а она великолепна), ибо эти ослы в Нью-Йорке считают это самым важным, а after all¹³ нет ничего легче, как эта «high»¹⁴ политика.

До будущего вторника, через неделю, я изготовлю статью об «Oriental church»,¹⁵ а до будущей пятницы, через неделю, у меня будет готова первая из трех статей о Дании, где через месяц снова начнутся заседания различных сословных собраний. Если случится что-нибудь в военной области, то я всецело полагаюсь на военное министерство в Манчестере, которое немедленно пришлет мне инструкцию, точно так же в отношении cottons¹⁶ и yarns,¹⁷ о которых в здешних газетах имеется отвратительная информация.

Прежде всего я хочу их «заморить статьями», так как момент благоприятный, и если я одновременно получу кое-что от тебя, то я смогу распределить темы на более продолжительное время. Прибавь к тому, что я без своего секретаря немного боюсь за свой английский язык.

Лупусу не передавай от меня поклона.

Твой К. М.

¹ опасения. ² русских сил. ³ доверяться своим суждениям. ⁴ поворот. ⁵ общие замечания о стачках. ⁶ тех мест, где происходят стачки. ⁷ Престонские маневры. ⁸ фабрики. ⁹ взять рабочих измором. ¹⁰ истории стачек. ¹¹ фабрикаты. ¹² английской иностранной политикой. ¹³ после всего. ¹⁴ высокая. ¹⁵ «Восточной церкви». ¹⁶ хлопок. ¹⁷ пряжи.

276.

28, Deanstreet, Soho, London, 8 октября 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Прежде всего должен тебя попросить прислать мне, по возможности обратной почтой, хотя бы немного денег. Две недели тому назад Шпильман выплатил, наконец, деньги, удержав почти 2 фунта. Тем временем долги, разумеется, так возросли, что все самое необходимое полностью отнесено в ломбард, моя семья обносилась, и вот уже 10 дней, как у меня в доме ни гроша. У меня есть на руках доказательства, что Шпильман меня надул. Но à quoi bon?¹ Дело в том, что нью-йоркская фирма по моей просьбе вернула мне вексель вместе с письмом, из которого следует, что она уплатила по векселю *уже 22 июля*, между тем как я получил деньги только в конце сентября. Теперь мне предстоит получить еще 24 ф. по векселю. (С того времени, как Пипер сел, я послал шесть статей, в том числе одну, весьма зажигательную *acte d'accusation*² против Пальмерстона, в которой я проследил всю его карьеру от 1808 до 1832 г. Продолжение я вряд ли смогу изготовить ко вторнику, так как необходимо просмотреть целую массу *Blue-books*³ и парламентских отчетов, а пятница и сегодняшний день пропали из-за беготни за деньгами. Статью к пятнице я написал ночью; с 7 час. утра до 11 я диктовал ее моей жене, а затем отправился в Сити.) Фрейлиграт обещает,— и приложит все усилия, дав свое *endossement*⁴ и т. д., для того, чтобы учесть этот вексель у Бишофсгейма, но раньше 8—10 дней дело выгореть не может.

Таков *casus belli*.⁵ Придется как-нибудь выпутываться эти дни. Кредита на средства пропитания (кроме горячих напитков и пр.) не имеется. Кроме того, вероятно, завтра явится ко мне из больницы Пипер — *peut-être*.⁶ Как только я получил деньги, я послал ему 3 фунта, но этот осел доверил их на сохранение Либкнехту и теперь не получит из них ни полушки.

Из всех приятных сюрпризов, которые мне здесь преподносились в течение стольких лет, самые приятные мне всегда бывали уготованы так называемыми партийными друзьями: красным Вольфом, Лупусом, Дронке и т. д. Сегодня Фрейлиграт рассказывал мне, что Франц-Иосиф-Даниэльс находится в Лондоне и был у него вместе с красным Вольфом. Ко мне же он не зайдет, ибо я засадил его брата в тюрьму при посредстве Баниа. А Баниа впервые был у меня в феврале 1852 г., Даниэльс же сел в мае 1851 г. Как видишь, действие весьма *retrospective!*⁷ Эта подлая сплетня (награда за все мои труды и

хлопоты и другие приятности, вызванные процессом!), конечно, жадно подхватывается кое-кем для того, чтобы прикрыть свои собственные подлости по отношению ко мне и свое трусливое отступление. А непосредственной причиной всей этой мерзости является не прекращающееся повсюду ворчание господ Дронке-В. Вольфа, которые себе сняли все сливки, а мне охотно предоставили всю черную работу

Если бы я хорошо, или, по крайней мере, беззаботно жил, я бы, разумеется, наплевал на все эти подлости. Но кроме материальных мук переносить еще другие гадости, вроде упомянутых, *c'est un peu fort*.⁸ Я намерен при ближайшей оказии публично заявить, что не имею ничего общего ни с одной из партий. Я не намерен больше терпеть, чтобы всякий партийный осел мог меня оскорблять под партийным предлогом.

Ты видишь теперь, как это необходимо, чтобы моя брошюра попала в Германию. Так как ты не можешь этого сделать, то пришли мне адрес Штрона, с которым я хочу посоветоваться по поводу этого дела.

Я также очень хотел бы услышать объяснение господина Дронке по поводу книги. Что же касается господина Лупуса, то он думает свою услужливость по отношению к протежирующим ему буржуа сгладить наглыми выходками против меня.

Я его могу заверить, что дело этим не кончится; его хвастовство у Имандта, будто бы он во время прощания со мной на меня излил всю свою филистерскую желчь, не останется безнаказанным.

Прилагаю письмо от Клуca. В своей статье против «*Neu-England-Zeitung*» он, как мне кажется, довольно удачно собрал подходящие места из моих писем о Кэри и т. д.

Твой К. М.

¹ что мне от этого? ² обвинительный акт. ³ Синих книг. ⁴ жирно. ⁵ повод для войны. ⁶ быть может. ⁷ обратное. ⁸ это уж слишком.

277.

12 октября 1853 г.

Дорогой Энгельс!

2 фунта ст. получил. Они прибыли тем более кстати, что Оксфорд, принципал Фрейлиграта, еще не вернулся из своей поездки, и дело, таким образом, затягивается.

Что касается «Трибуны», то к пятнице у меня будет готова статья № 2 о Пальмерстоне. Статья № 3 и *ultimus*,¹ охватывающая це-

риод времени от 1848 до 1852 г., требует такой уймы Синих книг и parliamentary debates,² что мне никак не справиться с ней до вторника, принимая во внимание, что воскресенье falling out as far as the British Museum is concerned.³ Было бы поэтому в высшей степени полезно, также и в смысле сбережения времени, если бы ты ко вторнику прислал какие-нибудь дополнения. Но какого содержания? Право, и сам не знаю. Может быть, что-нибудь из области текущей политики, и я бы мог лишь добавить самое новейшее. Может быть, если ты за этим следил, — а господа Грили и Мак-Эльрат удовольствуются малым, — о влиянии предстоящего кризиса на doing away with the Bonaparte régime?⁴ Думаю, что теперь самое подходящее время обратить внимание на Францию, где катастрофа все же разразится.

Недостаток хлеба и вина. Благодаря дешевым ценам на хлеб Париж привлекает к себе рабочих со всей Франции и таким образом рекрутирует войско для революции, в то время как эти ново-прибывшие понижают и без того падающие wages⁵ парижан. Хлебные riots⁶ в Эльзас-Лотарингии, Шампани. Недовольство крестьян по поводу предпочтения, оказываемого Парижу; рабочих — по поводу дорого стоящих чествований армии; буржуа — по поводу насильственного вмешательства в экономические законы в пользу рабочих. Уменьшение спроса прежде всего на предметы роскоши. Начинающееся closing [of] workshops.⁷ Контраст между всей этой misère⁸ и lavish expenditure⁹ и биржевыми махинациями семейства Бонапартов. Hollowness¹⁰ всей системы кредита, превратившаяся в колоссальное чисто мошенническое предприятие под руководством люмпен-пролетарского императора и еврея Фульда. Биржа, банк, железные дороги, ипотечные банки и, как они там еще называются, эти мошеннические учреждения! Повторяется режим последних дней Луи-Филиппа, только в комбинации со всякими свинствами и без redeeming features¹¹ empire¹² и Реставрации. Pressure¹³ правительства на банк. Сборщики податей начинают действовать в деревнях суровее, чем когда-либо. Громадная разница между предположенным и действительным бюджетом. Все городские управления кругом в долгу ввиду необходимости поддержать видимость «расцвета». Затем влияние восточного вопроса на государственные бумаги и опасное использование колебаний курса бумаг самим двором. Деморализация армии. Следовало бы еще специально подчеркнуть, что манифесты, воззвания и т. п. единомышленников Ледрю[Роллэна], Луи Блана и всяких других оттенков не сдвинули дела ни на йоту с места, между тем как социальный и экономический кризис

сразу приводит все в движение etc. Я, конечно, не знаю, привлекает ли тебя эта тема. Во всяком случае дай мне немедленно знать, ожидать ли мне ко вторнику твою статью, или нет, ибо в зависимости от этого я буду знать, как устроиться.

Твой К. М.

В «*Economist*» — на прошлой неделе (собственно говоря, в субботнем номере, следовательно, на этой неделе) много всякого материала в парижской корреспонденции.

¹ последняя. ² парламентских отчетов. ³ пропадает из-за закрытия Британского музея. ⁴ крушение бонапартовского режима. ⁵ заработную плату. ⁶ бунты. ⁷ закрытие мастерских. ⁸ нищетой. ⁹ расточительностью. ¹⁰ Дутость. ¹¹ смягчающих черт. ¹² империи. ¹³ Давление.

278.

28, Deanstreet, Soho, 28 октября 1853 г.

Dear Frederic!

Mes remerciements pour les deux articles.¹ Боюсь, что ты под влиянием Смита немного переоценил подвиги русских. D'abord,² что касается похода 1828 — 1829 гг., то он, по свидетельству большинства современников, носил жалкий характер. Сошлюсь на report,³ посланный duke of Wellington⁴ его адъютантом и опубликованный в «*Portfolio*». Крепости были взяты не столько штурмом, сколько при помощи подкупа. Вообще, bribery⁵ сыграл большую роль в этом походе. Перейдя через Балканы, Дибич и сам не знал, что с ним будет: победит ли он, или будет позорно взят в плен и отрезан. Спасли его опять-таки подкупность одного из командующих пашей и utter dissolution [of] the turkish army.⁶ Россия начала войну после того, как турецкий флот был уничтожен в Наварине, старая организация армии была уничтожена Махмудом, а новая еще не была создана. Сейчас условия иные.

В «*Débats*» за последние две недели был напечатан ряд статей о походах 1828 и 1829 гг. Но я их не читал. Остальной материал я просмотрю в библиотеке.

Пипер уже с неделю тому назад вышел из больницы и имеет две должности: 1) при посредстве Клуса должность корреспондента «*Washington Union*» и 2) должность письмоводителя (от 9 до 5 часов) у одного сgaraud⁷ в Сити за 25 шилл. в неделю. Таким образом, я уже не могу им пользоваться. Tant mieux⁸ для него. Я рад, что он выпутался из этой грязи.

Посылаю тебе продолжение Пальмерстона. Джонс просил меня присылать ему продолжение. Я послал ему еще одну статью, но заявил, что не дам больше ничего, если не прекратится это свинство с опечатками (на этот раз ужасно грубые и искажающие смысл). А рукопись была написана очень чисто.

У Рингса был приступ помешательства, он пробыл несколько дней в Work-house, ⁹ состояние его еще серьезно. Причина — пьянство; торжественный Лупус несет значительную долю ответственности, так как он after he has shut up his shop ¹⁰ совратил его джином. Притом он слишком полнокровен для того, чтобы выносить бездеятельность, и пока не нашел еще никакой новой работы. Проклятие, что все эти молодцы у нас сходят с ума.

Посылаю тебе приложение о геройских подвигах Гейнцена.

Твой К. М.

¹ Спасибо за обе статьи. ² Прежде всего. ³ отчет. ⁴ герцогу Веллингтону. ⁵ подкуп. ⁶ крайнее разложение турецкой армии. ⁷ филистера. ⁸ Тем лучше. ⁹ рабочем доме. ¹⁰ после того, как тот закрыл свою мастерскую.

279.

28, Deanstreet, Soho, 2 ноября 1853 г.

Дорогой Энгельс!

Ты должен прислать мне до послезавтра хоть одну или две страницы (если тебе уж очень некогда) о crossing of Danube ¹ турок и взятии ими Калафата. Вчера я упомянул об этом известии как об «very doubtful». ² Но оно, по видимому, подтверждается, и, во всяком случае, ты из завтрашних газет узнаешь, как обстоит дело. Я не могу ни молчать об этом, ни писать с точки зрения «здравого смысла», раз мы уже приступили к изучению этого вопроса с чисто научной точки зрения. Если верить французским газетам, то Шамиль порядком-таки помял русских и угрожает даже Тифлису, а Воронцов будто бы написал своему правительству, что он без значительных подкреплений не сможет удержать Грузии ввиду того, что ему угрожают с двух сторон.

«Трибуна» в последнее время часто прибегала к политике аннексий. Во-первых, была аннектирована в качестве передовицы твоя первая военная статья, а во-вторых, моя статья о Пальмерстоне, продолжение которой этим уже заранее аннектировано. Тебе это покажется смешным, но я, внимательно изучив деятельность благородного виконта за двадцать лет, пришел к тому же заключению, что и мономан Уркарт, а именно, что Пальмерстон уже несколько

десятков лет тому назад продался России. Когда ты прочтешь продолжение моей статьи (в особенности историю о сирийско-турецком конфликте), ты должен сообщить мне свое мнение по этому вопросу. Я рад, что случай заставил меня поближе ознакомиться с внешней дипломатической политикой за двадцать лет. Эта сторона была у нас в большом загоне, а ведь надо же знать, с кем приходится иметь дело.

Вся дипломатия воспроизводит в крупном масштабе дела Штибера, Баниа et С^о.

«New-York Enquirer», редактируемый генералом Вэббом, — я этой статьи еще не читал, — выступил против твоей передовицы в «Трибуне». Дело, дескать, изложено с научной стороны правильно, но турецкие войны ведутся на основании иных принципов. Турки при всех обстоятельствах перейдут в наступление и т. д.

Как обстоит дело с фабричным про-ле-та-ри-атом?

Твой К. М.

¹ переходе через Дунай. ² очень сомнительном.

280.

28, Deanstreet, Soho, 6 ноября [1853 г.].

Дорогой Энгельс!

Прилагаю ругань великого Карла Гейнцена в его «Herold des Westens», направленную против меня и коммунизма.

Одновременно прилагаю и письмо от Клуса. Из него ты можешь увидеть, что зажигательная ракета Виллиха прибудет со следующей почтой. Самое скверное это то, что они свою пачкотню разошлют по всей Германии, в то время как мой памфлет покоится мирным сном в Манчестере и Лондоне, и что они сейчас в лице Гейнцена имеют зычное эхо, между тем как всего несколько месяцев тому назад В[иллих] не имел в своем распоряжении ни одной газеты, кроме «Kriminalzeitung». Когда эта дрянь получится, я перешлю ее тебе для того, чтобы ты мне написал, что, по-твоему, еще надо предпринять.

Из письма Клуса ты видишь, как обстоит дело с «Réforme». Попроси «Старика» [В. Вольф] и Дронке писать для нее. У них времени хоть отбавляй. Не знаю, хорошо ли будет, если мы оба начнем писать сами. Письмо Веерта *horriblement*¹ пресно, несмотря на все старания быть остроумным.

Твой К. М.

¹ ужасающе

281.

28, Deanstreet, Soho, London, 21 ноября 1853 г.

Дорогой Энгельс!

При сем почтовый перевод на 2 фунта ст. для Лупуса. Получил их от Клуса, *nota bene*¹ по моему настоянию.

Одновременно прилагаю в высшей степени жалкую стряпню Виллиха. Ты и Дронке должны прислать мне не позже *пятницы заявления* по поводу нападок, относящихся ко мне. Я их включу в свой *general answer*² в форме *заявлений*. Мы должны быть столь же стремительны в своем ответе, сколь медлителен был благородный Виллих в своем нападении. Постарайся только написать свое заявление как можно более юмористически.

Спасибо за турецкую статью. Когда она прибыла, уже получилось известие об отступлении турок, и я ее повернул в соответственном смысле. Напиши мне хоть раз, — уже четыре недели ты не отвечаешь на мои письма и все отделяешься шестью строчками.

Твой К. М.

Не хочешь ли ты приехать сюда на Рождество и заехать *ко мне*? У меня для тебя теперь имеется маленькая комната. Может быть, ты можешь таким образом избавиться от старика.

¹ кстати сказать. ² общий ответ.

282.

28, Deanstreet, Soho, 23 ноября 1853 г.

Дорогой Энгельс!

«*People's Paper*» был забыт. Прилагаю его при сем. Пять статей, появившиеся до сих пор в газете Джонса, составляют лишь три статьи в «Трибуне».

Знаю, что ты сильно занят, и все же должен попросить тебя написать мне к *пятнице* по меньшей мере (а больше и не нужно) две (твоих обыкновенных) страницы по-английски для отсылки, чтобы не пришлось еще терять время на перевод. Мне кажется, что для этой зимы поход надо считать законченным. Во всяком случае, его первый период закончен, и потому ему можно дать общую характеристику. Итак, рассчитываю получить от тебя, по меньшей мере, две страницы.

В истории с Виллихом необходимо действовать быстро в противовес его полугодичному затягиванию.

Твой К. М.

Старик уже получил банкнот в 2 ф. стерл.?

283.

[Госпоюса Маркс — Энгельсу.]

[24 ноября 1853.]

Дорогой г-н Энгельс!

Я заполнила почтовый чек на имя Вильяма Вольфа, а отправителем выставила Чарльза Маркса.

Объяснения по поводу виллиховской истории навряд ли удастся отправить завтра, так как Мисковский, «исчезнувший русский офицер», до сих пор не найден. Он живет где-то в Уайт-Чепеле, и адрес его был затерян. У Кошута, к которому обратились косвенным путем, тоже не было его адреса. Только-что отправлен посыльный в Уайт-Чепель. К несчастью для доблестного Виллиха, человек этот уже несколько месяцев опять здесь и имеет на руках удостоверение, подписанное самим Кошуттом, о том, что действительно был венгерским повстанцем, и сможет теперь сам рассказать историю с дуэлью.

Père¹ занят продолжением статьи о Пальмерстоне и надеется сегодня утром получить небольшую сумму. С сердечным приветом

Женни Маркс.

¹ отец.

284.

28, Deanstreet, Soho, Лондон, 2 декабря 1853 г.

Дорогой Фредерик!

Mes remerciements pour le beautiful article.¹ Господин Дана заслужит в Америке звание фельдмаршала.

Что ты приезжаешь сюда для того, чтобы опять поселиться у филистеров, мне совсем не нравится.

Господин Дронке ведет себя, как жалкий маленький интриган. Штрону он говорит, что послал тебе свое заявление и газету. Тебя он заверяет, что я получил и то, и другое, а на самом деле *ничего не получилось*. Пусть, по крайней мере, этот little man² отошлет тебе газеты. Я имею здесь свой экземпляр. Но в Брэдфорде не нужно ни одного. Так как эта дрянь от Д[ронке] не получилась, я рылся в старых письмах и нашел случайно *congrus delicti*³ с преступным местом, которое я цитирую дословно. Письмо было адресовано тебе. Если прилагательные и смягчают точность фактов, то господину Дронке все же придется пенять на самого себя, если я для доказательства того, что я *du moins*⁴ точен, pošлю его письма в Нью-Йорк. Там имеются странные, теперь, наверное, и неприятные ему места, например о фанатическом «грубияне Имандте», в настоящее время его близком друге, которому он пишет два раза в неделю. Страсть этого человека к интригам нам известна.

Во вторник отослал свой ответ: «*Рыцарь благородного сознания*». Он будет удивлен. Включил в качестве интересного материала

твое письмо и другие письма от Стеффена, Мисковского (со свидетельством Кошута) и т. д., разумеется за вашими подписями. Напиши немедленно.

Джонс подвергся нападению «Экономиста» и приобретает известность.

Кстати. Во вторник был польский митинг. Мадзини и Кошут не пришли. Идиотская болтовня Ворцеля, Руге и Ледрю[Роллена] была достойна этой публики. Моя жена была там. То же самое произошло на другом митинге, созванном в понедельник поляками демократического толка. Председателем был объявлен Гарни. Присутствовавшие 50 или 60 английских рабочих устроили страшный скандал. Шиканье и крики «traitor»,⁵ «drybones»⁶ (он так назвал чартизм), «renegade».⁷ Страшная потасовка. Гарни не осмелился подняться на chair;⁸ его ужасно вздули, истерзали, изругали и он, несмотря на неоднократные попытки, никак не мог добиться, чтобы его выслушали. Глупые поляки, конечно, ничего не поняли и видят во всем этом «реакцию». Такова Немезида, постигшая «папашу Джорджа-Джулиана Гарни».

Твой К. М.

Из прилагаемого письма ты увидишь, что Клус, к сожалению, уже ответил. Но так как я мою вещь уже написал, она должна была быть отослана. *Даром* на Виллиха работать нельзя.

¹ Прими мою благодарность за прекрасную статью. ² человек. ³ обвинительный материал. ⁴ по крайней мере. ⁵ предатель. ⁶ сухопарый. ⁷ ренегат. ⁸ президентское кресло.

285.

[Около 12 декабря 1853 г.]

Дорогой Энгельс!

Из телеграммы, полученной от тебя сегодня утром, я, разумеется, не могу заключить:

1) Получил ли ты из Нью-Йорка ответ Клуса и etc. и номера «*Réforme*», относящиеся к Виллиху. Возможно и обратное, ибо г-н Лупус в безвкусном письме к Класу пытается прикрыть свою лень бранью против *Вейдемейера*.

2) Получил ли Дронке соответственные номера «*Kriminalzeitung*»? Я поручил Стеффену в Честере получить их от тебя, ибо я не могу обойтись без того единственного экземпляра, который имеется здесь.

Когда я — на сей раз *по твоей инициативе* — в своем прошлом письме коснулся забавной истории с заявлением «известного д-ра Дронке», я сразу так и подумал, что ближайшим последствием этого будет то, что ты на некоторое время (от одной до двух недель) перестанешь писать мне личные письма, пока история не зарастет травой. По крайней мере, это теперь твоя обычная метода, которую ты проводишь с удивительной последовательностью, с тех пор, как господин Лупус поселился в Манчестере, относительно всех дел, касающихся моих отношений к этим обоим господам. Для того, чтобы не сводить наших писем к чисто телеграфному стилю, будет лучше, если мы оба на будущее время совершенно воздержимся от всяких намеков на твоих тамошних друзей и протеже.

Привет.

Твой К. М.

286.

14 декабря 1853 г.

Дорогой Фредерик!

Ты понимаешь ведь, что у каждого бывают плохие минуты и *nil humani*¹ и т. д. О «конспирировании» и т. п. ерунде я, разумеется, никогда не думал. К *some jealousy*² с моей стороны ты ведь уже привык, и *au fond*³ меня злит то, что мы теперь не можем вместе жить, вместе работать, вместе смеяться, между тем как твои «протеже» имеют тебя под рукой.

При сем один из экземпляров «Рыцаря». Второй сегодня прибывает или уже вчера вечером прибыл в Вашингтон. Я отослал его Клусу для того, чтобы между обоими заявлениями не произошло коллизии, и для того, чтобы он зачеркнул те места, которые явились бы повторением уже написанного. В посланном тебе экземпляре имеется еще несколько мелких стилистических изменений и недостает последней страницы, она затерялась; она содержит только несколько насмешливых заключительных фраз.

Хотя о Виллихе ничего не слышно, но он, вероятно, теперь в Лондоне. Читал ли ты в «Reform» прекрасный протокол заседания, в котором Фр. Аннеке предлагает, несмотря на то, что никто не высказался за это, вернуться в Германию «под военным руководством Виллиха» в качестве борцов революции?

Quant à⁴ Пальмерстон, то я мог бы согласиться разве только на «немецкую» брошюру, если б я был уверен, что повже найдется издатель, который за это возьмется. Дело в том, что немецкой рукописи у меня нет, ибо с тех пор, как мне приходится самому писать

эту дрянь по-английски, я с самого начала «англо-саксонскую» в оригинале. Для «Трибуны» я думаю закончить *treaties of* ⁵ 1840 и 1841 гг., для чего у меня были очень толстые *Blue-books*,⁶ не считая парламентских отчетов и «*Moniteur*». Прodelки П[альмерстона] в Греесе,⁷ Афганистане, Персии и Сербии, ввиду их меньшей важности, оставил в стороне. Правда, остается еще эпоха революций, но для этого большой материал, хотя и значительно изуродованный, дают те же *Blue-books*; точно так же о нашей «отечественной» и т. д. войне в Шлезвиг-Гольштинии.

Что касается твоего Бонапарта в роли артиллерийского капитана или писателя, то тебе следовало бы лучше, по-моему, послать подобную статью за своей собственной подписью либо 1) в «*Daily News*», 2) в «*Examiner*», либо 3) в «*Westminster Review*». Лучше всего было бы, пожалуй, первое. Подобного рода статьей ты мог бы сразу *par coup d'état*⁸ завоевать себе положение в лондонской прессе; ты мог бы на них «нажимать» и в то же время у тебя была бы возможность издать свою книгу о венгерском походе в Лондоне, по-английски, что во всяком случае эффектнее и доходнее, чем в роог⁹ Лейпциге.

«Трибуна» хвастает, конечно, твоими статьями, автором которых считают бедного Дана. Так как они, кроме того, присвоили себе и П[альмерстона], то Маркс-Энгельс вот уже недель восемь являются действительной редакцией «*editorial staff*»¹⁰ «Трибуны».

Было бы хорошо, если б ты, на-ряду с более крупными работами, которые они себе присваивают в качестве передовиц и которые мыслимы лишь по случаю больших *events*¹¹ или исторических итогов, как начало и конец битвы при Ольтенице и т. д., мог еще (если тебе позволит время) прислать по поводу незначительных событий краткое изложение фактов, примерно в одну—две страницы, на английском языке. Эти мелкие вещицы доставляют мне гораздо больше затруднений даже и в отношении *языка*, чем глубокие (!) рассуждения, в особенности же, если они касаются такого материала, который я легче усваиваю на *английском* языке благодаря долгой практике. Само собою разумеется, что мне это необходимо лишь в тех случаях, когда нет «больших» *événements*¹². Главное — это боязливость моего критического сознания по отношению к таким областям, в которых я чувствую себя не *à la hauteur*.¹³ Мой конкурент попросту списывает факты или, вернее, то, что в лондонской прессе сходит за факты.

Какого ты мнения о *прилагаемом* предложении моего зятя Юты писать раз в месяц для «*Zuid-African*» в Капштате? Юта очень плох

как французский стилист, но он славный и разумный парень. Если б мы, — ты да я, — в свое время основали в Лондоне *Английское* бюро корреспонденции, то ты не сидел бы в Манчестере, замученный конторой, а я — замученный долгами. Я, впрочем, уверен, что если ты теперь начнешь писать военные статьи для лондонских газет, ты через пару недель сможешь получить постоянное место, которое материально даст тебе столько же, сколько манчестерское дело, но оставит тебе больше свободного времени. Спрос на «military writers»¹⁴ сейчас больший, чем предложение.

Возможно, что и сам «Times» был бы очень рад подцепить где-нибудь «military collaborator»,¹⁵ ибо этот отдел у него отвратительно поставлен. Речь идет о попытке. Я исхожу, конечно, из того, что все английские газеты являются своего рода сборниками и что решительно безразлично, в котором из этих сборников помещать свои статьи, лишь бы там их не искажали.

• Твой К. М.

¹ «ничто человеческое [не чуждо]». ² некоторой ревности. ³ по существу. ⁴ Что касается. ⁵ договорам. ⁶ Синие книги. ⁷ Греции. ⁸ одним ударом. ⁹ бедном. ¹⁰ редакционным штабом. ¹¹ событий. ¹² событий. ¹³ на высоте. ¹⁴ военных писателей. ¹⁵ военного сотрудника.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

А.

- А. Б. — сторонник Уркарта — 510.
Авраам (библейский патриарх) — 483.
Агостини — 460.
Адам (Adam) — французский бланкист — 119, 121, 145, 153.
Аделунг, Иоганн - Кристоф (1732 — 1806) — немецкий филолог — 32.
Александр Великий (356 — 323 до нашей эры) — 496.
Аллар (Allard) — 96.
Алсоп (Alsopp) Томас — английский чартист — 288.
Альбертс — секретарь прусского посольства в Лондоне и агент тайной полиции — 445.
Анания (из Библии) — 51.
Аннеке, Фридрих (1817 — 1866) — бывший прусский офицер, член Союза коммунистов, немецкий эмигрант, участник баденского восстания 1849 г. — 105, 356, 381, 503, 532.
Аннеке, Матильда (1817 — 1884) — писательница, жена Фридриха Аннеке — 487.
Анненков, Павел Васильевич (1812 — 1887) — русский литератор — 35.
Антуан — шури Бланки — 171.
Анфантен (Enfantin), Бартеlemi-Проспер (1796 — 1864) — ученик и последователь Сен-Симона — 27.
Аншютц — немецкий эмигрант в Лондоне — 355, 358.
д'Аргу (d'Argout), Аполинер-Антуан-Морис, граф (1782 — 1858) — французский государственный деятель — 305.
Аренс (Ahrens), Генрих, из Риги, — один из основателей немецкого Союза справедливых в Париже — 29.
Аретино, Пьетро (1492 — 1556) — итальянский гуманист и поэт — 372.
Арминий (16 до нашей эры — 19 нашей эры) — князь германского племени херусков, победитель римлян в Тевтобургском лесу в 9 г. нашей эры — 284.

Атила (ум. в 453 г.) — король гуннов — 118.

- Ауерсвальд, Ганс-Адольф (1792—1848) — прусский генерал, адъютант Бюлова, член Национального собрания, крайний правый — 434.
Афразиаб Туранский (у персидского историка Мирхонда) — 496.

Б.

- Бабеф, Грах (1760 — 1797) — вождем коммунистического заговора «равных» — 411.
Байю (Baillut) — 97.
Бакунин, Михаил Александрович (1814 — 1876) — знаменитый русский анархист, — 3, 11, 35, 68, 342, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 516.
Бальзак, Оноре (1799 — 1850) — французский писатель — 418.
Бамбергер, отец и сын, банкиры в Лондоне — 117, 131, 174, 181, 182, 194, 228, 229, 230, 232, 233, 283, 295, 455, 466, 471, 477, 481, 482, 503, 518.
Баниа (Bangua), Иоганн (1817—1868) — венгерский революционер, эмигрант, на службе у прусского правительства — 328, 329, 334, 356, 357, 361, 369, 371, 374, 375, 376, 415, 419, 422, 423, 424, 425, 440, 441, 442, 443, 449, 451, 452, 456, 461, 474, 475, 476, 477, 478, 485, 523, 528.
Барбару (Barbaroux), Шарль - Жан (1767 — 1794) — жирондист — 28.
Барбес (Barbès), Арман (1809 — 1870) — французский революционер 30-х и 40-х годов — 147, 165.
Барни (Barney), Джон — 368.
Барнум, Финеас-Тейлор (1810 — 1891) — известный американский антрепренер и шарлатан — 314, 362.
Барош (Baroche), Пьер-Жюль (1802 — 1870) — французский политический деятель, левый член парламента и противник Гизо до 1848 г.; в эпоху второй империи — председатель Государственного совета — 143.

- Барро (Barrot), Камилл-Гацинт-Одидон (1791 — 1873) — французский политик, министр юстиции в 1849 г. — 86, 113, 302.
- Бартелеми (Barthélemy), Эммануил (приблиз. 1820 — 1855) — французский революционер, деятельно участвовал в революции 1848 г., повешен в 1855 г. в Лондоне — 118, 119, 122, 144, 149, 153, 158, 159, 164, 165, 166, 171, 172, 174, 175, 179, 272, 303, 373, 414, 415, 433, 473.
- Бартельс, Адольф — бельгийский революционер, фурьерист, историк бельгийской революции, редактор «Débat Social» — 71, 72, 76, 77.
- Бартольд, Фридрих-Вильгельм (1799 — 1858) — немецкий историк — 390.
- Бастиа (Bastiat), Фредерик (1801 — 1850) — французский экономист — 296.
- Бастид, Жюль (1800 — 1879) — французский политический деятель, руководитель газеты «National», органа республиканской партии — 51.
- Батяни (Batthyányi), Казимир, граф (1807 — 1854) — венгерский государственный деятель, министр иностранных дел в революционном кабинете 1849 г. — 328, 334.
- Батяни, Людвиг, граф (1806 — 1849) — министр-президент Венгрии — 348.
- Бауэр, Бруно (1809 — 1882) — левый гегельянец, теолог — 2, 12, 18, 65, 284, 331, 332, 347, 351, 352, 357, 362, 378, 379.
- Бауэр, Генрих — эмиссар кельнского Союза коммунистов в Лондоне — 96, 116, 118, 130, 131, 256, 286.
- Бауэр, Эдгар (1820 — 1886) — брат Бруно Бауэра, немецкий публицист, левый гегельянец — 2, 12, 18, 284, 383.
- Бауэр из Штольпе — окружной врач, крайний левый член Прусской палаты в 1849 г. — 253, 254.
- Баяр (Bayard), Пьер дю-Терайль (1476 — 1524), — французский рыцарь. «рыцарь без страха и упрека» — 165.
- Бедер — немецкий издатель коммунистической литературы — 3, 14, 17.
- Бедо (Bedeau), Альфонс (1804 — 1863) — французский генерал и политический деятель, военный министр временного правительства в 1848 г., вице-президент Учредительного собрания — 415.
- Бек, Вильгельмина, (ум. в 1851 г.) — авантюристка, выдававшая себя за баронессу фон-Бек, политический агент Кошута — 183, 188, 265.
- Беккер, Август (1814 — 1875) — друг и сторонник Вейтлинга — 29.
- Беккер, Герман (Красный) (1820 — 1885) — один из главных участников кельнского процесса, позже национал-либерал — 106, 123, 131, 132, 146, 147, 157, 172, 177, 180, 193, 204, 212, 214, 322, 324, 425, 431, 432, 433, 444, 447, 448.
- Беккер, Иоганн-Филипп (1809 — 1886) — немецкий социал-демократический деятель I Интернационала, участник революции 1848 и 1849 гг. — 190.
- Беккер, Макс-Иосиф — из рейнской провинции, служил в баден-пфальцской революционной армии — 157, 385.
- Беккерат (Beckerath), Герман (1801 — 1870) — немецкий демократ, банкир — 223.
- Бекман, г-жа — 411.
- Белер — немецкий эмигрант — 253.
- Бельфильд (Belfield), Джемс — друг Энгельса в Манчестере — 428.
- Бем (Bem), Иосиф (1795 — 1850) — венгерский генерал, руководитель польского восстания в 1830 г., сподвижник Кошута в 1848 г. — 147, 150, 165.
- Бентам (Bentham), Иеремия (1748 — 1832) — английский философ и юрист — 6, 18.
- Берамже, Пьер-Жан (1780 — 1857) — французский поэт — 27.
- Беренрот, Густав-Адольф (умер в 1869 г.) — немецкий коммунист, эмигрант в Лондоне, участник революции 1848 г. — 15.
- Бермбах, Адольф (1822 — 1875) — кельнский юрист, в молодости коммунист — 224, 225, 226, 322, 323, 376, 392, 393, 396, 426, 427, 433, 438.
- Бернайс (Bernays), Лацарус-Фердинанд-Целестин (1815 — 1879) — немецкий публицист, в молодости коммунист, эмигрант — 2, 4, 11, 16, 23, 25, 26, 31, 33, 35, 38, 42, 43, 55, 57, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 69, 80, 90.
- Бернар (Bernard), Мартэн (1808 — 1883) — сподвижник Барбеса и Бланки в 1839 г. Активный участник революции 1848 г., эмигрант; вернулся во Францию после амнистии 1859 г. — 305, 335.
- Берни, Франческо (конец XV в. — 1536) — итальянский поэт — 375.
- Бернс (Burns), Лицци (ум. в 1878 г.) — вторая гражданская жена Энгельса — 131.
- Бернс, Мэри (ум. в 1863 г.) — ирландская работница, первая гражданская жена Энгельса, сестра предыдущей — 92, 131, 136, 215.
- Бёрнштейн (Börnstein), Генрих (1805 — 1892) — немецкий публицист, актер, эмигрант, редактор парижского «Vorwärts» — 25, 55, 61, 62, 67, 80.

- Бернье (Bernier), Франсуа (1625—1688) — французский путешественник и философ — 489, 490, 495.
- Бертольд (Berthold) — прусский унтер-офицер, эмигрант в Лондоне — 290, 293.
- Бертэн (Bertin), Луи - Мари - Арман (1801 — 1854) — редактор «Journal des Débats» — 490.
- Берье (Beyrer), Пьер-Антуан (1790 — 1868) — французский адвокат и политический деятель — 290, 302.
- Бианки (Bianchi) — французский республиканец, эмигрант в Лондоне — 329, 345.
- Бианко (Bianco) — присяжный заседатель в кельнском процессе коммунистов — 441.
- Бишофсгейм — банкир в Лондоне — 523.
- Блан, Луи (1811 — 1882) — французский историк, социалист — 60, 67, 78, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 145, 146, 147, 148, 153, 154, 155, 156, 158, 162, 163, 164, 165, 166, 171, 174, 175, 179, 192, 193, 195, 243, 250, 251, 303, 304, 305, 306, 308, 310, 335, 336, 342, 345, 347, 393, 525.
- Бланк (Blank), Вильгельм — родственник Энгельса — 3.
- Бланк, Карл-Эмил (1817 — 1893) — шурин Энгельса, купец — 1, 22, 100, 102.
- Бланки (Blanqui), Луи-Огюст (1805 — 1881) — французский революционер, коммунист — 145, 167, 171, 172, 174, 175, 176, 179, 194, 322, 414, 419, 485, 516.
- Блессон (Blesson), Иоганн - Людвиг (1790 — 1861) — военный писатель — 389.
- Блинд (Blind), Карл (1826 — 1907) — участник баденского восстания, в 60-х годах стал приверженцем Бисмарка — 108, 284, 287, 455, 456, 462, 485, 509.
- Блос, Рудольф-Куно — гравер — 98, 99.
- Блюм, Роберт (1807 — 1848) — революционер 1848 г., расстрелянный в Вене после взятия города Виндишгрецом — 165, 443.
- Бонапарт, Жером (1784 — 1860) — брат Наполеона I — 400.
- Бонапарт, Пьер (1815 — 1881) — двоюродный брат Наполеона III — 400.
- Бонштедт (Bohnstedt), — юрист в Бармене — 102.
- Боркгейм, Сигизмунд - Людвиг (1825 — 1885) — публицист, участник баденского восстания, демократ 1848 г., эмигрант — 253.
- Борн, Стефан (1824 — 1898) — наборщик, революционер 1848 г., член Союза коммунистов — 82, 88, 91.
- Борнштедт (Bornstedt), Адальберт (1808 — 1851) — публицист радикаль-
- ного направления, тайный агент прусского правительства — 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 82, 87, 89, 91, 93, 97, 99, 102.
- Борхардт (Borchardt), Луи — немецкий врач в Манчестере, друг В. Вольфа и Энгельса — 490, 493, 504, 508, 519, 520, 521.
- Брайт (Bright), Джон (1811 — 1889) — английский политический деятель, один из вождей либеральной партии, фритредер, противник билля о десятичасовом рабочем дне — 338, 365, 374, 376, 506.
- Брауншвейгский, герцог — 121.
- Брахт в Бармене — акционер «Новой рейнской газеты» — 102.
- Брей (Braу), Джон-Френсис, — английский социалистический мыслитель 30-х — 40-х годов XIX в. — 63.
- Брейер (Breuer) — брюссельский адвокат, демократ — 69, 96, 97, 99.
- Бремер, Фредерика (1801 — 1865) — шведская писательница — 60.
- Бреннер, Герар (магазин мод) — 466.
- Бриккур (Bricourt) — член бельгийской палаты депутатов — 99.
- Брокгауз — издательская фирма в Лейпциге, основанная в 1814 г. Фридрихом-Арнольдом Брокгаузом — 38, 388, 404.
- Брольи (Broglie), Жак-Виктор-Альбер, герцог, де (1821 — 1901) — французский политический деятель, литератор клерикального направления — 290.
- Брут, Марк-Юний (85 — 42 до нашей эры) — глава заговора против Цезаря — 148, 269.
- Брюггеман, Теодор (1796 — 1863) — королевский эмисар Прирейнской области — 192, 267.
- Брюнинг, фон, г-жа (ур. Ливен), (ум. в 1853 г.) — демократка, участвовала в беге Кинкеля, эмигрировала в Англию — 366, 370, 383, 393, 456, 462, 474.
- Брюнинг, фон — муж предыдущей — 370.
- Букуп, Джон — немецкий коммерсант в Лондоне, у которого служил Дронке — 483, 486.
- Буль (Buhl), Людвиг (род. 1814 — ум. после 1880 г.) — берлинский публицист — 6.
- Бунзен, Христиан-Карл, фон (1791 — 1860) — прусский посол в Лондоне, теолог — 233.
- Бурбоны — королевская династия во Франции и Испании — 373.
- Буц — немецкий издатель — 9.
- Бухер, Лотар (1817 — 1892) — немецкий политический деятель, член Национального собрания, радикал, эмигрант в Лондоне, с 1864 г. — сотрудник

- ник Бисмарка — 157, 173, 174, 179, 257, 262.
- Бюлов, Кристоф-Карл (1716 — 1788) — прусский генерал на службе у Фридриха Великого — 186.
- Бюлов, Фридрих-Вильгельм (1775 — 1816) — прусский генерал, герой Ватерлоо — 186.
- Бюргерс, Генрих (1820 — 1878) — немецкий коммунист 40-х г., участник кельнского процесса коммунистов, впоследствии примкнул к либералам — 4, 16, 18, 19, 39, 75, 95, 100, 102, 106, 179, 197, 201, 212, 214, 215, 218, 295, 322, 324, 393, 411, 413, 421, 425, 427, 441, 443, 444, 448, 449.
- Буше (Buche), Филипп-Жозеф-Бенжамен (1796 — 1865) — христианский социалист, революционер 1848 г. — 27.
- В.**
- Валлау, Карл (1823 — 1877) — типограф, в молодости член Союза коммунистов — 71, 72, 73, 74, 75, 77, 96.
- Вальдек, Бенедикт (1802 — 1870) — немецкий политический деятель, вождь демократической партии — 226.
- Вальер (Vallières) — французский революционер, сторонник Барбеса — 329.
- Вальтер, Фридрих, из Трира (род. в 1810 г.) — издатель и редактор газеты демократического направления в Трире — 41.
- Васбендер (Vasbender) — французский революционер-прудонист — 345.
- Вашингтон, Джордж (1732 — 1799) — герой войны за независимость Северо-Американских колоний и первый президент Соединенных Штатов — 209.
- Вашировский — член секции польской демократии в Лондоне — 119.
- Вебб (Webb) — генерал, редактор «New-York Inquiries» — 528.
- Вебер, Георг («Кучер») (род. ок. 1820 г. — ум. после 1878 г.) — врач в Киле, друг Маркса, в 1844 г. один из организаторов коммунистических общин в Киле — 39.
- Веерт (Weerth), Георг-Людвиг (1822 — 1856) — немецкий политический лирик, член редакции «Новой рейнской газеты» — 73, 76, 89, 99, 103, 112, 128, 133, 136, 172, 194, 222, 224, 252, 261, 283, 287, 289, 290, 292, 293, 294, 297, 312, 315, 316, 317, 319, 326, 327, 353, 377, 410, 414, 416, 417, 421, 422, 423, 425, 426, 427, 430, 434, 436, 437, 438, 439, 440, 442, 443, 447, 448, 449, 451, 474, 528.
- Везель, фон — 223.
- Вейдемейер (Weydemeyer), Иосиф (1818 — 1866) — немецкий революционер, публицист, редактор немецкой газеты в Чикаго — 23, 36, 38, 40, 42, 55, 120, 188, 215, 224, 231, 232, 250, 283, 294, 300, 311, 312, 313, 314, 317, 319, 320, 322, 325, 326, 327, 329, 331, 332, 335, 337, 340, 341, 348, 351, 353, 354, 355, 356, 360, 361, 362, 368, 369, 372, 374, 376, 388, 390, 391, 394, 401, 403, 404, 407, 411, 420, 448, 475, 476, 482, 484, 485, 487, 488, 491, 492, 508, 511, 531.
- Вейль (Weill), Александр (1811—1899) — франц. фурьерист, друг Гейне — 25.
- Вейс, Зигфрид, д-р — немецкий революционер 1848 г., эмигрант в Америке — 135.
- Вейтлинг, Вильгельм (1808 — 1871) — немецкий коммунист, портной — 27, 29, 37, 46, 48, 51, 53, 57, 157, 190, 456, 473, 495, 503.
- Веллингтон, Артур-Веллеслей, герцог, (1769 — 1852) — английский полководец и политический деятель — 162, 188, 189, 198, 203, 411, 413, 526.
- Велькер, Карл-Теодор (1790 — 1869) — немецкий юрист и публицист, вместе с Роттеком издавал «Staatslexikon» — 180.
- Венглер — эмигрант в Лондоне, сторонник Виллиха — 166.
- Венедей (Venedey), Яков, из Кельна (1805 — 1871) — писатель, член Союза отверженных, затем член Национального собрания, демократ — 81.
- Верон, Луи-Дезире, доктор (1798 — 1867) — французский публицист, государственный деятель, редактор журнала «Constitutionnel», органа Тьера — 290.
- Веррес, Гай (ум. в 43 г. до нашей эры) — сицилийский наместник, прославившийся злоупотреблениями — 108.
- Вестфален (Westphalen), Эдгар, фон (1819 — 1890) — брат Женни Маркс, сын Людвиг фон-Вестфалена, примыкал к коммунистам в 1846 г. — 3, 69, 181.
- Веттер (Wetter) — купец — 433.
- Виганд (Wigand), Отто (1795 — 1870) — издатель литературы радикального направления в Лейпциге — 6, 16, 17, 28, 29.
- Видаль (Vidal), Франсуа (1814—1872) — французский экономист, политический деятель, сторонник Луи Блана — 88.
- Видиль (Vidil), Жюль — французский социалист, эмигрант — 119, 164, 165, 174, 175, 180.

- Виктор-Эммануил III (1820 — 1878) — король Италии — 282.
- Виллизен, Карл - Вильгельм (1790 — 1879) — прусский генерал — 363.
- Виллих, Август (1810 — 1878) — член Союза коммунистов, немецкий революционер, дивизионный генерал в американской гражданской войне — 98, 110, 111, 112, 119, 121, 123, 124, 131, 144, 145, 146, 147, 149, 158, 159, 164, 165, 166, 170, 171, 172, 173, 176, 177, 179, 180, 181, 190, 194, 198, 204, 206, 207, 208, 209, 215, 219, 223, 243, 250, 254, 255, 256, 258, 259, 261, 262, 269, 270, 271, 272, 275, 278, 280, 283, 289, 290, 293, 301, 305, 316, 317, 326, 332, 333, 345, 351, 356, 357, 358, 360, 361, 362, 366, 367, 370, 371, 373, 374, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 391, 392, 393, 394, 397, 398, 399, 411, 414, 415, 431, 433, 434, 435, 440, 445, 446, 453, 456, 462, 473, 478, 479, 482, 483, 487, 488, 491, 492, 496, 498, 499, 503, 508, 528, 529, 530, 531, 532.
- Вилльгельми — немецкий эмигрант в Америке — 135, 318.
- Висконти (Visconti), графиня — 415.
- Висс (Wiss) — эмигрант в Лондоне, сторонник Кинкеля — 299.
- Волабель (Vaulabelle), Ахилл (1799 — 1879) — французский историк и политический деятель — 67, 68.
- Вольф, Вильгельм (Луцус, Старик) (1809 — 1864) — немецкий революционер, друг Маркса, умер в Манчестере — 71, 73, 76, 82, 86, 89, 91, 94, 96, 112, 114, 146, 161, 165, 180, 189, 191, 193, 197, 208, 219, 220, 224, 229, 230, 232, 243, 252, 262, 279, 299, 300, 312, 319, 328, 329, 337, 340, 365, 377, 381, 390, 419, 421, 422, 429, 433, 468, 485, 490, 493, 506, 507, 508, 509, 510, 516, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 527, 528, 529, 530, 531, 532.
- Вольф, Фердинанд (Красный) — член редакции «Новой рейнской газеты» — 69, 74, 75, 91, 112, 113, 124, 125, 128, 167, 171, 174, 233, 284, 287, 302, 394, 523.
- Воронцов, Михаил Семенович, князь (1782 — 1856) — генерал-фельдмаршал, кавказский наместник — 527.
- Ворцель (Worzell), Станислав, граф (1799 — 1857) — участник польского восстания 1831 г., эмигрант — 396, 531.
- Вуд — эмигрант в Лондоне — 454.
- Г.
- Гаген, Теодор (1823 — 1871) — член Союза коммунистов, издатель «Нового рейнского обозрения» — 480.
- Гайн (Hain) — член Союза коммунистов, немецкий эмигрант — 229, 351, 352.
- Гайнау (Haunau) (1786 — 1853) — австрийский генерал, подавлявший восстание 1848 г. — 158, 166.
- Галеер (Galeer) Альберт (1816 — 1851) — швейцарский демократ, издатель «Völkerbund» в Цюрихе — 175.
- Гаммель — член коммунистической общины в Магдебурге — 398.
- Ганон (Ganon) — ошибочно вместо Фанон (см.) — 120, 122, 123.
- Гарибальди, Джузеппе (1807 — 1882) — знаменитый итальянский революционер, герой итальянского объединения — 165, 414.
- Гарни (Harney), Джордж - Джулиан (1817 — 1897) — один из вождей чартистов, друг Маркса и Энгельса — 53, 57, 58, 79, 86, 96, 113, 115, 116, 121, 123, 129, 130, 131, 133, 136, 142, 143, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 159, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 197, 208, 231, 285, 288, 294, 320, 327, 328, 332, 342, 354, 357, 359, 392, 394, 412, 462, 531.
- Гарринг (Harro Harring), Гарро (1798 — 1870) — немецкий поэт, публицист демократического направления — 368.
- Гарге — нем. эмигрант в Лондоне — 385.
- Гатцфельд (Hatzfeldt), София, графиня (1805 — 1881) — известна по процессу, который вел Лассаль, сторонница Лассалья — 493.
- Гауг (Haugh), Эрнст — революционный генерал Римской республики 1848 г. — 176, 177, 179, 194, 197, 204, 207, 250, 253, 256.
- Гауде (Haude) — эмиссар шапперовской фракции Союза коммунистов — 120, 121, 124, 165, 215.
- Гаузер, Каспар (ок. 1812 — 1833) — таинственный найденыш — 330, 331.
- Гаупт, Герман-Вильгельм (род. в 1833) — участник нельнского процесса коммунистов, до суда бежал в Бразилию — 131, 226, 283, 284, 286, 287, 289, 290, 293, 295, 378, 413, 426.
- Гафиз, Мохаммед Шемс-Эддин (ок. 1300 — 1389) — персидский поэт — 495.
- Гебелер — прусский консул в Лондоне — 360, 423.
- Гебель — председатель нельнского суда — 445, 446.
- Геберт (Gebert), А. — ремесленник, член Союза коммунистов фракции Виллиха — 119, 165, 166, 176, 190, 215, 382, 398.
- Гегг (Goegg), Аманд (1820 — 1897) — член баденского революционного правительства 1849 г., играл крупную

- роль в швейцарском рабочем движении — 204, 206, 219, 224, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 262, 378, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 391, 396, 397, 405.
- Гегель, Георг - Вильгельм - Фридрих (1770 — 1831) — знаменитый немецкий философ — 7, 8, 121, 247, 296, 297, 303, 334.
- Гейзе, Генрих, из Касселя — эмигрант, демократ, умер в Ливерпуле 40 лет от роду — 147, 351, 392, 408, 507.
- Гейльберг, Луи (ум. в 1851 — 1852 г.), из Бреслава — социалист-демократ, эмигрант в Лондоне — 70, 71, 72, 73, 76, 77, 86, 117, 370.
- Гейне, Генрих (1797 — 1856) — знаменитый немецкий поэт — 36, 61, 62, 64, 83, 87, 92, 297.
- Гейнман — полицейский агент и шпион в Бирмингеме — 266.
- Гейнцен (Heinzen), Карл (1809—1880) — немецкий публицист, участник баденского восстания, представитель буржуазного радикализма — 70, 73, 83, 92, 104, 157, 173, 174, 193, 194, 210, 224, 230, 233, 242, 255, 263, 264, 270, 283, 289, 311, 312, 318, 340, 368, 378, 379, 391, 407, 528.
- Геккер, Фридрих (1811 — 1881) — немецкий революционер, участник баденского восстания, жил потом в Америке — 100, 102, 318, 358.
- Гектор, — герой Илиады — 263.
- Гекшер, Иоганн-Густав (1797 — 1865) — гамбургский адвокат, во время революции министр юстиции, а позже министр иностранных дел — 505.
- Генце — немецкий рабочий, эмигрант в Лондоне, сторонник Виллиха — 385, 391, 432, 437, 492.
- Герар (Guérard), И. фон — военный писатель — 389.
- Герберт, Сидней, барон (1810 — 1861) — английский государственный деятель, сторонник Пиза — 463.
- Гервег (Herwegh), Георг (1817 — 1875) — немецкий политический лирик — 92, 97, 385, 387, 416.
- Гервег (Herweg) — генерал — 445.
- Гервинус, Георг-Готфрид (1805—1871) — немецкий историк — 457.
- Гергей (Görgey), Артур (1818 — 1916) — сподвижник Кошута, главнокомандующий венгерской революционной армии — 185, 348, 361, 363, 372, 373, 375, 392, 425.
- Герингер, Карл (род. в 1810 г.) — участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне — 190, 194, 207, 253, 284, 286, 289, 292, 296, 454, 478.
- Герке — немецкий эмигрант в Лондоне — 253.
- Геркулес — герой греческой мифологии — 90.
- Герст (Hurst) — чартист — 136.
- Герстенберг, Исидор — банкир в Лондоне — 381, 480, 481, 482, 483.
- Герцен, Александр Иванович (1812 — 1870) — знаменитый русский политический писатель и эмигрант — 415, 441, 455, 456, 462, 465, 485, 498, 510, 511, 513.
- Герштагт (Herstatt) — присяжный заседатель в кельнском процессе — 441.
- Герье (Guerrier) — французский врач, вращался в кругу немецких демократов и социалистов; под влиянием Маркса стал коммунистом; переводчик Фейербаха на французский язык — 3, 11.
- Гесс (Hess), Моисей (1812 — 1872) — немецкий социалист, представитель так называемого «истинного социализма» — 2, 3, 4, 6, 7, 9, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 22, 23, 26, 35, 36, 38, 46, 47, 61, 62, 63, 64, 68, 69, 74, 82, 83, 87, 88, 91, 92, 93, 96, 98, 99, 101, 124, 353, 354, 439.
- Гесс, Сибилла — жена М. Гесса — 22, 26, 35, 124.
- Гете, Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — знаменитый немецкий поэт — 63.
- Гейфнер, Леопольд (род. в 1820 г.) — редактор левой газеты «Constitution» в 1848 г. в Вене, эмигрант — 407, 411.
- Гзелль (Gsell), г-жа — 26.
- Гибберт — фабрикант — 339.
- Гиббон (Gibbon), Эдуард (1737—1794) — знаменитый английский историк — 483.
- Гибсон (Gibson), Томас-Милльнер (1806—1884) — английский государственный деятель, сторонник свободы торговли — 338, 365.
- Гизо (Guizot), Франсуа - Пьер - Гильом (1787 — 1874) — французский историк и политический деятель — 24, 108.
- Гильбертнер, Георг (1823 — 1865) — немецкий эмигрант — 384.
- Гилль (Hill) — приказчик в конторе «Армен и Энгельс» — 184.
- Гипперих, Иосиф — портной, член парижского Союза коммунистов — 431.
- Гиппократ (460 — 377 до нашей эры) — знаменитый врач древности — 498.
- Гирш, Вильгельм, из Гамбурга — провокатор — 301, 340, 422, 423, 424, 428, 432, 433, 442, 444, 445, 446, 447, 475, 476, 478, 481, 487, 492.
- Гладстон (Gladstone), Вильям - Юарт (1809 — 1898) — английский политический деятель, премьер-министр — 463, 490.
- Говитт (Howitt) — Вильям (1792 — 1879) —

- английский социолог и поэт, либерал. Знакомил Англию с немецкой культурой — 213.
- Гогенцоллерны — немецкая династия — 121.
- Годвин (Godwin), Вильям (1756—1836) — английский писатель-анархист — 17, 18.
- Гоьер (Hoeyer) (1767 — 1848) — прусский военный писатель, генерал — 389.
- Гольок (Holyoake), Джордж - Якоб (1817 — 1906) — английский социалист и кооперативный деятель — 412.
- Голлингер (Hollinger), Фиделио — владелец немецкой типографии в Лондоне, где печаталось большинство эмигрантских газет — 257, 258.
- Головин, Иван Гаврилович (1816 — 1890) — русский политический писатель, эмигрант — 510, 512, 513.
- Гольдгейм — прусский полицейский чиновник в Лондоне — 199, 444, 445, 477, 478, 481.
- Гонтгейм — адвокат в Кельне, защитник кельнских коммунистов — 421, 436, 437.
- Гордле (Hordle) — участник баденского восстания, эмигрант в Лондоне — 256.
- Гожовский, Тадеуш — польский националист-демократ — 400.
- Готтшальк, Андрей (1815 — 1849) — доктор медицины, член Союза коммунистов, основатель рабочего союза в Кельне в 1848 г. — 105, 202.
- Гофштеттер, Густав, фон — военный писатель — 363.
- Гофф (Hoff), Генрих (1810 — 1852), из Бадена — издатель и публицист, участник революции 1848 г., немецкий эмигрант в Америке — 263.
- Гранье де-Кассаньяк (Granier de Cassagnac), Адольф (1806 — 1880) — французский публицист, ярый монархист, был известен своими скандальными выступлениями и дуэлями — 372.
- Грей (Grey), Генри, сэр (1802 — 1894) — английский политический деятель, либерал — 199.
- Грейф (Greiff), он же Шульц — полицейский агент — 444, 445, 446, 461, 462, 475.
- Грилли (Greeley), Орас (1811 — 1872) — знаменитый американский публицист, редактор «Нью-йоркской трибуны» — 378, 455, 525.
- Гросс, Магнус — немецкий эмигрант в Цинциннати (Америка) — 128, 133, 135, 165, 318.
- Грэхем (Graham), Джеймс - Роберт - Джордж (1792 — 1861) — английский политический деятель, министр при Пиле, занимал промежуточную позицию между либералами и консерваторами — 199, 337, 361, 374, 376, 450.
- Грюн, Карл (1817—1887) — немецкий публицист, философ, представитель так называемого «истинного социализма» — 4, 23, 24, 28, 32, 33, 34, 35, 41, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 55, 56, 57, 63, 64, 67, 68, 69, 219.
- Гудзон, Джордж-В. — английский журналист в Манчестере — 423.
- Гудибрас (герой поэмы Бутлера) — 491.
- Гуммель — 55.
- Гутенберг, Иоганн (прибл. 1395—1468) — изобретатель книгопечатания — 263.
- Гута (Gouté) — французский социалист — 119, 120, 122.
- Гуцель (Huzel), Яков — немецкий эмигрант в Америке — 356, 381, 382, 384, 396, 492.
- Гуцельвитт (Huzzelwitt), — немецкий эмигрант в Цинциннати (Америка) — 356.
- Гюлих, Густав, фон (1791 — 1847) — немецкий экономист — 349.
- Гюльсман (Hülsemann) — австрийский посол в Соединенных Штатах Северной Америки — 368.
- Гюмпель — немецкий рабочий, эмигрант в Лондоне — 301.
- Гюнербейн (Hühnerbein) Ф.-В. — португальский барменский коммунист, друг Энгельса, участник революции 1848 г. — 102, 168, 326.
- Гюнтер — немецкий эмигрант — 147.

Д.

- Дамм — рабочий, участник революции 1848 г. — 253, 374, 385, 386, 387, 451.
- Дана (Dana), Чарльз-Андерсон (1819 — 1897) — американский журналист, издатель «Нью-йоркской трибуны», где сотрудничали Маркс и Энгельс — 270, 299, 304, 313, 322, 325, 331, 332, 333, 335, 337, 340, 346, 347, 348, 351, 354, 355, 359, 362, 372, 375, 377, 378, 380, 389, 396, 403, 405, 407, 410, 411, 420, 425, 426, 427, 429, 437, 439, 440, 451, 453, 455, 456, 466, 467, 468, 470, 471, 478, 486, 488, 503, 505, 530, 533.
- Даниэльс, Роланд (1819 — 1855) — врач один из участников кельнского процесса — 38, 95, 162, 183, 187, 192, 194, 212, 215, 218, 226, 286, 322, 324, 411, 422, 425, 431, 441, 456, 523.
- Даниэльс, Амалия (1820 — 1895) — жена д-ра Даниэльса — 340, 432, 433, 438, 475.
- Даниэльс, Франц-Иосиф — брат д-ра Даниэльса — 523.

- Данте, Алигьери (1265 — 1321) — знаменитый итальянский поэт — 486.
- Дантон, Жорж-Жан (1759 — 1794) — знаменитый деятель французской революции — 28, 303, 513.
- Дараш (Darasz), Альберт (1808—1852) — польский революционер, — 122, 399.
- Деблер, Людвиг (1801 — 1864) — гравер, показывал физические фокусы с научными целями — 213.
- Дейч, Симон — крещеный еврей, прославившийся своим предательством герцогини Беррийской в 1832 г. — 371.
- Денкер, Карл, фон (1784 — 1844) — военный писатель, издатель журнала «Karten- Wegweiser durch Europa», автор многих сочинений по военным вопросам — 188.
- Делессер (Delessert), Авраам-Габриэль-Маркус (1786 — 1858) — начальник полиции в Париже — 57.
- Дембинский, Генрих (1791 — 1864) — польский генерал, принимал участие в польском восстании 1830 — 1831 гг. и в венгерском восстании 1848 г. — 186.
- Демидов, Анатолий Николаевич, князь (1812 — 1870) — был женат на дочери Жерома Бонапарта, снарядил экспедицию для изучения юга России под руководством Ле-Пле — 211.
- Демулен, Камилл (1760 — 1794) — знаменитый журналист французской революции — 42, 513.
- Демут (Demuth), Елена (Ленкен), (1823 — 1890) — домашняя работница в семье Маркса — 172, 404, 516.
- Дерби (Derby), Эдуард-Джеффри-Смит-Стеяли, граф (1799 — 1869) — английский государственный деятель, премьер-министр — 333, 337, 338, 339, 343, 379, 413, 426.
- Джонс (Jones), Вильям (1746—1794) — ориенталист — 495.
- Джонс (Jones), Эрнест-Чарльз (1819 — 1869) — английский поэт и один из вождей чартистского движения — 96, 116, 121, 129, 130, 136, 147, 148, 155, 158, 164, 166, 168, 170, 180, 197, 231, 232, 288, 300, 320, 327, 328, 330, 331, 332, 337, 340, 341, 342, 346, 348, 354, 357, 359, 369, 381, 392, 401, 412, 457, 485, 503, 506, 507, 519, 527, 529, 531.
- Джонсон (Johnson), А. — английский банкир — 329, 331, 332, 375, 378, 379, 383, 436.
- Джонстон (Johnston), Александр-Кейг, старший (1804 — 1871) — составитель первого атласа, по физической географии, вышедшего в Англии — 285.
- Джонстон, (Johnston) Джеймс-Финлей Уэр (1796—1855) — английский химик, автор «Notes of North America», Ld. 1851. — 285.
- Дибич, Иван Иванович, граф (1785 — 1831) — фельдмаршал — 527.
- Дизраэли, Бенжамен, лорд Биконсфильд (1804 — 1881) — знаменитый английский государственный деятель и писатель — 157, 376, 414, 451, 458, 473.
- Диккенс, Чарльз (1812 — 1870) — знаменитый английский писатель — 116.
- Дилейн (Delane), У.-Ф.-А., старший, юрист, отец издателя «Times» — 457.
- Дилейн (Delane), Джон-Тадеус, младший, (1817 — 1879) — издатель газеты «Times» — 457.
- Дитц (Dietz), Бернгард. — 107.
- Дитц (Dietz), Освальд — архитектор в Висбадене, член Ц. К. Союза коммунистов — 119, 122, 130, 258, 278, 283, 286, 290, 301, 382, 435, 436, 438, 478.
- Догерти (Doherty), Гью — ирландский журналист-фурьерист — 25.
- Доллешаль (Dolleschall) — полицейский советник, цензор в Кельне во время выхода «Рейнской газеты» — 204.
- Доменики (Domenichi), Луиджи (ум. в 1565 г.) — итальянский литератор — 375.
- Доминик, Адольф — купец в Кюбленце, дядя Дронке — 101.
- Дронке, Эрнст (Гном, Малыш, Карлик), (1812 — 1891) — социалистический писатель, один из редакторов «Новой рейнской газеты», эмигрант — 98, 100, 101, 102, 103, 109, 111, 113, 120, 123, 124, 128, 135, 153, 154, 157, 161, 164, 175, 191, 193, 197, 270, 271, 285, 289, 292, 329, 341, 346, 347, 351, 352, 353, 354, 355, 361, 364, 365, 367, 369, 377, 378, 379, 380, 383, 388, 389, 392, 404, 410, 414, 416, 421, 424, 429, 432, 438, 441, 442, 443, 444, 445, 456, 462, 465, 468, 473, 476, 481, 483, 484, 485, 486, 506, 507, 508, 509, 513, 516, 517, 523, 524, 528, 529, 530, 531, 532.
- Друкер, Луи — издатель в Берлине, участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне — 243.
- Дрункель — насмешливое прозвище Дронке (см.) — 396.
- Дункер, Франц-Густав (1822 — 1888) — немецкий издатель, демократ, политический деятель, организатор профессиональных союзов — 422, 427.
- Дазон (Dason) — один из издателей «Times» — 457.
- Д'Эстер (D'Esther), Карл-Людвиг (1811 — 1859) — врач в Кельне, член Союза

- коммунистов — 3, 10, 39, 94, 102, 109, 161.
- Дюбур (Dubourg), Бутлер-Фредерик, граф (1778 — 1850) — французский генерал, участник июльской революции 1830 г. — 176.
- Дюзар (Dusard) Петр — немецкий эмигрант, брат Амалии Струве — 334.
- Дюлон (Dulon), Рудольф (1807—1870) — пастор в Бремене, участник революции 1848 г., с 1852 г. — в Нью-Йорке — 132, 133, 230.
- Дюма (Dumas)-отец, Александр (1802 — 1870) — известный французский писатель — 155.
- Дюмон (Dumon), Пьер-Сильвен (1797 — 1870) — французский политический деятель, министр при Гизо — 24, 25.
- Дюмурье (Dumourier), Шарль-Франсуа (1739—1823)—французский генерал времен Великой французской революции. В 1793 г. перешел к австрийцам—280.
- Дюпен (Dupin), Андрэ-Мари-Жан-Жак (1783 — 1865) — французский адвокат и политический деятель, председатель палаты депутатов в 1832 — 1840 гг. и в 1851 г. — 301.
- Дюран (Durand) — французский революционер — 414.
- Дюро де-ла-Малль, (Dureau de la Malle). Адольф-Жюль-Сезар - Огюст (1777 — 1857) — французский историк и экономист — 250, 260, 436.
- Дюфор (Dufaure), Арман (1798—1881)— французский политический деятель, министр — 113.
- Дюшатель, см. Таннегюи-Дюшатель.
- Ж.**
- Жиго (Gigot), Филипп — бельгийский коммунист, друг Маркса в Брюсселе— 56, 73, 77, 91, 94, 96, 97, 99, 102, 103.
- Жирарден, Эмиль, де (1806 — 1881) — французский публицист и политический деятель — 205, 210, 264, 290, 291.
- Жозефина, M-elle — 92.
- Жоттран (Jottrand), Люсьен-Леопольд (1804 — 1887) — бельгийский адвокат и писатель, революционер — 71, 72, 73, 76, 77, 94, 95, 97.
- Жуанвильский, герцог, Франц-Фердинанд-Филипп-Луи-Мария, принц Орлеанский (1818 — 1890) — третий сын короля Луи-Филиппа—373, 415.
- З.**
- Завашкевич (Sawaszkieviev)—польский эмигрант в Лондоне — 119, 122, 165.
- Залевский—польский демократ в Брюсселе — 73.
- Занд, Жорж (1804 — 1876) — знаменитая французская писательница — 511.
- Зандкуль (Sandkuhl) — немецкий эмиссар в Брюсселе — 70, 74.
- Зарастро — действующее лицо оперы Моцарта «Волшебная флейта» — 63.
- Зедт — прокурор в кельнском процессе коммунистов — 376, 396, 427, 429, 437.
- Зеель (Seel) — художник, коммунист из Вармена — 3.
- Зейлер, Себастиан (род. ок. 1810 — ум. ок. 1890 г.) — демократ, эмигрант — 28, 70, 71, 72, 76, 82, 86, 96, 115, 117, 173, 181, 331, 333, 334, 335, 459.
- Зенкендорф — прокурор в кельнском процессе коммунистов — 441.
- Земмиг, Фридрих-Герман (1820—1897)— публицист, участник дрезденского восстания, эмигрант во Франции — 63.
- Земпер — немецкий эмигрант — 262.
- Зигель (Sigel), Франц (1824—1902)—баденский революционер, генерал в гражданской войне 1861 — 1865 гг. в Америке — 190, 207, 209, 219, 233, 243, 250, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 262, 269, 382, 385, 388, 414.
- Зигфрид — герой «Песни о Нибелунгах» — 92.
- И.**
- Иенни (Ienny) — владелец типографии в Берне, где печаталась радикальная литература — 55, 470.
- Иисус Навин (из Библии) — 272.
- Иисус Христос — 181, 248, 289, 473.
- Имандт (Imandt), Петр — из Крефельда, учитель языков, коммунист — 370, 371, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 391, 423, 433, 440, 439, 443, 444, 445, 456, 468, 502, 506, 509, 517, 518, 524, 530.
- Иоанн — апостол — 289, 463.
- К.**
- Каба (Cabet), Этьен (1788 — 1856) — французский коммунист-утопист — 24, 67, 80, 165, 345, 393.
- Кавеньяк (Cavaignac), Луи-Эжен (1802—1857) — французский генерал, член Национального собрания 1848 г., правый республиканец, военный диктатор, подавил июньское восстание парижского пролетариата — 204, 205, 206, 208, 210, 213, 278, 280, 291, 301, 387, 415.
- Кампе (Campe), Юлий (1792 — 1867) — издатель в Гамбурге, издавал левых писателей — 194, 285, 361, 427.
- Канут Великий—датский король (995—1035) — 59.

- Каперон (Caperon), французский революционер, бланкист — 119, 120, 122, 123.
- Капп — немецкий эмигрант в Америке — 263.
- Капфиг (Capefigue), Жан-Рэмон (1802 — 1872) — французский публицист и историк монархического направления — 68.
- Карион-Низас (Carrion Nizas), Мари-Анри-Франсуа, барон (1767 — 1841) — французский военный писатель — 389.
- Карлейль (Carlyle), Томас (1795 — 1881) — английский писатель и философ, — 2, 273.
- Карлье (Carlier), Пьер (1799 — 1858) — французский политический деятель, префект полиции в 1849 г., сторонник Луи-Наполеона — 288, 290.
- Карно (Carnot), Лазар-Ипполит (1801 — 1888) — французский политический деятель, в 1848 г. министр народного просвещения во Временном правительстве — 303.
- Карстенс — см. Лесснер.
- Кассаньяк (Cassagnac) см. Гранье-де-Кассаньяк.
- Кассель (Kassel) — 96, 97, 99.
- Кастю (Castiau), Адельсон (1804 — 1879) — бельгийский политический деятель и писатель, демократ — 94, 99.
- Катс (Kats), Жак (род. в 1804 г.) — фламандский рабочий, социалист, организатор первого рабочего митинга в Брюсселе в 1836 г. — 71, 72, 73.
- Кауверц — брюссельский коммерсант — 98.
- Кауслер, Франц-Георг-Фридрих, фон (1794 — 1848) — немецкий военный писатель — 389.
- Келер И. — 103.
- Кердэра (Coerdéroi), Эрнест (1825 — 1862) — французский публицист, последователь Фурье и Прудона, участник революции 1848 г., умер в изгнании — 393, 396.
- Кернер — адресат писем в Париже — 57, 68.
- Кеттген (Köttgen), Густав-Адольф — 13, 15, 20, 62.
- Кинкель (Kinkel), Готфрид (1815 — 1882) — немецкий поэт, демократ — 110, 121, 157, 173, 174, 177, 179, 180, 181, 190, 194, 197, 203, 205, 207, 213, 219, 230, 250, 253, 254, 255, 256, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 269, 271, 279, 283, 289, 292, 299, 300, 315, 316, 317, 318, 328, 344, 345, 346, 348, 356, 358, 360, 370, 371, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 391, 394, 396, 397, 398, 399, 403, 410, 419, 423, 433, 434, 439, 440, 446, 447, 456, 462, 479, 492, 504, 505.
- Кинкель, Иоганна, урожденная Мокель (1810 — 1858) — жена Готфрида Кинкеля, писательница — 207, 210.
- Кинская (Kinski), Мария-Анна (род. в 1824) — урожд. графиня Зичи (Zichy) — 410.
- Кирхман, Юлий-Герман (1802 — 1884) — немецкий философ и либеральный публицист — 205, 371.
- Кислинг — 46.
- Киш — венгерский демократ, агент Кошута — 400, 410.
- Клапка (Klapka), Георг (1820 — 1892) — генерал венгерской революционной армии — 360, 414.
- Кларк (Clark), Томас — чартист — 136, 147.
- Клейн, Иоганн-Якоб — д-р, член Союза коммунистов, участник кельнского процесса — 322, 324, 517.
- Клейст - Ретцов, Ганс - Гуго (1814 — 1892) — прусский политический деятель консервативного направления — 223.
- Клозе — немецкий эмигрант в Лондоне — 221, 222, 369.
- Клоотс (Cloots), Анахарсис (1755 — 1794) — немецкий барон, деятель французской революции — 513.
- Клус (Cluss), Адольф — член Союза коммунистов, позже чиновник в Вашингтоне, корреспондент Маркса в Америке — 299, 316, 317, 323, 347, 351, 355, 356, 359, 361, 362, 368, 379, 380, 381, 384, 388, 390, 394, 396, 403, 410, 412, 426, 439, 451, 454, 462, 468, 470, 475, 476, 478, 480, 488, 491, 492, 498, 503, 508, 520, 524, 526, 528, 529, 531, 532.
- Коббет (Cobbet), Вильям (1766 — 1835) — английский политический деятель и писатель радикального направления — 83.
- Кобден (Cobden), Ричард (1804 — 1865) — английский государственный деятель, пропагандировал свободу торговли — 113, 144, 198, 338, 374, 376, 450, 457.
- Ковенд (Covend) — эмигрант, сторонник Виллиха — 165.
- Коген, г-жа (жена Карла Блинда) — мать Коген-Блинда, который стрелял в Бисмарка — 284.
- Коллинс — пароходная компания — 268.
- Кольман — мнимый издатель — 440, 441, 442, 443, 449, 452, 475.
- Кольпепер (Culpeper), Томас (1578 — 1662) — английский экономист — 298.
- Консидеран (Considérant), Виктор (1808 — 1893) — французский социальный мыслитель, примыкавший к Фурье — 60, 235.

- Коронде—ошибочно вместо Курна (см.).
 Корф (Korff), Герман — бывший прусский офицер, экспедитор «Новой рейнской газеты» — 104, 390.
- Коссидьер (Caussidière), Марк (1808 — 1861) — французский социалист, префект полиции в Париже в 1848 г. — 192, 303.
- Коста-Кабраль (Costa Cabral), Антонио-Бернардо, де (1803 — 1889) — португальский политический деятель, диктатор Португалии, свергнутый партией князя Сальданыи в 1851 г. — 206.
- Костюшко (Kosciuszko), Тадеуш (1746—1817) — национальный польский герой, вождь восстания 1794 г. — 342.
- Косцельский (Koscielski) — 511.
- Котес — купец в Кельне — 422, 426, 427, 437, 441, 443, 476.
- Котта (Cotta) — издательская фирма в Аугсбурге, основанная в 1640 г. Иоганном-Георгом Коттой — 230, 285.
- Кощут (Kossuth), Людвиг (1802 — 1894) — знаменитый венгерский революционер — 165, 183, 185, 283, 284, 294, 296, 300, 306, 322, 327, 328, 329, 344, 345, 348, 361, 373, 375, 381, 382, 384, 388, 399, 400, 410, 411, 413, 414, 425, 440, 458, 459, 460, 461, 463, 471, 476, 478, 507, 530, 531.
- Краулиньский (герой стихотворения Гейне) — прозвище Наполеона III — 305, 310, 311, 316, 457.
- Криге (Kriege), Герман (1820 — 1850) — немецкий революционер, сторонник Вейтлинга, редактор «Volkstribun», органа немецко-американских коммунистов 40-х гг. — 14, 16, 46, 50, 51, 52, 53.
- Криспин — 147.
- Кромвель (Cromwell), Оливер (1599 — 1658) — знаменитый вождь английской революции 1649 г. и протектор Англии — 146, 181.
- Круг, Вильгельм - Траугот (1770 — 1842) — немецкий философ, полемизировал с Кантом и Фихте с точки зрения «здравого смысла» — 173.
- Круммахер, Фридрих-Вильгельм (1796—1868) — известный теолог и пастор в Эльберфельде — 2.
- Крюгер, Фридрих — немецкий демократ в Брюсселе — 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76.
- Курна (Cournet) (1808 — 1852) — французский морской офицер, убит на дуэли Бартеlemi — 433.
- «Кучер» — см. Вебер, Георг.
- Кюниг (Künig) — 478.
- Кэри (Carey), Генри-Чарльз (1793 — 1879) — американский экономист — 357, 499, 500, 524.
- Кюнцель — прусский капитан инженерных войск — 363.
- Кюттман — издатель — 46, 62.

Л.

- Лаверьер (Laverrière) — акционер «Новой рейнской газеты» — 102.
- Ламартин, Альфонс, де (1790—1869) — французский поэт и политический деятель в 1848 г., глава Временного правительства — 79, 81, 88, 99.
- Ламеннэ (Lamennais), Фелисите-Робер де (1782 — 1854) — французский католический священник, социальный писатель, христианский социалист — 264, 328.
- Ламорисьер (Lamoricière), Кристоф-Луи-Леон (1806—1865) — французский политический и военный деятель — 415.
- Лампон (Lampon) — сотрудник «Times» по вопросам денежного рынка — 458.
- Ландольф (Landolphe) — французский коммунист, эмигрант в Лондоне — 145, 146, 147, 148, 153, 154, 156, 158, 163, 165, 166, 169, 170, 171, 173, 174, 179.
- Ланкоронский, граф, в показаниях Гирша — русский агент — 400, 476.
- Ларош — см. Леман.
- Ласпэ, Анри, де (l'Aspée) — полицейский чиновник — 478.
- Лассаль, Фердинанд (1825 — 1864) — знаменитый немецкий социалист и философ-регельянец — 347, 353, 468, 470, 490, 493, 503, 505.
- Лауц (Lautz) — банкир в Трире — 181.
- Лауфф (Lauff) — брюссельский коммерсант — 98.
- Лафайет, Мари-Жозеф, маркиз (1757 — 1834) — генерал, деятель американской войны за независимость и Великой французской революции — 143.
- Левассер, де ла-Сарт, Рен (Levasseur, de la Sarthe) (1747 — 1834) — французский политический деятель, член Конвента, сторонник Робеспьера—55.
- Левен (Leven) — кельнский присяжный заседатель—441.
- Левенталь (Löwenthal), д-р — издатель во Франкфурте-на-Майне—11, 38, 285, 295, 297, 298, 299, 311, 360, 441.
- Леве — 520.
- Леве фон-Кальбе (Löwe von Calbe), Вильгельм (1814 — 1886) — немецкий политический деятель, председатель франкфуртского парламента, в 1852—1861 г. эмигрант, после 1861 г. вернулся в Германию, где примкнул к прогрессистам — 302, 305, 356, 382, 384, 385, 433, 456.
- Ледру - Роллан (Ledru - Rollin), Але-

- ксандр-Огюст (1807 — 1874) — французский политический деятель 1848 г., вождь мелкобуржуазной демократии — 91, 120, 122, 142, 146, 149, 153, 154, 155, 164, 192, 207, 235, 253, 255, 256, 264, 265, 290, 304, 306, 307, 328, 335, 344, 345, 393, 448, 461, 473, 525, 531.
- Лейден (Leiden) — присяжный заседатель в кельнском процессе — 441.
- Лелевель (Lelewel), Иоахим (1786 — 1861) — польский историк, националист-демократ — 400.
- Лельген (Löllgen) трактирщик в Кельне — 3.
- Леман — (Lehmann) — немецкий эмигрант в Лондоне — 118.
- Леман (Lehmann), Аугуст-Фридрих-Готтлиб, он же Ларош (род. в 1819 г.) — участник баденского восстания 1849 г.; смертный приговор был ему заменен пожизненным заключением — 209.
- Леопольд I (1790 — 1865) — бельгийский король — 61, 282.
- Лер, К.-Ад. (Löhr) — военный историк — 389.
- Леру (Leroux), Пьер (1797 — 1871) — французский философ, социалист — 27, 345.
- Леске (Leske) — издатель в Дармштадте — 10, 17, 29, 38, 53, 55.
- Лессинг, Готтольд-Эфраим (1729 — 1781) — знаменитый немецкий писатель и критик — 498.
- Лесснер, Фридрих (1825—1910) — портной, член Союза коммунистов, участник кельнского процесса, эмигрант в Лондоне, друг Маркса и Энгельса — 231.
- Либих (Liebig), Юстус (1803—1873) — знаменитый немецкий химик — 285.
- Либкнехт (Liebknecht), Вильгельм (1826 — 1900) — известный немецкий социал-демократ — 125, 129, 165, 174, 187, 190, 219, 220, 221, 224, 229, 258, 260, 269, 284, 351, 422, 432, 442, 446, 456, 468, 523.
- Ликург — легендарный спартанский законодатель — 411.
- Лист (List), Фридрих (1789 — 1846) — немецкий экономист, сторонник системы протекционизма — 6, 18, 19, 334, 379.
- Лихновский, Феликс, князь (1814 — 1848) — член Национального собрания 1848 г., легитимист, убит во время франкфуртского восстания в сентябре 1848 г. — 434.
- Лицци — см. Бернс.
- Лич (Leach), Джемс — чартистский деятель — 129, 130, 136.
- Лоу (Lowe) — член парламента, сотрудник «Times» — 458.
- Лойд (Lloyd), барон Оверстон, Самуил Джонс (1796 — 1883) — английский банкир и экономист — 134, 137.
- Лохнер — рабочий, член Союза коммунистов, эмигрант в Лондоне — 509.
- Луи-Наполеон — см. Наполеон III.
- Луи-Филипп (1773 — 1850) — король Франции — 173, 349, 525.
- Льевр (Lièvre), Евгений — сподвижник Г. Криге, сотрудник «Volkstribun», выходявшей с 1846 г. в Нью-Йорке — 484, 485.
- Люблинер (Lubliner), Людовик — польский революционер — 94.
- Людерс (Lüders) — гамбургский коммунист — 253, 315, 317.
- Люнинг (Lüning), Отто — писатель социалистического направления — 38, 98, 114, 119.
- Лютер, Мартин (1483 — 1546) — знаменитый немецкий религиозный реформатор — 232.
- Люциус — доктор — 207.

M.

- Магомед (571 — 632) — основатель мусульманской религии — 484, 488, 494, 495.
- Мадден, Джемс — издатель — 389.
- Мадзини (Mazzini), Джузеппе (1805 — 1872) — знаменитый итальянский революционер — 120, 121, 122, 123, 132, 142, 149, 153, 176, 179, 192, 199, 202, 207, 209, 210, 219, 224, 253, 255, 265, 269, 271, 290, 294, 306, 328, 334, 337, 340, 344, 345, 347, 361, 393, 399, 400, 448, 458, 459, 460, 461, 463, 472, 477, 481, 508, 531.
- Мадье (Madier) — французский текстильщик-техник, знакомый Энгельса — 319, 325, 454.
- Майн-Рид (Maune-Reyde) (1818—1883) — английский романист — 460.
- Майнц (Maynz) — член Союза коммунистов в Брюсселе — 94, 96, 97, 98, 99.
- Майр (Maur), Адольф — член немецкого рабочего Союза — 119, 415.
- Мак-Гоуэн (Mac-Gowan) — чартист — 392.
- Макиавелли (Machiavelli), Никколо (1469 — 1527) — знаменитый флорентийский политический писатель и историк — 328, 370.
- Макферлан (Macfarlane), Элен — 123, 156.
- Мак-Грат (Mac Grath) — чартист — 136.
- Мак-Элрэт (Mac Elrath) — сотрудник «Нью-йоркской трибуны» — 525.
- Мальтус (Malthus), Томас (1766—1834) — английский экономист — 126, 249, 499.
- Мантейфель (Manteuffel) — участник ре-

- волюции 1848 г., редактор «Lithographische Korrespondenz» в Берлине — 243, 376.
- Ману (у Маркса Мену) — прародитель человечества, мифический автор индусского «Сборника законов» — 501.
- Марраст (Marxast), Арман (1801—1852) — французский политический деятель, член Временного правительства в 1848 г., редактор «National» — 51, 68.
- Маркс, Гвидо (Фоксик) — сын Маркса — 115.
- Маркс, Генриетта (1787 — 1863) — мать Маркса — 181, 405.
- Маркс, Женни (1814 — 1881) — жена Маркса — 110, 121, 124, 129, 181, 316, 317, 368, 480, 518, 530.
- Маркс, Женни (1844 — 1883) — дочь Маркса, жена Лонге — 404.
- Маркс, Лаура (1846 — 1911) — дочь Маркса, жена Лафарга — 405, 407.
- Маркс, Эдгар [Муш, Тилль] (1849 — 1855) — сын Маркса — 121, 209, 212, 316, 369, 480.
- Мартен дю-Нор (Martin du Nord), Никола - Фердинанд (1790 — 1847) — французский политический деятель, министр при Луи-Филиппе, консерватор — 66.
- Мартенс — арестован в Гамбурге по кельскому делу — 222, 252.
- Масси (Massey), Джеральд (1828 — 1908) — поэт-рабочий, чартист — 327.
- Массоль (Massol), Мари - Александр (1805 — 1875) — сотрудник «Réforme», французский философ — 328, 329, 336, 341, 345, 396, 403, 405, 407, 410, 412.
- Махмуд II (1808 — 1839) — турецкий султан — 526.
- Мевиссен (Mevissen), Густав (1815 — 1899) — немецкий политический деятель, основатель промышленных компаний в Рейнской области, член палаты господ — 463.
- Мейен (Meuен), Эдуард (1812 — 1870) — левый гегельянец, политический деятель демократического направления — 12, 113, 204, 206, 208, 243, 250, 253, 254, 257, 262, 292, 315, 316, 370, 383, 384, 385, 433.
- Мейер, Юлиус — вестфальский демократ, представитель «истинного социализма» — 23.
- Мейер — трактирщик — 3.
- Меллине (Mellinet) — генерал (1768 — 1852) — французский и бельгийский государственный деятель, принимал участие в бельгийской революции 1830 г. — 71.
- Мену — см. Ману.
- Мерославский (Mieroslawski), Людвиг (1814 — 1878) — польский революционер, командующий баденской революционной армией — 396.
- Меттерних, Клеменс - Венцель - Лотар, князь (1773 — 1859) — австрийский государственный деятель — 119.
- Мехмед - Али (1769 — 1849) — вице-король Египта — 328.
- Микель (Miquel), Иоганн (1828—1901) — немецкий государственный деятель, министр финансов, руководитель национал-либеральной партии — 197, 202, 216, 218, 222, 224, 225, 226.
- Миллербахер (Millerbacher) — военный писатель — 389.
- Милль (Mill), Джон-Стюарт (1806 — 1873) — английский философ и экономист — 134.
- Минье (Minié), Клод-Этьен (1804 — 1879) — изобретатель ружья, французский офицер — 321.
- Минье (Mignet), Франсуа-Огюст (1796—1884) — французский историк — 67.
- Мирбах, О. — журналист радикального направления и эмигрант — 168.
- Мирхонд (1433 — 1498) — персидский историк — 495, 496.
- Мисковский (Miskowsky) (ум. в 1854 г.) — польский эмигрант — 530, 531.
- Мишель де-Бурж (Michel de Bourges) (1798 — 1853) — французский политический деятель радикального направления — 264.
- Мишле (Michelet), Жан (1798—1874) — французский историк — 92.
- Мойрер (Maurer), Герман (род. 1815 — умер после 1882) — немецкий поэт, основатель Союза отверженных в Париже — 24, 36, 47, 64.
- Мойрер, г-жа — жена Германа Мойрера — 64.
- Моисей (библейский законодатель) — 272.
- Молинари (Molinari) — венгерский демократ, эмигрант — 119.
- Молль (Moll), Исидор (ум. в 1849 г.) — член Союза коммунистов, убит в баденской кампании — 96, 165.
- Монталамбер (Montalembert), Шарль-Форб (1810 — 1870) — граф, французский писатель и политический деятель, примыкал к Ламенну, глава либеральных католиков — 150.
- Монтес (Montez), Лола (1820 — 1861) — балерина, любовница баварского короля Людовика I — 64, 66, 296.
- Монтихо (Montijo), Евгения (1826 — 1920) — жена Наполеона III, императрица французов — 474.
- Моор, Карл (герой драмы Шиллера «Разбойники») — 36.
- Морас (Moras) — 70, 71, 72, 76.
- Морелли (Morelly) (ум. во 2-й половине

- XVIII в.) — аббат, французский коммунистический писатель — 17.
Морни (Morru), Шарль-Огюст-Луи-Жозеф, де, граф (1811 — 1865) — французский государственный деятель, единокровный брат Наполеона III, участник государственного переворота 2 декабря, ближайший сотрудник Наполеона III — 321.
Моррис (Morris, Mowbray), Моубрей — один из руководителей газеты «Times» — 457.
Мотт (Mott), Джемс (1788 — 1868) — абolicиионист, пропагандист освобождения рабов в Америке — 508.
Муррей (Murrey) — фабрикант — 470.
Муш (Тилль) — см. Маркс, Эдгар.
Мэнтль (Mantle) Г.-Дж. — чартист в Манчестере — 136.
Мэри — см. Бернс.
Мюллер, В. — 3.
Мюллер, юстиции советник — 429.
Мюллер, Вильгельм (1794 — 1827) — немецкий поэт — 14.

Н.

- Надо (Nadaud)**, Мартен (1815 — 1898) — французский коммунист, последователь Каба, автор «Histoire des classes ouvrières en Angleterre» — 345.
Наполеон I (1769 — 1821) — французский император — 162, 181, 186, 187, 189, 191, 198, 201, 278, 282, 302, 310, 324, 336, 363.
Наполеон III (Луи - Наполеон Бонапарт) (1808—1873) — император французов — 144, 150, 205, 208, 210, 213, 235, 288, 290, 291, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 309, 310, 312, 313, 314, 318, 319, 320, 321, 324, 325, 327, 330, 331, 333, 334, 336, 342, 343, 348, 350, 368, 371, 372, 396, 400, 401, 407, 410, 411, 413, 414, 415, 430, 440, 452, 457, 458, 459, 461, 474, 476, 525, 533.
Науверк (Nauwerk), Карл (1810 — 1891) — историк, доцент Берлинского университета, примыкал к кружку «свободных» в Берлине — 12.
Наут, С.-А. — эмигрант, сотрудник «Новой рейнской газеты» — 108, 123, 377.
Нейбек, Филипп, — школьный учитель в Майнце — 93, 101.
Нейгауз — глава тюрингенского движения — 192.
Немурский, Луи-Шарль - Филипп Рафаэль, герцог (1814 — 1896) — второй сын короля Луи-Филиппа — 371.
Непир (Napier), Вильям-Патрик (1785 — 1860) — английский генерал и военный историк — 162, 173, 189.
Нессельроде, Карл Васильевич, граф

- (1780 — 1862) — русский дипломат, затем государственный канцлер при Николае I — 520.
Николай I (1796 — 1855) — император российский — 204, 274, 334, 490, 513.
Новаши (1280—1332) — арабский историк — 494.
Ной (библейский патриарх) — 483.
Ноль (Nohl) — акционер «Новой рейнской газеты» — 102.
Нотьюнг (Nothjung), Петр (1821 — 1880) — портной, участник кельнского процесса коммунистов — 212, 222, 252, 322, 393, 421, 425, 441.
Ньютон (Newton), — английский кооператор — 412.

О.

- Обермейер, г-жа** — 15.
О'Донован Росса (O'Donovan Rossa), Иеремия — один из главарей ирландских фениев — 129.
О'Коннор (O'Connor), Фергус (1794 — 1855) — чартист — 83, 86, 96, 113, 130, 136, 155, 192, 288, 300, 328, 342.
Оксфорд (Oxford), Джозеф — собственник магазина шелковых изделий в Лондоне — 524.
Омальский, Анри-Эжен-Филипп-Луи, герцог (1822 — 1897) — четвертый сын короля Луи-Филиппа — 415.
Омер-паша (1806 — 1871) — турецкий полководец — 519.
Онеманс (Ohnemans), Энгельберт — портной, член Союза коммунистов в Брюсселе — 77.
Оппенгейм — банкир — 55, 147, 174, 194, 250, 253, 254, 315, 433, 456.
Орлеанский, принц — сын Луи-Филиппа — 431.
Орлеаны — младшая линия сначала династии Валуа, а затем Бурбонов — 305, 321, 371, 373, 415.
Освальд — участник баденского восстания, коммунист, эмигрант в Лондоне — 368, 382, 385.
Оттерберг — немецкий демократ — 70, 192.
Отто, Карл-Вунибальд (род. ок. 1810 г.), д-р химии, участник кельнского процесса коммунистов — 263, 322, 324, 425.
Оуэн (Owen), Роберт (1771 — 1858) — английский утопический социалист и основатель кооперативного движения — 17, 123, 208.

П.

- Павел** — апостол — 294.
Пакингтон (Pakington), Джон-Сомерсет (1799 — 1880) — английский государ-

- ственный деятель, консерватор — 472.
- Палаfox-и-Мельци (Palafox y Melzi), Хозе, де (1780 — 1847) — испанский военный деятель — 176.
- Пальмерстон, Генри-Джон-Темпл, лорд («Пам») (1784 — 1865) — английский премьер-министр — 113, 149, 183, 199, 415, 416, 457, 463, 464, 510, 523, 524, 527, 530, 532, 533.
- Пассос (Passos), Хозе — португальский государственный деятель — 206.
- Пеллерен (Pellering), Жан (1817 — 1877) — бельгийский рабочий, социалист — 72, 73, 94.
- Пениш (Pönisch) — 407.
- Персигни (Persigny), Жак-Жильбер-Виктор-Фиален, граф (1808 — 1872) — французский государственный деятель, бонапартист, участвовал в высадке в Булони Наполеона III, при второй империи — министр внутренних дел — 322.
- Перцель (Perczel), Мориз (1811 — 1899) — генерал венгерской революционной армии — 328, 329.
- Пето (Peto), Самуэль-Мортон (1809 — 1889) — английский крупный подрядчик и член парламента — 143.
- Петр Амьенский, Пустыжник (ум. в 1115) — монах, проповедывавший первый Крестовый поход — 340.
- Петти (Petty), Вильям (1623 — 1687) — английский экономист и статистик — 126, 298.
- Петти (Pettie) — чартист — 294.
- Петглер, Йоганн — немецкий эмигрант в Лондоне — 253.
- Пиа (Piat), Феликс (1810 — 1889) — французский литератор и политический деятель, социалист и демократ, участник революции 1848 г., член Парижской коммуны — 335, 345, 399.
- Пиали — см. Церфи.
- Пикфорд (контора) — 359, 360, 417, 424, 428, 454.
- Пиль (Peel), Роберт (1788 — 1850) — английский премьер-министр — 189, 374, 411, 463.
- Пиндар (Pindar), Эдуард, — русский эмигрант — 349, 360, 380, 384, 402, 403, 406, 412, 417, 418.
- Пипер (Pieler) («Тупман»), Фридрих-Людвиг-Вильгельм из Ганновера (род. ок. 1827 г.) — филолог, член Союза коммунистов в Лондоне — 131, 134, 148, 158, 163, 164, 166, 167, 168, 169, 170, 179, 181, 194, 195, 197, 200, 202, 229, 284, 287, 289, 292, 295, 297, 298, 299, 301, 305, 306, 308, 311, 316, 318, 320, 326, 330, 331, 341, 369, 378, 401, 402, 405, 406, 408, 409, 422, 425, 439, 453, 456, 468, 470, 477, 479, 481, 485, 487, 495, 496, 497, 498, 503, 504, 505, 507, 509, 510, 518, 519, 523, 526.
- Питт (Pitt), Младший, Вильям (1759 — 1806) — английский государственный деятель, премьер-министр — 113.
- Плазман — экспедиционная контора — 103, 108.
- Платт — фабрикант — 339.
- Плейель — полковник — 425.
- Потье — французский революционер — 118.
- Прайс (Price), Ричард (1723 — 1791) — английский писатель по финансовым вопросам — 248.
- Праслан (Praslin), Шарль-Шуазель (1805 — 1847) — подозревался в убийстве своей жены; покончил с собой во время следствия — 80, 90.
- Прохаский — польский эмигрант в Лондоне, сторонник Виллиха — 165.
- Прудон (Proudhon), Пьер-Жозеф (1809 — 1865) — французский экономист — 24, 32, 33, 34, 40, 47, 48, 50, 53, 60, 63, 78, 89, 104, 122, 123, 182, 231, 232, 233, 243, 244, 245, 246, 247, 249, 251, 252, 260, 261, 265, 268, 271, 285, 287, 293, 294, 296, 297, 299, 305, 308, 345, 347, 393, 396, 405.
- Пруссак (псевдоним Маркса) — 325.
- Пфендер (Pfänder), Карл (ум. в 1876 г.) — живописец, член лондонской фракции Союза коммунистов — 116, 118, 120, 130, 131, 286, 326, 332, 372.
- Пульский, Франц (1814 — 1897) — венгерский революционер, сподвижник Кошута — 473.
- Пюттман (Püttmann), Герман — издатель, представитель «истинного социализма» — 9, 10, 14, 15, 18, 19, 38, 40, 53, 55, 59, 63.

Р.

- Раво (Raveaux), Франц (1810 — 1851) — рейнский либерал, член баденского революционного правительства — 106, 198, 222.
- Радамант (мифическое лицо) — подземный судья, судит души умерших — 327.
- Радецкий (Radetzky), Иосиф (1766 — 1858) — австрийский фельдмаршал, главнокомандующий австрийских войск в Италии — 276, 458, 460.
- Радовиц (Radowitz), Иосиф (1797 — 1853) — прусский генерал и государственный деятель — 207.
- Рамбо (Ramboz) (вымышленное имя Маркса) — 108, 112, 114.
- Рамо (Rameau) — герой произведения Дидро «Племянник Рамо» — 393.
- Рат (Rath), фон — присяжный заседатель

- в кельнском процессе коммунистов — 441.
- Рау (Rau) — участник кельнского процесса коммунистов — 492.
- Раффльс (Raffles), Томас-Стамфорд, сэр (1781 — 1826) — английский писатель, губернатор Явы; главное сочинение «История Явы. 1817 г.» цитируется в «Капитале» — 501.
- Резер (Röser), Петер-Гергард (род. ок. 1816 г.) — ремесленник, член Кельнского рабочего союза, участник кельнского Союза коммунистов — 212, 214, 322, 393, 425, 441, 448.
- Резинг (Rösing), Иоганн (род. ок. 1792 г.) — купец из Бремена, глава демократического союза в Бремене, друг Дюлона и Руге, с 1851 г. — эмигрант в Лондоне — 107.
- Рейнгардт, Рихард — друг Маркса и Энгельса, — 35, 84, 85, 86, 88, 279, 305, 308, 309, 315, 333, 335, 468.
- Рейнольдс (Reynolds), Джордж-Вильям Мак-Артур (1814 — 1879) — английский политический деятель и писатель радикального направления, примыкал к чартистам — 130, 155.
- Рейтер — полицейский чиновник и шпион прусского посольства — 435, 436.
- Рейф, Вильгельм-Иосиф (род. ок. 1824 г.) — участник кельнского Союза коммунистов — 393
- Рейх, Франц-Иосиф (род. в 1814 г.) — юрист, участник баденского восстания, эмигрант в Париже — 283.
- Рейхель, Христоф-Август (1715 — 1774) — автор духовных песен — 63.
- Рейхенбах, Эдуард, граф (ум. в 1869) — бреславльский демократ, эмигрант — 174, 253, 262, 269, 356, 381, 382, 384, 385, 391, 397, 423, 433, 434, 446, 456.
- Ремпель, Рудольф — вестфальский демократ, представитель «истинного социализма» — 23.
- Ремюза (Remusat) — орлеанистский заговорщик — 374, 375, 376, 431.
- Рештон (Rushton), Вильям — переводчик — 389.
- Риббентроп (Ribbentrop), Адольф — друг Руге и Маркса, последователь Фейербаха — 352.
- Рив (Reeve), Генри (1813 — 1895) — английский публицист, сотрудник «Times» (1840 — 1855), сторонник орлеанистов — 458.
- Ридель (Riedel), Рихард — рабочий-обойщик, член и казначей демократической ассоциации в Брюсселе — 77.
- Рикардо (Ricardo), Давид (1772 — 1823) — знаменитый английский экономист — 125, 127, 134, 135, 137, 183, 205, 499, 509.
- Ринальдо-Ринальдони, — герой романа Христиана - Августа Вульпиуса — (1762 — 1827) — 473.
- Рингс — коммунист, эмигрант в Лондоне — 121, 326, 432, 509, 527.
- Риттинггаузен, Морис (1814 — 1890) — бельгийский политический деятель и публицист, один из сотрудников «Новой рейнской газеты» — 235.
- Рихтер — ремесленник из Торгау — эмигрант — 326, 330, 332.
- Ричардс (Richards), Альфред (1820 — 1876) — английский журналист, противник Кобдена и манчестерцев — 510.
- Робертс (Roberts), Вильям-Прюитинг (1806 — 1871) — адвокат трад-юнионов — 116.
- Робертсон — чартист — 130.
- Робеспьер, Максимилиан (1758 — 1794) — знаменитый деятель французской революции — 165, 234, 250, 251, 303.
- Родбертус, Карл-Иоганн (1805 — 1875) — немецкий экономист — 205, 371.
- Роде — купец — 107.
- Рожицкий (Rozycki), Карл — польский полковник, принимал участие в восстании 1830 — 1831 гг. — 396.
- Рокка делла (della Rocca), Энрико, граф (род. ок. 1815 г., умер после 1870 г.) — итальянский генерал — 460.
- Рожье (Rogier), Шарль-Жатур (1800 — 1885) — бельгийский государственный деятель, министр — 95.
- Ромул Августул — последний римский император, отказался от императорского звания в 476 г. — 334.
- Ронге, Иоганн (1813 — 1887) — основатель «христианско-католической церкви», политический деятель, демократ — 57, 132, 177, 179, 197, 204, 205, 219, 253, 256, 262, 289, 356, 385, 411, 420.
- Россель (Russell), Джон (Джонни) (1792 — 1878) — лорд, английский государственный деятель, премьер-министр — 143, 157, 333, 335, 450, 462, 463, 464, 472.
- Рот (Roth), Рихард — коммунист в Эльберфельде — 3.
- Ротакер — немецкий эмигрант в Америке — 190.
- Ротер, Христиан, фон (1778 — 1849) — прусский министр финансов — 39.
- Роттек, Карл-Венцеслав (1775 — 1840) — историк и политический деятель, один из вождей либеральной партии — 180.
- Ротшильд — банкирский дом, основанный Амшелем Ротшильдом (1743 — 1812) — 39, 41, 63, 86, 284, 289, 305, 497.
- Руге, Арнольд (Винкельрид) (1802 — 1880) — немецкий писатель и ради-

- кальный политик, левый гегельянец — 4, 12, 28, 63, 79, 109, 120, 122, 131, 132, 133, 142, 147, 149, 157, 173, 174, 177, 179, 180, 190, 194, 197, 204, 207, 219, 220, 221, 224, 230, 231, 233, 234, 242, 250, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 260, 262, 263, 264, 265, 300, 315, 333, 334, 345, 356, 357, 368, 371, 373, 377, 378, 379, 382, 386, 411, 420, 448, 498, 503, 510, 511, 513, 531.
- Румф — немецкий эмигрант в Лондоне — 258, 259, 498.
- Руссо, Жан-Жак (1712 — 1778) — знаменитый французский писатель и философ — 234, 250, 251.
- Рутенберг, Адольф — принадлежал в Берлине к кружку «свободных», впоследствии перешел на службу к Бисмарку — 12.

С.

- Сабатье (Sabatier) — французский революционер — 329.
- Савари (Savary), Анна-Жан-Мари-Рене, герцог де-Ровиго (1774 — 1833) — французский политический деятель, сотрудник Наполеона I — 191.
- Сагра (Sagra), Рамон де-ла (1798 — 1871) — испанский экономист, после февральской революции 1848 г. жил в Париже, разделял идеи Прудона о национальном банке — 89, 90.
- Сазонов, Николай Иванович (1815 — 1862) — русский эмигрант, друг Маркса — 284, 285, 287, 329.
- Сальданья (Saldanha), Оливьера-э-Даун, князь (1791 — 1876) — португальский государственный деятель — 206.
- Санчо Панса — слуга Дон-Кихота в романе Сервантеса — 399, 513.
- Сапфира (из Библии) — 51.
- Сарран (Sarrans), Бернар, младший (1795 — 1874) — французский журналист и политический деятель, участник июльской революции 1830 г., левый республиканец — 143.
- Семере (Szemere), Бартоломей (1812 — 1869) — венгерский писатель, министр-президент в венгерском революционном правительстве — 328, 329, 334, 344, 348, 356, 359, 361, 375, 377, 425, 440, 460, 476.
- Сен-Аюст, Луи-Антуан (1767 — 1794) — французский политический деятель Великой революции — 303.
- Сен-Симон, Анри-Клод, граф (1760 — 1825) — французский философ, социалист-утопист — 27, 251.
- Серельмей (Szerelemey), Николай (1803 — 1875) — венгерский полковник и художник, участник революции 1848 — 1849 гг., затем эмигрант — 348, 357, 359, 360, 364.
- Сивилла — римская мифическая пророчица — 298.
- Симон, Людвиг (1810 — 1872) — адвокат из Трира, демократический политический деятель, член Национального собрания — 332, 333, 337, 362.
- Сисмонди, Жан-Шарль-Леонар (1773 — 1842) — французско-швейцарский историк и экономист — 499.
- Смит, Адам (1723 — 1790) — знаменитый шотландский философ и экономист — 183.
- Смитт Федор Иванович (1788 — 1805) — русский военный историк — 396, 526.
- Соден — барон — 266.
- Сойер (Soyer) — лондонский ресторатор — 209.
- Соути (Southey), Роберт (1774 — 1843) — английский поэт — 162.
- Спилтгорн (Spilthoorn), Шарль-Луи (1806 — 1872), адвокат из Гента — бельгийский политический деятель, член временного правительства Фландрии в 1830 г., член демократической ассоциации в Брюсселе — 72.
- Стефания — тетка Наполеона III — 331.
- Стеффен — бывший лейтенант, коммунист — 462, 468, 531.
- Страсольдо — граф, комендант Милана — 460.
- Струве (Struve), Густав (1805 — 1870) — один из вождей баденской революции, писатель, эмигрант в Америке — 131, 157, 173, 174, 177, 179, 180, 190, 252, 358.
- Струве, Амалия, ур. Дюзар — жена Густава Струве — 190, 252, 334.
- Стэнли (Stanley), Аргур-Пенрин (1815 — 1881) — деятель англиканской церкви — 157.
- Стюарт (Stewart), Джэмс (1712 — 1780) — английский экономист — 298.
- Сутерландская — герцогиня, Гарриет-Елизавета-Джорджиана (1806 — 1868) — филантропка — 455, 467.
- Сэй (Say), Жан-Батист (1767 — 1832) — французский экономист — 392.

Т.

- Таллейран (Talleyrand) — Перигор-Шарль-Морис (1754 — 1838) — французский дипломат и министр — 119.
- Тали (Thaly), Сигизмунд (1814 — 1886) — венгерский военный писатель, участник революции 1848 г. — 389.
- Таннегю-Дюшатель (Tanneguy-Duchatel), Шарль (1803 — 1867), граф — французский государственный дея-

тель, министр финансов и внутренних дел при Луи-Филиппе — 56, 93.

Таузенау (Tausenau), Карл (1808 — 1873) — венский журналист, в 1848 г. президент демократического союза в Вене — 147, 173, 253, 254, 255, 256, 257, 411.

Ташеро (Tachereau), Жюль - Антуан (1801 — 1874) — французский литератор и политический деятель — 419.

Тедеско (Tedesco), Виктор (1821 — 1897) — бельгийский социалист — 85, 87, 95, 98.

Теллеринг (Telling) (Мюллер-Теллеринг) — венский корреспондент «Neue Rheinische Zeitung», лондонский эмигрант — 128, 132, 351, 352, 356, 489.

Тессье-де-Мог (Tessier de Mothe) — французский социалист, сторонник Луи Блана — 153, 154.

Техов (Teshow), Густав-Адольф (род. ок. 1812 г., ум. в 1893 г.) — бывший прусский офицер, участник февральской революции в Берлине и начальник штаба баденской революционной армии, лондонский эмигрант — 253, 254, 257, 262, 275, 276, 278, 279, 281, 282, 306, 355, 356, 374, 382, 383, 384, 399, 446.

Тилль — см. Маркс, Эдгар.

Тиме — издатель — 9.

Толстой, Яков Николаевич, граф (1791 — 1867) — на дипломатическо-полицейской службе в Париже — 34, 35, 41, 42, 61.

Тома (Thomas), Клеман (1809 — 1871) — французский политический деятель, один из редакторов «National», органа республиканской партии — 51.

Томис (Thomis), — немецкий коммунист, эмигрант в Париже — 73, 74.

Томпсон, Томас-Перроне (1783—1869) — английский политический деятель, сторонник свободы торговли, примыкал к Бентаму — 113.

Торе (Thore), Этьен - Жозеф - Теофиль (1807 — 1869) — французский писатель и политический деятель, левый республиканец, участник революции 1848 г., эмигрант после 1849 г. — 335.

Тралле (Tralle) или Дралле, Фридрих-Вильгельм, из Бремена (род. ок. 1820 г.) — журналист демократического направления, эмигрант в Лондоне — 385, 411.

Трюбнер — издатель — 361.

Тук (Took), Томас (1774 — 1858) — английский экономист — 117, 138.

Тьер (Thiers), Луи-Адольф (1797 — 1877) — французский государственный деятель, историк — 51, 62, 86, 162, 191, 210, 301, 302.

Тьерри (Thierry), Огюстен (1795 — 1856) — французский историк — 67.

Тьерри (Thierry) — французский эмигрант в Лондоне — 119.

Тэйлор (Taylor) — английский писатель — 402.

У.

Уингхэм (Wingham) — полицейский судья в Лондоне — 422, 432.

Ульмер — рабочий - коммунист — 224, 256, 257, 258, 259, 278.

Уолмсли (Walmesley), Джошуа, сэр (1794 — 1871) — английский государственный деятель, сторонник отмены хлебных пошлин — 340.

Уолтер (Walter), Джон (1818 — 1894) — член английского парламента и издатель «Times» — 457.

Уотс (Watts), Джон (1818 — 1887) — английский социальный реформатор — 34, 122, 144, 145, 252.

Уркарт (Urquhart), Давид (1805 — 1877) — английский писатель по дипломатическим вопросам — 464, 469, 507, 509, 510, 515, 527.

Ф.

Ф. М. [Маркс, Фрэнсис-Джозеф-Питер] (1816 — 1876) — сторонник Уркорта — 511, 512, 514.

Фанон — французский эмигрант в Лондоне — 119, 120, 122, 123.

Фаухер, Юлий (1820 — 1878 г.) — немецкий публицист, левый гегельянец, в 60-х гг. представитель немецкого манчестерства — 204, 206, 243, 250.

Феддерсен — 473.

Федер (Faider), Виктор — адвокат в Брюсселе — 98, 99.

Фезе (Vehse), Карл-Эдуард (1802 — 1870) — немецкий историк — 440, 447.

Фейербах (Feuerbach), Людвиг (1804 — 1872) — знаменитый немецкий философ-материалист — 7, 14, 24, 38, 43, 45, 46, 121, 264, 284, 287, 334, 391.

Фелиси, М-ле — 92.

Феннер фон-Феннеберг (Fenner v. Fenneberg), Даниил (1820 — 1863) — командующий войсками национальной гвардии, начальник генерального штаба пфальцской народной армии, издатель Нью-Йоркской рабочей газеты в Америке — 231.

Ференци — венгерская певица — 399.

Феттер (Vetter), Анатолий (1803—1882) — генерал, венгерский революционер — 399, 400.

Фиски (Fieschi) — эмигрант в Лондоне — 121.

Фиклер (Fickler), Иосиф (род. в 1808 г.) — член баденского революционного правительства — 219, 220, 221, 224, 233, 253, 254, 255, 256, 356, 382, 386.

Фикс (Fix), Теодор (1800 — 1846) — швейцарский экономист, сотрудник «Journal des économistes» в Париже, сторонник Мальтуса — 37.

Филипс (Philips), Лион — кузен Маркса в Голландии — 70, 88.

Фишер, Г. — член Центрального комитета Союза коммунистов в 1848 г. — 74.

Фишер (из Нового Орлеана) — эмигрант — 190, 191, 193, 254, 259, 260, 262, 292, 294.

Флери (Fleury), Карл-Фридрих-Август (правильно Краузе) (род. в 1824 г.) — шпион и полицейский агент — 439, 440, 443, 444, 445, 446, 476, 481.

Флокон (Flocson), Фердинанд 1800 — 1866) — французский радикальный публицист, член Временного правительства в 1848 г. — 79, 80, 81, 83, 85, 86, 89, 91, 96, 97, 303.

Флоранкур (Florensourt), Франц-Шассо, фон (1803 — 1886) — немецкий публицист, активный участник студенческого движения в 30 — 40-х гг.; после 1848 г. перешел в католичество; был в родстве с Марксом со стороны жены — 192.

Флюгель, Иоганн - Готфрид (1788 — 1855) — составитель словарей — 468.

Фоглер — издатель, социалист — 46, 66, 68, 97.

Фоксик — см. Маркс, Гвидо.

Форстер, Чарльз — английский географ — 483.

Фогт (Vogt), Карл (1817 — 1895) — немецкий естествоиспытатель — 333, 358.

Фоше (Faucher), Леон (1803 — 1854) — министр внутренних дел в эпоху президентства Луи - Наполеона — 213, 288, 290.

Франк (Frank), парижский издатель — 84, 85, 86, 88.

Франк (Franks), Поль — 198.

Франк (Frank) — австрийский эмигрант в Лондоне — 253, 256, 385.

Франк — художник, эмигрант в Лондоне — 387.

Франсезон — автор испанской грамматики — 516.

Франц-Иосиф Габсбург (1830 — 1916) — император австрийский — 204.

Фребель (Fröbel), Юлий (1805 — 1893) — немецкий радикальный политик и публицист, деятель революции 1848 г., в 60-х гг. — на службе австрийского правительства — 12, 29, 333.

Фрейлиграт, Фердинанд (1810 — 1876) — немецкий поэт, член Союза коммуни-

стов, друг Маркса — 103, 112, 197, 203, 207, 212, 213, 219, 220, 224, 233, 243, 259, 260, 284, 285, 289, 316, 325, 329, 334, 347, 354, 360, 361, 370, 371, 383, 393, 421, 431, 433, 439, 446, 447, 448, 451, 473, 481, 482, 484, 485, 497, 498, 518, 523, 524.

Фридлиндер — содержатель учебного заведения в Лондоне — 462.

Фридлиндер — банкир в Лондоне — 478.

Фридрих II Великий (1712 — 1786) — король Пруссии с 1740 до 1786 г. — 186, 336, 517.

Фридрих-Вильгельм IV (1795 — 1861) — король Пруссии с 1840 до 1857 г. — 40, 95, 121, 204.

Фрундсберг, Георг (1473 — 1528) — начальник немецких ландскнехтов — 390.

Фуко (Foucault), Леон (1819 — 1868) — французский физик — 194.

Фульд (Fould), Ахилл (1800 — 1867) — французский банкир — 322, 415, 525.

Фурье, Шарль-Мари (1772 — 1837) — французский утопический социалист — 8, 16, 17, 25, 27.

Х.

Хент (Hunt), Торнтон - Ли (1810 — 1873) — английский журналист — 300, 412.

Хонтсворт (Hontsworth) — английский фабрикант — 470.

Хорнер (Horner), Леонард (1785 — 1864) — английский геолог и социальный реформатор, фабричный инспектор — 469.

Ц.

Церфи (Zerffi), {Густав (Пиали) (род. 1820 г. — ум. после 1863 г.) — венгерский журналист, участник венгерской революции 1848 — 1849 гг. — 410, 411, 415, 458, 474, 475.

Циммерман — демократ, эмигрант — 179, 454.

Цицерон, Марк-Туллий (106 — 43 гг. до нашей эры) — знаменитый римский государственный деятель и писатель — 173.

Цулауф (Zulauff) — коммунист из Бармена — 102.

Ч.

Чапман — банкирская контора — 318.

Чарльз — приказчик Энгельса — 330, 337, 341, 394, 408, 410, 486, 490, 493, 497.

Чарторыйский, Адам - Георг, князь (1770 — 1861) — польский политиче-

ский деятель, глава аристократической партии — 334.

Ш.

Шабелиц (Schabelitz), Яков, младший (ум. в 1899 г.) — радикал, издатель и книгопродавец в Базеле — 131, 233, 254, 262, 451, 453, 455, 456, 461, 466, 468, 470, 473, 485, 518.

Шамбрэ (Chambray), Жорж, маркиз (1783 — 1848) — французский генерал и военный писатель — 389.

Шамиль (род. ок. 1797—1871)—вождь и объединитель горцев Дагестана в борьбе с русскими за независимость—527.

Шангарнье (Changarnier) (1793—1877)—французский генерал и политический деятель — 205, 208, 210, 288, 290, 291, 302.

Шаппер (Schapper), Карл (1813—1870)—член Союза справедливых, участник майского восстания 1839 г. в Париже, февральской революции 1848 г. С 1850 г. эмигрировал в Лондон, член Союза коммунистов — 96, 111, 119, 122, 124, 145, 146, 147, 154, 163, 164, 165, 166, 170, 171, 176, 179, 190, 195, 215, 219, 223, 258, 259, 261, 271, 278, 283, 296, 301, 305, 311, 356, 371, 388, 415, 431, 435, 446, 453.

Шарра (Charras), Жан-Батист-Адольф, (1810 — 1865) — французский государственный и военный деятель, участник революции 1830 г., помогал Ка-веньяку в подавлении июньского восстания 1848 г., после переворота 2 декабря эмигрировал из Франции — 415.

Швецлер, г-жа, фон — вдова президента суда — 434, 435.

Шези (Chaisie) — 411.

Шекспир, Вильям (1564 — 1616) — знаменитый английский поэт — 83.

Шелли, Перси-Биши (1792 — 1822) — английский поэт — 14.

Шельхер (Schölcher), Виктор (1804 — 1893) — французский политический деятель, крайний левый, после переворота 2 декабря эмигрировал в Англию — 264.

Шенк — гласный кельнского городского совета — 192.

Шеню (Chenu), А. — играл сомнительную роль во французском революционном движении 1848 — 1849 гг., агент-provocateur — 373, 475.

Шерваль (Cherwald), [Франк Кремер-Шерваль] — шпион — 367, 372, 374, 375, 376, 426, 427, 431, 438, 445, 451, 475.

Шертнер (Schärtner), Август из Ганау — участник баденского восстания, эмигрировал в Лондон, устроил гостиницу, где собирались политические эмигранты — 119, 224, 253, 290, 305, 362, 383, 384, 385, 392, 398, 445, 478.

Шерцер, Андрей — старый вейтлингианец — 97.

Шили (Schily), Виктор — адвокат из Трира, участник баденского восстания 1849 г. — 111, 356, 383, 385, 392, 394, 408, 412.

Шиммельфениг (Schimmelpfennig), Александр (1824—1865)—прусский офицер, участник баденского восстания, эмигрировал в Лондон, член Союза коммунистов, генерал в американской гражданской войне — 190, 207, 209, 253, 255, 258, 344, 356, 370, 383, 384, 385, 393, 433, 474.

Шимони (Simonyi), Эрнст (1821—1882)—венгерский политический деятель, участник революции 1848 г., эмигрант в Лондоне — 119.

Шиндлер — редактор «Литографированной корреспонденции» — 254.

Шлегер — немецкий эмигрант в Лондоне — 503.

Шлепфер, М. — швейцарский книгоиздатель — 59, 62, 66.

Шмидт — кондуктор — 289.

Шмидт, С. — сторонник Вейтлинга — 29.

Шмидт, Мария-Вильгельмина, урожд. Денгардт (1818 — 1902), жена Штирнера — 374, 399.

Шмольце — баварский лейтенант — 253, 391.

Шнайде (Sznyayde) — участник польского восстания 1830 г. — 397.

Шнаке (Schnake), Фридрих — сторонник Гесса — 101.

Шнауфер (Schnauffer), Карл-Георх — немецкий поэт, революционер, эмигрант — 190, 387.

Шнейдер II, Карл, адвокат из Кельна, демократ, защитник кельнских коммунистов — 292, 411, 421, 423, 424, 428, 431, 432, 433, 435, 436, 439, 440, 443, 445.

Шпильман — банкирская контора — 482, 503, 507, 510, 518, 523.

Шрамм (Schramm), Конрад (1822 — 1858) — член Союза коммунистов, издатель «Нового рейнского обозрения» — 115, 116, 117, 121, 125, 129, 131, 132, 133, 135, 146, 157, 158, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 176, 177, 180, 194, 200, 203, 229, 230, 231, 233, 253, 259, 269, 271, 275, 279, 283, 286, 296, 316, 367, 388, 482.

Шрамм, Рудольф (1813 — 1882) — не-

- мецкий политик и публицист, член прусского Национального собрания, председатель берлинского клуба демократов — 173, 174, 257, 262.
- Штегели (Stehely) — владелец кондитерской в Берлине, где собиравались литераторы и журналисты — 12.
- Штейнталь — торговая фирма в Манчестере — 292, 490, 493.
- Штенцель (Stenzel), Густав-Адольф-Гаральд (1792—1854)—немецкий историк — 390.
- Штехан (Stechan), Готлиб-Людвиг (род. при близ. в 1815 г.) — столяр из Ганновера, член Союза отрезженных, с 1851 г. эмигрант в Лондоне, принадлежал к фракции Маркса и Энгельса — 278, 279, 283, 290, 293, 301, 423, 435, 436.
- Штибель — 181.
- Штибер (Stieber), Вильгельм (1818 — 1882) — чиновник прусской политической полиции — 199, 421, 422, 423, 424, 426, 428, 429, 431, 433, 435, 436, 437, 438, 440, 443, 445, 477, 478, 481, 528.
- Штирнер (Шмидт), Макс (1806 — 1856) — немецкий философ и теоретик индивидуалистического анархизма — 6, 7, 8, 9, 12, 63, 65, 226, 247, 335, 337, 391, 393, 399.
- Штраус — немецкий эмигрант — 385.
- Штрейт, Теодор — редактор «Arbeiterzeitung» — 391, 401, 404.
- Штротдман (Strodtmann), Адольф (1829 — 1879) — политический лирик, демократ, друг и биограф Кинкеля — 253, 370.
- Штрон (Strohn), Вильям, из Гамбурга — 353, 369, 377, 423, 428, 430, 439, 440, 441, 446, 448, 451, 477, 481, 485, 486, 506, 524, 530.
- Штрукнер, И.-В. — коммунист в Эльберфельде — 3, 4, 8.
- Штумпф, Пауль — коммунист в Майнце — 93, 279.
- Шуберт, Юлиус — издатель в Гамбурге — 123, 131.
- Шульце, или Шульц — полицейский чиновник — 435, 449, 461.
- Шульц, Луи, в Кельне — 102, 103, 218, 224, 225, 227.
- Шунк, г-жа — 505.
- Шурц, Карл (1829 — 1906) — друг и освободитель Кинкеля, впоследствии американский государственный деятель — 253, 254, 257, 283, 292, 344, 346, 370, 384, 385, 397, 410, 413, 440.
- Шустер, Лео — торговый дом в Лондоне — 496, 497.
- Шустер, Теодор — купец во Франкфурте н/М., собиравал деньги для участников кельнского процесса, друг Вейдемейера — 175, 270, 271.
- Шюлер (Schüler), Луи, из Кельна (вероятно, Луи Шульц) — 218.
- Шюрман — адвокат в Кельне, защитник кельнских коммунистов — 424.
- Шютц, представитель пфальцского правительства в 1849 г. в Париже — 108, 109, 356.

Э.

- Эбер (Hébert), Жак-Рене (1757—1794) — редактор якобинской газеты «Père Duchesne» — 67.
- Эбердин (Aberdeen), Джордж-Гамильтон-Гордон, граф (1784 — 1860) — английский государственный деятель, премьер-министр — 463, 472.
- Эбнер, Герман — демократический издатель и журналист — 230, 285, 289, 295, 297, 298, 360, 431, 441, 457.
- Эвербек (Ewerbeck), Август-Герман, др (1816 — 1860) — кельнский революционер, писатель, эмигрант в Париже, член Союза коммунистов — 1, 3, 4, 11, 23, 24, 25, 26, 27, 31, 32, 33, 36, 39, 41, 47, 50, 56, 57, 64, 67, 68, 80, 81, 101, 251, 284, 287, 290, 334, 339, 341, 351, 352, 511.
- Эйзен — книгопродавец в Кельне, участник кельнского процесса — 123.
- Эйзерман — столяр, последователь Грюна — 32, 33, 41, 47, 48, 52, 56, 67.
- Эйзерман — мнимый издатель — 419, 423, 452.
- Эккариус (Eccarius), Георг (1818 — 1889) — портной, член Союза коммунистов, секретарь I Интернационала — 120, 131, 148, 368.
- Эккариус — брат предыдущего — 295, 296.
- Эленшлагер (Öhlenschläger), Адам-Готлиб (1779 — 1850) — датский поэт — 60.
- Эльснер, Карл-Фридрих-Мориц (1809 — 1894) — доктор, член прусского Национального собрания, демократ — 179.
- Эмбер (Imbert) — вице-президент демократической ассоциации в Брюсселе в 1847 г., комендант Тюльери при Временном правительстве в 1848 г. — 70, 71, 72, 73, 76.
- Эммануэль — торговая фирма — 377.
- Энгельс — комендант крепости Кельна в 1848 — 1849 гг. — 198.
- Энгенский герцог, Луи-Антуан-Анри Бурбон (1772 — 1804) — расстрелян по приказу Наполеона I — 373.
- Эрмен (Ermen), Готфрид — компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» — 217, 339, 377, 493.

Эрмен, Петр — компаньон фирмы «Эрмен и Энгельс» — 116, 123, 145, 161, 163, 168, 182, 184, 217, 228, 267, 306, 330, 339, 377, 395, 481.

Эрнст - Август (1771 — 1851) — король Ганновера с 1837 г. — 225.

Эсселен (Esselen), Христиан (1823 — 1859) — радикальный писатель дореволюционного периода, участник событий 1848 и 1849 гг., с 1852 г. эмигрировал в Америку — 93, 98.

Эссер — адвокат в Кельне — 436.

Эссер (Esser), Христиан-Иосиф — член Кельнского рабочего союза — 266.

Ю.

Юлиус (Julius), Густав (1810 — 1851) — радикальный писатель, эмигрант — 37, 39, 157, 173, 174, 230, 243, 440.

Юм (Hume), Джозеф (1777 — 1855) — английский радикальный государственный деятель — 340, 463.

Юнг (Jung), Георг (1814 — 1886) — первый член Прусского национального собрания, один из основателей «Рейнской газеты», национал-либеральный депутат рейхстага — 4, 5, 13, 432, 480.

Юнге (Junge), Адольф-Фридрих, из Кельна — коммунист, эмигрант в Париже — 32, 33, 41, 49, 52, 56, 64, 74, 77.

Юта (Juta), Генрих — зять Маркса — 533.

Я.

Язон — один из героев греческой мифологии — 334.

Якоби (Jacobi), Абрагам (род. в 1832 г.) — доктор медицины, участник кельнского процесса — 78, 165, 215, 226, 322, 324, 425, 503, 504, 505, 506, 508, 509, 511, 521.

Яков I (1566 — 1625) — король Англии — 40.

СОДЕРЖАНИЕ.

Предисловие редактора	Стр. VII
---------------------------------	-------------

ПЕРЕПИСКА МАРКСА и ЭНГЕЛЬСА.

(1844 — 1853)

1844 г.

(Маркс — в Париже; Энгельс — в Бармене)

1. Энгельс — Марксу [начало октября]	1
2. Энгельс — Марксу, 16 ноября	4

1845 г.

(Маркс — в Париже; Энгельс — в Бармене).

3. Энгельс — Марксу, [20 января]	9
4. Энгельс — Марксу, 22 февраля — 7 марта	13
5. Энгельс — Марксу, 17 марта	16

1846 г.

(Маркс — в Брюсселе; Энгельс — в Бармене, Париже и Остенде)

6. Энгельс — Марксу, 27 июля	21
7. Энгельс — Марксу, 19 августа	23
8. Энгельс — Брюссельскому коммунистическому комитету сношений (№ 1) 19 августа	26
9. Энгельс — Марксу [середина сентября]	29
10. Энгельс — Брюссельскому коммунистическому комитету сношений (№ 2) 16 сентября	31
11. Энгельс — Марксу, 18 сентября	37
12. Энгельс — Марксу [середина октября]	43
13. Энгельс — Брюссельскому коммунистическому комитету сношений (№ 3), 23 октября	48
14. Энгельс — Марксу [около 23 октября]	52
15. Бернайс — Марксу. С припиской Энгельса, 2 ноября	54
16. Энгельс — Марксу [конец декабря]	56

1847 г.

(Маркс — в Брюсселе; Энгельс — в Париже)

17. Энгельс — Марксу, 15 января	61
18. Энгельс — Марксу, 9 марта	64

19. Маркс — Энгельсу. С припиской Л. Филиппа, 15 мая	68
20. Энгельс — Марксу, 28 — 30 сентября	70
21. Энгельс — Марксу, 26 октября	78
22. Энгельс — Марксу, 14 — 15 ноября	84
23. Энгельс — Марксу [23 — 24 ноября]	87
24. Энгельс — Марксу [26 ноября]	89
1848 г.	
(Маркс — в Брюсселе, Париже, Кельне; Энгельс — в Париже, Брюсселе, Бармене, Берне)	
25. Энгельс — Марксу, 14 января	91
26. Энгельс — Марксу, 9 марта	94
27. Маркс — Энгельсу [12 марта]	96
28. Маркс — Энгельсу, 16 марта	97
29. Энгельс — Марксу [18 марта]	98
30. Маркс — Энгельсу [середина апреля]	100
31. Энгельс — Марксу, 25 апреля	100
32. Энгельс — Марксу, 9 мая	102
33. Маркс — Энгельсу. С припиской Л. Шульца [26 октября]	102
34. Маркс — Энгельсу [середина ноября]	103
35. Маркс — Энгельсу, 29 ноября	104
36. Энгельс — Марксу, 28 декабря	105
1849 г.	
(Маркс — в Кельне, Париже, Гамбурге; Энгельс — в Кельне, Кайзерслаутерне, Веве, Лозанне)	
37. Энгельс — Марксу, 8 января	106
38. Маркс — Энгельсу [Март]	107
39. Маркс — Энгельсу, 23 апреля	107
40. Маркс — Энгельсу, 7 июня	108
41. Энгельс — г-же Маркс, 25 июля	110
42. Маркс — Энгельсу [первая половина августа]	111
43. Маркс — Энгельсу, 17 августа	112
44. Маркс — Энгельсу, 23 августа	114
1850 г.	
(Маркс — в Лондоне; Энгельс — в Манчестере)	
45. Маркс — Энгельсу, 19 ноября	115
46. Маркс — Энгельсу, 23 ноября	115
47. Энгельс — Марксу, 25 ноября	116
48. Маркс — Энгельсу. С припиской г-жи Маркс, 2 декабря	117
49. Энгельс — Марксу [17 декабря]	121
50. Г-жа Маркс — Энгельсу, 19 декабря	123
1851 г.	
(Маркс — в Лондоне; Энгельс — в Манчестере)	
51. Маркс — Энгельсу, 6 января	125
52. Маркс — Энгельсу, 7 января	125

53. Г-жа Маркс — Энгельсу [начало января]	128
54. Энгельс — Марксу, 8 января	129
55. Маркс — Энгельсу, 22 января	130
56. Энгельс — Марксу [25 января]	131
57. Маркс — Энгельсу. С припиской В. Пипера, 27 января	133
58. Энгельс — Марксу, 29 января	134
59. Маркс — Энгельсу, 3 февраля	136
60. Энгельс — Марксу, 5 февраля	142
61. Маркс — Энгельсу, 10 февраля	145
62. Маркс — Энгельсу, 11 февраля	147
63. Энгельс — Марксу [12 февраля]	148
64. Энгельс — Марксу, 13 февраля	150
65. Маркс — Энгельсу, 23 февраля	153
66. Маркс — Энгельсу, 24 февраля	158
67. Энгельс — Марксу, 25 февраля	159
68. Энгельс — Марксу, 26 февраля	161
69. Маркс — Энгельсу. С письмом В. Пипера, 26 февраля	163
70. Энгельс — Марксу [26 февраля]	167
71. Энгельс — Марксу, 27 февраля	167
72. Энгельс — Марксу [28 февраля]	168
73. Маркс — Энгельсу, 1 марта	169
74. Маркс — Энгельсу, 8 марта	171
75. Энгельс — Марксу, 10 марта	172
76. Энгельс — Марксу, 17 марта	172
77. Маркс — Энгельсу, 17 марта	173
78. Энгельс — Марксу, 19 марта	175
79. Пипер — Энгельсу. С припиской Маркса, 22 марта	177
80. Маркс — Энгельсу, 31 марта	180
81. Маркс — Энгельсу, 2 апреля	182
82. Энгельс — Марксу, 3 апреля	183
83. Энгельс — Марксу, 11 апреля	188
84. Маркс — Энгельсу, 15 апреля	189
85. Энгельс — Марксу, 1 мая	190
86. Маркс — Энгельсу, 3 мая	193
87. Маркс — Энгельсу, 5 мая	195
88. Энгельс — Марксу [6 мая]	197
89. Энгельс — Марксу, 8 мая	199
90. Энгельс — Марксу, 9 мая	200
91. Маркс — Энгельсу, 16 мая	203
92. Энгельс — Марксу, 19 мая	205
93. Маркс — Энгельсу, 21 мая	207
94. Энгельс — Марксу, 23 мая	209
95. Маркс — Энгельсу, 28 мая	212
96. Энгельс — Марксу [3 июня]	214
97. Маркс — Энгельсу, 16 июня	215
98. Энгельс — Марксу, 27 июня	215
99. Энгельс — Марксу [около 6 июля]	216
100. Маркс — Энгельсу, 13 июля	218
101. Энгельс — Марксу, 17 июля	222

102. Маркс — Энгельсу [около 16 июля]	224
103. Энгельс — Марксу [около 20 июля]	225
104. Энгельс — Марксу, 30 июля	227
105. Маркс — Энгельсу, 31 июля	228
106. Энгельс — Марксу [около 2 августа]	231
107. Маркс — Энгельсу, 8 августа	233
108. Энгельс — Марксу [около 10 августа]	241
109. Энгельс — Марксу [около 11 августа]	244
110. Маркс — Энгельсу, 14 августа	247
111. Энгельс — Марксу, 21 августа	250
112. Маркс — Энгельсу, 25 августа	252
113. Маркс — Энгельсу [около 27 августа]	260
114. Энгельс — Марксу [около 27 августа]	260
115. Маркс — Энгельсу, 31 августа	261
116. Энгельс — Марксу, 1 сентября	265
117. Энгельс — Марксу, 8 сентября	267
118. Энгельс — Марксу, 11 сентября	268
119. Маркс — Энгельсу, 13 сентября	268
120. Энгельс — Марксу, 19 сентября	270
121. Энгельс — Марксу, 23 сентября	271
122. Маркс — Энгельсу, 23 сентября	274
123. Энгельс — Марксу, 25 сентября	279
124. Энгельс — Марксу [26 сентября]	280
125. Маркс — Энгельсу, 13 октября	282
126. Энгельс — Марксу, 15 октября	286
127. Маркс — Энгельсу, 19 октября	289
128. Маркс — Энгельсу, 25 октября	291
129. Маркс — Энгельсу, 26 октября	292
130. Энгельс — Марксу [около 27 октября]	293
131. Маркс — Энгельсу, 24 ноября	295
132. Энгельс — Марксу, 27 ноября	297
133. Маркс — Энгельсу, 1 декабря	299
134. Энгельс — Марксу, 3 декабря	301
135. Маркс — Энгельсу, 9 декабря	305
136. Энгельс — Марксу, 10 декабря	306
137. Энгельс — Марксу, 11 декабря	308
138. Энгельс — Марксу, 16 декабря	311
139. Энгельс — г-же Маркс [18 декабря]	313

1852 г.

(Маркс — в Лондоне; Энгельс — в Манчестере)

140. Энгельс — Марксу, 6 января	314
141. Г-жа Маркс — Энгельсу [около 8 января]	315
142. Энгельс — г-же Маркс, 14 января	317
143. Маркс — Энгельсу, 20 января	318
144. Энгельс — Марксу, 22 января	319
145. Маркс — Энгельсу, 24 января	322
146. Энгельс — Марксу, 28 января	323

147. Энгельс — Марксу, 29 января	325
148. Энгельс — Марксу, 2 февраля	326
149. Маркс — Энгельсу, 4 февраля	326
150. Маркс — Энгельсу, 6 февраля	330
151. Энгельс — Марксу, 17 февраля	330
152. Маркс — Энгельсу, 18 февраля	331
153. Энгельс — Марксу, 19 февраля	332
154. Маркс — Энгельсу, 23 февраля	332
155. Маркс — Энгельсу, 27 февраля	335
156. Энгельс — Марксу, 2 марта	337
157. Маркс — Энгельсу, 3 марта	340
158. Энгельс — Марксу, 18 марта	341
159. Маркс — Энгельсу, 30 марта	344
160. Энгельс — Марксу, 1 апреля	346
161. Маркс — Энгельсу, 5 апреля	347
162. Маркс — Энгельсу, 14 апреля	348
163. Энгельс — Марксу, 20 апреля	348
164. Маркс — Энгельсу, 24 апреля	350
165. Энгельс — Марксу, 25 апреля	352
166. Энгельс — Марксу, 27 апреля	353
167. Энгельс — Марксу, 29 апреля	354
168. Маркс — Энгельсу, 30 апреля	355
169. Энгельс — Марксу, 1 мая	358
170. Энгельс — Марксу, 4 мая	359
171. Маркс — Энгельсу, 6 мая	360
172. Энгельс — Марксу, 7 мая	362
173. Маркс — Энгельсу, 13 мая	364
174. Энгельс — Марксу, 19 мая	364
175. Энгельс — Марксу, 21 мая	365
176. Энгельс — Марксу, 22 мая	365
177. Маркс — Энгельсу, 22 мая	366
178. Энгельс — Марксу, 24 мая	367
179. Маркс — жене, 18 июня	368
180. Энгельс — Марксу, 30 июня	369
181. Маркс — Энгельсу, 3 июля	369
182. Энгельс — Марксу, 6 июля	372
183. Маркс — Энгельсу, 13 июля	374
184. Энгельс — Марксу, 15 июля	376
185. Маркс — Энгельсу, 2 августа	377
186. Маркс — Энгельсу, 5 августа	378
187. Энгельс — Марксу, 6 августа	379
188. Маркс — Энгельсу, 6 августа	380
189. Энгельс — Марксу [9 августа]	384
190. Маркс — Энгельсу, 10 августа	384
191. Энгельс — Марксу, 16 августа	388
192. Маркс — Энгельсу, 19 августа	389
193. Маркс — Энгельсу, 20 августа	392
194. Энгельс — Марксу [21 августа]	394
195. Энгельс — Марксу, 22 августа	396

196. Маркс — Энгельсу, 24 августа	396
197. Маркс — Энгельсу, 30 августа	397
198. Маркс — Энгельсу, 2 сентября	401
199. Энгельс — Марксу, 7 сентября	402
200. Маркс — Энгельсу, 8 сентября	404
201. Маркс — Энгельсу, 9 сентября	405
202. Энгельс — Марксу, 14 сентября	406
203. Маркс — Энгельсу, 18 сентября	407
204. Энгельс — Марксу, 20 сентября	408
205. Энгельс — Марксу, 22 сентября	409
206. Маркс — Энгельсу, 23 сентября	410
207. Энгельс — Марксу, 24 сентября	412
208. Маркс — Энгельсу, 28 сентября	414
209. Энгельс — Марксу [около 1 октября]	416
210. Энгельс — Марксу, 4 октября	416
211. Энгельс — Марксу, 10 октября	419
212. Маркс — Энгельсу, 12 октября	420
213. Энгельс — Марксу [14 октября]	420
214. Энгельс — Марксу [16 октября]	421
215. Энгельс — Марксу, 18 октября	424
216. Маркс — Энгельсу, 20 октября	425
217. Энгельс — Марксу [около 22 октября]	425
218. Маркс — Энгельсу, 25 октября	426
219. Энгельс — Марксу, 27 октября	428
220. Маркс — Энгельсу, 27 октября	430
221. Маркс — Энгельсу, 28 октября	430
222. Энгельс — Марксу, 28 октября	436
223. Энгельс — Марксу, 28 октября	437
224. Маркс — Энгельсу, 2 ноября	438
225. Маркс — Энгельсу, 4 ноября	440
226. Энгельс — Марксу [5 — 6 ноября]	440
227. Маркс — Энгельсу, 10 ноября	443
228. Энгельс — Марксу [около 12 ноября]	447
229. Маркс — Энгельсу, 16 ноября	447
230. Маркс — Энгельсу, 19 ноября	448
231. Энгельс — Марксу, 27 ноября	448
232. Энгельс — Марксу, 29 ноября	450
233. Маркс — Энгельсу, 3 декабря	451
234. Маркс — Энгельсу, 14 декабря	453

1853 г.

(Маркс — в Лондоне; Энгельс — в Манчестере)

235. Энгельс — Марксу, 11 января	454
236. Маркс — Энгельсу, 21 января	455
237. Маркс — Энгельсу, 29 января	455
238. Энгельс — Марксу, 11 февраля	458
239. Маркс — Энгельсу, 23 февраля	460

240. Энгельс — Марксу [около 4 марта]	462
241. Маркс — Энгельсу, 10 марта	466
242. Энгельс — Марксу [11 марта]	469
243. Энгельс — Марксу [12 марта]	469
244. Маркс — Энгельсу, 22 марта	471
245. Энгельс — Марксу, 10 апреля	475
246. Маркс — Энгельсу, 23 апреля	477
247. Маркс — Энгельсу, 26 апреля	477
248. Энгельс — Марксу, 26 апреля	479
249. Г-жа Маркс — Энгельсу [27 апреля]	480
250. Маркс — Энгельсу, 27 апреля	481
251. Энгельс — Марксу [27 апреля]	481
252. Маркс — Энгельсу, 28 апреля	482
253. Энгельс — Марксу [около 18 мая]	482
254. Энгельс — Марксу, 20 мая	484
255. Маркс — Энгельсу, 21 мая	485
256. Энгельс — Марксу, 31 мая	486
257. Энгельс — Марксу [1 июня]	486
258. Маркс — Энгельсу, 2 июня	487
259. Энгельс — Марксу, 6 июня	491
260. Энгельс — Марксу, 9 июня	496
261. Маркс — Энгельсу, 14 июня	497
262. Маркс — Энгельсу, 29 июня	502
263. Маркс — Энгельсу, 8 июля	503
264. Энгельс — Марксу, 9 июля	504
265. Маркс — Энгельсу, 18 июля	505
266. Маркс — Энгельсу, 18 августа	506
267. Энгельс — Марксу, 24 августа	508
268. Маркс — Энгельсу, 28 августа	508
269. Маркс — Энгельсу, 2 сентября	510
270. Маркс — Энгельсу, 7 сентября	515
271. Г-жа Маркс — Энгельсу [9 сентября]	517
272. Маркс — Энгельсу, 17 сентября	518
273. Энгельс — Марксу, 19 сентября	519
274. Энгельс — Марксу, 29 сентября	520
275. Маркс — Энгельсу, 30 сентября	521
276. Маркс — Энгельсу, 8 октября	523
277. Маркс — Энгельсу, 12 октября	524
278. Маркс — Энгельсу, 28 октября	526
279. Маркс — Энгельсу, 2 ноября	527
280. Маркс — Энгельсу, 6 ноября	528
281. Маркс — Энгельсу, 21 ноября	529
282. Маркс — Энгельсу, 23 ноября	529
283. Г-жа Маркс — Энгельсу [24 ноября]	530
284. Маркс — Энгельсу, 2 декабря	530
285. Маркс — Энгельсу [около 12 декабря]	531
286. Маркс — Энгельсу, 14 декабря	532
<i>Указатель имен</i>	585

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

- I. Дом в Брюсселе (5 — 7, rue d'Alliance), в котором жили Маркс и Энгельс с 1 мая 1845 г. до 7 мая 1846 г. 16 — 17
- II. Факсимиле части письма Энгельса Марксу от 24 ноября 1847 г. (О «Коммунистическом манифесте») 88 — 89
- III. Факсимиле части письма Маркса Энгельсу от 2 апреля 1851 г. (О своих научных занятиях) 184 — 185
- IV. Дом в Лондоне (28, Deanstreet, Soho), в котором жил Маркс с семьей с 1850 до 1857 г. 336 — 337

АРХИВ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Под редакцией Д. Рязанова

Круг задач „Архива“ определяется задачами самого Института Маркса и Энгельса. Это изучение генезиса, развития и распространения идей научного социализма, иными словами — истории марксизма, его теории и практики. В исполнение этих задач „Архив“ печатает исследования и документы по истории международного рабочего движения, генетике и истории марксизма, диалектического материализма, публикует рукописи Маркса и Энгельса, также материалы к их биографии, обзоры современной литературы о Марксе и Энгельсе и о марксизме.

КНИГА I. М. 1924. Стр. 497.

Ц. 4 р.

Содержание: От редакции. — Отдел I. Статьи и исследования: А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк I. Диалектика у Канта. — Э. Цобель. К истории Союза Коммунистов. Кельнская Община Союза домартовской революции. — Д. Рязанов. Международное товарищество рабочих. Возникновение Первого Интернационала. — Отдел II. Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса. К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе: Предисловие редактора. Тезисы о Фейербахе. Проект предисловия к „Немецкой идеологии“. Фейербах. (Идеалистическая и материалистическая точки зрения). — Д. Рязанов. Введение Энгельса к „Классовой борьбе во Франции“. — Отдел III. Из переписки Маркса и Энгельса. В. Засулич и К. Маркс. — Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну. Отдел IV. Критика и рецензии. А. Удалыцов. К теории классов у Маркса и Энгельса. — А. Неусыхин. Новый опыт построения систематической истории хозяйства. — Ф. Ротштейн. Новая литература о чартизме. — Ник. Карев. Маркс и Гегель. — И. Луппол и Гр. Баммель. Кант и Маркс. — Г. Тьянск и И. Исторический материализм. — И. Рубин. Политическая экономия. — Э. Цобель. История.

КНИГА II. С портретом Ф. Энгельса на отдельном листе. М. — Л. 1925.

Стр. XXXII + 504.

Ц. 6 р.

Содержание: Фр. Энгельс. Диалектика природы (немецкий и русский тексты); с предисловием Д. Рязанова. Приложение. Вариант введения к „Анти-Дюрингу“. Zitatenanhang. Список цитированных произведений. Указатель имен. — Приложение: Иностранная литература о Марксе, Энгельсе и марксизме (1914—1925). Библиографический опыт. Сост. Э. Цобель и П. Гайду.

КНИГА III. М. — Л. 1927. Стр. 521.

Ц. 5 р.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. А. Деборин. Очерки по истории диалектики. Очерк II. Диалектика у Фихте. — Е. Тарле. Лионское рабочее восстание. — Отдел II. Из литературного наследия Маркса и Энгельса. Д. Рязанов. От „Рейнской газеты“ до „Святого семейства“ (вступительная статья). — К. Маркс. Критика философии права Гегеля. — К. Маркс. Подготовительные работы для „Святого семейства“. — Гимназические работы К. Маркса (с предисловием К. Грюнберга). — Отдел III. Материалы и сообщения. К. Грюнберг. Бруно Гильдебранд о коммунистическом просветительном рабочем союзе в Лондоне. — Р. Постгейт. Документы первого Интернационала. — Е. Косминский. Книга протоколов генерального совета первого Интернационала (1866—1869). Дополнение к сообщению Р. Постгейта. — Ф. Шиллер. Георг Вебер, сотрудник парижского „Vorwärts“. Письма М. А. Бакунина к Альберу Ришару. С предисловием и примечаниями Ю. Стеклова. — Отдел IV. Критика и рецензии. И. Луппол. Интерпретация марксизма в Америке. — А. Гуральский. Проблема революции в новейшей социологии. — Е. Косминский. Английский рабочий в эпоху промышленного переворота. — Г. Лукач. Новая биография М. Гесса. — В. Волгин. Исторический памфлет против коммунизма. Рецензии. Г. Баммель. Демокрит и Платон. — А. Тальгеймер. К вопросу о социологическом методе. — И. Рубин. Из новой литературы о марксовой теории денег. — С. Лурье. Социализм в древности. — Г. Зайдель. Один из предшественников Маркса. — Ц. Фридлянд. Новое исследование о Парижской Коммуне.

ПЕЧАТАЕТСЯ

КНИГА IV.

Содержание: Отдел I. Статьи и исследования. В. Максимовский. Вико и его теория общественных переворотов. — И. Рубин. К истории текста первой главы „Капитала“ К. Маркса. — В. Волгин. Социологические взгляды Фурье. — М. Домманже. Социальная критика в сочинениях Виктора Консидерана. — Отдел II. Из неопубликованных рукописей Маркса и Энгельса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Из „немецкой идеологии“. — Ф. Энгельс. Конспект первого тома „Капитала“ К. Маркса. — К. Маркс. Выписки из Макнавелли. Со вступительной статьей В. Максимова. — Отдел III. Материалы и сообщения. Б. Николаевский. Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса. — Р. Постгейт. Последний революционный заговор чартистов. — Е. Косминский. Энгельс и Бюре. — Отдел IV. Критика и рецензии. И. Рубин. Новый Анти-Маркс. — Рецензии. Исторический материализм. Политическая экономия. История социализма и рабочего движения. — Письмо М. Неттлау в редакцию „Архива К. Маркса и Ф. Энгельса“.

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

(Записки Института К. Маркса и Ф. Энгельса)

КНИГА ПЕРВАЯ. От редакции. — Статьи и исследования. Д. Рязанов. Военное дело и марксизм. — А. Деборин. Новый поход против марксизма. — Г. Штейн. Карл Маркс и мозельские крестьяне. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. К. Маркс о Капитале. — К. Маркс. Борьба якобинцев с жирондистами. — Из переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс к Франкелю и Варлену. — Ф. Энгельс к Лампло. — Два письма Энгельса к болгарам. — Из истории марксизма в России. Г. Плеханов. Речь на конгрессе в Париже в 1889 г. Письма к Гелу. — Его же. Анкета. — Б. Николаевский. Ленин в Берлине в 1895 г. — Е. Гуревич. Из воспоминаний. Мой перевод „Капитала“. — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Fichteana в кабинете философии. — Труды английских экономистов XVII века (1582—1708). — Собрание рукописей, относящихся к Парижской Коммуне 1871 г. Стр. 159. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ВТОРАЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Наши разногласия. — Г. Бакалов. Русские друзья Христо Ботева. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. „Бакунин: Государственность и анархия“. — Письма и документы. И. Лафарг. Письма к Николаю Коцу. — М. Бакунин. Письма к А. Руге. — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Труды английских экономистов XVII века (1582—1708). — Сочинения А. Клоотса в Кабинете истории Франции. — Сочинения Р. Оуэна в Кабинете истории социализма. Стр. 180. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Статьи и исследования. А. Деборин. Спинозизм и марксизм. — Д. Рязанов. Маркс и Энгельс о браке и семье. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Письма об Индии. — И. Гумбель. О математических рукописях К. Маркса. — Письма и документы. Б. Николаевский. К истории петербургской социал-демократической группы стариков. — А. Воден. На заре „легалного марксизма“. — М. Бакунин. Письма к графине Е. В. Салиас. — Критика и рецензии. — Сообщения кабинетов Института. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. К 60-летию первого тома „Капитала“. Ф. Энгельс. Четыре рецензии на „Капитал“ Маркса. — Г. В. Плеханов. Философские и социальные воззрения К. Маркса. — Его же. О так называемом кризисе и школе Маркса. — Статьи и исследования. М. Дынник. От примирения с действительностью к апологии разрушения. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф. Энгельс. Англия. — Из черновой тетради К. Маркса. — Материалы и сообщения. Из архивных материалов о Марксе. — Доклад гр. Лорис-Меликова Александру III о Плеханове. — Неизданное стихотворение И. С. Тургенева. — Письма М. А. Бакунина к полским корреспондентам. — А. Воден. На заре „легалного марксизма“. — Критика и рецензии. — Письмо в редакцию. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Постановление ЦИК СССР. — Из доклада Наркома по Просвещению. — Сообщение Д. В. Рязанова об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Иностранная печать об Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. Стр. 160. Ц. 1 р. 50 к.

КНИГА ПЯТАЯ. Статьи и доклады. Д. Рязанов. Деятельность Института К. Маркса и Ф. Энгельса и его ближайшей задачи. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову. — К 10-летию со дня смерти Г. В. Плеханова. Г. В. Плеханов. — Два слова читателям-работчим. — Г. Бакалов. Г. В. Плеханов в Болгарии. — М. М. Ковалевский о книге Бельтова. — Материалы и сообщения. Письма М. А. Бакунина к Коссилюскому. — Х. Раппопорт. Воспоминания о Фридрихе Энгельсе. — Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Шмюкль. Первый том международного издания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — Выставка по истории Великой французской революции. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА ШЕСТАЯ. Новые данные к вопросу Маркс — Лассаль. Переписка Лассаля с Бисмарком. — Статьи и исследования. Ю. Стеклов. Западные влияния в мировоззрении Н. Г. Чернышевского. — Д. Рязанов. Новые данные о русских приятелях Маркса и Энгельса. — Из неопубликованных рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. К. Маркс. Pamphlets Бруно Бауэра о русском конфликте. — Из переписки К. Маркса с М. Ковалевским. — Материалы и сообщения. Письмо Н. И. Сазонова к Г. Герверу. — П. Аксельрод. Группа „Освобождения труда“ (Неопубликованные главы из второго тома „Воспоминаний“). — Критика и рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Выставка Маркса и Энгельса. — Читальный зал 1923—1927 гг. Стр. 175. Ц. 1 р. 25 к.

КНИГА СЕДЬМАЯ—ВОСЬМАЯ. К столетней годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского. А. Деборин. Философские взгляды Н. Г. Чернышевского. — И. Рубин. Чернышевский как коммунист. — Ц. Фридлянд. Н. Чернышевский как историк. — Д. Рязанов. Маркс и Чернышевский. — Из литературного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Письма Г. Лопатина к Ф. Энгельсу. — Письмо Ф. Энгельса к неизвестному о русских делах. — Материалы и сообщения. И. Книжник-Ветров. Героиня Парижской Коммуны 1871 г. Е. Л. Тумановская („Елизавета Дмитриева“). — Два письма Н. Г. Чернышевского к сыновьям. — Из переписки М. А. Бакунина: I. Письма к В. Ф. Лучинину. II. Письма к И. Демонтовичу. — Письмо Жорж-Занда к М. А. Бакунину. — Критика, обзоры и рецензии. Д. Рязанов. Ответ на „открытое письмо“ В. Полонского. — Е. Каганович. Обзор статей по теоретической политической экономии в „Вестнике Комкадемии“ за 1922—1927 гг. — Рецензии. — Из деятельности Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Коллекция рукописей из архива Ф. Домель Ньюенгейуса (сообщ. Ф. Шиллера). — „Парижская Коммуна 1871 г.“, выставка (сообщ. М. Голосовиер). (Печатается, выйдет в свет на-днях).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 4 книги в год — 4 руб.

Подписку направлять: Москва, Центр, Ильинка, 3, Госиздат, в отделения и магазины

МАРКО
И
ФОНГЕЛЬС

СОМЪ СЪВЪРА

XXI

МАРКО
И
ФОНГЕЛЬС
СОМЪ СЪВЪРА